

Древности русского права

Содержание

Том 1. Территория и население.....	3
О книге В.И. Сергеевича "Древности русского права".....	3
* * *	5
Книга первая. Государственная территория.....	6
Книга вторая. Население.....	49
Глава первая. Несвободные.....	49
I. Полные холопы.....	51
II. Кабальные холопы.....	74
III. Заключение.....	81
IV. Рабство у других народов.....	82
Глава вторая. Свободное население.....	91
I. Смерды.....	93
II. Закупы.....	99
III. Крестьяне.....	106
IV. Изгои.....	138
V. Численные люди, ордынцы и делюи.....	140
VI. Закладни.....	142
VII. Купцы, гости, посадские люди.....	155
VIII. Огнищане, бояре, дети боярские.....	166
Глава третья. Дворовые чины.....	195
I. Бояре введенные.....	199
II. Окольничие.....	211
III. Дворецкие.....	215
IV. Конюшие.....	220
V. Крайчие.....	223
VI. Казначей.....	225
VII. Дворяне думные.....	228
VIII. Оружничие.....	244
IX. Постельничие.....	245
X. Стряпчие с ключом.....	246
XI. Ловчие и сокольничие.....	249
XII. Печатник.....	251
XIII. Стольники.....	252
Глава четвертая. Дьяки.....	256
Книга третья. Войско.....	270
Глава первая. Древнейшее время.....	270
Глава вторая. Служба в Москве.....	276

Том 1. Территория и население

О книге В.И. Сергеевича "Древности русского права"

Трехтомное произведение "Древности русского права" занимает в научном творчестве В.И. Сергеевича*(1) особое место. Оно вобрало в себя главные результаты исследовательской работы ученого в области истории русского права, проводившейся им на протяжении более сорока лет. Это произведение вполне можно назвать поэтой книгой жизни ее автора.

Подготовку обобщающего труда по истории русского права, получившего впоследствии наименование "Древностей русского права", В.И. Сергеевич начал после того, как опубликовал в 1883 году учебный курс "Лекции и исследования по истории русского права". В 1886 году в журнале "Новь" была напечатана его статья "Как и из чего образовалась территория Московского государства?"*(2). В следующем году Василий Иванович опубликовал в журнале "Наблюдатель" статью "Вольные и невольные слуги московских государей". Это были фрагменты будущей книги, которой автор дал сначала название "Русские юридические древности".

Первый ее том, посвященный государственной территории и юридическому положению различных категорий населения Древней Руси и Московского государства, вышел в свет в 1890 году*(3). Вторым том данной книги был посвящен организации власти в Древней Руси и в Московском государстве. Он был издан двумя выпусками - в 1893 и в 1896 годах*(4). В предисловии к первому выпуску второго тома "Русских юридических древностей", озаглавленному как "Вече и князь", Сергеевич пояснил, что хотя этот выпуск носит такое же заглавие, какое имело его магистерское исследование, напечатанное в 1867 году*(5), он не нашел возможным назвать его вторым изданием. Из десяти глав, на которые делилась магистерская диссертация Сергеевича, в новое его произведение вошли только четыре главы первой книги (I, III, IV, VII) и небольшая часть VI-й. "Таким образом, - заключил он, - ныне издаваемый труд представляет лишь небольшую часть прежнего, и эта небольшая часть вся написана вновь, а некоторые ее отделы и по новому плану, и на новые темы"*(6).

В 1900 году В.И. Сергеевич переиздаст второй том "Русских юридических древностей"*(7). В 1902 году выйдет вторым изданием и первый том этого произведения*(8).

С 1900 по 1902 год в "Журнале Министерства народного просвещения" печаталась серия статей В.И. Сергеевича под общим названием "Древности русского землевладения"*(9). В этих статьях анализировались отношения в русском обществе XIV-XVII веков, связанные с землевладением. В качестве основного материала для данного исследования ученый использовал писцовые книги Московского государства. Подчеркивая их значение как исторического источника, Сергеевич писал: "Они проливают яркий свет на исконную древность частной поземельной собственности, сельской и городской, на возникновение зависимого владения, как явления вторичного, на хозяйственное пользование землей, на доходы владельцев, их повинности и порядок обложения их недвижимостей государственными сборами... Писцовые книги дают ясное представление о том, что такое деревня, село, погост, из кого состояло население деревень, в чем заключались промыслы деревенских жителей, каковы были размеры их земельных участков, сколько высевали они хлеба и какого именно, сколько косили сена и, наконец, насколько сильно было перемещение сельского населения с места на место"*(10).

Собранные воедино тексты статей Сергеевича о древностях русского

землевладения были вместе с дополнительной главой, посвященной литературе по данной теме, опубликованы в 1903 году в виде отдельной книги. Сергеевич дал ей название "Древности русского права" и обозначил как "том третий". Данный том он рассматривал в качестве продолжения двухтомного произведения "Русские юридические древности".

В 1908 году Сергеевич выпустил в свет третье издание второго тома книги, которая называлась поначалу "Русскими юридическими древностями". На этот раз он обозначил его как второй том книги "Древности русского права". В 1909 году появилось третье издание первого тома данной книги. Второе издание третьего тома "Древностей русского права" было напечатано в 1911 году. Оно ничем не отличалось от первого издания.

1 января 1910 года Министерство народного просвещения объявило о присуждении заслуженному профессору В.И. Сергеевичу премии графа М. Сперанского за третье издание первого и второго томов его произведения "Древности русского права". Этой премией, присуждавшейся Министерством каждые три года, отмечалось наиболее выдающееся сочинение по русскому праву. Решение вопроса о присуждении премии предоставлялось Министерством народного просвещения юридическим факультетам Императорских Российских университетов по особой очереди, установленной между ними. Присуждение премии графа Сперанского, объявленное 1 января 1910 года, было возложено на юридический факультет Императорского Юрьевского университета. Данный факультет признал наиболее выдающимся сочинением выставленные на премию его преподавателями два тома "Древностей русского права" В.И. Сергеевича. Отзыв о них, необходимый для присуждения премии, юридический факультет Юрьевского университета поручил составить профессору Ф.В. Тарановскому*(11).

Проанализировав содержание произведения В.И. Сергеевича, профессор Тарановский дал ему самую высокую оценку. "В рассмотренном произведении, - написал он в своем отзыве, - мы имеем дело с мастерской и оригинальной разработкой важнейших сторон государственного строя древней Руси до конца XVII века. Первоначальное исследование некоторых из этих сторон и притом столь существенных, как вечевого уклад и порядки междукняжеских отношений, составляет давно уже признанную заслугу В.И. Сергеевича. Учение о государственной территории Древней Руси впервые получает в Древностях строго юридическую постановку, благодаря которой автору удалось пролить новый свет на рост московского единодержавия"*(12).

Особую заслугу автора "Древностей русского права" Ф.В. Тарановский видел в том, что "выводы его неизменно облекаются в законченные юридические конструкции", а исторические построения "неизменно находят себе выражение в юридической форме"*(13). Отметив, что "особенность Древностей составляет антикварная точка зрения их автора", Тарановский признал, что эта точка зрения, конечно, не исчерпывает всей сущности исторического процесса, но она уместна и полезна в видах лучшего выяснения медленности исторического развития и долгого выживания старых юридических принципов в изменившихся условиях общественной среды"*(14). В заключение отзыва Тарановский констатировал, что произведение В.И. Сергеевича "Древности русского права", "доходя в исследовании отдельных вопросов до монографической обстоятельности, преследует в то же время цели преподавания, являясь, конечно, не учебником или руководством, а частью систематического курса науки. С этой стороны, представляют особенную ценность подлинные места памятников, умело подобранные и обильно приводимые автором. Как учебная книга высшего, так сказать, порядка, Древности не имеют ничего равного себе в нашей литературе"*(15).

Назвав свою книгу не "историей", а "древностями" русского права,

В.И. Сергеевич, возможно, последовал примеру немецкого филолога Якова Гримма, который в 1828 году выпустил в свет двухтомное произведение под заглавием "Немецкие правовые древности (Deutsche Rechtsalterthümer)". Но следует признать, что само содержание книги русского правоведа в большей мере соответствовало именно тому ее названию, которое и было дано. В частности, в книге не выделяются исторические периоды: территория, население, институты власти и землевладение Русского государства рассматриваются здесь не в развитии, а в статическом состоянии. Правда, Сергеевич старался отделить в исследуемых им явлениях "старину древнюю" от "старины московской", но делал это догматически, а не исторически.

Сам ученый задачу своего труда формулировал следующим образом: "Только чтение подлинных памятников может дать живое понимание древности, - писал он 30 января 1890 года в предисловии к первому изданию "Русских юридических древностей". - В издаваемом ныне труде я представляю благосклонному вниманию желающих ознакомиться с русскими юридическими древностями ряд характерных мест из памятников. В нашей истории замечается медленная и постепенная смена явлений. В юридическом быте Московского государства можно найти следы глубокой старины, но в целом московские порядки отрицают старину. Задача настоящего труда - выяснить первоначальное положение дела и проследить его до конца XVII-го века. На новых явлениях московской жизни я останавливаюсь настолько они имеют прямое отношение к старине, отрицая ее или дополняя"**(16)**. С точки зрения такого методологического подхода название книги Сергеевича "Древностями", а не "Историей" русского права очевидно является более правильным**(17)**.

Догматический подход пронизывает все рассматриваемое исследование, но в этом не слабость, а, напротив, главное достоинство "Древностей русского права". Историк М.А. Дьяконов, характеризуя В.И. Сергеевича как ученого, писал о том, что "в этом историческом догматизме вся сила таланта Сергеевича и все его величие как историка права"**(18)** и что "равного с ним по силе в искусстве формулировать догматические конструкции исторических институтов" он указать не может. Сергеевич "один умеет подметить самые характерные черты института и так их выдвинуть и связать, отбрасывая все второстепенное, что получались удивительно отчетливые схемы. В этом ему значительно помогал его резец - замечательно простой, точный и яркий язык. Все его определения, характеристики, даже мелкие замечания останутся навсегда классическими образцами для историков права"**(19)**.

* * *

В настоящем издании текст книги В.И. Сергеевича воспроизводится по последним изданиям ее томов, осуществленных в 1908, 1909 и 1911 годах. От предыдущих изданий они отличаются целым рядом исправлений и дополнений. Особенно это относится к первым двум томам. Некоторые из поправок были вызваны новым, опубликованным В.И. Сергеевичем в 1904 году, изданием "Русской Правды". Объясняя необходимость их внесения в текст третьего издания первого тома "Древностей русского права", историк писал: "Принятое в нем иное разделение статей Правды, чем то, которого держались прежние издатели, изменило самый смысл некоторых выражений этого памятника и вызвало необходимость иного их толкования"**(20)**. Во втором томе самым большим дополнением стала особая глава, посвященная вопросу о вечевых собраниях у германцев и греков.

В.А. Томсинов,
доктор юридических наук,

Книга первая. Государственная территория

Наша древность не знает единого "государства Российскаго"; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств. Эти небольшие государства называются: волостями, землями, княжениями, уделами, отчинами князей, уездами; всего позднее возникает для них наименование государством.

Слово "волость", иначе "власть", обозначает территорию, состоящую под одной властью*(21).

Такое словоупотребление весьма обыкновенно нашим летописям. Начальный летописец, сказав об убийстве Свенальдича Олегом, древлянским князем, продолжает:

"И о том бысть межю има ненависть, Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свенальд (отец убитого, пользовавшийся доверием князя Ярополка): поиди на брат свой и приими волость его" (975).

Года через два Ярополк действительно предпринял поход против Олега, кончившийся поражением и смертью последнего. Описав погребение Олега, летописец заключает свой рассказ таким замечанием:

"И прия власть его Ярополк".

Под 1135 годом читаем:

"Юрий князь Владимирович... вда Ярополку Суздаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю" (Лавр.).

В 1149 г. после победы у Переславля, одержанной суздальским князем Юрием над племянниками, Изяславом, князем владимирским и киевским, и Ростиславом Смоленским, киевляне обратились к этим князьям с такой речью:

"Господина наю князя! не погубите нас до конца. Се ныне отцы наши и братья наши и сынови наши на полку, одни изоиманы, а другие избъени и оружие снято. А ныне поедита в свои волости] А вы ведаете, что нам с Юрием не ужити: а по сих днях, где узрим стязи ваши, там и мы будем" (Ипат.).

"Том же лете иде Роголод Борисович от Святослава от Ольговича искать себе волости, поем полк Святославль, зане не створиша ему милости братья его, взявше под ним волость его и жизнь его всю. И приехав к Случьску, и нача слатися к дрьючаном. Дрьючане же ради быша ему и приездече к нему вабяхут и к себе, рекуче: "поеди, княже, не стряпай, ради есме тебе; аче ны ся и с детьми бити за тя, а ради ся, бьем за тя". И выехаша противу ему более 300 лодий дрьючан и полочан. И вниде в город с честью великою и ради быша ему людие. А Глеба и Ростиславича выгнаша и двор его разграбиша горожане и дружину его" (Ипат. 1159).

"Черниговскому князю (Святославу Всеволодичу) не мирну с Олегом Святославичем (новгород-северским) и воевашет Олег Святославлю волость Черниговскую; Святослав же... поиде на Ольга и пожъже волость его" (Ипат. 1174).

"Посла Святослав Глеба, сына своего, в Коломну, в Рязанскую волость" (Ипат. 1180).

"И купи всю Черниговскую (сторону, а по другому списку) волость и дружину свою и поча думати..." (Ипат. 1180).

"Сыновцы же твои воеваша Смоленскую волость" (Ипат. 1195).

"Всеволод (владимирский) посла мужи своя к Ярославу (черниговскому) и умолви с ним про волость свою и про дети своя" (Ипат. 1196).

Отсюда, вести споры и войны из-за княжений - значит волоститься (Ипат.

1159).

С таким же словоупотреблением встречаемся и в дошедших до нас полных текстах княжеских договоров. В договорных грамотах Новгорода с великими князьями тверскими и московскими слово "волость" служит для обозначения как всего Новгородского государства, так и государств Тверского и Московского.

В 1265 году новгородцы обязывают тверского князя:

"А в Бежицах, княже, - тебе... сел не държати... и по всей волости Новгородьской"...

... "А в Бежиць, княже, людей не выводити в свою (т.е. Тверскую) землю (в грамоте 1270 года вместо "землю" написано волость)" (Рум. Соб. I. N 1, 3, 6, 15; 1265-1327).

То же и с московскими князьями:

"А из Бежиць вам, князи, не выводити людей в свою (Московскую) волость"... "А что мыт по Суздальской земле, в вашей (Московской) волости, от воза имати по две векши"... (А. Э. I. N 57, Рум. Соб. I. 20; 1456-1471).

Термин "власть-волость" очень хорошо выражает юридическую природу государственной территории: все, что находится в пределах территории, состоит под одной властью, а потому и составляет одно государственное целое - волость. Эта природа волости ясна сознанию людей XII века и хорошо выражена грамотеями, описавшим внутреннюю рознь, возникшую в последней четверти этого века в древней Ростовско-Суздальской волости.

"Новгородци бо изначала, - говорит он, - и смолняне, и кыяне, и полочяне, и вся власти (волости) на думу на вечя сходятся: на что-жь старейший сдоумают, на том-же пригороди стануоть" (Сузд. 1176).

В этих немногих словах выражена вся суть древнего волостного устройства.

Волости состоят из городов и пригородов*(22). Обыкновенно в каждой волости - один город. Это главный пункт поселения, по имени которого обозначается и вся волость. Так получили свое наименование волости: Новгородская, Смоленская, Киевская, Полоцкая, Черниговская и др. Остальные пункты поселения находятся в зависимости от "города". Они не сами по себе существуют, а состоят при нем: это пригороды, возникшие при городе и, конечно, для удовлетворения потребностей жителей главного города. Служебное значение пригородов по отношению к городам видно из того, что города сами нередко заботятся об укреплении своих пригородов*(23).

Наиболее резким образом служебное значение пригородов выразилось в 1468 г. в Пскове, когда пригороды были поделены между частями Пскова, причем на каждый конец досталось по два пригорода. К сожалению, краткость летописного известия не дает возможности выяснить, какие обязанности лежали на пригородах по отношению к отдельным концам, на долю которых они достались.

Город является, таким образом, центром, вокруг которого образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежит характер старшинства; его жители - старейшие в волости. Население же пригородов - молодшее. Как молодшее, оно есть, вместе с тем, и слабейшее, а потому и должно следовать направлению, даваемому старшим городом. Подчинение пригородов старшим городам есть обыкновенное явление древности и замечено летописцем:

"На чтожь старший (города) сдоумают, на томже и пригороди стануть", - говорит он (Сузд. 1176).

Земля, находящаяся в пределах волости, составляет собственность ее жителей, и прежде всего жителей ее главного города. Несмотря на крайнюю бедность наших летописей по всем вопросам, касающимся поземельных отношений, мы можем, однако, привести несколько свидетельств, указывающих на связь земли с городом, - связь, объяснимую только тем, что земля, часто на очень значительном

протяжении от города, составляла собственность его жителей. Так, в 1067 г. киевляне требуют от князя своего Изяслава, только что потерпевшего поражение от половцев, чтобы он еще раз выступил против них, и свое требование мотивируют тем, что "половцы разсыпались по земле" (Лавр.). Если киевляне защищали земли, лежавшие вне стен Киева, то, конечно, только потому, что эти земли принадлежали им, что там были их села иivotы. Подобные же указания сохранились от Чернигова, Владимира-на-Клязьме и Полоцка. В 1138 г. черниговцы побуждают своего князя Всеволода к миру с Ярополком Киевским на том основании, что в случае войны "он погубит волость свою" (Лавр.): в 1176 г. владимирцы изгоняют Ростиславичей за то, что они грабили "волость всю" (Ипат.). В 1186 г. полочане, узнав о движении на них новгородцев и смольнян, спешат встретить их на границе Полоцкого княжения, опасаясь, что в противном случае они "сотворили-бы землю их пусту" (Воскр.). Приведем и свидетельство начальной летописи, относящееся к смерти великого князя Владимира Ярославича:

"Се же (смерть Владимира) уведевше людие без числа снидошася и плакашася по нем: боляры акы заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя..." (1015).

Обладание землей было таким важным условием политической силы в древней России, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданам того или другого города, может быть прямо считаемо мерилем их политического значения. Известно значение, которым пользовался Новгород по самый конец XV в. Объяснение этому надо искать в громадной поземельной собственности, принадлежавшей его горожанам.

Отдаленный отголосок этого первоначального отношения города к земле слышится еще и в XVI веке. На вопрос государя, царя и великого князя Ивана Васильевича о мире с Литвой государевы богомольцы, архиепископы и епископы, отвечали:

"А что королевы послы дают к Полотцку земли по сей стороне вверх по Двине реке на пятнадцать верст, а вниз по Двине реке от Полотцка на пять верст, а за Двину земли не дают, а рубеж чинят Двину реку, и тому ся сстати мочно ли, что городу быти без уезда? Ано и село или деревни без поль и без угодей не живут, а городу как быти без уезда? (Рум. Собр. I. N 192, 1566).

Города составляют потребность местного населения и воздвигаются им в видах защиты от нападений беспокойных соседей. Такое возникновение городов можно наблюдать еще в XVI веке. Городок Шестаковский был поставлен в первой половине XVI века жителями окружавших его деревень и починков, которые не удовлетворялись существовавшим уже в той местности (Вятская земля) Слободским городком. Но наличных средств у местного населения для постройки города было мало, и оно вошло даже в долги (А. Э. I. N 210). Деревня, в данном случае, предшествует городу; город возникает в силу совокупной деятельности окружающих его деревень и починков. Город - высшая форма быта, результат некоторого объединения разрозненного сельского населения, которое само создает для себя оборонительный пункт. В случае благоприятных условий такой оборонительный пункт может сделаться и местом постоянного поселения. Городки возникали иногда и по почину отдельного лица, достаточно для того богатого и, следовательно, сильного. В г. дано было разрешение Григорию Аникееву Строганову, по его челобитью, поставить городок на Каме-реке и снабдить его пушками, пищальями и всем необходимым для бережения (А. Э. I. N 254). С той же целью города ставились и князьями.

Так как земля, окружающая город, есть составная часть волости, то иногда целое, волость, обозначается именем своей части, земли, - землей*(24).

"Посланы Деревска земля", - говорят древлянские послы киевской княгине

Ольге и под землю, конечно, разумеют не землю в тесном смысле слова, а волость Древлянскую, как политическое целое.

В летописи под 1190 годом читаем:

"Бяшет Святославу (киевскому князю) тяжа с Рюриком и с Давыдом (смоленским) и Смоленскою землей того деля и с братиею (Ольговичами) совокупился бяшет, как бы ему ея не съступить" (не уступить в споре) (Ипат.).

Спор Святослава касался не лично только смоленских князей, но и всей Смоленской земли в смысле особого государства.

В этом же смысле употребляет слово "земля" и Русская Правда в статье о своде:

"А из своего города в чюжую землю свода нетуть" (Третья ред. Пр. 48).

Но слово "земля" не всегда употребляется в смысле отдельного государства, оно обозначает и просто известную географическую местность без всякого отношения к государственному ее единству.

В этом смысле употребляется нередко выражение "Русская земля".

"Бывшую же съвету всих князей во граде Кыеве, створиша свет сице: "лучены бы есть приятия (татар) на чюжей земле, нежели на своей". Тогда бо беахут: Мстислав Романович в Кыеве, а Мстислав в Козельске и в Чернигове, а Мстислав Мстиславович в Галиче: ти бо бяаху старейшины в Русской земли; Юрия князя же великого суздальского не бы в том съвете" (Ипат. 1224).

В том же смысле географического термина памятники говорят о Двинской земле и пр.

Возникает вопрос, как образовались эти древнейшие волости государства? Отвечать на него возможно только догадками. Существует предположение о племенном происхождении волостей, т.е. каждое отдельное племя (поляне, древляне и пр.) составляло особую волость. Мысли этой посчастливилось, она получила значительное распространение среди наших ученых. У Соловьева читаем: "первоначально границы волостей соответствовали границам племен. Но с тех пор, как началась деятельность князей Рюриковичей, это совпадение границ было нарушено" (III. 24). По мнению проф. Владимирского-Буданова, "племена, перечисляемые в начальной летописи, суть земли - княжения". Но Владимирский-Буданов идет далее Соловьева, ибо допускает, что эти племенные земли - княжения "большую часть сохраняются и при князьях Рюриковичах в XI и XII веках"*(25).

Это мнение отправляется, конечно, от того предположения, что племена, перечисляемые начальным летописцем, составляют каждое особую группу, имеющую общее родовое происхождение. Племя, предположительно происходящее от общего родоначальника, естественно, составляет одно целое и поэтому образует одну волость. Но так ли это? Что такое племена, перечисляемые летописцем? Многие из них получили свое имя от свойств занимаемой местности. Поляне - жители полей, древляне - жители лесной местности; полочане названы по реке Полоте, бужане - по реке Бугу, дреговичи заимствовали имя свое от болог (дрегва - топь, трясина). Такие местные наименования не дают повода предполагать родовое единство отдельных племен и усложняемую этим единством политическую их цельность.

Переходя к фактам, мы наблюдаем уже в самое отдаленное время, о котором только рассказывает летопись, несовпадение границ племени с границами волости. Призвание варягов начальным летописцем приписывает: чуди, словенам и кривичам. В состав Новгородской волости, значит, входят не только разные славянские племена, но и финские, и это задолго до того времени, когда началась деятельность князей Рюриковичей. С другой стороны, одно и то же племя представляется разделенным между многими волостями. Так, Изборск, населенный кривичами, с древнейшего времени принадлежит к волости Новгородской; но в то же время

существуют кривичи, входящие в состав двух других волостей, Полоцкой и Смоленской, исторические судьбы которых весьма различны.

Соответствие границ племени с границами волости предполагает, далее, совершенно мирное сожительство племен, благодаря чему каждое племя продолжает составлять одно целое, а не распадается на части. Могло ли это быть? Это весьма сомнительно.

Летописец, описывая нравы отдельных племен, о древлянах говорит, что они жили "зверинским образом" и "убивали друг друга". Конечно, задолго до появления князей Рюриковичей были в ходу всякого рода насильственные действия, грабежи, убийства, хищнические нападения шайками и т.д., и не только между поселениями разных племен, но и среди единоплеменников, как это и утверждает летописец.

Не на мирный характер первоначальных людских отношений указывает и городовое устройство волости: это система укрепленных мест. Ввиду весьма натуральной незамирности племен в начале их исторического поприща укрепления ставились для защиты не от иноплеменников только, но и от соплеменников. Допустить мирное и согласное участие всего племени в сооружении городов и в созидании первоначальных волостей очень трудно. Исследователь нашего древнего исторического быта имеет постоянно дело с актами насилия; как допустить, что во времена доисторические человеческие отношения (у тех же племен) были обставлены иначе?

Скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а с оружием в руках. Города строились не целым племенем, а группами предприимчивых людей, которые нуждались в них, как и в XVI веке, для бережения. В состав этих групп могли входить и люди разных славянских племен и даже иноплеменники; со славянами могли соединяться чудь и меря. Жители таких укрепленных пунктов, при благоприятных условиях, могли стремиться к расширению своих владений и с этой целью захватывать чужие земли и подчинять себе разрозненное население этих земель. Для "бережения" своих приобретений им приходилось ставить пригороды. Такой способ возникновения волостей проглядывает и в вышеописанной их организации. Центр волости - город, к нему тянет земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выйти из города.

Возникшие в борьбе живых сил волости и в историческое время отличаются очень большой подвижностью. Границы их не остаются неизменными, и в отношениях городов к пригородам нередко наблюдаются колебания: новые города-пригороды возвышаются иногда до значения старых городов и даже, случается, затмевают их.

Это происходит в силу действия различных причин. Можно допустить, что те же причины, какие мы наблюдаем в историческое время, влияли и на доисторическое изменение состава первоначальных волостей.

Прежде всего, здесь надо обратить внимание на естественный рост пригородов как на одну из причин, существенно влиявших на изменение состава волости.

По происхождению своему пригород есть зависимый и служебный по отношению к городу член волости. Но, находясь в условиях, благоприятных для своего дальнейшего развития, пригород может сравняться силами со старым городом. При этом условии строгая зависимость пригорода от города не может более иметь места. Город поневоле должен будет считаться с волей пригорода. В волости могут, таким образом, возникнуть два старших города; может произойти и полное обособление пригорода в отдельную волость; пригород может, наконец, взять даже верх над городом. В случае же наличности особенно неблагоприятных условий для главного города имя его и совсем может исчезнуть со страниц истории и замениться

именем нового города.

Так именно случилось с тем старым городом, по отношению к которому Новгород назван Новым. Новгородская волость принадлежит к древнейшим: летописец относит ее к "изначальным", великий князь Всеволод Юрьевич называет (1206) "старейшею во всей Русской земле"; а между тем нельзя сомневаться, что эта волость образовалась на развалинах какой-то более старой, самое имя которой не сохранилось.

Существенные перемены в составе Новгородской волости происходят и на глазах истории.

Первоначально Псков есть пригород Новгорода Великого; пригородом остается он в XIII и в первой половине XIV века.

1270. Против Ярослава Ярославича, великого князя Владимирского, "совокупися в город (т.е. в Новгород) вся власть новгородская: и псковичи, и ладожане, и корела, и ижора, и вологжане, и идоша в Голино от мала и до велика" (Лет. VII, 170).

Как старейшина, Новгород дает Пскову посадников и других местных правителей. Еще в 1341 году псковичи сами обращаются к Новгороду с просьбой дать им наместника (Пек. I).

Но к началу XII века Псков достигает такого развития и такой силы, что в состоянии действовать на свой страх и без согласия с Новгородом. В первой половине XII века псковичи иногда сажают у себя особого от Новгорода князя; в XII веке они вступают в самостоятельные договоры с немцами. С такой вновь образовавшейся силой нельзя было не считаться Новгороду; он с ней, действительно, считается. Новгородцы начинают называть псковичей "братьями". Это уже признак равенства. В 1223 г. новгородцы без согласия "своих братьев плесковичей" не пошли даже на Ригу, к войне с которой побуждал их князь Ярослав. В 1347 году новгородцы признают, наконец, и полную самостоятельность Пскова:

"Того-же лета, егда идуще новгородцы к Ореховцу, даша жалованье городу Пскову: посадникам новгородским в Пскове не седети, ни судити..." (Новг. III).

Так Псков вырос в самостоятельную волость и выделился из старой Новгородской.

Вторая причина, которая вела к такому же выделению новых волостей из старых, заключалась в князьях.

Князья составляют необходимый элемент каждой волости. Без них нет достаточно твердой власти, и волость без князя держаться не может. Даже Новгород Великий без князя не обходится. Если ему отказывали в князе, он говорил:

"Мы князя себе налезем", т.е. найдем.

Князь - такая же необходимость для волости, как укрепленные города с пригородами. Стоя во главе волости, князь носит титул "волостеля".

Владимир, галицкий князь, говорит о себе:

"Бог поставил нас волостелями в месть злодеям и в добродетель благочестивым" (Ипат. 1149).

Князь сажается народом на стол в главном городе волости. Вследствие этого главный город носит наименование стольного; а по званию князя - вся волость называется княжением.

Весьма понятное стремление членов княжеского рода, этих прирожденных правителей, иметь независимое от других князей положение, ведет то к соединению, то к дроблению первоначальных волостей. Князь, у которого была только одна волость, но несколько сыновей, чувствуя приближение смерти, старшему сыну дает, обыкновенно, старший город, пригороды же разделяет между сыновьями, но в качестве самостоятельных волостей.

От этого действия разделения отцом своих владений детям произошло

наименование "удела". Первыми удельными князьями являются, таким образом, сыновья Святослава Игоревича. Несмотря на это древнее происхождение уделов, слово "удел" во всеобщее употребление входит не ранее второй половины XIV века. В памятниках московского времени уделами называются как владения младших сыновей завещателя, так и владения старшего. В завещании Ивана Даниловича Калиты читаем: "а се сыном моим раздел учинил". Согласно с этим, Семен, Андрей и Иван Ивановичи одинаково называют свои княжения уделами. В договоре, заключенном этими князьями, читаем:

"(А тебе, вел. князю Семену Ивановичу, сел в) наших уделех не купити, ни твоим бояром, ни слугам... (также и нам не купити), ни нашим бояром, ни слугам в твоём уделе".

Поэтому и великое княжение Владимирское также называется уделом. Великий князь Василий Васильевич, назначая старшему сыну своему великое княжение Владимирское, называет его уделом, как и владения других детей своих:

"А которым детям своим, - читаем в его духовной, - села подавал, во чьем уделе нибуди, ино того и суд над теми селы, кому дано".

Князья не всегда бывали довольны тем, что получали от отцов. Кому удел казался недостаточным (а едва ли было много князей, которые находили свои владения достаточными), тот старался всеми средствами увеличить его. Вследствие возникавших из такого порядка вещей войн пригороды отделялись от той волости, к составу которой принадлежали первоначально, и присоединялись к другой; киевские пригороды отходили к Полоцку, Владимиру, черниговские и переяславские - к Киеву и т.д. А с другой стороны, отдельные волости соединялись в новое целое.

При таком резании по живому телу исторически сложившихся волостей иногда слышится протестующий голос населения старших городов, которые, натурально, стоят за единство своей волости. Но нельзя сказать, чтобы дробление, совершаемое в чисто княжеских интересах, не находило сочувствия и в населении. Младшие города (пригороды) нередко тяготились зависимостью от старших и рады были иметь своего князя и сделаться центром хотя и небольшой, но самостоятельной волости.

Каждая волость имела, таким образом, свою историю; но по скудости наших источников полная история волостей едва ли может быть когда-нибудь написана. Что волости имели свою историю и что деятелями ее были не только князья, но и население, в этом не может, однако, быть ни малейшего сомнения.

В доказательство нашей мысли дадим несколько страничек из истории Ростовской волости.

Возникновение и первоначальная история этой волости вовсе не освещены источниками. Есть, однако, основание думать, что на заре нашей истории Ростов принадлежал к составу Новгородской волости. На эту мысль наводит то обстоятельство, что Ростов упоминается в числе городов, которые были розданы Рюриком, первым новгородским князем, имя которого известно нашей летописи, мужам своим в кормление:

"По дву же лету Синеус умре и брат его, Трувор, и прия власть Рюрик и раздал мужем своим грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем градом суть находницы варязи, а перьвии насельницы в Новегороде - словене, Польшьски - кривичи, в Ростове - меря, в Белеозере - весь, в Муроме - мурома. И теми всеми обладаше Рюрик" (Лавр. 862).

Но затем возникает вопрос, какую роль играли перечисляемые летописцем города в составе Новгородской волости, были ли они старинными пригородами Новгорода или составляли новое приобретение первых князей? Краткость первоначальной летописи не дает оснований для положительного решения этого вопроса. Можно допустить и то и другое. Но последнее предположение кажется более вероятным для Полоцка, Ростова и Мурома. Преемник Рюрика, Олег, не

остался в Новгороде, он перешел на юг, в Киев. В каком отношении находилась к нему обширная, но оставленная им Новгородская волость, это не очень ясно. Краткое летописное известие о первом мире его с греками перечисляет города, на которые греки обязались давать уклады:

"И заповеда Олег датн воем на 2000 кораблнй по 12 гривне на ключь, и потом даятн уклады на русские города: первое на Киев, тоже и на Чернигов, и на Переяславль, и на Полътеск, и на Ростов, и на Любечь, и на прочая города, по тем бо городом седяху князья, под Ольгом суще" (Лавр. 907).

Новгород в этом перечислении не упомянут. Правда, летописец не перечисляет всех городов, но трудно допустить, что, назвав новгородские города Ростов и Полоцк, он опустил самый главный, Новгород, и понимает его под выражением "и прочие грады". Надо, кажется, заключить, что Новгород не был в числе городов, на которые выговорена греческая дань и, конечно, потому, что власть Олега не простиралась на этот город; Ростов же и Полоцк имели князей, состоявших в зависимости от Олега. Эти два города, значит, обособились уже от Новгорода. Они важные пункты, ибо имеют своих князей. Когда же они успели сделаться важными, если еще в 862 году они были столь незначительными пригородами, что летописец их вовсе не упоминает, и братьев Рюрика сажает не в Ростове и Полоцке, а в Белоозере и в Изборске? Вот это-то обстоятельство и заставляет думать, что в 862 году они не входили еще в состав Новгородской волости, как пригороды новгородские, а были самостоятельными городами, присоединенными к Новгороду уже при Рюрике и его братьях. Это предположение находит себе некоторое подтверждение и в том обстоятельстве, что племя меря, населявшее Ростовскую волость, не упомянуто в числе племен, принимавших участие в призвании варягов. Если же Ростов не был до Рюрика пригородом Новгорода, то еще труднее допустить, что им был Муром, отделенный от Новгорода Ростовской волостью.

Источники нашей древнейшей истории очень не полны, а выражения летописца недостаточно определены. О древнейших событиях возможны, поэтому, иногда только догадки.

Как бы то ни было, был ли Ростов изначала пригородом Новгорода или присоединен к нему при Рюрике и его братьях, не подлежит сомнению, что в начале X века он центр самостоятельной волости и имеет своего особого князя. В волости этой могли быть и другие города, но Ростов был старейшим, его имя приводится раньше всех других городов. Позднейшие летописцы, рассказывая о политических событиях в пределах этой волости, на первом месте, обыкновенно, ставят ростовцев; жители других городов волости упоминаются ими всегда после ростовцев.

В конце XII века Всеволод Юрьевич, в переговорах своих с князем Мстиславом, называет жителей Ростова "старейшей дружиной", а такой признак старейшинства, обыкновенно, придается жителям старшего города волости.

Но с половины XII века в пределах этой волости, рядом с Ростовом, начинает обозначаться и другой сильный город - Суздаль. Князь Ростовской волости, Юрий Владимирович, живет чаще в Суздале, чем в Ростове*(26). Резиденция князя начинает, таким образом, обособляться от старшего города. Хотя Юрий был посажен на стол не в Суздале, а в Ростове (Лавр. 1157), но на деле его стольным городом был Суздаль.

Возникающее преобладание Суздаля, как и всякого города, есть прежде всего результат энергии его жителей. Во время войны родных братьев, Константина Всеволодовича, ростовского князя, с Юрием Суздальским, приближенные Юрия такими речами стараются удержать его от уступок брату:

"Не было сего ни при прадедах ваших, ни при дедах, ни при отцах, что бы кто вступил ратью в землю Суздальскую и вышел бы цел".

Суздальцы, значит, сознают свою силу; силу эту признают и князья, их противники. Князь Мстислав Новгородский, союзник Константина, приготавливая полки свои к бою с суздальцами, обратился к ним с такой речью:

"Се братие: вошли есмя в землю сильну, да позря на Бога, станем крепко, не озирающесе назад, побегше бо, не уйдти".

Факт постоянного пребывания князя в городе не мог не влиять благотворно на его развитие. Князья, обыкновенно, украшали свои города постройками, обогащали их монастыри и церкви подарками из своего многоимения, жителям же раздавали доходные должности. Овладев Киевом в 1155 г., Юрий окружил себя там не ростовцами, а суздальцами, и им роздал кормления по городам и селам. Суздаль был обязан своим возвышением не одному себе, но и князю Юрию Долгорукому, которые предпочел его старшему Ростову. Таким образом, к концу XII века в Ростовской волости образовались два старших города. Летописец не умел примениться к этому новому и не совсем обычному факту. Сказав, что изначала во всех волостях жители сходились на вече, и на чем решали старейшие, на том становились и молодшие, он продолжает так:

"А зде (в Ростовской волости) город старый, Ростов и Суздаль, и вей бояре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божия, но "как нам любо" рекоша, "такоже створим, Володимер пригород наш..."

Выходит, что Ростов и Суздаль составляют как бы один старший город, Владимир же есть их общий пригород! Так живуча идея о едином городе в волости. Хотя Ростов всегда занимает первое место, но ввиду того, что Суздаль - стольный город, стали иногда и всю волость называть "Суздальской" (Ипат. С. 91 и 144).

Чувствуя приближение смерти, Юрий возымел намерение оставить свою обширную волость двум сыновьям, Михаилу и Всеволоду, и получил на это согласие жителей волости, которые целовали ему в том крест. В этом факте надо видеть случай первого разделения Ростовской волости на две части, состоявшееся по желанию князя и с согласия народа.

Но у Юрия было не два сына, а девять, да еще два внука от умершего при его жизни сына, Ростислава. Отчего же они ничего не получили? Не оттого, конечно, что Ростовская волость не могла прокормить большого числа князей. Можно думать, что дальнейшее дробление встретило сопротивление в "старейших" волости; деление же на две части было принято ввиду существования двух одинаково сильных городов, Ростова и Суздаля, между которыми и должно было произойти размежевание прежде нераздельной волости.

Но даже и это деление на две части не очень соответствовало вкусам "старейших" волости. Оно было принято ими, пока был жив князь Юрий, и немедленно нарушено, как только он умер.

"Того же лета, - говорит летописец, - ростовцы и суздальцы, сдумавше вси, пояша Андрея, сына его (Юрия) старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имяше прежде к Богу и ко всем сущим под ним" (Лавр. 1157).

Таким образом, волею старших городов было восстановлено единство Ростовской волости. Андрей был избран единым князем для всей волости и, по старине, посажен "на отни столе" в Ростове. В этом восстановлении "отеческого стола" в Ростове нельзя не усматривать в происшедшем перевороте преобладающей роли жителей старшего города, Ростова.

С первенствующей деятельностью ростовских бояр мы встретимся и в дальнейшей истории Ростовской волости.

Князь Андрей, избранник старших городов, княживший в Ростовской волости без малого 18 лет и оказавший сильное влияние на ход дел всей Русской земли, не жил, однако, ни в Ростове, ни в Суздале. Любимым местопребыванием его был

пригород Владимир и недалеко расположенное от него село Боголюбове*(27).

Это второй случай несовпадения стольного города со старшим. Старшим городам на этот раз был предпочтен совсем новый, пригород Владимир.

Какая причина этого передвижения ростовских князей из старых городов в новые? Очевидно, в старых городах было что-то такое, что не нравилось князьям, даже избранникам старых городов. Не имея сил переделать эти неприятные им порядки, князья уходят в новые города, где, по всей вероятности, неприятные им элементы были слабее. В старом Ростове было немало сильных людей, бояр, которые, естественно, стремились заправлять всеми делами волости. От них-то, надо думать, ушел Юрий в Суздаль. Но, по всей вероятности, бояре успели развестись и в Суздале, и вот сын Юрия, Андрей, уходит во Владимир к "мезиним" людям владимирцам. Князья не в силах еще менять существующие порядки, они могут только бежать от того, что им не нравится. Но пример Андрея показывает, как трудно было убежать от старых порядков, не восстановив против себя всего населения. Он избран на ростовский и суздальский стол потому, что был "прелюбим" всеми, умер же всеми оставленный. Князь Андрей пал жертвой мести от руки брата казненного им Кучковича. Но смерть князя не нашла себе мстителя. Убийцы одно время опасались, что мстители придут из Владимира. Чтобы склонить их на свою сторону, они вступили с владимирской дружиной в переговоры. Владимирцы, правда, не стали на стороне убийц, но и не взяли на себя защиты убитого; они даже не позаботились о похоронах князя. Даже духовенство не явилось отдать ему последний долг. Три дня лежало тело князя, запертое в божнице, без обычного молитвенного пения. Только на третий день по убийстве пришел Арсений, игумен св. Козьмы и Демьяна, и приступил к отпеванию, говоря: "Долго-ли нам ждать старейших игуменов, и долго-ли сему князю лежати? Отомкните божницу, да отпою над ним".

Равнодушие лучших людей к смерти князя понятно. Он сам ушел от них и окружил себя людьми новыми, маленькими. Ближайшим человеком к себе он сделал Анбала, ключника: это пришелец в Ростовской волости, поднятый князем из ничтожества. Ему-то, рассказывает летописец, Андрей "дал волю надо всем". Насколько князь плохо знал окружавших его людей, видно из отношения к нему этого любимца его, Анбала: этот всем ему обязанный человек оказался в числе убийц своего благодетеля. По всей вероятности, выбор местных судей и правителей был также неудачен. Смерть князя была сигналом к избиению посадников и тиунов по всей волости и к грабежу домов их. Все население было недовольно: лучшие люди тем, что князь пренебрег ими; меньшие - тем, что новые любимцы не оправдали доверия князя.

К исходу XII в. в Ростовской волости рядом со старыми городами, Ростовом и Суздалем, делаются заметными и два новых: Владимир и Переяславль. Владимир обязан своим возвышением долговременному пребыванию в нем князя Андрея.

По смерти князя Андрея единство Ростовской волости снова выразилось в том, что ростовцы, суздальцы и переяславцы съехались у Владимира для общего избрания нового князя. Съезд старших городов у Владимира свидетельствует уже о значительной силе этого пункта. В это время, очевидно, не было в Ростовской волости города, который настолько возвышался бы над другими, чтобы взять на себя одного избрание князя для всей волости. Не могли этого сделать и два старших города вместе. Рядом с ними, в 18-летнее княжение Андрея, образовалась новая сила, город Владимир, которую нельзя было игнорировать. И вот, оба старших города с новым, Переяславлем, съезжаются у Владимира. При этих изменившихся обстоятельствах ростовцы не потерялись, однако, они сумели стать во главе общего дела.

Ростовцы не ждут, когда другие города заговорят об избрании князя и обратятся к ним; они сами едут ко Владимиру. Им принадлежит, по всей вероятности,

почин дела, им же и исполнение. Они делают необходимые распоряжения для приема вновь избранных князей. "По повелению ростовцев", говорит летописец, полторы тысячи владимирцев отправились для их почетной встречи. Преобладающая роль ростовцев ясно обнаруживается и из последовавших за избранием событий.

Самое избрание имеет значение с той точки зрения, что избиратели не считали себя обязанными руководствоваться родственными отношениями вновь призываемых князей к умершему. У князя Андрея остался сын. О нем была речь, но его не избрали: он показался слишком молод. Не избрали также и братьев умершего, хотя на них и целовали крест отцу их, Юрию. Избрание состоялось под влиянием желания угодить Глебу, князю соседней Рязанской волости, и отнять у него предлог к нападению на Ростовскую землю, воспользовавшись междукняжением. Избрали Ростиславичей, внуков Юрия, братьев жены рязанского князя. Очевидно, Ростовская волость не составляла собственности, наследственного владения потомков Всеволода Ярославича, несмотря на то, что они княжат там уже целое столетие.

Ростовцы, суздальцы, владимирцы и переяславцы выбрали не одного князя, а двух: Мстислава и Ярополка Ростиславичей, внуков Юрия, отец которых умер прежде Долгорукого и сам никогда не был владетельным князем. В этом избрании двух князей не следует видеть желание населения разделить обширную Ростовскую волость на две самостоятельных части, хотя некоторые списки летописей и говорят, что Ростиславичи разделили волость Ростовскую. Есть основание думать, что ростовцы хотели иметь во Владимире не самостоятельного князя, а своего посаженника, и, таким образом, господствовать во всей волости через избранных ими князей. Даже сами владимирцы, у которых был посажен князь Ярополк, не смотрели на себя как на отдельное целое. Когда среди них возникло недовольство управлением Ярополка, они обращаются с жалобой к ростовцам и суздальцам, как к высшей инстанции. Призвание двух князей в этом случае не было, следовательно, разделением Ростовской волости на две; под ним скрывалось господство во всей волости старых центров, Ростова и Суздаля, а в них лучших людей - бояр.

Но Ростиславичи не одни приехали княжить в Ростовскую волость. Приглашение нашло их в гостях у черниговского князя, Святослава. Там же гостили с ними и двое дядей их, Михалко и Всеволод Юрьевичи. Переговоривши между собой, князья решили, что в Ростовской волости найдется место для всех четырех, и утвердились крестным целованием на том, что ехать им всем четверем; на Михалку же возложили старейшинство. Вперед поехали Михалко и Ярополк.

Непрошенные гости встречены были в Ростовской земле с очень различными чувствами. Ростовцам прибытие их не понравилось. Это понятно: чем больше князей, тем меньше прибыли сильным людям. Они "негодовали" по поводу приезда Юрьевичей; даже к своему избраннику, Ярополку, отнеслись они крайне сурово. Вместо того чтобы встретить его с честью и посадить на столе, они обратились к нему с грубым приказанием ехать в Переяславль. Эта встреча сильно смутила Ярополка, он даже забыл о своем утверждении с Михалкой, и украдкой, никому не сказавшись, уехал, куда его послали. Михалке ростовцы велели подождать в Москве, не двигаясь далее в пределы волости.

Но Михалко не был так кроток, как Ярополк. Он знал, по всей вероятности, внутренние дела Ростовской волости и сейчас же сообразил, где можно найти сторонников. Не засиживаясь в Москве, он поехал во Владимир. Остававшиеся в городе владимирцы (1500 человек выехали для встречи князей) впустили его в крепость и затворились с ним. 18 лет соперничества со старшими городами вполне объясняют этот поступок: владимирцы рады были иметь самостоятельного князя, а не посаженника ростовского.

Ростовцы, как мы уже знаем, далеки был от мысли допустить

самостоятельность Владимира: она направились на Михалку со всей силой Ростовской земли и с полками своих союзников, муромцев и рязанцев. Много зла сделали они владимирцам, но города не взяли, а только голодом принудили осажденных отказаться от забегавшего к ним князя. Посоветовав Михалке оставить город, владимирцы с крестами вышли к осаждавшим князьям, Мстиславу и Ярополку, и утвердились с ними крестным целованием.

"Не против Ростиславичей они бились, - поясняет летописец, - а не желая покориться ростовцам и суздальцам..."

Но сами призванные князья покорились ростовцам: против Михалки воевали оба Ростиславича, а они целовали крест быть с ним заодно и признали даже его старейшинство. По удалении Михалки владимирцы должны были посадить у себя Ярополка; Мстислава же ростовцы с "радостью великою" посадили в Ростове. Ростов снова сделался стольным городом: Ярополк был только посадником ростовцев во Владимире.

Владимирцы покорились ростовцам, и единство волости снова восстановлено.

Но Ростиславичи слушались во всем бояр, бояре же учили их "на многое имание". Ярополк обобрал золото и серебро, принадлежавшие церкви св. Богородицы во Владимире, и лишил ее тех доходов, которыми она богато была наделена кн. Андреем; посадники же его обременяли народ безмерными продажами и вирами. Это вызвало сильное неудовольствие среди владимирцев. Они стали собираться на сходки, на которых слышались и такие речи:

"Мы есмы волная князя прияли к себе, крест целовали на всем, а си аки не свою волость творита, яко не творячесь у нас седети, грабита не токмо волость всю, но и церкви; а промышляйте, братье!"

Но Владимир не составлял самостоятельной волости, он был пригородом Ростова и Суздаля и получил князя из рук их. Согласно с этим, владимирцы решили обратиться в Ростов и Суздаль с жалобой на князей-разорителей, "являюще им обиду свою". Но жители старших городов только на словах разделяли неудовольствие владимирцев, на деле же ростовские и суздальские бояре крепко держались Ростиславичей, действовавших в их интересах и по их внушению. Предоставленные самим себе владимирцы решились на свой страх прогнать Ярополка и снова призвать к себе Михалку:

"Либо Михалка князя себе налезем, а либо головы свои положим за Святую Богородицу и за Михалка" (Лавр.).

Так возгорелась новая война между Ростовом и Владимиром, кончившаяся торжеством нового города, Владимира, под главенством которого снова соединилась вся древняя Ростовская волость, получившая с этого времени наименование Володимирской.

Хотя призванный владимирцами Михалко был уже болен и не мог сидеть на коне (его несли на носилках), но полкам его удалось одержать победу над противниками: Мстислав бежал в Новгород, а Ярополк - в Рязань. Михалко занял Владимир. Вслед за этим он был призван и народной партией в Суздале, которая вину сопротивления складывала на бояр, говоря:

"Мы на полку со Мстиславом не были, с ним были бояре, на нас сердца не держи".

За Суздалем покорился Ростов. Князь объехал все главнейшие города, везде сотворил людям наряд и утвердился с ними крестным целованием. Сам Михалко сел во Владимире, а брата Всеволода посадил в Переяславле. На этот раз совершенно уже ясно, почему оба князя сели в новых городах, а не старых, где преобладала противная им боярская партия.

Старые города, Ростов и Суздаль, потеряли свое главенство и стали управляться посадниками из Владимира.

Был ли Всеволод посадником Михалки в Переяславле или самостоятельным князем отдельной волости, выделенной для него, об этом нельзя сказать ничего положительного. Да это вопрос и несущественный, так как самое сидение его там продолжалось очень недолго. В июне следующего года (1177) Михалко скончался, а на его место владимирцы призвали Всеволода из Переяславля.

Ростовцы нашли этот момент удобным для восстановления своего преобладания. Но для этого им был нужен свой князь, и вот, получив известие о смерти Михалки, они спешат снова отправить посольство к Мстиславу Ростиславичу с приглашением занять ростовский стол.

"Пойди вборзе, - говорили послы их Ростиславичу, - Михалко преставился, а мы хотим тебе, а иного не хотим ни которого князя".

Приехав в Ростов, Мстислав немедленно выступил с войском к Владимиру.

Весьма характерны переговоры, происходившие между князьями-противниками перед началом враждебных действий. Всеволод, без малого 18 лет живший по чужим углам и ровно ничем не владевший до приглашения брата его на владимирский стол, не прочь был поделиться с Мстиславом Ростовской волостью. Желая отклонить войну, исход которой был в руке Божией, он послал сказать избраннику ростовцев:

"Брате! аже привели тя старейшая дружина, то пойдя к Ростову, да оттоле мир возме: Ростов буди тебе, привели бо тя к себе ростовцы и бояре, а Володимер мне, зане привели меня Владимирцы, а Суздаль буди нам общь: кого восхотят, то им буди князь".

Иначе взглянули на дело ростовцы. Им дорого было единство Ростовской волости, и они вовсе не хотели дележа. Передовые из них говорили Мстиславу:

"Аще ты мир даси ему (т.е. на предложенных условиях), но мы не дадим".

Летопись сохранила и имена двух заправил ростовских. Это были: Добрыня Долгий и Матеуш Бутович*(28).

Нам не в первый раз приходится указывать на то, что единство Ростовской волости поддерживается боярами двух старых городов. Мы вовсе не желаем навязывать Добрыне Долгому с товарищами дальновидных политических планов. Они действовали прежде всего в личном своем интересе, но с этим личным интересом легко вязались и важные политические последствия: образование крупной неделимой волости. Личные же интересы князей того времени, наоборот, стояли гораздо далее от этой цели: взаимное соперничество и забота о детях наталкивают их постоянно на дробление. Будет, однако, односторонне объяснять стремление лучших людей Ростовской волости к единству одними их эгоистическими побуждениями. Невыгоды многокняжия с неизбежным его последствием - борьбой князей - были так очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли.

Мстислав послушался своих бояр. Но в последовавшей затем битве (1177) счастье оказалось на стороне владимирцев. Ростовцы были разбиты, Добрыня Долгий убит; вместе с ним пал и другой боярин, Иванка Стефанович; остальные были взяты в плен. Села ростовских бояр были до такой степени разграблены, что в них, по выражению летописи, ничего не осталось. Последующая участь племенных бояр нам не известна; но ростовцы потерпели столь сильное поражение на Юрьевском поле, что, во все княжение Всеволода, они были уже не в силах снова возбудить борьбу из-за своего преобладания.

В борьбе старых городов с новым Владимир не был предоставлен только собственным силам. Есть основание думать, что на его стороне был и другой пригород, Переяславль.

Восторжествовав при помощи владимирцев, Всеволод и управлять должен был, прислушиваясь к их вкусам, подобно тому, как Ростиславичи управляли,

слушаясь бояр. Летопись сохранила несколько случаев вмешательства владимирцев в управление князя. Их немного, и все они относятся к моментам крайнего возбуждения народа. Этим, может быть, и надо объяснить то, что летописец обратил на них внимание и спас от забвения. В таких крайних случаях владимирцы приходят на княж двор и с шумом и криком предъявляют князю свои требования. Так случилось, например, в самый год победы на Юрьевском поле. Разбитые Ростиславичи обратились за помощью к шурина своему, рязанскому князю, Глебу. Он, действительно, оказал им содействие, вторгся во Владимирскую волость, но был разбит и попал в плен вместе с Мстиславом Ростиславичем и многими другими из дружины. Всеволод кротко обошелся с пленниками: он держал их во Владимире на свободе. Владимирцы нашли это опасным, так как "лиходеи" их, ростовцы и суздальцы, были близко. Они потребовали, чтобы князь либо казнил пленников, либо ослепил, либо им выдал. Всеволод, чтобы дать время успокоиться волнению, заключил пленников в тюрьму, но этим не достиг цели. Через несколько дней "людие" во множестве и с оружием собрались на княж двор, требуя ослепления. Воскресенская летопись рассказывает, что Ростиславичи были, действительно, ослеплены, а Глеб Рязанский лишен жизни. Суздальский летописец, описывая те же события, в числе людей, приходивших на княж двор, называет бояр и вельмож. Во Владимире, куда бежал Андрей от ростовцев и суздальских бояр, успели уже развестись свои собственные бояре.

В 1177 году князь Всеволод осаждал Торжок, но он не хотел брать его на щит. Это не понравилось дружине. Думаем, что она состояла из тех же владимирцев. "Мы не целовать их приехали, - грубо говорила дружина князю, - они лгут тебе и Богу", и с этими словами бросились на Торжок. Город был взят и сожжен, имущество граждан разграблено, люди уведены в плен.

Во все время продолжительного (35-летнего) княжения Всеволода Владимир неизменно был его стольным городом. Это окончательно и надолго упрочило за ним преобладание над старшими городами. В княжение Всеволода Владимирская волость, в старых границах Ростовской, достигает наибольшей силы и развития. Великий князь Всеволод является руководителем политики южных и рязанских князей. В Приднепровье он приобретает 5 новых городов, ставит на Востри город Городец, а в старинной отчине своего дома, Переяславле Южном, сажает сына Ярослава. Великий Новгород получает князя из его рук.

Всеволод был последний князь нераздельной Ростовской, при нем Владимирской, волости. Перед смертью он делит ее между сыновьями и устанавливает многокняжие со всеми его губительными последствиями. Мы не знаем, совещался ли Всеволод, по примеру своего отца, с городами или нет, но произведенный им дележ навсегда раздробил Владимирскую волость на несколько самостоятельных частей. Этот факт дробления легко объясняется единовременным существованием в волости нескольких сильных городов, их застарелым соперничеством и весьма понятным, поэтому, устремлением к самостоятельному политическому бытию.

Если дележ Всеволода и не вызвал сопротивления в населении старших городов, тем не менее он дал повод еще раз высказаться мысли о неделимости Ростовской волости и с той же стороны, с которой она не раз победоносно проводилась прежде, со стороны старейшего города Ростова. Еще за год до смерти Всеволод, желая устроить своих сыновей, послал за старшим, Константином, который посадничал в Ростове, и объявил ему, что по своему животе дает ему Владимир, а второму сыну, Юрию, Ростов. Константин не согласился на это: он хотел быть ростовским князем и требовал Владимира к Ростову.

Дать Владимир к Ростову, значит дать Владимир в качестве пригорода Ростова. Это старые, нам известные уже притязания ростовцев, которыми успел

проникнуться князь Константин, посадничая в Ростове. Если бы Константин не поддался влиянию ростовцев, он должен бы был с благодарностью принять предложение отца. Ему, как старшему, Всеволод давал лучший и сильнейший город, Владимир, и с областью, значительно превышавшею участки других братьев. Но Константин не смотрит на владения отца как на частную собственность, которую хозяин может дробить по усмотрению: ему присуща мысль о неделимом политическом целом. Он стоит за нее наперекор своим личным интересам. Это последняя услуга, оказанная северной Руси ростовскими боярами, от которых старые ростовские князья бежали, как от врагов своих.

Но и Всеволод не всем сыновьям своим дал части в своем княжении. После него осталось шесть сыновей, участки же получили только четверо, двое же оставлены без всякого надела. Очень может быть, что это произошло не без некоторой зависимости от числа существовавших к концу княжения Всеволода крупных городских центров и их взаимных отношений.

При преемниках Всеволода произошли дальнейшие деления некогда единой Ростово-Суздальской волости. Таким образом, в пределах ее образовались сперва княжения: Владимирское, Ростовское и Переяславское, а позднее: Суздальское, Тверское и Московское. Но и на этом не остановилось дробление; почти каждая из поименованных волостей, в свою очередь, разделилась потом на несколько более мелких.

Такой же процесс дробления происходит и в других волостях: Киевской, Черниговской, Смоленской, Полоцкой и т.д. Чем более разветвляется род Рюриковичей, тем более усиливается процесс разложения первоначальных волостей. Но начался он ранее всякой достоверной истории, а потому и нет для историка возможности определить, какие именно волости суть первоначальные и какие образовались из пригородов этих первоначальных волостей. Так же нет возможности составить и список городов и пригородов. Это величины постоянно изменяющиеся.

Кроме княжения и удела, волости назывались еще отчинами князей. Отчина в этом смысле не однозначна с современным понятием вотчины. Вотчина обозначает теперь собственность; старинная же отчина-княжение есть не что иное, как стол отца, т.е. стол, который занимал прежде отец известного князя. Наименование отчиной усваивается каждой волости по отношению к детям княжившего там князя и совершенно независимо от того, удалось им добыть стол отца по его смерти или нет. Как волость отца по отношению ко всем его детям называется их отчиной, так и князья-сыновья по отношению к волости отца называются отчичами и опять независимо от того, удалось им занять отчий стол или нет.

В этом смысле Полоцкое княжение называется отчиной Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода, хотя там княжила не она, а ее муж, Владимир, по праву завоевания.

Рассказав об отказе Рогнеды вступить в брак с Владимиром, о последовавшей затем войне, убийстве Рогволода, насильственном взятии Рогнеды Владимиром в жены и, наконец, о покушении Рогнеды на жизнь Владимира, летописец продолжает:

"И созва (Владимир) бояры и поведа им (о покушении Рогнеды). Они же рекоша: уже не убий ее дитяти (Изяслава, сына Владимира, рожденного Рогнедой) дея сего, но воздвигни отчину ея и дай ей с сыном своим" (Лавр. 131).

В 1139 году Всеволод Черниговский ополчился против Андрея Переяславского, сына Владимира Мономаха, желая передать его княжение брату своему, а Андрея посадить в Курске.

"И Андрей тако рече, сдумав с дружиною своею: леплее ми того смерть, а с своею дружиною на своей вотчине и на дедине, нежели Курьское княжение. Отец мой Курьске не сидел, но в Переяславли, и хочу на своей отчине смерть прияти. Оже

ти, брате, всю землю Русскую держачи, а хочешь и сее волости, а убив мене, тебе то волость. А жив не иду из своее волости! Обаче не дивно нашему роду, тако и прежде было же, Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба? а сам ци долго поживе?" (Лавр.).

Переяславль есть отчина и дедина Андрея, потому что там сидели его отец и дед. Вот почему она ему дорога, и он не хочет перемены. Княжеские же права его в Курске, конечно, были совершенно те же, какими он пользовался и в Переяславле.

В этом смысле и Новгород Великий не составляет исключения, он тоже княжеская отчина.

"Тое же осени придоша Новгородци, лепшие мужи, Мирошькина чадь, к великому князю Всеволоду с поклоном и с мольбою всего Новгорода, рекуще: ты, господин, князь великий, Всеволод Гюргевич! Просим у тебе сына княжить Новугороду; за не тебе отчина и дедина Новгород" (Лавр. 1200).

Как Андрей Переяславский желает остаться на своей отчине, так новгородцы желают иметь князем своего отчича. Но, называя себя отчиной Всеволода, они, конечно, очень далеки от мысли о том, что Новгород Великий есть его собственность.

"Того же лета князь Юрий Святославич да князь Олег Рязанский приидоша к городу Смоленску (который занимали тогда поляки), а в Смоленске бысть в то время мятежь и крамола: овии хотяху Витовта, а друзии отчича своего" (т.е. Юрия Святославича, сына Святослава Ивановича, занимавшего смоленский стол до 1387 года) (Воскр. 1401).

Обе партии домогались посадить в Смоленске удобного им князя, а не собственника.

В этом же, конечно, смысле и московские князья называют своей отчиной Москву и великое княжение Владимирское, а не в смысле своей частной собственности.

Указанная выше практика дробления волостей должна была ослабить изначальную зависимость пригородов от городов, а вместе с этим и самое слово "пригород" должно было выйти из употребления и замениться словом "город".

Эта перемена не во всех волостях совершилась в одно и то же время. По весьма понятной причине старые порядки всего более держатся в Новгороде и Пскове. В Киевской же волости еще в начале XIII века пригороды начинают называться киевскими городами.

"Слышав же вси князи, оже Владимир гна в Галичь, возвратишася вспять, и пришедшим им в Киев, Всеволод Чермный седе в Кыеве, надеяся на свою силу, и посла посадники по всем городом киевским" (Лавр. 1206).

Но до-московская старина отличается большой живучестью. В Новгороде и Пскове пригороды перечисляются еще в XVI веке (Д. к А. И. I. С. 383 и сл.). Даже для великого княжения Московского встречаем упоминание пригородов в памятниках XVI века. В таможенной грамоте 1571 года читаем:

"А кто поедет москвитин изо всех пригородов и из волостей Московские земли..." (А. Э. I. N 282).

Отдаленный отголосок старины слышится еще в XVII веке. В первой половине этого века в царствующем граде Москве существовало два судных приказа: владимирский и московский. Служба во владимирском считалась честнее службы в московском (Валуев. 36). Это, конечно, потому, что Москва хотя и царствующий город, но по возникновению своему младший перед Владимиром; первоначально Москва могла иметь только значение пригорода в Ростовско-Владимирской волости.

Выше я обратил внимание на то, что к городу тянет земля. Пригороды первоначально не только могли не быть центрами земельных владений своих жителей, но могли даже и вовсе не иметь постоянных жителей. Они основывались

для нужд города и первоначально могли служить только местом убежища для рабочего населения принадлежащих горожанам главного города сел и деревень. По мере же развития населения пригородов они тоже становились самостоятельными центрами тянувшей к ним земли. Так, например, новгородцы имели поземельную собственность в уезде пригорода их, Торжка, но в Торжке были и свои горожане, бояре и черные люди, которые также обладали недвижимостями в уезде Торжка, как и новгородцы (Новгор. I. 1167 и Воскр. 1478).

Таким образом, с течением времени всякие города, как старшие, так и младшие, могли, при благоприятных условиях, стать центрами, к которым тянули окружающие их села и деревни. Из вышеприведенного случая основания городка Шестакова видно, что города даже и строились иногда местными землевладельцами для собственного их "бережения". По состоянию наших источников нет возможности составить карту древних волостей с показанием, сколько земли тянуло к какому городу; но в старину это было всем хорошо известно. Памятники XVI века говорят еще о "вековых рубежах городу с городом" (А.Ю. N 32). Постоянные рубежи города с городом предполагает и Русская Правда, когда говорит:

"А из своего города в чюжую землю свода нетуть" (Третья ред. 48).

"В чюжую землю" значит здесь в землю, тянувшую к другому городу, как центру чужой волости: у всякого города свои земли. В другом месте Правды эта своя земля противопоставляется своему городу:

"Аже будет (свод) в едином городе (т.е. только в городе), то ити истью до конца того свода; будет ли свод по землям (вне города, но в пределах волости), то ити ему до третьяго свода..." (44).

Волости-княжения, территориальный состав которых мы старались выяснить, составляли самостоятельные государства. Все, что находилось в пределах территории каждого такого государства, подлежало действию местной власти, она производила на своей территории суд и управление, давала указы и пр.

Это положение доказывается текстами всех дошедших до нас духовных грамот и договоров князей.

В духовных грамотах волости-княжения даются наследникам "со всеми пошлинами", т.е. и с пошлинами от суда, а следовательно, и с правом суда.

В договорах читаем:

"А в твой нам удел данщиков своих не всылать, ни приставов давать, ни грамот не давать".

Под грамотами разумеются как льготные, освобождающие от даней и подсудности княжеским судьям, так и определяющие порядок суда и количества даней. Все это есть право местного князя, а потому князья-союзники обязываются в эти внутренние дела не вмешиваться. Тот же смысл имеет и обязательство не всылать в пределы чужого княжения сборщиков дани и приставов, т.е. судебных и всяких правительственных органов.

В духовной серпуховского князя Владимира Андреевича это положение выражено в такой форме:

"А судом и данью потянута по уделом, где кто живет".

В договорах московских князей с тверскими то же начало выражено несколько иначе:

"А судом и данью потянуть по земле и во воде".

Та же независимость местного суда предполагается и статьями договоров об общем суде, имевшем место в делах порубежных:

"А судьям нашим (общим, поровну назначенным каждым князем) - третий вольный" (т.е. если судьи "сопрутся", они могут избрать посредника по своему усмотрению).

В общих делах судьи назначаются со стороны каждого князя; в делах же,

касающихся только территории отдельного князя, - он один судья.

Все договоры предполагают у каждого князя-волостеля и самостоятельную военную власть. Они говорят о "стяге" князя-волостеля, о собственных "его воеводах" и пр. Он собирает войско и предводительствует им.

Но это еще не последнее слово политической обособленности каждой волости-княжения. В старину принимались меры к тому, чтобы подданные одного княжения не делались поземельными собственниками в пределах другого.

В договорах Новгорода с князьями читаем:

"А в Бежичах тебе, княже, ни твоей княгини, ни твоим бояром, ни твоим слугам сел не держати, ни купити, ни даром приимати, и по всей волости Новгородской" (Рум. Соб. I. N 1. 1265).

То же и в междукняжеских договорах:

"А тебе, брату моему, в моем уделе сел не купити, ни твоим бояром..."

Бояре и слуги, покупая недвижимости в чужом уделе, тем самым выводили эти недвижимости из службы местной власти, так как получаемые ими доходы с купленных недвижимостей они тратили на службе чужого князя. В этом непосредственная причина приведенных запрещений. Но по первоначальному происхождению своему они могут стоять в связи с тем древнейшим порядком вещей, когда волость состояла из совокупности землевладельцев, строивших город в центре своих владений, и когда землевладением обуславливалась принадлежность лица к волости.

Указанная политическая обособленность каждого княжения предполагает право местного князя и его чиновников ездить по уезду для отправления суда и сбора дани. Вследствие этого княжение называется уездом князя. В завещании Ивана Калиты читаем:

"А тамгою поделятся сынове мои, тако же и мыты, которые в которого уезде, то тому".

Приведенные нами доказательства политической обособленности волостей взяты из княжеских завещаний и договоров, тексты которых не старше XIV века. Возникает вопрос, то же ли было в более отдаленное время? Думаем, что да. Хотя более древние договоры и не дошли до нас в полном составе, но летописи сохранили такие выражения из взаимных княжеских переговоров, которые дают право сделать такое заключение.

В случае какого-либо враждебного столкновения двух князей-волостелей они нередко обращаются друг к другу с таким заявлением: "мир стоит до рати, а рать до мира: уладимся либо миром, либо войной". Если каждому князю-волостелю принадлежит право войны и мира, то надо думать, ему принадлежало и право суда и управления в пределах своей волости.

На ту же мысль наводит и сохранившееся в летописи известие о содержании последней воли великого князя Ярослава Владимировича. Мы приводим его ниже (с. 38).

Полная политическая обособленность волостей есть наша древность. Эта древность была нашим действующим правом в течение многих веков, во все то время, пока продолжали существовать отдельные княжения. А отдельные княжения существуют у нас еще в XVI веке. Удельный князь Юрий Иванович, брат великого князя московского, Василия Ивановича, пользуется такой же самостоятельностью управления и суда в пределах своего княжения, как и удельные князья XV, XIV и более отдаленных веков (Рум. Соб. I. N 133, 144 и 160).

Московские великие князья начинают вводить некоторые ограничения власти владетельных князей, своих соседей; но ограничения эти касаются внешних сношений князей, а не внутреннего управления их княжениями. Из вопросов внутреннего управления ограничению подвергается только право делать монету, но

это ограничение возникает лишь в начале XVI века и только в применении к уделам сыновей великого князя Ивана Васильевича.

Но князья Рюриковичи не только делили волости, они и соединяли их. Последствия таких соединений не были, однако, прочны и продолжительны, и до второй половины XIV века у князей вовсе не замечается стремления к образованию большого нераздельного государства, которое выходило бы за пределы волостного устройства.

Рюрик с братьями, занимавший в 862 году Новгород, Изборск и Белоозеро, в год смерти братьев владел, кроме того, Полоцком, Ростовом и Муромом. Эти свои обширные владения он передал Олегу. Но Олег ушел на юг из образованного тремя братьями государства. Последствием этого было образование нового государства в новых границах и с новым центром. Таким образом, создание первых трех братьев заменилось новым политическим телом уже при первом их преемнике.

На третий год по смерти Рюрика Олег собрал множество воинов из варяг, чуди, славян, мери, веси и кривичей, всех, конечно, охотников до военной добычи, и предпринял с ними поход на юг. Местности к югу от Новгородской и Полоцкой волостей имели уже города и, следовательно, волостное устройство. Первый город, который встретился этому сбродному ополчению, был Смоленск, затем следовали Любеч и Киев. Олег овладел всеми тремя; в первых двух посадил он мужей своих, в Киеве сел сам. Эти военные успехи, однако, не удовлетворили его. Из Киева он стал предпринимать походы на окрестные племена: древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев. Первые три согласились платить Олегу дань; уличи же и тиверцы оказали сопротивление, а потому враждебные столкновения с ними продолжались. Во главе такого же сбродного ополчения из людей разных племен, в числе которых находим и новых данников, и даже такие племена, о завоевании которых летописцу ничего не известно, Олег предпринял свой первый поход в Грецию.

Из известий о походах Олега в Грецию можно вывести, что этот князь не был в свое время единственным князем в Русской земле. В рассказе летописца о первом походе его на греков упоминаются другие князья "под Ольгом суще". Согласно с этим договор 911 года заключен волею не одного только Олега, но и "похотеньем наших князь". Греки обязались хранить любовь не к одному Олегу, а и "к князем светлым нашим русским".

Как были велики собственные владения Олега, определить это не представляется возможным. Есть, однако, основание думать, что и в городах, весьма близких к Киеву, сидели "князья под Ольгом суще", а не мужи его. В известии летописца 907 года о договоре с греками находим такое место:

"И заповеда Олег... даяти уклады на русские города: первое на Киев, тоже и на Чернигов, и на Переяслав, и на Польтеск, и на Ростов, и на Любечь, и на прочая города, по тем бо городам сядяху князья под Ольгом суще".

Эти князья "под Ольгом суще" могли сидеть не только в далеком Ростове, но и в близких - Чернигове и Любече.

Со значительной степенью вероятности можно утверждать, что Новгород, в приведенном перечислении не упомянутый, не только не входил в состав владений Олега, но и едва ли находился в какой-либо определенной степени зависимости от него. Участие в войсках Олега, громивших Грецию, славян, чуди и кривичей не доказывает зависимости от него Новгорода. Войска эти состояли из свободной вольницы, которую привлекала к походам жажда добычи, а не обязанность нести военную службу по приказу своего государя. Установление дани в 300 гривен, которую новгородцы должны были платить варягам "мира деля" (Лавр. 882), тоже не доказывает подчинения Новгорода Олегу после его удаления на юг. Эту дань, по словам летописца, новгородцы платили до смерти Ярослава, а уже при Святославе Игоревиче новгородцы шлют послов в Киев и просят себе князя, из чего, конечно,

следует, что они не состоят под властью киевского князя. Дань варягам "мира деля", как бы долго новгородцы ни платили ее, вовсе не обусловлена подчинением их киевскому князю.

Сведения, имеющиеся о преемнике Олега, не позволяют думать, чтобы его владения были очень обширны.

В договоре, заключенном Игорем с греками, есть статья, которой определяются порядок торговли русских гостей в Константинополе и некоторые их преимущества, как, например, право получать "месячное" от греческого царя:

"И приходящим им (руси), да витают у святого Мамы. Да послеть царство наше (греческое), да испишет имена ваша, тогда возмут месячное свое, съли слобное, а гостье месячное, первое от города Киева, паки из Чернигова и Переяславля".

И только, никаких других городов не упоминается. В соответствующей статье договора Олега прибавлено: "и прочий городи". Хотя собственные владения Олега едва ли простирались далее Киева, Переяславля и Чернигова, но в других городах сидели князья, состоявшие с ним в союзе, а потому и прибавлено: "и прочий городи". При Игоре, надо думать, не удержалось никакой связи между его владениями других князей. Договор поэтому упоминает только три города, на которые простиралась непосредственная власть этого князя: Киев, Чернигов и Переяславль.

Этот вывод находит себе некоторое подтверждение и в летописных известиях об отношениях Игоря к древлянам и о положении его дружины.

Мы знаем уже, что Олег воевал древлян, победил их и обложил данью; той же участи подверглись северяне и радимичи. Но обложить данью не значит присоединить к составу своей волости. И греки давали Олегу дань. Дань есть только плата за прекращение враждебных действий. Победенные племена-данники продолжали сохранять свою особенность и управляться по-старому собственными своими правителями. У древлян при Игоре был свой князь Мал. Таким образом, даже эти ближайшие соседи полян не входили в сферу власти Игоря; они продолжали оставаться только данниками его, притом и не очень покорными. Узнав о смерти Олега, древляне не пустили к себе Игоря за данью, и он должен был вновь побеждать их. В 945 году, когда сбор дани превысил всякую меру и перешел в грабеж, древляне убили Игоря.

Летопись сохранила чрезвычайно характерное обращение к Игорю его дружины:

"В се же лето рекоша дружина Игореву: отроцы Свенельджи изоделися суть оружием и порты; а мы нази! Пойди княже, с нами в дань да и ты добудеши и мы" (Лавр. 945).

Вот где побуждение к военным трудам и доблестям.

Дружина великого князя русского не имеет даже чем прикрыть наготу свою! И это после двух походов на Грецию. Не мощь государственная, руководимая широкими политическими планами, вызвала эти походы. Они были нужны для удовлетворения хищнических потребностей той вольницы, которую летопись называет "воями" Олега и Игоря. Весьма трудно видеть в князе правителя обширного государства, если ближайшие друзья его могли существовать только грабежом чужого имущества.

Скромные задачи волостного управления и суда мало соответствовали вкусам первых князей, в характере которых, действительно, есть черты, напоминающие норманнских викингов. Их увлекают рискованные предприятия за пределы волости, тогда как волость нуждается во внутреннем строении и бережении от врагов. Это различие вкусов князя и мирных жителей волости не ушло от внимания современников и занесено на страницы начальной летописи. Сын Игоря, Святослав, был одержим не меньшей любовью к военным подвигам, чем его предшественники. Он победил вятичей, козар, ясы, кософов и предпринял поход на дунайских болгар.

По рассказу летописца, он взял 80 городов по Дунаю и сел княжить в Переяславце, "емля дань на гръцех". Когда князь находился на вершине военной славы, стольный город его, Киев, подвергся великой опасности. Бесчисленное множество печенегов обложило Киев, и люди изнемогали от голода и жажды. Вот в этом-то крайнем положении киевляне посылают к своему победоносному князю посольство с такими речами:

"Ты, княже, чужее земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив. Мало бо нас не взяша печенези, мать твою и дети твои! Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки ны возмут. Аще ти не жаль отчины своя, ни матери, стары суща, и детей своих?"

Этим и объясняется тот разлад, который, несомненно, существует между жизнью волости и деятельностью первых князей, и малая связь князей с волостью. Олег уходит из Новгорода в Киев; сын Игоря, Святослав, оставляет Киев, чтобы водвориться в Переяславце на Дунае.

Что же оставил предприимчивый воитель, Святослав, детям своим в Русской земле?

Очень немного. Уходя из Киева в Переяславль Дунайский:

"Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в Деревех. В се же время придоши людье новгородстии, просяще князя собе: "аще не пойдете к нам, то налезем князя собе". И рече к ним Святослав: "абы пошел кто к вам". И отпресе Ярополк и Олег. И рече Добрыня: "просите Володимера" (Лавр. 970 год).

У преемников Святослава осталось всего две волости, Киевская и Древлянская, существовавшие еще прежде прихода варяжских князей на юг. Если надо было в самом ближайшем соседстве с Киевской волостью, в Деревех, посадить особого князя, то трудно думать, чтобы власть которого-либо из них простиралась далее пределов той волости, в которую он был назначен.

Из слов новгородцев ясно, что посадить в Киеве не значит еще посадить и в Новгороде: в Киеве был князь, Ярополк, но Новгород ему не принадлежал. Так как князь есть потребность волости, то новгородцы и в 970 г., как и сто лет тому назад, продолжают искать себе правителя. Характерен ответ Святослава: "кабы кто пошел к вам!" Очевидно, в понятиях князя не существует никакой необходимой связи между Киевом и Новгородом. Это особые государства, ему, впрочем, одинаково не нужные. Не князья ищут волостей, а волости князей!

Из известия летописи, сообщаемого под 980 годом, узнаем, что в Полоцке сидит Рогволод, пришедший из заморья, а в Турове - Тур.

В конце X века летописец, следовательно, знает пять отдельных князей, которым соответствуют и пять отдельных государств, весьма скоро вступивших в войну между собой. Но кто поручится, что летописец исчерпал всех князей того времени и что не было особого князя в Смоленске, Ростове или Муроме?

Из пяти князей-современников счастье улыбнулось младшему сыну Святослава, Владимиру, которого, по совету Добрыни, новгородцы взяли к себе. Олега Древлянского победил Ярополк Киевский и присоединил его волость к своей; Ярополка же и Рогволода Полоцкого победил с помощью неизбежных в начале нашей истории варягов Владимир Новгородский. Владимир сделался, таким образом, князем северных и южных волостей. Он сам сел в Киеве, а в Новгороде посадил дядю своего со стороны матери, Добрыню. Владимир существенно отличается от своих предшественников, ему дороги внутренние интересы волостей, это первый князь-градостроитель:

"И рече Володимер: се не добро, еже мало городов около Киева. И нача ставити городы по Десне и по Востри, и Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие: от словен, и от кривичь, и от чуди, и от вятичь, и от сих насели грады, бе бо рать от печенег и бе воюя с ними и одоляя им" (Лавр. 988).

Владения князя Владимира обширностью своей далеко превосходили владения каждого из его предшественников. Заботы его посвящены были внутреннему устройству городов и земель. Но для оценки взглядов этого князя на территорию необходимо выяснить, как смотрел он на свои города и земли, составляли они в его понятии одно нераздельное целое или это была совокупность самостоятельных волостей, благодаря счастливой случайности соединившихся под его управлением, а после его смерти должностующих снова разъединиться и вести самостоятельную жизнь? Летопись не сохранила никаких известий о последней воле Владимира; может быть, он и не сделал никаких распоряжений о дальнейшей судьбе своих владений. Мы лишены, таким образом, лучшего источника для ответа на поставленный вопрос. В нашем распоряжении имеется лишь несколько указаний на отношение к этому вопросу, обнаруженное Владимиром еще при жизни.

Из предшествующего мы знаем, что бояре советовали князю Владимиру дать Рогнеде и сыну ее, Изяславу, Полоцкую волость на том основании, что она принадлежала отцу Рогнеды. Владимир исполнил этот совет бояр.

Итак, он ничего не имел против нового разъединения соединившихся в его руках волостей и отделил Полоцкую волость сыну Изяславу с матерью еще при жизни своей.

Под 988 годом летописец говорит, что и другие сыновья Владимира, хотя не все, были посажены отцом по городам: Ярослав в Новгороде, Святополк в Турове, Борис в Ростове, Глеб в Муроме, Святослав в Деревех, Всеволод - Володимери, Мстислав - Тмутаракани.

Кроме Володимира (Волынского) и Тмутаракани, это все уже известные нам области, которые и прежде имели своих князей. С какой же целью Владимир рассадил в них своих сыновей? Назначил он их туда временно, в качестве местных правителей, или с тем, чтобы они оставались там и после его смерти, подобно тому, как Изяслав был назначен в Полоцк.

Утвердительный ответ в смысле последнего предположения вовсе не представляется невероятным. Позднейшие князья наделяли же волостями детей своих еще при жизни своей. Мог подготавливать такую меру и Владимир.

Что же касается сыновей его, то есть указания, что они именно так смотрели на назначение их в города. Мстислав, посаженный в Тмутаракани, сделался по смерти отца самостоятельным тмутараканским князем. Ярослав же еще при жизни отца стал смотреть на себя как на самостоятельного князя Новгородской волости и потому отказался платить отцу 2000 гривен. Эта дань была, кажется, единственной нитью, связывавшей Новгород с Киевом; и она оборвалась еще при жизни Владимира. Владимир стал готовиться к войне с сыном, а Ярослав, боясь отца, послал за море за неизбежными варягами, т.е. поступил совершенно так, как 35 лет тому назад поступил отец его, готовясь к войне со старшим братом, Ярополком. Смерть Владимира положила конец приготовлениям к войне отца с сыном.

Есть указание, что Святополк стал избивать братию, желая расширить свои владения. Следовательно, в раздаче волостей братьям своим и он видел опыт наделения их отцом на случай смерти.

Приведенные указания заставляют думать, что Владимир едва ли имел в виду образование из своих владений единого государства.

Ярослав, сын Владимира, есть последний крупный князь древней Руси. В течение последних 12 лет своей жизни (с 1036 г., когда умер Мстислав Черниговский) он владел всеми волостями, которые принадлежали отцу его, за исключением Полоцкой. Но и у него не было мысли о постоянном соединении волостей. Начальный летописец записал содержание его последней воли, устно высказанной детям. Вот она:

"Се аз отхожу света сего, сынове мои. Имейте в себе любовь, понеже вы есте

братия единого отца и матери. Да еще будете в любви между собою, Бог будет в вас и покорит вы противные под вы и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще в распрях и которающесе, то погибните сами и погубите землю отец своих и дед своих, иже налезоса трудом своим великим. Но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Киев, сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будет в мене место. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинеск". И тако раздели им грады, заповедав им, не преступати предела братня, ни сгонити. Рек Изяславу: "аще кто хочет обидети брата своего, то ты помогай, его же обидять". И тако уряди сыны свои пребывати в любви".

Оставляем в стороне поучение о любви, мире и послушании; мы возвратимся к нему, когда будем говорить о взаимных отношениях князей. Остановимся только на разделе городов. Ярослав делит свои владения между детьми. Он дает "города", подразумевается, конечно, "с пригородами", т.е. волости. Раздавая волости, он имеет в виду полную их политическую самостоятельность, а потому запрещает сыновьям "переступить предел братний". Под этим запрещением надо одинаково понимать как запрещение завладевать чужими уделами, так и всылать в них своих чиновников для взимания даней и проч. Все это было бы "переступление границ". Старшему сыну, Изяславу, вменено в обязанность помогать тому из братьев, неприкосновенность владений которого будет нарушена.

В завещании Ярослава ни слова ни сказано о северных волостях: Новгороде, Полоцке, Ростове и Муроме. О Полоцке и не могло быть сказано, так как волость эта не входила в круг владений его; но почему не упомянул он об остальных? Потому ли, что само собой разумелось, что эти волости входят в круг владений киевского князя, или по какой другой причине? Из предшествующего мы знаем уже, что посадить князя в Киеве не значит посадить и в Новгороде. Причина должна быть иная, о ней можно только догадываться. Северные волости были так удалены от южных, что связь их с Киевом, даже под управлением одного князя, была весьма слабая. Это хорошо знал Ярослав, считавший себя самостоятельным новгородским князем еще при жизни отца, великого князя Владимира. Эта обособленность севера и была, надо думать, причиной молчания Ярослава. У него на юге, под руками, было много волостей, чтобы устроить всех сыновей; северные волости, мог он думать, не останутся без князя, они найдут его сами.

Кому же достались северные волости? Наиболее деятельному и энергическому. Таким из сыновей Ярослава оказался второй, Святослав Черниговский, изгнавший и старшего брата своего Изяслава из Киева. О распространении власти его на северные волости заключаем из того, что в 1070 г. дань на Белоозере собирает муж Святослава, Ян Вышатич; а в 1071 г. сидит в Новгороде сын его, Глеб. Это было еще в княжение Изяслава в Киеве. После смерти Святослава (1076) Глеб был убит в Заволочье; его место в Новгороде занял Святополк Изяславич, при Святославе же и Муром присоединен был к Чернигову. В 1096 г. там сидит сын Святослава, Олег. В переговорах с Изяславом Владимировичем он называет Муром волостью отца своего (Лавр. 98 и 107).

Таким образом, первые наши князья, Владимир и Ярослав, которых можно назвать князьями-правителями, а не предводителями вольной дружины, не были основателями единого Российского государства. Представляется в высшей степени вероятным, что такая мысль была чужда князю Владимиру. Что же касается сына его, Ярослава, то завещание его не оставляет сомнения в том, что он не смотрел на современную ему Россию как на единое политическое тело.

Волостной порядок государственного устройства продолжается у нас до возникновения Московского государства.

Первая ясная мысль об образовании из нескольких волостей неделимого

целого появляется только у московских князей. Но и у них не очень рано. Первый проблеск этой мысли замечается лишь в завещании Дмитрия Ивановича Донского, а оно составлено в конце XIV века (Дмитрий Иванович умер 19 мая 1389 г.). Дело, начатое Донским, нашло искусных продолжателей в его преемниках, которые и завершили образование Московского государства.

Наши летописи впервые упоминают о городе Москве в половине XII века. В 1147 году ростовский князь Юрий Долгорукий пригласил "в Москов" на съезд союзника своего, новгород-северского князя Святослава Ольговича. Святослав с сыном и небольшой дружиной приехал в Москву на Похвалу Богородицы, в пятницу. На следующий день Юрий устроил в честь своих гостей "обед силен" и одарил их многими дарами.

В это время Москва была незначительным городом Ростовской волости, в который князья наезжают изредка и случайно.

В известиях летописи о борьбе пригорода Владимира с городом Ростовом и Суздалем упоминается и Москва, но она еще не играет сколько-нибудь заметной роли. Находясь у южной границы княжества, Москва есть место временной остановки приезжающих в Ростовскую волость князей и исходный пункт при нападении ростовских князей на своих южных соседей. Когда Михалко, избранный в князья владимирцами и переяславцами, отправился из Москвы к Владимиру, "Москвляне" собрались было сопровождать его, но узнав, что Ярополк с войском идет к их городу, "возвратишася вспять, блюдучи домов своих".

При назначении Всеволодом Большое Гнездо уделов сыновьям Москва вошла в состав Владимирского княжения, оставленного Юрию.

Образование особого Московского удела относится ко времени сыновей Ярослава Всеволодовича. Первым московским князем летопись называет Михаила Ярославича, того самого, который прогнал дядю своего Святослава из Владимира и, таким образом, пошел против воли своего отца*(29). Но Михаил (f 1248) всего двумя годами пережил своего отца и детей не оставил, а потому отдельное бытие Московского княжения едва ли могло продолжаться на этот раз более года. После смерти Михаила мы не встречаем указаний на особых московских князей до 1282 г., когда выступил Даниил Александрович, сын Невского, с москвичами и в союзе с тверским князем против старшего брата своего, Дмитрия. Этот Даниил и есть основатель дома московских князей. С какого именно года сделался он князем особого Московского удела - остается неизвестным; но окончательное выделение Москвы из Владимирского княжения не могло произойти ранее смерти Александра Невского (1263). Оно, по всему вероятно, произошло уже после смерти Ярослава Ярославича, когда великое княжение Владимирское сделалось предметом спора двух старших братьев Даниила, Дмитрия и Андрея. В этой борьбе Даниил выступил противником Дмитрия и, весьма вероятно, по миру с ним 1282 г. и выговорил себе особый удел, Москву. Под 1296 г. летописец называет его уже московским князем.

При Данииле Александровиче Московский удел значительно расширился. Даниил Александрович приобрел, по завещанию племянника своего, Ивана Дмитриевича, Переяславль. Он же, можно думать, присоединил к своим владениям и Коломну (1301) после победы, одержанной над рязанским князем Константином, которого он взял в плен и держал в Москве до своей смерти.

Даниил умер (1303), не заявляя притязаний на великое княжение Владимирское. Ему нередко приходилось садиться на коня для защиты своей Москвы и Переяславля. Он вел войны и со своими старшими братьями, Дмитрием и Андреем, последовательно занимавшими владимирский стол. Даниил несколько раз вступал в союз с Иваном Дмитриевичем Переяславским против великого князя Андрея, который неоднократно пытался вернуть Переяславль к великому княжению. Эти дружественные услуги племяннику и были, конечно, причиной,

почему тот отказал ему свой удел.

По смерти Даниила осталось пять сыновей; старший из них, Юрий, сидел в Переяславле. Сделал ли какое-либо распоряжение Даниил на случай своей смерти или нет, этого мы не знаем. Но вот каковы факты.

Переяславцы полюбили Юрия и не желали иметь другого князя. Они не пустили его даже на погребение отца, опасаясь, как бы кто в его отсутствие не захватил города. Но мы знаем уже, что князья предпочитают новые города старым. Предпочел и Юрий Переяславлю Москву, куда и перебрался в том же году. Есть основание думать, что Юрий захватил всю волость своего отца, не поделившись с братьями. Это был князь предприимчивый и не склонный к уступкам. В самый год водворения своего в Москве он напал с братьями на соседнюю Смоленскую волость и взял Можайск. В следующем году он вступил в борьбу с Михаилом Тверским из-за великого княжения и отправился в Орду. В его отсутствие брат его, Иван, занял переяславский стол. Трудно думать, что это было сделано с согласия Юрия. Если бы Иван был заодно со старшим братом, ему следовало или ехать с ним в Орду, или защищать его интересы в Москве. Он не делает ни того, ни другого, а завладевает Переяславлем. Если Юрий примирился с этим фактом и терпел его во все свое княжение, это объясняется тем, что он был занят борьбой из-за великого княжения сперва с Михаилом Тверским, а потом с сыном его, Дмитрием. Начать войну с братом значило - усилить своих противников. Во все тревожное княжение Юрия летопись ни разу не упоминает имени Ивана Переяславского на стороне Юрия. Это полное отчуждение от старшего брата было бы непонятно, если бы Иван был обязан ему своим Переяславским княжением*(30).

Остальные братья Юрия также едва ли были наделены им. Двое из них, Александр и Борис, отъехали из Москвы в Тверь в 1306 г.; в том же году Юрий приказал убить плененного отцом его рязанского князя Константина. Бегство родных братьев и последовавшее затем убийство Константина наводят на мысль, что против Юрия что-то замышлялось и что в этих замыслах принимали участие родные его братья и рязанский пленник. Участие братьев во враждебных Юрию замыслах легко объясняется тем, что они не были наделены им из отцовского наследия. Они были в положении служилых князей своего брата - не более. Неизменно при Юрии оставался только один из братьев, Афанасий. Но нет повода думать, что между ним и Юрием было разделено Московское княжение. Юрий Данилович один был князем московским, коломенским и можайским.

В 1319 году Юрию удалось добыть под Михаилом Тверским и великое княжение Владимирское, но он недолго княжил во Владимире. Года через четыре Дмитрий, сын Михаила, убитого в Орде по проискам Юрия, добыл себе ярлык на великое княжение, а в 1325 г. Юрий пал в Орде от руки тверского князя, который мстил ему за смерть отца.

После Юрия детей не осталось; из братьев же пережил его один Иван Калита, который и поспешил перейти в Москву, где в 1326 г. он закладывает уже с митрополитом Петром первую каменную церковь Успения Богородицы.

Еще древние наши грамотеи отметили Ивана Калиту прозванием собирателя Русской земли. Так называет его составитель Слова о житии и преставлении вел. кн. Дмитрия Ивановича. Позднейшие историки пошли далее: они возвеличили имя Калиты и государственные его заслуги поставили вне сравнения с заслугами его предшественников. Он является у них творцом новых форм государственного быта, дотоле неведомых. По Карамзину, он указал наследникам путь к единовластию и величию, а имя собирателя земли Русской "москвитяне дали ему единоголасно". Соловьев, искусно соединив мысль Карамзина с похвалой Слова о житии, говорит, что Калита "дал своим наследникам предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли". У

Д.И. Иловайского Иван Калита оказывается уже одаренным всеми теми качествами, которыми обыкновенно бывают одарены основатели могущественных государств.

Что Иван Калита сделал некоторые приобретения к Московскому уделу, это весьма возможно. Но то же делали и оба его предшественника, а потому нет повода называть его первым собирателем. Еще менее поводов считать его основателем единовластия и государственного могущества Москвы. Мы знаем уже, что выгоды единовластия сознавались чуть не за сто лет до Ивана ростовскими боярами и что оно настойчиво проводилось ими в жизнь. Единым князем Московской волости был и ближайший предшественник Ивана, родной его брат, Юрий. Вновь открывать путь к порядку известному, а в Москве действовавшему до Ивана, не было надобности. Ни с той, ни с другой точки зрения Калите не пришлось быть новатором.

Гораздо более есть оснований думать, что всякая мысль о государственном могуществе Москвы была совершенно чужда этому князю. Если его можно считать новатором, то в смысле самом невыгодном для Московского княжения. Он первый применил к наследованию этого вновь созданного княжения порядок частного наследования, разделив свой удел между всеми своими наследниками, в числе которых были и женщины. В этом делении - торжество чисто частной точки зрения на княжество. Калита - самый решительный проводник взгляда на княжение как на частную собственность князя со всеми его противогосударственными последствиями, а не основатель государственного могущества Москвы.

Этому отсутствию государственной точки зрения соответствуют и отношения его к Орде: он раболепный слуга ханов, по их приказанию воюющий против русских городов: Твери, Пскова, Смоленска. В защиту Калиты говорят, что он жил в такое время, когда и нельзя было оказывать сопротивление татарам с надеждой на успех. Может быть; но князь, до такой степени приспособившийся к владычеству иноплеменников, не мог служить для своих потомков образцом в предстоявшей им борьбе за независимость. Разделение же Московского княжения на части, конечно, нельзя рассматривать как обстоятельство, способствовавшее свержению татарского ига.

Самые земельные приобретения, приписываемые Ивану Калите, подлежат сомнению. Несомненны только сделанные им покупки сел в Новгороде, Владимире, Ростове и в некоторых других местах, о чем он упоминает в своем втором завещании. Покупка же Калитой Галича, Белоозера и Углича-Поля нуждается еще в дальнейших разысканиях и разъяснениях. Ни в одном из завещаний Калиты об этих куплях не говорится, между тем там упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортники и даже "придобытое золото" не забыто. В духовных грамотах сыновей Калиты также не упоминаются ни Галич, ни Белоозеро, ни Угличе-Поле. Первое упоминание о них встречаем в завещании Дмитрия Донского, написанном 49 лет после смерти Ивана Калиты. Но и там имя Калиты не упомянуто. Приобретения эти Дмитрий Иванович называет "куплями деда своего". Весьма естественно было увидеть в этом деде родного деда Дмитрия, Ивану Калиту. Так и сделал Карамзин. Но и он чувствовал, что тут не все ладно. Если Калита купил Галич и пр., то почему же ни он, ни дети его не распоряжаются новыми приобретениями? Чтобы выйти из этого затруднения, Карамзин сделал предположение, что новые волости куплены не к Москве, а к Владимиру и, как входящие в состав великого княжения, не подлежали завещательным распоряжениям московских князей. На это еще Соловьев заметил, что трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивал великое княжение, а не свои наследственные области. Соловьеву это дело представляется в таком виде: "Калита купил эти города, но оставил за продавцами еще некоторые права владетельных князей, подчиненных, однако, московскому князю; а при Дмитрии Донском они были лишены и этих прав" (III, пр. 417). Вещь возможная, что Калита оставил свои купли за князьями-продавцами, обвязав их службой себе и детям,

подобно тому, как он дал свою куплю, село Богородское в Ростове, Бориске Воркову на условии службы. Но все-таки то, что он купил, приобретено им, и в завещании, в котором не забыт даже прикупленный кусок золота, надо было упомянуть о Галиче с Белоозером и Угличем; упомянуто же там село Богородское, хотя оно и не находилось во владении сыновей, а было отдано Борису Воркову. Итак, молчание завещаний Калиты и его детей остается не объясненным, а возбуждаемые им сомнения не устранены*(31).

Несомненно только следующее: Галич, Белоозеро и Углич в состав московской территории вошли при Дмитрие Донском. То же, собственно, говорят Карамзин и даже Соловьев, допускающий в этих волостях особых владетельных князей до времени внука Ивана Калиты.

Переходим к завещанию Калиты.

Он назначает своими наследниками трех сыновей и жену совокупно с младшими детьми (дочерьми).

Иван Данилович распоряжается в своем завещании не только частной своей собственностью, но и правами владетельного князя. В качестве частного собственника он отказывает свои движимости (рабов, скот, драгоценности и пр.) и недвижимости (села); в качестве владетельного князя - города и волости, в которых ему принадлежит право суда и управления. Границы частной земельной собственности князя и удела его не совпадают; с одной стороны, не все московские села в собственности князя, а с другой, он владел селами не только в Московском княжестве, но и в великом княжестве Володимирском, Новгороде, Ростове и в других местах.

Мы не знаем размеров городских и волостных округов, названия которых встречаются в духовной Калиты, а потому и не можем с точностью выяснить взаимное по величине отношение отдельных участков, на которые он разделил свое княжение. Но по некоторым грубым признакам можно думать, что эти участки были далеко не одинаковы. Старший сын получил всего более, а затем, в нисходящем порядке, каждый из следующих меньше предыдущего. Но удел жены с дочерьми был больше удела младшего сына Андрея. Делаем это заключение на том основании, что Семен получил два города, Можайск и Коломну, со всеми волостями, да еще поименно 16 волостей; Иван - 13 волостей, на первом месте Звенигород, затем Кремичну, Рузу и т.д. (в том числе 3 слободы); Андрей - 11 волостей, на первом месте Лопастну, на четвертом Серпухов; жена же с дочерьми - 14 волостей и в том числе две слободки*(32).

Все ли волости, которыми распоряжается Иван, уже принадлежали к Москве при брате его или некоторые из них вновь приобретены им самим, это, по недостатку источников, остается неясным.

Давая старшему сыну больше, Иван следует и до него существовавшей (хотя и не без крупных отступлений) практике, в силу которой князья, делившие свой удел между несколькими сыновьями, старшему давали лучший город. Но Иван не вполне усвоил себе эту практику, он существенно видоизменил ее, и не к добру. Свой лучший город, Москву, он не дал старшему, а предоставил его в общее владение всем трем сыновьям, выделив еще в пользу жены право собирать "осьмничее" в городе Москве. В городе Москве с уездом был установлен, таким образом, правительственный триумvirат, за исключением осьмничного, сбор которого предоставлен жене; четыре же удела, на которые распалось Московское княжение, предоставлены отдельному управлению и суду трех сыновей и жены.

В небольшой территории Московского удела со смертью Калиты возникло, следовательно, четыре отдельных княжения, из которых одно состояло под властью женщины, в городе же Москве с уездом - общее владение трех сыновей-наследников.

Как представлял себе последствия своего завещания Иван Калита? Временная была эта мера или постоянная? Конечно, постоянная. Он передал своим наследникам те права, которые сам имел. Он разделил эти права между детьми, подразумевая, что дети его сделают то же, и так далее в бесконечности. Так, действительно, и понимали свои права его дети. В год смерти отца (1341), младшие сыновья его заключили договор со старшим, по которому последний обязался, в случае смерти одного из младших, не обидеть его вдовы и детей и не отнимать ничего из того, чем благословил их отец по разделу. Итак, после смерти одного из сыновей часть его переходит не только к его детям, но и ко вдове. Бесконечное дробление первоначальных уделов и бесконечное число общих собственников в Москве - таковы последствия завещания Калиты для созданного трудами его отца и брата Московского удела.

Калита есть основатель противогосударственного порядка, а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекор видам Калиты. Преемникам его надо было начинать работу сызнова и в духе совершенно противоположном тому, в каком действовал он. Надо было разрушить созданный им порядок*(33).

Рабская угодливость перед Ордой доставила Калите (1328 г.) обладание великим княжеством, которое он и занимал до своей смерти. В завещании он ни одним словом не упоминает о судьбе великого княжения по смерти своей. Это совершенно согласно с его раболепным отношением к Орде: великим княжением распоряжаются ордынские цари; Иван Данилович, их покорный слуга, это знает и в права владык своих не вмешивается*(34).

Думаем, что это послужило только ко благу Московского государства: если бы Калита мог распоряжаться великим княжением, он и его разделил бы. Не говорится в завещании и о Переяславле. Это значит, что Переяславль, где последовательно сидели три князя московских, при Иване перестал принадлежать к Москве, а перешел в состав великого княжения, где позднее мы его, действительно, и находим. Как это случилось, не знаем; но это крупное увеличение великого княжения Владимирского насчет Москвы произошло при Иване, который, значит, не только приобретал, но и очень много терял. В чьих было это интересах? У Ивана не было соперника, который мог бы отвоевать у него Переяславль ко Владимиру. Думаем, этого хотели татары. Ставили же они, в противность собственным своим интересам, великого князя владимирского над другими князьями. Можно допустить, что они и потребовали воссоединить Переяславль с Владимиром: Иван Данилович подчинился*(35).

Лишенный качеств государя и политика, Иван обладал свойствами доброго семьянина. Он любил свою жену и детей и думал не о величии Московского государства, а о безбедном устройстве этих дорогих его сердцу людей. Он наделил их всех, никого не обидел и принял меры, чтобы оградить их и в будущем от возможных случайностей. Действительно, татары могли заявить притязание на ту или другую волость, данную сыну или жене, и отобрать ее к великому княжению или другому соседнему княжеству. Если бы такой случай произошел, Иван приказывает наследникам вознаградить того, чей удел будет умален. На старшего сына, который всех богаче, а потому и сильнее, он возложил обязанность печаловаться о младших, т.е. заботиться о них и покровительствовать им. Иван Калита - добрый и зажиточный семьянин, которому очень хорошо жилось под властью ордынских царей. Ничего лучшего он и для детей своих не желал.

Освобождение московской территории от тех пут, которыми она была связана завещанием Калиты, есть процесс медленный и тяжелый. Невыгодный с государственной точки зрения порядок, установленный этим князем, был выгоден для его младших сыновей, которые все, наравне со старшим, возведены в

достоинство владетельных князей, а в городе Москве сделаны соправителями. Он нашел в них самых горячих защитников, поддерживавших его из своих личных интересов. Кроме того, для них, как и для старшего сына, порядок, установленный отцом, должен был иметь значение священного завета. При весьма натуральной духовной зависимости детей от родителей начала, которыми руководствуются отцы, переходят к детям и вызывают подражание в потомстве. Чтобы освободиться от них, нужна из ряда вон выходящая свобода мысли и способность отрешаться от семейных преданий, обыкновенно дорогих человеку и незаметно для него самого определяющих его волю.

Сыновья Ивана не были одарены этими качествами, они не принадлежали к людям борьбы. Существующий порядок они считали нормальным. Их первым делом было утвердить особым договором произведенный Калитой раздел. Они признали наследственность участков и поклялись у гроба отца не нарушать прав друг друга. Распределение городов и волостей осталось прежнее. Младшие предоставили только Семену "на старейшинство" преимущество в некоторых доходных статьях.

Семен Иванович отказал весь свой удел, полученный от отца, с присоединением сел, купленных им в Переяславле, Юрьеве, Владимире, Костроме и Дмитрове, жене своей, Марии, урожденной княжне тверской. У князя был сын, но он не его сделал наследником, а жену. Он передал ей свои владения без всякой оговорки. Он не говорит, что дает свой удел на время малолетства сына или по ее живот. Он переносит на нее безусловно все те права, которые имел сам, предполагая, думаем, что она, со временем, передаст эти права также по духовной грамоте его сыну. А умрет сын раньше матери? Завещание не предусматривает этого случая. Надо думать, что княгиня сохраняла за собой в этом случае право пожизненного владения. Таким образом, Семен передал самый большой удел Московского княжества Марии Александровне Тверской, княжне дома, исстари враждебного дому московскому. Далее этого едва ли может идти пренебрежение интересами династии Даниловичей и разложение московской территории. Завещание Семена Гордого есть крайний пункт, которого достигает последовательное развитие начал, высказанных Калитой. В Московском княжении исчезла всякая государственная идея. Князь не есть представитель государственного целого. Он частный собственник и заботится только о благе семьи своей. Над русскими князьями стояли ордынские цари, но в них нельзя же видеть воплощение русской государственной идеи. Они эксплуатировали Русскую землю в собственном своем интересе - и только. Русские князья были орудиями их власти. Великий князь владимирский только исполнитель ханской воли.

В качестве ханского подручника и Семен Иванович сидел на вел. княжении. Но и он, как и отец его, не считал себя вправе сделать о нем какое-либо распоряжение. Его заботит жена, он отказывает ей все, что имеет; выше этого не поднимаются его взгляды.

Завещание Семена Ивановича если и было приведено в исполнение, то очень ненадолго. Второй сын Калиты, Иван, захватил удел старшего брата еще при жизни его жены, что, конечно, было не согласно с клятвенным обещанием 1341 г.***(36)**

Московскому княжению предстояло или исчезнуть с лица земли в постоянном дроблении, или снова соединиться, но с нарушением существующих уже прав его мелких владельцев, Иван Иванович открывает путь этих нарушений.

Но соединение двух больших частей под его властью не повело к существенному изменению порядка, установленного Калитой. Его второй сын, Иван, недалеко ушел от воззрений отца. Этот князь имел двух сыновей, Дмитрия и Ивана, и восстановил для них сделанное Калитой деление. Старшему сыну, Дмитрию, он отказал удел брата, Семена, отнятый им у его жены, а свой собственный - второму, Ивану. Удел третьего брата, Андрея, перешел к его сыну, Владимиру. Иван в своем

завещании подтверждает за племянником отцовское наследие. Это все порядки, установленные Калитой.

Иван Иванович был также великим князем владимирским; но, как и отец его и брат, в своем завещании великим княжением не распоряжается. Причины - те же.

В год смерти Ивана положение Московского княжения было весьма стесненное. Москву окружали сильные соседи, владения которых далеко превосходили уделы московских князей. Суздальское княжение (в составе Суздаля, Нижнего и Городца) находилось в руках Андрея Константиновича, который мог направлять все свои силы для приобретения своему дому великого княжения. В Твери московским князьям приходилось иметь дело с энергичным Михаилом Александровичем, который соединил уже в своих руках Микулин, Дорогобуж, Тверь и Кашин и выступил соперником Дмитрия Ивановича на великое княжение. В своих войнах с Москвой тверской князь не раз пользовался содействием Ольгерда Литовского. Наибольшая часть Рязанского княжения была объединена под властью Олега Ивановича. Рядом с этим большим и сильным княжением в Рязани существовал только один удел, Пронский, который занимал племянник Олега, Владимир Дмитриевич. Что могла противопоставить таким сильным соседям разьединенная Москва, где, собственно, и князей-то не было, так как старшему сыну Ивана, Дмитрию, было всего 9 лет, а двоюродному брату его, Владимиру Андреевичу, и того меньше (6 лет)? Но в этом обстоятельстве и заключалось чрезвычайно благоприятное условие для успешного развития московской территории. В малолетство князей управление находилось в руках бояр. Среди этих бояр большинство должно было состоять из бояр великого княжения Владимирского. Они находились в близких отношениях к московским князьям, которые, в течение последних 30 лет, непрерывно, хотя и в качестве ханских посаженников, занимали великокняжеский стол. Эти бояре, конечно, не оставались без влияния на ход дел, особенно когда речь заходила о великом княжестве Владимирском. Летопись сохранила известие о том, что и заурядные жители города Владимира не были равнодушны к тому, кто занимал владимирский стол. Когда, в 1317 году, Михаил Тверской добыл в Орде под Дмитрием Московским ярлык на великое княжение и подступил к Владимиру, чтобы "сести тамо на великое княжение", владимирцы не пустили его. Тем менее можно думать, что судьбы великого княжения решались без участия бояр этого княжения.

Эти-то бояре и были наставниками Дмитрия Ивановича. С направлением боярской политики с давних времен мы уже знакомы. Она не могла измениться, ибо условия остались те же. Боярам нужны богатые кормления. Чем меньше князей, тем этих кормлений больше. Бояре - естественные сторонники объединительной политики. Эту политику внушили они и Дмитрию Ивановичу, которого еще младенцем возвели на великокняжеский стол. Под 1362 годом летописец повествует о том, что великий князь Дмитрий Иванович согнал с Галицкого княжения князя Дмитрия и взял свою волю над князьями ростовскими и суздальскими. Кто это сделал? Дмитрию Ивановичу было тогда всего 12 лет. Это сделали его бояре. Очевидно, среди них живет еще старая идея о целостности Ростовско-Владимирской волости, и вот они начинают восстанавливать старые границы этой волости, то прогоняя наследственных князей, то приводя их в зависимость великого князя, а при его малолетстве - в свою собственную.

При таких-то условиях Дмитрий Иванович является основателем нового порядка вещей. Он устанавливает в великом княжении единонаследие. Этому начала Дмитрий Иванович не мог заимствовать из практики княжеской. Всеволод Большое Гнездо разделил Владимирское княжение. Иван Калита и его сыновья делят все, что только попадает в их руки. Начало неделимости живет исстари среди бояр, и от них перешло оно к великому князю Дмитрию.

Новатором Дмитрий Иванович является, однако, только в области великого княжения. В старых наследственных владениях и в тех приобретениях к ним, которые он делает из соседних наследственных территорий, он следует практике отца и деда. Таким образом, он в одно и то же время продолжает старое и кладет твердое основание новому.

Все великое княжение Дмитрий Иванович отказывает без раздела одному старшему сыну, Василию. Из Московского удела он дает ему Коломну и половину своей доли в городе Москве.

Другие свои владения он распределяет между остальными сыновьями. Княгиня его также получает надел.

Давая уделы младшим сыновьям своим, Дмитрий Иванович, конечно, наделял их с имеющим возникнуть от них потомством. Такой порядок, как мы видели, установился уже при его деде и продолжался при дяде и отце. Он составляет семейное предание. Но Дмитрий Иванович умер в молодых еще летах; автор "Слова" насчитывает ему всего 38 лет и 5 месяцев. Старшему сыну его было в это время только 18 лет, и он не был еще женат; Андрею - 8, Петру всего - 5. Неудивительно, что отец допускал возможность бездетной их смерти и сделал на этот случай особое распоряжение. "А по грехам, - читаем в его завещании, - которого сына моего Бог отымет, и княгиня моя поделит того уделом сынов моих". Это место надо читать, конечно, так: а которого сына моего Бог отымет, а не будет у него детей, и княгиня моя поделит и т.д. Иначе оказалось бы, что внуки князя лишаются своих отчин.

На случай же бездетной смерти старшего сына, Василия, Дмитрий Иванович делает распоряжение о великом княжении Владимирском с Коломной, но совершенно в ином смысле. Этот удел не делится, он целиком переходит к следующему брату, удел которого делится между остальными. Из этого распоряжения можно заключить, что Дмитрию Ивановичу была присуща мысль о неделимости великого княжения. Это первый князь московского дома, одаренный государственным умом, но действующий еще под сильным влиянием тех противогосударственных начал, которыми были проникнуты его отец, дядя и дед. Великое княжение не делится в том случае, если великий князь умрет, не оставив сыновей; оно переходит целиком к следующему брату. Но что делать, если великий князь оставит сыновей? Сам Дмитрий Иванович наделил всех своих сыновей. В этом случае он строго следовал примеру отца, дяди и деда. Как же следовало поступить его старшему сыну в том же случае? Конечно, по примеру предков. А если бы у него не было других владений, кроме великого княжения? Мысль Дмитрия Ивановича так далеко не идет. Сделанный им почин при неблагоприятных обстоятельствах мог бы повести к дележу и великого княжения. Вновь созданному порядку, кроме мудрой предусмотрительности преемников Дмитрия Ивановича и их бояр, помог и счастливый случай. Случай играет в истории великую роль.

Василий Дмитриевич, по завещанию отца, великий князь владимирский, обнаружил с первого года княжения большую энергию и не только укрепил за собой наследованные от отца владения, но и значительно расширил их.

В договоре с дядей Владимиром Андреевичем, заключенном никак не позднее 1390 года, он высказывает уже намерение добыть себе Торусу и Муром. Последний город с волостями он, действительно, и добыл. В том же году овладел он всем Суздальским княжением под детьми сперва соперника, а потом союзника отца своего, Дмитрия Константиновича, в составе Суздаля, Нижнего Городца и Вятки.

Как и при каких обстоятельствах произошло это крупное приобретение? Источники, по обыкновению, очень скупы. Они выражаются до крайности кратко: "Князь великий, Василий Дмитриевич, взя Новгород Нижний, князей и с княгинями сведе", - говорит Воскр. лет., как будто дело идет о самом обыкновенном

происшествии. А происшествие это далеко не обыкновенное. Князя, которых Василий Дмитриевич так просто свел с Нижнего, родные братья матери его; а самому Василию в это время не было еще полных 20 лет. Не более как два года тому назад Дмитрий Донской, умирая, приказал сыновьям своим во всем слушаться матери. Неужели это она возбудила сына против своих родных братьев? Это так же трудно думать, как и допустить, что юный Василий Дмитриевич сам восстал против столь близких ему родственников, отец которых долгое время был верным союзником его отца. Кто же возбудил его к нарушению старинных прав его родных дядей, которые признавались и его отцом бесспорными? Были, значит, около него советники, которые интересы великого княжения ставили выше частных семейных привязанностей. Это, конечно, бояре. В объединительной политике они идут далее князей: юный Василий Дмитриевич делает то, чего не решился сделать отец его, победитель татар. Дмитрий Иванович терпел в Нижнем сыновей своего союзника до самой смерти своей; сын его не мог стерпеть их соседства и одного года.

Василия Дмитриевича пережил только один сын: чувствам отца не приходилось в нем бороться с обязанностями государя. Это совершенно случайное обстоятельство очень много способствовало к упрочению вновь возникавшей государственной территории. Это уже второй раз, что случай является на помощь возникающему государству и поправляет ошибки его князей. Положение самого Дмитрия Ивановича и его потомства было бы, конечно, хуже, если бы не умер своевременно второй брат его, Иван. Потомкам Донского пришлось бы сокрушить еще одну лишнюю династию. Все свое княжение Василий Дмитриевич отказал сыну, Василию, наделив жену по живот, согласно с выработавшеюся уже практикой московского дома. Вредные для спокойного развития территории нового государства последствия установленного Калитой порядка с особенной силой обнаружались при преемнике Василия. Галицкий князь Юрий Дмитриевич, желая воспользоваться малолетством племянника, вел. князя Василия Васильевича (ему было всего 10 лет), вступил с ним в борьбу из-за обладания великим княжением*(37). По смерти Юрия (f 1434), притязания эти перешли к его сыновьям, на стороне которых оказался и старший сын второго дяди, велик, князя Андрея (f 1432), Иван Можайский, которому очень хотелось сделаться князем всего Суздальского княжения.

Великое княжение испытало тяжелые потрясения, но вышло из борьбы окрепшим и снова значительно увеличившимся.

Первый удар обрушился на голову Василия Ярославича Серпуховского, внука Владимира Андреевича и единственного обладателя его обширного удела. Присоединение Серпуховского княжения к Москве - дело столь же несправедливое, как и присоединение Суздальского княжения. Но Московское государство и не могло образоваться без нарушения существующих прав.

Еще в 1428 г. Василий Васильевич признавал права внуков Владимира Андреевича на их отчину. В договоре, заключенном в этом году с дядей, Юрием, он обязывает его блюсти отчину внучат князя Владимира, не обидеть, не вступаться. Но из договора его с самим Василием Ярославичем узнаем, что вел. князь не "додал" ему его дедины: Углича, Городца на Волге, Козельска, Гоголя, Алексина, Пересветова и Лисина. Что значит - не додал? Волости эти были отказаны Владимиром Андреевичем не отцу Василия, а дядьям его. Надо думать, что по смерти этих князей Василий Васильевич и захватил их. Это и значит - не додал, т.е. взял себе чужую отчину. Последний дядя Василия умер в 1427 году; около этого времени (или годом позднее, после договора с Юрием) и произошла, значит, недодача. Василию Ярославичу было тогда около 17 лет, а самому Василию Васильевичу не более 14-ти. И тут опять за именем малолетнего велик, князя скрывается боярская рука, созидающая камень за камнем Московское государство.

Василий Ярославич, несмотря на умаление своей вотчины, оставался верным

союзником великого князя. В 1446 году, когда тот был изменнически схвачен Дмитрием Шемякой, лишен свободы и ослеплен, Василий Ярославич бежал в Литву, где сделался центром, около которого и собрались сторонники великого князя. Эта услуга смягчила Василия Васильевича; он сознал, что находится в долгу у серпуховского князя, и вместо недоданных волостей дал ему Дмитров и Вышгород.

Но верность князя не спасла Серпуховский удел. Политика приобретений шла своим чередом. Несмотря на несколько новых договоров, которыми подтверждались права Василия Ярославича, он был схвачен в 1456 году, закован в железа и сослан в заключение в Углич. Сын его бежал в Литву. Таким образом, сходит со сцены линия третьего сына Калиты. Праправнук этого чадолюбивого князя скончался (1483 .) в неволе и тяжких оковах. За двадцатилетнее властвование в качестве удельного князя и третичка в Москве он заплатил двадцатитрехлетним тяжким тюремным заключением. Так поплатился совершенно невинный потомок за политическую близорукость предка. Вся вина Василия Ярославича заключалась в его наследственных правах, в том, что он был сын своего отца.

Любовь к детям составляет семейную добродетель потомков Калиты; она постоянно вынуждает их нарушать требования разумной политики. Все они, если только в минуту смерти у них оказывалось несколько сыновей, дают уделы и младшим. При жизни они сами испытывают неудобства этого порядка, борются с ним, всеми правдами и неправдами отбирают уделы дядей, братьев и племянников; а в минуту смерти создают совершенно такие же затруднения для своих преемников.

Наделил всех своих сыновей и Василий Васильевич, так много терпевший от дяди и двоюродных братьев. На его завещании лежит еще заметный след установленного Калитой порядка. Старшему сыну, Ивану, дает он все великое княжение и значительную часть приобретений деда, отца и своих собственных; в Москве же с уездом назначает ему только свою наследственную треть. Трети Калиты еще живы!

В противоположность отцу, деду и прадеду, Иван Васильевич вступил на престол совершеннолетним, в возрасте 22-х лет. С ранней юности он был свидетелем борьбы отца своего с двоюродными братьями. Шестилетним мальчиком он сопровождал великого князя (1446 г.) в Сергиев монастырь и был очевидцем изменнической (на крестном целовании) его поимки и лишения свободы. Только по крайней небрежности врагов великого князя юный Иван Васильевич не разделил участи отца. Последовавшее затем истребление удельных князей должно было представляться ему делом разумной политики. К вековой практике великокняжеских бояр и собственных предков, которая должна была стать в старшей линии Дмитрия Донского семейным преданием, он присоединил и свой личный опыт. В его лице великое княжение получило искусного продолжателя дела, начатого Донским. В своих приобретениях он далеко вышел за старые границы древней Ростовской волости. Дело его, конечно, было гораздо легче, чем дело первых начинателей: он имел за собой столетний опыт и столетние предания; но он внес в него новые приемы. Без насилия не образовалось ни одно великое государство; не обошелся без него и великий князь Иван. Но он не любил насилия. Он обращался к нему лишь в последний час, когда все мирные средства были уже истощены. Иван Васильевич любил, чтобы соседние владельцы добровольно уступали ему свои владения. И он умел доводить их до этого. Если соседи упорствовали, он ставил их в такое положение, что они волей-неволей оказывались виноватыми перед ним. Только тогда брался он за оружие и наказывал виновных отнятием их владений. Иван Васильевич был всегда прав, виноваты были его соседи.

Первый опыт своего искусства он показал на верейском князе, владельце последнего удела, оставшегося от дележа, произведенного Дмитрием Донским. Великий князь так хорошо обставил свои отношения к Михаилу Верейскому, что тот

стал добровольно и без всякого вознаграждения уступать ему один за другим города и волости в своей отчине. По первой уступке он передал в руки великого князя: Звенигород, Плеснь, Сохну и некоторые другие волости. Это было нечто необычайное. Верейский князь имел сына; переход удела от отца к сыну не только разумелся с давних времен сам собой и всегда происходил, но в данном случае он был признан и самим Иваном Васильевичем. Несколько позднее Михаил Андреевич уступил великому князю, на случай смерти своей, Белоозеро со всеми волостями. Положение сына и законного наследника Верейского князя, Василия, становилось критическим. Наследственные права его, неоднократно подтвержденные великим князем, тают как воск. Он небезосновательно может опасаться, что из отчины и дедины ему ровно ничего не останется. Очень естественно, что он недоволен. Чтобы сохранить за ним хоть что-нибудь, отец при жизни дает ему Верею, - знак, что он ничего не имел против сына. Можно ли удивляться, что новый верейский князь, кругом обобраный, но с соблюдением не только всяких приличий, но и всяких прав (добровольно отказываться от своих владений всякий, конечно, может), - оказался виноват перед великим князем? Мы не знаем, какую вину совершил он, но думаем, что в его положении и нельзя было не провиниться. За эту вину великий князь отобрал у него Верейский удел и великодушно возвратил отцу его. Отец, тронутый этой милостью, отказал все, что у него еще оставалось, великому князю и обязался не только не принимать к себе своего сына, но и не входить с ним ни в какие сношения.

Верейское княжение поступило в состав великого, а сын и законный наследник верейского князя прогнан отцом из родительского дома и не только лишен владительных прав, но не получил в своей отчине и единого двора, с которого мог бы кормиться.

В 1472 г. скончался второй сын Василия Темного, Юрий, обладатель наибольшего удела после великого княжения. Юрий не оставил детей. Мы уже знаем, что духовная Дмитрия Донского предписывает в этих случаях дележ удела между пережившими братьями; завещание же Василия Васильевича этого вопроса не касается. Юрий мог поэтому считать себя вправе если не распорядиться своим уделом по усмотрению, то назначить части всем братьям. Он не сделал этого, но завещание написал, и притом весьма знаменательное. Он распоряжается в нем только частной своей собственностью: селами и движимостями, о городах же и волостях не говорит ни слова. Села свои Юрий распределяет между всеми братьями. Можно думать, что то же хотел он сделать и с волостями, но не сделал. Почему? Это было, конечно, негодно великому князю. Но Юрий мог назначить великого князя единственным своим наследником: такое распоряжение не встретило бы сопротивления со стороны Ивана Васильевича; но Юрий и этого не сделал. Почему? Это было, конечно, негодно самому Юрию. При таких-то обстоятельствах, надо думать, было написано это завещание владетельного князя, в котором ни слова не говорится о его владениях. Чего не хотел сделать Юрий, то сделал сам великий князь: он присоединил весь его удел к своим владениям.

Младший брат Ивана Васильевича, Андрей, оказался сговорчивее Юрия. Он добровольно отказал ему свой удел, за исключением одной только волости под Москвой, Раменейце, назначенной Андрею Старшему. Столь же сговорчив был и племянник великого князя, Иван Борисович, завещавший ему всю свою вотчину, хотя у него был жив ближайший родственник, родной брат, и притом старший, Федор.

Таким же мирным способом Иван Васильевич распространил свои владения до самого сердца Рязанского княжества. Федор Васильевич Рязанский отказал ему свою отчину на Рязани, в городе и на посаде, и старую Рязань, и Перевитеск с волостями. А у Федора Васильевича был жив родной племянник, великий князь рязанский, Иван. Эту уступку Федор Васильевич сделал несмотря на то, что в

договоре с покойным братом, отцом рязанского князя, Ивана, обязался, в случае бездетной смерти своей, никому не отказывать удела помимо этого старшего брата. О сыне в договоре не упомянуто, но что сын входит в права отца - это разумелось само собой, так как договор имел в виду сохранение отчины рязанских князей в их доме.

Воевать приходилось только с теми, кто сопротивлялся. Великий Новгород назвал Ивана Васильевича своим государем, а потом отказался. Весть об этой измене до крайности расстроила великого князя: он не мог удержать слез и заплакал. И немудрено: дело, которое устраивалось так мирно и по собственной инициативе новгородцев, ускользнуло из рук по вине литовской партии, и теперь надо было прибегать к силе. "Я не хотел у них государства, - говорил Иван Васильевич митрополиту Геронтию, - они сами мне его предложили, а теперь запираются и возлагают на меня ложь". За это преступление Новгородская волость была разграблена, лишена вольностей и присоединена к великому княжению.

При этом произошло одно обстоятельство, на которое должно обратить особенное внимание. Иван Васильевич вступил с побежденными в переговоры и потребовал, чтобы они дали ему волости и села (в собственность). Новгородцы ударили ему челом десятью волостями. Великий князь не взял, десяти волостей ему было мало. Он потребовал себе половину всех волостей, чьи бы они ни были. Новгородцы дали. Если надо было требовать уступки волостей, то, значит, победа не делала еще великого князя собственником покоренной земли, и это - его собственная точка зрения. Быть государем не значит еще быть собственником всей государственной территории. Таков взгляд московского государя второй половины XV века. Но с возрастанием Московского государства самовластие делает чрезвычайно быстрые успехи. В 1478 году великий князь не решается сам взять у новгородцев столько сел, сколько ему нужно; а в 1484 году он уже не находит никакого затруднения произвольно отбирать у новгородских бояр и боярынь села и казну их, а их самих переселять из Новгорода в Москву.

В 1486 году дошла очередь и до Твери. С последними расширениями великого княжения, а особенно с приобретением Новгорода самобытное существование Твери, с трех сторон опоясанной владениями московского князя, сделалось невозможным. Князья московский и тверской поддерживали, однако, дружественные отношения, установившиеся еще при их отцах и скрепленные браком Ивана Московского с дочерью тверского князя, Бориса. Новый тверской князь, Михаил Борисович, близкий свойственник московского, не раз оказывал ему, на свою беду, деятельную военную помощь и против Новгорода, и против татар. Но эти обоюдные дружественные отношения не могли быть искренними и прочными. Натянутость положения и грядущее торжество Москвы носились в воздухе и чувствовались всеми. Спасаясь от крушения, из Твери в Москву стали отъезжать не только бояре, но и удельные князья. Великий князь принимал их радушно и наделял, чем мог, а наделить ему было чем. Этим создалось для великого князя тверского совершенно невыносимое положение. Отчины отъехавших бояр находятся в пределах его владений, а бояре служат с этих отчин не ему, а великому князю московскому. Московский князь более хозяин в Тверском княжении, чем сам тверской. Эту мертвую петлю, наброшенную на Тверское княжение всем предшествовавшим ходом событий, Иван Васильевич понемногу затягивает. Летописец рассказывает: если в порубежных спорах москвич был виноват, в Москве его всегда оправдывали; если же тверич, - Иван Васильевич с поношением и угрозами слал к тверскому князю, ответам же его не верил и суда не давал. Следствием такой беззащитности тверичей было то, что все бояре тверские, говорит летописец, поехали служить к великому князю на Москву, не стерпя обид его.

Что было делать в этом положении великому князю тверскому? Перестать

быть князем и все отдать своему счастливому соседу. Но Михаил Борисович не умел понять своего положения: прирожденному князю и нелегко было стать на такую точку зрения. Он захотел испытать крайнее средство, иноземную помощь, и стал ссылаться с великим князем литовским, подымая его на великого князя Ивана. За эту вину Иван Васильевич осадил Тверь. О сопротивлении, конечно, не могло быть и речи. Тверской князь бежал в Литву, а княжение его присоединили к Москве.

Иван Васильевич хорошо понимал неудобство уделов. Он даже прямо и решительно высказался против них. Это было в 1496 г. Узнав о намерении великого князя литовского, Александра, наделить брата, Сигизмунда, Киевом, он убеждал дочь свою, Елену, жену литовского князя, предостеречь мужа от этого поступка. По этому поводу он говорил ей: "нестроение было в Литве, коли было государей много; тоже и в нашей земле при моем отце, да и мне с братиею были дела".

Но порядок этот так давно сложился в Москве, так неизменно соблюдался всеми предшественниками Ивана Васильевича, что и он не нашел возможным отступить от него. Благословив старшего сына Василия своей отчиной, великими княжествами, чем его самого благословил отец и что ему Бог дал, со множеством городов и волостей, он назначает уделы и всем младшим: Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею.

Соединив всю Москву с уездом в своих руках, Иван Васильевич не восстанавливает уже третьей Калиты, но и не отдает всей Москвы Василию. Так трудно было освободиться от существующего порядка даже и Ивану Васильевичу! Он дает всем младшим сыновьям равное с Василием участие в тех двух "годах на Москве", которые были даны братьям его, Юрию и Андрею Меньшому, да в годе Михаила Андреевича.

Но в завещании Ивана Васильевича находим и важное нововведение.

"А которого моего сына не станет, - читаем в его духовной грамоте, - а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тверской земле, что еси ему ни дал, то все сыну моему, Василью; а братья его у него в тот удел не вступаются. А останутся у него дочери, и сын мой, Василей, те его дочери наделив, подает замуж. А что даст своей княжне волостей, и сел, и казны, и в то во все сын мой, Василей, у нее не вступается ни во что до ее живота".

Этим распоряжением установлена неотчуждаемость уделов. Они могли перейти только к сыновьям владельца; если же сыновей у него не было, удел присоединялся к великому княжению. Владелец удела мог наделить свою жену, но только пожизненно; в случае ее смерти владения ее также присоединялись к великому княжению. Соответствующие распоряжения духовной Дмитрия Донского не могут более применяться, и объединение Московского государства делает новый существенный шаг вперед.

При погребении великого князя Ивана Васильевича присутствовал только один удельный князь, Федор Борисович Волоцкой. Других не было, да и этот владел всего одним Волоком да половиной Ржевы. Нового же великого князя, Василия Ивановича, приветствовали на великом княжении пять удельных князей: старый, Федор Волоцкой, и четыре новых, родные братья великого князя. Подобную же картину можно было наблюдать и при вступлении на престол отца Василия, Ивана Васильевича. Уделы возрождаются с каждым новым царствованием. Но это возрождение потеряло с Донского свой опасный характер. Великое княжение так неизмеримо превосходит область уделов, исторические основы его, восходя к той седой древности, когда и помину еще не было о московских уделах, так прочны, что об опасности уделов для целости Московского государства и речи быть уже не может. Духовная Ивана Васильевича обезвредила их окончательно. Удельные князья не могут более распоряжаться своими уделами ни при жизни, ни на случай смерти. Есть у них сыновья, - удел делится между сыновьями; нет сыновей, - удел идет к

великому князю. В силу этого уделы не могут соединиться. Судьба их - постоянное дробление и ничтожество в перспективе.

Уделы не опасны для целостности великого княжения; но удельные князья опасны для царствующей династии. Они всегда представляют некоторый запас кандидатов, готовых заменить царствующего государя. Уничтожение их есть все-таки необходимое требование политики. Кто же их уничтожил? Наша история не знает государя, который бы отменил удельных князей и высказал принцип неделимости Русской земли.

Василий Иванович, как и его предшественники, наделил обоих своих сыновей, Ивана и Юрия. Князь Юрий умер, не оставив наследников, и только благодаря этому счастливому случаю удел его соединился с великим княжением. Иван Грозный обнаружил намерение выделить еще более крупный удел своему второму сыну, Федору. Он назначал ему: Суздаль, Шую, Кострому, Любим, Судиславль, Нерехту, Ярославль, Козельск, Серпейск, Мценск и Волок-Ламский. Относительно этого обширного удела он делает такую оговорку в своем завещании: "А удел сына моего Федора, ему ж (старшему сыну моему, Ивану) к великому государству". Эта оговорка по существу своему не совсем ясна, и новое образование столь обширного удела могло повести к некоторым осложнениям. Но и здесь возникающему Московскому государству опять помог случай. Из трех сыновей великого князя - княжить удалось только одному.

По ходу развития великокняжеской, а потом царской власти у нас и ожидать было нельзя, чтобы кто-либо из московских государей издал указ о неделимости государства и воспретил назначение уделов. Это значило бы ограничить самого себя. Стремления же к такому ограничению незаметно в московских государях.

Древность продолжает жить и в Москве. Московские государи распространяют свои владения самыми разнообразными способами. Но и в этой новой творческой деятельности можно еще заметить следы старого порядка вещей. Когда им приходилось приобретать не части только чужих владений, а целые княжения, то они не сразу сливали их со своими старыми владениями, а назначали во вновь приобретенные княжества сыновей своих с титулом великого князя, т.е. как бы сохраняли политическую особность приобретаемых княжений.

Так поступил Василий Дмитриевич с великим княжением Суздальским. Отняв Нижний Новгород у родных братьев своей матери, он назначил старшего сына, Ивана Васильевича, великим князем Нижнего Новгорода*(38). Так поступил и великий князь Иван Васильевич. По завоевании великого княжения Тверского он назначил в Тверь особого великого князя также в лице старшего сына своего, Ивана. Новый великий князь тверской был не наместником отца своего, а как бы настоящим великим князем тверским. В его княжение суд и грамоты давались его именем, а не именем его отца. Но в завещании Ивана Васильевича великое княжение Тверское слито уже с Московским государством.

Живучесть старины видна и в том, что новорожденное государство очень долго, без малого в течение 200 лет, не имело своего собственного имени, а обозначалось перечислением составных частей своих. Как старые великие князья, Владимир Святой и сын его Ярослав, не имели никакого общего наименования для обозначения всей совокупности своих владений, так не имеет его и Дмитрий Донской, его сын, внук и правнук. Ярослав раздает детям города-волости, Дмитрий Иванович назначает старшему сыну: часть в Москве, Коломну и великое княжение, остаток Володимирской волости, выделившийся из старой Ростовской. Василий Дмитриевич благословляет старшего сына своего тем, чем благословил его отец: третью Москвы, Коломной и пр. своими примыслами, Нижним Новгородом и Муромом. В завещании Василия Васильевича читаем:

"А сына своего старейшего, Ивана, благословляю своею отчиною, великим

княжением, а даю ему треть в Москве и с путями, с моими жеребьи, чем мя благословил отец мой... Володимерем, Переяславлем" и т.д., следует перечисление всех назначенных городов.

Под "великим княжением" Василий Васильевич, конечно, разумел Владимирское великое княжение, а не то новое целое, которое дал старшему сыну.

Сын его, Иван Васильевич, благословляет старшего своего сына, Василия, не одним великим княжением, а "великими княжествами" и затем перечисляет отдельные города и княжения. Это, конечно, точнее. С этого времени памятники постоянно говорят не об одном, а о многих великих государствах, соединенных под властью великого князя.

Иван Грозный первый дает новорожденному младенцу имя. Он отказывает своему старшему сыну:

"Царство Русское, чем его благословил отец его, князь великий Василей, и что ему дал Бог" (Доп. к А. И. I. N 222, 1572-8).

Откуда пошло наименование вновь возникшего государства - русским?

Вопрос о том, "откуда есть пошла русская земля", был поставлен еще нашим начальным летописцем. Надо думать, что и в его время, т.е. более 700 лет тому назад, он возбуждал уже споры.

В летописи по Лаврентьевскому списку читаем:

"Бе един язык словенск: словени иже седяху по Дунаеви, их же приаша угри, и морави, чеси, и ляхове, и поляне, иже ныне зовомая русь" (898).

Итак, русью ныне, т.е. в самом начале XII века, называют полян, которые говорят одним языком со славянами южными.

Но что значит это "ныне"? Поляне зовутся русью на глазах составителя летописи, но, конечно, не со вчерашнего же дня. Они, надо полагать, называются так целые столетия. Выражение "ныне" указывает, что в начале XII века был поставлен вопрос о происхождении этого названия и возбуждал споры.

Оставим, что было спорно для людей начала XII века. Возьмем одно то, в чем они не сомневались. Для начального летописца несомненно, что в его время поляне, а не другие племена, называются русью.

Но не ошибается ли он или мы, слишком тесно толкуя его слова? Это легко проверить. Для этого надо только просмотреть летописные сказания иных составителей за тот же XII век.

Вот как описано под 1149 годом посещение киевским князем Изяславом Мстиславичем, брата своего Ростислава, князя смоленского.

"И приде Изяслав к брату Ростиславу, и похвалиста Бога и святую Богородицу и силу животворящаго креста, видившеся братья в здоровьи, и пребыста у велице любви и весельи с мужи своими и смолняны; и ту дариста ся дарьми многими: Изяслав да дары Ростиславу, что от Рускыи земле и от всих царьских земель, а Ростислав да дары Изяславу, что от верхних земель и от варяг, и тако угадаста о пути своем" (Ипат.).

Киевский князь, натурально, дарит произведения своей земли и те иностранные привозные, которые идут через Киев (греческие). Первые названы дарами Русской земли, вторые - царской. То же делает и Ростислав Смоленский: но идущие через Смоленск иностранные товары будут варяжские; местные же произведения названы верховыми.

Здесь поляне-русь отличены от кривичей смоленских.

Только что описанная встреча князей состоялась перед совокупным их походом в помощь Новгороду Великому, который терпел обиды от ростовского князя Юрия. Изяслав прибыл в Смоленск с малым числом дружины, так же налегке поспешил он и в Новгород, наказав брату привести полки его к Волге.

"И приде Изяслав на Волгу с Новьгородци, на усть Медведице, а ту жда брата

своего, Ростислава, четыре дни. И приде ему Ростислав и с всеми русскими полки и с смоленскими, и ту съвкупашася и поидоста вниз по Волге".

Новое противоположение русских полков Изяслава смоленским Ростислава.

Когда пришло время нападения, князя:

"Пустиста новгородци и русь воевать к Ярославлю".

Новгородцы, следовательно, не русь. Такое же противоположение Новгорода Руси находим и под 1165 годом.

Новгородцы, отправившиеся в Киев, так выражаются об этом:

"Ходи игумен Дионисий с любовью в Русь" (П. С. Л. Ш. 13).

Ростовско-Суздальская волость тоже не Русь.

Ростислав, сын Юрия, ростовского князя, с позором изгнанный Изяславом из Киева, пришел к отцу в Суздаль, ударил ему челом и сказал:

"Слышал есмь, оже хочет тебе вся Руская земля и Черный Кпобуки, и тако молвят: "и нас есть обезчестовал (Изяслав), а поиди на нь". Гюрги же, в сороме сына своего сжалив себе, рече: "тако ли мне части нету в Руской земле и моим детем" (Ипат. 1149).

Ростовская волость, где сидел Юрий, не находится, значит, в Русской земле.

Под 1154 годом читаем:

"Том же лете поиде Дюрги с ростовцы и с суздальцы и с всеми детьми в Русь" (Ипат.).

И под 1180:

"Вышедше же ему (Святославу Черниговскому) из Суздальской земле, и пусти брата своего, Всеволода, и Олга, сына своего, и Ярополка в Русь, а сам с сыном с Володимером поиде Новгороду Великому" (Ипат.).

Владимир-на-Клязьме тоже не Русь:

"Володимерцы же, нетръпяще голода, реша Михалку (своему князю): "мирися (с осаждавшими город ростовцами), любо промышляй о себе". Он же отвещав рече: "прави есте, ни хочете мене деля погинуоти". И поеха в Русь" (Лет. Пер. Сузд.).

Даже самая близкая к полянам Черниговская волость и та не входит в состав Руси. В 1151 году послы киевских князей Вячеслава и Изяслава, находившихся в войне с ростовским князем Юрием, и черниговскими, Давидовичами и Ольговичами, так говорили венгерскому королю:

"Ты нама еси тако учинил, яко же может так брат роженный брату своему или сын отцю, яко же ты нама помогл. Ве же, паки, брате, себе молвив: нама дай Бог неразделно с тобою быти ни чим же, но аче твоя обида кде, а нама, дай Бог, ту самем быти за твою обиду, или паки братьею своею или с сынъми своими и полки своими. А нама ся тебе не чим откупити сему, толико главою своею, яко же ты нама еси створил. Ныне такоже свое дело сверши добро. Самого тебе не зовем, занеже царь ти ратен; но пусти нам помочь, любо таку же, паки а силнейшую того, пусти нам с братом своим, Мстиславом, а с наю сыном (он и правил посольство), за не же Гюргий есть силен, а Давыдовичи и Ольговичи (черниговские) с ним суть, а чи и половцы дикеи с ним, а и тыи золотом узводить. Ныне же, брате, сее весны, помози нам. Дажь будеве сее весны ве порозни, а ве будеве с своими полки тебе в помочь; паки ли ся ты от царя управиши, а ты буди нам помощник. А все ти скажут твои мужи и брат твой, Мстислав, како ны Бог помогл, и паки како ся по нас яла Руская земля вся и Чернии Кпобуци" (Ипат.).

Итак, в войне с черниговскими князьями вся Русская земля стоит за Вячеслава с Изяславом. Ясно, что Черниговская волость не составляет части Русской земли.

Что же такое Русская земля? Где ее центр и границы?

Центр Русской земли есть Киев. Занять Русскую землю значит сесть в Киеве; въехать в Русскую землю значит въехать в Киев. Вячеслав говорит Ростиславу:

"Се, брате, Бог скупил нас по месту с твоим братом, а с моим сыном,

Изяславом. А се, паки добыв Русской земли, и на мне честь положил и посади мя в Киеве" (Ипат. 1151).

В той же летописи под 1152 годом читаем:

"Изяслав же пришед к Киеву, и посла к брату своему, Ростиславу Смоленскому, и поведа ему, како ся с королем видил в здоровьи и како Бог пособил им победити Володимира Галичского и в здоровьи Бог привед опять в Рускую землю".

Русская земля есть земля полян; она совпадает с Киевской волостью. Но границы Киевской волости не оставались неизменными. Киевские князья завладевали и другими волостями. Это вело к переносу названия "Русская земля" и на территорию других племен, присоединяемую к Киеву. Так, киевский князь Изяслав владел еще Владимирской волостью на Воыни. Города этой волости Бужск, Шумск и другие он тоже называет русскими (Ипат. 1152. С. 69 и 71). Таким образом, название Руси в XII уже веке оказывает стремление перейти из племенного в территориально-государственное.

Приведенные места источников дают, кажется, право сказать, что начальный летописец не сделал ошибки. В XII веке полян действительно зовут русью и им противопоставляют владимирцев-на-Клязьме, суздальцев, ростовцев, новгородцев, смолян, даже черниговцев.

Это твердо установившаяся терминология, идущая, надо полагать, из весьма глубокой древности.

С ее точки зрения и надо объяснять все случаи, в которых начальный летописец говорит о руси или Русской земле. Он делает такой заголовок своему труду.

"Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача перее княжити и откуда Руская земля стала есть".

Это значит, что он хочет написать историю Киевской волости, т.е. историю полян. Что он занят действительно историей полян и только по связи с ними приводит известия, касающиеся других племен, в этом легко убедиться из первых страниц его летописи. Ограничимся указанием на делаемое им под 852 годом перечисление "русских князей". Он начинает это перечисление с Олега, а о Рюрике не упоминает. Очень понятно почему: Рюрик княжил в Новгороде, а не в Русской земле.

Выше мы заметили, что в XII веке был уже поднят вопрос о происхождении этого названия Руси. Начальный летописец дает на него под 862 годом такой ответ. Рассказав об изгнании новгородцами варягов и о новом призвании их в лице Рюрика с братьями, которые привели с собой всю русь, он говорит:

"От тех прозвася Русская земля".

Итак, название Руси, по мнению начального летописца, пошло от варягов-руси. Этим объясняется вышеприведенное выражение "ныне". До призвания варягов поляне назывались славянами, а "ныне", после призвания, они зовутся русью.

Приведенный ответ есть только догадка нашего первого летописца-историка, которая нуждается в доказательствах. Никаких доказательств он, конечно, не приводит.

В дальнейшем изложении есть еще место, относящееся к этому мудреному вопросу. К сожалению, оно не сохранилось в Лаврентьевской рукописи и приводится издателями по Радзивилловской. Вот оно:

"А словенск язык и русский один, от варяг бо прозвашеся русью, а перее быша словене; аще и поляне звахуся, но словенская речь бе; поляне же произвашася занеже в поле седяху; язык словенский бе им един".

Здесь повторяется уже высказанное в Лаврентьевском списке летописи объяснение слова "русь": оно от варяг. Но тут же встречаем и поразительное противоречие. Славянский язык и русский - один, а название русь не от этого языка,

а от варягов! Как это могло случиться? Ведь у варягов был свой язык. Производить имя руси от варягов невозможно, а летописец это делает.

Рассказ летописи о призвании новгородцами варягов не представляет ничего невероятного. Новгородцы давно уже находились в близкой связи с варягами. Еще до Рюрика варяги сидели в Новгороде, управляли и судили в Новгородской земле и за это получали дань. В 862 году новгородцы прогнали этих варягов и "почаша сами в себе володети". Но попытка эта не удалась; начались усобицы, которые привели к новому призванию варягов. В год нового призвания не произошло никакой существенной перемены в быте Новгорода: одни варяги-правители были заменены другими - и только. Нет ни малейшего повода связывать с этим фактором основание Российского государства.

Этих варягов летописец называет русью. Проверить его в этом пункте до сих пор не удалось еще нашим ученым. Что были варяги за морем, это несомненно; но варяги-русь могли явиться плодом догадки, к которой прибегли для объяснения названия полян русью.

Поляне вовсе не были в таких близких и непосредственных отношениях с варягами, как новгородцы и полочане. Новгородцы сносились с варягами и до и после призвания; через Новгород шли и варяжские товары, и варяжские дружины; в Новгороде была улица Варяжская (Беляев, II, 6); о новгородцах начальный летописец говорит:

"Новугородыди ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени" (862).

В Полоцке варяги-русь водворились ранее, чем в Киеве. Они упоминаются там на третий год по призвании Рюрика. Лет сто спустя, а может быть, и ранее, в Полоцк был новый прилив варягов с князем Роговолодом, от дочери которого пошла линия полоцких князей. В Киев же варяги пришли из Новгорода и не в чистом виде, а в смешении с чудью, славянами, мерью, весью, кривичами. И при всем том варяги-русь сообщили свое имя не Новгороду или Полоцку, а только Киевской Руси, факт, к которому трудно относиться с полным доверием.

О варягах-руси речь идет под 862 годом, где летописец объясняет происхождение наименования руси. Но призвание варягов в 862 году не было последним. Новгородские князья призывали их несколько раз и после того. Это сделал Владимир Святославич. В 977 году, узнав об убиении Олега Древлянского Ярополком Киевским, Владимир, княживший тогда в Новгороде, бежал за море; а в 980 году вернулся из-за моря с варягами. Владимир прожил за морем целых три года. В 1015 году сын его, Ярослав, готовясь к войне с отцом, снова призывает варягов из-за моря.

Эти варяги, с которыми новгородские князья находились в таких тесных связях, что гостили у них целые годы, были тождественны, надо полагать, с теми, которых новгородцы знали до 862 года и к которым они ездили в 862 году. Нельзя же думать, что в этом году они призвали каких-то новых, до того им совершенно неизвестных варягов. Несмотря на необходимо предполагаемое тождество варягов 862 года с варягами, упоминаемыми до и после этого года, эти последние, однако, не называются русью. Можно подумать, что варяги-русь понадобились летописцу только в том рассказе о призвании, в котором он объясняет происхождение наименования руси.

Вопрос о варягах-руси вызвал обширную литературу, представляющую много поучительного. Но для юридических древностей она имеет слишком отдаленное значение.

Из приведенных мест летописца, в которых встречается слово "русь", можно сделать два следующих вывода. 1) В XII веке Русью называется Киевская волость, но так как для образования и всеобщего распространения местных наименований

требуется значительный промежуток времени, то можно допустить, что поляне именовались русью не только в XI, но и в X веке и ранее. 2) Происхождение этого наименования от имени варягов-руси есть догадка грамотеев XII века, справедливость которой и до наших дней ничем не подтвердилась. Возникновение такой догадки, однако, очень понятно. Киевская волость называется Русской, князья, там княжившие, тоже русские (по волости). Это наименование сообщилось и варяжским князьям, овладевшим Киевом. Отсюда легко возникает представление о варягах-руси. Откуда же пошло наименование славян - варяжской русью? Это догадка людей XII века, желавших объяснить происхождение слова "русь".

Из Киева наименование русью стало распространяться и на другие славянские племена. Договор Новгорода с немцами, заключенный в самом конце XII века, говорит о "новгородце" и "русине" и под русином разумеет, кажется, не только приезжавшую с юга русь, но и жителей Новгорода. (Рус. лив. акты. N 1). В XII в. русской землей начинает называться Галич и Чернигов (см. **с. 10**), Смоленск (см. договор Мстислава с немцами) и Новгород (см. Лавр. 1206).

Причина этого распространения заключается в единстве языка и веры.

Поляне прежде других племен называли себя русскими и язык свой русским. У них у первых зародилось книжное просвещение и возникла литература. В сочинениях своих они утверждают единство своего русского языка со славянским, на котором говорят все остальные племена*(**39**). Эти остальные племена, знакомясь с содержанием киевской литературы, не могли не усмотреть своего племенного единства с Киевской Русью и тоже стали причислять себя к руси. Распространение имени руси на все славянские племена, поселившиеся по Днепру, Западной Двине, Волхову, Оке и Волге, должно было идти вслед за распространением книжного просвещения.

Но, таким образом, имя руси распространяется только как народное наименование, значения термина государственного оно еще не имеет. К наименованию царства Русского применено оно лишь московскими великими князьями и, думается нам, не без влияния церковного единства Русской земли, которое на много веков опередило наше государственное единство.

Во главе русской церкви с первых дней принятия христианской веры стоял митрополит киевский. Как киевский он назывался русским митрополитом.

Это местное наименование, в силу единства церковного управления, получает общее значение. Русский митрополит не киевский только владыка, но владыка всех княжений, ибо русская церковь, русская вера одна во всей земле, как и русский язык. Переселившись на север, киевские митрополиты и там продолжают называться русскими. Одни из них именуют себя митрополитами всея Руси, другие - киевскими и всея Руси (Рум. Собр. I, договоры князей). В этом титуле слышится такая необъятная ширь, перед которой бледнеет титул великого князя владимирского.

Чтобы не казаться ниже митрополитов, великие князья московские начинают тоже усваивать себе титул великого князя всея Руси. Так называют себя Иван Данилович Калита, сын его, Семен, в единственном договоре, сохранившемся от этого князя, и Дмитрий Донской в одном договоре с Новгородом*(**40**). В остальных договорах Дмитрия Ивановича и во всех договорах его сына и внука этот титул не встречается*(**41**). Только со второй половины царствования великого князя Ивана Васильевича он делается постоянным титулом московских государей. Но они не ограничиваются титулом "государя всея Руси", а прибавляют к нему старый титул "великого князя Володимирскаго, Московскаго, Новгородскаго и проч.". Это понятно. Для московских митрополитов титул "всея Руси" совершенно соответствовал действительности. До разделения митрополии они были на самом деле церковной главой всех русских людей. В другом положении находились великие князья московские. Они ничем не владели в Руси Приднепровской и далеко не были

князьями всех русских людей. Между титулом и областью распространения власти их не было не малейшего соответствия. Это не территориальный титул, а народный. Но так как не весь русский народ был тогда под властью московских князей, то для них это будет только идейный титул. Даже в устах Ивана Васильевича титул "всея Руси" указывает лишь на стремление князей московского дома расширять свои владения до тех пределов, в которых исповедуется русская вера и слышится русская речь, а не на действительное обладание всею Русью. Поэтому-то в его завещании мы вовсе не находим этой не существующей в действительности, а только идейной Руси. Он делает распоряжение не о Руси, которая ему не принадлежит, а о своей отчине, великих княжествах, о городе Москве, Коломне, Серпухове и т.д. Сын его, Василий Иванович, называет себя:

"Божиею милостью государем, всея Руси и великим князем Владимирским, Московским, Ноугородцким, Псковским, Смоленским, Тферским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных..." (Сбор. Им. рус. истор. общ. XXXV, 678; А. Э. I. N 160).

Слово, раздававшееся в течение двух веков, не могло, однако, не оказать своего действия. Стали, наконец, думать, что Москва, Коломна, Серпухов и т.д. в самом деле составляют Русь. Царь Иван Васильевич, отказывая своему сыну город Москву с волостями и станами, город Володимир, город Коломну и т.д., говорит, что он благословляет сына своего "царством Русским".

В той же духовной встречаем и термин государство. Старшему сыну, Ивану, царь отказывает "государство", младшему же Федору - удел.

В царствование деда Грозного термин государство был уже в употреблении. В его переговорах с Новым городом читаем:

"И князь велики выслал к ним (к новгородцам) тех же своих бояр с ответом, а велел им сице отвечать: "били есте челом мне, великому князю, ты, наш богомолец, и наша отчина, Великий Новгород, зовучи нас себе государи, да чтобы есмы пожаловали указали своей отчине, какову нашему государству быти в нашей отчине; и яз, князь великий, то вас сказал, что хотим государьства на своей отчине, Великом Новгороде, такова, как наше государьство в Низовской земли на Москве. И вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти; ино то которое мое государство!" (Воскр. 1478).

Но здесь слово "государство" служит не столько для обозначения территории владений московского великого князя, сколько характера его власти. Это порядок государствования великого князя Ивана Васильевича.

В памятниках XVI и XVII века встречаем и термин "московское государство" в смысле всего российского царствия.

В соборной грамоте об избрании Михаила Федорыча на царство читаем:

"И совокупившися всего Российскаго царствия всякие люди вместе меж себя богосюзный совет учинили и крестным целованием укрепился в том, что всем православным крестьяном всего Российского царствия, от мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству не правду, и за нашу истинную православную веру греческого закона, и за святых Божий церкви, и за разорение Московского государства стояти всем единомышленно и сына его, Владислава королевича, на Московское государство государем ни как не хотети"...

Но и царство Русское, и государство Московское все еще продолжает состоять из разных государств. В том же документе написано:

"И все православные крестьяне всего Московского государства, от мала и до велика и до сущих младенцев, яко едиными усты, вопияху и взываху, глаголюще: что быти на Володимирском, и на Московском, и на Ноугородском государствах, и на царствах Казанском, и на Астраханском, и на Сибирском, и на всех великих и преславных государствах Российского царствия государем царем и великим князем,

всёя Руси самодержцем, Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву".

Волостная старина потеряла уже всякий живой смысл в Московском государстве XVII века, а в языке продолжает ещё жить.

Книга вторая. Население

Древняя история каждого народа начинается с неизвестного нашему времени деления людей на свободных и рабов. Это деление составляет принадлежность и нашего древнего права. Все население искони распадалось у нас на свободных и холопов.

В древнейшей редакции Русской Правды читаем:

"Или холоп ударить свободна мужа..." (22).

В Смоленском договоре с немцами начала XIII века:

"Аже боудеть свободный челвек убит, 10 гривен серебра за гольвою".

"Аже боудете холъпъ оубит, 1 гривна серъбра заплатити" (Рус.-лив. ак. С. 422).

В московских памятниках слово "свободный" заменяется словом "вольный".

В царском Судебнике читаем:

"А которые люди вольные учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярским, и всяким людем (в холопы); а станут ня себя давати кабалы за рост служити..." (78).

В докладной грамоте на холопство 1553 г. сказано:

"Мы, господине люди вольные... взяли есмя у Александра, у Степанова сына, Зубатого три рубли денег, а даемса в тех деньгах... ему в холопи" (А. Э. I. N 237).

В духовных завещаниях употребительны оба выражения. Освобождая рабов, одни завещатели говорят:

"Дал есмь волю", другие: "дал есмь свободу".

Начнем с несвободных.

Глава первая. Несвободные

Несвободные встречаются в наших древних памятниках под разными именами. Их называют: челядью, холопами, слугами, позднее просто "людьми", но всегда с указанием на принадлежность их кому-либо: боярские люди и пр.; наконец, "деловыми людьми", страдниками и пр. С XVI в. появляются "кабальные холопы".

Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев.

Словом "холоп" древние памятники называют только несвободных мужчин; холоп, хлоп, хлопец и теперь употребляется русским народом в смысле мальчишка, парня, слуги. Тот же смысл слово это имеет и у сербов.

Слово "роба" в древности употреблялось только для обозначения несвободных женщин (Рус. Пр.). Оно одного корня с теперь употребляемым "робить" (рубить по север, произношению, робить по южному. Даль) в значении работать. Русская Правда знает слова: "робить" и "роботить" в смысле обращать в рабство III-я ред. 143, 145).

Оба термина обозначают, таким образом, людей, кому-либо служащих, или, что то же, на кого-либо работающих.

В этом смысле московские памятники называют несвободных просто "слугами", "служилыми" и "деловыми людьми", а по роду работы - "страдными". Но последнее наименование может и, действительно, усваивается и свободным работникам, и крестьянам.

Что "деловые люди" суть несвободные, это следует из духовных завещаний, в

которых "деловым людям" дается свобода. Там же освобождаются иногда и страдники*(42).

Но Русская Правда не просто говорит о холопах, она различает еще "обельное холопство" (III. 142); а иногда вместо того, чтобы сказать "холоп", она говорит "обель" (III. 71, 80). Слово "обель, обельный, облый", и теперь употребляется в смысле круглый, толстый, полный (Даль). Обельный холоп будет, следовательно, "круглый холоп" или "полный", т.е. совершенный. В московских памятниках "обельный", действительно, заменяется термином "полный".

В духовной грамоте Ивана Ивановича читаем:

"Так же хто будет моих людей полных, купленных, грамотных, дал есмь им свободу".

Завещатель даже не находит нужным употребить слово "холоп". "Полные люди" это суть совершенные холопы. Точно так же и Русская Правда довольствуется одним словом "обель".

"Аже закуп бежить от господы, то обель" (III. 71).

Были, значит, холопы совершенные и несовершеннолетние. Что же такое несовершеннолетний холоп?

Холоп и роба, как мы видели, означают слугу и работницу. Но слугой и работницей могут быть и вольные люди. Вольная работница, следовательно, может быть тоже названа робой, а вольный слуга - холопом. Именно с таким словоупотреблением встречаемся в указе 1597 г.:

"А кто скажет, послужил у кого добровольно с полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот добровольной холоп у того человека служил с полгода, и на тех вольных холопей служилые кабалы давати и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал..." (А. И. I. N 221. С. 420).

Знает таких добровольных холопов и **Уложение**:

"А будет такие вольные люди, у кого живучи в холопстве добровольно без крепости, пойдут от них прочь с отказом или без отказу; и те люди, от которых они пойдут, учнут на них искати сносков, хотя их тем у себя удержати, и им на тех людей, которые от них отойдут, в сносе суда не давати для того, на что он холопу (т.е. слуге) верил и у себя держал без крепости" (XX, 17).

Итак, вольный холоп служит кому-либо добровольно, не выдавая на себя акта укрепления. В этом же смысле и в Русской Правде "обелю" противопоставляется "закуп", тоже слуга, но вольный, служащий по найму, а не в силу утраты им свободы.

Только "обельные холопы" или "полные" суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова; о них только и будет идти речь.

Из того, что термины "холоп" и "роба" приурочились к несвободным слугам, надо, кажется, заключить, что служба и работа домашняя, обыкновенно, отправлялись несвободными людьми. Слуги свободные составляли в древности исключение, а потому термины "холоп" и "роба" приурочились к наименованию несвободных слуг.

Различие несвободных и свободных совпадает, следовательно, с различием людей, работающих на других, и людей, работающих на себя или и вовсе не работающих.

I. Полные холопы

Какие права принадлежат господину по отношению к его обельному или полному холопу? Памятники, с Русской Правды начиная, нередко говорят о холопах, но ни один из них не берет на себя задачи определить права господина. Эти права,

несомненно, существуют и постоянно предполагаются, но нигде не определяются. Ясный знак, что права эти родились не из указов княжеских. Проистекая из обычаев, они древнее всяких указов. Древнейшие княжеские указы не права господина определяют, а, отправляясь от существующих уже прав, определяют, что делать князю и его органам на суде, в случае столкновения интересов тяжущихся.

Некоторый и притом довольно значительный ряд таких определений о рабах мы имеем уже в древнейшем нашем памятнике, Русской Правде.

Все эти определения проникнуты одной общей мыслью о том, что раб - человек не свободный, что он принадлежит не себе, а господину, что он не субъект, а объект прав. Но исходя из мысли, что раб есть собственность, предки наши не могли же не замечать, что есть разница между собственностью-человеком и всякой другой собственностью. Такое различие могло быть доступно и славянам-язычникам. Недаром же современники говорят об их кротости по отношению к рабам. С принятием же христианства идея общности между рабом и господином должна была сделать дальнейшие успехи. Вот почему взгляд на раба как на собственность не проводится в наших древних памятниках со всеми его последствиями. Раб есть собственность, но с некоторыми отступлениями от этого начала в частностях. А вслед за распространением христианских идей начинаем замечать и положительные ограничения господской власти.

Русская Правда (III. 38), исходя из мысли о праве собственности господина на раба, предоставляет господину право искать пропавшего раба:

"А челядин скрыется, а закличуть и на торгу, а за 3 дня не выведут его, а познает и третии день, то свой челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи".

Из этой статьи следует: 1) господин бежавшего раба, сделавший заявку о его бегстве, может взять своего раба у кого бы он ни оказался, если держатель раба сам не предъявит его в течение 3-х дней по заявке; 2) непредъявление раба в течение 3-х дней по заявке рассматривается как укрывательство его и ведет к штрафу.

Право иска украденного раба предоставляется против всякого владельца раба, хотя бы он приобрел его совершенно правильно.

"Аще познает кто челядин свой оукраден, а поиметь и, то оному (у кого найден челядин) вести и по купам до 3-го свода. Пяти же челядина (у третьяго владельца) в челядин место, а оному (третьему) дати лице (украденнаго челядина), ать идет до конечнаго свода, а то есть не скот, не лзе рчи: не ведаю, оу кого есмь купил; но по языку ити до конца. А где будет конечный тать, то опять воротять челядина (взятого у третьяго владельца), а свой (челядин) поймет (господин), и протор тому же (конечному татю) платити" (III. 47)⁽⁴³⁾.

Описанный в этой статье порядок восстановления нарушенных прав собственности на раба составляет особое процессуальное действие, которое носит наименование "свода". В цепь лиц, которые составляют свод, могут иногда войти находящиеся в иных княжениях, а потому и не подсудные той власти, к которой обратился истец. На этот случай в Правде (III. 48) находим такое определение:

"А из своего города в чюжю землю (в иное княжение) свода нетуть; но такоже вывести ему (ответчику) послухи любо мытника, перед ким же купивше; то истьцю лице (найденнаго холопа) взяти, а прока (унесеннаго имущества) ему желети, что с ним погигло; а оному (ответчику) своих куп (заплоченных за холопа денег) желети".

Свод, следовательно, не идет в чужое княжение. Человек, у которого найден украденный челядин, должен, в таком случае, очистить себя от подозрения в краже через свидетелей или мытника, присутствовавшего при покупке холопа. Ответчик, представивший доказательства законного приобретения холопа, не подлежал платежу штрафа за кражу, но раба все-таки должен был возвратить его господину.

Кто облегчит бегство холопа, укроет его или даст хлеба, тот платит господину полную его цену:

"Аже холоп бежит, а заповесть господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а даст ему хлеба или оужает ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен" (III. 144).

Иски о возвращении рабов не погашаются никакой давностью: они вечны. В договорах литовских князей с тверскими читаем:

"А холопу, робе, данному, положенному, заемному, поручному, земли и воде - от века суд"*(44).

Мы указали на то, что свод не переходит границ волости. Это надо понимать в том смысле, что судебная власть одного княжества не может действовать в пределах другого. Но для ограждения прав частных лиц в междукняжеские договоры включаются статьи о выдаче беглых рабов, должников и преступников "по исправе".

"По исправе" - термин не очень для нас ясный. Но понять его в применении к рабу можно только в таком смысле: раб выдается по решению местного суда. Так как здесь дело идет об иске прав собственности на раба, то местный суд и должен разрешить этот иск и присудить раба истцу или ответчику. В договоре московских князей с рязанскими читаем:

"Холопа, робу, должника, поручьника, татя, разбойника и пр. выдати по исправе от века" (Рум. Соб. I. N 36)

Господин бежавшего раба на основании такой статьи может предъявить иск властям княжества, где окажется бежавший. Они должны выдать его "по исправе" и "от века".

Хотя Русская Правда ничего не говорит ни о выдаче рабов, бежавших из одного княжения в другое, ни о вечности иска о беглых, но нет оснований думать, что приведенные постановления договоров составляют новость. Это, конечно, исконный порядок вещей.

Так как раб не лицо, а собственность другого человека, то Русская Правда не смотрит на убийство раба как на преступление, равное убийству свободного человека.

"А в холопе и робе виры нетуть; но оже будет без вины оубинен, то за холоп оурок платити или за робу, а князю 12 гривен продаже" (III. 116).

За убийство свободного человека виновный платит виру; за убийство раба это наказание не полагается. Но раб составляет собственность частного человека и убийство его причиняет господину несомненный убыток. Поэтому, если раб был убит без всякой вины с его стороны, виновный в убийстве должен вознаградить господина за имущественный ущерб и, кроме того, наказывается еще денежным штрафом в пользу князя, продажей, которая обыкновенно взыскивается за имущественные правонарушения.

Русская Правда приводит и оценку рабов. С точки зрения хозяйственной пользы не все рабы равны. Головы людей, пользующихся особым доверием своих господ, оцениваются наравне с головами свободных мужей. За убийство тиунов взимается 40 гривен, ровно столько же, сколько и за убийство свободного человека (III. 3). За тиунами идут сельские старосты, ремесленники, дядьки и кормилицы. Их головы оценены в 12 гривен. Последнее место занимают простые рабы, рядовые, за них взимается за холопа пять гривен, за рабу шесть*(45).

Но такое вознаграждение присуждается господину только в том случае, если раб будет убит без всякой вины с его стороны. Если же он провинился перед третьим лицом, например, ударил его, то убийство раба-обидчика не ведет к возмещению убытков. Это будет убийство в отмщение, на которое всякий имел право.

Итак, раб мог быть убит безнаказанно за всякую вину. Это суровое право мести в значительной степени смягчается при князе Ярославе Владимировиче и особенно при его сыновьях. С Ярослава, как увидим, возникает судебное рассмотрение дела об обидах, наносимых рабами свободным лицам.

Ставим теперь вопрос о том, кто отвечает по суду за убытки, причиненные рабом, лично раб или его господин? Русская Правда посвящает этому вопросу пять статей, и несмотря на это обилие, отвечать на него очень трудно. Статьи Правды свидетельствуют о разнообразной практике и не могут быть подведены под одно общее начало. Три из пяти статей говорят о безусловной ответственности господина за убытки, причиняемые действиями раба; две - представляют ему на выбор: уплатить убытки или выдать раба.

Остановимся прежде на статье общего характера, которая говорит о приобретениях раба вообще, а не из преступления:

"Оже холоп бегая добоудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар" (III редакц. 152).

Троицкий список дает такой вариант:

"...господину же и товар, а не лишатся его" (152).

Раб не совершил преступления, он не украл, а добыл нечто, вступив в сделку, причем мог даже войти в долг. На господина переходят как все приобретения раба, так и его потери. Он отвечает за долг своего раба, а не раб. Прибавка Тр. сп. особенно подчеркивает обязанность господина отвечать за раба: он должен платить и не может лишиться раба, т.е. выдать его потерпевшему. Из 50 списков, бывших в руках Калачева, такая прибавка находится в 47-ми и отсутствует в 3-х. Эту прибавку, совершенно согласную с содержанием статьи, считаю правильной.

Перехожу к статьям, которые говорят об убытках, причиненных преступными действиями рабов.

"Аже будут холопи татие... их же князь продажею не казнить, за не суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду" (III. 57).

Эта статья повторяется во многих списках без существенных вариантов.

Князь не казнит рабов продажей, так как они не свободны. Это значит, что рабы не отвечают перед князем за совершение кражи; их кража ведет только к уплате частного вознаграждения пострадавшему и в двойной цене. Кто платит это вознаграждение? Господин, ибо все, принадлежащее рабу, принадлежит господину. Что платит именно господин, а не раб, это прямо сказано в другой статье:

"Аже кто бежа, а поймет суседне что или товар, то господину платити зань оурок, что будеть взял" (III. 157).

Взять, в данном случае, тоже означает кражу. Господин платит цену (урок) украденного.

Но есть две статьи, которые говорят о кражах же и обманах рабов, но предоставляют господину на выбор - или "выкупить" раба, или выдать его.

"Аже холоп крадет кого-либо, то господину выкупати и любо выдати..." (Ш. 154).

"Аче же холоп кде купы вылжет (так по Кар., т.е. добудет обманом, вместо "вложит" по Тр.), а он (кредитор) будет не ведая (что имел дело с холопом) вдал, то господину выкупать али лишитися его. Ведая ли (что имеет дело с холопом) вдал, а куп ему лишитися" (III. 149).

По этим статьям у господина выбор. Примирить их с первыми не видим возможности. Надо думать, что практика была разная. Русская Правда не Свод Законов, ай в нем есть противоречия, тем более в Правде, куда заносились обычаи и практика, часто спорная. Что практика по рассматриваемому вопросу была спорная, это видно из приведенной прибавки: "а не лишитися его". Прибавка эта, конечно, была вызвана желанием господ выдачей виновного раба освободиться от дальнейшего взыскания и соответственной тому практикой. Поэтому статья и входит в полемику, и говорит: этого нельзя. Разнообразие практики отразилось и в другом пункте. Приведенная 57-я ст. говорит о взыскании двойной цены украденного; а по ст. 83 кража рабом лошади оплачивается обыкновенной ее ценой.

В московских памятниках встречаем также безусловную ответственность господина за убытки, причиненные его рабом.

В наказе белозерским губным старостам читаем:

"А которые люди сами на себя в разбое говорили, и тех казнити смертною казнию, а животы их истцом в выть в полы истцовых исков; а будет боярские люди, и старостам за тех людей имати выти в полы истцовых исков на государех их, чьи те люди" (А. Э. I. 281, 1571).

То же и в **Уложении**:

"А которые языки говорят на чьих нибудь людей, и доведется на них взяти выти, и за тех людей класти выти на тех людей, кому кто служит" (XXI, **66**).

По наказу белозерским старостам господин платит убытки, причиненные его рабом, в половину против того, что показывает истец; по **Уложению** - без всякого ограничения.

По **69 ст.** Уложения (XXI) боярский человек, убивший чужого боярского человека, но без умысла, по наказании кнутом, должен быть выдан тому господину, человека которого он убил. Здесь убийца отвечает лично; он выдается в возмещение убытков. Но понесший убыток может не принять убийцу; выдача, в этом случае, заменяется взысканием с господина убийцы 50 рублей (70). Возмещение убытка переходит опять на господина.

Всякие преступления раба, нанесение ран, побоев, оскорблений действием и словом и пр. рассматривались как вина раба перед свободным мужем, и могли вести к безнаказанному его убийству, согласно 116-й ст. III ред., пока рассмотрение этих дел не перешло к судьям. В действительности, надо думать, не всегда находились охотники проливать кровь раба за всякую его вину. Обиженные, которые не хотели убивать раба, входили в соглашение с его господином и довольствовались денежным вознаграждением за обиду.

К вопросу о последствиях преступлений, совершенных рабом, относится статья 87 третьей редакции, сохранившая след очень глубокой древности. Она читается так:

"А се, аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити зань господину 12 гривен"*(**46**).

И по этой статье за раба отвечает господин. Но в ней есть и своя особенность: обиженный не может войти в дом господина и распорядиться с обидчиком по своему усмотрению; он должен удовольствоваться установленной платой. В праве господина не выдавать раба надо видеть указание на неприкосновенность жилищ. Дом господина есть место убежища для раба. Его можно убить за обиду вне дома его господина, а не в самом доме. Там он неприкосновенен. Это единственное, а потому и драгоценное указание на неприкосновенность жилищ в нашей глубокой древности. То же начало известно и германскому праву. Но там оно сохранилось очень долго. Еще от начала XVII века есть свидетельства, что преступник, скрывшийся в своем доме, не мог быть схвачен и приведен в суд. Суд сам приходил к его дому, и обвиняемый отвечал на вопросы суда из окна, и то, если хотел (Frauenstadt, Bluttrache und Todtschlagsuhne im deutschen Mittelalter, 1881. С. 63).

Следующая за этой статья (88) дала повод к толкованиям, которые очень трудно принять.

"А за тем, аче и кде налезет ударенный т (тѣй, той) своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и; но сынове его, по отци, уставиша на купы: любо бити и развязавше, любо ли взяти гривна куп за сором".

Б.Н. Чичерин видит в этой статье указание на единственное "преступление, которое имело последствие и для самого холопа". Последствие это состояло в том, что "обиженный мог убить холопа, где бы его не встретил" (Опыты. 150).

Что удар свободного мужа есть единственное преступление, имевшее

последствие для самого раба, в этом можно очень сомневаться. Раб мог быть безнаказанно убит за всякую вину. Всякая вина его, следовательно, могла иметь лично для него последствия.

Возникает далее вопрос о том, что означают слова статьи: "А за тем"? Понимать их в том смысле, что обиженный, получив плату за удар, мог потом, при встрече с рабом, убить его, нет никакой возможности. Это значило бы, что одно и то же преступное деяние наказывается два раза. Господин платил 12 гривен, сумму, превышающую обыкновенную цену раба, которая равнялась 5 гривнам, а затем терял и самого раба*(47). Выражение "а за тем", конечно, относится к нововведениям Ярослава и его сыновей, которые изменили старые порядки.

Статью надо читать так:

"А за тем Ярослав уставил, если где ударенный найдет своего обидчика, то убить его, но сыновья его, по смерти отца, оставили на купы" и т.д. Тут целая история законодательства, а не рассказ о нанесении рабом удара свободному человеку, о бегстве раба в дом господина, о невыдаче его господином и встрече с обидчиком после получения штрафа за обиду и т.д. Как же надо понимать нововведение Ярослава?

Б.Н. Чичерин и многие другие исследователи понимают эту статью в том смысле, что она предоставляет обиженному убить раба*(48).

Трудно думать, чтобы именно такой устав сделал христианский князь Ярослав, покровитель книжного просвещения, строитель монастырей, "до излиха" любивший мирную жизнь монахов, число которых при нем очень увеличилось.

Тем не менее он "уставил убить раба". Этого свидетельства нельзя отвергнуть; что же оно значит?

Ярослав не имел надобности повторять в своем уставе нечто из того, что всегда допускали обычаи, а по народным обычаям обиженный, конечно, всегда имел право убить обидчика. Он, надо думать, установил новое: смертную казнь рабам за удар свободному мужу. С этой точки зрения формула: "уставил убить" и получает полный смысл. По определению суда можно предписать казнить раба; но как предписать это обиженному, который может не желать пролития крови?

Таков смысл, кажется мне, нового устава Ярослава.

Я уже имел случай (Лекции и исслед. 447) высказаться в пользу необходимости допустить, что при Ярославе у нас была сделана вторая попытка ввести смертную казнь за убийство. Разобранная статья вполне подтверждает это предположение. Ярослав Мудрый, любитель книжного просвещения, интересовался, конечно, не одними только памятниками церковного законодательства, но и теми сборниками светских законов, которые пришли к нам вместе с Номоканонем. Там нашел он смертную казнь не в смысле мести, как она практиковалась у нас до него, а в смысле наказания по суду. В применении этого наказания и к рабам заключается лучшая сторона его реформы. По народным обычаям всякий мог убить своего обидчика, и не только раба, но и свободного. Ярослав вводит казнь по суду, это значит, что судья может и не приговорить обидчика раба к смертной казни. Я не хочу этим сказать, что с Ярослава частная месть заменилась судебным приговором. Это делается не так легко и не так скоро. Но великое слово было сказано. В этом заслуга Ярослава; древность не напрасно отметила его наименованием Мудрого.

Нововведение Ярослава могло повести и к отмене неприкосновенности жилища в данном случае. Если раб отвечает за удар свободному перед судом, то судья мог требовать от господина представить обвиняемого к суду.

Составитель Русской Правды не ограничивается нововведениями Ярослава. Он приводит и нововведения его сыновей. Рассматриваемая статья (88) - настоящий исторический очерк. В конце ее читаем:

"Но сынове его, по отци, оуставиша на купы: любо бити и розвязавше любо ли

взяти гривна куп за сором".

Редакция очень неточная. Впереди идет общее положение: сыновья Ярослава заменили смертную казнь денежным штрафом, а из последующего видно, что виновный раб наказывался альтернативно: штрафом или телесно. Но не это существенно и важно. Важно и существенно то, что сыновья Ярослава пошли дальше своего отца: смертную казнь раба они заменили штрафом или телесным наказанием. Кто же выбирает между штрафом и телесным наказанием? Конечно, суд. Итак, сыновья Ярослава стоят на точке зрения отца: обиды рабов рассматриваются судом, но решаются мягче, чем при Ярославе. Статья предполагает целый ряд произведенных реформ.

Но что значит "бита и розвязавше"? "Розвязавше" указывает на некоторый определенный порядок наказания. Одно место в слове Даниила Заточеника дает, кажется, возможность выяснить этот порядок. О наказании безумного там сказано:

"А безумнаго аще и кнутом бьеши, развязав на санех, не отънмеши безумия его" (Рус. Бес. 1856. II. 13).

Подлежащего телесному наказанию привязывали, следовательно, к саням. Это и значит "бить розвязавше".

Рабы вызываются к суду, как обвиняемые, еще в XI веке! Объяснения их выслушиваются, и суд может признать раба невиновным в ударе, он может найти, что раб был вызван нанести удар, защищаясь, например. В случае виновности раба суд мог приговорить его или к телесному наказанию, или к платежу штрафа.

Списки древнейшей редакции Правды также сохранили следы нововведений Ярослава, но без ссылки на него. О нововведениях сыновей его им ничего не известно. Одна из редакций имеет такой вариант: если господин не выдаст холопа, - "то холопа пояти да платит за него господин 12 гривне". Это, конечно, описка. У господина берут и холопа, и деньги! Можно думать, что переписчик другого списка заметил и понял эту описку, а потому и поправил ее прибавкой слов: "то холопа не яти" (мое издание Правды. 3). Ни описка, ни поправка в третью редакцию Правды не вошли. У составителей, надо думать, был другой источник, а не нам известные краткие списки Правды.

Но всякое обвинение раба поражает и его господина. Господа не могут оставаться равнодушными к действиям суда по отношению к их рабам. В договорах Новгорода с князьями встречаем поэтому такую статью:

"Ни холопа, ни рабы без господаря твоим судьям не судити".

Господа должны быть вызываемы в суд при слушании дел о их рабах для ограждения своих интересов. В Новгороде это право за господами формально признано. В других местах оно, может быть, только практиковалось.

Таким образом, уже с Ярослава, т.е. с первой половины XI века, рабы при столкновении их с третьими лицами не были предоставлены полному их произволу. Вопрос о вине их решался судом. Ярослав Владимирович, установив смертную казнь по определению суда, не ухудшил положение раба, а улучшил его, дав рабу судебную защиту.

Но и ранее этого князя убийство раба за вину не было актом полного произвола обиженного. Статья 116 III ред. говорит, что если раб был убит без вины, то убийца платил урок господину и продажу князю. Отсюда следует, что после убийства раба господин его мог начать дело перед судом и доказывать, что раб не был виноват перед убийцей и убит им невинно. Этот порядок, можно думать, современен реформам Ярослава.

Новгородская судная грамота прямо предписывает привести раба, обвиняемого в преступлении, в суд:

"А кому будет дело до владычня человека, или до боярского, или до житейского, или до купецкого, или до монастырского, или до кончанского, или до

улитцкого - в волости о татьбе, и о разбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слово, рука дать по крестному целованию, что той человек тать и разбойник, или грабетщик, или пожещик, или душегубец, или холоп (т.е. беглый). Ино в коей волости будет от владыки волостель или посельник, ино им поставить того человека у суда; а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому заказщику, и посельнику, и кончанскому, и улитцкому также своих людей ставит у суда. А срок взять на сто верст три недели, а больше и дале по числу. А до суда над ним силы не деять. А кто силу доспеет, ино тым его и обвинить" (36).

Этот порядок вещей переходит и в Уложение, о чем ниже.

Рабы, как зависимые люди, не допускаются к свидетельству на суде, за исключением, однако, самых доверенных слуг, тиунов; но и свидетельство тиунов принимается только при отсутствии свободных свидетелей.

"А послушства на холопа не складают. Но оже не будет свободного, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати" (III, 89, 90, ср. 110, 111).

Большинство разобранных нами статей имеет в виду случаи столкновения рабов с третьими лицами, а не с их господами. К последнему случаю относятся лишь статьи, говорящие о праве господ отыскивать беглых рабов. За исключением этих статей, в Русской Правде нет никаких постановлений, определяющих существо господских прав.

В чем же состояли эти права? Мог ли господин распоряжаться своим холопом, наказывать его? Подлежали ли права господина на холопа каким-либо ограничениям, или он мог безнаказанно причинять ему всякого рода обиды, насилия и даже смерть?

Русская Правда ни одним словом не отвечает на эти вопросы. Надо думать, что первоначально права господина не подлежали никаким ограничениям. Но ограничения появляются довольно рано. Они существуют уже в XII веке, следовательно, в эпоху Русской Правды, которая о них ничего не знает. Но наши сведения об этом предмете чрезвычайно отрывочны и скудны.

Не подлежит сомнению, что улучшение быта рабов происходит у нас под влиянием церкви. Так это было и в Западной Европе. В Древнем Риме это произошло еще при полном господстве язычества, в конце республики, благодаря гуманным идеям римской письменности (Boissier S. Ciceron et ses amis, 1905). Смотря на брак как на таинство, западная церковь начинает применять этот взгляд и к половым отношениям рабов и добивается, наконец, признания их браков. Это уже ограничение господской власти. Церковь заботится и о смягчении властных отношений господ по отношению к их рабам и достигает запрещения произвольного убийства рабов господами. Христианские правительства должны были присоединиться к этим усилиям церкви. Благодаря соединенному действию этих двух факторов, за рабами начинают признавать право на приобретенное ими имущество и право наследования детей после родителей.

Такая же работа церкви и христианских князей происходила и у нас.

В древнейших поучениях духовенства находим следы заботливости его о рабах. Кирилл Туровский, знаменитый проповедник XII в., внушает господам не угнетать рабов своих. Описывая мытарства, которые должна испытывать душа умершего, он относит к ним и "яръость с гневом или на чада, или на рабы, на всякого человека" (Пам. рос. слов. XII в., изд. Калайдовичем. XII слово).

В древнейших известных нам кормчих конца XIII века находится поучение епископа новопоставляемому священнику. В нем воспрещается принимать какие бы то ни было приношения в церковь от жестоких господ:

"В церкви не дай повестити, и не прими приноса в божий жертвенник от неверных, ни от еретик, ни от блоудник, ни от прелюбодей, ни от татий и разбойник и

грабитель, и властель немилосерд, ни от корчемника и резоймьца ротника и клеветника, поклепника и лжи послуха, вълхва и потворника, игрыда и злобника, или томя челядь свою гладъмь и ранами: кто будет от таковых, а не покаются, не емли у них приноса" (Рус. истор. библ. VI. 107).

Жестокие господа поставлены здесь рядом с неверными, еретиками и разбойниками.

В тех же кормчих находим поучение духовника исповедующимся, которое, по мнению проф. Павлова, "принадлежит к глубокой древности и носит на себе явные следы русского происхождения". В этом поучении читаем:

"Челядь же свою также милоуй, дажь им потребная; наказай же я на добро не яростию, но яко дети своя" (Там же. 124).

Слова кротости и милосердия, раздававшиеся и с церковной кафедры, и в поучениях священников, и на исповеди, не могли не оказывать влияния на отношения господ к рабам и не могли не оставить следов своих в юридических памятниках.

Древнейшее постановление, ограждающее рабынь от насилия со стороны господ, находим в договоре Новгорода с немцами конца XII века, где читаем:

"Оже кто робу повержет насильем, а не соромить, то за обиду гривну; паки ли соромить собе свободна".

Буквальный смысл статьи не возбуждает недоразумений: "собе свободна" значит, конечно, становится свободной. Но как объяснить правило, по которому раба, потерпевшая насилие, приобретала свободу? Если это раба третьего лица, а не того, кто виновен в насилии, то статья невозможная. При ее действии не могло бы удержаться рабство на женщин. Надо думать, что статья имеет в виду насилие собственной рабе.

Но почему о таком насилии может идти речь в договоре новгородцев с немцами? Договор имеет в виду не отношения русских к русским и немцев к немцам, а только русских к немцам. Надо думать, что немцы имели рабынь русских, а русские - немок. Для ограждения их и постановлено приведенное правило.

По чьей инициативе введено это правило в договор, по русской или немецкой, этого мы не знаем. Также не знаем, применялось ли оно к насилиям, совершаемым русскими господами по отношению к их русским рабыням. Но допустить это возможно. Статья Уложения (XX, 80), о которой речь будет ниже, может иметь очень древние корни.

От конца XV века до нас дошли послания Иосифа Санина, основателя Волоколамского монастыря. В одном из них он поучает некоего господина:

"От божественных писаний, како повелевают не яко раби имети, но яко братию миловати, и питати, и одевати довольно, и душами их пещися, еже о спасении, и наказывати их всегда на благая делеса... яко вси есми создание господне, вси плоть едина, и вси миром едином помазани, и вси в руне Господни, его же хочет обнищеваеть, и всем стати пред едином Царем страшным..."

В заключение Иосиф говорит:

"И се, господине, Бог на тебе свою милость показал, и государь тебя князь великий пожаловал: ино и тебе, господине, подобает своя клеветы пожаловати и милость к ним показати, и пищею и одеждою удовлетворить, и иними всякими нужными потребамы упокоити..." (Д. к А. И. I. N 213).

В другом послании он советует:

"Когда отроку 15 лет, а отроковице 12, ино их пытати государю, и аще восхотят пострищися, ино их отпустити; аще же не захотят, ино отрока женити, а отроковицу замуж дати".

Что христианская идея равенства людей перед Богом приносила свои плоды в практической жизни, видно из примера известного Башкина. Он говорил на духу:

"Написано...: возлюби искренняго твоего, как сам себя... Христос называет всех братиею, а у нас на иных кабалы нарядныя, на иных полныя... Благодарю Бога моего: у меня были кабалы полныя, все изодрал, держу людей добровольно".

Это человек XVI века. Его современник, поп Сильвестр, также пользовался услугами только свободных людей.

От самого начала XVII века имеем и два указа, изданные в интересах рабов. Первый принадлежит царю Борису. Он вменяет господам в обязанность кормить рабов даже в голодные годы, а не ссылать их со двора для прокормления именем Божиим. Все холопы, которым господин откажет в прокормлении, могут получить вольную. В указе читаем:

"Будет которые холопы от них (господ своих) не бегают, а они тех холопей с двора сослали, а отпускных им не дали и крепостей им не выдали, и они бы им давали отпускные и крепости им выдавали. А которым холопом отпускных не дадут и крепостей не выдадут, а велят им кормиться собою, а хотят за них вперед в холопстве иматься, и Государь Царь и Великий Князь, Борис Федорович, всея Руси, и его Царскаго Величества сын, Государь Царевич Князь, Федор Борисович, всея Руси, велели: тем холопом давати отпускные в Приказе Холопья суда Ивану Ласкиреву да дьяку Михаилу Унковскому" (А. И. I. N 44. 1603).

Второй издан царем Шуйским. Он написан как бы под диктовку Иосифа Санина.

"А которые люди, - читаем в указе, - держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более 2 лет, а парня холостого за 20 лет, а не женят и воли им не дают, - и той вдове или девке или парню идти к казначею, а казначею опыта в о том... тем дати отпускныя..." (Суд. Татищева).

Господам предоставлено на выбор: или женить холопа, или дать ему волю! Если господин не делал ни того, ни другого, у раба право жалобы и иск о вольности.

Но указ этим не ограничивается. Он предусматривает возможность сопротивления господ и принимает соответствующие меры.

Для противодействия искам о вольности неженатых рабов, господа, со своей стороны, могли подать встречный иск о краже. Шуйский приказывает отказывать в таких исках:

"Не держи неженатых под закон Божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверное деяние в людях".

Указ Шуйского уже предполагает, что рабы живут в христианском браке. Он идет дальше, он обязывает господ дать жен холопам и мужей рабыням. **Уложение** не повторяет этого правила. Но и в нем есть статья, свидетельствующая о признании браков рабов. Уложение предусматривает такой случай. Некто дал в приданое за дочерью или сестрой своего холопа или рабу. Дочь или сестра умерла, не оставив детей. Холоп и раба, в этом случае, возвращаются к прежнему господину с женой и мужем, если они тем временем вступили в брак, на том основании, что

"По правилу святых апостол и святых отец жены с мужем разводити не велено: где муж, тут и жена; кому жена, тому и муж" (XX, **62**).

Это значит, что мужа нельзя продавать отдельно от жены.

Когда же были применены к рабам канонические правила о браке? Источники ничего об этом не знают. Но, надо думать, они начали применяться к ним с принятия христианства.

Как это, на наш взгляд, ни странно, но есть в памятнике первой половины XIII века статья, которая предполагает у рабов собственное имущество и наследников этого имущества. Это 7-я статья Смоленского договора с немцами:

"Аже латининин дасть княжю хълопоу в заем или инъмоу доброу члвку (вар.: или боярьскоу), а оумрете не заплатив, а кто змльть его остатък, томоу платити немчиноу".

История составления этого договора нам так же мало известна, как и история составления вышеуказанного новгородского договора конца XII века, а потому мы и не можем сказать, какие порядки влияли на приведенные из них статьи: русские или немецкие. Можем утверждать только, что свидетельство Смоленского договора на собственность у рабов не есть единственное. Мы приведем ниже несколько таких указаний из памятников, которые стоят вне всякой возможности немецкого влияния.

Но приведенная статья предполагает у рабов собственность, а не узаконяет собственности рабов. Это большая разница. Статья, собственно, ничего не вводит нового, а отправляется лишь от существующего: есть рабы, которые имеют собственность, а потому они и вступают в сделки от своего имени и передают имение свое наследникам. Статья предполагает эту практику и говорит: по обязательствам, заключенным умершими рабами, отвечают их наследники.

С какого времени существует такая практика? Некоторые исследователи думают, что Смоленский договор постановляет нечто новое и что это новое находится в противоречии с правом, действовавшим во время Русской Правды*(49).

В подтверждение этого вывода ссылаются на статьи Русской Правды: III. 149, 152.

Статья 152 определяет последствия возвращения беглого раба к господину. Во время бегства раб мог вступить в сделку, приобрести что-нибудь или войти в долги. С возвращения его к господину на последнего переходят и все сделки, совершенные рабом во время бегства. Это совершенно натурально. Раб - собственность господина, а потому его приобретения и потери - суть приобретения и потери господина. Статья 149 говорит о последствиях для господина обманной сделки, совершенной холопом. Если холоп получил обманом от 3-го лица деньги, и это 3-е лицо не знало, что имело дело с холопом, в этом случае ответственность падала на господина: он платил убытки по общему правилу ст. 152. Если же 3-е лицо знало, что вступило в сделку с холопом, действовавшим от себя, а не по поручению господина, то господин не отвечал. "Ведаая ли будет вдал, а кун ему лишитися", - говорит статья. Это значит, что у кредитора, который заведомо вступил в сделку с рабом, нет иска против господина; но отсюда, конечно, не следует, что за рабом признается право не платить долги. Если он имел свое имущество, то, конечно, должен был платить свои долги. Этой возможностью получить долг с раба и обусловливается случай, предусматриваемый статьею: некто заведомо вступил в сделку с рабом, как рабом, а не представителем своего господина. В Русской Правде нет никаких запрещений для раба иметь собственность и вступать в сделки, не нарушая прав господина*(50). Что не запрещалось никакими указами, то могло происходить по простому допущению со стороны господ. Думаем, что порядок вещей, предполагаемый Смоленским договором, исконный; это наша старина.

Для выяснения этой старины обратимся к роли, какую играли рабы в домах своих господ.

Положение рабов в домах господ было очень различное. Различие это обуславливалось различной годностью рабов. Я уже выше имел случай заметить, что внизу лестницы несвободных людей стоят простые рабы (рядовичи), выше их стояли ремесленники, еще выше лица, пользовавшиеся особым доверием своих господ, которым поверялись ключи дома и которые поэтому носили наименование тиунов или ключников. Все домашнее хозяйство было делом рабов. Рус. Правда упоминает огнищного, конюшенного и сельского тиуна (III. 13). За двух первых назначалась высокая плата в 80 гривен потому, что это тиуны княжеские. Огнищный, по всей вероятности, ведал княжеский дом (огнище); конюший - княжеские конюшни. За тиунов бояр взыскивалось менее, 40 гривен. Но и это очень высокая плата, это плата за свободного человека. Этим тиунам доверялось, надо думать, все боярское хозяйство. Сельский тиун, по всей вероятности, смотритель сельских работ, за него

бралось 12 гривен. Это в два раза с половиной выше платы за рядовича. Рабам же поручают господа и совершение от своего имени всяких сделок, договоров купли-продажи и пр. В Русской Правде читаем:

"Аже пустить (господин) холоп в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитись его" (III. 150).

В данном случае холоп действует не на свой страх, а по поручению господина, он его поверенный; а потому господин отвечает за него безусловно. Для определения общественного состояния тиунов мы имеем выше приведенный текст (ст. III. 89). Она говорит: раб не может быть свидетелем; но если не будет свободного человека, то по нужде можно выслушать боярского тиуна. Отсюда следует, что тиун, обыкновенно, холоп. К тому же приводит и ст. III. 142.

"А се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду. С рядом ли, то како ся будет рядил, на том же стоять".

Из этой статьи следует: 1) что тиун и ключник одно и то же; 2) что взять на себя тиунство, не оговорив своей свободы, равносильно поступлению в рабство.

Тиун - свободный человек, конечно, дело возможное, но это исключение; обыкновенно же тиун - раб.

Какая же деятельность тиуна-ключника? Это первый человек в домашнем хозяйстве. Владимир Мономах, поучая детей своих за всем присматривать самим, на первом месте ставит тиуна:

"Не зрите, - говорит он, - на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящий к вам ни дому вашему, ни обеду вашему".

Управление и суд составляли в древнее время доходную статью правителей. Это было право князей, которым они делились со своими вольными слугами. Но князья и их вольные слуги судили и управляли не всегда лично сами, а действовали при помощи особо назначаемых ими к тому лиц. В качестве таких второстепенных правителей и судей опять встречаем тиунов.

Вот жалоба киевлян на своих правителей князьям, Всеволоду и Игорю:

"И начата кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратыну, и на другого тивуна на Вышегородского, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Киев, Тудор - Вышегород; а ныне, княже Святославе (через него велись переговоры), целуй нам крест и с братом своим (Игорем): аще кому нас будет обида, то ты прави".

Святослав на это отвечал:

"Яз целую крест за братом своим (Игорем), яко не будет вы насилья ни котораго же, а се вам и тивун, а по вашей воле" (Ипат. 1146).

Итак, тиуны Всеволода были судьи в Киеве и Вышгороде и творили неправду; народ требует, чтобы вперед князь сам судил. Эти судьи, государственные чиновники, не имеют, однако, названия, соответствующего их публичной должности. Они называются по их частной должности у князя, по тиунству.

Что же удивительного, что эти доверенные и властные лица имели собственность?

У Ратши был свой двор в Киеве. Киевляне, после выдачи им Ратши, бросились грабить этот двор, и князь Святослав "едва утиши их".

Те же порядки встречаем и в Москве.

"По тиунству и по ключу, по сельскому, - читаем в Судебнике 1497 г., - хотоп с докладом и без докладу и с женою и с детьми" (ст. 66).

Тиун и ключник и в конце XV века одно и то же. Делается он холопом тоже в силу одного факта принятия сельского ключа. Московские памятники сохранили некоторые ближайшие указания на деятельность этих сельских тиунов-ключников. Под их непосредственным ведением состоят все остальные холопы. Ключники целуют за них крест*(51). Ключники же собирают господские доходы и заботятся о их приращении; с этой целью они раздают господское серебро в рост крестьянам и

получают с них проценты, а по наступлении сроков взыскивают капитал. Они вступают в сделки именем своего господина и приобретают для него недвижимость и рабов. Эти покупки тиуны делают "за ключом их господина" или "на его ключ".

"А что будут мои ключники... - читаем в духовной Владимира Андреевича Серпуховского, - а купили деревни за моим ключем... а деревни детем моим, в чьем будут уделе".

"Ключ" здесь символ власти. Покупаемые люди "даются на ключ". Господин, если покупает рабов сам, соблюдает те же формальности. Он берет людей "на ключ", а "по ключу" они становятся его холопами.

Московские князья отпускают на волю: тиунов своих, ключников, казначеев, дьяков и приказных людей, ведавших княжеские приказы (Рум. Собр. I. N 24, 25, 30, 39, 96, 121 и др.).

Это все рабы. А ведают они не только управление частными делами князя, но и делали его, как государя. Казначей, конечно, ведали всякую казну, а дьяки вели всякую переписку, без различия частной княжеской от государственной. Эти казначей, дьяки, тиуны суть "приказные" люди, так как они, по приказу князя, ведают "его прибитки". Древнейшие приказы состояли, таким образом, из рабов*(52).

Наместники и волостели, рассылаемые московскими государями во все города и волости, отправляют свои должности через посредство своих тиунов (А. Э. I. N 28, 21, 23, 37 и др.). В судебнике 1497 г. читаем:

"А тиун даст грамоту правую, и он емлет от печати с рубля по полутретья алтына на государя своего (т.е. на своего господина) и на себя, а дьяк его емлет с рубля по 3 деньги" (40).

У тиунов-рабов свой доход с государственной службы. Они имеют своих дьяков, которые тоже получают доход со службы.

Рабы, выступавшие в ролях дьяков и судей, были, конечно, знатоками древними судебного порядка. Из их среды поэтому появляются наши первые присяжные поверенные. Ведение исков по своим делам господа поручают рабам своим. Те же рабы-адвокаты занимаются и вольной практикой по найму. В мотивах к указу 1582 года читаем:

"Многие холопы боярские ходят в доводах за своих государей и наймутся в судех у иных, а ябедами и кромолами люди проторят, в жалобницах пишут иски велики и, что не довелось в судех, лгут и говорят не по делу, оттягая суд, что-б на долго не вершится, или составляют кромолы, поминая иные прежние дела и лаю. А те, которые наймутся у ищеи или ответчика стояти в суде за него, и ставь, а стакався с противником, продают своего наимщика" (А. И. I. N 134. XX).

За эти бесчестные действия указ угрожает нашим поверенным XVI века великими карами, но не запрещает рабам заниматься адвокатурой.

Итак, старые холопы не совсем то, что мы привыкли понимать под безгласной собственностью, под вещью. Но, конечно, не все холопы пользовались одинаковым положением. Среди них различаются большие и меньшие люди. В духовной великой княгини Софии Витовтовны читаем:

"А что у меня людей моих ни есть, и больших и меньших, и яз их всем пожаловала, ослободила есмь их всех, по моем животе вси слободни".

Ввиду указанного значения лучших рабов, нельзя удивляться, что Русская Правда говорит о 40-гривенной плате за убийство боярского тиуна, который мог быть судьей и правителем. Также ничего нет удивительного, что за княжеского тиуна полагается высшая мера наказания - 80 гривен, а за отрока, конюха и повара - 40 гривен. За убийство нужных им людей князья могли карать, как хотели. Встречаем даже указание на то, что за убийство старого пастуха, находившегося при стаде, конечно, раба и из последних, киевский князь Изяслав взыскал 80 гривен.

"А конюх старый оу стада 80 гривен, яко оуставил Изяслав в своем конюсе, его

же убили Дорогобоудьци" (II. 5).

Эта высокая плата за лучших холопов перешла и в Московское государство и отразилась на плате за бесчестие.

У рабов признается честь и притом высшая, чем у крестьян. По Судебнику 1550 г. честь лучших боярских холопов (добрых) оценивалась в пять раз выше чести свободного крестьянина. Если же это были холопы, занимавшие, по поручению своих господ, публичные должности тиунов, доводчиков и праветчиков, - честь их оценивалась размером получаемого с должности дохода, как и честь царских служилых людей. Только честь "молодших" рабов равнялась чести свободного крестьянина (26).

Не всякий раб имел свое имущество, но у тех, у которых оно было, оно принадлежало им попущением их господ. В силу того же попущения рабы распоряжались этим имуществом: деньги давали займы, недвижимости дарили и пр.

Мы уже знаем, что у тиуна князя Всеволода был свой дом.

У жены великого князя московского, Василия Васильевича, были холопы, владевшие куплями и вотчинами. Некоторых из них великий князь сам наделил своими селами. В его духовной читаем:

"А которые дети боярские служат моей княгине и слуги ее, и вси ее люди, холопы ее, и кому буду яз, князь великий, тем давал свои села, или за кем будет их отчина, или купля, а в тех своих людех во всех вольна моя княгиня и в тех селех; а дети мои в то не вступаются".

От того же времени к нам дошла следующая дарственная запись Хари Лагиря, холопа князя Юрия:

"Се яз, Харя Лагирь, дал есмь в дом пречистой да и своему господину Ионе, митрополиту киевскому и всея Руси, свою пустошь Бортневскую, что есмь себе купил у Микулы у Мишня да у Жеребила у Иванова человека Владимировича, и с лесом, и с пожнями, и с всем тем, что к ней потянуло. А на то послуши: Серапион старец, да поп Данило Николскои. А грамоту писал Григорей Карлов (не Карпов ли?), а подписал Иван Котов" (А. до Ю. Б. I. N 103,1; 1462-1464).

Один из продавцов земли Лагирю был тоже раб, человек Ивана Владимировича.

В духовной верейского князя Михаила Андреевича читаем:

"А что мои люди, кого буду чем пожаловал, жалованьем и деревнями, и государь бы мой, князь великий, после моего живота моего жалованья не порушил, что бы мои люди после моего живота не заплакали..."

От того же XV века дошла до нас духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Он отпускает на волю людей своих и с землей, которая им принадлежала в рабстве:

"А людей своих отпускаю на слободу: Зеленю с женою и с детьми и с землею, да Алексеика Рахманова с женою и с детьми и с землею, да Осташа Некраса Андрейкова сына Моланьина и с детьми, и с землею..."

Княгиня Александра Васильевна Беззубцева заняла у холопа князя Дмитрия Ивановича, Исупа, - денег полчетверти рубля. Она вспомнила об этом долге в духовной (1546 г.) и приказала заплатить его вместе с разными другими долгами (А. Ю. N 419).

Весьма любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человеку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагим старинную вотчину. Нагой, в царствование Федора Ивановича, подвергся опале и был заключен в тюрьму. В это тяжелое для него время Богдан Сидоров явился единственным за него ходатаем. Он бил челом Федору Ивановичу об освобождении своего господина, и за усердие свое сам попал за пристава. Просидев полгода в неволе, он был освобожден при царе Борисе и

снова принялся хлопотать. Труды его увенчались, наконец, успехом: Нагой был освобожден. За эту-то "великую работу и терпение" он и награжден старой вотчиной с правом: продать ее, заложить и по душе отдать. Но воли ему Нагой не дал. Наоборот, он рассматривает Богдана, как должностящего служить за этот дар и по смерти его - жене его и детям. "А после моей смерти, - читаем в грамоте, - ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и детей не покинуть и их устроить по моей духовной грамоте, чем я их благословлю. И детей моих, Никофора и Гаврилу, ему, Богдану, грамоте научить и беречь и покоить всем, пока Бог их на ноги поднимет" (Солов. VIII. 23).

В духовной Дмитрия Ивановича Плещеева читаем:

"А что моего платья и доспехов и лошадей... то все сыну моему, Ивану. Да из тех же лошадей прикащиком моим дати людем моим по лошади, у которых собинных лошадей не было. А которых моих людей на имяна лошади, те тем и есть... А у которых моих (людей), и у конюхов, и у деловых людей коровы и всякая животина, и в то у них не вступатца ни во что-ж" (Фед.-Чех. N 94. С. 276, 1562 г.).

В одной закладной грамоте 1529 года встречаем любопытный факт общего займа господина с его рабами.

"Се яз Влас, Никитин сын, Фрязинов да с своими людми, с Ивашком, с Ивановым сыном, да с Онцифором с Щигою, с Ивановым сыном, заняли есмя у Дементиа, а Иванова сына, у Кириловского слуги, четыре рубли... А в тех есми денгах заложил на озере свой закос... А в денгах есми с своими людми един человек, кой нас в лицах, на том денги" (А. Ю. N 237).

Этой грамотой господин признает за своими рабами и право отвечать на суде.

Итак, ввиду приведенных фактов надо допустить, что собственность старинных рабов есть явление довольно обыкновенное. Она могла существовать и у рабов эпохи Русской Правды. Никакой устав этого не воспрещает.

Возможность появления собственности у рабов обуславливается, конечно, доброй волей их господ. Они допускают рабов своих иметь собственное (собинное) имущество; но они же могут и отобрать это имущество. Поэтому-то Василий Васильевич и говорит в своей духовной, что жена его вольна в своих людях и в их селах.

Право собственности рабов не было ограждено от захвата со стороны их господ. За рабами не признавалось право иска против господ.

В новгородских договорах с князьями читаем:

"А холоп или роба почнет вадити на господу, тому ти веры неяти" (Рум. Собр. I. N 3, 1270 г.).

Это правило встречаем и в Уложении, но с ограничением. Рабы могут подавать изветы на господ своих в случае злоумышления их на государское здоровье или какое иное изменное дело (II, **13**).

Уложение допускает и еще один род жалоб, но только рабынь на господ.

"А кто учнет у себя в дому делать беззаконие с рабою, с женою или с девкой, и приживет с нею детей и в том на него та раба учнет государю бити челом, и таких женок и девок и на кого учнут государю бити челом отсылати на Москве на Патриарш двор..." (XX, **80**).

Это, собственно, единственная жалоба, возникающая из частных отношений господ и рабов, а не государевых дел, которая принимается к рассмотрению.

Холоп не имеет иска против господина, но это не значит, чтобы нашей древности была чужда всякая идея о некоторых пределах господской власти. Господин может требовать от него всякой работы и наказывать за неисправность; но может ли он его убивать? Русская Правда предусматривает только случаи убийства холопа третьим лицом, а не его господином. В убийстве раба третьим лицом Правда видит только имущественный ущерб господина, а не убийство человека. Отсюда

можно заключить: так как сам господин волен был умалять ценность своего имущества, никому за то не отвечая, то он мог и убивать своего раба.

Но так было только в самой глубокой древности. С учреждением постоянных судов и с принятием христианства точка зрения начинает изменяться. Судьи получают доход с убийств, в их выгодах расширять понятие убийства и применять его даже к убийствам рабов их господами. Статья Двинской грамоты (1397 г.) наводит на мысль, что они действительно это делали, а потому и потребовалось ограничить их вторжение в сферу частных отношений господ к рабам. В грамоте читаем:

"А кто господарь огрешится, ударит своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместницы не судят, ни вины не емлют" (11).

Эта статья ограничивает наместников. Она запрещает им брать "вину" за случаи ненамеренного убийства рабов господами. Господин не увечил раба, не бил его с тем, чтобы убить, а только ударил, и последствием была смерть. Наместники прежде, надо думать, и за это брали вину. Двинская грамота решает вопрос в пользу господской власти. Господа могут бить своих рабов и не отвечают за неосторожное их убийство.

Это различие неосторожного и умышленного убийства рабов произошло, надо думать, не без влияния памятников византийского права, а следовательно, и духовенства, которое всегда имело их под руками.

В Градских законах читаем:

"Аще кто своего раба ремнем или палицами биет, и от сего приключится емоу оумрети, не осудится господин его, яко убийца. Аще же безмеры моучил его боудет, или отравлением оубил, или прежегл, яко разбоии сотворивый моучится" (XXXIX, 85).

Двинская грамота передает мысль, выраженную в первой половине этой статьи. Она объявляет ненаказуемым неосторожное убийство раба. А если раб убит намеренно? Двинская грамота останавливается как бы в нерешительности перед этим случаем и не договаривает мысли своего византийского источника. Но так как она освобождает от наказания только неосторожных убийц, то нет основания думать, что убийцы намеренные не наказывались. Скорее надо заключать к обратному.

Уложение царя Алексея стоит именно на этой точке зрения. Мы находим в нем специальное ограничение власти господ по отношению к возвращенным из бегов холопам. Беглый холоп прямо и решительно отвергает власть своего господина. По возвращении беглеца последний имеет достаточные основания преследовать его. Уложение кладет границу этому мстительному преследованию:

"А кому беглый человек из приказу отдан будет в холопство по прежнему, и тому... приказати на крепко, чтобы он того своего беглого человека до смерти не убил, и не изувечил, и голодом не уморил" (XX, 92).

Приведенная статья не назначает, однако, наказания господину за ослушание. Это несовершенный закон, свидетельствующий о том, что и в XVII веке у нас многое не договаривалось, когда речь заходила о господских правах. Во всяком случае, она доказывает, что нашей древности не была совершенно чужда мысль о некоторых границах господской власти.

Только против господина своего холоп не имел ни жалобы, ни иска; против же третьих лиц он вовсе не был беззащитным.

Выше мы указали уже, что и в эпоху Русской Правды и Новгородской судной грамоты преступления, совершаемые рабами, рассматривались судом. Эта старина действует, само собой разумеется, и в XVII веке. В **Уложении** читаем:

"А будет учнет язык говорити в разбое или в татьбе на чьих нибуду людей... а те люди, на чьих людей... язык говорит, таких людей... у себя скажут, а их не поставят, и на них за тех людей... имати выти и давати их на крепкия поруки... что им тех своих людей... поставити к языком на очную ставку..." (XXI, 45).

Уложение идет и далее: оно не оставляет безнаказанным укрывательства виновных рабов господами. Господа, которые не выдадут виновных холопов к суду, хотя бы и наказали их домашним порядком, подвергались ответственности:

"А будет который помещик, сыскав у себя разбойников своих людей... побьет, не хотя их к сыску отдати в губу, укрывая за собою воров, а сыщется про то допряма; и у такого помещика за такое воровство отняти поместье..." (XXI, 79).

Владея имуществом и совершая всякого рода сделки на свое имя, рыбы сами отвечают за себя на суде и допускаются ко всяким судным действиям: крестному целованию, полю и пр., и приговариваются к уплате штрафов и убытков. В 1521 г. митрополичьи крестьяне искали на Павлине, на Чудинове сыне Окинфова, да на его человек, на Сухом. Павлин Чудинов отвечал за себя "и в человека своего место". Митрополичьи крестьяне просили поля. "Павлин Чудинов и в товарищев своих место за поле поймал же ся". Суд истцов оправил, а ответчиков, Павлиновых людей Чудинова, Сухова да Якуша, обвинил и велел на них истцам доправить за их грабеж 15 рублей. Недельщик на них те деньги доправил и отдал истцам. В 1525 г. те же крестьяне искали на тех же людях Чудинова. На этот раз ответ держали сами рабы. Из того же процесса видно, что холопу Окинфа Чудинова, Якушу, бояре приговорили поле с детьми боярскими, с Игнатом Авдеевым и с Иваном Внуковым (А. Ю. N 17).

Приговором суда бояр холоп поставлен рядом со свободным человеком и не простым, а сыном боярским.

Эт практика признана и царскими указами. В приговоре государя, царя и великого князя Иоанна Васильевич со всеми бояры от 12 марта 1582 года читаем:

"Холопей боярских и иных чинов людей, которые будут в суде за себя, или за своего государя, или за кого иного стояти..." (А. И. I. N 134, XX).

Ф.М. Дмитриев, на основании этой статьи, высказал уже в своем исследовании "О судебных инстанциях" предположение, что рабы допускались судами искать за себя*(53).

Приведенная практика и указ объясняют статью **Уложения**, которой рабы допускаются к свидетельству без всякого исключения:

"А будет где доведется в объску или в допросе спрашивати боярских людей... и их во всяких делех допрашивати по государеву крестному целованию..." (X, 173).

Постановления Русской Правды о свидетелях, составленные под влиянием византийского права, уступили русской действительности. Это изменение, надо полагать, произошло задолго до **Уложения**. Ни Псковская судная грамота, ни московские Судебники не повторяют ограничений Русской Правды. Говоря о свидетелях, они определяют их признаком "добрые люди". Но что такое добрые люди? Это понятие весьма широкое. Царский судебник знает "боярских добрых людей", т.е. холопов.

Мы привели выше (с. 59) статью смоленского договора по готландской редакции. В рижских списках вместо "инога добраго человека" поставлен "боярской холоп". Эти понятия, значит, и в XIII веке могли заменять одно другое.

Перехожу к вопросу о способах установления обельного или полного холопства. Древность знает очень много таких способов. Холопство устанавливается пленом, покупкой свободного человека, его тиунством, браком с несвободным, рождением от несвободных родителей и, наконец, несостоятельностью.

Плен есть, конечно, один из древнейших способов установления рабства. О пленниках (полоняник) говорят еще договоры с греками. Из этих памятников видно, что пленники составляют предмет гражданского оборота и продаются из рук в руки (дог. 911 г., ст. 9 и 11, дог. 945 г., ст. 7).

Начальная летопись, рассказывая о войне великой княгини Ольги с древлянами и о взятии города их, Искоростеня, говорит, что она город

"Сожгла, старейшины изънима и прочая люди овых изби, а другия работе

предасть мужем своим, а прок их остави платити дань".

Войны обыкновенно сопровождалась уводом пленников.

В описании похода Андрея Боголюбского на Новгород читаем:

"И пришедше только в землю их (Новгородскую), много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скоты поимаша" (Ипат. 1173).

Война великого князя Ивана Васильевича с Новым городом описана так:

"Братия же великаго князя все с многими людьми, кииждо из своая отчины, поидоша разными дорогами к Новугороду, пленующе и жгуще и люди в плен ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кииждо на свое место послан" (1471).

А едва ли проходил год, чтобы в том и в другом месте России не было войны. Понятно, какое громадное перемещение из свободного состояния в несвободное происходило в нашей древности. Это великое бедствие. Оно должно было живо чувствоваться и народом, и князьями. Этим и надо объяснять те статьи княжеских мирных договоров, которыми обе стороны обязываются отпустить пленных (нятцев). Но и княжескими договорами предполагается за взявшим пленника - право продать его. А потому в некоторых договорах есть статьи, возлагающие на князей обязанность выкупить проданных.

В договоре Юрия Шемяки с можайскими князьями читаем:

"А что еси в наше розмирье воевал мою отчину, Галичь и Галичьские волости, также и Звенигородские волости, и что будет у тебе того моего полону или у твоих бояр и у детей боярских, и тебе тот мой полон весь отдати по сему целованью. А кто будет того полону запродаан за рубеж или инде где, и тебе тот полон выкупити весь бесхитростно да отдати мне великому князю" (Рум. Собр. I. N 47, 43, 48, 54, 65; 1428-1447).

Если таких условий не было заключено, пленник оставался законно приобретенной добычей.

В половине XVI века в установлении холопства пленом произошло существенное изменение. 21 августа 1556 года государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси приговорил со всеми бояры:

"А кто ищет полоняника в холопи, котораго полону ни буди, и утяжет его многими свидетели, и тот полоняник ему холоп до его живота, а детем его не холоп" (А. И. I. N 154).

В силу этого приговора плен перестал быть источником полного холопства. Из него возникает только временная зависимость, пока жив пленитель. Но этому нововведению не суждено было удержаться в нашем законодательстве и развить все свои последствия. В **Уложении** от этого указа не осталось ни малейшего следа. Оно возвращается к старине и признает за господами право отказывать пленников по духовным завещаниям, дарить их и давать в приданое.

"И кому такие люди, - говорит Уложение и о пленниках, - будут в приданые или в надел даны, и тем людем такие люди крепки, и женам их, и детем, и внучатом, и правнучатом" (XX, 61).

Древнему времени была чужда всякая забота об ограждении свободного состояния человека. Всякий свободный мог невозбранно распоряжаться своей личностью и, если находил это для себя выгодным, мог продать себя в рабство. Эту, конечно, куплю-продажу разумеет Русская Правда в ст. III. 142.

Древность заботилась только о том, чтобы факт добровольной продажи себя был точно удостоверен. Русская Правда требует для этого, чтобы продажа происходила в присутствии свидетелей и княжеского чиновника, которому должна быть внесена пошлина с продажи. Пошлина эта должна быть уплачена в присутствии самого продающегося в рабство.

"Холопство обельное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи

поставить, а ногату дать перед самым холопом" (III. 142).

Статья не говорит о чиновнике, но он необходимо предполагается уплатой ногаты. Это мытник.

Позднее, вместе с распространением грамотности, стало входить в обычай писать грамоты на память о совершившейся продаже. Вследствие этого в памятниках московского времени купленные рабы называются "грамотными" (Рум. Собр. I. N 25).

Грамоты содержат в себе точное указание на совершившуюся сделку и служат постоянным актом укрепления раба. Они называются поэтому "крепостями", а рабы - "крепостными людьми" (А. И Л. N 221, II).

При совершении акта продажи в письменной форме требуются, как и в старину, присутствие свидетелей, чиновника и взнос пошлины.

На основании такой крепости устанавливалось полное холопство, а потому в грамоте говорилось, что такой-то продал себя "в полницу", а самая грамота называлась полною. К сожалению, мы не имеем ни одного оригинала полной грамоты. До нас дошло только извлечение из полной, записанное в новгородскую кабальную книгу. Вот оно:

"Купил Сенка, Васильев сын, Всеславин Фетка, Офоносова сына, новгородца, в полницу себе и своим детям, а дал на нем два рубля денег новгородских. От Юрия Захарьевича, от наместника, приходил пристав, Васюк Бородат. От великого князя, Ивана Васильевича, всея Руси, тамгу и осмничее тамошницы взяли. Полную писал чернец Гаврилов, сын Паюсова. Лета 7097. У полной печать писана в кругу тамга Великого Новгорода" (Арх. ист. юрид. свед. 1855. Кн. II. Полов. I. Отд. II. С. 32 и сл.).

В XVI в. этот старый порядок получил некоторое дальнейшее развитие, заключающееся в установлении строгого правительственного надзора за сделками об отчуждении личной свободы. Акт продажи себя в рабство должен был совершаться перед лицом правительственного агента, который подвергал продающегося допросу о том, действительно ли он продает себя в рабство такому-то лицу и за такую-то цену. Этот акт носит наименование доклада, а грамота - докладной. На докладе, по старине, присутствуют свидетели. К докладной грамоте чиновник прикладывает свою печать, а от печати получает пошлину. По Судебнику 1550 г. она определена с головы по пол третьего алтына, да дьяку от письма три деньги (65).

Приводим целиком одну такую докладную.

"Се яз Александр, Степанов сын, Зубатого, поставя (перед наместником, Григорием Федоровичем Голохвастовым) Никона, Поздеева сына, Новикова, да его сына Федка, тако рек; то, господине, люди вольные царя и вел. князя емлют, господине, у меня три рубли денег и в тех, господине, денгах даются мне на ключь в мое село Демидово, а по ключу, господине, даются мне и в холопи. И Григорий Федорович Голохвастов спросил Никона, Поздеева сына, Новикова да сына его Федка: емлете ли вы у Александра, у Степанова сына, Зубатого три рубли денег и даетесь ли в тех денгах Александру на ключь в его село Демидово, а по ключу даете ли ся ему в холопи? И Никон, Поздеев сын, Новикова да его сын Федко тако рекли: мы, господине, люди волные государя царя и вел. князя взяли есмь, господине, у Александра, у Степанова сына, Зубатого три рубли денег, а даем ся, господине, в тех денгах Александру на ключь в его село в Демидово, а по ключу, господине, даем ся и в холопи. - А на докладе были Павел, Истомина сын, Дементьев да Иван, Олександров сын, Истомина Ратышинского, тот на них и знахорь, что продал ся отец с сыном. А у Никона отца и матери нет, а иному он и с сыном не холопили никому. А докладную писал Ямской Петеля, Некрасов сын. А наместник трети Московской Григорей Федорович к сей докладной грамоте печать свою приложил. Лета 7062

(1553) декабря в 8 день. Ямской Дмитрий, Онаньин сын, Шугина руку приложил"*(54).

Московское правительство с течением времени вводит все большую и большую определенность в порядок совершения актов на поступление в рабство. Побуждением к этому служат нередкие случаи бегства рабов, вторичная продажа себя беглыми в рабство и возникавшие из того споры о праве собственности на холопов.

В эпоху Русской Правды акт продажи в рабство совершался, кажется, перед таможенным чиновником, перед "мытником". На это наводят статьи III. 45 и 48, из которых видно, что "мытник" присутствовал при совершении всяких продаж. В XVI веке право выдавать полные и докладные грамоты предоставляется только высшим чиновникам. Оно принадлежит даже не всем наместникам и волостелям, а только тем из них, которым кормления давались с правом боярского суда. В царском Судебнике читаем:

"А суд боярский то: которому наместнику дано с судом боярским, и ему давати полныя и докладным" (63).

"А наместникам и волостелем, которые держат кормления без боярского суда, полных и докладных не давати" (66).

Вместе с этим учреждаются записные книги, куда должны быть вносимы всякие крепости на людей. Год учреждения таких книг с точностью неизвестен. Древнейшее указание на них относится к 1558 году.

В указе этого года о новокрещенах читаем:

"А похотят кому в службу бити челом и полную, или докладную, или кабалу, или какую крепость они буди похотят на себя дати, и кто новокрещена учнет к себе в службу приимати, - и того новокрещена к себе принять и крепость на него взяти с казначеева ведома, да того новокрещена и крепость своя в книги у казначеев написати" (А. И. I. N 154. XIII).

Но нет повода думать, что эта мера была тогда же распространена на всякие крепости. Общей сделалась она, кажется, не ранее конца XVI века. В указе 1597 года встречаем такое предписание:

"Московского государства всяким людям холопыи имена и на них крепости всякие записывати с нынешнего уложения бессрочно в книги Холопья приказа" (А. И. I. N 221. II).

По имени акта укрепления (докладная) и самые рабы получили наименование докладных. "Докладные" не составляют какого-либо особого вида рабов. Это те же полные или обельные. В старых памятниках мы постоянно встречаемся с разнообразными наименованиями рабов, по разлучию актов укрепления их. Иногда они обозначаются только актом укрепления:

"И которые люди служат в холопстве... по полным, и по купчим, и по рядным" (А. И. I. N 221. II).

Это все полные холопы, но одни сами продались (полная), другие куплены у старых господ (купчая), третьи - даны в приданое (рядная).

Что по отношению к "докладным" господину принадлежало такое же право распоряжения, как и по отношению к "полным", это видно из Уложения:

"А в приданные давати, и женам, и детям, и внучатам, и правнучатам в надел, в духовных, и в данных, и рядных писати полных, и докладных, и купленных, и полонеников иных земель. И кому такие люди будут в приданные или в надел даны, и тем людям такие люди крепки, и женам их, и детям, и внучатам, и правнучатам"*(55).

Древняя юридическая мысль имела дело не с общими понятиями, а с конкретными явлениями, отсюда эти бесконечные перечисления, которыми древние юристы думали исчерпать свой предмет*(56).

Поступление в полные холопы допускалось у нас и в XVII веке, но только до Уложения. Уложение же разрешает желающим поступить в рабство записываться

только в кабальные холопы, а не в обельные (XX, 7). С Уложения полное холопство для свободных людей не возникает.

К обельному же холопству Русская Правда относит холопство по жене и холопство по ключу.

"А второе холопство: поиметь робу без ряду; поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоять" (III. 142).

"А се третье холопство: тивунство без ряду или привяжет ключь к собе без ряду; с рядом ли, то како ся будет рядил, на том же стоять" (III. 142).

Правило статьи 142-й действует и в XVII веке. Но в московских памятниках оно выражается полнее. В Судебниках читаем:

"По робе холоп, по холопе роба" (Суд. 1497. Ст. 66, Суд. 1550. Ст. 76).

Также и в Уложении, XX, 31. Упоминания о ряде в московских памятниках не встречаем; но само собой разумеется, что и в Москве соглашение господина и лица, желавшего вступить в брак с его холопом или рабой, могло устранить невыгодные для свободной стороны последствия брака с несвободным лицом.

Холопство по ключу существует у нас еще в XV в., но с некоторыми изменениями. Судебник великого князя Ивана Васильевича различает ключ сельский и ключ городской. Только принятие сельского ключа делает рабом; городской же ключ не ведет к рабству (66). Второй Судебник идет еще далее. Никакой ключ не ведет к рабству. Это изменение совпадает по времени с обозначенным уже выше стремлением московского правительства ввести более определенности в способы установления рабства. Этим стремлением и надо объяснять изменение старины, которая, действительно, не отличалась достаточной определенностью в этом пункте. Ключ вел к рабству, но если не было соглашения о противном. Состоялось или нет такое соглашение, это могло быть предметом спора, тем более что самая форма соглашения не была определена. Для прекращения этой неопределенности московское правительство и признало удобным объявить, что ключ сам по себе не ведет к рабству; но кто хочет, чтобы лицо, принимаемое им в ключники, было рабом, тот должен представить на него полную или докладную (76).

Составитель последнего отдела Русской Правды, в котором речь идет "о холопстве", есть наш первый юрист-систематик. Он различил два вида холопства, обельное и неполное, и в статье 142 делает попытку перечислить виды обельного холопства по способам его установления. Он заметил три таких вида: 1) кто себя продаст, 2) кто женится на рабе без ряду и 3) кто привяжет ключ без ряду. Это уже значительная победа обобщающей мысли над юридическим материалом. Но наш первый юрист-систематик просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства: плен и еще три, на которые можно найти указания даже в тексте Правды: 1) бегство закупа; 2) рождение от несвободных родителей и 3) несостоятельность.

О закупе речь будет ниже, а о двух других способах необходимо сказать теперь.

Что дети, рожденные от рабов, суть рабы - это есть естественное последствие несвободы родителей. Принадлежность к несвободному состоянию детей, прижитых рабами, само собой разумеется, как и то, что приплод от скота составляет собственность хозяина скота. Поэтому ни один древний памятник не узаконяет принадлежности детей холопов их господам. Но есть статьи в Русской Правде и позднейших памятниках, которые, отправляясь от того положения, что дети рабов принадлежат их господам, разъясняют применение этого правила в некоторых частных случаях.

Русская Правда в статье о вознаграждении опекуна говорит, что опекун, в вознаграждение за свой труд и издержки по прокормлению малолетнего, получает все то, что "пригостит" или добудет в виде процентов на его капитал; самый же капитал он должен возратить, а также должен возратить и "плод от челяди и от

скота" (III. 129).

От такого же предположения о принадлежности детей раба его господину отправляется и **Уложение**:

"А который старинный холоп, от кого збежав, женится в бегах на вольной девке или на женке и приживет с тою женою своею дети, и того холопа прежнему его боярину отдати в холопство с женою и с детьми" (XX, 87).

Иное дело несостоятельность должника. Ее последствия сами собой не мыслятся, а потому и нуждаются в определении на случай спора. Уже Русская Правда различает, во-первых, несчастную несостоятельность, возникшую вследствие пожара, наводнения и других не зависящих от воли человека причин, и, во-вторых, несостоятельность по его вине. В первом случае должнику дается рассрочка; во втором он выдается в распоряжение кредитора, которому предоставляется право или продать должника, или оказать ему снисхождение и дать отсрочку.

"Аже который купец, где любо шед с чюжими купами, истопиться, любо рать возьмет, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, такоже платити, занеже пагуба от Бога есть, а не виноват есть (III. 66). Аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии тот товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадут ли, а своя им воля" (III. 67).

Под "продадут ли" разумеем право кредитора продать несостоятельного должника в рабство. Продажа эта происходила "на торгу" (III. 68).

Но Русская Правда, очевидно, не договаривает. Неоплатным должником может оказаться не только купец, занявший деньги или товар, но и всякое лицо, на которое падает взыскание в силу причиненных его действиями (обидами) убытков. Надо думать, что лица, виновные в убытках, не пользовались льготами, предоставленными несчастным несостоятельным. Они подлежали во всяком случае продаже в рабство.

Этот порядок остается у нас в силе еще в XV веке. Статья Русской Правды, с некоторыми редакционными изменениями, повторяется в Судебнике 1497 г. Несчастливая несостоятельность названа там "безхитростной". Такому несостоятельному выдается "полетная грамота". Он платит по ней капитал без процентов. Пропившийся же или иным безумием погубивший товар свой "без напрасньства" (обстоятельства, от воли не зависящие) выдается истцу головою на продажу, по старине.

Судебник 1497 года дополняет Правду и в том отношении, что распространяет тот же порядок и на несостоятельных преступников.

"О татех. А котораго татя поймают с какою татбою ни буди... а не будет оу того татя статка, чем исцево заплатити, ино его бив кнутъем, да исцу его выдать в его гибели головою на продажу..." (10).

Под выдачей головою на продажу надо разуметь предоставление должника в волю кредитора. Кредитор мог или взять его к себе во двор в качестве раба, или продать его. В случае наличности многих кредиторов, если ни один из них не брал себе неоплатного должника на условии удовлетворения остальных, должник продавался на торгу, а кредиторы удовлетворялись из вырученной суммы. Уже Русская Правда определяет порядок такого удовлетворения. Процентная разверстка вырученной из продажи суммы неизвестна нашей древности. Она знала привилегированных кредиторов, которые удовлетворялись первыми и в полной сумме. На первом месте стоял князь, за ним шли гости-чужеземцы, остаток распределялся между местными кредиторами (III. 68, 69).

Московский великий князь Семен Иванович отпускает, между прочим, на волю "людей, кто ми ся будет в вине достал". Под этими, доставшимися за вину, надо разуметь неоплатных должников, заемщиков, татей и пр.

В XVI веке эта старина начинает изменяться. Государство приходит на помощь неоплатным должникам. Еще до издания второго Судебника судьи приговаривают неоплатных должников к выдаче головою не на продажу, а только "до искупа", т.е. до покрытия долга (А. Д. N 10. 1503 г. и N 22. 1547 г.).

В царском Судебнике это уже общее правило для всяких должников, татей и несостоятельных кредиторов (ст. 55, 90).

Правила о выдаче должников до искупа переходят и в Уложение (X, **204**, **266** и XX, **39**), которое точно определяет, во сколько времени можно отработать известный долг. Мужчина за 5 рублей должен работать год, женщина в год покрывает только 2 р. с половиной. С кредиторов берется порука с записью в том, что они должников своих не убьют и не изувечат (X, **266**).

Но возможность для должника сделаться рабом существует и в XVII веке. Выдаче головою до искупа предшествовал правож. Людей, стоявших на правеже, предоставлялось желающим выкупить, т.е. заплатить за них долг, и их себе взять. На каком праве поступали такие должники во двор лица, уплатившего их долг? Ни один памятник не определяет этого права. Условия перехода должника к третьему лицу предоставляется определять по взаимному соглашению. Это соглашение заносится в "запись", которая и служит основанием для решения споров, могущих возникнуть между неоплатным должником и тем, кто выкупил его с правежа. Если в записи ничего не говорилось о сроке, в течение которого выкупленный должен был служить во дворе лица, заплатившего за него долг, в таком случае судьи, если возникал спор, должны были присуждать должника вечно оставаться в работе.

"А которые люди учнут искати на ком по записям, а в тех записях написано, что они тех людей скупили в долгах с правежу, и тем людям жити у них и у детей их во дворе, служити и женитися, и, женясь потому же служити во дворе, а сколько лет служити, того будет в записи не написано, и тех людей по таким записям отдавати во двор тем людям, кому они на себя такие жилые записи дали, потому что он тое запись дал на себя из воли" (XX, **46**).

Таким образом, еще в XVII веке неоплатный долг вел к рабству, но не должника, а третьего лица, уплатившего долг и взявшего бессрочную запись на службу должника. Но это будет рабство не за долг, а по новому основанию, по бессрочной жилой записи. И по существу рабство это будет отличаться от полного. Выкупивший должника едва ли мог отчуждать его.

Наконец, смоленский договор с немцами указывает и еще на один способ установления рабства, это - приговор князя за вину. В готландской редакции читаем:

"Аже розгневается князе на своего члвкя, и боудете винъват немчицю роусин, а отимът князе все, женоу и дети оу хольпство, первое платити емоу латинину, а потом князю как любо с своим члвкмь".

В рижской находим такой вариант.

"Аще князь взвержет гнев на роусина, повелить его разграбити с жоною, с детми, а роусин должон боудет, немчичю наперед взяти, а потом како Бви любо и князю" (Рус. лив. акты. С. 424).

Текст смоленского договора дает возможность пополнить наши представления о практике времен Русской Правды. Преступники не всегда изгонялись, а иногда обращались в холопей князя. Это специальный способ установления княжеского холопства*(**57**).

Способы прекращения рабства сводятся к очень немногим. Первое место между ними занимает отпущение на волю. Относительно самого порядка освобождения рабов мы знаем очень немного. Рабы освобождались при жизни господ и на случай их смерти. В московское время желавший еще при жизни своей отпустить на волю раба должен был дать ему отпускную грамоту; при выдаче отпускной было в обычае выдавать освобождаемому и старые на него крепости*(**58**).

Согласно с обозначенным выше стремлением московского правительства установить строгий контроль за актами поступления в рабство и порядок выдачи освободительных грамот все более и более получают официальный характер. В XV веке освободительная грамота имела силу, если была вся написана рукой господина (пер. Суд. 18). В противном случае требовалось, чтобы она прошла через руки официальных лиц, которые все получали и особые пошлины за свой труд. Писалась она подьячим или дьяком, подписывалась дьяком и, наконец, скреплялась приложением печати наместника или волостеля, которые имели кормление с судом боярским (Суд. 1497 г. Ст. 17, 20, 42). Так в XV и первой половине XVI века. С половины же XVI в. всякая отпускная должна быть непременно скреплена рукой дьяка и печатью наместника. Право же скреплять отпускные было предоставлено только наместникам и дьякам московским, новгородским и псковским (Суд. цар. 77). Эта крайняя централизация не могла не оказать вредного влияния на московскую практику.

Кроме освобождения через посредство отпускных грамот, встречаемся еще с освобождением в духовных завещаниях. Освобождения в духовных грамотах делаются массами. Умиравшие отпускают или всех своих рабов, или только должностных: тиунов, ключников, дьяков и пр. Ни в том, ни в другом случае рабы не перечисляются отдельно, по именам. Так в духовных грамотах князей и частных лиц. Освобождение рабов актом последней воли возникло у нас, конечно, под влиянием духовенства и делалось с целью иметь молельщиков о душе. Как приводились такие распоряжения в исполнение, на это мы не встретили прямых указаний. Можно думать, что в этих случаях душеприказчики и наследники завещателя давали рабам отпускные грамоты от своего имени. На это наводят выражения указа 1597 г. апреля 25-го (А. И. I. N 221, II) и **статьи 10 и 65** Уложения главы XX.

В наших памятниках нет указания на то, что вольноотпущенные находились в каких-либо отношениях зависимости к своим прежним господам. С момента отпуска на волю они приобретали все права свободных людей.

В памятниках, с XV века начиная, рабы, бежавшие из плена, признаются свободными.

"А холопа полонит рать татарская, а выбежит не полону, и он слободен, а старому гсдрю не холоп" (Суд. 1497, 56).

Царский Судебник говорит уже не о татарской рати, а о полоне вообще (80). Эти постановления перешли и в Уложение, в котором находим и разрешение некоторых спорных вопросов (XX, 34, 66).

Выше было указано уже (**с. 96**) на освобождение правительством рабов, которых господа или не кормили в голодные годы, или не женили по достижении ими определенного возраста. Освобождение в этих случаях имело место по особому заявлению раба казначею.

К этим способам Уложение прибавляет два новых. 1) Рабам изменника, отъехавшего из Московского государства, может быть дана воля; но для этого необходим особый государев указ и боярский приговор (XX, **33**). 2) Принятие православной веры рабами некрещеных иноземцев. Господам давался за них выкуп в размере 15 рублей за человека (XX, **71**).

II. Кабальные холопы

В московских памятниках XVI века встречаемся с новым видом холопства. Этому новому виду усвоится имя "кабальных холопов". Сравнительно со старинными холопами кабальные представляют новость. Но для нас и эта новость есть старина, от которой не осталось ни малейших следов в современной жизни.

Кабальные холопы, как и старинные, не созданы княжескими указами. Они возникли в силу житейской практики. Московские государи нашли их уже существующими. Когда они впервые возникли, этого мы не знаем. Но XVI век есть время регулирования способов установления рабства. В этом веке было регулировано и кабальное холопство.

"Кабала" - слово арабское; означает оно договор купли-продажи (сообщил барон В.Р. Розен). У нас слово это сделалось известно через посредство татар. В татарских официальных документах оно употребляется в смысле заемной расписки (сообщил проф. В.Д. Смирнов). В наших памятниках слово это также имеет значение заемной расписки. Из договора займа (кабала) и возникло кабальное холопство. Появление в нашей практике заемных расписок - кабал никак не может быть старше конца XIII века.

Проценты в старых договорах займа определялись деньгами и натурой. В качестве процентов натурой являлась весьма обыкновенно служба должника. Он обязывался за рост служить во дворе кредитора. Кабала этого рода носила наименование "служилой кабалы". Это был заем на условиях очень тяжелых.

Служилой кабалой достигалось почти полное фактическое закрепление должника верителю. Обязываясь служить за рост, должник отдавал в распоряжение кредитора все свои производительные силы. Эта обязательная работа могла быть прекращена только уплатой капитала: но где взять капитал, если проценты платились личной работой? Для уплаты капитала было одно средство - новый заем. Но он едва ли мог быть заключен на лучших условиях. Новый же заем на тех же условиях есть только перемена господина.

Юридически такая зависимость легко уничтожается. Для этого надо только уплатить долг. Но фактически она ведет к полной утрате свободы, так как нет средств к уплате долга.

До половины XVI века кредиторы выговаривали иногда в свою пользу оба вида вознаграждения по одному и тому же долгу. Он обязывали должников своих служить им и, кроме того, платить рост деньгами (Цар. суд. 82). Положение таких должников было еще более тяжелое.

Судебник 1497 г. еще ничего не говорит о кабальных, но они уже существуют. Первое упоминание о них относится к 1481 г. Меньшой брат великого князя Ивана Васильевича, Андрей Васильевич, отпустил в этом году на волю "приказных своих людей, полных холопов и кабальных". В 1509 г. то же делает внук вел. князя, Дмитрий Иванович, а в 1523 г. волоцкий князь Федор Борисович.

Кабальные в это время не холопы. Они люди свободные. Только фактически они не свободны. Что же значит отпуск на волю кабальных в трех приведенных случаях? Если кабальные не уплачивали долга кредитору, то, по его смерти, они на том же основании переходили к его наследникам и должны были служить им. Три вышеприведенных князя простили долги своим кабальным должникам и, таким образом, освободили их от дальнейшей службы наследникам за рост. "Дать волю кабальным" не точное выражение, красноречиво, впрочем, свидетельствующее о том, что безвыходное положение кабальных хорошо сознавалось их кредиторами.

Первые определения о кабальных встречаем в Судебнике 1550 года. Он признает то, что практика уже выработала, но регулирует порядок составления служилых кабал и принимает некоторые меры к ограждению интересов фиска.

Судебник позволяет давать на себя служилые кабалы только вольным людям; вольным людям противопоставляются здесь не рабы, а тяглые люди. Занявший деньги по служилой кабале должен жить в доме кредитора и служить ему, а это несовместимо с тяглом. По ростовой же кабале может занимать деньги всякий, и тяглый. Такой должник сохраняет свое прежнее положение, и если он тяглый, продолжает тянуть свое тягло. Исключать рабов не было никакой надобности: что

раб не мог поступить на службу другого господина, это было всем хорошо известно. Тяглые крестьяне могли продаваться в полные холопы, но не обязываться служилыми кабалами. Это запрещение стоит в связи с особенностями древнего закладничества, о чем речь будет ниже. Судебник устанавливает максимум (15 руб.), выше которого не должен идти долг по служилой кабале. Это, конечно, сделано в видах противодействия составлению безденежных кабал на большие суммы с целью обхода правительственных распоряжений о неприеме в закладники тяглых людей. Затем определен порядок писания кабал.

"А которые люди вольные почнут бити челом князем, и бояром и детем боярским, и всяким людем, а станут на себя давати кабалы за рост служити, и боле пятнатцати рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей болши пятинатцати рублев, до сего **Уложенья**, а за рост в тех денгах у них служити, и тем людем те кабали приносили бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывати..." (78).

Наконец, Судебник принимает меры и против соединения двоякого вознаграждения за кредит, службой и ростом, и тем ограждает заемщиков от алчности кредиторов.

"А хто займет сколко денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им о себе, а на денги им рост давати. А хто даст денег в заем в рост да того человека станет держати у себя, и збежит от него тот человек покрадши, и что снесет, то у него пропало, а по кабале денег лишен" (82).

Судебник проводит этой статьей впервые определенную границу между служилыми кабалами и ростовыми.

Занявший деньги по ростовой кабале платит проценты деньгами и не стоит ни в какой личной зависимости от своего кредитора. Занявший деньги по служилой кабале живет во дворе верителя*(59) и обязан служить ему до погашения долга. Но и по Судебнику кабальный слуга еще не холоп, а свободный человек, временно обязанный служить. За ним остается право уплатой долга прекратить свое зависимое положение.

В 1559 г. определен возраст, по достижении которого можно было давать на себя служилую кабалу. Для этого требовалось иметь исполнившиеся 15 лет (А. И. I. N 154, XII). Это правило перешло и в Уложение (XX, 20).

Следующий по времени указ о кабальных людях был издан 1 июня 1586 г. Он не дошел до нас. Некоторое указание на его содержание находим в указе 25 апреля 1597 г. Сколько можно судить по этому позднему указу, в 1586 г. были установлены новые правила для писания служилых кабал. В Москве они должны писаться с доклада приказу Холопьяго суда, а по городам с ведома (т.е. тоже с доклада) приказных людей; кроме того, все кабалы должны были записываться в кабальные книги. С 1586 г. возник, таким образом, новый вид служилых кабал, которые стали называться "докладными", потому что писались с доклада Холопью суду. Есть основание думать, что тогда же произведено было и важное изменение в юридическом положении "докладных" кабальных людей: они были объявлены крепкими своим кредиторам до их (кредиторов) смерти и лишены, таким образом, права прекращать свое зависимое состояние уплатой долга, на что кабальные по старым кабалам имели еще право.

Переходя к оценке нововведений указа 1586 г. июня 1-го числа, надо сказать, что они только на первый взгляд представляются содержащими в себе стеснение прав кабальных. Докладной кабальный лишен права освободиться от службы уплатой долга. Но если кабальные до указа 1586 г. уплачивали свой долг, то в очень редких случаях; большинство же их переходило в кабальную зависимость к наследникам кредитора и по свою смерть оставалось в кабале. Указ 1586 г., ограничивая кабальную зависимость временем жизни кредитора, приходит на

помощь большинству докладных кабальных.

Тем не менее указ этот делает по закону несвободными должников, которые до того были не свободны только фактически. Только с этого указа кабальные люди становятся холопами, хотя и не в том смысле, в каком употреблялось это слово по отношению к старым холопам. Этим приближением кабальных к старым холопам и объясняется то обстоятельство, что новые служилые кабалы, по которым уплата долга не допускалась, выдавались с доклада.

В 1597 г., когда был издан следующий указ о кабальных, были налицо старые кабалы, написанные до 1586 года и без доклада, и новые, докладные. Царь и великий князь Федор Иванович нашел нужным распространить в этом году правила, изданные раньше для докладных кабальных, на всех кабальных и на тех, которые дали на себя служилые кабалы еще до 1586 г.

Вот относящееся до кабальных место указа 1597 г. апреля 25-го:

а) "А которые люди до государева, царева и великого князя Федора Ивановича всея Руси уложения, в прошлых годах, до лета 7094 (1586) году июня до 1-го числа били челом в службу бояром, и дворяном, и приказным людем, и детем боярским и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем и кабалы служилыя на себя давали, а в книги тогда в приказе Холопья суда те служилыя кабалы не писаны;

б) и которые люди с государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси уложения лета 7094 июня с 1-го числа били челом в службу бояром (и т.д.)... и кабалы служилыя на себя давали на Москве с докладу Холопья суда (значит, в Уложении 1585 года установлен уже доклад, на что мы выше и указали) и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных в московских в кабальных книгах и в городех те служилыя кабалы записаны до нынешняго государева нового уложенья 105 (1597) году февраля по 1-ое число;

с) и которые люди впредь, с лета 7105 (1597) февраля 1-го числа, били челом в службу и впредь учнут бити челом в службу бояром (и т.д.)... с докладу Холопья суда и во всех городех с ведома приказных людей, и в московских в записных в кабальных книгах и в городех у приказных людей те служилыя кабалы будут записаны,

д) и тем всем людем, и женам и детям, которыя жены и дети в тех служилых кабалах писаны в службу государем своим, по тем служилым кабалам, по старым и по новым, быти в холопстве, как и по докладным, а от государей своих им не отходити, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам, а выдавать их тем государем, по тем кабалам, в службу до смерти" (А. И. I. N 221.11).

Итак, на кабальных людей по старым кабалам, писанным до 1586 года, и по новым, писанным с 1597 года февраля с 1-го числа, распространены те правила, которые были установлены в 1586 году для кабальных докладных. С 1597 года все кабальные, и новые и старые, обращаются во временных холопов и лишаются права прекращать свое зависимое состояние уплатой долга, но зато в момент смерти кредитора все они получают свободу, не платя по кабале.

Вот образчик служилой кабалы.

"Се яз, Осип Юрьев сын Васильева, с своими детми, с сыном Леонтьем, да с Васильем, да с Юрьем, да с дочерью, с Полагеею, заняли есмь у Васильева человека Васильевича Ржевского, у Григорья у Шаблыкина, государя его серебро воем рублев денег, московских ходячих, октября ото втораго числа до по тогож дни на год. А за рост нам у государя его, у Василья у Васильевича, служити во дворе по вся дни. А полягут денги по сроце, и нам у государя его, у Василья Васильевича, за рост служити по тому ж, по вся дни во дворе. А кой нас заемщик в лицах, а том денги и служба. А на то послуси, Безсон, Иванов сын, Козин. А кабалу писал Гришка, Федоров сын, Алабышев, лета 7105".

На обороте сделана помета о докладе и о записке в книгу:

"105 октября во 2-й день перед диаком, перед Пятым Кокошкиным, заемщики сказали: денги взяли и такову служилую кабалу на себя дали. - И в книги записана. Диак Пятой Кокошкин" (А. Ю. N 252; несколько служилых кабал напечатано в А. до Ю. Б. N 127).

При докладе присутствовал тот же послух, Безсон, который и на обороте руку приложил.

Из приведенной подписи на обороте видно, что доклад о кабальных происходил в той же форме вопросов и ответов, как и доклад о полных холопах*(60). Форма доклада одна и та же, но существо устанавливаемых на докладе отношений совершенно различное: в первом случае получается кабальное холопство, во втором - полное. Но то и другое одинаково называется докладным от формы доклада.

У нас было только два вид рабства: полное и кабальное. Но в памятниках холопы называются терминами, выражающими не только существо рабства, но и способы его установления. Вел. князь Иван Иванович в своем завещании отпускает на волю своих людей: полных, купленных, грамотных. Полные, купленные, грамотные - это все одно и то же. Но полные - термин, обозначающий существо рабства, это полный холоп, обельный, а не добровольный; купленный и грамотный - обозначают способ приобретения полного же холопа, и опять эти слова значат одно и то же, ибо покупают по полной грамоте. Это плеоназм. С установления доклада для кабальных докладным стали называть и полного, и кабального. Такая свободная терминология приводит иногда наших исследователей к недоразумениям*(61).

Установленное указами 1586 и 1597 годов кабальное холопство существенно отличается от выше рассмотренного обельного или полного.

Кабальное холопство есть временное, оно прекращается смертью кредитора господина. Отсюда господин не может распоряжаться своим кабальным холопом, не может продавать его, дарить, завещать и пр.

Это само собой разумеется; но в некоторых указах встречаем и прямые постановления в этом смысле. В вышеприведенном указе 1597 года читаем:

"А женам после мужей своих и детям после отцов своих до тех кабальных записных людей и до их детей, которыхы дети в кабалах будут писаны и которыхы дети в том кабальном холопстве родятся, дела нет и денег по тем отцовским кабалам на тех кабальных холопах женам и детям не указывати".

То же выражено и в Уложении, глава XX, **ст. 9, 52, 61, 63.**

Итак, кабальный холоп остается в зависимости от своего кредитора до его смерти. Он не может прекратить эту зависимость уплатой долга. В момент смерти кредитора он делается свободен, и наследники умершего не могут искать с него по служилой кабале. А сам кредитор мог искать с него займа? Мог. Относительно этого вопроса в XVII веке сохранял свою силу приказ казначеям царя и великого князя Ивана Васильевича, данный 15 октября 1560 года:

"Кто на ком ищет по кабалам заемных денег, или (по записям) за рост служити, да сносом; и которые заемщики учнут в исцовых исках по кабалам и в сносех винитися, или которых заимщиков в исковых исках судом обвинят, и доправити на них будет исцовых исков не мочно, и поруки и переводу на них в исцовых исках не будет; и тех ответчиков велел Государь истцом выдавати в исках до искупа" (А. И. I. N 154, XVI).

Этот указ буквально перешел в Уложение, XX, **39.** Но едва ли он мог иметь какое-либо практическое значение, так как предъявление служилой кабалы ко взысканию превращало службу с неопределенным сроком (по смерть господина) в срочную, по расчету года службы за 5 руб. долга.

Кабальное холопство устанавливается добровольной выдачей на себя служилой кабалы. Уложение запрещает брать служилые кабалы на собственных крестьян (XX,

113).

В 1597 году к этому способу присоединился новый - добровольное холопство, т.е. добровольная служба кому-либо, без выдачи на себя кабалы. Если такие добровольные холопы служили не менее полугодя, на них приказано выдавать служилые кабалы и против их воли (из неволи). В 1607 году этот указ был отменен, но вскоре затем опять восстановлен (А. И. II. N 85). Уложение сократило срок добровольного холопства почти наполовину. Оно предписывает давать служилые кабалы из неволи на тех людей, которые у кого жили более трех месяцев (XX, **16, 17**).

Кабальное холопство сообщается по мужу жене и обратно, и по отцу детям, родившимся в кабале (Улож. XX, **83, 85, 86**). Если дети, родившиеся в кабале, не дадут на себя добровольно служилых кабал, кабалы выдаются на них тоже из неволи (Улож. XX, **30**).

Кабальное холопство может быть прекращено при жизни господина выдачей кабальному отпускной грамоты (Улож. XX, **9**). Смерть господина прекращает несвободное состояние кабального без всякой отпускной (Улож. XX, **12, 15, 52**).

В первые годы возникновения кабального холопства рядом с ним не только продолжает существовать старинное обельное, но и возникает вновь для желающих. В 1597 году можно было давать на себя не только служилые кабалы, но грамоты полные и докладные (А. ИЛ. N 221. С. 419 и сл.).

По Уложению же можно вновь сделаться только кабальным холопом, а не полным.

"А будет к кому придут какие люди и учнут бити челом в холопство, а скажутся, что они вольные люди, и тем людям (по распросе)... велети на них давать служилыя кабалы..." (XX, **7**).

То же самое, если придут быть челом в холопство вольноотпущенные люди (XX, **8**).

Таким образом, с половины XVII века (а может быть, и ранее) у нас более не возникает вновь полных холопов, а только кабальные. Полное холопство поддерживается одним рождением от старых холопов. Это движение **Уложения** к свободе не могло, впрочем, иметь сколько-нибудь заметных практических последствий, так как в это самое время все свободное сельское население, сидевшее на владельческих землях, утрачивало свою волю и переходило в состояние людей несвободных.

Уложение предписывает на челобитья в холопство выдавать служилые кабалы. Но челобитье в холопство ничего, конечно, не говорит о займе. Поэтому и выдаваемая на такое челобитье служилая кабала тоже не может говорить о займе. Этим и объясняется появление в нашей практике служилых кабал без займа*(**62**). Отсюда видно, насколько кабальное холопство XVII века удалилось от своего первообраза - кабального займа. Даже в самом акте установления кабальной зависимости не осталось ничего общего с заемной кабалой*(**63**).

Через 5 лет, по выходе в свет первого издания этой книги, г. Павлов-Сильванский напечатал в Жур. Мин. народ, просвещения (1895. N 1) статью под заглавием: "Люди кабальные и докладные". В этой статье почтенный автор оказал мне большое внимание: он несколько раз приводит мои мнения, то соглашаясь с ними, то возражая на них. Я глубоко благодарен ему, но не могу ограничиться одной благодарностью. Считаю долгом предложить несколько поправок к этому новому опыту обработки вопроса о кабальных людях.

Автор совершенно правильно говорит, что указ 1597 года произвел существенную перемену в положении кабальных (11). Но положение кабальных до этого года он характеризует следующим образом: "Кроме права владения и пользования кабальным человеком, господин до 1597 г. имел и право распоряжения

им. Это положение можно вывести и а priori из положения о кабальных, как неоплатных должниках, как сделал проф. Сергеевич, но можно доказать с документами в руках". За этим автор приводит несколько известий о том, что кабальные переходят к наследникам и в приданое.

Автор соглашается здесь со мной, и он думает, что я из тяжелого положения кабальных должников вывожу правило о праве кредитора распоряжаться ими, т.е. отчуждать их. Такого правила я не вывожу, и такой вывод нахожу совершенно неправильным. Кабальный должник - свободный человек, как же может кредитор распоряжаться им? Свободного нельзя ни продавать, ни дарить, ни завещать и т.д. Но я прочел в документах, что кабальных должников отпускают на волю в духовных грамотах, и поставил вопрос, что это значит? Кабальные свободны, а им дают вольную! На с. 74 я объясняю этот странный факт. Это неточное выражение; наш древний юридический язык полон неточностей. Да ведь и в наше время не все говорят точно, даже ученые. Право распоряжения неисправными должниками кредитору не принадлежало. У него был к нему иск, и суд приговаривал такого должника отработать долг. Вот и все.

Почтенный автор нашел в документах известия об отказе кабальных должников по духовной и о даче их в приданое. Вот те документы, на основании которых он приписывает кредитору право распоряжения должником. Правильно это? Не думаю. В духовной князя Н.А. Ростовского, на которую он ссылается, действительно, говорится: "Пожаловал есми жену свою, княгиню Овдотью, своими людьми кабальными... и тем людем жити у княгини после княжого живота пять лет, а отживут пять лет, и княгиня их отпустить на свободу, по княжой души, безденежно" (А. Ю. N 420, 1548). Это опять неточное выражение и ничего более. Настоящий смысл сего распоряжения следующий. Князь передает жене долговые обязательства своих кабальных людей. Но так как они заплатить долга не могут, то они делаются должниками жены и должны ей служить. Князь распоряжается не кабальными людьми, а своим вексельным портфелем. И он распоряжается им, может быть, даже весьма милостиво для своих должников. Они должны служить его жене только 5 лет, а затем делаются свободными, не платя занятых денег. Этого мало, в конце завещания князь говорит: "А что есми дал жене своей кабальных людей, а велел есми им жити у княгини 5 лет, и пойдет конгиня замуж наперед того, и она те люди отпустит безденежно". Кабала "за рост служить" есть дело в высокой степени личное, здесь все основано на доверии. Князь свою жену знает, а потому и передает ей свои права на 5 лет. Но будущего мужа ее он не знает и доверять ему основания не имеет, а потому и прощает долги кабальным, как только появится этот неизвестный и, может быть, даже без всякой вины неприятный ему человек. Кн. Н.А. Ростовский не умел выражаться точно юридически и ввел в заблуждение почтенного исследователя; но он очень хорошо понимал житейские отношения и имел хорошее сердце, а потому и принял все необходимые меры, чтобы доверившие ему себя люди, после его смерти, не пострадали от излишней требовательности нового кредитора.

На с. 11 читаем: "Проф. Сергеевич, обыкновенно, строго держащийся прямого смысла актов, не отличает докладных холопов от кабальных". В придаточном предложении усматриваю себе похвалу и очень за нее признателен, а главного - не понимаю. Кто читал мою книгу, тот не может не знать, что я весьма различаю кабальных и докладных. Название "кабальный" - выражает существо института рабства, это один из его видов; - "докладной" не вид рабства, а только способ установления сего института. Докладом может быть установлено и полное и кабальное холопство. Все это у меня различено и мне непонятно, что хотел сказать автор. Но это не важно; я, может быть, и сам тут виноват, недостаточно ясно выразив свою мысль. Гораздо важнее то, что автор сам говорит о докладных холопах и

докладе. Он не хочет согласиться со мною в том, что доклад есть способ установления рабства вообще, сперва полного, а потом и кабального. Он думает, что доклад есть способ установления одного только вида полных рабов, именно тех, которые от других полных отличались не характером зависимости, а по источнику рабства: "продаже на ключ, укреплявшейся в XVI веке особой докладной грамотой" (24).

Был, значит, особый вид полных рабов, которые продавались на ключ и о которых писалась докладная грамота; а не все полные рабы продавались по этой форме. Что же это за особый вид? Ответ на этот вопрос находим на с. 24-25, где напечатано извлечение из статьи 76-й царского Судебника, а затем такое заключение: "А так как холопы назывались обыкновенно по источнику рабства, и так как, при продаже на ключ, раньше обыкновенно был доклад наместнику, а теперь начали писать докладные, то сельские ключники - рабы и получили специальное название докладных людей".

"Докладные люди (рабы)", значит, сельские ключники. Это маленькое видоизменение мнения, давно высказанного проф. Ключевским. Не входя в новую полемику по этому вопросу, на наш взгляд, давно и достаточно разъясненному (автор говорит, что и сам г. Ключевский, кажется, отказался от своего первоначального взгляда), я обращаю внимание г. Павлова-Сильванского только на следующее: 1) на ключ покупаются целые деревни, а не отдельные только лица; 2) в известной ему докладной 1553 года на ключ куплены Никон Новиков да сын его, Федька. Сыну может быть и 20 лет, и 12, и 3 года, и 1, и меньше. Не было запрещено продаваться и с малолетними. Этот малолетний Федька будет докладной, но не ключник, я думаю. А при покупке целой деревни кто ключник?

Еще одно соображение о докладных и кабальных. Автор и соглашается со мною, что для кабальных тоже был установлен доклад, и не соглашается. На с. 30 читаем: "Действительно, указами 1586-1597 гг. и для служилых кабал установлен был доклад, но этот доклад назывался иначе запиской кабалы в книги приказа Холопьяго суда". И в конце: "В докладных людях, таким образом, нельзя видеть ни людей, продавшихся в полницу, ни записных кабальных, а только продавшихся на ключ, а по ключу и в холопы".

Итак, доклад был установлен и для кабальных, но их по акту укрепления нельзя называть докладными. Почему же? Ведь и сам автор признает, что холопы назывались по источнику рабства, т.е. по способу установления. А потому, отвечает он, что доклад иначе назывался запиской. Это опять маленькое недоразумение! С половины XVI века, а может быть, и раньше, у нас уже практиковалась записка в книги всяких актов укрепления на холопов: крепостей полных, докладных и иных. Итак, доклад - это одно дело, а записка в книги - другое. А потому записка соединяется со всяким актом установления холопства, а не с одной только докладной на кабального. Указ об этой записке у меня приведен выше, на с. 113; в только что разобранном нами указе 1597 г. говорится и о докладе служилых кабал, и о записке их в книги. Ввиду этого, думаю, почтенный автор найдет возможным просто согласиться с моим мнением.

III. Заключение

В заключение нечто из Уложения 1649 года. Мы и выше не раз приводили статьи Уложения, но, главным образом, такие, из которых видно, что в Уложении жива еще древность. Теперь укажем на статьи, в которых эта древность прямо отрицается Уложением.

Эти отрицающие древность статьи важны для нас не по новости своей, а

потому, что, отрицая древность, они тем самым подтверждают сделанные нами о ней выводы.

Уложение запрещает холопам: 1) покупать и держать за собой в закладе вотчины (XVII, **41**), 2) покупать по городам тяглые дворы, лавки, погреба, амбары и соляные варницы (XIX, **15**).

Все это до Уложения запрещено не было, и холопы все это делали, они покупали и держали за собой и вотчины, и городские недвижимости. Только **Уложение** запрещает им владеть недвижимостями. Если они впредь купят отчину, лавку и пр., недвижимости эти отбираются у них на государя безденежно. За приобретение же городских недвижимостей Уложение угрожает холопам еще великой опалой и торговой казнью.

Но что рабы владеют движимостями и совершают сделки на свое имя, это признает и **Уложение** и оставляет по-прежнему в силе:

"А будет кто торговые и посадские люди тяглые свои дворы или лавки, и анбары, и погребы, и варницы напишут чьим нибудь людям... в долгу в закладе до срока, и те свои тяглые дворы ... просрочат, тем людям, кому тяглые дворы ... будут просрочены, после срока продажи государевым тяглым же людям; а самим им в тех тяглых дворех не жити..." (XIX, **16**).

По этой статье рабы и после **Уложения** могут совершать сделки, давать займы, принимать залоги и т.д., как они делали раньше.

Но допускаемое **Уложением** движимое имущество рабов также остается не огражденным от притязаний их господ, как было и в старину. Уложение прямо узаконяет то, что прежде только подразумевалось.

По Уложению за господ, если они сами не в состоянии уплатить падающих на них взысканий казенных и частных, отвечают их люди и крестьяне. Имущество рабов, следовательно, идет на уплату долгов их владельцев (X, **122, 262**).

Уложение запрещает вольноотпущенным по духовным искать не выданного им движимого имущества с наследников их умершего господина:

"А которые холопы, после умерших своих бояр, будут отпущены на волю и с воли учнут приставливати умерших своих бояр к женам и к детем в животах, в грабежах, для того, что они отпущены без животов, и тем холопом в том суда не давати" (XX, **65**).

Наследники умершего рабовладельца могут, следовательно, отпуская на свободу холопов умершего, удержать их имущество. У рабов нет против них иска.

Уложение проводит более резкую границу между свободой и неволей, чем та, которую выработала наша древняя практика.

Мы выше указали уже на то, что составители его забыли указ Шуйского от 1607 года. След другого благоприятного рабам указа от 1603 года встречается в Уложении, но в такой форме, которая парализует все его значение. Вольные грамоты холопам, отпущенным со двора для прокормления, выдаются в том только случае, если господа сами признают справедливость челобитья своих рабов. Но стоит господам заявить, что они лгут, и холопы присуждаются оставаться под их властью по-прежнему. В Уложении, в главе XX **ст. 41** и **42**, читаем:

"А которые всяких чинов люди в голодное или в иное в какое время, не хотя холопей своих кормити, сошлют их с двора, а отпускных им не дадут и крепостей не выдадут, а велят им кормитися собою, проча их впредь себе... и в том на них от тех их холопей челобитье будет, и по тому холопью челобитью из приказу Холопья суда судьям посылати по тех их бояр, которые их с двора сошлют, и тех их бояр спрашивати, прямо ли они их с дворов от себя сослали".

"А не спрашивая про таких холопей тех людей, на кого те холопы учнут бити челом, воли им не давати".

"А будет про тех холопей бояре их, на которых учнут бити челом, скажут, что

на них те холопы бьют челом ложно, а они их со двора от себя не ссылали, и тех холопей отсылати тем их бояром".

Уложение, несомненно, возвышает господскую власть.

По Уложению рабы за некоторые преступления наказываются строже, чем свободные люди. За первое уже корчемство они подвергаются торговой казни, а свободные люди только за второе (XXV, **1, 6**).

В древности беглый раб отыскивался, как и всякая другая пропавшая вещь: виновный в его укрывательстве платил хозяину убытки; но бегство раба не составляло преступления, за которое его можно было бы приговорить к публичному наказанию. В XVII веке бегство раба есть уже преступление. Уложение предписывает беглого холопа, бившего челом в холопство иному господину, бить перед Холопьем приказом кнутом на козле нещадно (XX, **22**).

Распространение несвободного состояния и на свободных прежде крестьян значительно понизило к половине XVII века цену кабального холопства. По Судебнику максимум займа по служилой кабале был назначен в 15 руб. Уложение понижает его до 3-х и предписывает писать кабалы не ниже и не выше этой суммы (XX, **19**).

IV. Рабство у других народов

Рабство можно считать общераспространенным явлением в истории человечества. Все исторические народы прошли через эту ступень государственного развития.

Что привело людей к рабству?

На этот вопрос имеем разные ответы. Аристотель думал, что сама природа предназначала одних людей к подчинению, других к господству. В психике человека, говорит он, разум господствует над чувствами. Но есть люди, которые от природы лишены этой господствующей силы. Они способны только к физической работе, а не к политической жизни. Поэтому они должны играть роль орудия в руках более одаренных. Это прирожденные рабы. Таковыми Аристотель считал всех варваров. С ним, однако, не все соглашались. Софисты, наоборот, думали, что рабство противно природе. Они выводили его из насилия сильных над слабыми. Римляне видели в рабстве последствие войны. Победитель может убить побежденного, а если не желает убивать, он может заставить его работать на себя. Это и будет раб.

Эти объяснения на первый взгляд представляются очень несходными; в действительности же они весьма близки одно к другому. Рабство, как и все человеческие учреждения, конечно, надо выводить из природы человека, из его свойств, а свойства эти очень различны. Одни люди одарены энергией, находчивостью, предприимчивостью. Заботы их устремлены на создание собственного благополучия, и они умеют этого достигнуть. Им удается обратить в свою пользу и землю, и животных, и людей. Другие - не имеют этих способностей и, кроме того, беззаботны: живут изо дня в день, не думая о будущем, сегодня сыты, завтра голодны. Первые - подчиняют себе все окружающее, и природу и людей, проявлением своей силы, духовной и телесной; тут и война, и все другие виды насилия. Люди слабые подчиняются им не из одного только преклонения перед силой, но нередко и из сознания своей беспомощности. В этом последнем случае они сами обращаются к помощи сильных и добровольно признают их господство. Не может быть, конечно, никакой речи о предназначении каких-либо народов к рабству. Рабами бывали не одни варвары, но и греки. Так возникло сперва обычное, а потом и законное рабство. Только новая философия, признав абсолютное значение человеческой личности, отвергла в принципе рабство. За ней последовало и

законодательство, не допускающее продажи человека человеку. Но ведь те особенности человеческой природы, которые вызвали рабство, и теперь налицо? Да и рабство тоже и теперь налицо и навсегда останется налицо, так как нет еще указаний на то, что природа человека существенно меняется. Формы рабства многообразны: есть и телесное, есть и духовное. Только оно теперь не освящается законом.

В разных государствах рабство принимало разные оттенки. Приведу несколько примеров.

Начну с самого древнего законодательства, какое мы только имеем. Я разумею законы вавилонского царя Хаммураби, изданные около 4000 лет тому назад. Этот памятник не так давно открыт М. Морганом (M. de Morgan), членом французской экспедиции раскопок в Сузе, и издан, переведен и объяснен В. Шейлем (V. Scheil), членом той же экспедиции.

Хаммураби - могущественный государь большого государства, сложившегося из очень разнообразных элементов и имевшего уже свою многовековую историю. Богатство письменных памятников, открываемых в различных городах этого исчезнувшего царства, великолепие его построек и украшавших их монументов вызывают удивление знатоков дела. Статьи закона были начертаны на большом камне (вышиной в 2,25 метра), на лицевой стороне которого изображен сидящий на троне бог солнца, а перед ним в молитвенной позе царь Хаммураби. К сожалению, часть текста была потом выскоблена для новой надписи, как думают; но эта надпись не была сделана. Таким образом, к нам не дошло 35 статей из 282. Это очень затрудняет толкование памятника. В недошедших статьях могло быть что-нибудь дополняющее и существенно видоизменяющее содержание сохранившихся статей. Поэтому в выводах необходима особая осторожность.

Законы Хаммураби признают рабство. Господин есть собственник раба. Это прямо не высказано, но, как и по Русской Правде, это видно из того, что у него право отыскивать бежавшего раба (16, 17, 20). Согласно этому рабы имеют цену, которая и присуждается господину в случае убийства раба (116, 252). Эта цена равняется трети мины серебра. Иногда виновный присуждается к выдаче своего раба потерпевшему убыток. Это, например, должен сделать архитектор, выстроивший дом, который развалился и убил раба (231). Эта статья свидетельствует о таком же, по крайней мере, развитии строительного искусства 4000 лет тому назад, которое наблюдается в настоящее время и у нас в Петербурге.

Рабы, составляя собственность, продаются и покупаются (278-282).

Это все, как и у нас. Встречаются статьи, воспроизводящие даже мелкие подробности правил Русской Правды.

И Русская правда, и законы Хаммураби одинаково предусматривают случай, когда кто-нибудь дал пристанище беглому рабу и накормил его; но последствия разные. По Русской Правде (III, 144) он платил за это цену раба, 5 гривен, по законам Хаммураби (16) - подлежал смерти. Оба памятника говорят и о случае, когда кто-либо задерживал чужого раба и уведомлял об этом господина; он получал награду: по Русской Правде - гривну (III, 145), у Хаммураби - два сикля серебра (17), и еще случай: Русская Правда. III, 148, Хаммураби. 20.

Но вавилонские законы представляют и крупные особенности, не имеющие ничего общего с нашей древностью.

В Вавилоне было два вида рабов: вечные и временные. Отец семейства, обремененный долгами, мог "продать или отдать в рабство свою жену, сына и дочь", но это будет временное рабство; оно может продолжаться только три года; по истечении трех лет покупатель обязан дать им свободу (117).

Этот вид рабства есть очень далекая разновидность наших кабальных.

Суть сделки в Вавилоне совсем другая. У нас кабальное холопство погашает

только проценты займа, а не самый заем, в Вавилоне - самый заем, т.е. капитал.

Само по себе разделение рабов на временных и вечных не возбуждает сомнений. Было же оно у нас, могло быть и в Вавилоне за 4000 лет тому назад.

Наш кабальный, получив по смерти господина свободу, мог опять поступить в кабалу. То же и в Вавилоне. Жена, сын и дочь, отработав один долг, могли быть вновь отданы в рабство для уплаты нового долга и т.д. Но они не могли быть продаваемы кредиторам; так и у нас.

Приведенная статья говорит о продаже зависимых членов семьи: жены и детей. Отсюда возникает вопрос, а независимый от главы семьи человек может себя продать? Прямой статьи, отвечающей на этот вопрос, нет. Но имеем целый ряд статей, говорящих о покупке и продаже рабов (278-282). Все они говорят о покупке и продаже существующих уже рабов, а не о продаже свободных людей в рабство, о чем говорят наши памятники, за исключением Уложения, которое допускает только поступление свободных людей в кабальное холопство, а не в полное. Так как статьи 278-282 суть последние, которыми памятник оканчивается, то нет повода думать, что и в статьях выскобленных говорилось о покупке рабов. Выскоблены статьи от 65 до 100, там речь шла о других предметах, а не о том, что помещено в конце памятника, так как в распределении статей наблюдается своего рода порядок.

Да и по существу дела нет ни малейшего основания допускать, что только зависимые члены семьи не продавались в полное холопство, а независимые продавались. Нельзя подыскать никакого основания для такого различия. Сын не продается в вечное рабство, отчего бы мог продаваться отец? Статья, можно думать, ограничивает власть отца и только.

Так как в данном случае речь идет о рабстве в связи с задолженностью, которая у всех известных нам народов вела к вечному рабству, то надо думать, что кредитные операции в Вавилонии были организованы как-то иначе, чем в других местах. К сожалению, дошедшие до нас статьи так мало касаются займов, что не дают оснований для каких-либо заключений.

Итак, надо думать, что по законам Хаммураби уже 4000 лет тому назад свободный человек не продавался в вечное рабство, оно пополнялось только путем рождения. Это очень крупная особенность. То же наблюдаем и у нас, но в половине XVII века. Это не помешало, однако, у нас установлению крепостного права, которое породило новое вечное рабство для людей свободных. А что было в Вавилонии после Хаммураби? Этого, кажется, никто еще не знает.

Сообщение рабства от отца детям на Востоке допускалось в более тесных границах, чем на Западе. По Русской Правде и германским законодательствам муж-раб делал и жену свою, дочь свободного человека, рабою; дети их тоже были рабы. Иначе решался этот вопрос у Хаммураби: дочь свободного человека сохраняла свою свободу и в браке с рабом; дети, родившиеся в этом браке, тоже были свободные. "Господин раба, женатого на свободной, не должен предъявлять к дочери свободного человека требования о рабстве" (175). А мать этих детей могла и в браке продолжать жить в доме своего отца; она переселялась в дом мужа только, если того сама хотела (176).

По вопросу о браках несвободных со свободными на Востоке, 4000 лет тому назад, права свободы пользовались большим признанием, чем на Западе каких-нибудь 400 лет тому назад. И в Московском государстве, и в государствах, образовавшихся после разделения Римской империи германской нации, преимущество отдавалось не свободе: в браке лиц свободных с рабами и супруги, и дети были не свободны; это правило имело силу и в более близкое нам время, чем XV-й век.

Но свободный человек мог если не жениться на собственной рабыне, в чем, конечно, не было надобности, то жить с нею, как с женой, и прижить детей. Эти

факты встречаются в жизни каждого народа, знающего рабство. Возникает вопрос, какова была судьба этих рабынь и их детей по смерти отца, если дети не были усыновлены им при жизни? Законы Хаммураби дают на это ответ, совершенно согласный с правилами Русской Правды. У него написано: "Дети рабыни не участвуют в наследстве с детьми жены; но рабыня и ее дети получают свободу" (171).

Другие переводчики прибавляют: если так распорядится умерший.

В Русской Правде читаем: "Если будут у мужа дети от рабыни, то наследства им не брать, а получают свободу с матерью" (III, 128).

Прибавка некоторых переводчиков ничего не изменяет в существе дела: правило Русской Правды образовалось, конечно, не против воли умирающих, а согласно с нею.

Приведенные примеры сходства доказывают уже давно высказанную мысль: от сходства, даже столь близкого, как последнее, не всегда можно заключать к заимствованию или к племенному родству народов, имеющих похожие институты права. Очень часто сходства объясняются только действием одинаковых причин.

К вопросу об обращении в рабство свободных относится еще ст. 31. Она говорит о вавилонских воинах, взятых чужеземцами в плен. Они, конечно, делались рабами победителей. Но такой воин мог быть кем-либо из соплеменников выкуплен и приведен в отечество. Какие последствия? Он не оставался рабом, а непременно подлежал выкупу на свободу. Если бы у него не оказывалось в доме денег (у каждого воина предполагается в отечестве поле, сад и дом, но эти имущества не подлежали продаже для выкупа), он должен быть выкуплен на деньги храма и, наконец, на казенные.

Эта статья специальная, относящаяся к воинам, которые проливали свою кровь за отечество; а потому я и не привожу ее, как новое доказательство, в пользу непродачи самостоятельных людей в вечное рабство.

Вечные рабы продавались, как всякое другое имущество. Покупщик мог перепродать такого раба, кому хотел. Но и тут было одно исключение. Господин мог продать и ту рабыню, с которой он прижил детей, но имел право ее выкупить, возвратив покупщику полученные с него за рабыню деньги (119).

Временные рабы не могли быть отчуждаемы, но они так же, как и вечные, состояли во власти господина. Власть эта была очень велика. Господин был хозяин их труда и мог их наказывать. Он подлежал ответственности за жестокость только в том случае, если раб умирал в его доме от побоев и лишений (116). Близка, и очень, к этому статья нашего Уложения. Она предписывает, чтобы господин своего беглого холопа до смерти не убил, и не изувечил, и голодом не уморил (XX, **92**). Это совершенно одно и то же.

Наши рабы, как было указано в своем месте, имели собственность, но это было по допущению господина; законодательство Хаммураби идет далее, собственность рабов признана самим законом, при некоторых особых условиях. Чтобы выяснить это, я должен остановиться на значении слова мушкину (*mouchkīnou*). Слово это очень затрудняет переводчиков. Оно означает некоторый класс людей, в этом все согласны; но какой именно, это спорно. Рабов могут иметь: царь (дворец), все свободные, мужчины и женщины, и еще эти мушкину. Кто же это?

Шейль вовсе не переводит этого слова, а так и пишет *mouchkīnou* (изд. 1904 года). Другие передают его словами: вольноотпущенный, министерал, бедный человек. Мне кажется, человек, не знающий языка, на котором говорили в Вавилоне, для решения вопроса должен выяснить себе, в каком смысле это слово употребляется в самом памятнике.

Во многих статьях мушкину противопоставляются свободным людям (196, 211 и 209, 219 и 218, 222 и 221). Это, следовательно, не свободные люди, а состоящие от

кого-то в некоторой зависимости. Но они и не рабы. Для наименования рабов есть другое слово.

Другой их признак состоит в том, что они вообще малоценнее свободных и беднее их. Например, если свободный за некоторую обиду получает 10 сиклей серебра, мушкину получает только 5, если свободный присуждается уплатить 5 сиклей серебра, мушкину платит за то же только три. Итак, это по состоянию люди не крупные.

Ввиду этих двух признаков, под мушкину можно разумеать все разновидности, указанные знатоками дела. Прежде всего это вольноотпущенные, ибо освобожденные на волю в некоторых законодательствах сохраняют некоторые черты зависимости. Министералы в средневековой германской Европе означали мелких придворных слуг королей, в число которых возводились даже рабы. Служба при дворе связывала в некоторых отношениях министералов; они тоже не были совершенно свободны. Наконец, люди бедные могли вступать в некоторые зависимые отношения к богатым. Итак, под мушкину никак нельзя разумеать одних министералов; это слово, по всей вероятности, означает все виды зависимых людей.

Приняв, согласно существующим чтениям, такой широкий смысл слова "мушкину", я перехожу к вопросу о собственности рабов.

Статьи 175 и 176 говорят о последствиях брака рабов дворца, т.е. царских и рабов мушкину. При только что принятом чтении слова мушкину в этих статьях речь будет идти о всяких рабах, начиная с царских и кончая последней беднотой. Что же говорят статьи 175 и 176? По этим статьям раб, женившийся на дочери свободного человека, живет в собственном доме и собственным хозяйством и приобретает имущество на себя, а не на господина. По его смерти, все приобретенное во время брака им и женой имущество делится на две части (пополам), одну часть берет господин, другая идет ко вдове для детей от брака с умершим.

Итак, пока раб жив, он собственник всего, что приобретал; после его смерти половина идет господину, в остальном наследуют его дети.

Об имущественных правах холостых рабов и женатых на рабынях закон не говорит. О том, нужно ли разрешение господина на брак со свободной, также не говорит, несмотря на то, что число статей, относящихся к браку, весьма значительно (их более 20) и как будто бы исчерпывает вопрос. Из этого молчания нельзя делать никаких выводов, и не только потому, что в памятнике недостает 45 статей; но и потому, что и вполне сохранившиеся памятники далеко не всегда исчерпывают действующее в их время право. Народы, вошедшие в состав государства Хаммураби, имели долгую предшествующую историю; его законы, конечно, не первые и не все в них новое. Многие, конечно, было выработано народными обычаями, и многое из этих обычаев так прочно входило в жизнь и так хорошо было всем известно, что и не было надобности это многое вносить в законы.

Хотя вновь открытый памятник и не дает полной картины вавилонского рабства, но некоторые характерные черты его, неизвестные другим народам, совершенно ясны.

Царство Хаммураби существовало много столетий и после его смерти. Вавилонская культура, достигнув высокой степени развития еще до него, по мнению знатоков вновь открываемой письменности на глиняных таблицах, оказывала могущественное влияние на древний мир в течение, может быть, двадцати веков. Вавилон в это время был политическим и религиозным центром Востока. На его языке говорили от Сузы до Средиземного моря и глубины Египта. Жители городов Ханаана, Тира, Сидона, Аскалона переписывались с жителями Египта по-вавилонски на глиняных таблицах. Вавилон в течение многих столетий играл более видную роль, чем Рим в древней истории и Париж в новой.

Хаммураби упоминается в Библии, он носит там имя Амрафела, царя Сеннаарского. При нем Авраам вышел из Ури халдейского в Палестину. Евреи были в постоянных сношениях с Вавилоном. Ветхозаветные пророки говорят о всепокоряющей силе Навуходоносора. Несомненно, Вавилон имел влияние на еврейскую культуру и письменность. Это вопрос большой важности. Для разъяснения его многое уже сделано. В книгах Ветхого завета немало постановлений о рабах. Сравнение их с законами Хаммураби представляет особый интерес.

Начну с общего замечания. Библейское законодательство отличается более первобытным характером, чем законодательство Хаммураби. Оно, например, допускает еще месть, тогда как у Хаммураби все наказания имеют публичный характер. В вавилонских законах речь идет о владениях, напоминающих наши поместья, об архитекторах, их постройках и ответственности, о врачах, о плате им, о наказаниях за неудачное лечение, о кораблестроительстве и о многом, что свидетельствует о таком развитии потребностей жизни, до которого евреям было еще очень далеко. Это и понятно. В царствование Хаммураби Авраам пас еще стада.

Библейские законы имеют свои оригинальные черты. Особенность их составляет крайний национализм - черта, вовсе не известная вавилонским законам. Царство Хаммураби сложилось путем продолжительной борьбы и было многоплеменное; несмотря на это, он издал для всего населения своей обширной империи одни законы, для своих и чужих одинаковые. Иначе у евреев.

Библия знает также два вида рабства - временное и вечное; но это различие обусловливается там различием национальности: с одной стороны - евреи, с другой - все иноплеменники, жившие вместе с ними.

Все неевреи могут быть только вечными рабами. В законах об этом виде рабства так прямо и говорится, что рабы эти составляют собственность своего господина. Эта собственность приобретается у народов, которые живут вокруг евреев и которые поселились среди них: "вечно владейте ими, как рабами", - читаем в Библии, "можете передавать их в наследство и сынам вашим, как имение" (Лев. XXV, 44-46). Суть рабства выражена здесь совершенно ясно и согласно с существом дела. А по законам Хаммураби и другим об этом надо догадываться.

Еврей делается вечным рабом только в том случае, если скажет: "Люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю" (Исх. XXI, 5). Выслушав такое заявление, господин в присутствии судей ставит этого раба к косяку двери и прокалывает ему ухо шилом. С этого момента он - вечный раб (6).

Для объяснения этой особенности надо указать на причины такого явления. Еврей, временный раб, в течение своего временного рабства мог получить от своего господина жену и прижить с ней детей. Жена, данная господином, его вечная рабыня. Когда приходило время свободы для временного раба, он освобождался один без жены и детей (4). Чтобы сохранить семью, он отказывается от свободы и делается вечным рабом.

Временным рабом может сделаться каждый еврей путем продажи себя другому еврею и даже иноплеменнику. Тут надо разуметь и продажу за долги. В Библии сказано: "Когда обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе..." (Лев. XXV, 39). Бедный продается, конечно, за долги по решению суда, это как и по нашему древнему праву, и по германскому, и по многим другим. Но для еврея всякая продажа в рабство, добровольная и за долги, ведет только к временному рабству. "Если продается тебе брат твой, то шесть лет должен быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу" (Втор. XV, 12). Это должен делать и иноплеменник, купивший еврея (Лев. XXV, 48, 50 и сл.).

Но евреи, купленные иноплеменниками, имели некоторое преимущество перед теми, которые были куплены евреями же. Они могли быть выкуплены и до

юбилейного года. Право выкупа принадлежало их родственникам (Лев. XXV, 48 и сл.). Выкупленный должен был уплатить родственникам все, что они внесли за него, по расчету времени до юбилейного года (50).

К рабам-евреям законодательство относится гораздо мягче, чем к неевреям. "Вечно владейте ими, как рабами", - говорит Библия о рабах-нееврейях и продолжает: "А над братьями вашими, сынами израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью (46). И в другом месте: "Когда продан будет тебе брат твой, не налагай на него работы рабской, он должен быть у тебя, как наемник" (39, 40).

Отпуская на волю по истечении 6 лет раба-еврея, господин должен был одарить его: "Не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего" (Втор. XV, 13, 14).

Рабы-евреи и рабы-иноплеменники, таким образом, мало имеют между собой общего. Евреи - это наемники на определенный срок, которые, если только женятся не на рабе господина, отходят на волю, в силу закона, с женой и детьми; иноплеменники - вечные рабы, т.е. закон не предполагает возможности отпуска их на волю! Он так и говорит: вечные рабы! Вот почему тот же закон рекомендует покупать в рабы не евреев, а иноплеменников: "А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба или рабыню у народов, которые вокруг нас" (Лев. XXV, 44).

Я не заметил, чтобы предписание "не господствуйте с жестокостью" где-нибудь относилось к рабам-нееврейям. Их положение в доме господина, надо думать, было хуже положения рабов-евреев. Их можно было наказывать с большей суровостью. Господин вечного раба за его убийство отвечал только в том случае, если наказуемый умирал под ударами. Но если избитый переживал день или два, убийца не наказывался, - "ибо это его серебро" (Исх. XXI, 20, 21). На основании этого мотива я и отношу приведенные статьи только к вечным рабам; "они серебро своего господина", так как они его собственность; временные рабы не называются собственностью.

Неоплатные должники, как было сказано, продаются в рабство. Это правило относится и к евреям! Националистический еврейский закон, мало склонный к закабалению евреев, не мог отнестись равнодушно к их займам. Он дает им ряд полезных советов. "Если брат твой обеднеет, поддержи его, серебра твоего не отдавай ему в рост и хлеба твоего не отдавай ему для получения прибыли" (Лев. XXV, 35 и сл.). "С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости". И далее: "Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой не будут господствовать" (Втор. XV, 3, 6). Это совершенно последовательно и направлено к устранению и временного для евреев рабства из задолженности. Можно думать, что еврей-раб - в действительности редкое исключение.

В законах Хаммураби, как было указано, есть особые правила о продаже в рабство зависимых членов семьи: жены, сына и дочери. Устанавливают особые правила и еврейские законы, но только для продажи дочери. "Если кто продаст дочь свою в рабыни, - читаем в Библии, - то она не может выйти, как выходят рабы" (Исх. XXI, 7). То есть шестилетний срок на дочерей евреев не распространяется. В каком же они положении?

Тут опять целый ряд особенностей, неизвестных никакому законодательству помимо еврейского.

Первый случай. Предполагается, что дочь еврея куплена для того, чтобы покупщику вступить с нею в брак. Но он не берет ее в жены. Что тогда? Тогда желающий из евреев может ее выкупить; но "чужому народу" продать ее нельзя (8). А если покупщика не окажется?

Второй случай. Покупщик обручил ее сыну. В этом случае на нее распространяется право дочерей (X, 9).

Третий случай. Отец взял в жены сыну другую девицу. Обрученная не лишается пищи, одежды и супружеского сожития (10). Что это за положение? Она не жена, а рабыня, с которой живет сын господина?

Перечисление приведенных случаев заканчивается такой статьей: "А если он сих трех вещей не сделает, пусть она отойдет даром, без выкупа" (11). На этом основании надо думать, что она получает свободу: в первом случае, если не найдется на нее покупатель; во втором, если не будет пользоваться правами дочери; в третьем, если с нею не будут обращаться, как указано.

Итак, дочери евреев продаются в рабыни только под условием стать женой покупателя или его сына или конкубиной последнего. Если это условие не выполнено, они приобретают свободу без выкупа.

Все изложенное совершенно самобытно и не имеет ничего общего с законами Хаммураби.

В заключение приведу статьи, которые относятся к обоим видам рабов, к вечным и временным; по крайней мере, я не нашел никаких оснований относить их к какому-нибудь одному из этих двух видов.

И те, и другие рабы работают на господина, и он, конечно, может взыскивать с них за дурную работу и наказывать их. Но это право наказывать имеет границу, оно не должно причинять увечий. Если кто повредит глаз или выбьет зуб рабу, потерпевший получает свободу (Исх. XXI, 26, 27).

Вечные рабы составляют собственность господина, но и временные должны ему служить в течение шести лет. Поэтому у еврея-господина должно быть право иска бежавших, как это право существует у всех народов, признающих рабство. Я не только не заметил в Библии указаний на такой иск, но совершенно наоборот, там есть постановление, разрешающее укрывательство бежавших. "Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего. Пусть он у тебя живет на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится. Не притесняй его" (Втор. XXIII, 15, 16).

Все это самобытно и не имеет ничего общего ни с законами Хаммураби, ни с какими-либо другими, насколько я знаю.

Рабство признается и евреями, но не для евреев.

Итак, просмотренный мною небольшой уголок законов Хаммураби не имеет ни малейшего отзвука в Библии. Он имеет гораздо более точек соприкосновения с нашими старыми порядками, чем с еврейскими.

В некоторых характерных своих пунктах постановления Хаммураби совпадают с законами магометанских народов. Свободный человек и там, как в Вавилонском царстве, не может продать себя в вечное рабство. Неоплатные должники поступают в работу к кредитору, но не навсегда, а только на известное время.

Дети, прижитые в браке раба со свободной, свободны.

Рабыня, мать детей, прижитых с господином, получает свободу после его смерти.

Все это по-вавилонски.

Кроме этих сходств, есть и особенность, отсутствующая в законах Хаммураби, может быть, только по их неполноте. Вольноотпущенный остается под патронатом своего господина. У патрона право, в известных случаях, наследовать своему либертину (D-r. L. Kohler. Rechtsvergleichende Studien).

Древнее русское право, сходное кое в чем с законами Хаммураби, всего более общего имеет с законами древних германцев. У них и у нас первоначальное рабство поставлено совершенно одинаково. И русские, и германцы знают только один вид рабства - полное, у нас обельное.

Свободные люди и у германцев не застрахованы от перехода в рабство. Они делаются рабами по добровольной продаже себя в неволю, по принудительной за

долги и по другим способам, известным и нашему праву. В браках свободных с несвободными перевес и у них имела несвобода, что выражалось и в поговорке: *Trittst du mein Huhn, so bist du mein Hahn*. Дети от такого брака тоже были несвободны.

Германское право не знало нашего рабства по ключу. Но у него было свое, обнимавшее гораздо больший круг лиц, чем наше по ключу. У германцев делался рабом всякий свободный, который в течение года со днем жил на господской земле, т.е. дышал господским воздухом.

По существу, германские рабы в древнейшее время "состояли в положении домашних животных", как выражается Зибель. Господин мог требовать от них всякой работы и имел по отношению к ним право жизни и смерти. Кое-какие отголоски этого порядка вещей, говорит тот же историк, слышатся и позднее.

Рабы у германцев, как и у нас, различались по той роли, какую играли в доме своих господ. Высшими были министриалы, за убийство которых взыскивалось и большое вознаграждение. В крупных хозяйствах различали четыре министриальных должности: для заведования погребом, казной, конюшней и столом. Это наши тиуны, они тоже были разных ведомств; Русская Правда различает тиунов: огнищных, они ведали дом, - конюших, они ведали конюшню, - сельских, они ведали сельское хозяйство. За них взыскивался тоже больший штраф, чем за простых рабов.

Высшую роль играли на Западе министриалы короля. Они назначались исполнять должность графа, т.е. судьи. То же было и у нас. Но у нас роль судей играли не только княжеские тиуны, но и боярские.

Заурядные, а при надобности и всякие другие рабы входили в состав войска. То же и у нас.

Немецкие историки указывают на значительное возрастание числа несвободных, благодаря многочисленным войнам в период распространения господства салических франков. При Каролингах число их еще более увеличилось путем массовой продажи себя в рабство неоплатных должников и другими добровольными способами закабаления себя в неволю людьми, находившимися в тяжелых экономических условиях. В нашей истории такого факта не наблюдается. Число рабов не достигало у нас большого развития. Оно редко превышало количество необходимых домашних слуг. Сельские работы, обыкновенно, были в руках свободных крестьян, которые арендовали господские земли.

Это крупное различие сказалось и на последующей судьбе германского рабства. Западные рабы далеко превышали потребности домашнего хозяйства. Их приходилось поэтому сажать на землю. Появились, таким образом, *servi casati*, рабы-хуторяне. Господа отводили им участки земли, которые они должны были обрабатывать за определенную плату. Эти хуторяне назначались из лучших рабов; в помощь им, в качестве работников, давались рабы низших разрядов, которые должны были им подчиняться. Мало-помалу возникло правило, что земля не продается без сидящих на ней хуторян, и хуторяне не продаются без земли. У хуторян возникло как бы право постоянного пользования землей. Германские историки подводят это явление под римское понятие *rescuium'a*. Благодаря этому, *servi casati* со второй половины XVIII века стали причисляться к недвижимостям; остальные рабы по-прежнему считались движимым имуществом*(64).

Наши рабы такого момента не пережили. Нечто подобное можно, однако, наблюдать и у нас в истории крепостного права, но в самом его начале и в течение очень непродолжительного времени. Но уже в конце второй половины XVII века наших крепостных крестьян от полных рабов и отличить было трудно. История несвободы у нас и на Западе шла совершенно разными путями.

Там рабы становятся сперва зависимыми крестьянами, а потом, очень,

впрочем, нескоро и в разных местах в разное время, - свободными; а у нас свободные крестьяне становятся сперва зависимыми, а потом, и очень скоро, полными рабами. На Западе часть свободного сельского населения развилась из рабов; у нас большинство этого свободного сельского населения обратилось в рабов.

Глава вторая. Свободное население

Древняя Русь не знала сословий. Они народились только в московскую эпоху; во времена предшествовавшие можно наблюдать лишь слабые их зародыши. До образования единого Московского государства все население русских княжений, с точки зрения права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями. Сословных различий, привязывающих известные классы общества к известным занятиям, еще не было: от князя до последнего свободного всякий мог быть воином, чиновником, иметь поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и т.д. Каждый имел право на все, но одному удавалось больше, чем другому, а потому он и выделялся как человек "лучший"; кто оставался позади всех, тот характеризовался эпитетом "меньшаго" человека. Таким образом возникла целая лестница качественных различий одного и того же рода свободных людей. Ступени этой лестницы не были замкнуты: по мере улучшения фактической обстановки человек сам собой поднимался на следующую ступень, и наоборот. Но возвышение "меньших" не было делом легким. Экономические условия большинства "меньших людей" были так тяжелы, что маленькому человеку нелегко удавалось подняться в средний или высший слой, а многие из этого большинства, через посредствующую ступень наймитов, спускались в разряд рабов.

Наши древние памятники обозначают одним словом все свободное население со всеми его подразделениями. Таких всеобъемлющих слов у нас два: людие и мужи.

В самом широком смысле первое слово употреблено в договоре Игоря с греками. Во введении к договору читаем:

"Мы от рода русского, съли и гостье (следует перечисление послов), послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя князья, и от всех людий Руския земли".

Здесь людьми названо все население Русской земли за единственным исключением лиц княжеского рода.

В столь же широком смысле употребляет это слово и Русская Правда. Она обозначает просто людьми все население судебного округа.

"Аще оубьють огнищанина в обиду, то платити зань 80 гривен оубийци, а людем не надобе..." (II, 1).

"Будет ли стал на разбои без всякоя свады, то за разбойника люди не платят..." (II, 7).

Этот всеобъемлющий термин служит составителям Русской Правды и для обозначения свидетеля вообще, к какому бы классу населения он ни принадлежал:

"...Оже ли оубьют (татя), а люди боудоуть видели связан, то платити в нем" (II, 19; III, 51).

С таким же словоупотреблением встречаемся и в летописях. Начальный летописец, описывая под 968 г. обложение Киева печенегами, так выражается о киевлянах:

"Изнемогаху же людие гладом и водою".

В 1154 году умер киевский князь Вячеслав. Соправитель его, Ростислав, находился в это время вне города; он шел с войском против черниговских князей.

"Мужи же бороняхуть ему пойти Чернигову, рекучи ему: се Бог поял строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Кieve не утвердил; а поеди лепле в Киев, с людьми утвердися" (Ипат.).

Черниговцы, обратившиеся в 1138 г. к князю Всеволоду с требованием о заключении мира, названы просто: "людие черниговцы" (Лавр.). Подобно этому и вся совокупность жителей других волостей, Суздальской, Володимирской, Псковской, Новгородской и пр., разумеется под словом "людие"*(65).

Из этого первоначального безразличия свободных людей прежде всего начинают выделяться люди, поступавшие на службу князя. Под именем "дружины" или "княжих мужей" они начинают противопоставляться "людям" вообще. Благодаря этому, в одних и тех же памятниках встречаемся и с широким, и с более тесным употреблением слова "людие". Образчик последнего дает статья пространной Русской Правды:

"Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои... то виревную платити в чьей же верви голова лежит, то 80 гривен: наکیل людин, то 40 гривен" (III, 5).

Княжие мужи противопоставляются здесь простолюдинам, неслужилым людям.

Ко времени, когда сложилась редакция списков пространной Русской Правды, это различие служилых и неслужилых людей настолько резко обозначилось, что повлияло на установление высшего штрафа за убийство первых. Княжие мужи начинают, таким образом, усваивать некоторые черты привилегированного положения по отношению к людям вообще.

В московское время все население распалось на отдельные чины с особыми правами и обязанностями, и каждый чин получил свое особое наименование. Несмотря на это, термин "людие" продолжает употребляться для обозначения всего населения.

"Лета 7090 (1582) марта в 12 день Государь Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич всея Руси приговорил со всеми бояры: ябедников, кромолников и составщиков по прежним уложениям не щадити; холопей боярских и иных чинов людей, которые будут в суде за себя или за своего государя или за кого иного стояти..." (А. И. I. N 154, XX).

Уложение запрещает патриарху, митрополитам, епископам, боярам, окольнічим, думным, ближним и всяких чинов людям держать закладников и говорит:

"Да и тем людем (т.е. патриарху, митрополитам и т.д.), которые их (тяглых людей) учнут впредь за себя приимати в закладчики, по тому же быти от государя в великой опале..." (XIX, 13).

Столь же широкое значение, как слово "людие", имело в древности и слово "муж", сохранившееся и по наши дни для обозначения всего крестьянского населения в уменьшенной форме "мужик". С эпитетом "свободный" оно обозначает, по Русской Правде, все свободное население со включением даже княжих мужей:

"А се аже холоп оударить свободна мужа... то платити зань господину 12 гривен..." (I, 22; III, 87).

Свободному мужу противопоставляются по этой статье только рабы. Суздальская летопись называет всех жителей Торжка "мужами" (1178). Подобно этому договорная грамота между Полоцком и Ригию начинается так:

"Мы, мужи полочане..." (А. Э. I. N 16).

Эти же слова, употреблявшиеся для обозначения всего населения в его совокупности, служили и для обозначения разных его слоев. Для этой цели к ним присоединялось указание на большую или меньшую степень достоинства, присущую тому или другому человеку. Для обозначения людей высшего слоя служили прилагательные: лучший, вячий, больший, старший, нарочитый; низшего: мелкий, меньший, простой, черный*(66).

Весьма характерное в этом отношении место находим в I Новгородской летописи. В 1259 г., когда татары приехали в Новгород с требованием дани, чернь не хотела исполнить волю татарскую.

"И раздвоишася людие, - говорит летописец, - большой веляху меньшим ятися по число, а они не хотяху".

Итак, из "людей", населения Новгорода вообще, выделились два слоя: большие люди и меньшие или чернь, иначе черные люди.

Отличительный признак меньших людей составляет их меньшая сравнительно с лучшими людьми экономическая обеспеченность. Они или вовсе ничего не имеют, кроме носильного платья, и в таком случае поступают в чужие дворы в качестве наймитов; или имеют свой хозяйственный сельский инвентарь и в таком случае ведут свое самостоятельное хозяйство, поселяясь на никем не занятых землях или на землях владельческих.

Отдельные разряды меньших людей носят разные наименования, смотря по местностям и времени.

В древнейших памятниках встречаем: смердов, закупов, изгоев; в Псковской судной грамоте: изорников, огородников, кочетников; в московских грамотах: сирот, серебряников, крестьян. Последнее слово претерпело изменение, подобное тому, которое произошло со словом "муж". Из общего наименования всех крещеных людей древности оно приурочивается в московскую эпоху специально для обозначения мелкого сельского населения.

Выше смердов и крестьян стоят купцы, еще выше - вольные слуги и бояре.

Перехожу к рассмотрению отдельных слоев свободного населения. Я буду отправляться от тех наименований, которые встречаются в источниках.

I. Смерды

Наша древняя терминология не отличается большой определительностью; одно и то же слово нередко употреблялось у нас в разных смыслах. Это случилось и со словом "смерд". Оно употребляется то в очень тесном, то в весьма широком смысле.

В тесном смысле оно означает пахаря, сельского работника.

"И рече Володимер (Мономах): дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же ореть, а сего не промыслите, оже то начнет орати смерд, и приехав половчин ударит и стрелю". А лошадь его поиметь. А в село его ехав иметь жену его и дети его и все его имение" (Лавр. 1103).

В широком оно употребляется для обозначения всего населения за исключением одних князей. В таком смысле оно употреблено в Русской Правде:

"А за князь конь 3 гривне; а за смердей 2 гривны" (II, 9).

Статья устанавливает штраф за кражу коня, но упоминает только коней, принадлежащих князю да смерду, умалчивая обо всех других. Это молчание может быть объяснено только тем, что под смердами, в противоположность князю, разумеется все население.

Такое толкование подтверждается и текстом позднейших списков Правды, в которых слово "смерд" заменено словом "иной", т.е. всякий другой человек, кроме князя.

"...А будет был (украден) князь конь, то платити зань 3 гривны; а за инех по 2 гривны" (III, 55).

В таком же широком смысле употребил это слово Олег, черниговский князь. В 1096 г. Святополк Киевский и Владимир Переяславский послали к Олегу такое предложение:

"Пойди Киеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших и пред людьми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганных. Олег же въсприим смысл буй и словеса величава, рече еще несть мене лено судити епископу, ли игуменом, ли смердом" (Лавр.).

Здесь князь называет смердами не только киевских горожан, но и служилых людей прежних князей. Все смерды, за исключением князей, епископов и игуменов.

Не берем на себя решение вопроса о том, какой из этих смыслов был первоначальный. Самые древние наши памятники знают уже и тот и другой. Позволяем себе лишь догадку. Слово "муж", первоначально имевшее общее значение, с течением времени в уменьшительной форме стало обозначать один известный класс населения. То же случилось со словом "христианин", которое специализовалось в "крестьянина". Подобно этому и слово "смерд" первоначально могло употребляться в широком смысле, а позднее, с выделением из общей массы населения отдельных классов, стало приурочиваться к одному сельскому населению, занимавшемуся возделыванием земли.

Тесное значение слова "смерд" живет еще в наших памятниках конца XV века.

Псковские летописи под 1485 годом упоминают о столкновении между великим князем московским, Иваном Васильевичем, и псковичами. Известие летописи отличается некоторой излишней краткостью. Но из него можно вынести, что столкновение возникло из-за смердов. Землевладельцы захотели установить барщину и ввести законом определенные "урочные" работы смердов. Смерды этому воспротивились. Отсюда и возникло столкновение. Псковичи одного смерда казнили, а трех заключили в тюрьму, имущество их опечатали (Псков. I, 266; II, 43 и след.). Великий князь принял сторону смердов, он "всполелся" на псковичей и велел смердов отпустить. Это требование произвело раздвоение в самом Пскове:

"И оттоле начат быти брань и мятежь велик межю посадники, и бояры, и житьими людьми: понеже сии вси въсхотеша правити слово князя великого, смердов отпустить...; а чернии люди, молодии, всего того не восхотеша, рекуще: мы о всем том прави и не погубит нас о том князь великий...".

Из приведенного места видно, что смерды не суть низший слой городского населения. Это последнее, под именем черных людей, принимает участие в обсуждении вопроса о смердах и высказывается в пользу наказания виновных.

На этот раз столкновение разрешилось согласно воле великого князя. В Москву было отправлено посольство с повинной.

Но в чем же была вина смердов? На это проливает некоторый свет известие летописца под следующим 1486 годом.

"И потом по мале времени, прилучися некоему попу у норовских смердов чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердом из веков вечных князю дань даяти и Пскову и всякий работы урочный по той грамоте им знати. А о той грамоте смерды всей земли смятенье бысть, что они, потаивше грамоти, не потягнуша на свои работы, а псковичем не сведущем о них, како от начала бысть, а они обольстиша князю великому и о том все по криву сказаша. И таковую грамоту смерд исторже у попа из рук и скры. Псковичи же посадиша того смерда на крепости. И оттоле начата, из пригородов приездя и изо всех волостей, обиднии люди бити челом посадником псковским и всему Пскову... Посадники же и весь Псков събраша многы обиды, их же невозможно исчерть за множество, и написавше грамоты многы обидный и отрядиша послы: посадника Микиту Ларионовича, и посадника Андрея Ивановича, и боярина Андрея Семеновича Рублева, и иных бояр, и с пригородов по два человека, обиднии люди. И ехавше, биша челом великому князю, и поведаша о смерде, что грамоту потаил, "и имеем его и теперь на крепости, и како нам, государь, укажеша о том?" И князь великий, ярим оком възрев, рече: давно ли аз вам о смердах вины отдах? а ныне на то же наступаете?"

Приведенное место разъясняет, кого в Пскове звали смердами и в чем заключалась их вина. Смерды не городское, а сельское население: они живут по Нарове-реке и во всех псковских волостях. Это уездные, волостные люди. Помимо дани князю и Пскову, они обязаны урочными работами. Работы эти были определены исстари. В описываемое время, однако, смерды не исправляли этих работ. Отсюда столкновение, возникшее еще в 1485 г., а может быть, и раньше. Осенью 1485 года псковичи подчинились во всем воле великого князя. Но вскоре затем "некий поп" сделал открытие, нашел грамоту, на которой написаны были обязанности смердов. Едва потухшее пламя внутренней усобицы снова разгорелось. В Псков стали съезжаться со всех концов Псковской волости "обидные люди", т.е. люди, которые потерпели вследствие отказа смердов исполнять урочные работы, и было решено новое посольство к великому князю. "Обидные люди" - это, конечно, землевладельцы, на землях которых сидели смерды.

Приведенное известие составляет краткий след целой аграрной революции, происшедшей в Пскове в конце XV века. Сторону сельского населения принял великий князь московский. Не помогла псковичам и грамота, найденная "неким попом", в которой было написано то, чего псковичи будто бы не знали: "а псковичем не сведущем о них, како от начала бысть". Эти последние слова нельзя, конечно, понимать буквально. Псковичи не могли не знать исконных порядков. Найденная попом грамота едва ли могла открыть им что-нибудь новое. Псковичам нужен был повод, чтобы вновь возбудить дело о повинностях смердов, прекращенное подчинением их воле великого князя. находка "неким попом" грамоты, которая легко могла быть искусственно подстроена, прекрасно удовлетворяла этой потребности.

Как возникла в Пскове аграрная революция конца XV в., это, по краткости летописного известия, остается не совсем ясным.

Перехожу к вопросу о юридическом положении смердов.

Смерды составляют свободное население. Это совершенно ясно из Русской Правды. Перечислив цены разного вида домашнего скота, которые должны уплачиваться похитителем скота в тех случаях, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурой, Правда говорит:

"То ти оуроци смердом, оже платят князю продажу" (III, 56).

Смерд наказывается продажей, а это признак свободного человека, так как рабов князь продажей не казнит.

Так как смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, следует, что они пользуются и всеми правами свободных людей. Не останавливаясь на перечислении этих прав, приведем только те из них, о которых прямо упоминается в древних памятниках.

Смерда, как свободного человека, никто не может наказывать без приказа подлежащей власти:

"Или смерд оумочать*(67), а без княжа слова, за обиду 3 гривны" (II, 14; III, 103).

У смердов может быть и собственность. Русская Правда говорит о коне смерда, летописи - о его пашне. Дружина Святополка потому возражала против войны с половцами весной 1103 года, что боялась погубить "смердов и ролью их" (Лавр.). Под пашней смердов можно разуметь как собственную пашню смердов, так и ту, которую они имели на арендуемых у землевладельцев землях. Дружина жалеет только о пашне смердов и ничего не говорит о пашне бояр. В этом можно видеть указание на то, что и в это отдаленное время у нас преобладало арендное хозяйство перед собственной запашкой богатых землевладельцев. О порядке древнего сельского хозяйства будем говорить в III т. древностей.

Как свободные лица, смерды несут повинности в пользу государства и с этой

целью образуют своеобразные податные единицы. В Новгороде эти податные единицы носят наименование погостов. В новгородских договорах с князьями читаем:

"Кто купец, пойдет в свое сто, а кто смерд, тот потягнет в свой погост".

Смерды платят князю дань:

"Приде Михаил в Новгород по Велице дни, Фомины недели исходяче... и целова крест на всей воли новгородстей и на всех грамотах ярославлих и вда свободу смердом на 5 лет даний не платити" (1229. Карамзин, III, примеч. 327).

Они носят оружие и входят в состав войска:

"И нача Ярослав вой делити: старостам своим по 10 гривен, смердом по гривне, а ноугородцем по 10 гривен, и отпусти я вся домов" (Воскр. 1019).

Здесь смерды различены от новгородцев. Надо думать, что и в Новгороде, как и во Пскове, смерды означали сельских, а не городских жителей, названных новгородцами.

При описании ночного нападения Даниила Романовича на Бельз читаем:

"Боярин боярина брал в плен, смерд смерда, град града" (Ипат. 1221).

Смерды составляют низший слой свободного населения, они живут трудами рук своих и, по общему правилу, занимаются земледелием. Это сравнительно приниженное положение их в обществе отразилось и в древнейшем праве в разной цифре вознаграждения, полагаемого за муку, причиненную смерду и человеку высшего положения, каковы были тиуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человека высшего состояния - 12 (Ак. 31-32, Тр. 71-72).

Что касается штрафа за убийство смерда, то на этот вопрос можно ответить только предположительно.

Первая статья древнейшей Русской Правды, перечисляя разные разряды лиц, за убийство которых взыскивалось 40 гривен, не упоминает о смердах. Она говорит, однако, об изгоях, смерть которых оплачивалась 40 гривнами. Изгои же, как увидим ниже, занимали в древнем обществе положение еще более низкое, чем смерды. Это дает основание заключить, что и убийство смердов оплачивалось теми же 40 гривнами.

Такому заключению, по-видимому, противоречат те статьи Правды, в которых определяется вознаграждение за убытки. Убытки собственнику могут быть причинены кражей коня, вола и всякой движимости, а также убийством его рабов. За убийство раба полагается разное вознаграждение, смотря по его пригодности. Староста, кормилица, дядьки оплачиваются 12 гривнами, простой раб - 5-ю.

В относящихся к этому вопросу статьях краткого списка Правды читаем:

"А в сельском старосте княжи и в ратайнем 12 гривне (II, 6). А в рядовници княже 5 гривен, а в смерды в холопе 5 гривен (II, 7). Аще роба кормилица, любо кормилиц (12. II, 8). А за князь конь, иже с пятном, 3 гривне; а за смердей 2 гривне" и т.д. (II, 9).

В Ак. сп. конец 7-й статьи читается иначе: "А в смерде и в хопе 5 гривен". Тут смерд уравнивается с холопом. Какому же чтению надо отдать предпочтение?

Из предшествующего мы уже знаем, что по московским памятникам XVI в. честь лучших боярских холопов оценивалась в пять раз больше чести свободных крестьян. Поэтому не может представлять ничего невероятного, что по памятникам XI века за смерть княжеского холопа взыскивали не менее того, что полагалось за смерть смерда.

При всем том чтение: "А в смерде и в хопе 5 гривен" возбуждает недоумение. В ст. 6-8 по моему изданию речь идет только о несвободных людях. Список Акад. рядом с несвободными ставит смерда, человека свободного. Почему бы это? Из статей 7-й и 9-й видно, что здесь вознаграждение приводится сравнительно: с одной

стороны указано, что получает князь за своих рабов и коней, а с другой, что получает смерд. Писец Академического списка этого не заметил и вместо "а в смердьи холопе" написал: "а в смерде и в хопе". Поэтому надо отдать преимущество списку Археографической комиссии перед Академическим, которым пользовался Калачев в своем издании Правды по четырем спискам.

Принятое мною чтение находит подтверждение и в просторном Трицком списке, где эта статья читается так:

"А за смердии холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен" (III. 16).

Суд принадлежит князю, он определяет и штрафы за убытки. Очень натурально, что составителя Правды интересовал вопрос, одной ли мерой мерил князь свои убытки и чужие. Вот почему княжего коня и холопа противопоставляет он смердьему.

Смерды составляют низший слой свободного населения, но это различие только фактическое; при искусстве и удаче они могут подняться в самые высшие его слои. Летописец говорит, что галицкие бояре князя "Даниила князем себе называху, а сами всю землю держаху". Он перечисляет этих бояр, державших землю. Среди них находим: Судича, попова внука, и Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича от племени смердьа" (Ипат. 1240).

Еще Рейцем был высказан весьма близкий к правде взгляд на смердов. Он называет их "простолюдинами", но не входит в разбор памятников (36).

Позднейшие исследователи не оценили по достоинству этого верного намека и очень затемнили понятие смерда.

Первый шаг в этом направлении сделан покойным проф. Московского университета В.Н. Лешковым в его сочинении: "Русский народ и государство". Он утверждает, что смерды были люди князя, что они принадлежали только ему, подобно тому, как холопы и закупы принадлежали другим владельцам (157).

Это мнение не отличается определенностью. На языке московских памятников выражение "чьи-либо люди" означает чьих-либо рабов. В каком смысле употребил это выражение автор, остается неясным. Уподобляя смердов князя рабам других владельцев, он, кажется, хочет сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него же на следующей странице читаем: "В глазах общества перед законом смерды имели почти все права свободных". Если у них почти (?) все права свободных, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, в дальнейшем выводе, получается следующий несогласный с источниками результат: князья не имеют рабов, так как смерды, заменяющие для них рабов частных владельцев, не суть рабы.

Это не совсем ясное мнение доказывается ссылкой на противоположение княжего коня коню смерда и на статью, определяющую одинаковое вознаграждение за убийство холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава. Два первых доказательства мы разобрали уже выше, а на словах Яна остановимся теперь.

Во время голода в Ростовской волости два волхва, пришедшие из Ярославля на Белоозеро, обманули легковерный народ относительно причин голода, последствием чего были убийство ни в чем не виновных людей. В разгар этой замятии прибыл на Белоозеро Ян Вышатич: обман волхвов для него не подлежал сомнению.

"Ян же, испытав, чья еста смерда (волхвы), и увидев, яко своего князя, послав к ним, иже около ею суть, рече им: выдайте волхвы та семью, яко смерда еста моего князя" (Лавр. 1071).

Вот эти-то слова Яна "смерды моего князя" и легли в основание неясного положения "смерды суть люди князя". Выражение "смерды моего князя" значит "подданные моего князя". Дело, в данном случае, шло о преступлении, совершенном волхвами, и о суде над ними. Подсудность шла по земле и воде. Но если волхвы

были подданные не Святослава, а другого князя, это могло вести к некоторым осложнениям. Вот почему Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы.

Этому объяснению совершенно соответствует и ответ волхвов. Они говорят Яну: "нама стати пред Святославом, а ты не можеш сотворити ничтоже", т.е. мы должны стать на суд самого князя; о возвращении же к князю рабов его или вообще зависимых от него людей здесь и намек нет.

Мнению, высказанному Пешковым, весьма посчастливилось в нашей литературе. К мнению о том, что смерд не низший слой свободных людей, а особый класс, состоящий в некотором ближайшем отношении к князю, примыкает целый ряд наших исследователей.

Проф. Никольский в своем сочинении о началах наследования в древнейшем русском праве дает этой мысли дальнейшее развитие и новую аргументацию. На с. 357 своего труда он говорит, что источники не дают прямого ответа на вопрос о том, кто были смерды. Но это не мешает ему на следующих страницах нарисовать весьма полную картину положения смердов.

Исходя из статьи Правды "о смердьей задници", которую он берет только по одному Карамзинскому списку, а слова "без детей" переводит словами "без сыновей" (356), Никольский заключает, что смерды были люди, обязанные князю и непосредственно от него зависимые.

На следующих страницах он рисует целую картину этой зависимости. Его смерды составляют рабочий безземельный класс. Они поселяются на княжеских землях и, будучи лично свободными, обязаны обрабатывать землю на князя. Они состоят на барщине у князя и работают из-за хлеба. Собственности у них никакой нет, даже движимости им не принадлежат, так как в то отдаленное время, по уверению автора, дом, двор, домашний скот и орудия обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Автор совершенно не хочет знать статей Русской Правды, которые говорят о коне смерда и определяют за него иное взыскание, чем за коня князя.

Оба автора не обратили должного внимания на приведенный выше рассказ Псковской летописи, которая знает смердов, не стоящих ни в каких отношениях к князю, кроме отношений подданства.

Проф. Цитовичу принадлежит заслуга правильного объяснения начала статьи "о смердьей задници", неверное чтение которой послужило исходным пунктом всей аргументации Никольского. Но и он не мог освободиться от влияния идей проф. Лешкова. Противоположение княжеского коня коню смерда и для него составляет несомненное доказательство особой зависимости смерда от князя. Состояние смерда есть, поэтому, состояние зависимости от князя и личной ему подчиненности; это отношение наймита к хозяину (Исход, мом. в ист. р. пр. наследов. С. 35 и сл.). Но в Русской Правде "княжой тивун" противопоставляется тиуну боярскому; авторы, мнения которых мы рассматриваем, кажется, не заметили этого противоположения, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояр от князя, в какой находились от него смерды. От одинаковой зависимости им бы следовало заключить и к одинаковости социального положения смердов и бояр.

Тесно к Никольскому примыкает проф. Никитский. У него смерд собственности не имеет и живет на княжеской земле (Очерки внутренней истории Пскова, 279).

Проф. Ключевский эти княжеские земли превратил уже в государственные. Он считает смерда государственным крестьянином, жившим на земле княжеской в смысле государственной (Русск. Мысль. 1880. N 1. С. 63).

Слабый отголосок идей Лешкова можно найти даже у проф. Владимирского-Буданова. "Земли общинные, - говорит он, - считались государственными и смерды, их населявшие, были смердами князя". За этим, как доказательство, приводятся слова Яна (Обзор. I, 13 и новое изд. С. 37).

II. Закупы

Пространные списки Русской Правды служат почти единственным источником наших сведений о закупах.

Не дожившее до наших дней и не совсем понятное нам слово "закуп" объяснено в Русской Правде совершенно понятным выражением "наймит":

"Продаст ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех купях, а господину за обиду платити 12 гривен продаже" (III, 80).

Закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник.

Но почему он называется закупом и что значит это слово?

В старину слово купить означало и наем. А потому, кто хотел сказать, что он не нанял, а приобрел вещь в собственность, тот не ограничивался выражением "я купил", а прибавлял "купил в прок", "в дернь", "в век" и пр. Крестьяне Лужского уезда и теперь нанятые луга называют купленными, а глагол "покупать, куплять" употребляют в значении найма. Также кубанские казаки говорят: "купил землю на три года", и "на вечно землю купить нельзя". Под куплей они тоже разумеют - наем, сдачу земли в аренду.

Закуп и закупной человек (именно такое выражение встречаем в Кар. сп. 70) обозначает, следовательно, наемного человека в противоположность собственному обельному холопу*(68).

Закуп получает от господина за свой труд плату:

"Но еже дал ему (закупу) господин плуг и борону, от него же (от господина) купу (вар. копоу, денежная плата, груда, куча, копить, купить, купец) емлет, то то погубивше платити" (III, 74).

Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед. В наказе в Екатерининскую законодательную комиссию от иноверцев-вотяков Казанского уезда читаем: "А которые люди нанимаются из своей воли в работники на срок, со взятием наперед заработных денег, до сроку не отойти, разве с согласия хозяина". То же делалось и в старину. В этом смысле и надо понимать выписанное выше место из ст. 74. Если господин продает наймита в рабство (выдав его обманом за своего холопа), то проданный получает "свободу во всех купях", т.е. освобождается от обязанности уплатить или отработать взятую вперед плату.

Закупа Русской Правды нет основания приравнять к кабальному холопу. Кабальный холоп служил за проценты с занятого капитала; закуп же служит за наемную плату и погашает свой долг работой, если берет плату вперед.

Статья 143 пространной Правды не упоминает о закупе, но, конечно, говорит о последствиях нарушения договора найма услуг со стороны работника:

"Вда цену (привожу из сп. Мус.-Пуш. вместо: "а в дачь" Тр.) не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатьце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть" (III. 143).

Перед приведенной статьей в Правде помещены три статьи, в которых указаны способы установления рабства. В этой следующей за ними, наоборот, указаны случаи, которые не должны вести к рабству. Эти случаи имеют в виду рабочих, нанимаемых на определенный годовой срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами (вда цену). Кто получил плату (цену) вперед, тот не делается рабом, а должен или отходить свое время или возратить милость*(69).

Условие, в силу которого выданная цена погашается годовой работой, показывает, что здесь речь идет не о займе, так как не всякий же заем может погашаться годовой работой, а о вперед данной плате наймиту, которая

соответствует ценности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закуп имеет свою собственность и сам отвечает за убытки, причиненные его действиями нанимателю:

"Аже оу господина ролейный закуп, а погубить войскии (вар. воинский, свойский) конь, не платити ему (III, 73).

Но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу (вар. копоу) емлеть, то то погубивше платити (III, 74).

Аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погибнет без него, то того ему не платити" (III, 75).

Общий смысл статей совершенно понятен. Они говорят об ответственности закупа за нерадение, причинившее убытки хозяину его. Поэтому, если убыток причинен в отсутствие закупа, происшедшее не по его вине, он не отвечал.

Но первая статья (73) представляет значительные трудности.

Ролейный (рало - соха, ролья - пашня) закуп есть наемный сельский рабочий. Но что значит войский конь?

Допустим, хотя это и трудно, что "войский" значит "воинский" (трудность же такого допущения состоит в малой вероятности, чтобы в XIII веке у нас обособились уже кавалерийские лошади от упряжных); остается непонятным, почему закуп, погубив своим небрежением такого коня, не платил убытков. Объяснение г. Ланге (он не платил потому, что сельскому работнику не следовало поручать наблюдения за кавалерийской лошадейю, 189) представляется слишком искусственным.

Остается второе предположение, по которому вместо "войский" надо читать "свойский", т.е. свой конь, принадлежащий за купу*(70). Хотя та же статья говорит, что закупы получали даже бороны от нанимателей, но допустим, что между ними могли быть и такие, которые подряжались на сельские работы на своих лошадях. Что будет значить, что закуп не платил, погубив свою лошадь своим небрежением? Что он не платил нанимателю за пагубу своей лошади, это само собой разумеется, потому что лошадь не хозяйская, а его, и об этом нечего было и упоминать в статье, имеющей предметом убытки нанимателя. Но от пагубы лошади, на которой наймит подрядился работать, мог возникнуть убыток для нанимателя: утратив или (что то же) тайно продав свою лошадь, наймит не вспахал поля вовремя и тем причинил нанимателю убыток. Освобождался ли он от вознаграждения за такой убыток? Это очень трудно допустить. Таким образом, и при этом втором предположении рассматриваемое правило остается не вполне ясным.

Следующие две статьи говорят об утрате хозяйского скота без вины и по небрежению закупа и не представляют никаких трудностей.

"Аже из хлева выведут (домашний скот), то за купу того не платити (III, 76).

Но же погубить на поли и на двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити" (III, 77).

Пять приведенных статей дают весьма полную картину экономического положения закупа. Это бедные люди, которые ни плуга, ни бороны не имеют. Весь рабочий припас получают они от нанимателя, живут в его дворе, пасут его скот, и исполняют всякие его поручения ("аже ли господин его отслеть на свое орудье"). Такие наемники если берутся для пашенных работ, носят наименование ролейных закупов.

Статья 77 упоминает о "деле закупа": если закуп погубит господский скот, делая свое дело ("орудья своя дея"), то платит убытки. Под делом закупа можно понимать все то, к чему он был обязан, как работник. Он портил, например, хозяйскую скотину во время господской на ней работы, и, конечно, платил убытки, если был виноват в небрежности. Проф. Беляев слишком уже много прибавляет своего к источникам, когда утверждает, на основании выражения "орудья своя дея", что закупы жили своими семьями, работали на себя господским скотом и платили

убытки, если повреждали скот на этой своей работе (Крестьяне на Руси, 15). Если принять это толкование, то окажется, что закуп отвечал за повреждение скота на своей только, а не на господской работе, что невозможно.

Как свободный человек, закуп заключает договоры и имеет право иска даже против нанимателя:

"Идет ли (закуп) искать кун (занять денег), а явлено ходить (т.е. не убежал тайком, а явно пошел; это выражение опять показывает, что закуп живет во дворе нанимателя), или ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина (здесь употреблено выражение "бежит", так как от обид господина, напр., побоев, действительно надо было бежать); то про то не робят его, но дати ему правдоу" (III, 72).

Явный уход со двора господина для займа денег и даже побег для принесения на него жалобы не ведут к рабству: "про то не робят его". Знаменательная статья! Из нее надо заключить, что наниматели пользовались всяким случаем, чтобы обратить наймита в обельного холопа. Потребовалось оказать закупам защиту. Княжеский суд дает им эту защиту.

Предоставив за купу право иска против нанимателя, Правда определяет и размер ответственности этого последнего за некоторые незаконные его действия.

"Аже господин переобидит (вар. приобидит) закупа, а оувидит купу его (вар. оувередит цену) или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун (III, 78).

Паки ли примет на нем кун, то опять ему воротити куны, что будет принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи (III, 79).

Продаст ли господин обель, то наймиту свобода во всех купах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже" (III, 80).

Общий смысл статей совершенно понятен. Они перечисляют некоторые недозволенные действия (обиды) нанимателя по отношению к за купу и определяют наказания за их совершение. Но некоторые частности не ясны и дают повод толкователям далеко расходиться в мнениях.

В наших толкованиях я буду держаться выясненного уже выше взгляда на положение закупа и с этой точки зрения объяснять неясные выражения испорченных переписчиками мест.

Закуп, как мы знаем, получает наемную плату. Она называется то "купой, копой" (74), то "ценой" (143).

Господин может не доплатить этой купы или цены. Это, надо думать, и понимает статья, говоря: "оувидит (т.е. увередит) купу его". Совершенно понятен, поэтому, вариант: "оувередит цену".

Но закуп, сам отвечающий за причиненные им нанимателю убытки, может, конечно, иметь и некоторое свое имущество. Господин может отобрать у закупа это его имущество. В одном памятнике *rescilium* переведено словом "отарица"*(71). Увередит "отарицу", думаем, значит отобрать у закупа собственное его имущество.

"Принять на за купе кун" может значить занять денег и в обеспечение долга отдать закупа кредитору.

Закуп есть тот же смерд, но бедный, не имеющий возможности жить своим хозяйством, а потому и поступающий в качестве наемника в чужой двор. Он не самостоятельный хозяин, а слуга другого человека. Это уже переходное состояние к обельному холопству. Таких свободных слуг в старину звали добровольными холопами.

Этим надо объяснить, что закупы хотя, несомненно, были свободными людьми, но подлежали некоторому ограничению своих прав.

Так, к свидетельству на суде они допускались только в малых делах:

"А в мале тяже, по нужи, възложити (послушество) на закупа" (III, 90).

Наниматель имел право наказывать их за дурное исполнение своих обязанностей по собственному усмотрению, без суда:

"Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть (III, 81). Биеть ли не смысла пьян, а без вины, то якоже в свободном платежь, такоже и в закупе" (III, 82).

Вопрос об отношении работников к нанимателям весьма занимал наших предков эпохи Русской Правды. И в то время как и в наше, наниматели не всегда были довольны работниками, а работники нанимателями и иногда уходили от них до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно решительные меры для ограждения нанимателей от такого произвольного нарушения работниками договора найма. Работник, уходивший до срока, терял свою свободу:

"Аже закуп бежит от господы, то обель" (III, 71).

При этих условиях, конечно, и сложилась известная и нам поговорка: "нанялся - продался".

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсеместной, или в XIII веке стала уже выходить из употребления. Приведенная выше (с. 166) ст. 143 допускает досрочный уход годового работника, даже взявшего вперед плату, на условии возвращения забранных денег.

В Правде заметны два течения. Наниматели стараются, насколько можно, стеснить свободу наймита; они домогаются обратить добровольного холопа в обельного за отлучку со двора их для займа денег или для принесения жалобы на обиду господина. Князья же берут наймитов под свою защиту. На их суде, конечно, и возникли вышеприведенные ограждения свободы закупа (с. 169 и сл.).

Статья 71, определяющая рабство за бегство закупа, и статья 143, допускающая досрочный уход годового работника, на условии возвращения забранных вперед денег, могут быть, однако, и совершенно соглашены. Статья 71 карает холопством тайное бегство закупа с намерением скрыться от нанимателя; статья 143 - говорит о явном его уходе, причем он обязывается уплатить неотработанные деньги.

Ограждение прав нанимателей имеют в виду и статьи 84, 85 и 86. Если закуп делался должником третьего лица, то он не отвечал лично, ибо это могло повести к нарушению интересов нанимателя, а предоставлялся в полную его власть. Это общее начало выражено в ст. 84, но в казуистической форме:

"Аже закуп выведет что (если закуп что украдет, ближайшим образом, если он уведет (84) домашнюю скотину), то господин в нем".

То есть господин может поступить с ним, как заблагорассудит: может, уплатив причиненный убыток, сделать его холопом своим и может продать его обель для возмещения убытка. Следующие статьи повторяют ту же мысль, но в применении к конкретным случаям. Статья 85 говорит о поимке укравшего что-либо закупа:

"Но оже где и (закупа что-либо укравшего и бежавшего) налезуть (поймают), то преди заплатит господин его конь (за украденного коня) или что будет ино взял; ему (господину) холоп обельный".

Последняя статья предусматривает случай, когда господин не захочет платить потерпевшему убыток из своего кармана:

"И паки ли господин не хотети начнет платити заны, а продаст и. Отдасть же (из полученной за него цены) преди или за конь, или за вол, или за товар, что будет чужего взял, а прок ему самому - взяти себе".

Литература вопроса о закупах отличается большим разнообразием мнений. Но и здесь едва ли не ближе всех к истине Рейц. Он считает закупа нанятым работником. Но так как работа по условию была в древности вроде неволи, то он и относит закупов к несвободному населению (§ 54).

Иначе взглянули на вопрос историки-цивилисты, Мейер и Неволин. По их мнению, закупничество не есть договор личного найма, а заем, обеспеченный

залогом личности должника; это древнейшая форма залога. Закуп, обеспечивающий своим лицом исправность будущей уплаты, находится в состоянии временного рабства: до уплаты он в работе (Мейер. О праве залога, 225; Неволин. Истор. гражд. зак. V, 147).

Сторонники приведенного мнения недостаточно оценили встречающуюся в Русской Правде замену слова "закуп" словом "наймит", и указание этого памятника на плату, получаемую закупом от господина, и на погашение этой платы, если она выдавалась вперед, годовой работой. Долг закупа погашается работой, а не обеспечивается ею до уплаты. Это, конечно, не заем, а плата вперед; поэтому долг этот и назван "милостью".

Вполне примыкает ко взгляду цивилистов и проф. Чичерин (Опыты, 154). Но от его внимания не ускользнуло наименование закупа наймитом. "Действительно, - говорит он, - это был род личного найма, но с присоединением к этому заемного обязательства (купы)".

"Впоследствии, - продолжает автор, - самое это слово (закуп) исчезает, а вместо его является название: закладня, которое, в свою очередь, превращается, наконец, в название кабального холопа". Эта историческая смена понятий закупа кабальным холопом совершенно последовательна с точки зрения автора; но в действительности такой смены не могло произойти по той причине, что закупничество и кабальное холопство - два весьма различных института.

Слово "закуп" действительно выходит из употребления, но личный наем остается и доживает до наших дней.

О наймитах говорит Псковская судная грамота и в выражениях, которые дают возможность несколько сблизить их с наймитами Русской Правды. Грамота называет их "дворными", и во времена Русской Правды они живут во дворе нанимателя; срок найма также годовой (40). О других вопросах, затрагиваемых Правдой, грамота умалчивает.

Договор личного найма известен и московским памятникам XVII века. О нем говорит **Уложение**. В его статьях просвечивает древность.

Сословность Московского государства отразилась и на найме личных услуг. Высшие сословия держат слуг по служилым кабалам. Попам же, дьяконам, причетникам, монастырским служкам, тяглым людям и холопам Уложение запрещает держать слуг по кабалам; они держат их "по жилым записям" (XX, **104**, **105**, **116**). Жилая запись - это и есть договор личного найма. По московским обычаям такие записи пишутся на многие годы. Этот порядок оставляет в силе и Уложение, но только для вольных людей; для тяглых же оно ограничивает сроки найма: тяглые люди могут выдавать на себя житейские или жилые записи только на 5 лет*(**72**). По этим записям наймит живет во дворе своего нанимателя (XX, **44**). Если он уходит до срока, наниматель имеет право искать бежавшего; а по сыске, бежавший хотя и не обращается в рабство, как в эпоху Русской Правды, но обязывается дожить свое время (XX, **45**). В самую запись вносилось условие о неуходе до срока; но оно, конечно, и само собой разумелось в срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже вперед, как в старину; но от соглашения сторон зависело определить срок платежа. Для обеспечения нанимателя в запись вносилось условие неустойки ("заряд", XX, 44). Для обеспечения же неустойки было в обычае поручительство. Случалось, что наниматели, отыскав бежавшего наймита и взяв его к себе снова во двор, предъявляли иск к поручителям, требуя уплаты неустойки. Уложение запрещает такие иски, предоставляя нанимателям довольствоваться возвращением наймита (XX, 45).

Уложение ничего не говорит о праве нанимателя наказывать работника. Есть, однако, основание думать, что это право в XVII веке так же мало подлежало сомнению, как и в XIII-м.

Во II-м томе Актов, до юр. б. относ, под N 127, XV, напечатан любопытный документ от 1688 г. Государев вольный человек, Федор Щепеткин, взял у посадского человека, Федора Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крепостной. За это он обязался служить Сырейщикову с женой 10 лет. По прошествии же 10-ти лет они договорились взять Щепеткину с хозяина своего наделку 4 рубля и жить ему на своей воле.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая запись (форма жилой записи не была установлена). 25 руб., полученные при заключении сделки, не заем, ибо они не возвращаются, а погашаются работой. Это плата за службу, данная вперед. К этому задатку надо прибавить: цену крепостной (около 50 руб., Уложение XX, **27**) и четыре руб. наградных. За эти 70-80 руб., большая часть которых взята вперед, Щепеткин должен был служить 10 лет. В записи находим еще условие. Щепеткин предоставляет Сырейщикову "смирять себя по его хозяйскому рассмотрению". Надо полагать, что это право "смирять" было весьма обыкновенным правом нанимателя по отношению к наймиту и стоит в преемственной связи с допускаемым Русской Правдой наказанием закупа "за дело".

К приведенным взглядам на закупа проф. Беляев прибавил новую черту. В его сочинении "Крестьяне на Руси" находим иногда удивительную смесь совершенно верных взглядов с мнениями, несколько фантастическими. На с. 14 читаем: "По Русской Правде закупы ролейные... не ясно отличены от закупов неролейных... И, кажется, в самой жизни русского общества в XII веке еще не было строгого различия между сими двумя разрядами".

Это совершенная истина. И тот и другой закуп есть наемный работник, который жил во дворе нанимателя. Можно даже сомневаться, чтобы ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятиям. Пашенный работник мог, конечно, в свободное от сельских занятий время быть возницей и исполнять разные работы по дому.

Но проф. Беляев приступил к своему труду уже с готовой мыслью. Эта мысль состояла в том, что ролейные закупы - то же, что позднее крестьяне, снимавшие владельческие земли; а неролейные - то же, что позднее кабальные холопы (14). И вот на с. 17 мы находим у него такой вывод: "Таким образом, мы имеем прямые и официальные свидетельства, что в XII столетии уже были в Руси ролейные закупы или крестьяне, живущие на чужих землях с обязанностью платить за земли работой. Это факт, не подлежащий сомнению, факт исторический".

Что в XII веке были крестьяне, снимавшие чужие земли, в этом, конечно, нельзя сомневаться. Но мы отрицаем, чтобы такие крестьяне, съемщики земли и ролейные закупы Русской Правды были одно и то же.

Какие же это "прямые официальные свидетельства", которыми, по мнению автора, доказывается его предположение?

Это - толкование Болтиным слова "отарица", вкладная грамота Варлаама Хутынского Спасскому монастырю и известие Новгородской летописи под 1229 годом.

Болтин думает, что "отарица" значит участок земли, который давался землевладельцем за купу во временное владение. Мнение Болтина, конечно, не есть "прямое", а еще менее "официальное свидетельство". Мы напрасно искали ему какого-либо подтверждения. Слова: "отарица", "отара" сохранились в народном языке и до наших дней, но не в том смысле, какой нужен Болтину. Отара значит овечьё стадо, отарщик - пастух, отарица - получаемая им месячина (Даль). Теперешний говор, следовательно, скорее в пользу принимаемого нами смысла этого слова. Но он не везде одинаков. В Минской губернии слово "отарица" означает оброк, получаемый господином (Карамзин. II, прим. 92). Но это значение совсем не подходит к смыслу статьи (III, 78), а потому Карамзин и под отарицей разумеет плату,

получаемую закупом от господина. Грамота же вкладная и место Новгородской летописи под 1229 годом не имеют ни малейшего отношения к закупам. Грамота упоминает о "челяди", т.е. рабах, а летопись говорит о смердах. Остается, таким образом, в полной силе первое утверждение проф. Беляева, что между ролейными и неролейными закупками не было различия.

Несмотря на малую доказательность мнения, что ролейные закупы были не наемные только сельские рабочие, а сами нанимали чужие земли, оно пустило прочные корни в нашей ученой литературе. В 99-м примечании к ст. 71 Кар. сп. Правды, отпечатанной в Хрестоматии проф. Владимирского-Буданова, о земледельческом закупе говорится как о человеке, нанявшем участок земли. В Обзоре же истории русского права того же автора ролейное закупничество определено как временное прикрепление (к земле), которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу (1, 14). Почтенный автор, таким образом, делает попытку слияния обоих разобранных нами мнений*(73).

Кроме пространных списков Русской Правды слово "закуп" в других памятниках не встречается. В одной статье Псковской грамоты упомянут "закупен". Это слово наводит некоторых исследователей на мысль, что этот "закупен" есть закуп Русской Правды (Хрест. Вл.-Буд., примеч. к 18 ст. Псковской гр.). Это очень сомнительно. Вот место грамоты:

"А кто по волости ходит закупен или скотник, а имет искати такоже соблюдения или верши, ино господе обыскать правда..." (18).

Кроме созвучия в слове "закупен", эта статья ничем не напоминает закупа Русской Правды. Закупен "ходит по волости", т.е. он не живет на определенном месте, в чьем-либо дворе, а переходит с места на место. При таких переходах ему случается отдавать свои вещи на сбережение, а затем искать возвращения их судом. На случай предъявления таких исков статья и дает процессуальные определения.

Проф. Энгельман, в своих толкованиях к Псковской грамоте, уже высказал предположение, что закупен может означать здесь торговца, в каком смысле слово это и употребляется в московских памятниках XVII века (закупни, торговые люди. А. Э. IV. N 13). Это объяснение кажется нам наиболее вероятным. Закупен ходит по волости для торговли, а не в качестве предлагающего свой труд для сельских работ; как нанимающийся, он и не мог бы быть назван закупом. Так как предметом торговли может быть скот, то он и назван "скотником"*(74). Но он может торговать и другими предметами, например, рыбой. Как торгующий рыбой, он может иметь свои рыболовные снасти, которые, натурально, и отдает кому-либо на сбережение, когда нет лова. Поэтому статья говорит о верши.

Со времени выхода в свет толкований проф. Энгельмана слово "верша" принято переводить словами: жито, хлеб. Академический словарь, на который ссылается проф. Энгельман, знает два слова: вершь и верша. Верша означает рыболовную снасть, а вершь - жито, хлеб, но не зерно, а растение, именно молодой всход, побег, верх, вершье (Даль). В этом последнем смысле вершь не может быть отдана на сбережение; на сбережение могла быть отдана только снасть рыболовная. Итак, статья несомненно имеет в виду человека, занимающегося ловлей и торговлей рыбы, у которого есть своя рыболовная снасть, верша; а не работника, отыскивающего место закупа.

III. Крестьяне

Слово - крестьяне, в смысле некоторого определенного класса населения, начинает встречаться в наших памятниках с конца XIV века (А. Э. I. N 11, 1391). С того времени и по настоящий день в положении крестьян произошло много коренных

изменений; несмотря на это, в дожившем до наших дней наименовании сохранился несомненный след древнейшего значения слова "крестьянин".

Какое же это значение? В широком смысле слова крестьянин (христианин) обозначает все население, принявшее христианскую веру; в тесном - он обозначает земледельца, занимающего определенный участок земли и живущего своим домом, своим хозяйством.

С какого именно времени со словом "крестьянин" стало соединяться такое понятие, этого, за недостатком источников, мы определить не можем; но во всех дошедших до нас памятниках старины слово это употребляется именно в таком смысле.

"Се яз, - читаем в одной порядной, - Андрей, Лутьянов сын, да и с своими детьми, с Семеном да с Микифором, порядилися есмя у Вежицкаго монастыря слуги, у Исака, во крестьяни за Николу Чудотворца Вежицкого монастыря, в деревне Липки, на четверть выти..." (А. Ю. 180. 1578).

Быть крестьянином значит занимать на себя определенный участок пахотной земли.

В этом смысле говорят о крестьянах и Судебники. В статьях "о христианском отказе" они предполагают, что крестьянин живет в своем дворе, следовательно, своим хозяйством. Второй же Судебник, дополняя первый, упоминает и о собственной пашне крестьянина (88).

К XVII веку права крестьян существенно изменились, но и в это время они остались сидельцами земли. Такова точка зрения Уложения. Оно предписывает беглых крестьян, из дворцовых сел и черных волостей, свозить на старые их жеребьи, по писцовым книгам, с женами и детьми (XI, 1). Крестьяне помещиков и вотчинников точно так же "в записях написаны на поместных и на вотчинных землях" (XI, 30).

"Быть во крестьянстве" и в XVII веке значит сидеть на земле своим хозяйством.

"Се яз, - читаем в одной поручной, - Яков Никитин сын, хрестьянин Прилуцкаго Богороцкаго ключа, из деревни Стонегова, поручился есми Спасского Прилуцкаго монастыря игумену Тихону да келарю, старцу Исайте, и казначею, старцу Трифону, и всей братьи по Богдане, Иванове сыне, в том, что он порядился Спаса Прилуцкаго монастыря в вотчину во хрестьяне в Богородской ключ, в деревню Стонегово, на четверть плуга земли, в Игнатъевской жеребей... и владети ему всеми угодьи, куда ходил плуг, и соха, и коса, и топор..." (А. Ю. N 290. II. 1608).

Уложение заботится, чтобы господа не переводили крестьян в свои городские дворы в дворники. Оно позволяет это только тем, у кого нет своих людей, и то с ограничением: можно взять только по одному крестьянину во двор (XIX, 14).

Это значение слова "крестьянин" живет в XVIII и XIX веке, в период самого строгого развития крепостного права, живет и после освобождения крепостных.

В термине крестьянин ясно отпечаталась бессословность населения в нашей начальной истории. Рабов, как мы видели, было не так много, чтобы все сельские работы могли быть исправляемы ими; понадобилось содействие свободных сил. И вот для обозначения их не нашлось в русском языке другого слова, как самое общее - христианин. Крестьяне называются в древних памятниках и просто "люди". Таково словоупотребление жалованных монастырям грамот XIV века и позднейших (А. Э. I. N 5, 17, 18, 20, 21 и др.). Духовенство называет их и христианами монастырскими, и людьми, и сиротами (А. Э. I. N 11). Князья также называют иногда крестьян сиротами (Рум. Собр. I. N 34, 1389). Это наименование приличествует им, как меньшим людям. С точки же зрения повинностей, которые они несут в пользу землевладельцев, их называют иногда половниками. Такое словоупотребление встречаем в новгородских и московских памятниках (А. Э. I. N 48. 1450; А. Ю. N 110. VI. 1452).

Некоторыми особенностями отличается терминология Псковской судной грамоты. Крестьян называет она изорниками (от орати); наряду с ними она говорит еще об огородниках и кочетниках. Эти изорники, огородники и кочетники могут быть, как увидим ниже, совершенно приравнены к крестьянам московских памятников.

Большинство крестьян сидит или на частновладельческих землях, или на княжеских, которые называются волостными и тяглыми землями. Встречаются крестьяне и на собственных землях; в новгородских писцовых книгах они называются своеземцами - наименование, которым обозначались в Новгороде все частные собственники земли.

Скажем прежде о положении крестьян, сидящих на частновладельческих землях.

Крестьяне занимали владельческие земли на основании договора. Они суть наниматели земли. Действие найма на древнем языке обозначалось выражением "порядитися на деревню, на четверть плуга земли, на пол выти" и т.д. Этот ряд, который вел за собой поселение крестьянина на снятой им земле, предполагает право свободного перехода крестьян с места на место.

Дошедшие до нас памятники, в которых есть указание на свободный переход, принадлежат ко времени сравнительно позднему. Они не старше XIV века. Но нет никакого основания думать, что это новый порядок вещей. Свободный переход крестьян есть исконное явление.

Все дошедшие до нас жалованные грамоты на льготы как духовным учреждениям, так и частным лицам единогласно свидетельствуют о том, что крестьяне свободно переходят из княжения в княжение. Такой переход не только предполагается этими грамотами, но и поощряется ими. Крестьян, перезванных из иных княжений, предоставляется селить на владельческих землях с освобождением их от повинностей и податей в пользу князя, от всех или только от некоторых. Эта льгота дается на определенный срок: 10, 15, 20 лет (А. Э. I. N 20, 23, 36, 1421-1438 и др.) или и совсем бессрочно (А. Э. I. N 4, 1338; N 53, 1453 и др.). Обещанием таких льгот князь привлекают к себе крестьян из чужих владений.

Не совсем понятным представляется молчание большинства договорных княжеских грамот о вольном переходе крестьян, составлявшем общее правило. Мы встретили указание на него в немногих грамотах. В договоре Василия Дмитриевича московского с тверским князем читаем:

"А меж нас людем и гостем путь чист, без рубежа" (А. Э. I. N 14, 1398).

Так как в этом договоре есть особая статья о свободном переходе бояр и слуг, то приведенное место мы и полагаем возможным отнести к людям вообще, а следовательно, и к крестьянам.

Гораздо яснее начало свободы крестьян выражено в договоре великого князя рязанского с его родным братом:

"А... христианом меж нас вольным воля" (Р. С. I. N 127. 1496).

Умалчивая о вольном переходе крестьян, некоторые княжеские договоры содержат статьи, которые дали повод думать, что "во время уделов" существовало запрещение перехода крестьян из одного княжества в другое. Это статьи, запрещающие вывод:

"А вывода не замышлять" или: "а кто учинит вывод, по исправе выдать" (Рум. Собр. I. N 28, 32, 48, 65).

Статьи договоров излагаются то кратко, то подробно. Для правильного толкования кратких редакций необходимо сличение их с более подробными, а в этих последних читаем:

"А кто имет холопа или должника, а поставит перед волостелем, в том ему вины нет; а выведет из волости и перед волостелем не поставит, в том ему вина" (Рум. Собр. I. N 76, 88).

Приведенная статья запрещает не переход крестьян, а самовольный вывод должника или бежавшего холопа с нарушением права местного суда. В договорах, следовательно, запрещается самоуправство.

Древнейшую попытку ограничения свободного перехода из княжения в княжение встречаем в Великом Новгороде. В договорах его с князьями, кроме статьи, запрещающей вывод-самоуправство, находим еще и такую:

"А из Бежиц вам, князи (Василию Васильевичу, московскому и сыну его, Ивану), не выводите людей в свою волость, ни из иных волостей Новгородских... ни вашим княгиням, ни вашим боярам, ни купчины" (А. Э. I. N 57, 1456, и гораздо ранее, в договорах XIII в. Р. С. I, N 3).

Это не есть запрещение крестьянам переходить из Новгорода в Москву, а только обязательство, возложенное на московских князей и их служилых людей, самим не перезывать новгородских крестьян. Но можно думать, что новгородцы шли далее и были не прочь и вообще запретить переход своих крестьян в чужие княжения. На эту мысль наводит условие новгородского договора с тверским князем, Михаилом Ярославичем, о выдаче половников:

"А холоп или половник забежит в Тверскую волость, и тех, княже, выдавати" (Р. С. I. N 10, 1307).

Новгородская республика оказывается, таким образом, смелее и решительнее княжеского правительства. Еще в XIII веке накладывает она руку на свободу крестьянского перехода. Московские князья достигают этой же цели гораздо позднее. Можно, однако, сомневаться, что, при существовании свободы перехода во всех других княжениях, новгородцам действительно удавалось осуществлять на деле свои запрещения. На малое практическое значение этих запрещений указывает и то обстоятельство, что статья о выдаче половников встречается в одном только вышеприведенном договоре с тверским князем Михаилом.

Свобода перехода из княжения в княжение предполагает, как свое необходимое условие, свободу перехода в пределах отдельных княжений. От этой свободы отправляются все жалованные грамоты на льготы.

История государственных повинностей служилого и тяглого населения очень мало у нас разработана. Не подлежит, однако, сомнению, что повинности эти распределялись среди населения чрезвычайно неравномерно. Благодаря льготным княжеским грамотам, во всех княжениях было множество привилегированных владений, население которых освобождалось от разных даней и повинностей в пользу князя, и нередко бессрочно. Эти привилегированные владения, натурально, должны были притягивать к себе сельское население. Но переход крестьян с тяглых участков на льготные мог наносить ущерб интересам княжеской казны. Тем не менее и такой переход, по общему правилу, не был запрещен.

Князья только обязывали льготных владельцев не принимать к себе их тяглых людей, или тяглых, даньских, письменных, или просто тутошних волостных и становых людей (А. Э. I. N 17, 20, 60, 102, 1410-1476). Такого рода обязательства, возлагаемые на льготных владельцев, не заключают в себе, однако, запрещения перехода тяглым людям. Они только ограничивают для них область переходов. Крестьяне могли переходить, но не на льготные земли.

Но и такие ограничения встречаются весьма редко и очень понятно почему. Они могли ставить льготных владельцев в условия менее благоприятные, чем те, в которых находились нельготные. При удаленности льготных земель от границы княжения крестьяне "иных княжений" могли к ним совсем не попадать; а ближайших соседей, которые могли быть все тяглые, он не имели права принимать и вследствие этого лишены были возможности развивать свое хозяйство.

Вот почему до нас дошло немало жалованных грамот, в которых нет воспрещения принимать тяглых людей; но льготы даются только для тех крестьян,

которые будут призваны из иных княжений.

В грамоте московского великого князя Василия Дмитриевича Спасскому монастырю читаем:

"И кого архимандрит в той деревне посадит своих людей, купленных, или кого перезовут людей в ту деревню из иных княжений, а не из моей вотчины, из великого княжения, и тем людям, купленным и перезванным, не надобе им на 10 лет ни которая моя дань..." (А. И. I. N 28, 88; А. Э. I. N 31, 36, 41, 95; 1425-1479).

Но князья в своей заботливости о привилегированных лицах и учреждениях шли и далее. Они предоставляли им право перезывать на льготе даже тутошних людей, но на меньшей чем та, на которой перезывались люди из иных княжений. "Тутошним старожилам" давалась, например, льгота на 3 года, а пришельцам из иных княжений на 10, или своим на 9 лет, а чужим на 15 и т.д. (А. И. I. N 25, 36; А. Э. I. N 21, 23, 39, 44, 51; 1418-1453).

Наконец есть грамоты, в которых право призывать предоставляется без всякого различия между своими и чужими. В них одинаковые льготы даются всем "кто имет седети", или "учнет жити", или "кого перезовут". Таких грамот дошло до нас даже более, чем грамот других видов (А. Э. I. N 5, 15, 34, 46, 47, 75, 88, 111, 120, 122, 136, 149, 152, 154, 158, 164, 166, 171; А. И. I. N 13, 15, 83, 87, 108; 1361-1560).

Этот долгой практикой сложившийся порядок вещей нашел свое выражение и в Судебнике 1497 года. Судебник предоставляет право выхода всяким крестьянам, без различия тяглых и нетяглых.

Так было и в действительной жизни. До нас дошла от 1556 года жалоба тяглых государевых крестьян Оштинской волости на то, что их волостные крестьяне уходят на помещичьи земли и от того волостные деревни пустеют (Доп. к А. И. I. N 51, XV). Действительно, от такого перехода волостные деревни пустели и государевой казне причинялся убыток, но переход сам по себе был совершенно законен. Это ясно из другой челобитной (1555 г.) тяглых крестьян, которые жалуются на то, что дети боярские

"Вывозят за собя во хрестьяне жити их крестьян, из Ржевских из черных дерень, не по сроку, по вся дни, безпошлинно" (Доп. к А. И. I. N 56).

Не вывоз здесь незаконен, а то, что он делается не в срок и беспошлинно.

Последнее по времени общее признание исконной свободы крестьян находим в Судебнике 1550 года (ст. 88).

Но имела ли эта исконная свобода крестьян место и в Новгородских владениях? Выше мы видели, что новгородцы стремились к запрещению вывода новгородских крестьян в иные княжения. Если бы крестьяне в Новгороде были уже несвободны, тогда запрещать вывод их также не было бы надобности, как и запрещать вывод рабов. Достаточно было бы упомянуть о выдаче незаконно ушедших, как упоминается о выдаче рабов. Итак, условие о невыводе предполагает уже свободу перехода и в пределах Новгородской территории. Это заключение подтверждается и текстом дарственной грамоты посадника Великого Новгорода, Василия Степановича, монастырю святого Иоанна Богослова. Одаряя монастырь своими страдными землями и пожнями, посадник в конце грамоты говорит:

"А игумену половников посадничих, Васильевых, ни отхожих людей не принимати" (А. Ю. N 110. IV, 1452).

В чем разница между половниками и отхожими людьми, этого мы не знаем. Но посадник одинаково обязывает игумена не принимать ни тех, ни других. И те, и другие, следовательно, могут уйти.

Переходим к рассмотрению условий, на каких крестьяне занимали владельческие земли.

Княжеские уставы и указы не определяли этих условий. Здесь все предоставлялось обычаям и обоюдному соглашению сторон. Если каждый был

свободен продать себя в холопство, то тем более каждый мог сам определить условия найма или сдачи земли в аренду. Это делалось в порядных. Порядная есть договор, в котором владелец земли сдавал в пользование крестьянина определенный участок, а крестьянин обязывался к известным повинностям в его пользу.

Памятники, на основании которых представляется возможность выяснить эти условия, все принадлежат ко времени сравнительно позднему. Главнейшие из них, крестьянские порядные, не старше XVI века. Но порядок, в них обозначенный, конечно, сложился гораздо ранее. Мы тем более вправе сделать такое предположение, что эти сравнительно новые порядные сами ссылаются на существующие уже обычаи и на старину.

Самый простой вид порядных представляют те случаи, когда крестьянин садился на разработанный уже участок с готовыми постройками. Содержание таких порядных исчерпывается определением размера снимаемого участка и принимаемых на себя крестьянином обязанностей за пользование им.

Такова древнейшая из дошедших до нас порядных:

"По милости Божий, Святого Николы Чудотворца Вежитцкого монастыря, а се порядись у игумена Феодосия, яже о Христе, и с братьею крестьянин Федор, Конанов сын, с братьею на старую свою деревню, на обжу земли с четвертью. А давати ему с той деревни оброку в дом Святого Николы Чюдотворца: хлеба, ржи, и овса 5 коробей, в новую меру, из года в год, и из лесапятой сноп, а из Заозерья шестой сноп; а денежная дань по книгам давати; а тиуньски и ключнички пошлины и посельнички давати по старине, как иные крестьяне дают; а иные всякие розрубь давати по грамоте по волостной; а на дело крестьянское ходити, как и прочий крестьяне ходят. Дана порядная лета 7064 году" (А. Ю. N 177, 1556).

Здесь землю нанимает старый крестьянин, который жил на том же месте и прежде. Надо предполагать, что двор и постройки были в исправности, а потому о них ничего и не говорится. Нанимая землю, крестьянин принимает на себя обязанность нести государственные повинности и платить монастырю за землю. О государственных повинностях речь идет в словах: "и иные розрубь всякие давати по грамоте по волостной". Волостная грамота - это и есть грамота, определяющая повинности волостных или тяглых людей. Владельческие же люди тянут в этих случаях с волостными. В других порядных вместо этого выражения читаем:

"А государские подати давати в волость и посошныя службы, по волостной ровности" (А. Ю. N 184, 1586).

Остальные повинности идут в пользу монастыря. Они состоят из разных взносов, натурой и деньгами, и из барщинных работ. Только взносы натурой определены; все остальные повинности крестьянин принимает на себя в том виде, как они установились уже в деревнях Вяжицкого монастыря.

Принятые постройки должны быть содержимы в исправности и восстанавливаемы по мере надобности. В грамоте от 1585 года читаем:

"А во дворе хором: изба нова, да два сенника, да полбани, да польовина; а живучи мне, Иванку, те хоромы не огноити и вновь ставити" (А. Ю. 290. I).

Гораздо сложнее содержание порядных тех крестьян, которые снимали новые земли или давно запущенные старые, постройки которых развалились и нуждались в ремонте. В этих случаях надо было расчистить пахотную землю от лесных зарослей, огородить ее, поправить постройки, а иногда и сделать их вновь. Это все дело съемщика; землевладельцы ничего не строили на крестьянских участках и не приводили их в порядок. В этих случаях наниматель принимал на себя обязательство поля огородить, землю вновь очистить, на дворе поставить избу новую, старую починить и пр. За эти особые работы ему предоставлялась или полная льгота от повинностей в пользу землевладельца на известное число лет, или делалось

некоторое уменьшение этих повинностей. Иногда крестьяне получали еще и подмогу деньгами, хлебом, скотом. Подмога деньгами давалась по полтине, и в 2 рубля, и больше; великий князь Иван Васильевич давал по 5 р. Съемщик земли принимал на себя обязанность привести участок в порядок в течение льготного времени, которое определялось тоже различно: и в 2, и в 3, и в 4 года; князья в своих землях давали льготы крестьянам и до 5 лет (А. Ю. N 178, 180, 182, 183, 187, 1556-1590).

Так как подмога давалась на условии привести участок в порядок, то исполнением этого условия она и погашалась. Если же крестьянин уходил с участка, не исполнив принятых на себя обязанностей, в таком случае он должен был возратить подмогу (А. Ю. N 178, 1556).

Крестьяне, снимающие новые участки или давно заброшенные, являются распространителями сельскохозяйственной культуры. Для землевладельцев - интерес первой важности найти таких нанимателей. За подмогу в несколько рублей и за льготу, которая ничего владельцу не стоит, он получает устроенный крестьянский участок, который, по истечении льготы, будет приносить ему постоянный доход.

Надо думать, что найти нанимателя новых или заброшенных земель на этих выгодных для землевладельца условиях было не всегда легко. Случалось, что крестьяне, соглашавшиеся взяться за обработку нового участка или за приведение в порядок старого, потом отказывались и в назначенный срок не приезжали.

Для предупреждения таких отказов в порядные вносилось условие неустойки.

"А не придем мы на тое деревню на тот срок, и не поставим хором в девяност летнем году, и не станем пашни пахати и навозити, и на нас взяти игумену, Ионы, и с братией за убытки и за волокиту десять рублей московскую и подможные деньги" (А. Ю. 183, 1585).

Цифра неустойки определялась иногда вдвое против цифры подмоги, а иногда и больше.

Подмога выдается вперед. Это есть способ привлечения крестьян.

Но были случаи, когда крестьяне домогались сесть на известный участок. Закключаем это из тех порядков, которыми не выговаривается в пользу крестьянина ни льготы, ни подмоги, а крестьянин, тем не менее, скрепляет ее неустойкой и даже поручительством третьих лиц (А. Ю. 290.1, 1585).

Таким образом, спрос и предложение шли то от землевладельцев, то от крестьян.

От подмоги надо отличать крестьянские займы. Заем (по другим памятникам ссуда) есть процентный долг, который погашается уплатой полученного займа капитала. Договоры о займе не входят в состав порядных. Для этой цели пишется особый акт, заемная кабала. Вот образец такой кабалы.

"Се яз Федор, да яз Олешко, да яз Иванко, Омельяновы дети, Мироедова, заняли есмя у Елацкаго казначея, у старца у Корнилья, полтину денег монастырского серебра казеннаго, великого князя, описного, от Юрьева дни осеннего до Юрьева дни на год. А на то нам серебро давати рост, на пять шестой, а по сроце потому же на пять шестой. А в серебре есмя и в росту все нас один человек: который нас в лицах, на том денги и рост на любом. А на то послуи: Колышка, Дементиев сын, да Федор Репа, Семенов сын. А кабалу писал Лучка, Федоров сын. Лета 7032" (А. Ю. N 235, 1524).

Крестьяне занимали по таким кабалам не только деньги, но и хлеб. Проценты выговаривались иногда только с просрочки*(75).

Те, которые занимали деньги (серебро), носили наименование серебрянников. В древних памятниках немало сохранилось указаний на то, что землевладельцы раздают своим крестьянам деньги в рост. В духовной верейского князя, Михаила Андреевича, читаем: "что мои деньги в моих селех в ростех". В духовной кн. Андрея Васильевича такие деньги названы "ростовым серебром".

Кроме серебра ростового, памятники упоминают еще о серебре издельном. Издельное серебро есть тоже долг из займа*(76), а потому крестьяне, обязанные издельным серебром, тоже называются серебряниками (Р. С. I. N 83). Отличие их от тех, которые платят рост, состоит в том, что вместо роста они работают на кредитора. Отсюда и название "издельное серебро". Это серебро называется еще серебром в пашне (Р. С. I. N 122). Но в счет процентов шли не одни только пашенные работы, а всякие сельские. В договорах займа, обеспеченных недвижимостями, встречаем выражение: "за рост косит". В этих случаях к кредитору переходило право пользования заложенной землей да еще обязанность должника косить луга в этой земле вместо роста. Таким образом, по различию процентного вознаграждения, у нас были займы: служилые (служилая кабала), ростовые и издельные.

В связи с издельным серебром стоит "летнее серебро". Из жалованной грамоты в. к. Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю читаем:

"Я дал те села и деревни и с хлебом и с животиною да половину серебра летнего на людех" (А. И. I N 54).

В других подобных случаях говорится о серебре издельном. Летнее серебро будет означать заем, проценты которого покрываются летними работами. Летним работам могли противопоставляться зимние, например, по лову рыбы.

Псковская судная грамота не употребляет ни слова "подмога", ни слова "заем" в применении к крестьянам. Она имеет свое слово покрута. Слово это означает всякое снаряжение. В новгородских летописях сборы на войну обозначаются выражением "крутится на войну" (IV, 1137 год). Поэтому покрута может означать как подмогу, так и заем, ибо крестьянские займы делаются в сельскохозяйственных целях и могут быть рассматриваемы как средство снаряжения крестьянина. Покрута делается и серебром, и зерном, и рыболовной снастью (ст. 44).

С землями крестьяне снимают и рыбные ловли. В порядной определяется в таких случаях поставка владельцу рыбы:

"Се яз Иван да яз Семен, Петровы дети, из Каргопольского уезда, с Водлозера, порядилися есмь у старца Меркурья, у келаря Кирилова монастыря, половничати, Курголовы деревни на треть обжи да на Согилковы горы на шестой жеребей обжи, и всего на полобжи. И жити нам за Кириловым монастырем. А государев царьской оброк денежной давати постарому, по книгам; а в Кирилов монастырь давати нам с году на год и ставити в Кирилове монастыре на срок, на Рождество Христово, с обжи по три бочки рыбы живопросольная, бочка щучины живопросольная, большия звенья осенняя ловли, а пласти не воблые, да бочка лещевины, да бочка судочины. А не захотим мы тое рыбы на тот срок везти в Кирилов монастырь, коя в сей порядной писана, и нам дати за бочку щучины по 20 алтын, да за бочку лещевины по 20 ж алтын денег, а за бочку судочины 20 алтын денег; а буде Бог пошлет сиговины, ино нам привезти за бочку судочины с обжи полбочки сиговины, а не захотим мы тое рыбы свезти в Кирилов монастырь, коя в сей порядной писана, и нам дати за полбочки сиговины двадцать же алтын денег" (А. Ю. N 176, 1547).

Крестьяне, снимающие рыбные ловли, по Псковской судной грамоте носят наименование кочетников. Кочетник и теперь означает рыбака (Даль).

В порядных определяется иногда срок, когда крестьянин должен занять нанятый им участок; время же продолжительности найма ни в одной порядной не определено. Надо, однако, думать, что и по свойству крестьянского дела, и по существовавшим в старину воззрениям - это были наймы долгосрочные, но без точного определения срока.

Крестьянину не так легко было подняться со своего участка, как уйти с чужого двора наймиту. И к чужому двору люди привыкают, тем легче было привыкнуть крестьянину к своему двору, который он нередко сам огородил и обстроил, а землю к нему расчистил и распахал.

Но формально крестьянин не был связан никаким сроком. Из дошедших до нас порядных видно, что он мог уйти, даже не отсидевши льготных лет и не исполнив принятых на себя из-за подмоги обязательств. Он должен был в этих случаях уплатить подмогу и неустойку, и только.

Есть даже указания, что первоначально не было никакого общего срока для отказа крестьян от найма. Они отказывались и переходили на новые земли, когда хотели. И такой порядок вещей формально утверждался княжескими указами. В грамоте белозерского князя, Михаила Андреевича, путному его человеку, Федору Константиновичу, читаем:

"Присылал ко мне игумен, Еким, и старец, Мартемьян, Ферапонтовы пустыни, и вся братья старца Еустратья, а бил ми челом, а сказывает, что являл им староста волоцкой мою грамоту такову, что им приимати к себе в волость, в твой путь, на Волочек, из Мартемьяновских деревень монастырские половники в серебре межень (среди) лета и всегда" (А. Э. I. N 48, 1450).

Из других грамот узнаем, что крестьяне отходят в Рождество Христово, в Сборное воскресенье, в Петров день, в Оспожин день (Рождество Богородицы) и др. сроки (А. Э. I. N 48, 1450, N 83, 1466; А. Ю. N 10, 1503; Доп. к А. И. I. N 198, 1462).

Переходу крестьянина на другой участок предшествовал отказ его прежнему хозяину. В какой форме делался этот отказ и за сколько времени до перехода, этого мы не знаем. Но не подлежит сомнению, что ни полученная подмога, ни заем не составляли препятствия для отказа. Крестьянин мог отказаться, несмотря на то, что был должен господину. Долг имел следствием иск об уплате подмоги или ссуды, а не иск о возвращении ушедшего крестьянина. Так по Псковской судной грамоте, так и по московским памятникам.

В первой читаем:

"А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и в закличь своей покрутии сочить (искать), серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой или озимой и по отроку государеву или сам отречется" (44).

Государь может искать долгов своих на ушедшем крестьянине, и только.

Последствия неисполнения обязательств, связанных с получением подмоги, определяются в порядных и нами уже указаны. Последствия неуплаты кабальных долгов определяются в самых кабалах и, кроме того, порядками взыскания кабальных долгов.

В кабалах, на случай неуплаты в срок, писалось:

"Который нас (должников, а их было несколько) в лицах, на том денги и рост на любом" (А. Ю. N 235, 1524).

Или, подробнее, крестьяне Прилуцкого монастыря, заняв у казначея того же монастыря монастырских денег, пишут:

"А где нас заимщиков по сей кабале застанет, на коим городе или в коей волости, под коим судом ни буди, тут по сей кабале суд и правез; а кой нас, заимщиков, в лицах, на том денги с росты и с убытки все сполна" (А. Ю. N 253, 1608).

Итак, как из условия о подмоге, так и из ростовой кабалы возникает только иск о возвращении денег и уплате роста и убытков.

Московские князья смягчали иногда даже и эти совершенно натуральные последствия неплатежа по обязательству. В вышеприведенной (с. 189) грамоте белозерского князя, Михаила Андреевича, читаем:

"Являл им (игумену с братиею) староста волоцкой мою грамоту такову, что им (старосте и волостным крестьянам) приимати к себе в волость... монастырские половники в серебре, межень лета и всегда; да кто деи выйдет половник серебряник, ино деи ему платитися в истое на два года без росту" (А. Э. N 48, 1, 1450).

Князь не только позволяет уход серебряникам в серебре, т.е. не заплативши долга; но дает им еще рассрочку на два года и позволяет платить один капитал

(истое) без процентов.

Крайние последствия иска из кабалы заключались в том, что должник, если с правежа не платил по обязательству, отдавался кредитору заживать свой долг.

Уложение определяет, во сколько времени заживается известное количество долга и как кредитор должен обращаться с должником.

"А работати им (которым с правежу окупиться будет нечем) мужескому полу за пять рублей год, а женскому полу за полтретья рубли по году. А кому они выданы будут, и по тех взяти порука с записью, что их не убить, не изувечить" (X, **266**).

Такова участь несостоятельных должников: они должны принудительно работать и могут быть, вследствие этого, биты кредитором. **Уложение** запрещает только убивать их и увечить.

Но таковы последствия несостоятельности в сравнительно позднейшее время. В более глубокой древности несостоятельного должника постигала худшая участь. Его продавали в рабство. Относящиеся к этому вопросу статьи Русской Правды и Судебников приведены выше (**с. 117-118** и сл.).

Указанные последствия иска по кабале дают право заключить, что крестьянин-должник хотя и имел право уйти с занятой им земли, но в действительности уходил в том только случае, если мог уплатить долг. В противном случае ему угрожал иск с его весьма тяжелыми результатами: в древнейшее время рабством, а позднее - правежом и принудительной работой.

Это сравнительно стесненное положение крестьян-должников объясняет ту весьма, конечно, старинную практику помещиков, дожившую, однако, и до эпохи **Уложения**, в котором читаем:

"А которые всяких чинов люди, хотя беглых чюжих крестьян и бобылей за собою укрепить, возмут на них кабалы или записи во многой ссуде..." (XI, **23**).

Из этой статьи видно, что в половине XVII века господа, по соглашению с беглыми крестьянами, брали с них дутые кабалы для закрепления их за собой; до указов же о прикреплении господам действительно приходилось давать крестьянам деньги по кабалам, чтобы затруднить свободный отказ. Это было очень выгодное помещение капиталов. Крестьянин платил 20% (нормальный размер %, существовавший уже в XIII веке) да сверх того был затруднен в уходе.

К отказу прибегали как крестьяне, так и землевладельцы, недовольные крестьянами. Это было обоюдное право. Если крестьянин по отказу землевладельца не уходил, последний обращался в суд и просил о выселении. До нас дошел один такой приговор суда о выселении:

"От великого князя Василия Ивановича всея Руси, на Рязань, Федору Иванову, сыну Ромоданова. Здесе перед нашим дворетцким, поред князем Иваном Ивановичем Кубенским, искал Богословской игумен, Афонасей, с братиею на Иванке на Гридине, сыне Ботурине, а сказывает, что деи тот Ивашко жил за Богословским игуменом на Богословском селище, на Иванчине, на лготе, да лготу отсидел, а пошлин Богословскому игумену с того селища ни которых не платил, ни под суд ся им не дает, а живет в том селище силно. И дворетцкой наш, князь Иван Иванович, в том Богословскаго игумена с Ивашком с Ботуриным судил, да Богословскаго игумена оправил, а Ивашко Ботурина обвинил. И ты б к тому Ивашку к Ботурину ехал, да того б еси Ивашка Ботурина из того селища выслал вон; а срок бы еси тому Ивашку дал возитись вон на месяц. А не вывозится тот Ивашко на тот срок, и ты б его однолично выметал вон часа того. Писан на Москве, лета 7041 февраля в 5 день" (А. И. I. 134, 1533).

Суд назначил для вывоза месячный срок. Надо думать, что и господа при отказе тоже давали срок.

"Отказы" весьма нередко подавали повод к судебному разбирательству. Составители Псковской судной грамоты нашли даже нужным включить в грамоту

особую статью, определяющую порядок решения таких споров:

"А запрется изорник, или огородник, или кочетник отрока (отказа) государева, ино ему (изорнику и пр.) правда дать (крестное целование); а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбной части" (42).

Приведенная статья предусматривает спор по поводу отказа. Изорник, получивший, по утверждению господина, отказ, не съехал в свое время. Из этого возник иск господина к изорнику о выезде и, вероятно, уплате убытков. На суде изорник сказал, что господин ему отказа не заявлял. В этих случаях, говорит статья, предоставляется изорнику право подтвердить свое отрицание присягой. Надо думать, согласуясь с общей системой судебных доказательств по Псковской грамоте, что статья имеет в виду случай, когда господин не привел в свою пользу свидетелей. Если изорник присягнет, государь не доискался и т.д.

Чего не доискался, это не совсем ясно. Господин искал выезда и, надо думать, убытков. Он "не доискался", следовательно, крестьянин до нового отказа остается на земле и не платит убытков. Выражение: "не доискался огородной или рыбной части" легко может быть понято в смысле предлагаемого толкования, если допустить, что рыбник и огородник платили убытки продуктами своего труда. А что значит "четверть"? Она может означать меру сыпучих тел, т.е. тоже часть продуктов изорника, которую господин получил бы в случае обвинения изорника (см. иное объяснение статьи у Энгельмана. Гражд. законы Псковск. судн. грам. 55, и у Буданова. Хрестоматия. Прим. к ст. 42).

Выше мы указали, что не от крестьян только шел спрос на землю: от землевладельцев бывал спрос на нанимателей земли. В источниках находим указания на то, что землевладельцы посылали своих людей (отказчиков) в чужие деревни с тем, чтобы отказывать живущих там крестьян и вывозить их на свои земли (Доп. к А. И. I. N 51 и 56, 1555). Такой "отказ" и "вывоз" делался, конечно, по предварительному соглашению с крестьянином. Если к вывозу прибегал богатый землевладелец, он не затруднялся перевозить к себе и крестьян-должников, погашая их кабалы и заменяя новыми на свое имя.

Переходим к крестьянам, сидевшим на черных, тяглых волостных землях.

Первый вопрос, который здесь возникает, есть вопрос о том, чью собственность составляют земли, на которых сидят черные, тяглые волостные люди? Эти земли составляют собственность великих князей московских. Они были приобретены ими самыми разными способами, начиная куплей и кончая конфискацией. Эти свои земли московские государи оставляли во владении и пользовании тех крестьян, которых нашли на месте и которые сидели там на основании порядных с прежними собственниками этих земель. К этим крестьянам перешло владение и пользование не только той землей, которую они нанимали по порядной, но и всеми угодьями прежних собственников, их лесами, лугами, озерами, реками. Крестьяне, съемщики земель, стали на место прежних собственников. Платеж оброка за пользование этими землями был также определен на новом основании. Прежде каждый крестьянин платил за себя по порядной. С переходом земель к государю платеж стали возлагать на целое крестьянское общество, на всю волость. Последствием этого появилась ответственность волости за исправное отбывание повинностей, а вместе и право ее призывать новых крестьян на пустые земли и оставленные крестьянами участки. Так возникло владение государевой землей крестьянами тяглых волостей. Но земли оставались в их владении до тех только пор, пока это нравилось государю. Если он находил нужным дать им другое назначение, раздать их в поместья или монастырям, он не стеснялся крестьянским владением и передавал земли, кому хотел. С такой передачей отношения волостных крестьян к государевой земле совершенно менялись. Из владельцев на себя они обращались в работников нового владельца. Пока существовало право перехода,

они сохраняли личную свободу и могли или остаться на землях нового владельца, или уйти с них; после прикрепления земли раздавались с населявшими их крестьянами*(77). Но права крестьян на государевы земли во все то время, в течение которого они находились в их владении, не были точно определены и нередко выходили за пределы простого владения и пользования. В этом отношении древность наша представляет явления, которые никак нельзя подвести под известные нам понятия собственности и владения. Картина отношений к этим землям великого князя, тяглой волости и отдельных ее членов представляется весьма пестрой. Приведем относящиеся сюда свидетельства памятников. В недостаточной их определенности и заключается причина как тех разнообразных взглядов, которые высказываются в нашей литературе по поводу прав крестьян на волостные земли, так и того мнения, которого я держался в первом издании этого тома "Древностей". Только писцовые новгородские книги конца XV века дают твердое основание для решения этого вопроса. Разработке их я и посвятил статьи о древностях русского землевладения, на которые указал в примечании.

Весьма нередко крестьяне совершенно правильно называют волостные земли "государевыми" и также правильно определяют свое к ним отношение, говоря, что земли эти находятся в их владении. Крестьяне Антон, Нечай да Иван, Степановы дети, в отступной грамоте пишут:

"Ступилися есмь земли великого князи, а своего владения" (А. Ю. N 23, 1571).

Но также часто, если еще не чаще, крестьяне называют такие земли просто "своими" или "нашими волостными" такой-то волости.

Староста залесский, Андрейко, в споре с Троицким монастырем говорит:

"А те, господине, наволоки тянут к нашей земле, к Овсянниковской, к тяглой, к черной из старины. А как, господине, у нас отняли те наволоки старцы Троицкие, тому есть лет с двадцать" (А. Ю. N 4, 1490).

Или:

"А бывал тот деи лес искони век Куские волости" (А. Ю. N 172, 1587).

Но не только крестьяне называют государевы земли своими, они называются так и в государевых грамотах. В грамоте великого князя Ивана Васильевича к Третьякову Гневашу написано:

"Бил нам челом Ферапонтова монастыря игумен Гурей с братиею на Словенского Волочка крестьян... да на Ципинския волости крестиан... да на Иткольския волости крестиан, что деи те крестиане Словенского Волочка вступаются у них в их монастырские починки, в починок Данилов и т.д. Ципинския волости крестиане вступаются у них в монастырские деревни, в деревню Борбошино и т.д., а Иткольские волости крестиане вступаются у них в монастырские починки, в починок Якушево и т.д., перелезши деи за межу, землю пашут, и лес секут, и пожни косят; а называют деи они те земли, и лес, и пожни, и починки, и деревни своею землею к своим волостным деревням. Мы, в тех землях и починках и в деревнях... дали судью тебя, Третьяка Гневашова, а Словенскаго Волочка крестьяне и Ципинские волости крестьяне и Иткольские волости крестьяне взяли судью Михаила Лукина, сына Волошенинова, - и ты бы с тем судьей свестяся... тех бы земель досмотрели и обыском обыскали, чья то земля, и лес, и пожни, и починки, и деревни - изстари?" (А. Э. I. N 209, 1546).

Дело идет о волостной, т.е. государственной, земле, но оно так ведется, что и подумать нельзя, что в нем затронуты интересы государя. Истцом является монастырь, ответчиком - волостные крестьяне. Дело подлежит рассмотрению третьей инстанции. Судьи должны решить, чья земля, монастырская или волостная. Интересы государя, как землевладельца, совершенно не представлены. Что земля государственная, об этом и речи нет. А сам государь стоит ближе к интересам монастыря, чем к своим собственным. По просьбе монастыря он назначает от своего имени

третейского судью, долженствующего защищать претензию монастыря.

И такова обыкновенная практика того времени. В исках о волостной земле истцами и ответчиками постоянно являются волостные крестьяне, а не казна. Ее представителя на суде не бывает, интересы ее никто не защищает. Судьба волостной земли обсуждается на суде так, как бы государю до этой земли не было ни малейшего дела.

Истцами по поводу захвата волостной земли в 1490 г. выступает староста залесский и все крестьяне залесские, в 1498 г. Ликуржской волости крестьяне, Мартышко Ларионов, да Ермолка Федоров, да Анцифарик Антонов, как представители всех крестьян Ликуржской волости, в 1503 - Локомский староста, Оброско Кузмин сын, то же во всех крестьян место Локомской волости и т.д. (А. Ю. N 4, 8 и 9). Приговор суда составляется в пользу или против именно этого истца, волости, в лице ее представителей, а не государя-собственника. А между тем в силу такого приговора земля нередко перестает быть волостной, делается монастырской вотчиной или переходит в собственность иного частного владельца. При таком порядке судебной защиты легко было принять волость за собственника, тогда как она только владелец.

Но что же такое сама волость? Мы уже знаем, что слово это употреблялось в очень разных смыслах. Целое княжение и его административные деления называются волостью, называется так и частная поземельная собственность. В новгородских писцовых книгах крупные поземельные владения больших сведеных бояр называются их волостями, а мелкие волостками. С этими названиями переходят они и к великому князю Ивану Васильевичу, который иногда соединяет в одну несколько небольших волостей. Волость, следовательно, есть некоторая территория, составлявшая прежде чью-либо частную собственность; она населена крестьянами, которые прежде нанимали под пашню отдельные ее участки. С точки зрения населения волости, она представляет в период свободы крестьянского перехода нечто довольно неопределенное. Волость, как население, составляется из наличного числа крестьян. Но число это от времени до времени меняется, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Увеличивается оно путем обыкновенного прироста и приселения новых членов, а уменьшается свободным выходом и смертью. В одном судебном деле крестьяне-истцы говорят:

"Волость, господине, Ликуржская запустела от великаго поветрия. А те, господине, деревни и пустоши волостные розоймали бояре и митрополиты, не ведаем которые, за себя тому лет сорок. А волостных, господине, деревень Ликуржских тогда осталась одна шесть деревень с людми; а нам, господине, тогда было не до земель; людей было мало, искати не кому" (А. Ю. N 8, 1498).

Таким образом, с уменьшением населения волости может уменьшаться и размер ее поземельного владения. Пустующие земли легко разбирались соседями.

Это-то наличное количество крестьян и владеет волостными землями. Если земель более, чем сколько им нужно, они сдают их внаем (Доп. к А. И. I. N 84, 1555) или принимают в свой состав новых крестьян.

Поселение новых крестьян на волостных землях совершалось, как и на владельческих, посредством договоров. Но эти договоры несколько отличаются от выше рассмотренных. В них также обозначается размер снимаемого участка, и если он заброшенный или совсем новый, то дается льгота. Но платежей в пользу волости-собственника не выговаривается. Крестьянин, следовательно, садится на волостную землю не как наниматель, а как член волости. Он обязывается только к платежу государевых даней "со крестьяны вместе". Выгода волости при такой сделке заключалась единственно в облегчении ее податной тягости. Возложенные на нее дани, натуральные повинности и разные службы распределялись в таком случае на большее число тягловцев.

В единственной дошедшей до нас порядной этого рода встречаем обязательство крестьянина, уходя с волостной земли, посадить на свой участок "инога жильца". Но неисполнение этого условия не лишает крестьянина права перехода, он обязывается только уплатить неустойку "старосте в мир рубль денег" (А. Ю. N 187, 1596).

Трудно допустить, что волость давала подмогу или ссуду новым крестьянам. Нет указаний на то, чтобы в волостях существовали какие-либо волостные капиталы для таких целей.

Теперь возникает вопрос об отношениях к волостной земле отдельных членов волости. Какие их права на волостные земли?

Древность дает удивительный ответ на этот вопрос. Отдельные члены волости владеют своими участками потомственно, распоряжаются ими на случай смерти, продают их и закладывают, дарят в монастыри, в случае спора являются истцами и ответчиками, а суды либо признают эти участки за ними, либо отсуждают их в пользу третьих лиц, членами волости не состоящих, и без малейшего внимания к правам целой волости. Свои участки волостной земли они называют "землями великого князя, а своего владения".

Вот акт продажи отдельного крестьянина на волостную пожню:

"Се аз, Тимофей Иванов, Сын Дорофеева, отступился есмы цареви великого князя земли, а своего владения, пожен своих, Мартемьяну, Еремееву сыну, Вешнякову; а те мои пожни с Киром, с братом, по половинам. А те мои пожни на Верхней реки... (указаны границы). А взял есми на тих на своих пожнях четыре рубля денег московским числом. А отступился есми ему тих своих ножен в дернь, без выкупа. А в очищении тем своим пожням яз, Тимофей, Мартемьяну от купчих и закладных, и во всем в снимки в тих своих пожнях. А не измогл есми с тих своих пожнь потугов платити, ни дани. А на то послуши: Кирило Орел, Иванов сын, Дорофеева да Иван, Дмитриев сын, Коряка. А отступную писал дьяк Климяской Будаец, Михайлов сын, Попов. Лета 7065. Ноябрье 25 день" (А. Ю. N 136, 1556).

Волостные земли делятся между сонаследниками. В судебном списке 1571 года напечатан отдельный акт 1532 года:

"Се яз, Назарья, Офонасьев сын, да яз, Есип, да яз, Григорей, да яз, Валфромей, Филиповы дети, да яз, Елизар, Федоров сын, да яз, Василей, да яз, Павел, да яз, Иван, Онкудиновы дети, да яз, Омос, да яз, Онтон, да яз, Иван, Стефановы дети, да яз, Ларион, Стефанов сын, розделили есмя животы отцов своих: кони, и коровы, и овцы, хлеб и деньги, котлы и сковороды, и суды и седла, и весь живот без вывета, и земля в Карзине курьи, свое владение, и серебряное. Все земли есмя розделили в Карзине курьи по третям, дворы и дворища. Двор Назарьи да Есипу с братьею с нижняго конца и т.д. Не в делу у нас вобчего живота осталось: на Луды двор да лодья с якорем, да в Ислохом конце деревня, Омосова купля, и т.д. Да кабалы вобчиа не делены. На то послуши... А писал сию делную Харлампейко, Семенов сын. Лета 7039" (А. Ю. N 23).

В 1537-1538 годах эти наследники, не в силах будучи "с тое земли дани давати великаго князя, ни службы служити, ни волостных розрубув" тянуть, продали свои участки двум братьям, Тимофею да Гавриле Барсану Селяверстовым. В двух актах отчуждения сказано, что продавцы будут всякие дани давать и службы тянуть до следующего года. По истечении же года уплата тягла, следовательно, переходит на покупателей. В 1558 г. Селиверстовы подарили свои участки, три купленные ими доли, в дом Пречистой Матери Божьей и Николы Чудотворца в Корельский монастырь. В дарственной ничего уже не говорится о государевом тягле.

Тяглая земля перешла, таким образом, в руки привилегированного собственника. Государева казна и волость могли понести убыток, но никто не протестовал.

Через 10 лет, в 1568 г., Корельский монастырь предъявил иск Перше Трубину, доказывая, что он сидит на подаренной монастырю Селиверстовыми земле и пашет эту землю два лета сильно.

В качестве ответчика суд вызывает Першу Трубина, а не представителей волости. Перша говорит, что он отвечает за собь в своей доли, что он живет в своем дворе и на своей земле, а не на монастырской. Но Перша не доказал своего права, и суд присудил спорную землю монастырю. Потерял от этого не один Перша, но и вся волость, но об ее интересах на суде и речи не было. Судьи и не задумались над правом Селиверстовых подарить монастырю тяглую землю.

А судьи были не приказные люди, местных порядков не знающие, а двинские выборные.

Но совершенно также поступают и приказные судьи. В 1534 году Ферапонтов монастырь предъявил иск к нескольким крестьянам Есюнинской волости. Он доказывал, что Гридя Череп с товарищами (всего в деле перечислено 12 человек, считая в этом числе и сыновей при отцах, 5 человек) перелезли за волостную межу, секут монастырский лес и пашни пашут и сена косят сильно уже третий год. Хотя иск был предъявлен не к волости, а к товариществу, но дело шло о волостной земле. Ответчики говорили: "то, господине, земля, на которой стоишь, Божия да государя, великого князя, Есюнинские волости; а роспаша и ржи наши, а пашем, господине, те леса мы", и ссылались на старожильцев, которые знают межи Есюнинской земли с монастырскими. Несмотря на то, что дело касалось интересов волости, государевы судьи не вызвали представителей волости, а ограничились вызовом к ответу членов частного товарищества, указанных истцами. В решении же читаем:

"И по великаго князя слову, Ивана Васильевича всея Руси, и по великаго князя дворецкого докладу, князя Ивана Ивановича Кубенского, и по судному списку, судия, Федор Гневашов, присудил: ищейным старожильцом Ферапонтова монастыря, Ефиму Окулову и пр... ийти с иконою по межам и спорную землю отвести от Есюнинские волости к Ферапонтову монастырю".

Границы волости при этом отводе, конечно, должны были пострадать, но до этого нет никому дела, а всего, кажется, менее самому великому князю и его дворецкому. Права отдельных членов волости совершенно заслоняют права целой волости. В спорном месте волостной землей владеет Гридя Череп с товарищами, они одни и ответчики, как в предшествовавшем случае отвечал один Перша Трубин.

Древность вовсе не была занята логическим построением юридических понятий, а потому тогда и было возможно невозможное и непонятное для нас. Но логика не может быть нарушаема безнаказанно. Крайнее развитие прав отдельных членов волости на счет целой волости должно было неминуемо вести к ослаблению и разложению волости. Отдельные члены разрывали ее на части.

Первые зачатки такого поразительного порядка вещей можно видеть в старых новгородских писцовых книгах. Возлагая платеж оброка на целую волость и предоставляя ей пользование угодьями, писцы впервые создают права целой волости на землю. Но отдельные участки волостных земель описываются подворно за отдельными крестьянами и поименно. Это их участки, они за ними в книгах записаны. Отсюда легко могла возникнуть та широкая практика по части распоряжения волостными участками отдельных членов волости, на которую мы указали.

Но неужели правительство не находило такую практику несогласной с существом дела и не принимало никаких мер к ограничению распоряжений землями великого князя без его согласия? Принципиальные вопросы не занимали наших древних юристов, но за вопросами пользы государевой казны они следили зорко. А с этой точки зрения переход черных земель к людям не волостным представлялся невыгодным и вызывал некоторые правительственные мероприятия.

Приобретателям тяглых земель ставилась такая альтернатива: они должны или тянуть вместе с черными людьми, или взять свои деньги назад и вернуть земли. Если выкуп невозможен, земли, при нежелании покупателя тянуть тягло, возвращаются даром.

"А кто будет купил земли данные, служни, или черных людей, по отца моего животе, по князя великого по Иванове, а те, хто взможет выкупити, и не выкупят, а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людем. А кто не въсхочет тянути, ине ся земель съступят, а земли черным людем даром" (Р. С. I. N 33, 1388).

Если продавец выкупить не может, покупатель обязан тянуть черное тягло. И так, правительство само допускает продажу, но с условием, чтобы тягло не терялось. В этом смысле, конечно, надо понимать и статью договоров московских князей, которая еще со времен Рейца приводится в доказательство прав собственности черных людей на черные земли. По этой статье князья обязываются:

"Черных земель не купить" (Рум. Собр. I. N 33, 1388).

Эту статью надо так объяснять. Продажа черных земель допускается с переносом тягла на покупателя. Но переносить тягло на владельца князя-покупателя неудобно, а потому князья и договариваются черных земель вовсе не покупать. Это специальное воспрещение покупки, вообще дозволенной.

Распоряжения в духе приведенного повторяются из века в век и доживают до XVII столетия. Грамота Михаила Федоровича в Устюжну Железопольскую от 1614 года содержит постановление, очень близкое к только выписанному:

"А кто учнет жити на черной земле, сын боярской или приказной человек, или митрополичь, или владычнь, или монастырьской, или чей кто ни буди: и те люди волостелю устюженскому и его тиуну судимы и тягло им с тех дворов, оброки и всякие разметы тянути по вытно, что на них целовалники положат" (А. Э. III. N 37, 1614).

Но дети боярские и дворяне неохотно подчиняются этому распоряжению и не тянут тягла с черными людьми. Посадские Устюжны Железопольской в 1623 году доносят Михаилу Федоровичу:

"В прошлых де годех дворяне и дети боярские и всякие съезжие уездные люди покупали на Устюжне в остроге, для осадного времени, у посадских людей дворы и посадскую землю, пашни и пожни, и в рядах лавки тяглыя... а наших де податей с нами, с посадскими людами, с тех своих дворов и с лавок и с земли не тянут" (А. Э. III. N 138).

Этим нежеланием служилых людей тянуть черное тягло надо объяснять то, что московское правительство с начала XVII века начинает принимать более решительные меры к ограждению своих фискальных интересов. Оно начинает запрещать черным людям продавать свои недвижимости белым людям без именного государева указа (П. С. З. N 1157, где приведен такой запретительный указ от 1626 года). Практические соображения привели, наконец, к правильной постановке дела, хотя и в ограниченном смысле: государевы земли нельзя продавать белым людям без государева разрешения, тяглым же людям - можно по-прежнему. Но в силу укоренившейся привычки продажа тяглых земель без разрешительного указа продолжается и после запрещений. Это вынудило правительство назначить послушникам новых указов тяжелые наказания; в **Уложении** читаем:

"А кто продаст или заложит белым людем тяглый двор, и те дворы имати и отдавати безденежно в сотни, а по закладным, у кого те дворы были заложены в деньгах, отказывати. А кто черные люди те свои дворы продадут или заложат, и тех черных людей за воровство бити кнутом" (XIX, 39).

Но и наказания не достигали цели. Даже правительственные учреждения считали акты отчуждения черными людьми своих недвижимостей беломестцам действительными и принимали их к записке в книги. Так поступал, например,

Земский приказ еще в 1672 и 1680 годах. А в 1681 г. государь, царь и великий князь Федор Алексеевич дозволил беломестцам, в противность прежним указам, владеть черными землями, до 1681 года приобретенными и в Земском приказе за приобретателями записанными, на условии платежа одних мостовых денег (П. С. З. 887). Это, впрочем, специальный указ; он имеет в виду только городских тяглых людей.

Возвращаемся на прежнее.

Участки или доли земли отдельных членов волости были далеко не одинаковы. Если крестьяне вновь садились на волостную землю, то, как и при найме владельческой земли, каждый брал себе столько, сколько находил нужным. Впоследствии этот участок мог увеличиться путем распашки нови и разработки лесных зарослей или путем покупки культивированных уже участков и, наоборот, мог уменьшиться дележом между сонаследниками, продажей, дарением и пр. Таким образом, в волости могли быть крестьяне, которые владели участками разной меры, и а некоторые и столь значительными, что должны были обрабатывать их наймом. До нас дошла одна такая порядная. Мы указали выше крестьян, Тимофея и Гаврилу Барсана Селиверстовых, скупивших в 1537-1538 годах три доли земли в Карзине Курьи. Один из продавцов в 1544 г. нанялся у покупателей пахать на них часть купленной ими у него же и его родственников земли и засеять ее.

Вот эта порядная:

"Се аз, Елизарей, Федоров сын, Трубин, Лисестровец, порядился есми Тимофею и Барсану, Селиверстовым детям, в Карзину Курью великого князя, а своего же владения (бывшего), от Елизара (от него же, продавца) шло пять веревок, а другая пять вервей шла от Онтоня и от Ивана, от их же сродичев ("их" не описка, а поставлено потому, что Елизарий продал свою долю, пять веревок, не один, а вместе с совладельцем и родственником своим, Павлом Онкиндиновым; Антон и Иван сродичи Елизара и Павла), и яз Елизар порядился на всю десять вервей, а сеяти мне на них шесть пудов жита урком. А приедут писцы великого князя и мне, Елизару, и моим детям на той земли не описыватися. А на то послуси... А порядную писал... Лета 7052 генваря в 28 день" (А. Ю. N 23, 1544).

В 1571 году сын этого Елизара, Перша, показывал на суде, что у отца его была еще и своя земля.

Приведенная порядная, по всей вероятности, была написана, главным образом, с целью оградить право Селиверстовых. Поручая обработку купленной ими земли одному из бывших владельцев, они опасались, как бы он при описи не показал ее своей. Этой исключительной целью и может объясняться неполнота порядной, в которой ничего не говорится о плате за труд.

В одной грамоте половины XV века находим даже указание на то, что отдельные волостные крестьяне сажали на своих землях других крестьян на тех же основаниях, как это делали монастыри и иные частные владельцы. В грамоте на Белоозеро сотнику городскому и всем христианам и старостам великий князь, Иван Васильевич, предоставляет возить за себя монастырских серебрянников, заплатив за них серебро (А. Э. I. N 73). Кто же будет платить долги серебрянников? Мы не видим возможности допустить, что на условии платежа долгов будет возить волость в целом. Наши волости не выработали необходимой для таких общих дел организации. Здесь, конечно, разумеются отдельные крестьяне, которые на свои участки вывозят монастырских крестьян.

Наша древность не знала резкого обособления города от деревни. Крестьяне жили не в деревнях только, они жили и в городских посадах и имели там дворы, лавки и занимались торговлей и хлебопашеством, а с другой стороны, посадские люди имели пашни и занимались крестьянским делом и торговлей.

В описи города Каширы читаем:

"Да на Кашире же по загородью и на посаде места дворовые, что были черные тяглые.... а крестьяне померли в лихое поветрие, а иных поймали татарове, а достальные люди разошлись по селам и по деревням... наши посадские перелогу к черным дворам и кустарем поросло 785 четьи в поле..." (Калачев. Писц. кн. XVI в. II. 1304).

В платежной книге города Переяславля Рязанского написано:

"В городех Переяславле у Рязанских ворот лавки и прилавки и анбары с разными товары, а в них торгуют: пушкари, и затинщики, и стрельцы, и воротники, и казенные сторожи, и ямщики, и дворники, и из сел крестьяне, и казаки, и бело дворцы".

"От Рязанских ворот, в город едучи, на праве: лавка вдовы Марьи Пушкаревой, Ивановой жены... лавка Андреева крестьянина Петровича Клешнина Максимка, оброку 4 алтына 5 денег" (А. до юр. б. N 141, 1596).

В дозорной книге Чаронской округи читаем:

"Да на Чаронде же гостин двор... А ставил тот гостин двор Дмитриев человек, Годунова, Второй Хомутов, и лавки велел ставити посадским и волостным крестьяном. А ныне стоят в пусте, что торгу нет, не торгуют ни чем, что на посаде и в волостях многие люди, кои лавки ставили, высичены и животы пограблены".

"Да на Чаронде же дворы возле озеро были ставлены а ставили волостные крестьяне для торгу..." (А. до юр. б. N 128. II, 1615).

Городскими местами, дворами и угодьями, которые тоже были тяглые, черные, крестьяне и посадские люди также распоряжаются по своему усмотрению, как и волостными землями. У Соли на посаде одни посадские дарят в Троице-Сергиев монастырь свои посадские дворы, другие места дворовые, на которых монастырь устраивает свои варницы, у третьих монастырь покупает и дворовые места, и варницы. Вновь приобретенные дворы монастырь сдает бобылям, которые платят ему оброк, а прежние владельцы, посадские люди, платили с них оброк в государеву казну (Писц. кн. XVI в. I. 923).

Выяснив отношение крестьян к волостным землям, перехожу к вопросу о крестьянском выходе.

Право крестьянского перехода, при обилии земель и сравнительном недостатке рук, при возможности для богатых собственников предлагать крестьянам более выгодные условия, чем это могли сделать небогатые, - не могло одинаково всем нравиться. Были недовольные. Князья получали жалобы на переход. Жалуются и привилегированные владельцы, и волостные крестьяне.

Результатом таких жалоб являются ограничения крестьянского перехода, устанавливаемые в известной местности и только для крестьян известного владельца.

Древнейшие из дошедших до нас ограничений этого рода относятся к половине XV века.

Мы уже знаем, что белозерский князь, Михаил Андреевич, дозволил волоцким тяглым крестьянам принимать к себе монастырских серебрянников Ферапонтова монастыря в течение всего года и с чрезвычайными льготами по уплате долгов (с. 189). Это не нравилось монастырю. Он жаловался князю на неудобства такого порядка и просил об отмене. Князь соизволил. Он подернул полетную грамоту и предписал монастырских серебрянников принимать на один срок в году, о Юрьеве дне осеннем, и не иначе, как по уплате ими серебра.

"И яз пожаловал игумена, Екима, и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы (путный боярин Федор Константинов) монастырских людей, серебрянников, от Юрьева дни до Юрьева не принимал, а принимал бы еси серебряники о Юрьеве дни о осеннем, и который пойдет о Юрьеве дни монастырских людей в твой путь, и он тогда и денги заплатит. А ту еси полетную подернул. А игумену еси и всей братьи

от Юрьева дни до Юрьева дни из своих деревень серебряников пускать не велел, а велел есми им серебряников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни. А которые будут вышли в монастырском серебре в твой путь, и они бы дело доделывали на то серебро, а в серебре бы ввели поруку (поручителей в верной уплате), а осень придет, и они бы и серебро заплатили. А прочет сию грамоту да отдай назад игумену Екиму, и старцу Мартемьяну и всей братьи" (А. Э. I. N 48, I).

Таким образом, для монастырских серебрянников Ферапонтова монастыря уже в конце XV в., за сто лет до первого Судебника, установлен один срок перехода в Юрьев день, да и этим сроком можно пользоваться, заплатив долг, а задолженным нельзя отходить.

Нуждается в разъяснении выражение: "доделывать дело на то серебро". Здесь, конечно, разумеется серебро издельное. А потому крестьяне, ушедшие с монастырских земель без погашения своего долга, должны продолжать свои работы (вместо процентов) на монастырских землях до уплаты долга в назначенный срок.

Тому же князю принадлежит и другая грамота, в которой Юрьев день признан общим сроком для перехода не только серебрянников, но и таких крестьян, которые землевладельцу ничего не были должны. Серебрянники же, как и в первой грамоте, не уплатив серебра, не отходят. Грамота дана по жалобе Кириллова монастыря и составляет его привилегию.

"Бил ми челом отец мой, игумен Касьян, а сказывает, что у него отказываете людей монастырских, серебряников, и половников, и рядовых людей, и юрьевских, а отказываете не о Юрьеве дни, иных о Рождестве Христове, а иных о Петрове дни. И вы бы так серебряников, и половников, и слободных людей (жителей льготных поселков, слобод) не отказывали, а отказывали серебряники и половники о Юрьеве дни, да и серебро заплатит; а после Юрьева дни отказа от серебряника нет, а коли серебро заплатит (на Юрьев день), тогда ему и отказ. А игумену есми серебряника после Юрьева дни пускати не велел. А кто сей моей грамоты ослушает, быти от меня в казни" (А. Э. I. N 48, II, 1450).

Тому же Кириллову монастырю дана такая же привилегия великим князем Василием Васильевичем, подтвержденная потом и его сыном (там же, III).

Великий князь Василий Васильевич пошел и дальше. От него сохранились две грамоты, которыми он дает право Троице-Сергиеву монастырю вовсе не выпускать (старожильцев) крестьян из села Присек, Белозерского уезда, и из всех монастырских сел в Углицком уезде (А. И. I. N 59, 1455; А. Э. I. N 64, 1460, перепечатана в А. до юр. б. I. N 37). Таким образом, в половине XV века уже сделан первый опыт прикрепления крестьян, по челобитью монастыря, конечно. Хотя это и исключительные случаи, но они обнаруживают тенденцию землевладельцев и волю князей оказать ей поддержку.

Последняя ограничительная грамота из древнейших, до нас дошедших, принадлежит великому князю Ивану Васильевичу. Она дана Кириллову монастырю. В ней идет речь только о серебрянниках, она запрещает вывоз их без уплаты долга (А. Э. I. N 73).

Таких ограничительных грамот могло быть и много. Но сколько бы их ни было, они, устанавливая исключение из общего порядка, только подтверждают обычное право крестьянского перехода во всякие сроки и без уплаты долгов.

Несколько особое положение занимает грамота великого князя Ивана Васильевича, относимая издателями ко времени от 1466 по 1478 г. По жалобе Спиридония, игумена Троице-Сергиева монастыря, на то, что из монастырских Шухобальских сел крестьяне вышли "сей зимы о Сборе, великий князь приказывает вывезти этих крестьян да посадить их по старым местам, где кто жил, до Юрьева дни до осеняго" (А. Э. I. N 83). И в предшествующих грамотах Юрьев день, задолго до первого Судебника, является сроком, которым князья в отдельных случаях

ограничивают крестьянский переход. Весьма вероятно, что такое ограничение последовало и для крестьян Шихобальских сел Троицкого монастыря. Но эта грамота имеет важное значение совершенно в другом отношении. Она содержит в себе чрезвычайно любопытное указание на случай возвращения на прежние места крестьян, ушедших до срока.

Этот порядок вещей в Московской Руси продолжается до издания Судебника 1497 г., в котором находим первое известное нам общее для всех крестьян ограничение перехода.

"О христианском отказе. А христианом отказыватися из волости (в волость) и с села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего (26 ноября) и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да пойдет прочь, и он пол двора платит; а три года поживет и пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит".

Таково первое общее определение крестьянского перехода. Крестьянам для выхода дан двухнедельный срок, но и на этот срок переход не был свободен. Крестьянин должен был уплатить "пожилое" за пользование двором. Что это, новость или только оформленная старина? Прежде крестьянин обязывался сдать двор в исправности, но не платил за пользование двором. Возвращение двора в исправности могло, конечно, подавать повод к спорам и искам, справедливое решение которых было крайне затруднительно по затруднительности точно выяснить первоначальное состояние двора. Думаем, что для устранения этих споров и установлено пожилое. Составители Судебника отпращивались от той мысли, что не твердый на своем участке крестьянин постоянно разрушает свой двор. Предполагается, что к исходу четвертого года такой крестьянин должен сделать его негодным к употреблению, а потому за четыре года с него и берут всю цену двора.

Случаи применения закона, однако, не вполне ясны. Как поступали с теми крестьянами, которые не получали готового двора, а сами его вновь строили, а через два-три года находили выгодным уйти?

Второй Судебник увеличивает размер пожилого:

"В поле за двор рубль да два алтына, а в лесе, где десять верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына" (88).

Вдобавок к пожилому он устанавливает еще сбор в пользу землевладельца в размере двух алтын с каждого воза, на котором крестьянин увозил свою рухлядь. Это уже чистая новость: налог на крестьянскую зажиточность.

Кроме этого, в царском Судебнике, в разрешение возникавших, по всей вероятности, пререканий, сделаны еще следующие добавления:

"А пожилое имати с ворот (а не с каждых хором, как некоторые, вероятно, требовали). А за повоз (воз) имати з двора по два алтына, а опричь того на нем пошлин нет. А останется у котораго крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или стоячего, даст боран два алтына (в пользу землевладельца). А по кои места была рожь в земли и он подать цареву и великого князя платит со ржи. А боярского дела ему, за кем жил, не делати" (88).

Но ни первый, ни второй Судебник ничего не говорят о крестьянах-должниках и не повторяют прежде появлявшихся от времени до времени запрещений ухода должникам до уплаты долга. Надо полагать, что такие запрещения так и остались частными мерами, не перешедшими в общий закон. Серебренники могли уходить и после Судебников, не платя долга.

От второй половины XVI века до нас дошли жалобы волостных людей на то, что крестьян из их "черных деревень вывозят не по сроку, по вся дни, безпошлинно" (Доп. к А. И. N 56). Любопытно здесь указание на то, что установленные

Судебниками пошлины брались и волостями. Но какие пошлины брали волостные крестьяне? Брали ли они пожилое и за повоз? На это трудно отвечать с полной решительностью. Но не может подлежать сомнению, что подать царя и великого князя со ржи бралась и волостными крестьянами. Писцовые книги конца XVI века (1580), говоря о выходе дворцовых крестьян, упоминают только уплату пошлины "у ржи". Это именно та подать царя и великого князя, о которой говорит второй Судебник. О пожиле же и повозе писцовые книги не говорят. Можно думать, что крестьяне, сидевшие на государевых землях, их и не платили.

Псковская судная грамота, устанавливая общие правила для перехода крестьян, значительно опередила московское законодательство. Псковские законодатели шли впереди московских если не на целое столетие, то по крайней мере на 30 лет (1397-1467).

Общий срок перехода в Псковской грамоте определен весьма близко к сроку Судебников:

"А которой государь захочет отрок дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговейне (14 ноября). Також захочет изорник отречися с села, или огордник, или четник, ино томуж отроку быти, а иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от огородника".

Со стороны редакции статья эта составлена гораздо лучше соответствующей статьи Судебников. Она прямо и даже с особым ударением говорит как об отказе крестьян, так и об отказе господ крестьянам, и устанавливает для того и другого случая один срок. Московские Судебники говорят только о сроке крестьянского отказа. Можно поэтому думать, что московский землевладелец мог отказать своему крестьянину, когда хотел. И формально это, действительно, так. Но мы сомневаемся, чтобы московское правительство именно преследовало такую цель. Оно принимало меры против вопиющих неудобств, а таким неудобством, с точки зрения правящего класса, был бессрочный выход крестьян. При редкости населения, при обилии пустых земель и неравномерном распределении повинностей крестьяне имели гораздо менее побуждений дорожить землевладельцем, чем землевладельцы дорожить крестьянами. В памятниках есть немало указаний на то, что крестьяне уходят бессрочно, что землевладельцы не выпускают крестьян даже в сроки; но чтобы они их разгоняли в сроки или без сроков, этого не видно. Если это иногда и случалось, это были случаи исключительные и едва ли частые.

Постановлений о "пожиле" и "повозе" в Псковской грамоте нет. Но в ней есть статья, регулирующая расчеты землевладельца и крестьянина в момент прекращения последним найма земли:

"А который изорник отречется у государя села или государь его отрьчеть, и государю взять у него все половину своего изорника, а изорник половину".

По буквальному смыслу статьи все имущество изорника, при уходе его, делится между ним и господином поровну. Дележ всего имущества пополам кажется нашим исследователям совершенно невероятным, и потому они принимают здесь дележ поровну только последнего урожая. В доказательство правильности такого толкования, одни (проф. Буданов) ссылаются на рассмотренную уже нами на с. 192 статью 42, другие (проф. Энгельман) на статью 87, предоставляющую изорнику право искать с господина своих движимостей.

Дележ всего имущества пополам и нам представляется маловероятным. Речь, действительно, может быть, идет о дележе только последнего урожая. К половникам такой способ расчета прекрасно применяется. Но разве в Пскове все были половники?

То, что не договорено Судебниками о крестьянах-должниках, ясно высказано Псковской грамотой: долг крестьянина не мешает его выходу; у землевладельца только иск об уплате долга (см. **с. 189**).

Итак, общие законодательные памятники конца XV-го и середины XVI века допускают крестьянский выход даже для крестьян-должников, но приурочивают его к одному определенному сроку.

Теперь возникает вопрос, каковы были последствия установления определенного срока для перехода? имел господин иск о возвращении ушедшего не в срок крестьянина или только иск об убытках?

С некоторой подробностью, далеко, однако, не исчерпывающе дела, на этот вопрос отвечает Псковская грамота. Она предоставляет хозяину земли право искать с бежавшего изорника покруты своей.

"А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорнич живот на сели останется, государю покрута имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич, пред приставы и сторонними людьми, государю попродади да поимати за свою покруту. А чего не достанет, а потом времени явится изорник, ино государю доброволно искать остатка своего покруты" (76).

Статья не говорит о возвращении бежавшего. Даже в том случае, когда ушедший изорник вновь появится в месте его прежнего жительства, статья не говорит о водворении его на оставленном им участке, а только о дальнейшем взыскании покруты.

Судебники еще короче, они ничего не говорят о последствиях ухода крестьян до срока. Но, конечно, и они предполагают право господина искать убытки. Из этого молчания памятников можно ли заключить, что у господина не было иска о возврате не в срок ушедшего крестьянина?

Если крестьянин мог уйти только в известный срок, то, конечно, господин мог искать возвращения того, кто ушел до срока. Московские писцовые книги XVI века называют бежавшими тех крестьян, которые ушли без отказа и не заплатя пошлин (Т. II. С. 291 и след.). В этом смысле, конечно, и Псковская грамота говорит в 76-й статье о взыскании с бежавшего крестьянина покруты. Выше приведенная грамота Ивана Васильевича (с. 204) дает и пример правительственного распоряжения о возвращении на прежние места крестьян, ушедших до Юрьева дня. Другое такое же указание на практику возвращения на прежние места крестьян, ушедших не в срок, находим в указе царя Ивана Васильевича новгородским дьякам, Ф.Б. Еремееву да К. Дубровскому в 1555 г. Помещики Вотской пятины жаловались царю, что соседи их развезли их крестьян "не по сроку, и без отказа, и безпошлинно". Царь велел дьякам обыскать и если действительно окажется, что крестьяне развезены без срока и без отказа, то "велеть им жить по нашему уложению, по судебнику, до срока и на помещика дела делать и доход давать" (Д. к А. И. I. N 51, XVIII).

Итак, не подлежит сомнению, что землевладельцы жаловались на досрочный уход крестьян и получали указы о возвращении вышедших и вывезенных на прежние места, где они и должны были оставаться до ближайшего Юрьева дня, по крайней мере.

Таково положение вопроса с точки зрения права. Но на практике пользование этим правом представляло очень мало удобств, и можно думать, что землевладельцы обращались к нему весьма редко.

Рассмотрим дело на примерах. Крестьянин ушел в самую нужную рабочую пору. Допустим, что хозяин знает место его нового водворения и немедля предъявляет иск о возвращении. Дело легко может протянуться месяц, два и даже три. Какую пользу может иметь для землевладельца решение суда, хотя и благоприятное для него, но состоявшееся по прошествии уже горячей рабочей поры? Очевидно, для него выгоднее было предъявить один иск об убытках.

Но господин мог и не знать, куда съехал крестьянин. Если же он узнавал об этом по прошествии ближайшего Юрьева дня, то предъявление иска о возвращении

и принципиально не могло быть согласено с правом перехода в Юрьев день. В этом случае мог быть предъявлен только иск об убытках.

Допустим, что крестьянин ушел в декабре, иск о возвращении предъявлен тогда же, судебное решение состоялось в феврале или марте, еще до начала работ. Но кто же мешает крестьянину опять уйти в самую горячую рабочую пору? Ведь наказания за такой уход не положено, и за уход в декабре он наказан не был.

При таких условиях представляется весьма натуральным, что иски о возвращении без срока ушедших крестьян представляют исключение, а не правило. Вот один случай из нашей старой практики. В 1502 году крестьянин суздальского Евфимиева монастыря, проживая два года на монастырской земле, ушел с нее в день Рождества Богородицы. Монастырские власти удовольствовались получением с него пожилого за двор, полполтины, и засеяли брошенную им паренину рожью на монастырь. Крестьянин озлобился за взыскание с него пожилого и сжег деревню, в которой жил. И после этого монастырь предъявил к нему только иск об убытках в 9 рублей с полтиной (А. Ю. N 10).

Такое положение дел дает возможность объяснить и особенности выше приведенной статьи (76) Псковской грамоты. Она предусматривает случай появления бежавшего крестьянина в месте его прежнего жительства, но говорит только о взыскании убытков, а не о водворении его на прежнее место. Почему бы это? Водворение его на прежнее место представляется здесь очень легким. Бежавшего и разыскивать не нужно. Потому, думаем, что он мог явиться уже после того, как прошел Юрьев день. Этот случай, по всей вероятности, грамота и предусматривает. Предписывая же продажу всех движимостей бежавшего изорника, т.е. крестьянского инвентаря, статья и не предполагает даже возвращения его к прежней деятельности, по крайней мере, в прежних условиях.

Эта непрактичность исков о возвращении ушедших до срока, может быть, и есть причина, почему о таком возвращении не говорят ни Псковская судная грамота, ни московские Судебники. Такие иски могут быть предъявлены, но закон о них не говорит. Они подразумеваются только.

Таково положение крестьян во второй половине XVI века.

Этот порядок продолжается до конца века. Только памятники последнего десятилетия начинают говорить об исках о возвращении бежавших крестьян на прежние места.

Вот древнейшее об этом распоряжение:

"Лета 7106, ноября в 24 день, царь и великий князь Федор Иванович всея Руси указал и бояре приговорили: которые крестьяне из за бояр, и из за дворян, и из за приказных людей, и из за детей боярских, и из за всяких людей, из поместей, и из вотчин, и из патриарховых, и из матрополичьих, и из владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешняго 106 году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком, из за кого они выбежали, и патриаршым, и митрополичьим, и владычным детем боярским, и монастырских сел прикащиком и служком давати суд и сыскивати на крепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил" (А. И. I. N 22, III, 1597).

При чтении указов о беглых крестьянах конца XVI века необходимо прежде всего решить вопрос о том, кого они называют беглыми?

В половине XVI в. беглыми называются крестьяне, которые ушли без отказа, не в срок и не уплатя пошлин; такой уход называется еще "безвестным", "сшол безвестно". Указы конца XVI века, устанавливающие право иска ушедших, называют их просто выбежавшими, без всяких определений. В памятниках XVII века вместо "выбежали" начинают иногда говорить просто "вышли". В 1645 году дворяне и дети

боярские всех городов били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу о беглых крестьянах; в этом челобитье читаем:

"Которые де люди их и крестьяне выходят из за них за сильных людей: за бояр, и за окольных, и за ближних; и государев де указ к отдаче тех их беглых крестьян - урочные годы десять лет; а они де по вся годы бывают на государевых службах, и в те урочные годы про тех своих беглых крестьян проведати не могут" (А. Э. IV. N 14).

Здесь все вышедшие названы беглыми, независимо от срока выхода и отказа. Такое понятие беглого крестьянина совершенно новое, оно имеет свой источник не в правилах Судебников о Юрьеве дне, а в отмене Юрьева дня.

Что Юрьев день был отменен в конце XVI века, это подтверждается и указами царя Бориса от 1601 и 1602 годов, которыми он восстанавливает временно старое право перехода, но в известных только случаях.

В указе 1601 г. читаем:

"В нынешнем во 110 году великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всея Руси, и сын его, великий государь царевич, князь Федор Борисович, всея Руси, пожаловали во всем своем государстве от налога и продаж велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном... и жилцом... и детям боярским... (и т.д. идет перечисление лиц, которым дозволено возить за себя крестьян). А срок крестьянам отказывати и возити Юрьев день осеннего, да после Юрьева дни две недели..." (А. Э. II. N 20).

Ясно, Юрьева дня уже нет, а вместе с тем нет выхода крестьян. Вот почему все вышедшие с конца XVI в. и называются беглыми. В 1601 году царь Борис восстановил на один год выход. Но не для всех, а только для крестьян мелких чинов, не выше дворян. Для крестьян высших чинов, для духовенства, для дворцовых и черных волостей и в 1601 году выхода нет. Для чего сделано такое различие между мелкими чинами от дворян до конюхов, с одной стороны, и высшими чинами - с другой, совершенно понятно. Выход дан "от налога и продаж". Отменой Юрьева дня, как и естественно, мелкие владельцы немедленно воспользовались для увеличения крестьянских повинностей. Чтобы помочь крестьянам этих мелких владельцев, им и дано право выхода. Но, чтобы они не ушли все к богатым владельцам, за которыми жить было легче, указ позволяет вывозить крестьян только мелким чинам между собой. На крупных владельцев право отказывать и вывозить крестьян не было распространено. В 1602 году этот указ был повторен (там же. N 23).

Итак, не может подлежать никакому сомнению, что в конце XVI века последовало общее распоряжение, отменившее крестьянский выход. Естественным последствием такого распоряжения явились иски о беглых и указы, определяющие сроки вчинания таких исков.

Согласно вышеприведенному указу от 1597 г. для предъявления таких исков давался пятилетний срок. Если в течение этого срока иск о возвращении предъявлен не был, крестьянин тем самым освобождался от обязанности возвратиться на землю, которую самовольно оставил.

Но уголовной кары и при отмене Юрьева дня не было установлено и незаконный выход крестьян все еще не наказывался.

Самый указ, которым крестьяне были лишены своей исконной свободы, до нас не дошел.

Некоторые исследователи (Татищев, Костомаров, Чичерин, Беляев) думают, что прикрепление последовало в 1592 или 1593 годах. Они основывают свое мнение на словах вышеприведенного указа от 1597 г. Этим указом предоставляется право искать крестьян, бежавших 5 лет тому назад. Из этого заключают, что прикрепление последовало 5 лет ранее указа 1597 г., т.е. в 1592 г.

Но при этом не обращают должного внимания на слова указа, которые

непосредственно следуют за вышеприведенными:

"А которые крестьяне выбежали до нынешняго 106 г. (1797) лет за шесть, и за семь, и за десять, и болши, а те помещики и вотчинники, из за кого они выбежали, и патриаршыи, и митрополичьи, и владычни дети боярские, и монастырских вотчин приказщики, и служки на тех своих беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они, из за них выбежав, живут, до нынешнего 106 году, лет за шесть, и за семь, и за десять, и болши государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси не бивали челом, и государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси указал и по государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всея Руси указу бояре приговорили на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати, и назад их, где кто жил, не вывозити".

Отсюда следует, что можно было бить челом и о возвращении бежавших за 6, за 7, за 10 и более лет до 1597 года, но только своевременно.

Указ о прикреплении, значит, последовал ранее 1592 года. О бежавших до 1597 года за 6, за 7, за 10 и более лет следовало бить челом тоже в пятилетний срок, и суд был бы дан. Мы не сделаем большой ошибки, если под "более" будем разуметь еще два года, итого получится 12 лет. Следовательно, можно было бить челом о возвращении бежавших крестьян уже в 1585-1586 годах. В какой срок надо было подавать тогда челобитья, в указе не сказано. Но это молчание наводит на мысль, что срок был тот же, т.е. пятилетний. Таким образом, общее приращение крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича (1584-1585).

Приращение конца XVI века не было, однако, полным и безусловным. Беглых рабов можно было исстари отыскивать без срока, беглых же крестьян - только в течение известного срока, который получил в наших памятниках наименование "урочных или указных лет". Если крестьянин умел укрыться от господина в течение урочных лет, то не подлежал уже более возвращению.

Эти урочные годы, натурально, не нравились землевладельцам; они должны были стремиться сперва к увеличению их числа, а потом и к предоставлению им права искать крестьян бессрочно.

Древнейшее из дошедших до нас указаний о расширении пятилетнего срока находим в жалованной грамоте Троице-Сергиевому монастырю. В 1614-1615 гг. ему было предоставлено право искать своих крестьян, ушедших за 9 и даже 11 лет тому назад (А. Э. III. N 66).

В 1642 г. десятилетний срок объявлен общим сроком давности для исков о вышедших крестьянах; для исков же крестьян, вывезенных насильно, был дан еще более долгий срок, 15-летний (А. И. III. С. 111). Указ 1642 года говорит, что 10-летний срок назначается согласно "прежнему государеву указу". Этот прежний указ также не дошел до нас, как и первый указ о приращении.

Раз московские государи стали на стороне землевладельцев, дело не могло остановиться на десятилетней давности. Они продолжают получать жалобы на уход крестьян. Мы привели выше такие жалобы из писцового наказа 1646 года. Дворяне и дети боярские заключают свои претензии таким челобитьем:

"И государь бы их пожаловал, велел к отдаче беглых крестьян урочные лета отставить; и пожаловал бы государь, велел их беглых крестьян отдавать им по писцовым книгам и по выписям, как они тех своих беглых крестьян проведают, а не в урочные лета".

Результатом такого челобитья является полная отмена урочных лет. С этой целью и был составлен писцовый наказ 1646 года, в котором изложены правила новой переписи крестьян, имевшей произойти в том же году. В этом наказе читаем:

"А как крестьян, и бобылей, и дворы их переписут, и по тем переписным

книгам крестьяне, и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет".

Что же мешало до сих пор крестьянской крепости? Не вольный переход и не Юрьев день, которых уже давным давно нет, а урочные годы. Они и отменяются.

Писцовый наказ 1646 года распространяет прикрепление на детей, братьев и племянников записанных за кем-либо крестьян, то есть на всех родственников, которые живут в одном дворе с домохозяином.

Есть основание думать, что это новость, свидетельствующая о том, что московское правительство с течением времени идет все далее и далее по пути закрепощения. Из памятников начала XVII века узнаем, что не свободны были только домохозяева. Сын же от отца, брат от брата и племянник от дяди могли уходить и снимать земли в новых местах (А. Э. II. N 133, 1609).

Таким образом, и после первых указов о прикреплении конца XVI века оставались еще вольные люди, которые по старине были свободны селиться, где хотели. Этим и объясняется тот факт, что долго еще после прикрепления царские грамоты продолжают предоставлять право перезывать во крестьяне вольных людей и дают им льготы (Доп. к А. И. I. N 141, 1597; А. Э. II. N 133, 1609; III. N 217, 265, 1632-1637; А. И. III. N 211, 1640).

Эти поселения вольных крестьян на владельческих и тяглых землях после указов о прикреплении делались на тех же основаниях, как и до прикрепления. Крестьяне садились по порядным, которые писались по старым образцам (А. Ю. 189, 191, 194, 1599-1626). Но новый порядок должен был отразиться и на порядных. От XVII века к нам дошли две порядные, в которых отрицается уже переход.

Петр Никитин, государев бобылек, пришлый человек, порядился в 1634 году жить в монастырской вотчине во крестьянах и в конце порядной, после обыкновенных условий о размере участка, льготах, подмоге и пр., говорит:

"А будет яз, Петр, Пречистые Богородицы Тихвина монастыря у игумена, Герасима, с братьею не учну жити во крестьянех и в послушании во всем, государева тягла по волостному розрубку тянути и монастырские страды и сделья всякого с протчими крестьяны не учну делати, или учну у себя какое воровство и питье хмелное на продажу держати, и хором старых не учну постраивати и ставити, или учну на сторону в иную монастырщину и боярщину, или куды нибуди рядитца, и Пречистые Богородицы Тихвина монастыря игумену, Герасиму, с братьею волно меня, Петра, отовсюду к себе взяти, и что учинитца убытка и волокиды игумену Герасиму с братьею взяти на мне, на Петри, по сей рядной записи все сполна..." (А. Ю. N 196, III).

Другой крестьянин, Голахтион Кондратьев Роспута, тоже безтяглый, гулящий человек, в конце порядной, заключенной в 1647 году, пишет:

"И мне из за государей своих... не выходить... во крестьяне и в бобыли ни за кого не рядитца и не задаватца. А не учну я, Галахтион, за государи своими жити во крестьянех на своем крестьянском участке, и государем моим за свою подмогу взять 5 рублей, а впредь таки я, Галахтионко, на том своем участке, во крестьянстве и им... крестьянин" (Арх. ист. и практ. св. 1859, II. Ст. 94).

В прекрасном собрании актов тяглого населения г. Дьяконова можно найти еще целый ряд порядных во крестьянство, написанных в первой половине XVII века. Все они содержат в себе неизбежную прибавку: "не уйти, не сбежать, ни за кого не заложиться". В некоторых встречается, кроме того, условие платы неустойки за уход. Крестьянин обязывается в случае ухода уплатить столько-то рублей "заставы", а в других - покрыть убытки, причиненные его уходом, и в обоих случаях - жить по-прежнему в крестьянах. Встречается и условие о подмоге деньгами, хлебом, скотом; но с таким различием от старины: если крестьянин уйдет, подмога возвращается, а крестьянин все-таки остается крестьянином за тем же господином.

Документы этого рода в тексте и подписях называются порядными записями и просто записями.

Понятно, однако, что порядные XVII в. - остаток старины, факт переживания, не более. Они не соответствуют новому строю жизни, а потому **Уложение** и вводит иной способ поступления в крестьянство: записку в крестьяне в Поместном приказе. Поместный приказ, получив заявление о желании кого-либо поступить в крестьянство, производит исследование о том, что за люди, желающие поступить в крестьянство, действительно ли они вольные, и если они таковыми окажутся, делает определение об отдаче их в крестьяне. Порядные с этого времени более не нужны. Записка в крестьяне делает вечным крестьянином и без особого на то условия порядной.

"А будет к кому в вотчину и в поместье придут какие люди и скажутся, что они вольные, и похотят те люди за ними жити во крестьянех... приводите их того же году к записке: в Москве в Поместный приказ, а казанцом... в Казань... А в Поместном приказе и в городех воеводам таких вольных людей по тому же роспрашивать и речи их записывать подлинно. Да будет те люди, которых приведут к записке, доведутся по их роспросным речам отдать во крестьянство тем людям, кто их к записке приведет, и тем людям, кому они отданы будут во крестьянство, велети тех людей к роспросным речам, во взятые, руки прикладывать" (XI, **20**; ср. 21).

Поместный приказ и другие, приравненные к нему в этом отношении, учреждения, удостоверившись, что желающий поступить в крестьяне действительно вольный человек, делают определение об отдаче его землевладельцу, который в получении крестьянина расписывается.

После того, как **Уложение** установило этот новый порядок поступления в крестьяне, порядные потеряли всякий смысл, ибо крестьян надо было держать не по порядным, а по записям в особые книги, которые велись в Москве - в Поместном приказе, а в городах - у воевод. Тем не менее порядные пишутся и после Уложения и не только в указанной форме с обязательством не уходить, но и в совершенно новой - на срок: крестьяне снимают землю на 10 лет; в течение этого времени они обязуются платить с нанятого участка все государевы подати и нести все земские расходы (Ак. тяг. н. I. N 59 и 69, 1664-1689).

Возникает вопрос, какое значение имели такие порядные? могли крестьяне, по истечении условленного срока, уйти? Полагаем, что да. В это время крестьянин делался вечным работником по особой записи в правительственных учреждениях. Крестьянин, снявший землю на срок, в крестьяне у воеводы не записывался, потому что он не бил об этом челом; в писцовых книгах, надо думать, он тоже не записывался крестьянином этого землевладельца; а потому у землевладельца, по истечении срока, не было в руках никаких крепостей для удержания за собой срочного съемщика земли, и он мог уйти.

Но эти новые опыты сохранения крестьянской свободы были, конечно, явлениями редкими и исключительными. Порядные этого рода должны были замениться сделками о найме земли. В большинстве же случаев вольным людям приходилось "записываться" в крестьяне по **Уложению**. Уложение говорит, кто за кем "похочет жить в крестьянах". Жить за кем-либо в крестьянах значит теперь быть вечным на него работником. Как это захотеть быть вечно чьим-либо работником? Прежде вольные люди поступали даже в вечные холопы, но ведь за деньги, а не даром. Неужели в вечные крестьяне вольные люди отдавались даром? Конечно, нет. Они тоже продавались. Но для этого не было установлено никаких форм. Уложение говорит об одной записке желающих и ничего больше. Крестьянин XVII века не холоп и не кабальный, а потому он не может продать себя ни по полной грамоте, ни по докладной, ни по служилой кабале. Надо было выдумать какое-либо новое средство продажи себя в крестьяне. Московские площадные подьячие, которые писали всякие

акты, оказались на высоте положения: они выдумали средство, которое совершенно удовлетворило и вольных людей, желавших продаться в крестьяне, и господ, которые давали им за записку в крестьяне деньги. Это ссудные записи. Крестьянин записывался в крестьяне за известным господином, согласно Уложению, а кроме того выдавал ему ссудную запись, в которой говорил:

"Я, такой-то, взял у такого-то ссуды столько-то рублей и с тою ссудою обязываюсь жить у него в крестьянах или бобылях и ни к кому не отходить и ни за кого нерядиться; а если уйду, волен он взыскать с меня ту ссуду, а меня снова взять в крестьяне".

В некоторых записях продажа себя за ссуду выражалась еще ясней. Киприян Володимиров пишет:

"А взяли мы, Киприянко с женою и с детьми, у строителя Федоровского монастыря с братией на ссуду и навсякий крестьянский завод 50 рублей денег и нам за те денги жить во крестьянстве за тем монастырем вечно" (Акты тяг. нас. I. 62).

Уложение предписывает записывать "распросные речи" тех людей, которых кто-либо приводит для записки за собой в крестьяне. В Актах юридических (N 203, 1678) напечатаны две ссудных записи и приклеенные к ним "распросные речи". В одном из этих документов Конашка Юрьев бьет челом в бобыльство Пречистыя Богородицы за Тихвин монастырь, но обязывается работать, как и прочие крестьяне. Это тот же крестьянин. Мы имеем здесь наглядный пример того, как во второй половине XVII века исполнялось предписание Уложения о записке в крестьяне. Оно легко соединялось с получением ссуды и выдачей ссудной записи. Конашка Юрьев в распросных речах говорит, что ссудную запись он дал на себя добровольно. Ссудная запись, таким образом, предшествует записке в крестьяне. Вольный человек прежде продается, а потом уже записывается в крестьяне за известным лицом, на основании распросных речей и согласно Уложению.

Нам известные ссудные записи второй половины XVII века в тексте и подписях никогда не называются порядными, а всегда ссудными. И это понятно, так как они и по содержанию существенно отличаются от порядных. Старые крестьянские порядные суть договоры найма земли. В них всегда определялось, сколько земли и где именно снимает крестьянин. В этих порядных господин предоставлял в пользование крестьянина известное количество земли, а крестьянин обязывался за это к известным выдачам деньгами и хлебом, а иногда и работами. В ссудных записях вольный человек берет деньги, а не землю. Он обязывается жить крестьянином или бобылем, где ему прикажут; даже деревня, где ему придется жить, не всегда называется.

Но и название "ссудная запись" не очень точно. Крестьянин получал не ссуду, которую должен был бы возвратить, а цену своей свободы. Она взыскивалась с него только в случае ухода; но, уплатив взятую ссуду, он не приобретал свободы, а вечно оставался крестьянином того же господина. Это не взыскание долга, а наказание за уход.

Площадные подьячие не нашли возможным придумать название более подходящее. И это нелегко было сделать. То, что они называли ссудной записью, нельзя было назвать купчей, хотя по существу это было бы и верно. Нельзя потому, что по **Уложению** вольные люди не продаются в крестьяне, а только записываются в это состояние. То, что подьячие придумали, совершенно достигало цели, а потому и вошло во всеобщее употребление. Вольный человек получал свою цену вперед, до записки, а господин был уверен, что выданные им деньги не пропадут, хотя бы крестьянин раздумал и не пошел к записке*(78).

Здесь оканчивается изложение юридических древностей, относящихся до крестьянского быта. С великого дня 19 февраля 1862 года порядки Уложения царя Алексея Михайловича тоже начинают переходить в древность, но это будет

древность второго наслоения. Мы приведем из нее некоторые черты только для того, чтобы рельефнее оттенить древность исконную, свободную.

В старину крестьянин мог иметь поземельную собственность, владеть дворами и лавками в городах, торговать, занимать деньги и другим давать займы, и никакие указы ему этого не воспрещали.

С прикреплением крестьян многое должно было измениться. Этого требовала логика вещей, от которой нельзя уйти.

Прикрепление провело резкую границу между тяглыми государевыми крестьянами и владельческими. Была разница и прежде, но свобода ее сглаживала. Теперь же образовались два различных состояния.

Владельческие крестьяне вечно и потомственно принадлежат землевладельцам. Они обязаны работать на них. С прекращением выхода работы и повинности назначаются по усмотрению господина. Он же и единственный судья крестьянской исполнительности и усердия.

Это новое положение должно было отразиться и в законах.

Крестьяне, крепкие земле, натурально, продаются с землей. Это само собой разумеется. Уложение косвенно упоминает о совершающейся продаже крестьян (XI, 7).

Владельческим крестьянам не могло быть оставлено право обязываться ростовыми кабалами, так как, в случае несостоятельности крестьянина, такие обязательства могли бы повести к столкновению двух прав: права на крестьянина по кабалам и жилым записям и права на него по писцовым книгам:

"А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу... А тем людям, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имати и ни чим их себе не крепити; и как от них те наймиты отработаются, и им отпущати их от себя безо всякого задержания" (XI, 32).

Статья, согласно духу Уложения, имеет казуистический характер; но цель ее противодействовать закреплению за кем-либо владельческих крестьян, а потому крестьяне вообще не могли обязываться кабалами, а не при найме только в услуги, о чем идет речь в статье.

Но сами крестьяне могли давать деньги займы и даже под залоги недвижимостей (XIX, 16).

Владение городскими дворами и лавками также должно быть им запрещено, ибо жизнь в городах для торговли несоединима с обязанностями к господину и ведет к невыгодной для государевых тяглых людей конкуренции:

"А которые боярские и иных чинов люди и крестьяне на Москве и по городам купили себе и в заклады поймали тяглые дворы, и лавки, и анбары, и погребы каменные, и соляные варницы, и торгуют всякими товарами; и тем боярским, и иных чинов людям и крестьяном те тяглые дворы, и лавки, и погребы, и анбары, и варницы продати тяглым торговым и посадским людям, а им теми дворами, и лавками, и погребами, и амбары, и варницами впредь не владети, и впредь ни чьим людям и крестьяном, опричь государевых торговых посадских людей, тяглых дворов, и лавок, и погребов, и анбаров, и варниц ни у кого не покупати" (XIX, 15; ср. 9 и 16).

Владельческие крестьяне могут, однако, торговать всякими товарами, но только с возов и стругов (XIX, 17).

Закрепощение, начавшееся с конца XVI века, делает у нас чрезвычайно быстрые успехи. Уложение совсем забыло, что крестьянин имеет свою собственность, и приказывает истцовы иски править на крестьянах должников-господ:

"А которые люди учнут на правеже отстаиватися, а окупитися им будет чем, и у них велети, после указного месяца, ценити дворы и животы, и отдавати в истцов иск, или истцов иск велети за них правити в поместьях их и в вотчинах на людех их и на

крестьянех" (X, **262**; ср. 122).

Уложение подмечает любопытный факт, что за крестьян своих ищут и отвечают землевладельцы. Этот порядок мог возникнуть задолго до прикрепления. При свободе перехода крестьян он, конечно, имел значение покровительства им и защиты со стороны землевладельца. Уложение, устанавливая те же сроки для предъявления исков к крестьянам, какие существуют для исков к дворянам, обращает эту старую практику, имевшую в своем основании всякий раз согласие крестьянина, в общее правило и незаметно устраняет крестьян от личного участия в суде:

"А на пашенных на всяких людей в управных делех суд давати на те же сроки, на которые сроки указано будет суд давати на дворян и на детей боярских по тому, что за крестьян своих ищут и отвечают они же дворяне и дети боярские во всяких делех, кроме татьбы, и разбою, и поличного, и смертных убийств" (XIII, **7**).

Наконец, **Уложение** запрещает всякие жалобы крестьян на господ. Оно допускает только доносы в государственных преступлениях.

"А будет учнут извещати про государское здоровье или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верити, и учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел, ни в каких делех таким изветчикам не верить" (II, **13**).

Хотя **Уложение** и отличает еще владельческих крестьян от холопов, но оно содержит уже в себе все необходимые элементы, из которых должно было развиться самое строгое крепостное право.

О хозяйственном положении крестьян, об отношении их к землевладельцам, об их повинностях и порядке собственного их землепользования я говорю в III т. в разделе, посвященном древностям землевладения, там же идет речь и о крестьянах-своеземцах; а теперь остановлюсь только на литературе и отмечу существующие в ней разногласия по некоторым затронутым выше вопросам о крестьянах. Всего более сомнений возбуждает вопрос о том, на каких землях сидели волостные крестьяне, на своих или на княжеских?

С величайшей осторожностью отнесся к этому вопросу проф. Рейц. "Могли ли крестьяне приобретать земли?" - спрашивает он, и отвечает: "этого нельзя ни утверждать, ни отрицать решительно".

"Но вероятно, - продолжает он далее, - различное происхождение крестьян породило различные права" (§ 38). В примечании же к этому месту говорит: "Если принять в рассуждение право жителей в вольных городах, то еще вероятнее становится владение поселян землей. Самое запрещение покупать земли черных людей (это уже в московских уделах) едва ли не показывает, что земли сии принадлежат им в собственность".

Переходя к XVI веку, Рейц говорит: "По одной статье Судебника (84) можно подумать, что крестьяне упоминаются там как владельцы земли. По крайней мере закон гласит, что они независимо могли отыскивать права свои и взаимно защищать друг друга против дворян. Можно ли было человеку, который только пользовался казенной землей, поручить защищение ее от притязаний и исков частных лиц? Но что здесь дело идет о собственности, это видно еще и из того, что обращалось особенное внимание на перестановку межей, ст. 87" (§ 100).

При всей осторожности своих выводов, Рейц склоняется в пользу мнения, что крестьяне были собственники земли.

Мысль его нашла сторонников в лице Беляева, г-жи Ефименко, Владимирского-Буданова. В пользу противоположного мнения, по которому крестьяне являются не собственниками, а только владельцами, собственник же всех волостных земель есть князь, высказались: Лакиер, Неволин, Соловьев, Чичерин.

У Лакиера не только черные волости, но и все государство есть предмет княжеской собственности (О пом. и вотч. 67 и сл.). Неволин хотя и признает, что черные люди владеют вечно и потомственно черными землями, но право собственности, по его мнению, не у них, а у князя. По Соловьеву, в XVI в. в Московском государстве не было земледельцев-землевладельцев; владели землей только государство, церковь и служилые люди. У проф. Чичерина все земли принадлежат князю по праву завоевания. На некоторых из этих мнений мы остановимся подробнее в III т. древностей.

Другое не менее крупное разногласие существует по вопросу о порядке возникновения крестьянской неволи.

Еще со времен Татищева установилось мнение, что крестьяне лишены свободы перехода особым указом, последовавшим в конце XVI века. До половины текущего столетия в этом никто и не сомневался. В 1858 г. Погодин напечатал в "Русской Беседе" (IV) статью под заглавием: "Должно ли считать Бориса основателем крепостного права?". В этой статье автор проводит такую мысль: никакого общего правительственного распоряжения об отмене Юрьева дня издано не было; в установлении крепостного права виновны обстоятельства, а не Борис; это дело практики, обычаев и частных правительственных распоряжений. Статья была написана в то время, когда по лицу Русской земли понеслись "новые веяния". Коснулись они и старожилы московского, знатока и любителя старины. Под их неотразимым влиянием закрепощение крестьян представилось ему черным пятном на светлом фоне московской жизни, и он решил смыть это пятно. В результате его исследования оказалось, что в лишении крестьян свободы решительно никто не виноват. Аргументы почтенного историка вызвали серьезные возражения со стороны Костомарова (Арх. ист. и прак. свед. 1859. Кн. 2) и никого, кажется, не убедили.

Но мысль Погодина не прошла бесследно. Недавно она возродилась вновь, благодаря проф. Ключевскому, который обставил ее и новыми доказательствами (Происхождение крепостного права в России. Русская Мысль. 1885. Август и октябрь). Автор, как и его маститый предшественник, нисколько не сомневается, что крепостное право не было создано правительством, не было навязано народу законодательством (окт. 28). Источник его иной. "Оно явилось, - говорит он, - юридическим утверждением мысли, последовательно развившейся из кабального права посредством приложения условий служилой кабалы к издельному крестьянству" (там же). И в другом месте: "Крепостное право на крестьянский труд развивалось из принципа долгового холопства... Ссуда поставила издельное крестьянство под действие начал долгового холопства" (окт. 34). Наконец: "Вопрос о происхождении крепостного права есть вопрос о том, что такое было крепостное холопство в древней России и как это право привилось к крестьянству" (авг. 10).

Мысль автора не очень ясна и выражена слишком мудрено. Постараюсь формулировать ее попроще. Крепостное право явилось вследствие применения к крестьянам-должникам правил о долговом холопстве. "С половины же XVI века, - говорит автор, - ссуда почти общее условие крестьянских договоров" (окт. 45). Таким образом, все крестьяне-должники: господа применяют к ним условия служилой кабалы и крестьяне становятся, вследствие этого, крепостными. Кажется, именно такова мысль проф. Ключевского.

Вместе с этим и весь вопрос о крепостном праве получает у него новую постановку. До сих пор все думали, что крестьяне были прикреплены к земле. Проф. Ключевский утверждает, что крестьяне прикреплены к своему званию и лицу владельца, но не к земле (окт. 21). Если к крестьянам были применены правила служилой кабалы, то, конечно, они прикреплены к лицу господина, как и кабальные. Но весь вопрос в том и состоит, были ли применены к крестьянам правила служилой кабалы?

Утверждение почтенного автора, что к крестьянам были применены правила служилой кабалы, представляется нам несколько рискованным. Что такое служилая кабала? Служилая кабала есть договор, заключенный между двумя лицами (см. с. 74 и сл.). Теперь спрашивается, состоит крестьянин в таком договоре с господином или нет? Если состоит, то он уже не свободный крестьянин, а кабальный холоп; если не состоит, то к нему условий кабального холопства и применить нельзя. Это ясно, как день. По служилой кабале можно судом возвратити бежавшего холопа, ибо он обязался за рост служить во дворе кредитора; крестьянина по порядной возвратити нельзя, ибо у него есть право выхода, которым он и может пользоваться с соблюдением предписанных законом условий.

Почтенный автор, конечно, знает это коренное различие служилых кабал и крестьянских порядных. Но, может быть, существуют особые указы, которые распространили на крестьян последствия, вытекающие из служилых кабал. Великие князья московские все могут, они могут и крестьян, занявших деньги в рост, приравнять к кабальным холопам, хотя бы эти крестьяне и не дали на себя служилых кабал.

Но таких указов нет. Совершенно наоборот, княжеские указы проводят резкую границу между кабальными холопами и крестьянами, хотя бы эти последние и заняли деньги в рост.

Первое различие между служилыми и ростовыми кабалами установлено Судебником 1550 года. По служилым кабалам должник обязывается за рост служить; отсюда кабальное холопство (78). По ростовым он платит проценты, но не состоит ни в какой личной зависимости от кредитора. Наоборот, всякая личная зависимость воспрещается под страхом весьма тяжелых последствий (см. статью 82, приведенную на с. 119).

Царский Судебник отнимает, таким образом, всякую возможность распространить на ростовых должников личную зависимость, в которой находились кабальные холопы.

Землевладельцы не могли же не знать этой разницы. Да и забыть ее нельзя было, так как она напоминалась им ежедневной практикой. Если чьи-либо люди (т.е. холопы, а в том числе и кабальные) участвовали в татьбах, грабежах и разбоях, то убытки за них платили господа; если же участвовали крестьяне, господа за них не платили, взыскание падало на собственные животы крестьянина (А. Э. I. N 330, 1586).

От 1606 года мы имеем боярский приговор о беглых крестьянах. Крестьяне в этом приговоре постоянно противопоставляются холопам. Приведем одну выдержку:

"А которые крестьяне, в голодные лета, во 110 и во 111 и в 112 году, пришли в холопы к своим или к сторонним помещикам и вотчинникам, и кабалы служилыя на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивать из холопства по крестьянству, и того сыскивати на крепко. Будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем исцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитись не в мочь, и от бедности, не хотя голодною смертью умереть, бил челом в холопы, а тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе; и ныне того крестьянина из холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил, а не от самые бы нужи в холопы он не пошел" (А. Э. II. N 40).

Автор утверждает, что во второй половине XVI века крестьянское право выхода замирает уже само собой без законодательной отмены (окт. 11). Во второй половине XVI века совершилось, следовательно, "приложение условий служилой кабалы к издельному крестьянству". Факт такой всеобщей важности не мог же пройти незамеченным московскими правителями и не оставить следа в их указах. Надо

ожидать, что **Уложение** забывает, наконец, разницу между кабальными холопами и крестьянами и тоже начинает их смешивать, как это делает наш почтенный автор.

И тут наши ожидания не оправдываются. **Уложение** решительно различает кабальных холопов и крестьян.

Оно воспрещает брать на своих крестьян служилые кабалы и даже угрожает за это наказанием, что государь укажет (XX, **113**). Не ясно ли, что это два совершенно разных состояния?

Согласно с этим, способы установления крестьянства и кабального холопства и по **Уложению** разные. Кабальные холопы, по-старому, дают на себя служилые кабалы, а крестьяне записываются Поместным приказом во крестьянство. Последствия тоже разные. Крестьянин, записанный за господином, по его смерти крепок сыну его; кабальный же по смерти господина получает свободу, а к сыну его не переходит.

Уложение еще не называет крестьян крепостными.

"А от кого збежат кабальные, и иные крепостные девки и вдовы, и крестьянские дочери, и выдут замуж украйных городов за служилых людей; и за тех дворовых беглых вдов и девок... имати выводу за вдову и за девку по 50 рублей за человека, а за крестьянскую дочь, девку или вдову, по 10 рублей" (XX, **27**).

Крепостные - это холопы кабальные, полные, докладные, старинные; они же дворовые; им здесь противопоставляются - крестьяне. И цена вознаграждения разная: за крепостных в пять раз более, чем за крестьян.

Никакого, следовательно, выражаясь фигурным языком г. Ключевского, "юридического отверждения мысли, последовательно развившейся из кабального права посредством приложения условий служилой кабалы к издельному крестьянству" не произошло. А потому вопрос о происхождении крепостного права, несмотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевским своему отдаленному предшественнику по кафедре, остается в том же положении, в каком находился и до появления в свет статьи Погодина.

Мысль о связи крестьян-должников с кабальными холопами - не новая в нашей литературе. Она высказана еще Беляевым, но лишь в виде предположения, из которого он не делает никаких дальнейших выводов. "Таковые крестьяне, - говорит он о крестьянах-должниках, - по грамотам назывались серебряниками и жили, кажется, на том же положении, как и кабальные люди, и, не выплатив ссуды, не могли оставить господина ни в какой срок..." (38).

В 1898 г. появилась новая обработка вопроса о прикреплении крестьян проф. Дьяконова. В статьях о древностях землевладения, напечатанных в Журн. Мин. народ, проев., я разбираю его мнение. Этот разбор вошел в III т. "Древностей".

IV. Изгой

Слово "изгой" встречается в 1-й ст. древнейших кратких и пространных списков Русской Правды. Устанавливая размер вознаграждения за убийство, Правда назначает 40 гривен за голову русина, гридина, купчины, ябетника, мечника, изъгоя и словенина. Отсюда такой вывод: изгоями называется некоторый класс людей, который с точки зрения уголовного права ничем не отличается от остального населения и приравнен даже к служилым людям, каковы: гриди и мечники.

Другое известие об изгоях находим в церковном уставе новгородского князя Всеволода (1125-1136), где читаем:

"А се церковные люди: игумен, игуменья, поп, диакон и дети их, а кто в крылосе: попадья, чернец, черница, проскурница, паломник, свещегас, стороник, слепец, хромец, вдовица, пущеник, задушный человек, изгойи трои: попов сын,

грамоте не умеет, холоп, ис холопства выкупится; купец одождает; а се и четвертое изгойство и к себе приложим: аще князь осиротеет; монастыреве, болници, гостинници, странноприимници. То люди церковныа, богадельные. Или митрополит или епископ, тыи ведают между ими суд или обиду или кому прикажут".

Из этого места следует, что есть несколько видов изгоев и что некоторые из них поставлены под особое покровительство церкви. Устав перечисляет четыре вида таких изгоев. Это перечисление дает возможность выяснить, кто именно разумеется в древнее время под изгоями.

Все четыре вида изгоев, отнесенных к церковным людям, имеют общий признак, соединяющий их в одну группу. Это бедные, жалкие люди, лишившиеся обыкновенных в их положении способов существования, а потому и нуждающиеся в особом покровительстве, которое и дает церковь. Что таков несостоятельный купец и неграмотный попов сын, не имеющий возможности продолжать деятельность своего отца, это совершенно ясно. В таком же положении и сирота-князь; чтобы убедиться в этом, надо только припомнить господствовавшую в княжеских отношениях беспощадную политику захватов, которая всего менее стеснялась правами князей-сирот. Но почему отнесен сюда и человек, выкупившийся из холопства? По-видимому, его положение не ухудшилось, а только улучшилось. С точки зрения права оно действительно улучшилось: холоп стал свободным. Но если взять положение вольноотпущенного с материальной стороны, оно если и не всегда, то весьма обыкновенно ухудшалось при этом. Если господа брали большой выкуп за свободу, а это нередко случалось, то выкупившийся холоп оказывался без всяких средств существования.

Итак, изгой есть специальное наименование для людей, находящихся в бедственном положении. Отдельных видов таких людей может быть очень много. Всеволодов устав, перечислив три вида, прибавляет к ним еще четвертый, новый.

Но слово "изгой" может быть применено и вообще для обозначения низшего разряда людей, смердов, крестьян. Именно в таком смысле, кажется нам, употребляется оно иногда в княжеских жалованных грамотах. Князья, даря монастырям деревни и села, говорят, что они дарят их "со изгойи" (Доп. к А. И. I. N 4, 1150). Это значит, что князь, одаряя монастырь своей землей, передает ему и те участки, которые сданы были крестьянам. С момента пожалования крестьяне сидят уже не на княжеской земле, а на монастырской, и становятся, таким образом, в обязательные отношения к монастырю. В московских грамотах XIV века крестьяне называются не изгоями, а сиротами (А. Э. I. N 5, 7. Доп. к А. И. I. N 9). Этот новый термин очень близко передает смысл более старинного термина "изгой".

Что касается этимологии слова, то предлагаемое г. Микутским (Арх. истор. юрид. свед. Т.П. Половина 2, 1854) сближение с латышским глаголом *izi* - иду, *izgois* - вышедший представляется нам весьма вероятным. Первоначально слово "изгой" могло обозначать выкупившихся холопов, как вышедших из холопства, а затем, по аналогии жалкого положения, могло быть перенесено на несостоятельного купца и неграмотного попова сына. Всеволодов же устав еще более распространяет область применения этого слова, прилагая его к сиротам-князьям.

Изгойством еще в XV веке назывался выкуп (или выход), платимый холопом господину при выходе на свободу. Духовенство проводило такую мысль: выкуп, получаемый господином за свободу раба, не должен превышать той суммы, за которую господин сам приобрел раба. В наставлении духовнику о принятии кающихся читаем:

"Иже кто выкупается на свободу, то толикоже дасть на себе, коликоже дано на нем" (Рус. истор. библ. VI, 843).

Брать большой выкуп - великий грех, за который виновного ожидают вечные муки. В помянутом наставлении указывается такой путь к вечному спасению.

"Да аще хоцещи, чадо, быти в жизни вечней, то первое укажу ти: отверзися пьянства, а не питья; отверзися объяденья, а не яствы; отверзися блуда, а не законные женитвы... А еже еси имал прежде сего заклады или иное кое неправдою добывал, ли клеветою, ли мздою неправедною, ли грабленьем... тоже все неправедное именье взврати тем, чье то было; аще ли не тем, к убогим то сторицею отдавати, краденое - десятирицею... И се паки горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы: не имут бо видети милости, не помиловавшие равно себе създаннаго рукою Божиею человека.. Аще ли кто в неведении имал будет, ти хоцет избыти вечной муки, да воротит опять тем, на ниже имал, и избудет вечныя муки и жизни вечней причастник будет с всеми святыми" (842).

Первоначально, может быть, изгоями только и называли вышедших на волю холопов.

Сторонники родового быта и сторонники общины одинаково пользуются словом "изгой" для доказательства своих любимых теорий. И те, и другие согласны, что изгой означает существо, исключенное из союза, к которому он прежде принадлежал, а потому и умаленное в своих правах. Но у первых таким союзом является род; изгой же - существо, отреченное от рода. Причина - преступление или безрассудность, отвага. Такой выкинутый из рода должен сделаться преступником, разбойником, грешником. Таково мнение Калачева (Арх. ист. практ. свед. I. 1850). Согласно с этим взглядом, вышеприведенное место: "всего же есть горей изгойство взимати" он переводит так: "кто берет на себя изгойство, тот не тем поплатится"; тогда как оно значит: всего хуже брать выкуп.

У вторых изгой исключен из общины. Так у К. Аксакова. "Это был человек, - говорит он, - исключенный, или сам исключивший себя из общины или сословия" (Поли. собр. соч. I. С. 38).

Все это только догадки. По историческим же памятникам изгой не имеет никакого отношения ни к роду, ни к общине; он не преступник и в правах не умален; наоборот, он поставлен под особое покровительство церкви, как человек бедный, жалкий.

V. Численные люди, ордынцы и делюи

Упоминания источников о числяках, ордынцах и делюях так кратки и отрывочны, что не представляется возможности составить себе о них полное представление.

Есть основание думать, что эти разряды людей составляют след наших сношений с Ордой; исчезли же они с прекращением зависимости Московского государства от татар.

Упоминания о них находим в духовных грамотах и договорах князей московского дома с XIV-го и по начало XVI века.

Завещание великого князя Василия Дмитриевича (1410) дает возможность выяснить, где именно жили численные люди. В этом завещании читаем:

"А переменит Бог Орду... и дети мои что возмут дани на Московских станех и на городе на Москве и на численных людех, и дети мои возмут свою треть дани московские и численных людей, а поделятся дети мои с матерью вси ровно по частям; а который мой сын возмет дань в своем уделе, и та дань тому и есть..."

Из предшествующего мы знаем, что потомки Калиты имели свои особые уделы, а кроме того, участие в общем владении городом Москвой с уездом. Доходы с этого общего владения распределялись между ними, смотря по мере участия каждого из них в этом владении. Детям Василия Дмитриевича в численных людях принадлежит одна треть, как и на Москве. Отсюда следует, что численные люди

сидят не во всех Московских землях, а только в уезде города Москвы, состоявшем в общем владении наследников Калиты.

В этом же смысле говорится о численных людях и в завещании Калиты, но очень коротко:

"А числьнии люди ведают сынове мои собча, а блюдуть вси с одного".

То есть числяки, как и Москва, в общем владении.

При вел. князе Иване Васильевиче владение городом Москвой с уездом соединяется в его руках; к порядку, установленному Калитой, он более не возвращается и отказывает своему старшему сыну:

"Город Москву с волостями, и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы городцкими со всеми и з слободами... да числяки и ордынцы; а мои дети: Юрьи, Дмитрей, Семен, Андрей у моего сына Василия, а у своего брата у старейшаго, в числяки и в ордынцы не вступаются ни во что". Затем идут другие отказы в городе же Москве; а потом - отказы в других городах, но там числяки не упоминаются.

Из этого завещания совершенно ясно, что не только числяки, но и ордынцы живут не по всей Московской территории, а в самой Москве и в Московском уезде. Отказывая их старшему сыну, вел. князь делает особую оговорку, чтобы младшие в них не вступались. Так как после Калиты, в течение длинного промежутка лет, числяки состояли в общем владении сыновей вел. князя московского, и этот порядок был уже стариной, то такая оговорка очень понятна. Это была новость, ее надо было закрепить.

Из других грамот того же князя мы могли бы привести и самые названия деревень, в которых жили числяки и ордынцы. Разделив свои владения между всеми сыновьями, вел. князь велел составить описание границ их уделов. Вот в этом-то описании между пограничными деревнями и названы деревни числяков (Рум. Собр. I. N 140 и 141). Некоторые из таких деревень, при проведении границ между владениями старшего сына и младших сыновей, оказывались иногда в пределах владений младших сыновей. О них делалась такая оговорка:

"И тем числяным людям и ордынцем тягл тянути всякую по старине с числяки и с ордынцы к сыну моему, к Василью; а сыну моему, Юрию, в те числяные земли и в ордынские не вступатися ни чем".

Это место дает основание к новым выводам.

В предшествующем перечислении пограничных деревень упоминаются деревни численные, но ни одной ордынской, а в заключение появляются и ордынские земли. Из этого следует, что ордынцы живут в одних деревнях с числяками и что ордынцы только иное наименование тех же числяков.

Далее. На числяках и ордынцах лежит особое тягло, которое они тянут к городу Москве; этим они и отличаются от других тяглых людей. Для обеспечения этого тягла они наделены княжескими землями, а потому к ним применяются и те правила, которые существовали для сидевших на таких землях. Об этом речь будет позднее, частью в отделе о крестьянах, частью в отделе о землевладении. Теперь же ограничимся указанием только на то, что князья договаривались не покупать земель численных людей, как они договаривались не покупать земель черных людей. В договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем читаем:

"А численых людей блюсти ны с одного; а земель их не купити" (Рум. Собр. I. N 33, 1388).

Численные люди несли тягло, а потому, как и другие тяглые, не могли поступать на службу к князьям. В договоре тех же князей читаем:

"А который слуги потягли к дворьскому, а черный люди к сотником, тых ны в службу не приимати, но блюстины их с одного; такоже и численых людей" (N 27, 1362).

Возникает вопрос, что это за особое тягло, лежавшее на числяках и

ордынцах? В московских памятниках нам не случилось встретить никаких данных для ответа на этот вопрос. Только наименование числяков ордынцами наводит на мысль, что тягло их имело какое-то отношение к Орде. Москва была в постоянных сношениях с Ордой, уполномоченные ордынского хана имели постоянное пребывание в московском Кремле. Отсюда возникала масса самых разнообразных потребностей, которые надо было удовлетворять. Численные люди и ордынцы, по всей вероятности, и предназначались для этого, в этом и состояло их особое тягло.

Ту же роль играли и делюи (вар. дялюи). Думаем так потому, что они упоминаются наряду с ордынцами:

"А что наши ординци и делюи, а тем знати своя служба, како было при наших отцех", - читаем в договоре Дмитрия Донского с братом, Владимиром (N 27, 1362).

Нечто подобное, вызванное отношениями к татарам, было и в Рязанском княжестве. Мы встречаем там особый разряд людей, обложенных повинностями в пользу татарских послов. Они носят наименование то "кладежных людей" (вероятно, потому, что были положены в число), то просто "тяглых, кои послов кормят" (Рум. Собр. I. N 127, 1496).

Позднейшее указание на существование числяков и ордынцев находим в известии Александро-Невской летописи об учреждении опричнины. Перечисляя города, волости и станы, которые государь повелел взять на свой обиход, летописец упоминает "числяков и ордынские деревни".

Рейц выводит численных людей из первой татарской переписи и думает, что с того времени, как московские вел. князья перестали допускать татар к возобновлению переписи, наименование "численные люди" стало относиться к людям старого татарского счисления. Это люди, попавшие в последнюю татарскую перепись; они были обложены татарской данью и, может быть, освобождены от других повинностей (§ 37, пр. 3). В 1890 г. я присоединился к этому мнению, но теперь должен отступить от него. Численных людей, кроме Московского уезда, я встретил только в двух станах Переяславского, а потому они и не могут составлять остатка татарской переписи, которая должна была обнимать все местности. Численные люди в Переяславском уезде находились всего в двух станах и были отказаны вел. князем Василием Васильевичем его жене в 1462 г. (Рус. Собр. I. N 86-87).

Карамзин считает ордынцев татарами, поселившимися в России; Соловьев - русскими пленниками, выкупленными в орде и поселенными на княжеских землях; делюев Соловьев считает ремесленными людьми, поселенными тоже на княжеских землях (IV, 145, 245). Это только догадки.

VI. Закладни

Закладни (то же - закладники, закладчики и закладные люди) представляют чрезвычайно характерное явление нашей древности. Они сближают Новгород Великий XIII века с Московским государством XVII-го и бросают яркий свет на общественный быт нашей старины. Утверждаем это, несмотря на то, что памятники говорят о закладниках очень немного; свидетельства их можно назвать бедными. Они не только не определяют юридического положения закладня, но в них редко встречаются даже указания на занятия людей этого рода. Закладень представляется людям XIII, XIV, XV, XVI и XVII веков понятием столь ясным и всем известным, что они не находят нужным объяснять, что это такое. Все памятники, от XIII века начиная и до конца XVII-го, употребляют это не совсем ясное для нас выражение всегда при одних и тех же обстоятельствах и при одних и тех же условиях. Они говорят о закладнях как о явлении запрещенном: закладней не должно быть, никто не должен

их держать; у кого они есть, тот должен их отпустить, и они должны возвратиться в прежнее место своего жительства. Запрещение принимать закладников находим в древнейшей дошедшей до нас договорной грамоте тверского князя Ярослава с Новгородом от 1265 года и такое же запрещение читаем в наказе казанскому воеводе, окольниковому князю Львову, от 1697 года.

Причина таких запрещений также одна и та же, как в XIII веке в Новгороде, так и в конце XVII-го в государстве Московском. Закладни вышли из тягла, стали жить за людьми разных чинов, перестали платить подати; вот в чем беда. Они должны нести повинности, а потому и должны вернуться к своему тяглу, в свой потуг.

Москва XVII века жалуется на те же неудобства, на которые Новгород Великий жаловался еще в XIII-м; Москва накануне реформ Петра Великого больна тем же, чем страдал и Новгород на заре нашей истории; XIII век сходится с XVII-м, у них одна и та же забота, и это после того, как московские государи переделали старую Русь на новую, Московскую!

Что же такое закладники? Это всегда было не очень ясно, а в последнее время сделалось очень спорным.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, приведем в порядке времени все известные нам места памятников, в которых речь идет о закладнях. Они разъяснят нам этот вопрос гораздо лучше, чем все до сих пор сказанное о нем в нашей литературе. Выписок будет много, но нельзя знать древности, не зная памятников.

В договорах Новгорода с князем Ярославом Тверским читаем:

"А из Бежиць, княже, людей не выводите в свою землю, ни из иной волости Новгородской; ни грамот им даяти, ни закладчиков примати, ни княгыни твоей, ни бояром, ни дворяном твоим, ни смерда, ни купцины" (Рум. Собр. I. N 1, 1265).

В другой грамоте с тем же князем находим еще такое пояснение:

"А что закладчиков за Гюргом на Торожку или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купец, тот в сто, а кто смерд, тот потягнет в свой погост, тако пошло в Новегороде, отпусти всех процъ" (N 3, 1270).

Сын этого Ярослава, Михаил, в своей грамоте говорит:

"А кто будет закладень позорвал ко мне, а жива в Новъгородьской волости, тех всех отступилъся есмь Новугороду" (N 4, 1295).

В договоре с тем же князем:

"А что сел или людей новгородьских в сю замятию заложилося за князя, и за княгыню, или за дети, или за бояры, или села кто купил; купы иму имати, а села к Новугороду" (N 12, 1317).

Такие же условия о недержании закладней находим и в договорах московских князей с удельными московскими и с великими князьями тверскими. Московский великий князь Иван Васильевич обязывает тверского:

"А закладней, брате, в нашей отчине, в великом княжении в Московском и в Новгороде, не держати" (N 89, 1462).

Царь Иван Васильевич в 1553 году обязывает старицкого удельного князя:

"Сел в его государствах не купить, ни закладней не держать" (N 167).

Новгородский термин переходит в московские памятники и совершенно с тем же значением доживает до времен Ивана Грозного.

Но при том же царе встречаем и новый термин. В приговорной грамоте всего духовного чина о монастырских вотчинах читаем:

"А кто после сего уложенья купит землю в которой монастырь или закладня учнет за собой которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно; а которые ныне закладни за митрополитом, и за владыками, и за монастыри, и те земли поимати на государя..."

Здесь закладнем назван не человек, а заложенная земля. А далее говорится о закладнях-людях, которые названы закладчиками:

"И в закладчикех за собою торговых людей, с которых идут царские дани... не держать" (N 202, 1584).

Борьба с закладничеством, о которой свидетельствуют новгородские договоры XIII века, началась, конечно, не в 1265 г.; в этом году порядки, которых желательно было достигнуть приведенными запрещениями, составляли новгородскую старину; они могут, следовательно, восходить к XII веку и далее. Но уничтожить нарушения этого порядка не удалось, и закладничество переходит в XIV, XV и XVI века. Оно составляет такую же язву Москвы, каковой было в Новгороде. Надо думать, оно имело глубокие корни в народной жизни.

Смутное время, которое Москва переживала в конце XVI-го и в начале XVII века, - время слабости правительственной власти, должно было благоприятствовать развитию закладничества. Постоянные войны и грабеж мирных жителей опустошили города и селения, тяглые люди уходили из рук и глаз правительства. В XVII век Московское государство вступило преобразованным. Оно объединилось, служилые люди из вольных стали обязанными, крестьяне прикреплены к месту; тягло, хорошо известное XIII веку и более отдаленной древности, в Москве осложнилось в чрезвычайно разнообразных формах. Это могло создать для тяглых людей новые поводы уклонения от тягла, а для правительства - новые приемы в борьбе с закладничеством. Мы встречаемся теперь с этим злом не в княжеских договорах, а в памятниках, относящихся к внутреннему управлению. Внутренние меры борьбы с закладничеством могли быть принимаемы и ранее. В договорах воспрещается иметь закладников не только чужим князьям, но и их боярам. Это мера государственная, имеющая целью обеспечить правильное поступление повинностей; а потому нет основания думать, что свои бояре имели право нарушить интересы своего же государства. Но эти древнейшие распоряжения до нас не дошли. От Новгорода мы имеем только одно такое распоряжение и то от XV века. Оно находится в грамоте на Черный бор. Около половины XV века великий князь московский, Василий Васильевич, потребовал с новгородцев дани по новой гривне с сохи. Новгородцы, обсудив этот запрос на вече, решили дать вел. князю по гривне с сохи. При этом пришлось указать, что такое соха в Новгороде и кто должен платить. Вот в грамоте о сборе этой дани, между прочим, и говорится:

"А кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор... а изобличат, на том взяти вины вдвое за соху" (А. Э. I. N 32).

Термин "закладник" здесь не употреблен, но, очевидно, дело идет о нем. Человек, долженствующий уплатить гривну с сохи, бросает свой двор и поселяется во дворе боярина, чтобы не платить дани. В наказание с него взыскивают двойную дань. В Новгороде закладничество не только было запрещено, но закладники подвергались и штрафу за это.

От московского времени сохранилось довольно много таких правительственных распоряжений о закладниках.

В 1619 году "великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, с отцом своим и богомольцем, святейшим патриархом Филаретом Никитичем московским и всея Руси, и с митрополиты, и с архиепископы, и с епископы, и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольниковыми, и с думными людьми и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, обо всех статьях говорили, как бы то исправить и земля устроить". Результатом этого соборного совещания была посылка послов и дозорщиков во все разоренные города с тем, чтобы они описали, что от разоренья запустело, сколько с каких городов положено по окладу доходов денежных и хлебных, сколько их в приходе и расходе, сколько в доимке, чтобы они сыскали про злоупотребления сильных людей и т.д. К нам дошло несколько грамот, последовавших во исполнение этого соборного определения. В одной из них по интересующему нас вопросу сказано:

"А которые посадские и уездные люди заложились за митрополитов и за весь священный собор, и за монастыри, и за бояр, и за окольничих, и за всяких чинов людей, и тем закладчикам всем указали есмя быть по-прежнему, где кто был наперед сего, а на тех людей за кем они жили, приговорили есмя со всеми людьми, сыскав и счетчи, доправить всякия наши подати за прошлые годы. А из за кого и скольких людей из закладов возьмете, и сколько на ком за прошлые года наших податей доправите, и вы бы о том отписали именно тотчас" (Рум. Собр. III. N 47, 1619; А. Э. III. N 105, 1619).

Здесь не только повторяется старое запрещение принимать закладников, но предписывается еще взыскание с виновных царских податей за все то время, в течение которого они держали закладников.

В возродившейся после Смутного времени Москве борьба с уходящими из тягла нисколько не сделалась легче, а потому предписания о невыходе повторяются из года в год. Приведем некоторые, наиболее характерные.

В 1632 году разбежались устюженцы, посадские люди, покинув свои тяглые двory. Царская грамота предписывает проведывать, куда они сбежали, и брать их в посад от тех, за кем окажутся "во крестьянех или в закладчиках" (А. Э. III. N 141).

В 1630 году чердынские каменщики, кирпичники и гончары, избываячи государева тягла и не хотя каменных и кирпичных дел делать, вышли с посаду и живут в монастырских слободах и на церковных землях в закладчиках. Им велено быть готовыми "к нашим каменным делам" (А. Э. III. N 188).

Особенно любопытна царская грамота суздальскому воеводе, г.А. Вельяминову, от 1636 года. В ней находим новые сведения о закладниках.

"В нынешнем в 147 году сентября в 12 день, - пишет царь, - указали мы боярину нашему, князю П.А. Репнину, да дьяку нашему, М. Грязеву, сыскивать в Москве и в городах... закладчиков и в черных сотнях, и в слободах, и в городех тяглых людей, которые вышли с московского разоренья, как мы, великий государь, воцарились: которые тяглые люди при нас в тягле были, или у тяглых людей сидельцы или наймиты, а сидели в лавках и торговали от них, а объявятся на них у кого какия кабалы или иныя какие крепости с 121 года и по ся место, или у кого во крестьянстве и в писцовых книгах те тяглые люди написаны, и те люди по тем крепостям тем людем не крепки; указали мы тех людей имать за нас на их тяглые двory, где кто живал" (А. Э. III. N 279).

Из той же царской грамоты узнаем, что тяглые люди уходят не только к людям всякого чина в закладчики, в крестьяне и дворники, но и на государеву службу в затынщики, в воротники, в стрельцы, в пушкари и в казенные плотники. Происходит, таким образом, самое разнообразное перемещение тягла. Тяглые люди или вовсе уходят от тягла, садясь, например, на льготные земли, или переходят в другое тягло, которое им больше нравится.

Предписания правительства с каждым годом делаются решительнее и настойчивее. В грамоте уфимскому воеводе от 1640 г. читаем:

"Во прошлом во 148 году писано к тебе, и велено... которые люди живут в закладех у всяких чинов людей, велеть им жить в тягле... а денег по кабалам и по закладным и по всяким крепостям заимщиком платить не велеть, и истцом в тех деньгах отказывать, и крепости всякия на закладных людей у истцов взять в нашу казну для того, чтобы впредь никто никаких людей в заклады ни по каким крепостям не имал..." (А. И. III. N 213).

Кто дал закладнику деньги, теряет эти деньги; у него нет иска по долговым обязательствам, которыми он укрепил себе закладника.

Давать деньги закладникам по кабалам, по закладным и по всяким крепостям могли, конечно, только богатые люди; только у них и могли быть закладники. Люди бедные, которые сами были в тягле непосредственно, или их крестьяне несли от

закладничества только убытки. Лежащее на них или на их крестьянах тягло, от выхода в закладники, становилось тяжелее, ибо распределялось на меньшее число людей. Вот почему правительство и от них получает челобитья о воспрещении закладничества. В октябре 1648 г. с таким челобитьем обратились к царю: стольники, стряпчие, дворяне московские и городовые, дети боярские, гости, люди гостинной, суконной и черной сотен и слобод, городовые и посадские люди. Их челобитье имеет некоторый особый интерес вот в каком отношении. И дворяне, и посадские люди в своем челобитье говорят, что при прежних государях, при царе Иване Васильевиче и при сыне его, Феодоре, во всем Московском государстве закладчиков никто не держал. Что бы это значило? Трудно допустить, чтобы московские люди половины XVII века не знали, что закладчики были и при царе Иване, и всегда. Надо думать, что в их устах это своего рода аргумент против закладничества. Они этим хотят сказать: это не старина, а новшество, а потому они и надеются, что государь уничтожит закладничество (А. Э. IV. N 32 и 36).

В этом челобитье дворян и городских людей находим новые подробности о положении закладников. Они называют их "заступными людьми". Закладчики закладываются за больших людей для своей "легости". Они живут в крестьянах, бобылях, холопах. В Нижнем Новгороде на посаде, в одной Благовещенской слободе, за патриархом торговых и ремесленных людей, сверх писцовых книг, было больше 600 человек, которые в ту слободу сошлись из разных городов и поселились для своего промысла и легости. Со своих промыслов эти заступные люди государевых податей не платят и служб не служат, живут всегда во льготе, и на Москве и в городех от них чинятся смятение, и междоусобие, и ссоры большие. Из того же документа узнаем, что в закладчики - записываются, т.е. поступают по записи (долговой, по кабале и иной крепости).

В Уложение, составленное при участии выборных челобитчиков, внесены две весьма решительные статьи о закладчиках. В них виден след всей предшествовавшей практики XVII века. Всех закладчиков предписывается взять за государя и "впредь им ни за кого в закладчики не записываться и ни чьими крестьянами или людьми не называться". Это старое, а вот новое: закладничество воспрещено под страхом наказания. Кто вновь заложится, подлежит кнуту и ссылке в Сибирь на житье, кто примет закладника, подлежит великой опале, а земли его, где закладники учнут жить, отбираются на государя. А затем идет опять старое: если принявший закладника станет бить челом по кабалам или по записям о заемных долгах или о ссуде, выданной закладнику, иска не давать и крепости отбирать (XIX, **13, 18**).

Это уже общий закон и очень строгий и решительный. Но и он не истребил закладничества. Из наказа казанскому воеводе, окольниковому князю Львову, от 1697 года узнаем, что предписание **Уложения** нарушается и что в Казани есть пришлые люди, которые живут в закладчиках в самом конце XVII века. По отношению к ним повторяются статьи Уложения о возвращении в тягло, а в случае нового закладничества - о наказании кнутом. На будущее же время приказано: "В Казани учинить заказ крепкий и бирючом кликать по многие дни, чтобы казанские люди всяких чинов людей ни в каких долгах в заклад к себе не имали и ни в какия крепости не писали ни которыми делы. А буде кто учнет всяких чинов людей в какия закладныя крепости или в кабалы или в иныя какия крепости писать, и тех, и их жен, и детей в заклад к себе имать, и тем людем, кто так учинит, за то от великого государя быть в смертной казни".

В **Уложении** за прием закладней назначена великая опала и конфискация земель, здесь смертная казнь. Но это, конечно, только угроза. К казанским нарушителям закона не применено даже постановление Уложения. Казанские закладники 1697 года, конечно, новые, а не те, которые были до Уложения, а потому

они подлежали кнуту и ссылке в Сибирь, а их только водворяют в тягло. Кто их принимал, подлежал великой опале и конфискации земель, а с них велено взыскать только прогульные подати. Можно подумать, что в Казани Уложение вовсе не было обнародовано и силы закона там не получило. Буква закона очень строга, практика очень мягка. Правительство более пугает наказанием, чем наказывает на самом деле.

Таковы свидетельства памятников о закладниках. При всей их краткости и односторонности они дают достаточный материал для разъяснения дела и совершенно подтверждают высказанное нами в начале статьи мнение о закладничестве: это состояние запрещенное, запрещенное потому, что закладники выходят из тягла и не несут повинностей. Закладничество, следовательно, стоит в самой тесной связи с древней системой обложения и может быть вполне понятно только при совершенном ее разъяснении. Оно сопутствует ей в течение целых четырех веков, постоянно нарушая интересы фиска: никаким усилиям правительства не удается истребить закладничество. Когда же оно исчезло? Оно исчезло с полным преобразованием старой системы обложения, с введением подушной подати Петром Великим.

До сих пор мы наблюдали лишь отрицательную сторону закладничества. Мы знаем только, что оно выводит из тягла, а потому оно и запрещено. Но что оно такое само по себе и почему выводит из тягла? Приведенные документы дают и на эти вопросы достаточно ясный ответ.

Закладчики суть заемщики, и живут они не в сотнях и потугах, а за своими кредиторами по кабалам, по закладным, по записям о займах и о ссудах и по всяким крепостям, в их дворах, а не в своих собственных. Они бросили свое хозяйство и перешли на чужое.

Документы не ограничиваются каким-либо одним термином для указания задолженности закладчика, а употребляют все возможные, да и это не всегда оказывается достаточным, а потому в конце перечисления прибавляют еще "и по всяким крепостям". Это понятно: способы задолженности могли быть чрезвычайно разнообразны, начиная от простой записи о ссуде и кончая закладом своей личности в обеспечение долга. В древних памятниках слово "закладень" безразлично употребляется как для обозначения заложенной земли, так и для обозначения человека*(79).

Но что же это значит? Не значит ли это, что в древности было воспрещено вступать в долговые обязательства? Нисколько. Все могли занимать деньги, даже и люди, записанные в тягло, но оставаясь в тягле. По древнему праву (до XVI в.) такой заем, по существу, равнялся закладу своей личности, ибо, в случае несостоятельности, должник продавался в холопы и выходил из тягла. Фиск и в этом случае терял тяглеца, но на счет его свободы. Здесь нельзя было подозревать симуляции: заклад себя только для того, чтобы уйти от тягла.

Но в тягло не все были записаны. Кто не записан в тягло, тот, занимая деньги, мог обеспечивать свой долг своим лицом и немедленно поступать в зависимость от кредитора, поселяться на его дворе, работать на него. Такие заклады тоже не воспрещены. Здесь нет выхода из тягла.

Тягло лежало на самостоятельном хозяине, положенном в обжу или в соху, независимо от того, на какой земле он сидит, на своей или чужой. Он может занимать деньги. Заняв деньги, он может даже пользоваться правом перехода с одной земли на другую. Он и на новой земле будет в тягле. Но случалось, что тяглый человек, заняв деньги, бросал свое хозяйство и переходил во двор кредитора в качестве зависимого от него человека: работника-наймита, дворника и пр. Он уходил, таким образом, от тягла. Сделки такого рода могли совершаться и прямо с целью выхода из тягла, в обход закона. Вот таких-то закладников и нельзя было держать, их надо

было отпустить в их потуг.

Кроме запрещения держать закладников в новгородских договорах встречаем еще такое условие:

"А в Бежицах, князе, тебе, ни твоей княгыни, ни твоим бояром, ни творим дворяном сел не держати, ни купити, ни даром приимати, и по всей волости Новгородской" (Рум. Собр. I. N 1, 1265).

Это условие может также стоять в связи с заботой новгородского правительства о правильном отбывании тягла сельским населением. Действительно, могли встречаться затруднения при взыскании податей с крестьян, сидевших на княжеских землях и даже на землях княжеских бояр и слуг. Такое же условие встречается и в княжеских договорах.

Статьи новгородских договоров о закладнях свидетельствуют о значительном развитии государственного порядка в Новгороде уже в XIII веке и даже ранее. Сельское и городское тяглое население было переписано и обложено повинностями. Принимались меры к тому, чтобы лица, обязанные тяглом, не оставляли его во вред фиска. Забота о том, чтобы люди из тягла не уходили, не есть забота одного правительства. Выход из тягла не выгоден самим тяглецам. От них, конечно, должны были идти первые жалобы на такой выход. Правительство, запрещая закладничество, удовлетворяло желанию лиц, остававшихся в тягле. Это делалось в интересе всего населения княжества. Ввиду этого едва ли можно говорить о поголовном бродяжничестве населения древней Руси, о чем можно читать у многих историков, с любовью разрабатывающих эту тему. Самое тягло, столь необходимое для удовлетворения потребностям фиска, не есть изобретение Московского государства. Оно было известно гораздо ранее его возникновения.

В Москве для лиц, не записанных в тягло, возникает особый способ закладничества, регулированный правительством, - это служилая кабала. Такой кабалой могли обязываться все вольные люди, но не тяглые.

В московских памятниках XVII века рядом с закладнями говорится и о крестьянах: "если кто окажется во крестьянах или в закладчиках". Крестьяне выступают тут какой-то разновидностью закладничества. Это действительно так и было. Помещики и вотчинники, принимая беглых людей в крестьяне и "желая укрепить их за собою, брали с них кабалы и записи во многой ссуде" (А. И. III, 92, XXXIII). А эти люди нередко убегали с посадов и тяглых земель и переходили с одного тягла на другое, причем иногда бросали такое тягло, которое для правительства представляло больший интерес, чем то, в которое они записывались вновь. Это чистейшая разновидность закладчиков: они уходили с тягла, которое за их уходом оказывалось не обеспеченным, и, поступая в крестьяне, связывали себя заемным обязательством.

Чины собора 1649 года говорят, что в закладчики записываются. О том же говорит и **Уложение**. Это очень понятно. Закладчики ушли с тягла и задались для своей легости за частных людей. Чтобы не быть взятыми обратно, они должны были как-нибудь связать себя с новыми господами. Вот для этого и писалась долговая запись. Когда закладчика требовали обратно в тягло, господин представлял эту запись ко взысканию и искал уплаты долга с того "потуга", который домогался возвращения ушедшего. Правительство вмешивается в это и говорит: эти записи силы не имеют, по ним нет иска.

Таких записей должно было быть множество. Какие же они и где они? Что их не сохранилось от XIII века, это неудивительно. А от московского времени мы их имеем немало и в самой разнообразной форме.

Наказ князю Львову говорит о закладных записях; по этим записям должники живут в закладе у своего кредитора; это и суть закладные люди.

К нам дошло две таких закладных. Приводим одну.

"Се аз Иван, Семенов сын, Черний, промышленной человек, Вилеженин, занял есми на Ковыме, на нижней ярманге, у служилого человека, у Дмитрея Овдеева сына Шабанова, сто рублей денег московских ходячих, прямых, до сроку до Прокопьева дни, Устюжского чудотворца, нынешняго 171 году. А в тех (денгах) я, заимщик, заложил и подписал ему, Дмитрею, ясыря своего девку, Юкагирскую не крещеную, именем Малку, на срок, которой в сей кабале писан. А буде я, Иван, не выкуплю до сроку у него, Дмитрея, и после сроку волно ему Дмитрею по сей закладной кабале владеть и у себя держать, и на сторону продать, заложить. Тот мой ясырь (пленница) преж сей закладной нигде не заложена, ни продана. А будет на тот мой ясырь станут со стороны вылагать, и мне, Ивану, от тех письменных крепостей очищать, и очистя отдать ему Дмитрею с чиста пути. Где ся закладная кабала выляжет, тут по ней суд и правож, кто с сею кабалаю станет, тот по ней истец. На то послух служилой человек, Иван Дорофеев. Закладную кабалу писал промышленной человек, Сидорко Кондратьев Курочкин Лалетин, лета 7171 году июля 9 в день" (А. до Ю. Б. II. N 126, VIII, 1663).

Такие же закладные писались и в случае залога недвижимостей. Как те, в случае просрочки, обращались в купчие, так и эта. Это видно из тех выражений приведенной закладной, которыми кредитору, в случае просрочки, предоставлено находящийся в его руках залог продавать и закладывать.

В другой закладной (там же. XIII, 1679), которая даже названа купчею, заемщик закладывает свою жену.

В 1637 году в Томске был воеводой князь И. Ромодановский; он возбудил против себя и служилых людей, и посадских. От посадских он потребовал постройки новой мельницы. Она обошлась в 200 руб. У посадских не было в наличности таких денег, и им пришлось "закладывать жен своих и детей"*(80).

К этой же цели - сделать человека зависимым, связать его, ведут служилые кабалы. Закон XVI века позволяет обязываться такими кабалами только нетяглым людям. Но не правительство выдумало служилую кабалу; она была в употреблении прежде, чем оно нашло нужным регулировать порядок ее выдачи, и, конечно, этим средством укрепления пользовались и тяглые закладчики.

Ростовая заемная расписка не связывает лица должника, пока по суду он не приговорен отрабатывать долг, но и она, в данном случае, могла быть полезна, пока по таким записям указы не отняли право иска. Во избежание взыскания и его последствий должник оставался в зависимости от кредитора, а желающим возвратить его в тягло угрожал иск об убытках.

Кроме этих записей были в ходу неустойки. Крестьянин, садясь на чужую землю, предоставлял хозяину, в случае его ухода, "взять на нем заставы столько то рублей". Мера этой заставы определялась очень различно, в 3, в 10 и даже в 50 рублей*(81). К той же цели могло вести и поручительство посторонних лиц в том, что крестьянин не уйдет с земли. Поручители принимали на себя ответственность, в случае его ухода, в разной мере: одни обязывались уплатить убытки, другие отдавали "свою голову в головы его (крестьянина) место"*(82). Поручители, конечно, не даром принимали на себя такую ответственность. Они каким-нибудь образом да связывали крестьянина; они, конечно, брали с него денежное обязательство. Это опять была зависимость, та же крепость, хотя и не прямая, а посредственная.

Итак, древнему праву были известны весьма разнообразные способы укрепить за собой ушедшего тяглеца, который оказывался за кем-нибудь "в крестьянах или в закладчиках". Самые акты укрепления дошли до нас и в очень разнообразных видах.

Но в чьих интересах это делалось, кто от этого выигрывал? Это делалось в обоюдных интересах; от этого выигрывали и закладчики, и лица, их принимавшие. Закладчики, уходя от довольно неопределенного и часто весьма тяжелого тягла,

становились в совершенно определенные отношения к тому, кто их принимал. Они обязывались к известной, точно определенной в записи плате. И взамен этого освобождались от подчинения волостным властям: их нельзя было привлечь к отбыванию ни денежных, ни натуральных повинностей. Это и значило "жить в легости", "быть в заступлении". В актах XVII века читаем: "Закладчики и крестьяне живут на Москве и около Москвы в слободах и в городах на посадах и в подгородных слободах, торгуют всякими торговыми промыслами, а тягла и податей не платят" (А. Э. IV. N 158, 1667). Это достигалось или тем, что закладчик, уходя с тяглой земли, бросал самостоятельное хозяйство и водворялся в господском дворе, как зависимый от господина человек, или тем, что он садился на льготную землю. В последнем случае он мог вести и самостоятельное хозяйство, не будучи привлекаем к отбыванию тягла.

Лица, принимавшие закладчиков, не непременно давали им ссуды и обязывали их к некоторым денежным платежам; запись "в большой ссуде" могла быть и безденежной, она могла писаться только для укрепления*(83). Принимавшие закладчиков, в этих случаях, могли, за оказываемое им заступление, пользоваться трудом и услугами закладчиков в самом широком смысле этого слова; они могли употреблять их для сельских работ, в должности ключников, дворников и т.д. В челобитной царю дворян и детей боярских от 1642 года читаем:

"Которые посадские тяглые люди живут за сильными людьми и за монастыри в закладчикех и от тех закладчиков им и людям их и крестьяном обиды и насильство многое: в городех, и по Торжком, и по слободам, и на посадах людей их и крестьян грабят и побивают; на мытах и перевозех перевозы и мостовщину емлют мимо государева указу и сверх государевых уставных грамот" (А. И. III. N 92, XXXIII).

Здесь закладчики приставлены к сбору проезжих пошлин. Из челобитной видно, что они очень энергически отстаивают интересы своих господ.

Но случалось, что закладчики обязывались даже платить господину ежегодно некоторую сумму денег, не получив от него никакой ссуды. В 1670 году трое посадских города Ярославля поручились перед стряпчим Лар. Андр. Тихменевым в том, что бобыль его, Фома, будет жить в Ярославле и никуда не сбежит и не съедет и будет платить Тихменеву, за их порукой, по шести рублей в год оброку. Что это такое? Слова "закладчик" в документе не употреблено. Очень возможно, что оно и вообще в записях этого рода не употреблялось. Оно, собственно, ни на что и не нужно: дело не в названии, а в обязательстве. Названия даже лучше не употреблять, ибо закладничество запрещено. Здесь речь идет о бобыле, который обязывается жить в Ярославле, где живет и стряпчий Тихменев. Как бобыль, он живет при стряпчем, но за что обязывается он платить ему ежегодно по шести рублей? Это, конечно, одна из форм закладничества. Фома, бобыль Тихменева, живет в Ярославле, занимается чем ему угодно, а тягла не тянет, потому что он бобыль и к посаду не приписан. За эту "легость" он ему и платит оброк ежегодно*(84).

Оканчивая в 1890 г. в первом издании сего тома статью о закладниках, я выразил сожаление, что закладничеству в нашей литературе не посчастливилось и что о нем говорят только мимоходом. На эту жалобу отозвался г. Павлов-Сильванский целым исследованием о закладниках; оно вышло в свет в 1897 году под заглавием: "Закладничество-патронат" и занимает целых 52 страницы.

Вот какое мнение высказывает автор о закладниках.

"Закладчик не был должником, отдавшим себя в залог, запродавшимся кабальным холопом. Он отдавался в подчинение известному господину и становился в положение, близкое к холопству; но он не связывал себя никакой крепостью и сохранял за собой право порвать во всякое время свою зависимость (16). Становясь в зависимость от частного лица, закладчик выходил из-под ведомства государственной власти, освобождался от уплаты налогов и от общей судебной и

административной ответственности (?) за исключением некоторых уголовных преступлений (15); он подчинялся суду и управе господина или его приказчика. Институт этого рода, под именем патроната, существовал и в западноевропейской истории" (15).

Мы далеко расходимся с почтенным автором только в одном пункте, именно по вопросу о том, как человек делался закладником. Я отвожу здесь большое место заемному обязательству, г. Павлов-Сильванский совершенно отвергает этот способ возникновения закладничества. По вопросу о зависимости закладника от господина почтенный автор близко подходит к тому, что у нас было в 1890 г. сказано об этом в первом томе "юридических древностей". Там было сказано: "Закладень выходил из-под ведомства местной власти, не тянул в ее пользу тягла, не судился ею, а ведался своим кредитом" (269-270). Это говорит и автор. Мы считаем теперь это мнение ошибочным. Возражая по этому пункту г. Павлову-Сильванскому, бы будем возражать и себе, а потому думаем, что он примет наши возражения благодушно.

Г. Павлов-Сильванский совершенно отвергает отдачу закладником себя в обеспечение долга на том основании, что "в целом ряде древних актов термин "заложиться за кого-нибудь" значит "зататься за кого-нибудь", но не отдать самого себя в залог". Мы не будем против этого спорить, но скажем, что термин этот означал еще и залог себя и употреблялся в широком смысле закрепления себя за кем-либо какой-либо крепостью, кабалой, долговой записью и пр. Это достаточно ясно из вышеприведенных нами выражений памятников. Эти два значения слова по смыслу даже и не очень далеко между собой расходятся. У нас нередко одно и то же слово употреблялось в двух и более значениях, ничего общего между собой не имевших. "Правда" означала статью закона, присягу, свидетеля; "волость" - целое княжество, его административное подразделение, частную земельную собственность, и это еще не все. Оно означало и власть вообще или право, полномочие; это, конечно, и есть первоначальное значение слова "волость" - власть. Иван Калита в завещании говорит: "из городьских волостей даю княгини своей осьмничею, а тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои". Здесь право финансового управления - тоже волость.

Так и слово "заложиться" значило и зататься за кого-либо, и заложить себя кому-либо.

Переходим к праву лиц, принявших закладников, судить их. В доказательство этого права автор ссылается на документ, который и мы приводили с той же целью в 1890 году. Это ответ воевод и местных приказных людей на вышеприведенное челобитье дворян и детей боярских, которые жаловались на насилия закладчиков, живших у сильных людей (см. с. 227). Воеводы отказали челобитчикам, мотивируя свой отказ так: "им этих людей в городех судити не указано". Это вовсе не значит, что закладчиков судили их господа. Подсудность в древности определялась очень различно. Например, на приказных людей и крестьян патриарших, митрополичьих и владычных и на монастыри суда в городах вовсе не давали, но потому, что эти лица судились в Москве, на Патриаршем дворе. Точно так же по всем откупным делам (кому даны на откуп перевозы, мостовщина и пр.) суд происходил не в городах у воевод и приказных людей, а в Москве, в тех приказах, из которого кому дано на откуп. В данном случае дело шло именно об излишнем сборе на мытах и перевозах, сданных на откуп, а потому воеводы и признали это дело себе не подсудным (А. И. III. N 92, XXXIII).

Вот что значит: нам этих людей в городах судить не указано! Это все разъяснено в том же документе, но подальше.

Но автор не ограничивается одной нашей ссылкой. Для доказательства своей мысли он углубляется в удельную Русь с целью выяснить начало подсудности в то отдаленное время. Вот какую картину удельного быта рисует он. "В древней Руси, до

XIV века, не было государственной территориальной власти, которая составляет необходимый элемент современного государства. Личные отношения преобладали над поземельными. Князь-государь владел территорией лишь в силу подчинения ему частных собственников земли. С прекращением личной связи землевладельца с князем оканчивалась и государственная власть князя над вотчиной частного собственника. Древнее вотчинное право исключало территориальную власть князя-государя. Частные земельные владения делались экстерриториальными вследствие отъезда бояр и закладничества своеземцев. Точно так же земля ускользала от государственной власти и тогда, когда она переходила покупкой и другими способами в частную собственность соседнего князя или его слуги" (42-46).

Итак, в древности не было подсудности по земле и воде, а была подсудность по подданству. Подданство же определялось личной связью, личной зависимостью, а следовательно, и закладничеством. Суд и дань по земле и воде, полагает автор, есть новое начало, оно было сформулировано впервые только в конце XIV в. (49).

До самого конца XIV века, следовательно, у нас не было подсудности по земле и воде, не было территорий, подчиненных власти известного князя. Из-за чего же князья воевали? Зачем они стремились овладеть чужими волостями, если это не давало власти? Подсудность определялась не землей и водой, а по личной связи судьи с подсудимым, причем, в силу закладничества-патроната, судьей был не только князь или его уполномоченный, но и всякий частный человек, под патронатом которого состояли разные люди. Это невозможный порядок даже для удельной Руси. Приведем пример. NN нанес кому-либо "обиду". До сих пор думали, что на него можно было жаловаться киевскому князю, если это случилось в Киеве; черниговскому, если в Чернигове, и т.д. В Русской Правде так и сказано: "вести его на княж двор". Тут разумеется двор своего местного князя, ибо та же Правда говорит: "Из своего города в чужу землю свода нет", т.е. если дело дойдет до лиц, живущих в чужой земле (т.е. в другом княжении), то местная власть не может их касаться. По взгляду же автора, надо было жаловаться не местному князю, а тому лицу, за которое задался обидчик, с которым он находится в личной связи. Как отыскать это лицо? Оно может находиться в "чужой земле", и кому оно известно? Ведь это связь личная, ничем не скрепленная и не оставляющая по себе никаких видимых знаков, так как закладник не всегда же находится во дворе своего господина. Сегодня эта связь есть, завтра ее нет; закладчик может ежеминутно сменить своего патрона. Как же найти судью обидчика? Полно и старательно нарисованная автором картина служит только доказательством невозможности изображенного им порядка вещей.

Но мы не можем покончить на этом с интересным вопросом о закладниках. Необходимо остановиться еще на одной особенности исследования почтенного автора. Он озаглавил свою статью: "Закладничество-патронат". Усматривая сходство между нашим закладничеством и западным патронатом, он имеет в виду сравнительное исследование закладничества. Это придает труду его особый интерес, но возбуждает вопрос о том, правильно ли он делает сближение и есть ли в сравниваемых им явлениях действительное сходство?

Автор не берет на себя труда объяснить, что такое патронат, к которому он приравнивает закладничество. Он говорит только: "Институт этого рода, под именем патроната, существовал и в западноевропейской истории" (16).

Это не очень точно. Патронат есть римский термин и означает римское учреждение. Как таковое, он перешел и в Западную Европу, но это патронат над вольноотпущенными и только. Никакого другого института под именем патроната Западная Европа не знала. На следующей странице автор делает выписку о сущности патроната из сочинения Фюстель-де-Куланжа - "О возникновении феодальной системы, о бенефициях и патронате во время Меровингов". Она все объясняет и дает ключ к пониманию автора. Французский ученый имеет в виду

выяснить те условия, которые способствовали возникновению феодальной системы. Указав в первой половине названной книги на бенефиции как на одно из таких условий, во второй - "он желает говорить о совокупности обычаев, которые обозначались словами: патронатство, клиентство, покровительство, доверие (foi), мундебурдиум, вассальство. Под этими различными названиями, - продолжает он, - дело идет об одном и том же учреждении (institution), которое, видоизменяясь, переходит из века в век. Существо этого учреждения в том, что один человек становится в зависимость (dependance) от другого" (193).

Итак, патронат - это одно из таких учреждений, но в заглавии книги и в оглавлении автор пользуется этим термином и для обозначения всех подобных ему институтов. Это есть научное обобщение и только. В Западной Европе подобные патронату учреждения носили иные наименования.

Патронат, о котором в книге Фюстель-де-Куланжа идет речь и который имеет в виду, вслед за ним, и наш автор, определяется только одним признаком: это зависимость одного человека от другого. Но зависимость чисто частного характера, а потому, продолжает французский ученый, "ее нельзя смешивать с зависимостью раба от господина, и - вольноотпущенного от его патрона. Это добровольное подчинение свободного человека". "Древние общества, - читаем далее, - знали повиновение гражданина государству и подданного государю, который представлял это государство. Повиновение, о котором мы хотим говорить, человек добровольно оказывает лицу другого человека. Это подчинение личное и индивидуальное: один покровительствует, другой повинуется. Это патронатство возникло в частной жизни, а потом уже проникло в область политическую. Прежде чем основать (constituer) феодальный порядок, оно зародилось и развилось в домашней жизни людей" (199).

Под этим общим термином патронатства французский ученый соединяет такие разнообразные институты, как сольдуров (soldurios) у галлов, комитат (comitatus) у германцев и римских клиентов последних двух веков Римской республики и трех первых веков империи; а потому несколько не удивительно, что он характеризует их одним только признаком, чисто частной, необязательной, добровольной зависимости. Это верно, и для его цели совершенно довольно. "Римское владычество, - говорит он далее, - не могло повести к утрате галлами их обычаев клиентства и патроната, потому что эти обычаи были известны и римскому обществу" (205).

А в другом месте: "Мы должны держаться такого взгляда: и галлы и германцы одинаково знали эти обычаи и имели свои термины для их обозначения. Патронатство, мундебурдиум, коммендация, верность, каким бы мы словом их ни назвали, мы всегда будем иметь перед глазами ту же совокупность обычаев. Дело идет о некотором порядке подчинения, который люди знали давно, но которым они особенно пользовались с VI по VIII век нашего счисления, и который привел их к феодализму" (250).

Патронат, которым занимается Фюстель-де-Куланж, - это разные тропинки, которые соединились и привели к феодальному быту при других подходящих условиях, конечно.

Теперь мы знаем, о каком патронате идет речь в исследовании г. Павлова-Сильванского. Он полагает, что это и есть наше закладничество! Это очень сомнительно. Наши закладники "живут во льготе", за них есть кому заступиться, это "заступные люди". Это своего рода покровительство и на первый взгляд можно подумать, что это и есть то покровительство, которое имеет в виду Фюстель-де-Куланж. В действительности же тут большое различие. Римский патрон оказывал всевозможную протекцию своим клиентам, доставлял им места, являлся их защитником на суде, и если это был влиятельный и сильный человек, он проводил своих клиентов даже в сенаторы и помогал им выигрывать иски совершенно

неправые; если клиент был человек бедный, патрон кормил и поил его, одевал и обувал. Наша же "легость" состояла только в том, что закладня нельзя было привлечь к отбыванию тягла, и это вовсе не в силу особого покровительства, а в силу правил о порядке обложения: одни лица подлежали при известных условиях обложению, а другие нет; закладни становились в такие условия, при которых обложение их не касалось. В действительности тут ничего нет общего.

Все остальные признаки нашего закладничества прямо противоположны признакам отдельных видов патроната французского ученого. Автор доказывает, что закладник, поступая в частную зависимость, уходил от подчинения государственному суду и управлению; в Риме и в Западной Европе ничего подобного не было. Там это отношение частной жизни, не оказывавшее никакого влияния на положение человека в государстве. Я отрицаю теперь судебную зависимость нашего закладника от господина; но и в этом случае он не приближается к западноевропейскому клиенту, ибо он связан заемным обязательством, а западноевропейский - связан только нравственно. Наше закладничество стоит в самой тесной связи с системой обложения, причиняет правительству убытки, а потому постоянно им запрещается, с XIII-го и по конец XVII века. Западноевропейское клиентство, не выходя из пределов частной, домашней жизни, законам неизвестно, они о нем ничего не говорят и состояния этого не запрещают.

Русский ученый, однако, говорит вот что: "Как московское, так и римское правительство издают ряд узаконений против закладничества, одинаково грозят наказаниями, конфискацией земель, штрафами патронам и клиента и, как кажется, одинаково не достигают цели".

Оказывается полное сходство там, где мы его так решительно отрицаем. Для доказательства своей мысли автор приводит даже закон Феодосия. Чего бы, кажется, сильнее!

Это тесное сближение Востока с Западом нуждается в рассмотрении. Об указанном запрещении говорит и Фюстель-де-Куланж, на которого наш автор здесь и ссылается. Дело вот в чем. Сильные римские патроны оказывали великую помощь своим клиентам: доставляли им места и помогали выигрывать процессы. Это было причиной, что в клиенты поступали не только бедные, но и достаточные люди, поземельные собственники. Они поступали в патронат не лично только, но и со своей землей, чтобы и ей было оказываемо покровительство. Номинально земля переходила, как дар, в собственность патрона. "Находясь в руках богатого собственника, - говорит французский ученый, - земля не освобождалась от налогов, но он платил их иначе и по другому порядку сбора. От этого различия возникала некоторая выгода и для патрона и для клиента, а для казны убыток. Вот почему римские законы времен империи IV века запрещали под страхом наказания богатым людям принимать в число своих клиентов поземельных собственников" (с. 242-244). И там запрещение, и у нас запрещение, но в западных запрещениях IX века очень мало общего с запрещениями нашего закладничества. У нас запрещается закладничество лица, а не земли. В Римской империи патронат лиц не был запрещен, а только патронат земель; а при их посредстве и патронат лиц; патронат же лиц сам по себе не причинял убытка и запрещен не был.

Русское закладничество, по мнению нашего автора, было состояние, близкое к холопству. Высшему разряду римских клиентов усвоялось наименование друзей (*amici*); по ходатайству своих патронов они достигали высокого в государстве положения и продолжали оставаться клиентами. В этом мало похожего на закладников г. Павлова-Сильванского. Тот же разряд лиц, наблюдаемый у кельтов и германцев, приближается к нашим дружинникам, а никак не к холопам.

Итак, материал для сравнения избран не очень удачно. А ведь можно было указать у нас на некоторое явление, весьма сходное с теми, которые Фюстель-де-

Куланж объединяет под именем патроната. Это не закладники, а вольные слуги, члены дружины. Принимаются они не из тяглых, а из вольных людей. Они, конечно, состоят под покровительством князей, бояр, владык, к которым приказываются на службу, и в широком смысле этого слова. Они обещают им верность и скрепляют свое обещание клятвой; также давали своим патронам клятву галльские *comites* и *familiares* (по названию, употребительному среди римских писателей). Римские клиенты также "передавались" патрону. "*Me totum tibi commendo et trado*", - говорили они. Это и есть коммендация. Таким образом, между патроном и клиентом устанавливались отношения попечительства и дружбы, которые, по мнению Фюстель-де-Куланжа, всего лучше выражались латинским словом - *fides*, французским *fois etre dans la foi* (217). Это и будет наша дружина. Наши вольные слуги были воины и жертвовали жизнью за своих покровителей. Галльские и германские *comites* - также носили оружие и проливали свою кровь для защиты патронов. Наши вольные слуги перешли в придворные чины, наполнили княжеский двор и все приказы под именами бояр введенных, окольничих, стольников; они были советниками московских государей при отправлении ими суда, издании законов и пр. Та же судьба выпала и на долю императорских клиентов в императорском Риме. "Эта великая императорская клиентура, - говорит Фюстель-де-Куланж, - завладела всеми публичными должностями. В то время как вольноотпущенные наполняли все бюро, занимавшиеся контролем и направлением администрации, друзья (*amici*, высший разряд клиентов) исполняли самые доверенные поручения и назначались начальниками отдельных частей управления. Те, кто оставался при дворе, составляли судебный совет, окружавший государя при отправлении им дел правосудия. Антонин Благочестивый, говорит его историк, не принимал никакого решения, не переговорив с друзьями, по их совету он издавал указы" (233).

Какая богатая тема для сравнений! Но с людьми, игравшими такую роль, надо сравнивать не закладников, а вольных слуг и бояр. Тут, действительно, есть большое сходство.

Институт патроната французского ученого стоит на распутье средних веков и приводит к феодализму. На том же распутье стояли и наши вольные слуги.

VII. Купцы, гости, посадские люди

Слово "купец" произошло от занятия торговлей; так называются люди, покупающие для перепродажи (копа, купа - денежная плата, купля, купить, купец). Гость тоже занимается торговлей, но не только в месте своего жительства, а разъезжая по земле. Отсюда в древних памятниках: гостиницы, как места приюта для людей странствующих, и "гостинные дани", как пошлины с торговли.

О гостях и купцах говорит договор Игоря с греками 945 года.

Первая статья его начинается так: "мы от рода русского сълы и гостье". А затем, после перечисления послов, следует перечисление "купец", т.е. гостей, приехавших в Грецию.

Греки дорожили торговыми сношениями с Русью и еще на первом договоре с Олегом обязывались давать гостям "месячину на 6 месяцев, и хлеб, и вино, и мясо, и рыбы, и овощем".

В Никоновской летописи читаем:

"Того же лета приходи свейский король с пискупом своим, в шестидесят шнеках, на гости новгородцкиа, иже из мориа шли с великим богатством в пяти лодиях; и бишася много, и неуспеша ничтоже новгородцем, и отлучиша (новгородцы) у них (шведов) три шнеки, а избиша их сто и пятьдесят" (1142).

В Воскресенской:

"Ярослав также прибеже един в Переяславль (после поражения у Липиц) и затворися в нем. И недоволе ему о первом зле, елико изби в Новгороде и в Торжку и на Волоце, но и ту, вбег, изнима новгородци и смолняны, иже бяху зашли гостьбою в землю его, и повеле новгородци в погребы метати, а иных в тесней избе затворити, и задуши их полтораста..." (1216).

То же значение имеет гость и в московских памятниках XVI века. В духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича читаем:

"А что есми подавал детям своим селци у Москвы в дворы з городскими на посадах, и дети мои в тех дворех торгов не дръжат, ни жытом не велят торговати, они лавок не ставят, ни гостей с товаром, иноземцев, и из Московские земли и из своих уделов в своих дворех не велят ставити. А ставятся гости с товаром, иноземци, и из Московские земли, и из их уделов, на гостиных дворех, как было при мне" (Рум. Собр. I. N 144, 1504).

Гости и купцы не составляли, однако, в древности особого сословия. В старину все могли торговать: и князья, и духовенство, и служилые люди, и крестьяне - и действительно торговали. Это следует из таможенных грамот, которые предписывают сбор таможенных пошлин с людей всякого звания:

"А с пригородских людей Новгородские земли и с сельских людей имати тамги с московскаго рубля по четыре московьки... А кто поедет москвитин изо всех пригородов и волостей Московские земли, и смольянин, и изо всех городов и из волостей Тверские земли... с товаром, с белкою, и с воском, и со всяким товаром... А который человек служивой приедет в Новгород с товаром, ино с его товару тамги и иные пошлины потомуже, как с торговаго человека... А имати им (таможенникам) тамга и пуд, и все пошлины: с царева и великаго князя товару, и с митрополича, и со владычня, и с наместнича, и с боярского, и с царевых великаго князя сельчан, и митрополичих, и с владычних, и с монастырских, и с боярских, и со грамотчиков и со всех безомены, чей кто нибуди" (А. Э. I. N 282, 1571).

Все эти торговцы, без всякого различия, приезжая в город, должны были ставиться на "гостиных дворах", в устроенных там для них помещениях, и производить из них свою торговлю (там же).

С другой стороны, лица, специально занимавшиеся торговлей, не были исключены от пользования какими-либо другими правами.

Древнейший список Правды в статье, назначающей вознаграждение за убийство, уравнивает купцов с княжескими чиновниками: за тех и за других берется 40 гривен.

Из летописей узнаем, что купцы вместе с боярами принимают участие в общественных делах.

В 1177 году во Владимире-на-Клязьме собираются бояре и купцы и требуют от князя своего Всеволода, чтобы он принял решительные меры против только что побежденных им рязанских князей:

"И на третий день бысть мятеж в Володимири, въсташа боляре и купцы, рекоуче: княже, мы тебе добра хотим, за тя головы своя складываем; ныне дръжиши ворогы своя просты, а се ворози твои оу бока, соуждалци и ростовци, любо казни их, любо слепи, или дай нам" (Сузд.).

Они участвуют в посольствах. В 1215 году новгородцы, много думавши, посылают за князем Ярославом посадника, тысяцкого и десять человек купцов, старейших мужей.

Купцы выступают, наконец, и в качестве воинов. От X века имеем известие, что гости, обыкновенно, носили оружие. В договоре с греками 945 года встречаем статью, которая требует чтобы купцы, приезжающие из Руси, входили в Константинополь без оружия. Это знакомство торговых людей с оружием - дело весьма понятное. При отсутствии безопасности на дорогах они сами должны были

охранять свои караваны.

В Новгородской I лет. под 1195 годом читаем:

"Том же лете, на зиму, позва Всеволод новгородьце по Чьрнигов, на Ярослава и на все Ольгово племя. И новгородьци не отпърешася ему: идоша с князем Ярославъмь огнищане, и гридьба, и кущи".

В Москве в XVI и XVII веках произошло уже значительное обособление служилого класса, тем не менее, и там торговые люди призываются к военной службе. В походе на Казань участвуют "сурожане, суконники, купецкие люди и прочие москвичи, коим пристойно по их силе" (Рейц, 136). В 1616 году Михаил Федорович указал:

"По Белому городу быть по воротам головам, и дьяком, и гостям для обережения..." (Дворц. разр. I. 232).

Недвижимостями купцы могли обладать наравне с лицами других специальностей.

Новгородская судная грамота не делает никакого различия между боярином и купцом по отношению к землевладению. И тот и другой могут обладать недвижимостями:

"А целовать боярину, и житьему, и купцю как за свою землю, так и за женню" (17).

"А позовут боярина, и житьего, и купца в его земле, или в женне, ино ему отвечать... в свое место и в женне..." (18).

Древние города нередко состояли только из укрепления, которое, кроме служилых людей, постоянного населения не имело. Поэтому торговля не была у нас приурочена к городам, она развивалась и вне городов, в поселениях, которые и впоследствии городами не делались. В церковном уставе смоленского князя Ростислава Мстиславича гостинная и торговая дань упоминаются в таких местностях, которые ни тогда, ни после городами не были. Таковы: Поцин и Оболв (1150 год). Таким образом, торговля и купцы не замыкались в нашей древности в пределах городов.

То же явление наблюдается и в московское время. Торговые люди живут в деревнях и даже на владельческих землях еще в XVII столетии. В грамоте о денежном сборе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищами от 1632 года читаем:

"И с тех гостей и с торговых и всяких людей, с митрополичьих, и архиепископовых, и епископовых, и с монастырских, и с боярских, имати пятая денга их животов на вспоможенье ратным людем" (Книги разрядные. II. 486).

Даже в Уложении не находим безусловного запрещения торговым людям жить на владельческих землях. Оно отбирает на государя только такие торговые владельческие слободы, села и деревни, которые находятся на посадах и около (XIX, **1, 5, 7, 8, 9**). О тех же, которые "не близко посадов", в Уложении сказано:

"А которые патриарши и митрополичьи, и властелинские, и монастырские вотчинные слободы, и села и деревни боярские, и окольничих, и думных, и ближних, и всяких чинов вотчинные и поместные слободы, села и деревни от посадов не близко, а в них живут торговые люди, а изстари они бывали посадские жильцы, и в городех у них лавки и всякие торговые промыслы, и по сыску тех торговых и промышленных людей указал государь взять в те же города в посад на старые их тяглые места, и устроить с тяглыми с посадскими людьми" (XIX, **9**).

Из этой статьи следует, что те торговые люди, которые не были посадскими жильцами, могут по-прежнему жить на владельческих землях и торговать там; только в городах не могут они иметь лавок.

Этим и надо объяснять существование лавок и целых посадов на владельческих землях и после **Уложения**. Весь Тихвинский посад принадлежал

Тихвину монастырю Успения Пречистыя Богородицы. На посаде были целые ряды лавок, оброк с которых шел в дом Пречистыя Богородицы в монастырскую казну. В апреле 1661 года в монастырской вотчине случилось "убивственное дело, Мишка Печонкин да Федька Жарухин да пришлой человек, попов сын, Прошка Федоров, убили Тихвина монастыря крестьянина". Для рассмотрения этого дела собрались архимандрит, старцы и посадские люди и решили отослать виновных в Великий Новгород к боярину и воеводе князю Григорью Семеновичу Куракину с товарищи, "и впредь оне Мишка Печонкин с товарищи, к нам в монастырскую вотчину во крестьянство и в посадское тягло ненадобны" (А. Ю. N 64 и 69, 1661-1669).

Занятие торговлей несовместимо с постоянной службой князю. Надо думать, что если торговые люди и поступали на службу князя, то в редких и исключительных случаях. Но, конечно, они так же могли это делать, как и люди других специальностей. Указание на это находим в договорах московских великих князей с удельными.

В договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем читаем:

"А гости, и суконников, и городских людей блюсти ны с одного, а в службу их не приимати" (Рум. Собр. I. N 33, 1388).

Этим договором устанавливается исключение из общего правила. Гости, суконники и городские люди (т.е. московские городские люди) тоже поступают на службу; это старинное начало. Но Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич обязываются отступить от этого начала и впредь не принимать их на службу. Надо думать, что это ограничение касается только торговых людей города Москвы, где Владимир Андреевич был третчиком. Этим объясняется и выражение "блюсти с одного", т.е. ведать вместе. Торговые же люди местностей, составлявших отдельное владение каждого князя, ведались, конечно, каждым из них отдельно, а не за один. Это ограничение встречается еще только в одном договоре Василия Дмитриевича с тем же Владимиром Андреевичем.

Но были некоторые общественные функции, которые близко соприкасались с торговым делом, а потому с древнейшего времени и поручались людям торговым. Сюда относятся сборы пошлин с торговли.

Древнейшее указание на это находим в дарственной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславича воздвигнутой им на Петрятине дворище церкви во имя св. Иоанна. На строение церкви, от своего великого имени, князь дал вес воцаной. Для ведомства возникших из этого дара "ивановских дел", состоявших в разборе споров, возникавших при сборе весовой пошлыны, в хранении денег и их расходовании, князь учредил особый совет из трех старост от житых людей, тысяцкого от черных и двух старост от купцов. Этим двум старостам от купцов поручен был и самый вес воска, который они должны были производить в притворе св. Иоанна. Двое купеческих старост избирались, но не всем купечеством, а только пошлым. Пошлыми же купцы делались "вкладом и отчиною". То есть пошлым купцом был: 1) тот, кто вложился в ивановское купечество, а для этого надо было внести "купецам пошлым вкладу 50 гривен серебра", из которых только половина шла св. Иоанну, употребление другой половины не указано; 2) приобретенное вкладом право ивановского купечества переходило по смерти приобретателя к его детям.

Возникает вопрос, за что платили ивановские купцы 50 гривен, сумму, по тогдашнему времени очень значительную? Она многим превышала цену человеческой жизни. В старину исполнение всякой публичной должности вознаграждалось не жалованьем, а доходом с должности. Получали такой доход и сборщики податей. Чтобы иметь право на этот доход, ивановские купцы, надо думать, и вносили 50 гривен.

Они названы "пошлыми". Пошлина есть то, что пошло из старины. Это заставляет думать, что ивановское купечество есть только отдельный случай

применения к потребностям церкви св. Иоанна порядков, давно уже сложившихся, а потому пошлых. О доходах князя с торговли говорит уже Владимиров церковный устав; пошлины с веса воскового Всеволодов устав называет стариной. Можно думать, что купцы в Новгороде в глубокой уже древности приставлялись к сбору торговых пошлин и делали за это некоторый вклад в княжескую казну. Они-то, надо думать, и назывались "пошлыми купцами". Князь Всеволод берет из их ведомства часть торгового сбора в пользу церкви св. Иоанна, предоставляет взимание его особому ивановскому купечеству и требует, чтобы и это купечество тоже было "пошлом", т.е. делало некоторый вклад за право сбора. Пошлomu купечеству в грамоте противопоставляется непошлом; оно не участвует в сборе пошлин:

"А не пошлым купцем старощения не держати, ни весу им не весити иваньского" (Доп. к А. И. I. N 3, около 1134-1135).

В Московском государстве купцы и гости также привлекаются к таможенному делу.

Можно думать, что учрежденное Всеволодом ивановское купечество существовало в Новгороде еще в XVI веке, хотя, может быть, и с некоторыми изменениями.

Утверждаем это на основании таможенной новгородской грамоты от 1571 года. В начале грамоты говорится, что в Великом Новгороде, в государеве опричнине, на торговой стороне, тамга и все таможенные пошлины собираются гостями и купцами московскими и новгородскими. А при исчислении отдельных пошлин сделано такое исключение:

"А воск, и мед, и олово, и свинец, и квасцы, и ладон, и темьян (смесь ладана с воском для куренья) весить по старине, на крюк, у Ивана Святого под церковью, на Петрятине дворище; а таможникам в то не вступатися ни во что" (А. Э. I. N 282).

Известие это чрезвычайно кратко и было бы совершенно непонятно, если бы мы не имели вышеприведенной Всеволодовой грамоты. Исключение, надо полагать, сделано в пользу ивановских купцов, которые и в конце XVI века продолжают еще весить в притворе св. Иоанна, но уже не один воск, а и некоторые другие товары. Кто и когда сделал это новое приношение св. Иоанну, мы не знаем. Наша домосковская старина во много была весьма устойчива.

В московских памятниках для обозначения торговых людей входит в употребление новое слово посадские. Думаем, что термин этот возник от сидения в лавке торговых людей, а затем сообщился и самому месту, где лавки были устроены, которое поэтому и называлось посадом. В описи города Мурома читаем:

"В Муроме ж на посаде лавки, а сидят в них муромцы, посадские люди, со всяким товаром и всего в Большом ряду, от площади к гостину ряду, по обе стороны 38 лавок жилых" (А. Д. N 229, 1574).

Такие посады возникали, обыкновенно, около городов, непосредственно прилегая к городским стенам:

"В Муроме на посаде, за городом, государя царя и великаго князя двор, против Николы Мокрого..." (там же).

Возникновение посадов возле городов очень понятно. Многие города возникли по правительственным соображениям, как пункты защиты; первоначально их постоянное население состояло единственно из служилых людей. Торговые люди являлись со своим предложением в пункты, где сосредоточивались служилые люди.

Но посадские люди и посады могли быть и в селах. В торговом монастырском селе, Веси Егонской, были свои посадские люди, ездившие с товарами в разные города (А. Э. I. N 263, 1563). В селе Дмитрия Годунова, Чаранде, был тоже посад, а в нем жили торговые посадские люди (А. Э. I. N 356, 1592). В начале XVII века Ивану Черкасскому пожаловано село "Павлов острог с посадскими людьми" (А. Э. III. N 159, 1624).

Да и у стен городских могли селиться не одни только специалисты - торговые люди, но и крестьяне; может быть, они и были первые посадские торговцы. Существование таких двух элементов в посадах объясняет тот факт, что к городам приписывались пахотные земли. В той же описи Мурома читаем:

"В Муроме ж на посаде дворы черные тяглые... И всего в Муроме на посаде... в живе черных тяглах дворов 111 дворов... Пашни у всего посаду с московские дороги, и перелогу и животиннаго выпуска, во всех трех полях худые земли... 608 четьи; а сошнаго писма во всем посаде... 12 сох без чети без малой трети и пол-пол-полчети сохи".

К посадам бывали приписаны целые деревни:

"От царя и великаго князя, Ивана Васильевича, всея Руси, на Устюжно Железополскую, на посад: старостам и сотцким и пятидесятцким и десятцким и всем крестьяном, посадцким людем. Пожаловал есми княж Юрьеву Васильевича княгиню, старицу Александру, Устюжно Железополскою, посадом и деревнями, что к посаду, со всеми доходы..." (А. Э. I. N 279, 1570).

Посад и деревни составляют здесь одно административное целое, а крестьяне названы посадскими людьми.

Как далеко заходила деревня в посад, это ясно видно из дозорной книги посада Чаронды, в которой читаем:

"Да к погосту же на Чаронде на посаде тяглых дворов: двор Иванко Петров... Да двор пашенного человека, Мишки Иванова; да двор пусть пашенного же человека, Гришки Краснова, а пашни его пол чети выти впусе... Да пашенных же людей пожженных дворов места (следует перечисление 14 дворовых мест)".

"Да на Чаронде же на посаде непашенных людей дворы, а живут в них непашенные люди, а кормятся рыбною ловлею, а платят государевы доходы с пашенными крестьяны вместе с рыбные ловли (следует перечисление 19 дворов и в том числе один "двор, торговой человек, Торопко Веяков, да у его ж двора лавченко") (А. до юр. б. N 128, II, 1615).

В приходной книге Туринского острога всяким государевым доходам 1622 года читаем:

"Посадские люди:

"Фомка Ортемьев. И на нынешний на 131 год, по окладу, с двора и с пашни и с сенных покосов годового оброку взято шестнадцать алтын четыре денги" (за этим следуют еще шесть посадских, обложенных оброком с пашень и сенных покосов).

"Годовой оброк с лавок:

"У государева пашеннаго крестьянина, у Куземки у Никонова, с онбара на нынешней на 131 год, по окладу, оброку взято шесть алтын четыре денги" (А. до ю. б. N 142. II).

Посадские люди пашут, крестьяне торгуют.

Первые формальные различия между посадскими людьми и крестьянами находим в постановлениях Судебников о бесчестье. Но они не отличаются большой точностью и определенностью.

В царском Судебнике находим по этому предмету такие определения:

"А гостем болшим бесчестья 50 рублей; а женам их вдвое против их бесчестья. А торговым людем и посадцким людем (двух последних слов в Татищ. сп. нет), всем (и всяким, Толст. I) средним бесчестья 5 рублей; а женам их бесчестья против их бесчестья вдвое... А крестьянину пашенному и непашенному (в 4-х сп. нет) бесчестья рубль; а жене его бесчестья два рубля. А боярскому человеку молотчому или черному городцкому (вар. посадцкому) человеку молотчому бесчестья рубль же; а женам их бесчестья вдвое" (26).

Такие определения, как большие, средние и младшие люди, указывают, конечно, на значительную неопределенность формальных различий. Где

оканчиваются большие гости и начинаются средние? В каждом отдельном случае это должно было решаться усмотрением судьи. Молодший городской приравнен крестьянину. А если крестьянин имеет лавки и ведет значительный торг? Его, конечно, можно было отнести к торговым людям, под которыми Судебник понимает всех средних купцов, и взять за его бесчестье 5 рублей.

Подтверждение такому толкованию находим в близкой по времени к Судебнику Судной грамоте удельного князя Владимира Андреевича:

"А бесчестья посадским людем и волостным добрым пять рублей" (А. Э. I. N 257, 1561), в которой добрые волостные крестьяне уравниваются со средними посадскими людьми Судебника.

Эта близость посада к селу и деревне объясняет общие челобитные посадских людей и волостных крестьян XVI века. Царю Ивану бьют челом:

"Шенкурцы и Вельского стану посадские люди и всего Важского уезда становые и волостные крестьяне, которые станы приписаны судом к Шенкурью, к посаду, и к Вельскому стану" (А. Э. I. N 234, 1552).

Здесь посадские люди живут в Вельском стану, а не в городском только посаде.

Только с конца XVI века московское правительство начинает принимать меры к большому обособлению торгового класса, но только лучших его людей.

За службу в таможенных и кружечных дворах и у собориной казны оно начинает жаловать торговых людей гостинным именем (Котошихин. X, 1) и дает на это звание грамоту с красной печатью (Улож. XVIII, 8). Звание гостя из бытового явления переходит в отличие, жалуемое московскими государями за верную службу. Если Уложение назначает гостю по 50 р. бесчестья, то это надо понимать о купце, пожалованном гостинным именем, следовательно, о совершенно определенном разряде лиц. Мы даже знаем число их. Котошихин говорит: "а будет их близко 30 человек".

Гостям, в силу пожалованных грамот, предоставлялись, обыкновенно, некоторые привилегии. Вот одна из таких грамот:

"Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь, Борис Федорович, всея Руси самодержец, и сын наш, царевич князь Федор, пожаловали есмь наши отчины Великаго Новагорода торговаго человека Ивана, Онаньина сына, Соскова гостинным именем. Велели ему быти в гостех и на дворе его стояльщиком никаким не ставитися, oprичь наших походов; и всякое питье велели ему держати безьявочно и безвыимочно про себя, а не на продажу. А в которые города Иван поедет, или его дети, или племянники с его товары, и в тех городех наши наместники и воеводы и всякие приказные люди их не судят ни в чем, а судим мы, великий государь, царь и великий князь Борис Федорович, всея Руси самодержец, и сын наш, царевич, князь Федор, или кому повелим судити. Дана грамота на Москве, лета 7107, сентября в 15 день. А припись у тое государевы жаловалные грамоты дьяка Постника Дмитриева" (Доп. к А. И. I. N 147, 1598).

Такие привилегии не составляют, однако, изобретения XVI века. Они получили свое начало гораздо ранее. Древнейшая из дошедших до нас льготных грамот купцам принадлежит великому князю Дмитрию Ивановичу. Он освободил новоторжца, Микулу, с детьми и сиротами, от всяких даней и суда своих наместников. "Микулу с его городищанами судит сам великий князь. Что (Микула) купит или продаст, или его дети, не надобе им ни тамга, ни восминичее... ни костки, ни которая пошлина, ни побережное, ни весчее" (Доп. к А. И. I. N 9; грамота очень плохо сохранилась, а потому мы и не приводим ее целиком). В начале грамоты Дмитрий Иванович говорит, что он пожаловал Микулу "по деда своего князя великаго грамоте". Таким образом, Иван Данилович давал уже привилегии купцам. Нет ни малейшего основания думать, что он был в этом деле новатором. Такой порядок

вещей, конечно, идет из самой глубокой старины.

Жалованные грамоты устанавливают привилегии в пользу отдельных лиц, а не целого класса торговых людей.

Некоторое исключение из этого порядка вещей представляет Новгород. В новгородских договорах с князьями встречается общая привилегия для всех торгующих. Она выражается в такой формуле:

"А дворянам твоим по селом у купцев повозов не имати, разве ратной вести".

Новгородские купцы дают подводы княжеским слугам только в случае отправки гонца с известием о войне.

Эта привилегия встречается уже в договоре Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем, заключенном в 1265 году, повторяется во многих договорах с тверскими князьями XIV века и в последний раз упоминается в договоре с Москвой 1471 года, хотя в этих последних договорах и без прибавки "по селом". Думаем, однако, что "по селом" предполагается и позднейшими договорами.

Что же значит это "по селом?". Нельзя допустить, что привилегия дана только сельским купцам. Здесь, надо думать,разумеются торговые люди, находящиеся в дороге с товаром и застигнутые княжескими дворянами во время остановки в селе. Эта привилегия дана всем торгующим, чтобы не останавливать, без важной причины, их торгового движения; а не купцам в смысле особого класса. Такая же привилегия, как увидим из приводимой ниже грамоты, давалась и в Москве, но отдельным лицам. Новгород же Великий ограждал не лица, а торговлю.

В Москве хотя и начинается некоторая организация торговых людей, но она не была рассчитана на развитие торговли и промыслов. Надо сказать даже более, эта организация была прямо противоположна интересам торговли и промыслов.

С конца XVI века московское правительство начинает брать по городам лучших людей из черных сотен и слобод и устраивать из них в Москве особые сотни: гостинную и суконную (А. Э. II. N 49). Цель этих новых сотен так определена Котошихиным:

"Гостинная, суконная сотни устроены для того: на Москве и в городех бывають у зборов царские казны в целовальниках, и торги своими торгуют же и всякими промыслами промышляют" (X, 2).

Людям гостинной сотни давались также привилегии, как и гостям. Вот жалованная грамота царя Шуйского торговому человеку гостинной сотни:

"И яз царь и великий князь, Василий Иванович, всея Руси пожаловал Ондreja Окулова и его детей: где он на ком учнет искати или отечати, в котором приказе ни буди, а дойдут по суду до крестного целованья, и ему самому и его детям креста не целовати, а целовати крест в их место людем их. И питье ему держати про себя безъявочно. Также есми Ондreja Окулова и его детей пожаловал: где ему случится в отъезде быти самому, или его братье, или его детем, или его племянником, которые с ним не в разделе или их людем нашего государства по всем городом, и наши бояре, и воеводы, и дьяки, и всякие наши приказные люди ни в чем их не судят; а кому до них дело, ино их сужу яз, царь и великий князь, Василей Иванович, всея Руси на Москве или мой казначей. И с черными сотнями никаких ему дел не делати и не тянути ни в чем, опричь своей гостинья сотни. И подвод у него в отъезде во всех городех нашего государства и по ямам не имати; и стоялщиков у них во дворе и всяких иноземцев не ставити. А кто их чрез сию мою жалованную грамоту чем изобидит, тому от меня, царя и великаго князя, Василья Ивановича, всея Руси быти в опале. Дана ся наша царьская жалованная грамота на Москве, лета 7114 июня в день" (А. Э. II. N 49, 1606).

За усердную службу в таможенных и кружечных дворах люди гостинной сотни жалуются "гостинным имянем". Под усердной же службой разумелась такая, которая в результате своем имела прибыль государевой казны (Улож. XVIII, 8).

Нельзя не заметить некоторого родства между новгородскими пошлыми купцами и московскими гостями и людьми гостинной и суконной сотни. И те, и другие состоят при сборе пошлин. Но это очень отдаленные родственники. Они различаются всем громадным различием строя новгородской и московской жизни. В Новгороде стать пошлым купцом есть дело свободы, досуга и призвания; в Москве это тяжелая обязанность, которая отрывает от торговли и промыслов всех лучших торговых людей. Жалуемые им привилегии далеко не окупают тех потерь, которые они должны нести, передавая ведение своих предприятий в чужие руки. Московская организация торговых людей находится в прямом противоречии с интересами торговли, для которой нужна свобода, а не обязательная служба. Хорошо известно невыносимое положение этих невольных государевых слуг во время отчетности их перед московскими приказами, которая нередко, благодаря знаменитой московской волоките, тянулась год, а иногда и более и совершенно расстраивала торговые дела купцов. Петру Великому суждено было усмотреть недостатки московской организации и положить начало новому порядку вещей. Но обратимся к старине.

Гостинная и суконная сотни были расписаны на статьи: большую, среднюю и меньшую. Каждой статье Уложение определяет особое бесчестье. Самое большое, 20 руб., полагается человеку гостинной сотни большой статьи; самое меньшее, 5 руб., человеку суконной сотни меньшей статьи (X, 94).

Эти различия представляют нечто совершенно определенное. Но здесь определенность и оканчивается.

За бесчестье крестьян Уложение, как и Судебник, назначает 1 рубль. Между же крестьянами и меньшей статьей суконной сотни поставлен следующий неопределенный разряд: люди черных сотен и слобод и посадские тяглые. Лучшим из них Уложение назначает 7 рублей бесчестья, средним - 6, меньшим - 5.

Это не посадские только, но еще какие-то люди черных слобод и сотен. Можно думать, что здесь торговые люди по-старому смешиваются с крестьянами, которые тоже торгуют, но для которых сидение в лавке не составляло специальности. Лучшие и средние люди этого-то смешанного класса, среди которого могут быть и земледельцы, так как и в XVII веке при посадах есть пахотные земли, поставлены выше меньшей статьи людей суконной сотни.

Уложение и посадских людей прикрепляет к месту, где они записаны в государево тягло (XIX, 1, 2, 22). Но этим не достигается никакого принципиального различия между городом и деревней, так как посады существуют не при городах только, а и при селах, а с другой стороны, и городские посадские люди владеют пахотными землями.

Мысль Екатерины II, что в городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, художествах, в торговле и науках, а в селах и деревнях - сельские жители, обрабатывающие землю, произведениями которой питаются все сословия, и "сие есть их жребий", совершенно чужда нашему законодательству XVI и XVII века.

В литературе вопрос о торговых людях до последнего времени не возбуждал особенно крупных разногласий. Можно было считать общепринятым положение о том, что наша древность не знала никаких формальных ограничений права торговли и что купцы не составляли особого класса с сословной организацией. Против такого взгляда высказался ныне уже умерший проф. Варшавского университета Никитский, хотя и нельзя сказать, чтобы он развил свои положения с достаточной определенностью. На основании рассмотренного нами выше устава Всеволода Новгородского церкви св. Иоанна на Опоках он утверждает, что этим уставом была основана в первой половине XII века новгородская купеческая гильдия (Св. вел. Ивана на Опоках в Журн. Мин. нар. пр. 1870. Т. 150. С. 207 и след.). Автор утверждает, что 6 членов, назначенных для ведомства ивановских дел, "сосредоточивали в своих руках всю торговую администрацию". По числу членов

"комиссия" эта напоминает ему екатерининскую шестигласную думу; а тысяцкий, председатель комиссии, "играл, по его мнению, в своем роде роль городского головы". Думаем, что такого рода сближения не нуждаются в опровержении. Усмотрев сходство с шестигласной думой, автор не обратил должного внимания на то, что комиссия из 6 членов учреждена для ведомства не торговых дел вообще, а только ивановских; что тот же памятник рядом с "пошлыми купцами" знает и "купцов не пошлых"; и что, наконец, из 6 членов ивановской комиссии только два купца, а остальные житьи люди и тысяцкий, как представитель черных людей вообще. Несмотря на значительные успехи новгородской жизни, купцы не обособились, однако, в Новгороде от других классов населения и не получили там специально купеческой организации.

Изыскания о торговых людях весьма нередко приводят к исследованию вопроса об отделении города от села. К этому вопросу пришел покойный Пригары в своем сочинении "Описание исторического состояния городских обывателей в восточной России", 1865. Он думает, что уже в конце XV века города начинают обособляться от сел и что причина этому лежит в заботах правительства об исправном поступлении тамги, с каковой целью торговлю и начинают ограничивать городами (5).

Организация сбора (таможенного) с торговли, конечно, должна была повести к ограничению мест торговли. Таможенные сборы устраивались в таких пунктах, где существовала сколько-нибудь развитая торговля. Учреждение в таких местах таможенников вызывало иногда перенос торговли в новое место, где таможенников не было. Это причиняло подрыв государевой казне, и вот вследствие этого-то мы и находим в таможенных грамотах дозволение торговли в одних местах и запрещение ее в других. Но при этом и речи нет об исключительном приурочении торговли к городам. И в конце XV-го и в течение всего XVI века торговля разрешается как в городах, так и в селах.

В древнейшей белозерской таможенной грамоте читаем:

"А кто приедет из Московские земли, и из Тверские земли, и из Новгородские земли, и изо всех монастырей Московские земли, и из Тверские, и Новгородские, и из Белозерских монастырей, всем им всяким товаром и житом торговати в городе на Белеозере; а за озеро всем им торговати не ездити; а по волостем им и монастырем не торговати ни житом, ни всяким товаром, опроче одные Белозерские волости Углы. А на Угле быти торгу по старине, а тамга имати у них по томуж, как емлют на Белеозере, в городе... А городским людем белозерцем и посажаном (вместо посадских) за озеро ездити по старине торговати" (А. Э. I. N 134, 1497).

Здесь различены приезжие торговцы из других земель и местные. Приезжие торгуют только в городе Белоозере да в волости Угле. Местные купцы могут ездить торговать и за Белоозере по волости. Это особая их привилегия.

Из жалованной грамоты дмитровского князя, Юрия Ивановича, 1521 года, узнаем, что есть мытчики (сборщики торговых пошлин) Задубровской слободы, Устенские и Дубенские (А. Э. I. N 170). Все это не города.

В пятидесятых годах XVI века возникло любопытное таможенное столкновение у архимандрита Симонова монастыря с князем Михаилом Федоровичем Прозоровским. Архимандрит бил челом государю о том:

"Что де в Бежецком Верху, в Городецком уезде, в их монастырском селе, в Веси Егонской, торг еженедель по вся дни, и на тот де торг съезжаются торговые люди со всякими товары; и в том де торгу тамгу и все таможенные пошлины откупают бежачане, городецкие посадские люди и сельские крестьяне; и от тех де от откупных таможенников их монастырским людем и крестьяном... чинятся обиды и продажа великие и откупу де таможенного на ту тамгу дают наддачу великую".

Вследствие этого архимандрит просил, чтобы государь пожаловал отдать им

тамгу без наддачи в оброк за 35 р. Государь пожаловал, отдал.

Через два года после этого приказчики кн. Прозоровского устроили в его вотчине, селе Старый Холопей, лавки, кабаки и завели торг. По челобитью князя в его вотчине тоже была устроена таможня и торг отдан на откуп за 3 рубля. Но оба села находились на одной и той же реке Мологе. Вследствие этого торговцы, плывшие в Весь Егонскую, останавливались в вотчине Прозоровского и торговали. Монастырь усмотрел в этом ущерб своим интересам. Пошли жалобы на недобор пошлин. Дело тянулось более трех лет и решено в пользу монастыря. Торг в Старом Холопее был уничтожен, а три рубля тамги присоединены к монастырскому оброку (А. Э. I. N 263).

Из 17 таможенных грамот, отпечатанных в 1-м т. А. Э., в 9-ти речь идет о торговых местах в селах и волостях (кроме трех приведенных; см. выше N 342, 352, 356, 362, 363, 366). Таким образом, и в XVI веке, так же как и в XII-м, торговля не ограничивается городами. А так как города ставились в целях обороны, то можно допустить, что были города, в которых не было никакой торговли.

Проф. Владимирский-Буданов также думает, что торговля концентрируется правительственными мерами в одних городах ради удобства взимания пошлин. Ссылаясь на белозерскую уставную грамоту 1488 года, начало этой концентрации он относит к концу XV века (Обзор. I, 103).

Иначе взглянул на вопрос проф. Чичерин. Он не ищет обособления городов ни в XV, ни даже в XVI веке. Он относит его к половине XVII-го. "Стремление к устройству и обособлению городов, - говорит он, - выразилось в первый раз в указе 1648 года, подтвержденном в **Уложении**" (Опыты, 36).

Вот относящиеся сюда две статьи **Уложения**:

"А которые в городех на посадах и около посадов патриарши, и властелинские, и монастырские вотчины, и боярские, и окольныхчих, и думных, и всяких чинов людей вотчины же и поместья... а сошлись те вотчины и поместья с посады, дворы с дворами, или близко посадов; и те вотчины и поместья взяти за государя и устроити к посадом податями и службами" (XXI, 8).

"А которые в городех патриарши и пр. села и деревни... (повторено определение предшествующей **статьи**). А в которых их в тех селах и в деревнях объявятся пашенные крестьяне, и тех крестьян указал государь описати себе статьею" (XIX, 9).

Государь указывает взять за него к посадам частные вотчины и поместья, которые сошлись с городскими посадами; пашенных же крестьян, которые могут оказаться в этих вотчинах и поместьях, описать особой статьей. Из предыдущего мы уже знаем, что в посадах были крестьяне и пахотные земли. Новая мера этого порядка вещей не только не изменяет, а, пожалуй, еще усиливает крестьянский элемент в некоторых посадах. Обособление города от деревни этой мерой, следовательно, не достигается. Но здесь действительно производится разграничение, только не между городом и деревней, а между людьми, непосредственно зависящими от государя, и теми, которые в силу прикрепления были поставлены в зависимость от частных владельцев. Это размежевание государя с патриархом, митрополитами, боярами и всяких чинов владельцами. Эти владельцы, земли которых прилегают к землям государевых посадских людей, устраивали в соседстве с ними лавки, амбары и всякие промышленные заведения; их люди делали конкуренцию государевым посадским людям в торговле и промыслах, а тягла посадского не несли. В видах ограждения государева интереса и принята эта крутая мера.

Население посадов по-прежнему остается смешанное из торговых людей и пашенных крестьян. Пашенные крестьяне могут там иметь лавки и торговать на условии посадского тягла.

Выше (с. 203) были уже приведены свидетельства, доказывающие, что еще в XVI-м и начале XVII века крестьяне не только занимаются торговлей в городах, но и имеют там лавки.

Уложение произвело размежевание между вольными государевыми крестьянами и владельческими. Последние лишены им права иметь лавки в городах. Они могут только производить торг с возов. Но это нововведение проникает в жизнь очень туго, оно постоянно нарушается, и само правительство по временам отступает от него, делая распоряжения в отмену статей Уложения.

В 1669 году костромичи, посадские люди, подали царю и великому князю Алексею Михайловичу челобитную, в которой пишут:

"Из приходных де слобод, и из сел, и из деревень монастырские и помещиковы и вотчинниковы крестьяне и дворники на Костроме в рядах и на площади походя торгуют и промышляют хлебом, и солодом, и солью, и хмелем, и холстами, и рыбою свежую и соленою, и в лавки кладутся, и всякими торговыми и ремесленными промыслами промышляют, и у приезжих де иных городов, у торговых людей, которые на Кострому приезжают со всякими товарами, цену на те товары накладывают большую, и в торгах де и в промыслах им, посадским людям, чинят обиду большую, а тягла де с ними не тянут".

На эту жалобу последовало такое распоряжение на имя костромского воеводы, Василия Степановича Корсакова, и подьячего, Семена Прокофьева:

"И вы бы на Костроме монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и дворником и всяких чинов людям, которые в Костроме похотят торговыми всякими промыслами промышлять и ремесленные люди рукодельем своим кормиться, на площади и в рядах в лавки товары свои класть, - велели с тех торговых и ремесленных людей, с промыслов их, земским старостам в Земскую Избу иметь с них оброк, по промыслам их смотря, а с товаров, с покупки и с продажи, таможенным головам наши великого государя пошлины, что б те торговые и ремесленные люди безоборочно не торговали" (А. Э. IV. N 169).

Этим уничтожалась и та межа, которая проведена Уложением между вольными и владельческими крестьянами.

Торговые и ремесленные крестьяне занимались торговлей и ремеслами и имели лавки, конечно, не в городах только, но и в селах и деревнях. С точки зрения суда и управления, села и деревни тоже не были обособлены от городов. Таким образом, отношение между торговыми людьми и крестьянами, между городом и селом и в конце XVII века остается почти то же, какое было в самой глубокой древности.

Между двумя рассмотренными мнениями проф. Градовский занимает среднее положение. Он думает, что "указы царя Михаила Федоровича и Уложение царя Алексея Михайловича тщательно выделяют города из состава прочего населения" (Сист. мест. управл., в Сб. госуд. зн. VI. С. 99).

VIII. Огнищане, бояре, дети боярские

Русской Правде уже известны бояре. Она говорит о них как о людях состоятельных: они имеют своих тиунов и даже целые дружины (III, 3, 119). Тот же памятник упоминает еще огнищан; они стоят выше обыкновенных людей. За самовольное наказание смерда взимается 3 гривны, а за самовольное наказание огнищанина - 12 гривен; они в четыре раза выше просто свободного человека.

Бояр и огнищан знают и летописи тоже в качестве людей перворазрядных. При перечислении лиц разных классов они всегда упоминаются на первом месте.

"Приде Ростислав из Киева, - говорит летописец, - и позва новгородце на

поряд: огнищане, гридь, купце вячшее" (Новг. I. 1166).

"Идоша с князем Ярославъмъ (новгородцы на Чернигов): огнищане, гридьба и купци" (там же, 1195).

В других известиях на первом месте находим бояр.

"Он же (князь Мстислав) приеха к Ростову и совокоупи ростовци: и боляры, и гридьбу, и пасынки и поеха к Володимирю" (Сузд. 1177).

"И на третий день бысть мятеж в Володимири: всташа боляры и коупци" (там же).

Итак, огнищане и бояре стоят в древнем обществе на одном и том же месте: можно сказать "огнищане", а можно сказать и "бояре", это будет одно и то же. Но слово "огнищанин" давно вышло из употребления; в известиях XIV века оно едва ли встречается. Слово "боярин" дожило до наших дней. Первое, надо думать, более древнего происхождения и еще до Москвы утратило свой смысл, а потому и исчезло.

Карамзин производит слово "огнищанин" от огнища или очага и считает огнищан домовитыми гражданами (II, пр. 67). Это, конечно, совершенно верно. Но можно сделать шаг далее и поставить вопрос, почему зажиточный человек, домохозяин, получил наименование от очага?

Наименование римских фламинов происходит от flare - дуть или flagrare - пылать, гореть, воспламенять. Но то были жрецы. И у нас слово "жрец" происходит от жертвы, а жертва от жрети, что значит гореть. Древнее священнодействие и у нас было в некотором отношении к огню. Наш жрец, с этой точки зрения, равняется римскому фламину. Нельзя ли допустить, что наши огнищане были им сродни? Весьма можно.

Вопрос о том, какая вера в высшее существо, решающее человеческую судьбу, - не откровенная, конечно, а историческая, - самая древняя, очень темен и спорен. Я далек от мысли его касаться. Я хочу только указать на то, что у многих народов весьма древним верованием является вера в души усопших предков. Они признаются покровителями своих нисходящих. Им молятся и приносят жертвы. Престолом для священнодействий является домашний очаг, на котором поддерживается в их честь вечный огонь. Священнослужителем этой домашней религии является домохозяин. Он знает тайны почитания и обряды служения своим семейным богам и передает их своему старшему сыну, который по смерти отца заступает его место у престола предков. Женщины прислуживают при совершении молитвенных обрядов, но в тайны веры не посвящаются, так как, по выходе замуж, они будут поклоняться богам своего мужа и им служить. С этим различным отношением к домашним богам мужчин и женщин ставят в связь и некоторые различия в их правах, например, в правах наследования. Имущество обеспечивает возможность принесения жертв семейным богам, они должны оставаться в семье, а потому дочери и не призываются к наследованию наравне с сыновьями*(85).

Итак, история знает не один пример домовладык-жрецов и огнищан в смысле фламинов. Есть ли какие-нибудь основания думать, что и у нас в древности было поклонение душам усопших предков?

Наши исторические памятники - по всем вопросам внутренней жизни - чрезвычайно скудны. По вопросам веры сохранилось только несколько имен языческих божеств. Но русский народ и до настоящих дней хранит в своей душе остатки древних верований. Вот из них-то и видно, что и он веровал в души предков и поклонялся им у своего домашнего очага.

Разгневанный малоросс воздерживается от брани и восклицает: "сказал бы, да печь у хати!" Почему это? Печь - престол, а потому там, где печь, надо вести себя чинно. У нас есть целый ряд поговорок, примет, поверий, объяснимых только допущением религиозного значения печи. О счастливицах говорят: "У печурце родився". Есть и ироническая поговорка: "На печке сидел, кирпичам молился".

Плевать в печь считается за грех. Наконец, мы имеем даже молитвенное обращение к печи: "Ахти мати белая печь! Не знаешь ты себе ни скорби, ни болезни, ни ломоты, так и раб Божий (имя) не узнал бы ни хитки, ни притки, ни уронов, ни призороков".

Печь одарена лечебной силой. Здесь дело, конечно, в жертвенном огне. В деревнях и теперь лечат опрыскиванием больного места водой через горящий уголь. В половине прошлого века я был свидетелем такого лечения. В Курской губернии боль горла лечат трением о край печи.

В чью же честь горел этот чудотворный огонь на домашнем очаге? Он горел в честь домового; а домовый - это хозяин, дедушка. У народа существует убеждение, что он "словно вылит в настоящего хозяина дома".

Домовой - покровитель хозяйства. Он заботится о его поддержании; охраняет лошадей, кур и пр., кормит их, даже таскает для этого корм у соседей. Домовые разных домов бывают иногда в борьбе между собой. Но домовому надо угождать, иначе он может наделать бед. Один крестьянин видел, как домовый ночью гонял у него по двору на пегашке "да так то борзо, ажио взмылил сердечную". В другом дворе домовый бил кошек, бросая в них чем ни попало. А раз схватил ее и швырнул наземь. Баба (хозяйка) не выдержала и оговорила: "Зачем бросаешь, разве это хозяйство! Нам без кошки прожить нельзя! Хорош хозяин!" Перестал.

Для умилоствления этого домовладыки ему и теперь приносят в жертву: кашу, пироги, яйца и пр., ставя все это под голубец или на загнетку. Ровно в полночь он ужинает. В случае гнева "хозяина" ему приносят в жертву петуха, кровь выливают на голик и выметают им дом и двор с заклятиями.

В народных обычаях и до сего времени сохранился обряд перенесения огня, как символа этого хозяина-предка, из старого дома в новый. Выстроив новый дом, перебивают в него и домового из старого. С этой целью, истопив в старом доме печь, хозяйка выгребает в горшок уголья, приговаривая: "Милости просим, дедушка, к нам на новоселье", накрывает его скатеркой и идет к новому дому. Там встречает их хозяин с таким же приветствием*(86).

Не простой народ, а и люди интеллигенции не считают принятым подавать друг другу руку через порог. Почему бы это? Этого, кажется, никто не знает. Можно привести и это требование приличия в связь с описанным верованием. Приходящего надо приветствовать в сфере господства "хозяина". Для этого он и должен переступить через порог.

Едва ли можно сомневаться, что и наши предки, как и множество других народов, веровали в души усопших родителей. А если так, то огнищанин назывался так потому, что служил семейному богу у домашнего огнища, возжигал и поддерживал огнище. Это глава семейства, имевший свое хозяйство, свою религию и целый ряд таких же состоятельных предков, каким был он сам. Таково значение огнищанина по историческому его происхождению; в эпоху Русской Правды - он то же, что боярин, и только.

Что слово "огнищанин" стоит в связи с огнищем, это признают все наши историки; но в частности они очень расходятся.

Дубенский (Чтение. 1846. N 1), например, не может допустить, чтобы огнищанин принадлежал к лицам высшего класса, это человек простого звания; автор в защиту своего мнения ссылается на ст. 20 Акад. сп. Рус. Пр. В этой статье сказано: "Если застанут огнищанина в момент кражи и убьют, то убить в пса мести". Автор не может допустить, чтобы перворазрядные люди в древности грабили чужое имущество. Этим занимались только маленькие люди. Это, конечно, очень наивная история.

Беляев под огнищем понимает не очаг, а землю, расчищенную для пашни посредством пала, а под огнищанином землевладельца. Мнение Соловьева (I, 216-7, пр. 351) неясно и очень сбивчиво. Это у него - близкий к князю человек, боярин, по

нашему придворный.

Сравнение с нашим придворным ровно ничего не объясняет. Сопоставление боярина с близким к князю человеком порождает путаницу в понятиях. Не все бояре были близки к князю, а кроме бояр к князьям были близки и очень небольшие люди, например, конюхи.

А далее автор говорит, что огнищане жили при княжеском огнище, а тиун огнищный был смотрителем за домом князя.

Княжеское огнище - это метафорическое название княжеского дома. Такое же словоупотребление встречаем и в средневековом Западе: focus - место разведения огня, очаг, дом: так и у нас жить при княжеском огнище значит жить в княжеском доме. Что же это за бояре, которые живут не у себя, а в княжеском доме? Это будут, допустим, придворные, но в смысле дворовых людей, т.е. дворни, не выше. У них своего огнища не было.

Тиун огнищный - это, как было уже указано, обыкновенно, раб, ведавший дом своего господина, а вовсе не боярин. Все это одно с другим никак не вяжется.

Этимология слова "боярин" разъяснена Срезневским в известном его сочинении "Мысли об истории русского языка". Он находит одинаково возможным производить это слово как от существительного "бой" (вой), так и от прилагательного "боль, болий". От того и другого слова с прибавкой образовательного слога - арь или арь (как пис-арь, лек-арь, звон-арь) произойдет старинная форма "бояр, боляр" и позднейшая - "боярин, болярин" (как рус-ин, властел-ин, господ-ин). В первом случае боярин будет означать воителя и придется сродни рыцарю, во втором - большого или лучшего человека и придется сродни гранду (133).

С бытовой точки зрения эти оба словопроизводства дополняют одно другое. Древняя война всегда сопровождалась грабежом и в случае успеха имела своим последствием обогащение. Воитель становился, таким образом, большим (богатым) или лучшим человеком. Большие же люди, как бы они ни приобрели свое богатство, обыкновенно составляют центр, около которого группируются мелкие люди, живущие на их счет. Запас этой свободной силы легко превращает большого человека в воителя.

Звание боярина в древнейшее время является, таким образом, не чином, раздаваемым князем, а наименованием целого класса людей, выдающегося среди других своим имущественным превосходством.

Начальный летописец, рассказывая о поддержке, оказанной новгородцами князю своему Ярославу в его борьбе с братом, Святополком Окаянным, говорит, что на покрытие издержек войны они взяли с мужей по 4 куны, со старост по 10 гривен, с бояр по 18 гривен. Бояре, следовательно, самые богатые люди волости (Лавр., 1018).

Русская Правда в древнейших изводах о боярах не говорит, но она знает боярских холопов (III, 57), боярских тиунов (III, 3, 89) и боярскую дружину (сп. Мусина-Пушкина. III, 119). Боярин Русской Правды, следовательно, есть человек состоятельный, имеющий холопов, ключников, даже дружину.

Слово "боярин" в памятниках иногда прямо заменяется выражением "лучшие люди" и "большие люди".

Во главе посольств, обыкновенно, ставились бояре. Суздальский летописец, рассказывая о посольстве древлян к Ольге, говорит, что они отправили к ней "бояр". Начальный летописец называет тех же послов "лучшими людьми" (945 год).

Весьма понятно, что та экономическая подкладка, которая выделяла бояр из среды остального населения, не у всех бояр была одинакова. Одни были богаче, другие беднее. Отсюда является такое же качественное различие в среде лучших людей, какое мы наблюдали в среде людей вообще. Лучшие из них, в свою очередь, называются большими боярами, старейшими, нарочитыми, великими, средние -

просто боярами; меньшие - младшими боярами и бояришками.

В Софийской летописи читаем:

"Новгородци же послаша за князем владыку с большими бояры с челобитьем и воротиша князя Ярослава с Броннича" (I. С. 195, 1269).

В Воскресенской летописи после поименного перечисления князей и лучших бояр, погибших в битве с Мамаем, читаем:

"Зде же не всех писах избиенных имена, токмо князи и бояри нарочитый и воеводы, а прочих бояр и слуг оставив имена, не писах множества ради имен: мнози бо на той брани побие ни быша" (1380).

В договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским находим такое условие:

"А коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогды ти взяти на своих также" (Рум. Собр. I. N 33, 1388).

В духовной грамоте митрополита Киприана читаем:

"Боярам великим же и меньшим и з женами и з детьми их и всему христианскому народу оставляю мир и благословение" (Воскр. лет., 1406).

Во II-й Псковской летописи:

"Новгородци прислаша своего посла, младшого боярина, Подвойского, к своему брату Пскову, не с поклоном, ни с челобитьем, ни с молением, но с гордыней, глаголя: врекаетеся ли пособити нам против великого князя?" (1471).

Бояре в низших своих слоях незаметно сливаются с мужами и людьми вообще. Это можно проследить и в языке. Одни и те же люди называются то просто мужами, то боярами.

В Ипатьевской летописи под 1178 годом читаем:

"Прислаша новгородци муже свои ко Мстиславу к Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому. Он же не хотяше ити из Русской земли... Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: брате, аже зовут тя с честью, иди; а тамо ци не наша отчина? Он же, послушав братьи своей и мужей своих, поиде с бояры Новгородьчкими".

И в московских памятниках слово "боярин" и производные от него "боярский", "боярщина", и проч. продолжают употребляться для обозначения всего чрезвычайно широкого класса имущих людей и того, что им принадлежит; этот класс, в низших своих слоях, имеет крайне неопределенную границу.

В жалованной грамоте великого князя, Василия Васильевича, Сергиеву монастырю читаем:

"Се яз, князь великий Василий Васильевич, пожаловал есми Троицкого игумена, Васьяна, Сергиева монастыря с братиею. Что их села на Углецком уезде, и которые люди от них вышли в мои села великого князя, или в села в мои великия княгини, и в боярские села, сего лета, не хотя ехати на мою службу великого князя к берегу, и яз, князь великий, пожаловал игумена Васьяна с братиею, велел есми те люди вывести назад..." (А. Э. I. N 64, около 1460).

Кто эти бояре, в села которых ушли монастырские крестьяне? Мы знаем, что в XV веке, а может быть, и ранее, появляется звание введенного боярина, которое жалуются московскими князьями. Мы даже знаем число этих бояр. В год смерти Василия Васильевича (f 1462) их было всего пять человек. Под боярскими селами приведенной грамоты надо, конечно, разуметь не села этих пяти введенных бояр, а села всех землевладельцев, на земли которых ушли монастырские крестьяне. Среди этих землевладельцев могли быть и очень мелкие люди, но и они здесь разумеются.

В Белозерской губной грамоте 1571 года читаем:

"А которые люди сами на себя в разбое говорили, и тех казнити смертною казнию, а животы их истьцом в выть в полы истцовых исков. А будет боярские люди, и старостам за тех людей имати выти в полы истцовых исков на государех их, чьи

люди" (А. Э. I. N 281).

Приведенная статья определяет наказание за разбой и вознаграждение убытков пострадавшему. Заявленные убытки вознаграждаются только в половинной мере против заявки. Так как разбой мог быть совершен свободными людьми и рабами, то в первом случае, натурально, убыток взыскивался с имущества свободного, во втором он падал на господина раба. И вот эти-то рабы, за которых отвечают их господа, в грамоте названы "боярскими людьми" Рабов, как мы знаем, могли иметь все. Не может подлежать сомнению, что под боярскими людьми грамота понимает людей всех рабовладельцев, т.е. всех имущих людей.

Домосковская старина чрезвычайно живуча. Несмотря на все изменения, совершенные московскими государями в правах населения, указанное словоупотребление встречается во всей его неприкосновенности и в памятниках XVII в.

В **Уложении** читаем:

"А от кого побежит крепостной холоп, и в бегах кому даст на себя служилую кабалу, и дав ту кабалу из бегов воротится к прежнему своему боярину и учнет у прежнего своего боярина служить по его смерть..." (XX, **114**).

"Боярские боярыни", как назывались доверенные лица из женской прислуги, были в домах не только введенных бояр, но и стольников (Двор. разр. III, 1452).

В самом конце XVII века, в розыске по делу о стольнике Петре Неплюеве, кабальный человек этого стольника назван боярским человеком (Розыск, дела о Федоре Шакловитом. II, 771).

В этом смысле боярин, в сокращенной форме - барин, дожил и до наших дней.

По боярину всякое землевладение называется "боярщиной" (А. Ю. N 196,1,1630).

"Боярской пашней" называлась всякая хозяйская пашня, кому бы она ни принадлежала, в отличие от пашни, сданной крестьянам. В описании вотчины подьячего Улана Айгустова читаем:

"А вотчины Улановы, по княж Федорове описи, селцо Михайловское, деревня Гребенева, деревня Текунино, деревня Рогово, деревня Пашигоревое - пуста; пашни боярские и крестьянские 118 четьи в одном поле, а в дву потому ж, сена 295 копен, лесу роци 15 десятин..." (А. Э. I. N 280, 1571).

Пашня подьячего - тоже боярская, а он господин, боярин, барин, только небольшой.

Бояре, как богатые люди, содержат при себе дружины. Это явление весьма понятно; в то отдаленное время, когда государственная власть только возникала и полиции еще не было, каждый должен был сам заботиться о своей безопасности. Отчасти с целью безопасности, а отчасти и в видах войны богатые люди держали дружины.

На существование таких боярских дружин находим указание и в Русской Правде. В ст. III, 119 по списку Мусина-Пушкина читаем:

"Аще в боярстей дружине, то за князя задница не идет".

Предшествующая этой статья говорит о праве наследования князя в выморочных имуществах:

"Аже смерд оумрет безажю, то задницу князю".

Приведенная же III, 119 статья делает из этого правила исключение для боярских дружин: выморочное имущество боярских дружинников не идет князю. Подобно тому, как выморочное имущество церковных людей (беззадщина) шло не князю, а епископу (цер. уст. Ярослава. 33), так и выморочное имущество боярских дружинников шло содержащим их боярам.

Летописные известия о дружинах бояр восходят к X веку. В начальной летописи под 945 годом читаем:

"В се же лето рекоша дружина Игореви: отроци Свенльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази; поиди, книже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы".

"Отроки" Свенальда - это то же, что "дружина" Игорева. В данный момент дружина великого князя киевского находилась даже в худшем положении, чем дружина его слуги, Свенальда.

Под 1095 годом та же летопись говорит о дружине Ратибора, слуги переяславского князя, Владимира Мономаха.

"И начата думати дружина Ратиборя (вар. ратиборова чадь) со князем Володимером о погубеньи Итларевы (половецкий предводитель) чади".

Под 1128 годом Ипатьевская летопись упоминает об отроках-воинах двух тысяцких: Воротислава Володимирского и Иванки Туровского.

Особенно важно известие той же летописи под 1211 годом. Летописец заявляет, что у князя Даниила было больше воинов, чем у других князей, и что воины его были сильнее, и это обстоятельство объясняет так: "бяху бояре велиции отца его все у него". Большие бояре привели на службу князя и свои большие дружины. Отсюда сила князя.

К московскому князю Ивану Даниловичу Калите приехал на службу киевский выходец, Родион Нестерович, и привел с собой до 1700 человек своих послужильцев, т.е. отроков, дружинников.

Карамзин приводит чрезвычайно важную для занимающего нас вопроса выписку из Разрядной книги Бекетова (XV века):

"Как Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу под его державу Великий Новгород, и по его государеву изволению распущены из княжеских дворов и из боярских - служилые люди. И тут им имена, кто чей бывал, как их поместил государев писец, Дмитрий Китаев" (VI, прим. 201).

Крепнущее изо дня в день Московское государство начинает находить для себя неудобными старые порядки. Его уже беспокоят дружины бояр, и вот оно распускает их из боярских дворов, но для того, чтобы поместить их на собственных своих землях. Из служилых людей бояр они становятся непосредственно служилыми людьми московского государя.

Эти боярские дворы дожили и до XVII века, когда они употреблялись для торжественной обстановки при приеме и отпуске иностранных послов и в других подобных случаях. В разрядной книге 1674 года читаем:

"Того-ж числа указал великий государь быть на выезде на встрече против кизылбашских послов боярским дворам. И тому роспись: 1) двор боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго" и т.д.

А далее за перечислением боярских дворов идут дворы: крайчего, окольных, думных дворян, думных дьяков, постельничего и ясельничего. И здесь, следовательно, "боярский двор" означает, по-старому, двор лица высшего состояния вообще.

Бояре суть поземельные собственники. Сбережения свои они охотно употребляют на приобретение недвижимостей. Но такие приобретения, при раздробленности древней России на множество отдельных княжений, не всегда могли нравиться местной власти. Не нравились они ей в тех случаях, когда земли покупались боярами, состоявшими на службе в других княжениях. В этих случаях доходы с земель могли быть употребляемы на пользу посторонней власти. Этим и надо объяснять встречающиеся в княжеских договорах запрещения покупать недвижимости в пределах чужого княжения. Древнейшие запрещения этого рода находим в договорах Новгорода с тверскими князьями (Рум. Собр. I. N 3, 1270 и др. Подлинные выражения см. с. 30).

Такие же условия находим и в договорах московских великих князей с удельными. В договоре Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским читаем:

"А тебе, брату моему младшему, в моем уделе сел ты не купишь, ни твоим бояром...; также и мне в твоём уделе сел не купишь, ни моим бояром" (Рум. Собр. N 27, 1362 и др.).

Землевладельцы-бояре по необходимости связаны с местностью, где находятся их имения; в этих имениях они, обыкновенно, и живут. Таким местным характером бояр объясняется то, что летописцы и княжеские грамоты обозначают их по имени города или области, где лежат их земли. В этом смысле они говорят о боярах древлянских, киевских, черниговских, ростовских, новгородских, псковских, двинских, вятских и иных (А. Э. I. N 13; А. И. I. N 261; Лет. Переясл. Суздаль. С. 86, 88, 89 и др.; Воскр. С. 26, 52, 75, 301).

Лучшие люди, бояре, весьма естественно, тяготеют к князьям, от которых зависит раздача доходных должностей. Они поступают к ним на службу и составляют высший слой княжеских дружин. Эта древняя служба была вольной. Бояре, как люди состоятельные, представляли силу, которая могла быть полезна самим князьям. Они могли выбирать между владетельными князьями и поступали на службу к тому из них, кто был ласков к ним, внимателен к их желаниям, щедро награждал за услуги.

Летопись сохранила любопытный образчик отношений князя к его вольной дружине. Случай этот относится ко времени князя Владимира Мономаха. Предоставим слово летописцу:

"Вложи Бог Володимеру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганья, на весну. Святополк же поведа дружине своей рече Володимерю; они же рекоша: не верема ныне погубити смерды от ролыи. И посла Святополк к Володимерю, глаголя: да быхом ся сняли и о том подумали быхом с дружиною. Послании же приидоша к Володимеру и поведоша всю речь Святополчу. И прииде Володимер и сретостася на Долобьске: и седоша в едином шатре Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею. И бывшу молчанью. И рече Володимер: брате! ты еси старей, почни глаголати, како быхом промыслили о Русьской земли. И рече Святополк: брате! ты почни. И рече Володимер: како я хочю молвити, а на мя хотят молвити твоя дружина и моя, рекуще: хочет погубити смерды и ролью смердом! Но се диво ми, брате, оже смердов жалуете и их коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнет смерд тот орати лошадью тою, и, приехав половчин ударить смерда стрелою и поймет лошадь ту и жону его и дети и гумно его зажжет, то о сем чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право, во истину тако есть. И рече Святополк: се аз, брате, готов есмь с тобою" (Ипат., 1111).

Дружине нельзя приказывать, ее надо убеждать. Если князь был не внимателен к своим боярам, не совещался с ними и требовал от них участия в таких предприятиях, которые им не нравились, они оставляли его. Так поступили с Владимиром Мстиславичем бояре его в 1169 году, когда узнали, что он без совета с ними решил напасть на племянника своего Мстислава Изяславича Киевского:

"О собе еси, княже, замыслил, - говорили они ему, - а не едем по тебе, мы того не ведали" (Ипат.).

Эти старинные свободные отношения бояр к князьям получили свое точное выражение в следующей формуле княжеских договоров:

"А боярам и слугам межн нас вольным - воля".

Эпитет "вольные" относится к боярам и слугам. Этим вольным боярам и слугам выговаривается "воля", то есть свобода, служить кому хотят из заключивших мир князей. Эта свобода предоставляется не одним боярам, но еще и слугам. Из предшествующего мы уже знаем, что слово "боярин" обнимает очень широкий класс людей: и больших, и средних, и даже младших. Эти различия отразились в языке договоров: боярами они, надо думать, называют только лучших людей: людей же поменьше они разумеют под именем вольных слуг. Это отсутствие резких граней между разрядами лиц указывает на то, что мелкие слуги недалеко уходят от людей

низших разрядов, которые записываются в тягло. Понятие "вольные слуги" очень широкое; оно означает всех не тяглых. Все не записанные в тягло вольные люди могут быть принимаемы в этот разряд слуг.

Наша древность знала вольную службу и тяглую. Еще в половине XIV века князья договаривались тяглых людей в службу не принимать, т.е. в вольную службу. Под тяглыми же людьми они разумели весьма разные разряды лиц. Сюда относились все, состоявшие под дворским, т.е. несшие специальное дворцовое тягло. Памятники называют их "слугами, которые потягли к дворскому". Сюда относились "численные люди", на которых лежало ордынское тягло. Наконец, сюда же относились и все черные люди, которые тянули к сотникам. Их тягло тоже называется иногда службой. Продавая черные земли вел. князя, а своего владения, они продажу эту мотивируют тем, что не могли "ни дани давать, ни службы служить". Князья договариваются таких людей на службу не принимать, но это не значит, что они не могут поступать на службу. Договор имеет силу между договорившимися только; он обязывает их, а не третьих лиц. А потому и тяглые могут поступать на вольную службу, но князей, в договоре не состоящих. Дети же их, в тягло не записанные, могут поступать на службу даже князей, связавших себя договором. Таким образом, вышеприведенное условие договоров о неприеме на службу тяглых людей ничего не имеет общего с разграничением общества на сословия. Свободы ухода со службы не лишены и тяглые слуги. Они только лишаются земель, которые им даны. В завещании Владимира Андреевича читаем:

"А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают, ни от сотников. А кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел". "А боярам и слугам, кто будет не под дворским, вольным - воля" (N 40,1410).

Предоставляя свободу службы боярам и слугам, князья предоставляют им тем самым и право свободного перехода со службы одного князя на службу другого. Это право обозначается в памятниках словом "отъезд".

Хотя отъезд составляет право вольных слуг, но понятно, что пользование этим правом не может быть приятно тому князю, которого служилые люди оставляют. Случалось, что князья вымещали свое неудовольствие на имуществе отъехавших: грабили села их и дома, которые находились в пределах их владений. Для предупреждения таких нарушений права отъезда в княжеские договоры включались статьи, которыми признавалась неприкосновенность имуществ отъезжавших слуг. В древнейших договорах Семена Ивановича и племянника его, Дмитрия Ивановича, это начало выражается в такой форме:

"А кто поедет от нас к тебе... нелюбья не держати"; в позднейших: "а кто имет жити моих бояр в твоём уделе, блюсти их, как и своих".

В послании черного и белого духовенства к Дмитрию Юрьевичу от 1447 года находим превосходный комментарий этого выражения "блюсти, как и своих". Упрекая Дмитрия Шемяку в нарушении принятых им на себя обязательств по отношению к великому князю, духовенство говорит:

"А боярам вашим и детям боярским и слугам межи вас вольным - воля. А кто служит брату твоему старейшему, великому князю, а живет в твоей отчине, и тех ти блюсти, как и своих. И после того вашего докончания и крестнаго целования, которые бояре и дети боярския от тебе били челом брату твоему старейшему великому князю служити, а села и дома их в твоей отчине; и ты, чрез то докончание и чрез крестное целование, тех еси бояр и детей боярских пограбил, села их и дома их еси у них поотымал и животы и състатки все и животину еси у них поймал" (А. И. I. N 40).

В договорах с Тверью то же начало выражено более определенно:

"Нам (князьям) в села их (отъехавших) не вступатися" или: "а дома им свои

ведати, а нам ся в них не вступати".

Но обеспечить неприкосновенность имуществ отъезжающих бояр и слуг не значило еще вполне обезопасить их от корыстных притязаний мстительной местной власти. У нее оставалась возможность обирать отъехавших, не нарушая прав их собственности. Они могли делать это посредством разорительных налогов. Договоры принимают и против этого меры. Князья, обыкновенно, обязываются не только блюсти отъехавших, как и своих, но и дань брать с них не больше той, какую берут со своих бояр. В договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем читаем:

"А кто имет жити моих бояр и моего сына, княжих Васильевых, и моих детей в твоём уделе, блюстити их, как и своих, и дань взяти, как и на своих; а кто имет жити твоих бояр в моем уделе и в великом княженъи, а тех нам блюсти, как и своих, и дань взяти, как и на своих" (Рум. Собр. I. N 33, 1388 и др.).

Для поступления на службу князя, конечно, было необходимо его согласие. Первый акт, который должен был совершить вольный слуга, чтобы поступить на службу, состоял в челобитье о принятии его. Летописец, описав пленение, ослепление и ссылку великого князя Василия Васильевича, продолжает:

"Слышавше же то князь Василий Ярославич (удельный серпуховский князь, союзник Василия Васильевича), побеже в Литву да князь (служилый) Семен Иванович Оболенский с ним. А прочие дети боярския и все людие биша челом служити князю Дмитрию..." (П. С. Л. VIII, 117).

Но так как всякий новый вольный слуга прямо увеличивал силу князя, не принося ему ни малейшего ущерба, то в согласии князя и не могло быть сомнения. Таким образом, определяющий момент при поступлении бояр и слуг вольных на службу заключался не столько в воле князя, сколько в воле служилого человека, избравшего себе князя. В договорных грамотах употребительно поэтому такое выражение:

"А кто имет которому князю служити..." (Рум. Собр. I. N 66, 1447).

На древнем языке такое вольное поступление к кому-либо на службу обозначалось термином "приказаться". В уставной грамоте вел. князь Василия Дмитриевича и митрополита Киприяна читаем:

"А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те пойдут под моим воеводою великаго князя, где который живет, ин под тем воеводою и есть" (А. Э. I. N 9, 1389 или 1404).

Приказаться на службу к князю или к кому иному значит принять на себя обязанность защищать своего господина с оружием в руках. Это - поступление в дружину, а не принятие на себя какой-либо определенной должности при князе. Все должности князь раздает сам; в должность нельзя приказаться. Приказываются к услугам князя или иного господина в качестве свободной военной силы.

Приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обещание верности. Это видно из рассказа летописи о переговорах, происходивших в 1391 г. между нижегородским князем Борисом Константиновичем и его боярами. Узнав, что московский великий князь, Василий Дмитриевич, выхлопотал себе в Орде ярлык на Нижегородское княжение и приближается к Нижнему с ратной силой, князь Борис собрал бояр своих и сказал им:

"Господие моя и братие, бояре и други! попомните господне крестное целование, как есте целовали ко мне и любовь нашу и усвоение к нам" (Никонов, лет. IV, 240).

Дмитрий Шемяка, услышав о челобитье служилых людей Василия Васильевича к нему на службу, приказывает привести их всех к крестному целованию (П. С. Л. VIII, 117).

Бояре, целуя крест, обещали князю, конечно, верную службу и обязывались

защищать его. Это видно и из ответа нижегородских бояр Борису:

"Все мы, - говорил старейший из них, Василий Румянец, - единомысленны к тебе и готовы за тебя головы сложить".

Из переговоров великого князя Дмитрия Ивановича со своими служилыми людьми также видно, что они приняли на себя обязанность защищать его, не щадя жизни. На увещание князя стоять твердо в борьбе с врагами бояре отвечали:

"Господине Русский царю! рекли есмь тебе живот свой положить, служба тебе! А ныне тебе ради кровь свою пролием и своею кровию второе крещение примем" (Воскр. 1389).

Надо думать, что и князь принимал на себя некоторые обязательства по отношению к своим боярам и слугам вольным. Недаром же они давали обещание проливать за него свою кровь. Князь, надо полагать, обещал им жаловать их всякими милостями и льготами. Борис Нижегородский упоминает о своей любви к боярам. Эта любовь должна была, конечно, сопровождаться и соответственными действиями. Так оно в действительности и было, как увидим ниже.

Клятва верности бояр и вольных слуг князю и обещание покровительства князя его боярам и слугам вольным находили свое выражение и в том слове, которым в общежитии назывались эти слуги. Им усвоилось наименование дружины, они были друзья князя. Это сближает их с высшим разрядом римских клиентов, которым тоже усвоилось наименование друзей, с *сольдурами* (*soldurios*) галлов и товарищами (*comites*) германцев, которые, как и наши вольные слуги, были связаны со своими господами клятвой верности и тоже составляли их дружину.

Поступление на службу не обязывало, однако, бояр постоянно находиться при особе князя. Они должны были защищать его в случае надобности, но жили в своих имениях. В увещательной грамоте духовенства Дмитрию Шемяке читаем:

"А бояром вашим (т.е. Василия Васильевича и Шемяки) и детям боярским и слугам межи вас вольным воля. А кто служит брату твоему старейшему, великому князю, а живет в твоей отчине, и тех ти блюсти, как и своих" (А. И. I. N 40, 1447).

Что вольные слуги суть воины и, по общему правилу, живут не при дворе князя, а в своих имениях, это следует и из договоров московских князей, в которых, обыкновенно, разъясняется вопрос о том, с каким воеводой выступают в поход бояре и слуги вольные (с воеводой ли своего князя или его союзника) и где они должны находиться в случае осады города неприятелем. В договоре великого князя Василия Васильевича с серпуховским князем читаем:

"А которые, господине, бояре и дети боярские служат тебе, великому князю, или твоей братье, а живут в моем уделе, а те, господине, ходят с тобой, с великим князем, и с вашими воеводами... А городная осадка, где кто живет, тому туго сести" (Рум. Собр. I. N 45, 1433).

Приведенные статьи предполагают, что бояре и слуги вольные живут в своих отчинах. Если бы они состояли при дворе князя, в таких статьях не было бы надобности. Придворная жизнь не успела еще наложить своей печати даже на лучших слуг, бояр, ни в XIV, ни в XV веке. Вольные слуги не придворные люди.

Несмотря на клятвенное обещание верности, вольные бояре и слуги могли прекратить свою службу и отъехать к другому князю. Отъезду, обыкновенно, предшествовал отказ от службы, то есть предварительное извещение о намерении отъехать. После описания мира Юрия Дмитриевича Галицкого с Василием Васильевичем Московским, по которому последний вместо Москвы получил Коломну, летописец продолжает:

"Многие люди начата отказыватися от князя Юрия за великаго князя (Василия Васильевича) и поидоша к Коломни без перестани, а ему то видящу" (П. С. Л. VIII, 1433).

Условия, при которых был возможен отказ от принятых на себя и скрепленных

присягой обязательств, понимались у нас, кажется, различно князьями и служилыми людьми.

Князья допускали отказ в таком только случае, когда отъезжавший переходил к князю, с которым они находились в союзе единения и любви. Всегда неприглядный факт отказа от данного обещания смягчался здесь политическим единством князей, среди которых происходил отъезд. Единство князей переходило и на их служилых людей. Вышеуказанные гарантии имуществ отъезжавших слуг встречаются только в мирных договорах князей. Из этого надо заключить, что если князья не состоят в мире, то и гарантии эти не имеют места. Отъезд, конечно, возможен и в этом случае, но имущество отъезжавшего не пользовалось уже неприкосновенностью.

Затем, отъезд допускался по отношению к таким только служилым людям, которые не совершили преступления. Все виновные подлежали суду и не могли, конечно, отъездом избежать невыгодных для себя последствий осуждения. Еще в договоры князей XII века включалась статья об ответственности виновных служилых людей.

Князь Святослав Всеволодович Черниговский, обращаясь к союзнику своему, Роману Ростиславичу Киевскому, говорит:

"Брате! я не ищу под тобою ничего же, но ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а муж, у голову" (Ипат. 1177).

Таким образом, еще в XII веке дружинники, виновные в измене, подвергались смертной казни. Измена карается и московскими государями.

Великий князь московский, Семен Иванович, в договоре, заключенном с братьями, обязал их не принимать к себе "Алексея Петровича", виновного перед ним в крамоле (измене):

"А что Олексе Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не принимати, ни его детей, и не надеяться ны его к собе до Олексеева живота; волен в нем князь великий и в его жене и в детех" (Рум. Собр. I. N 23, 1341).

В 1375 году Иван Васильевич Вельяминов, сын последнего московского тысяцкого, убежал из Москвы в Тверь; вместе с ним убежал и сурожанин Некомат. Это не отъезд, а бегство. Надо думать, что у Вельяминова были враждебные столкновения с московскими властями. Убежавший Некомат был послан тверским князем в Орду, где и выхлопотал ему ярлык на великое княжение. Можно думать, что в этих враждебных великому князю московскому действиях принимал участие и Вельяминов, так как в 1379 году он тоже ездил в Орду. На обратном пути в Тверь он был схвачен по повелению московского князя и казнен; в 1383 году попал в руки московского правительства и сообщник его, Некомат, который тоже был казнен "за крамолу бывшую и измену".

У Ивана Дмитриевича Всеволожского, бежавшего из Москвы в Тверь, великий князь, Василий Васильевич, отнял принадлежавшие ему села "в своей вине". Всеволожский оказал большие услуги московскому князю. Он выхлопотал ему в Орде ярлык на великое княжение. Но потом возникла рознь между князем и верным ему прежде слугой. Неприязненные чувства Всеволожского к князю дошли до того, что он стал подговаривать к войне с ним дядю его, Юрия. Бегство Всеволожского из Москвы свидетельствует о том, что нормальные отношения вольного слуги к своему господину уже прекратились. Кто действительно был виноват, этого мы не знаем.

Отъезд не спасает виновного от наказания.

Но и на невинного человека отъезд кладет пятно в глазах князя, которого он оставил. Не заслуживает веры тот, кто нарушает свое слово. 15 февраля 1446 г., когда великий князь московский, Василий Васильевич, находился в Троицком монастыре и был у обедни, к нему подошел один из вольных его слуг, Бунко, и сообщил, что к монастырю приближается можайский князь с враждебными

замыслами. Бунко служил прежде Василию, потом отъехал к Шемяке, а незадолго до описываемых событий снова вернулся к Василию. Великий князь не поверил Бунке; князь говорил: "смущают нас эти" перебежчики, и велел даже силой выбить Бунку из монастыря.

Право отъезда не могло нравиться князьям, и они не всегда в силах были сдержать гнев свой против отъехавших. Чрезвычайно любопытный случай такого гнева описан в житии преподобного Мартиниана Белозерского. Приводим его целиком:

"Боярин некий от великого князя Василия Темного отъеха к тверскому великому князю. Он же зело зжалив о болярине том и не веде, что сотворити, или како возвратити его назад, понеже от ближних его советник; посылает моление ко преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь, дабы его возвратил, и обещавает много паче первого честна и богата сотворить его. Святый же послуша его, надеяся на духовное сыновство, возврати болярина того и во всем нятся ему преподобный. И яко прииде болярин той к великому князю, он же не удержа ярости гнева на болярина того, повеле и оковати. Сродницы же его вдаша наречие к преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь. Слыша же сия, святый Мартиниан оскорбился зело, яко измену сотвори над болярином; сед на коня, иде скоро к великому князю с великою печалью. И приед, первие помолився святым церквам и внезапно прииде в великаго князя храмины, никому же ведящу его. Пришед, толкну во двери; дверницы же сказаша великому князю пришествие святаго; он же повеле его скоро пустити к себе. Блаженный же, вшед, помолился Богу, и молитву сотвори, тоже близ его напрасно пришед и рече: "так ли, самодержавный князь великий, ты праведно судити научился еси? Господи! почто еси душу мою грешную продал и послал еси во ад? почто еси болярина того, иже мною призваннаго душею моею, оковати повеле и слово еси свое преступил? Не буди мое грешное благословение на тебе и на твоём великом княжении". И обратися от гнева, скоро из храмины изыде, всед паки на коня, возвратися к Троице в Сергиев монастырь, ни мало побыв на Москве" (Лет. занят. Арх. ком. I, Матер. 6-7).

Василий Васильевич не единственный князь, опалывшийся на отъехавшего. Опалались и другие. Выше мы приводили уже упреки духовенства Дмитрию Шемяке за разграбление сел и деревень отъехавших от него бояр. Этим объясняется то обстоятельство приведенного рассказа, что отъехавший от Василия Темного в Тверь боярин не иначе согласился возвратиться в Москву, как за поручительством Мартиниана. Но его отъезд сам по себе не составлял вины и наказывать за него князь не имел права. Такова точка зрения людей того времени, и сам великий князь московский должен был, наконец, ей подчиниться. Он сознал свою неправоту, немедленно сложил с невинного боярина опалу и отправился к Троице для испрошения прощения у преп. Мартиниана.

Князьям не нравился отъезд, но приезд был им очень приятен, и они стояли за него даже и после того, когда формально вооружились против отъезда. Великий князь Иван Васильевич охотно принимает тверских и литовских выезджих людей и на протесты литовского князя отвечает, что литовские выходцы приезжают к нему "добровольно", и что прежде того при нем и при его предках, а также и при предках литовского князя служилые люди отъезжали из Москвы в Литву и из Литвы в Москву свободно (Сбор. Имп. русск. ист. общ. XXXV, 470 и 106).

Такова точка зрения князей. Иначе смотрят на дело служилые люди. Отъезд представляется им ничем не ограниченным правом. Они считают себя вправе покинуть князя, которому целовали крест, и отъехать к злейшему его врагу даже в такое время, когда их услуги наиболее для него необходимы.

Мы привели выше (с. 289) переговоры, происходившие между нижегородским князем и его боярами. Пока происходили эти переговоры, великий князь московский

подошел к Нижнему Новгороду. Для бояр князя Бориса настал момент сложить за него свои верные головы. Но они предпочли более спокойный для них выход из трудного положения: они все гурьбой перешли на службу московского государя. Судя по речи, которую произнес по этому случаю старейшина их, Румянец, у них и подозрения не было о том, что они изменяют своим обязанностям. Наоборот, речь Румянца проникнута сознанием права их сделать то, что они сделали.

"Господине княже! - говорит он, - не надейся на нас, уже бо есмы от ныне не твои и несть с тобою есмы, но на тя есмы".

Нижегородские бояре не украдкой перебегают к противнику своего господина; они делают это на глазах у всех и сами торжественно заявляют о своем переходе.

В этом единственном в своем роде свидетельстве сохранилась и самая форма отказа.

Так же поступают московские вольные слуги после пленения и ослепления великого князя московского Василия Васильевича. Василий Темный, по ослеплении, был сослан в заточение на Угличе-Поле; от прав своих он не отказывался и мира с похитителем своей власти не заключал. Дмитрий Шемяка был открытый враг его. Тем не менее все служилые люди Василия, за ничтожными исключениями, отъехали от него и били челом Дмитрию о приеме их на службу.

Право вольной службы, возникшее в эпоху первоначальной слабости княжеской власти, не могло, конечно, пережить условий, его вызвавших. Московские государи, по мере усиления своей власти, вступают с ним в борьбу и достигают, наконец, полного его упразднения.

Но борьба с исконными обычаями есть всегда дело трудное. Московские государи понимали это. В их противодействии праву отъезда замечается великая осторожность, и даже некоторая робость.

Первый шаг в этом направлении был сделан не ими, а правительством Новгородской республики. Бояре и слуги вольные, как было уже сказано, отъезжали с вотчинами. Это было невыгодно тому князю, которого бояре оставляли, так как доходы с недвижимостей, лежавших в пределах его территории, шли на содержание чужих служилых людей. Новгородцы первые обратили внимание на эти невыгоды и приняли против них меры. Они запретили боярам, отъезжавшим из Новгорода, удерживать за собой собственность в пределах новгородских владений. В договоре Михаила Тверского с великим князем московским и Великим Новгородом читаем:

"А кто имет бояр или слуг Новагорода Великого и Торжку и ис пригородей служити тебе (тверскому князю), а что их села или земли и воды, то ведает Великий Новгород, а тым бояром и слугам не надобе. Или потом кто приедет к тебе служити из Новагорода Великаго и ис Торжку и ис пригородей, а тым такоже не надобе села их и земли и воды, то ведает Новгород Великий" (Рум. Собр. I. N 28, 1368).

Первый шаг к стеснению вольной службы был сделан, таким образом, еще в XIV веке. Москве надо было учиться у Новгорода.

Несмотря на те жестокие испытания, которые причиняло великому князю Василию Васильевичу право отъезда, в его договорах с русскими князьями мы не находим еще стеснений этого права. Впервые появляются они в его договорах с Литвой, которыми предоставляется свобода отъезда русским служилым людям в Литву, а литовским - в Москву, но без сохранения права на вотчины.

Польские послы именем короля Казимира так говорили великому князю Ивану Васильевичу:

"Сам же того и посмотри, гораздо ли то ся деет: слуг наих принимаешь з их отчинами и з нашими городаы и з волостми? Бо мы от тебе слуг твоих не принимаем з их отчинами, как жо и в докончаньи то стоит, которое же есмо докончили с твоим отцом, з великим князем Василием Васильевичем" (Сбор. Имп. рус. ист. общ. XXXV. 48).

Кому принадлежит инициатива этого ограничения, Литве или Москве, трудно сказать.

Нет ограничений и в договорах сына его, Ивана Васильевича, с русскими князьями. Но этот великий князь находит уже возможным начать борьбу с правом отъезда. Иван Васильевич не устанавливает общих правил, но проводит свою волю в отдельных случаях. Не отменяя права отъезда, он ставит лиц, желающих отъехать, в такие условия, что они сами отказываются от своего права отъезда и обязываются служить ему и его детям до своей смерти; в случае же неверности данному слову они предоставляют ему право наказывать их по усмотрению. Это достигается таким образом. Служилый человек, подозреваемый в желании отъехать, берется под стражу. Лишенный свободы, он дает какие угодно обещания, лишь бы восстановить прежние хорошие отношения к князю. Таково происхождение записей о неотъезде. В 1474 г. такую запись дал на себя князь Даниил Дмитриевич Холмский.

Вот эта древнейшая запись:

"Се яз, князь Данило Дмитриевич Холмский, что есмь бил челом своему господину и осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, за свою вину своим осподином Геронтьем, митрополитом всея Руси, и его детми и сослужебники, епископы... (имена). И осподарь мой, князь велики, меня, своего слугу, пожаловал, нелюбье свое мне отдал. А мне, князю Данилу, своему осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, и его детем служите до своего живота, а не отъехати ми от своего осподаря, от великого князя Ивана Васильевича, ни от его детей к иному ни х кому. А добра ми ему и его детем хотети везде во всем; а лиха ми своему государю, великому князю, и его детем мне, князю Даниле, не мыслите, ни хотети никакова. А где от кого услышу о добре или о лихе государя своего, великаго князя, и о его детех и о добре или о лихе, и мне то сказати государю своему, великому князю, и его детем в правду, по сей моей укрепленной грамоте, безхитрости. А в том во всем по сей моей грамоте ялся по мне осподарю моему, великому князю Ивану Васильевичю, и его детем и до моего живота господин мой, Геронтей, митрополит всея Руси, и с теми своими детми и со служебники, со владыками и со архимандриты, которые в сей моей грамоте писаны. А чрез сию мою грамоту яз, князь Данило Дмитриевич, что иму думати и починати или явится что которое мое лихо перед моим осподарем, перед великим князем Иваном Васильевичем, и перед его детми, то не буди на мне милости Божьее и пречистые его Матери и святых чюдотворцев Петра митрополита и т.д.; а осподарь мой князь велики и его дети надо мною по моей вине в казни волен. А крепости деля, язъ, князь Данило Дмитриевич Холмски, осподарю своему, великому князю Ивану Васильевичю, целовал еси честный и животворящий крест и дал есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтия, митрополита всея Руси. А дана грамота на Москве, месяца марта 8 день лета 82. Смиранный Геронтей, митрополит всея Руси" (Рум. Собр. I. N 103).

Но личными обещаниями строптивного слуги Иван Васильевич не довольствовался; он требовал, чтобы за него поручились другие и обеспечили свою поруку обязательством уплатить известную сумму денег в случае его отъезда. Заподозренного в намерении отъехать выпускали на свободу только в том случае, если за него ручались люди, заслуживающие веры. Так было поступлено и с князем Холмским. За него поручились восемь служилых людей всего на сумму в 2000 рублей. Вот одна из таких поручных:

"Се яз, Иван Микитиничь Воронцов, выручил есми у пристава великаго князя, Ивана Васильевича, у Замятии князя Данила Дмитриевича Холмскаго в вине великаго князя, в полу третье сот рублех. А служите князю Давиду осподарю, Великому князю Ивану Васильевичю, и его детем и до своего живота, а не отъехати ему, ни збежати и до живота никуда ни х кому. А куда князь Данило отъедет или збежит за тою моею порукою, ино осподарю, великому князю, а мне, на Иване

Микитиниче, пол третья ста рублев, на князя Данила в своей вине искати великому князю себе, а животы и села и с статки княжи Даниловы все, а то великому князю. А на то послуши... А запечатал сю грамоту поручную яз, Иван Микитинич, своею печатью" (Рум. Собр. I. N 104).

Таким образом, путем вынужденных записей и поручных, проводится в среду служилых людей мысль об обязанности их служить великому князю до живота и о праве великого князя конфисковать имущество отъехавших и наказывать их всякими иными казнями.

Дело, начатое Иваном Васильевичем, продолжается сыном его Василием и внуком Иваном. При малейшем подозрении об отъезде служилый человек берется под стражу, а затем дает запись и представляет за себя поручителей. От времени этих князей сохранились указания на то, что поручители, в свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носят наименование "подручников". В неотъезде того или другого служилого человека оказываются, таким образом, заинтересованными сотни служилых людей.

В 1562 г. за князя Ивана Дмитриевича Вельского поручилось 29 бояр. Шесть из них представили за себя 105 подручников. Подручные грамоты других поручителей до нас не дошли; предполагая, что они представили подручников в том же размере, как эти шесть, получим более 500 подручников на 29 поручителей за одного Вельского.

Замыслившие отъезд берутся под стражу; но это не значит, что отъезд есть нарушение права служилых людей, которое позволяют себе сильные московские князья. Но самое право существует и признается княжескими договорами еще в тридцатых годах XVI века.

Великому князю Ивану Васильевичу принадлежит почин и другого ограничения. В его духовной грамоте читаем:

"А бояром и детям боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына Василия не отъехать ни кому, ни куда; а кто отъедет, земли их сыну моему".

Это то же ограничение, которое еще в XIV веке существовало в Новгороде, а в XV появляется в договорах с Литвой: служилые люди могут отъехать, но без вотчин. Почему в данном случае применено оно к ярославским служилым людям, этого мы не знаем.

Боярскому правлению в малолетство Грозного принадлежит новый шаг в деле ограничения отъездов. В 1537 году бояре (введенные) взяли клятвенную запись с удельного князя Андрея Ивановича, в которой он обязался не принимать к себе служилых людей великого князя, князей, бояр и дьяков, и извещать правительство о таких охотниках до переездов "на лихо великого князя". Этому примеру следует и Иван Грозный (Рум. Собр. N 163 и 167).

У правительства установился уже взгляд, что отъезд есть дело противогосударственное; тем не менее можно сомневаться, что был издан когда-либо указ, формально отменивший право отъезда. В договоре великого князя Василия Ивановича и сына его Ивана с удельным князем Юрием Ивановичем это право признается еще в 1531 году. Князь Курбский в своей полемике с Грозным не говорит, что был указ, отменивший право отъезда, а жалуется только на крестоцеловальные записи, которые берутся силой. Это совершенно правильная точка зрения: не указ (ибо московские государи хорошо чувствовали, что указом нельзя ни создать, ни отменить права), а сила сломила свободу отъезда. Но для этой реформы потребовалось без малого сто лет.

В половине XVI века в правительственных сферах отъезд рассматривается уже как поступок, несогласный с обязанностями служилого человека. Это нисколько не мешает, однако, служилым людям по-прежнему смотреть на него как на свое

право.

Да и правительство далеко еще не смотрит на отъездчиков как на изменников. Оно всегда радо их возвращению и без всякого затруднения принимает их снова на службу. Отъездчики подвергались лишь некоторому умалению своей служебной чести с точки зрения местнических счетов. Действительно, нельзя же было равнять людей, постоянно верно служивших московским государям, с такими, которые отъезжали от них и потом снова возвращались. Возвратившиеся принимались на службу, но не могли претендовать на то же служебное положение, которое по разрядам принадлежало им до отъезда. Отъезд имел последствием потерю старого места на служебной лестнице. В этом смысле Василий Зюзин в 1501 году, в местническом споре с окольниковым, Федором Нагим, за родственника своего Бахтеяра не отвечал, а сказал:

"Что ему до Бахтеяра и дела нет, потому что Бахтеяр отъезжал в Литву и место свое проездил" (Русск. истор. сбор. V, 35).

Поэтому отъездчики не могли претендовать на равные места со своими родственниками, которым они по родству были в версту (т.е. равны). Князь Дмитрий Михайлович Пожарский в местническом споре с князем Борисом Михайловичем Лыковым делает такую ссылку на государевы разряды:

"Да дед же, государь, князь Борисов, князь Юрьи Васильевич Лыков, с братом своим, со князь Андреем, отъезжал от вас, государей, в удел ко князю Ондрею Ивановичу Старицкому. И по вашему государеву царскому уложению, кто от вас государей, отъезжал в удел, ино, государь, им и в своем роду счету вы, государи, не давали, кому они в версту. В том, государь, шлюсь на твои государевы разряды" (Русск. истор. сборн. II, 286).

Такое умаление служебной чести должно, конечно, рассматривать как наказание, но очень легкое, сравнительно с тем, которое постигало изменников. Приведенное заявление Пожарского сделано им в деле, производившемся в 1609 году, стало быть, в начале XVII века отъезд не был еще приравнен к измене.

Живучестью этого права в памяти бояр объясняется и ряд сцен у постели умирающего царя Ивана 11 марта 1553 года.

Царь хотел, чтобы бояре присягнули его новорожденному сыну Дмитрию, которому едва исполнилось 5 месяцев. В государстве с определенным порядком преемства престола от отца к сыну такое требование не могло бы возбудить ни малейшего возражения. Но у постели Ивана оно вызвало сопротивление. Нашлись бояре, которые не хотели целовать креста сыну царя. Некоторые высказались в пользу его двоюродного брата, Владимира Андреевича. Они вспомнили свое старое право "приказываться на службу", и, понятно, предпочитали приказаться совершеннолетнему, а не младенцу, именем которого управляли бы другие и, конечно, в интересе своих близких. Это и высказал больному царю Федор Адашев: "мы готовы повиноваться тебе, государь, и сыну твоему, но не Захарьевым-Юрьевым". Знаменательны слова, сказанные по тому же поводу старейшим боярином Иваном Михайловичем Шуйским: он не целовал креста сыну Ивана, потому что не видал государя перед собой. В старину, когда государю приказывались, то видели его перед собой, говорили с ним, обещали ему верность и получали от него милости. В свободном признании того или другого князя своим государем исчезал вопрос о наследственности княжеской власти. Слова Шуйского звучат едкой иронией. Он требует, чтобы перед ним стал государь, а государь в пленках!

Напрасно думают, что у постели умирающего царя Ивана непокорные бояре хотели захватить в свои руки власть. Вопрос шел не о перемещении центра власти. Непокорные воле царя бояре хотели иметь совершеннолетнего государя, а не младенца. Вопрос шел только о лице государя, а не о принципе власти. Царская

форма правления не подвергалась колебанию ни в малолетство Ивана, ни теперь. Но для царя Ивана - в личном вопросе было все. Это чисто личное столкновение не осталось без влияния на его позднейшие отношения к боярству, также исключительно личные.

Переезды служилых людей в Смутное время из Москвы в Тушино и обратно - не новое явление, порожденное смутой, а ожившая память старого права.

Официальные памятники и летописцы того времени, которым следуют и некоторые новые историки, смотрят на измену служилых людей Шуйскому и на постоянные колебания их между Москвой и Тушином как на малодушие, которым запятнали себя русские люди начала XVII в. Бедствия России времен Смуты являются в их глазах заслуженной карой людям "измалодушившимся". Малодушие людей XVII века очень печально, но оно несколько не больше малодушия их в XIV и последующих веках. Не оно новость. Никакого "измалодушничастья" русских людей в начале XVII века не произошло. Новость - громкое осуждение этого малодушия.

Служилые люди Бориса Константиновича Нижегородского и Василия Темного - двоедушничали не меньше служилых людей Василия Шуйского и самозванцев. Но в XIV и XV веке в этом не видали еще порока. Тогда митрополиты благословляли на клятвопреступление. По мере же того, как стали прекращаться междоусобные войны владетельных князей, верность слову сделалась добродетелью, а двоедушие начали клеймить позором. К началу XVII века получается, таким образом, некоторый успех политической нравственности.

Отмена права отъезда произвела глубокую перемену в положении высшего класса населения. Из вольных слуг они стали невольными. Прежде они могли приказываться на службу кому хотели. Теперь нет более приказа; служилые люди заносятся в списки по распоряжению правительства. Обязанность службы лежит и на детях служилых людей. Располагать собой могут только те, кто от службы отставлен. Все это следует уже из статьи царского Судебника:

"А детей боярских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати ни кому, опричь тех, которых государь от службы отставит" (81).

Переход вольной службы в обязательную изменил и самый характер службы. Размер вольной службы зависел от усмотрения слуги. Как скоро служба стала обязательной, так почувствовалась необходимость указом определить ее размер. Это делает Иоанн Грозный в 1556 году:

"...С вотчин и с поместий уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угодие земли человек на коне и в доспесе в полном, а в дальней поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованьем, кормленьем, и на уложенные люди дает денежное жалованье" (Никон, лет.).

Но это уже новости права; обратимся к древностям.

"Бояре и слуги вольные" не единственный термин древних памятников. Рядом с ним встречаем и другой - "бояре и дети боярския". Здесь "дети боярския" занимают то же место, которое в разобранном уже нами выражении принадлежит "вольным слугам". И действительно, это только иное обозначение вольных слуг.

Из мест памятников, в которых находим это выражение, видно, что дети боярские по ремеслу тоже воины, как бояре и вольные слуги. В описании суздальского боя великого князя Василия Васильевича с татарами читаем:

"Князя же великаго самого руками яша, такоже и князя Михаила Андреевича и прочих князей многих, и бояр, и детей боярских и прочих вой" (Лет. VIII, ИЗ, 1445).

В 1451 году великий князь Василий Васильевич, приготовляя Москву к татарской осаде, оставляет там "множество бояр и детей боярских" (Лет. VIII. 123).

В княжеских грамотах дети боярские причисляются вообще к разряду слуг. Грамота от 1509 года о том, чтобы служилые люди в селах и деревнях Сергиева монастыря насильно не ставились и кормов не брали, начинается так:

"От великаго князя Василя Ивановича князем, и боярам, и детям боярским, и всем служилым людем" (А. Э. I. N 151).

Дети боярские, как и вольные слуги вообще, суть землевладельцы. Поэтому грамоты, воспреещающие разным землевладельцам принимать монастырских крестьян не в срок, после князей и бояр упоминают и детей боярских (Доп. к А. И. I. N 198, 1462).

Как землевладельцы, дети боярские живут в своих имениях. В разъездной грамоте, которою были определены границы спорных земель великаго князя Василя Васильевича и княгини Евфросиньи, читаем:

"А на разъезде были и с теми ж сотники и с мужами и с старожилцы дети боярские, тутошние жилцы: Микула Чирков, Федор Киров" и т.д. (Фед.-Чеховский. N 8).

Только в случае войны они оставляют свои деревни и едут в полки к воеводам. В описании размирья правительницы Елены с князем Андреем, дядей малолетнего великаго князя Ивана Васильевича, читаем:

"А князю Ивану Овчине писали, а велели с людами збиратися за князем (Андреем) итти. А в те поры дети боярские новгородские пошли на службу, а велено им быти на Москву. И князь великий и его мати, великая княгиня, послали встречу по дорогах да и в нятины к детям боярским, а велели им спешити за князем Иваном за Овчиною" (Лет. VIII, 294).

Наконец, к детям боярским применимы и все правила об отъезде. Верейский князь Андрей, как только замыслил овладеть великим княжением под малолетним племянником своим Иваном Васильевичем, так немедленно разослал по погостам призывные грамоты к детям боярским, приглашая их к себе на службу; он говорит им:

"Князь великий мал, а держат государство бояре, и вам у кого служите? И вы едете ко мне служить, а яз вас рад жаловати. И иные дети боярские, - прибавляет летописец, - к нему и приехали служить" (Лет. VIII, 294, 1537).

Но что значит этот термин "дети боярские?" Термин "дети боярские" есть весьма обыкновенный в древней России способ наименования детей по званию их родителей. Дети посадников звались "посадничими детьми", дети попов - "поповыми", дети князей - "княжими", "княжатами", а дети бояр - "боярскими детьми". По первоначальному словоупотреблению законные дети бояр и суть дети боярские. Позднее этим термином стали называть всех служилых людей сортом помельче, чем бояре перворазрядные.

Дети бояр при жизни родителей, естественно, занимают место не рядом с ними, а за ними. Но это второстепенное место может иногда удерживаться за детьми боярскими и после смерти их родителей. Наше древнее право не знает майоратного наследования. Имущество родителей всегда делилось у нас между всеми сыновьями. Поэтому чем более у отца сыновей, тем труднее им играть роль отца по его смерти, особенно если он был большой человек, крупный боярин. Поэтому дети бояр и образовали с течением времени особый слой, которым заполняются низшие ступени вольной служебной лестницы. Памятники и говорят: бояре и дети боярские, т.е. бояре и другие менее важные вольные слуги. Дети боярские составляют низший, сравнительно с боярами, разряд вольных служилых людей.

Между боярами, с одной стороны, и вольными слугами и детьми боярскими, с другой, есть разница, но никак не большая той, какая существовала среди самих бояр: старейших, например, и меньших. Различия продолжают и книзу, среди вольных слуг и детей боярских. Источники упоминают, например, о младших детях боярских (Лет. VIII, 51). Были, значит, старшие дети боярские. Под 1480 г. упоминаются лучшие дети боярские (Лет. VIII, 204); были, следовательно, средние и худшие.

Итак, вольные слуги, под какими бы названиями они ни встречались - бояр, детей боярских или просто слуг, представляют всю совокупность вольных служилых людей: отдельные особи которых до бесконечности различаются по экономическому своему положению. Но экономическое положение по существу своему не постоянно, а потому на лестнице вольных слуг должны происходить постоянные перемещения сверху вниз и снизу вверх. Вследствие этого термины "боярин, слуга вольный, сын боярский" не представляют ничего строго определенного и могут употребляться один вместо другого.

В источниках действительно встречаются лица, которые называются то боярами, то детьми боярскими. Древнейший из дошедших до нас междукняжеских договоров рядом с выражением: "а боярам и слугам вольным - воля", употребляет такое: "а вольным слугам - воля". "Вольные слуги" второго выражения суть те же "бояре и слуги вольные", о которых речь идет и в первом. Такая замена одного выражения другим совершенно возможна, потому что права всех вольных служилых людей по владению отчинами, отъезду и пр. были одинаковы; также безразлично жаловали их князья разными льготами и преимуществами.

Мы уже видели, что и купцы получали привилегии. Тем более прав на привилегии имели бояре и слуги вольные. Но и эти привилегии предоставлялись не целому сословию, а отдельным лицам и всякий раз на основании особых жалованных грамот.

Князья предоставляют им право суда и освобождают от налогов поземельную их собственность. Право суда жалуются как в гражданских, так и в уголовных делах, но, обыкновенно, за исключением убийства, разбоя и татьбы с поличным. Это право предоставляется вольным слугам лишь по отношению к населению их собственных земель. Если же дело возникало между крестьянином вольного слуги и посторонним лицом, в таком случае имел место сместный или общий суд, и доход с суда делился между обоими судьями поровну. Размер льгот от налогов бывал очень различен и всякий раз особо определялся жалованной грамотой.

Лично вольным слугам предоставлялась привилегированная подсудность. Они судились самим князем или приближенным к нему боярином (введенным), а не местными судьями.

Возникновение указанных преимуществ и льгот относится, конечно, к самой отдаленной древности. Но, по памятникам, существование этих привилегий можно проследить не далее первой половины XIV века.

Первый нам известный вотчинник-судья был Иван Петелин, предки которого получили указанные привилегии еще в княжение Ивана Даниловича Калиты. Пожалование Калиты возобновлено было сыном его, Семеном, и затем целым рядом последующих князей от Дмитрия Ивановича до Василия Васильевича включительно. До нас дошла только грамота последнего князя, от 27 сентября 1450 г.:

"По прадеда своего грамоте, великого князя Ивана Даниловича, и по стрья своего грамоте, великого князя Семена Ивановича, и по деда своего грамоте великого князя Дмитрея Ивановича, и по отца своего грамоте, великого князя Василея Дмитриевича, се яз, князь великий Василей Васильевич, пожаловал еси Ивана Петелина. Что его село в Кинеле, Скняткново, с деревнями, и кто у него в том селе и в деревнях иметь жити людей, ино им не надобе ям, ни подвода, ни тамга, ни восминичье, ни мыт, ни костка, ни сен моих косити, ни коня моего не кормить, ни портное, ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни в какие протори, ни в разметы, ни иные ни которые пошлины не надобе, ни закосных пошлин не дают. А волостели мои Кинелские и их тиуны доводчиков своих не всылают к Ивану и ко всем его людем ни по что, ни кормов не емлют, ни судят их ни в чем, опричь душегубства и татьбы с поличным; а проветчики поборов не берут у них, ни въезжают ни по что. А ведает свои люди сам Иван, или кому прикажет. А случится суд смесной, и волостели мои

судят и их тиуни, а Иван с ними же судит, или кому прикажет; а присудом ся делят на полы. А кому будет чего искать на Иване или на его приказшике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введенной. А чрез сю мою грамоту кто их чем изобидит или что на них возмет, быти от меня в казни. Дана грамота на Москве лета 6959 сентября в 27 день". Подпись на грамоте: князь Иван Иванович. Печать на черном воску (А. Э. I. N 46).

До возобновления грамоты Василием Васильевичем право вотчинного суда принадлежало роду Петелиных не менее ПО лет. По возобновлении же оно, по всей вероятности, оставалось за ним недолго. Из того, что грамота найдена в архиве Троицко-Сергиевой лавры, можно заключить, что последний владелец передал свою вотчину монастырю еще при жизни великого князя Василия Васильевича.

От XV века нам известно десять таких пожалований, от XVI-го - семь, от XVII-го - одно*(87).

Надо думать, что такие пожалования составляли общее правило, а не исключение. Думаем так потому, что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с "вичем", имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней?

Вотчинный суд существует еще в полной силе в середине XVI века; он оставил ясный след свой в Судебнике царя Ивана Васильевича. В ст. 64 читаем:

"А детей боярских судити наместником, по всем городом, по нашим царевым государевым жаловальным по их вопчим грамотам".

Что значит, что наместники судят согласно с жалованными детям боярским общими грамотами? Ввиду приведенных выше жалованных грамот, в которых речь идет об общем (или сместном) суде, ответ на поставленный вопрос едва ли представляет какое-либо затруднение. Под "вопчими грамотами" Судебник понимает вышеприведенные жалованные грамоты, в силу которых, в известных случаях, наместник производил суд совокупно с частными владельцами. Итак, если дело касалось крестьян, сидевших на землях детей боярских, то эти крестьяне судились согласно с жалованными детям боярским вопчими грамотами, т.е. или одними господами, или, если в деле заинтересовано лицо, сидевшее не на вотчинной земле, господами и наместниками.

Таким образом, сельское население, еще задолго до прикрепления крестьян к земле, находилось уже под вотчинным судом владельцев. А так как государевы наместники не въезжают в привилегированные вотчины ни по каким делам, кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным, то владельцам принадлежал не один суд, а и управление вообще.

Когда это право вотчинного суда и управления было уничтожено? Можно думать, что с прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничивающие, а потом и вовсе отменяющие вольный переход крестьян. Статья Уложения (II, 13), запрещающая принимать какие-либо изветы крестьян на их господ, кроме великих государевых дел, может быть рассматриваема как естественное следствие безапелляционного вотчинного суда и управления. Но правила о вопчем суде, надо думать, вышли из употребления. Это изменение, по всей вероятности, произошло не в силу какого-либо общего указа, а было естественным следствием сосредоточения судебных пошлин в государевой казне. Как скоро судьи перестали делиться прибытком, а весь доход с суда должны были записывать в книги и сдавать государевым казначеям, то, вместе с этим, отпало и одно из важнейших побуждений для вотчинных судей судить вместе с наместником.

Только что рассмотренные привилегии вольных слуг возникают каждый раз в силу особой жалованной грамоты на имя служилого человека или его жены, вдовы и

детей. Заключая в себе отказ князя от принадлежащих ему прав, привилегии эти могут быть раздаваемы только в пределах территории, на которую распространяется власть князя. В княжеских договорах поэтому встречаем такое условие: "а грамот тебе в моем уделе не давать", т.е. не давать жалованных грамот на льготы. Это право местного князя, а не его друга и союзника.

Пожалование прав вотчинного суда и управления устанавливает весьма тесную связь вольного слуги с местным князем; слуга мог отъехать, вотчина оставалась за ним, но льготы отпадали. Привилегия связывает свободу.

Могло ли лицо, пожалованное судом и льготами, передавать свои привилегии другим лицам? Надо думать, что могло. Владелец не был обязан производить суд лично. Он мог передать это право кому желал, об этом прямо говорится в жалованных грамотах; мог он, конечно, подарить назначенному им судье и пошрины с суда, и другие льготы. В 1512 г. бывший казанский царь Абдыл-Летиф, пожалованный Каширой, освобождает от своего суда и от всяких доходов в свою пользу каширские деревни Троицко-Песоцкого монастыря (А. Э. I. N 154). Такая передача могла произойти и путем отчуждения привилегированной земли. В 1450 г. митрополит Иона предоставил Андрею Афанасьеву право суда в приобретенной им монастырской пустоши:

"Се аз, Иона митрополит всея Руси, пожаловал есмь Андрея Афанасьева, что сел на своей купле, на Голямовской пустоши, в волости Пречистыя Богородицы и в моей, в Романовском. И кого Андрей на ту пустош к себе перезовет из иных княжений, а не из волости, ни из сел Пречистыя Богородицы, и тем людем пришлым не надобе им с моими христианы с волостными тянути ни в какое дело, ни в какие розметы; ни волостели мои романовские и их доводшики не въезжают к тем людем пришлым на ту пустош ни по что, ни кормов, ни поборов у них не емлют, ни судят их. А ведает и судит тех христиан Андрей сам. А кому будет до самого Андрея какво слово, и яз, Иона митрополит, сам его сужу; а коли куды отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник, тот, кому прикажу в свое место ведати. А которой христианин волостной романовец или из села из церковного выйдет за рубеж, а хотя иди к Андрею на ту пустош, и Андрею тех христиан волостных, ни селчан церковных, ни приимати. А дана грамота на Москве, месяца маиа 25 день, в лето 6958, индикта 13. Смиранный Иона, архиепископ всея Руси (А. Э. I. N 45).

Заслуженнейшие из бояр и детей боярских награждались кормлениями. Кормление есть государственная должность по общему или специальному управлению, но несколько в ином смысле, чем мы понимаем теперь слово должность. Характерная особенность старых должностей состояла в том, что кормленщик не только судил и управлял, но и за свой счет получал пошрины от суда и другие княжеские доходы. Чтобы привлечь к себе вольных слуг, князья поступались в их пользу своими владетельными правами.

К кормлениям по общему управлению относятся должности наместников и волостелей, по специальному - пути (о которых скажем ниже) и сборы торговых пошлин и разных других доходов.

Приезжая на должность, кормленщик получал доходный список с книг, как ему корм и всякие пошрины собирать:

"От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии в нашу отчину, в Великий Новгород, диаком нашим, Федору Сыркову да Казарину Дубровскому. Пожаловал есми яселничим Федора, Василева сына, Крюкова, подо князем Алексеем Гагариным в кормленье. А наехать ему на свое жалованье на Благовещенье день лета 7064. И вы бы Федору дали доходный список с книг, почему ему корм и всякия пошрины сбирати, потомуж как естя давали прежним яселничим. Писана на Москве, лета 7063, августа в 4 день". А подпись на грамоте дьяка Ивана Михайлова (Д. к А. И. I. N 53, 1555).

Эти доходы определялись в грамотах, которые давались управляемым, и в наказных списках, которые давались самим правителям. Но кормленщикам не непременно жаловались все княжеские доходы. Бывали случаи предоставления им только части доходов, например, половины, другая половина шла в пользу князя. Такое распределение доходов принято было для всего удела великого князя московского, Семена Ивановича, отказанного им жене (Рум. Собр. I. N 24).

Эта система кормлений столь же стара, как стары бояре и вольные слуги. О Рюрике начальный летописец говорит уже, что он роздал мужам города. Это древнейшее указание на назначение кормлений. Посадники, по всей вероятности, были тоже кормленщики.

Владимирцы (на Клязьме) в своем столкновении с ростовцами и суздальцами в конце XII века жалуются на то, что приглашенные старшими городами князя Ростиславичи слушаются бояр, а бояре учат их на многое имание, вследствие чего они разоряют их необычайно высокими вирами и продажами. Если бояре учили князей на многое имание, то, конечно, потому, чтобы и самим собирать много по кормлениям.

Княжеские договоры и духовные завещания XIV века говорят о кормлениях как об общераспространенном учреждении. Не может поэтому возбуждать какого-либо сомнения обращение к боярам, приписываемое летописцем умирающему Дмитрию Донскому:

"С вами царствовал, - говорит он им, - и землю Русскую держал и мужествовал с вами на многия страны, враги покорил, княжение укрепил, отчину свою с вами соблюл, под вами грады держал и великия волости, вы же не назывались у меня бояре, но князи земли моей" (V, 352).

Князь мог и не говорить этих слов, но летописец вложил в его уста речь, совершенно соответствующую действительности.

До нас дошли и самые грамоты, которыми жаловались кормления. Они от позднейшего времени. Древнейшая написана 28 августа 1425 года. Она дана великим князем Василием Васильевичем Ивану Григорьевичу Раслу, прозвищем Ивате Протасьеву, и сыну его Конону Ивановичу. Эти лица за их выезд к великому князю пожалованы волостью Лузою в кормление.

Вот эта древнейшая грамота:

"Се яз, князь великий Василий Васильевич всея Руси, пожаловал есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Ивата Протасьева, и сына его, Конона Ивановича, волостью Лузою, за их к нам выезд, в кормленья. И вы все люди тое волости чтите их и слушайте, а они вас ведают и судити и ходити велят у вас тиуном своим, а доход имать по наказному списку. Писан на Москве, лета 6933 августа в 28 день". На обороте написано: князь великий Василий Васильевич всея России. Печать вислая, на красном воску орел (А. Ю. N 161, 1).

Следующая по времени грамота дана тем же лицам 20 апреля 1426 года. За тот же выезд они награждены:

"...в кормленье, в Мещере, городом Елатмою и Кадомою и с мыты, и с перевозки, и со всеми наместьничьи доходы и с пошлиною..." (А. Ю. N 161, II).

Усердной службой старшей линии московского дома отличались, по всей вероятности, и другие Протасьевы. В 1508 г. Протасий Акинфович Протасьев пожалован торговыми пошлинами в Мещере и в Мещерском уезде, а в 1555 г. царь Иван Васильевич жалует сына его, Протасия, волостью Лузою в кормление. Из той же грамоты видно, что кормленщиком в Лузе был и отец Протасия. Можно думать, что в Лузе с 1425 года по вторую половину XVI века на кормлении сидели постоянно члены рода Протасьевых, но всякий раз по особому назначению государя.

Бывали, однако, и случаи пожалования кормлений с потомством. Так, кажется, надо понимать известие о пожаловании князю Федору Ивановичу Вельскому города

Луха с волостями и пр. Великий князь Иван Васильевич говорит, что он дал Вельскому Лух и пр. в вотчину; а затем прибавляет: "а отъедет князь Вельский или его дети от моего сына Василия, и та его вотчина сыну моему, князю Василию" (Р. С. I. N 144). Город Лух с волостями не составлял частной собственности великого князя, и Вельскому пожалована, надо думать, не собственность, а кормление, но со снисходящим потомством, что и выражено в слове "в вотчину", т.е. с детьми. Эта вотчина условная, пока сам Вельский и дети его будут служить великому князю Василию.

Система кормлений предполагается и обоими Судебниками. По этим памятникам, кормления даются как боярам, так и детям боярским.

"А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом боярским, и им судити, а на суде у них быти: дворьскому" и пр... (с. 38 Суд. 1497 и 62 Царск.).

Общераспространенность этой системы засвидетельствована и летописцем в известии под 1556 годом:

"А по се время, - говорит он, - бояре и князи и дети боярские сидели по кормлениям, по городам и по волостям, для расправы людям и всякого устройства землям и себе от служб для покоя и прокормления..."

Характерное свидетельство: кормление есть покой от службы, т.е. от военной; дается оно, следовательно, в награду за военные труды. Этот порядок вещей удержан Иваном Грозным и после 1556 года:

"Бояр же и вельмож и всех воинов, - говорит о нем тот же летописец, - устроил кормлением праведными уроки".

Из рассказа летописца надо заключить, что в это время, вследствие злоупотреблений кормленщиков, произошло новое общее распределение кормлений*(88).

Награда кормлениями выделяет заслуженных вольных слуг в особую группу. Для них существуют некоторые специальные правила, вызываемые особенностью их положения.

Имея определенные должности, они, кажется, не были обязаны выступать в поход наряду с другими боярами и слугами вольными. В договорах великого князя Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой (1436 года) говорится, что служилые люди выступают с воеводой своего князя, кроме путных бояр (т.е. получивших пути в кормление). "Путные бояре" может означать здесь кормленщиков вообще*(89). Такая же оговорка о путных боярах делается в договорах и по отношению к городской осаде. Она объясняется тем, что путные бояре, как и кормленщики вообще, должны были находиться в местах их назначения, а потому для них не было обязательно садиться в осаду по месту нахождения их недвижимостей.

Путные бояре и кормленщики платят дани сообразно с доходами со своих путей и кормлений. Но можно думать, что к платежу даней привлекаются они только в крайних случаях. В договорах говорится об этом в таких выражениях:

"А коли мне взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих тако же по кормлению и по путем" (Р. С. I. N 33).

Это, надо думать, ордынская дань.

Кормленщики могут отъехать с кормлений, как и все вольные слуги, но из такого отъезда возникают весьма важные затруднения. Вместе с кормленщиком выезжает и весь штат назначенных им из своих дворовых слуг судных и правительственных органов и сразу прекращается дальнейшее течение всех начатых дел. А за совершенные уже действия могли быть взяты тиунами и доводчиками кормленщика и причитающиеся им пошлины. Например, ответчик мог быть вызван в суд, по нем взяты поруки, или он, если поручителей не нашлось, закован в железо, и за все эти действия получены уже пошлины: езд, хоженое, железное. Но так как, за отъездом кормленщика, дальнейшее течение дела

прекратилось, то новому кормленщику придется вновь вызывать в суд и пр., а органам его брать новые пошлины за действия, уже оплаченные. Кроме того, мы уже знаем, что кормленщики не все доходы получали за свой счет, а делились иногда с князем. Расчеты по этому дележу в минуту отъезда также могли быть не завершены. Наконец, на кормленщика могли быть предъявлены иски по злоупотреблению должностью. Отъезд кормленщика мог возбудить, таким образом, массу затруднений. Относительно этого-то крайне сложного вопроса и встречаем в княжеских договорах такое определение:

"А который боярин поедет из кормления... а службы не отслужив, тому дати кормление по исправе, а либо служба отслужити ему" (Р. С. I. N 27).

По этой статье кормленщик все-таки может отъехать, несмотря ни на какие затруднения, но князь-союзник обязывается дать ему у себя кормление не иначе, как по исправе, т.е. по удовлетворении всех возникших из отъезда законных требований. Кормленщику предоставляется, таким образом, на выбор: или отслужить службу, т.е. довести до конца начатые дела, ответить на жалобы, если они представлены, и пр., или удовлетворить деньгами понесших убытки от его отъезда.

Система кормлений, составляющая такое необходимое дополнение вольной службы, не была отменена даже Иваном Грозным. В его царствование она потерпела только некоторые ограничения в объеме дел, подлежащих ведению кормленщиков, в количестве поступавших в их пользу судебных пошлин, а всего более в учреждении излюбленных судей.

Под ограничением объема дел мы разумеем изъятие из ведомства кормленщиков, в некоторых местностях, губных дел и предоставление их ведомству даровых выборных земских органов.

Первый шаг в этом направлении сделан был в 1539 г., когда Грозному было всего 9 лет; он совершен, следовательно, не им, а боярским правительством. В этом году даны были, по челобитью местных жителей, две первые из дошедших до нас губных грамот. Следующие такие грамоты относятся к 1540 и 1541 годам. Пример, данный боярами, нашел потом подражателя и в самом царе.

Но, кроме губных дел, Иван Грозный предоставлял иногда и весь местный суд, и управление выборным органам. Древнейшая из таких грамот относится к 1552 г. Дана она жителям Важского уезда также по их челобитью, в котором они заявляли, что у них в посадах многие дворы, а в уезде многие деревни запустели от прежних важских наместников и их лихих людей, от татей, разбойников и пр., и что им наместника и пошлинных людей впредь прокормить немочно, а потому просили пожаловать их: наместника отставить и дозволить им для суда и управы выбрать из своей среды лучших людей, а за наместничий доход платить в казну оброком - 1500 р. Царь согласился и пожаловал все, о чем его просили.

И та, и другая мера имела значение исключения, а не общего правила и вовсе не была направлена против системы кормлений в принципе. Выборные органы управления возникают только там, где об этом просят местные жители. Но губные органы вовсе не исключают кормленщиков, а только берут из области их ведомства некоторые дела; все остальные по-прежнему остаются в руках наместников и волостелей. Посылать же кормленщиков в такие разоренные местности, какой оказался Важский уезд, не соответствовало цели учреждения кормлений. Если бы в Вагу и был послан кормленщик, он, конечно, сам стал бы просить о переводе его в другое место, где можно прокормиться, что и действительно случалось. Наконец, четыре года спустя после выдачи важской грамоты, Иван Грозный, как мы указали уже, вновь устроил своих воинов "праведными кормлениями". Система кормлений имела слишком глубокие корни в вольной службе, чтобы ею можно было так легко поступиться*(90).

Сокращение судных доходов кормленщиков также было сделано в

царствование Грозного, хотя мы и не знаем, кому приписать эту меру: самому царю или советникам первой и лучшей половины его царствования. Это сокращение находим в царском Судебнике, по которому наивысший размер пошлины определен в гривну с рубля, а прежде он доходил до стоимости иска, т.е. судья получал с виноватого столько же, сколько истец, выигравший свой иск.

Система кормлений существует еще и в XVII веке, хотя, конечно, только в виде исключения. В 1645 г. Семен Лукьянович Стрешнев, брат умершей царицы Евдокии, пожалован был в должность крайчего, с путем и "город Гороховец ему дан". Так записано в Дворцовых Разрядах (III, 15). Город ему дан, конечно, в кормление. Назначение на должность воеводы записывалось в книгах иначе, и Стрешнев в том же году был воеводой, только не в Гороховце, а во Мценске. В 1661 г. кн. Каспулат Мурза Черкасский пожалован за службы деда, дяди и отца городом Терском с судом; а прежде этот город на тех же правах последовательно был предоставлен его деду, дяде и отцу. В 1678 г. пожалованы ему еще таможенные пошлины за службу против турок и крымских татар (Рум. Собр. N 22 и 114).

Формально в XVII веке кормленщики существуют только в виде исключения, но в действительности воеводы XVII века, заменившие старых кормленщиков, продолжают по-прежнему питаться от должности. Это знает правительство и даже принимает в соображение при назначении на должность. Татищев рассказывает, что царь Алексей Михайлович, получив раз челобитье о воеводстве, приказал узнать в Разряде, есть ли свободный город, в котором можно было бы нажить пятьсот или шестьсот рублей. Разряд указал Кострому. Царь назначил туда просителя воеводой, причем дал ему совет употребить нажитые деньги на покупку деревни. Воевода, отслужив свой срок, донес царю, что он нажил только 400 руб. Государь велел проверить это донесение. По поверке оказалось, что воевода прав, он брал только то, что ему добровольно приносили и ничего не вымогал. Царь приказал дать ему за это другой, более доходный город. Поэтому-то должности воевод назывались в XVII веке "корыстовыми".

Выше мы упоминали уже о путных боярах. Из сказанного было видно, что к путным боярам применялись те же правила, что и к кормленщикам, и что даже термин "путные бояре" употреблялся иногда для обозначения кормленщиков вообще. Нам остается теперь объяснить самое слово "путный" боярин.

Слово "путь", от которого произошло прилагательное "путный", существует и в современном языке в смысле пути-дороги. Путь-дорога, в противоположность бездорожью, есть удобство, выгода, преимущество, нечто хорошее. Отсюда мы и теперь говорим: будет ли из тебя путь? то есть прок, дело. Отсюда - путный и беспутный человек.

То же значение выгоды, преимущества, имеет это слово и в древнем языке. Поэтому кормление есть "путь", а кормленщик - "путный" человек. В грамоте белозерского князя волоцкому волостелю (кормленщику) читаем:

"...Игумен, Еким, и вся братья... бил ми челом о том, а сказывают, что являл им староста волоцкой мою грамоту такову, что им приимати к себе в волость, в твой путь, на Волочек... монастырские половники" и т.д. (А. Э. I. N 48.1. Около 1450).

Путями же называются всякого рода сельскохозяйственные угодья: рыбные ловли, бортные ужожаи, бобровые гоны и пр. Воск, мед, рыба, меха, лошади составляли главнейшее богатство древней Руси, а разные виды охоты не только любимейшее развлечение князей, но и очень прибыльную статью хозяйства. Поэтому князья жаловали свои земли разным деловым людям с тем, чтобы они занимались содержанием и разведением княжеских лошадей, пчел, собиранием меда, варкой воска, ловлей бобров и рыбы, содержанием собак, необходимых для княжеской охоты, соколов для той же цели и пр. Такие хозяйственные заведения достигали значительного развития и, как прибыльные, доходные статьи, тоже

назывались путями. В источниках встречаются: сокольничий путь, к которому относились сокольники и все приспособления для соколиной охоты; конюший путь; ловчий, который одинаково мог заключать в себе псарей, бобровников и рыбников; рыбники разумеются еще и под термином "стольнича пути". Эти пути составляют такую же собственность князя, как и его села, а потому и в духовных завещаниях они упоминаются рядом с селами. В духовной великого князя Василия Дмитриевича читаем:

"А княгине своей даю волости Коломенские: Песочну да Брашеву з селцем з Гвоздною и с Иванем, да Устьмерску, да Гжелю и с путми и з селы з своеими, что в тех волостех ни есть" (Рум. Собр. I. N 42, 1424).

В духовной Юрия Галицкого:

"А из волостей из Дмитровских даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицю, Вохну, Загарье, Рогож, Куней или что будет в тех волостех села или пути, а то все даю сыну своему Василью" (Рум. Собр. I. N 51, 1434).

Далее, словом "путь" обозначалось в древности и самое право, тоже как преимущество, и тот документ, на котором право утверждалось. В конце крестьянской порядной 1604 года читаем:

"А отдали ему с путики, и с ловищи, и с езовищи, и со всем угодем, куды ходил топор, и соха, и коса, и что к тому жеребью исстари потягло. И Сидору на том жеребью двор поставить, и земля распахать, и огороды огородить, и впусте не покинуть тое двенадцатые доли обежные. Да в том ему и путь дали. А на то ему послуши Ильинской Тавренской пономарь, Иван, Григорьев сын, Жаравлев. А путь писал Федотко Андриев Пахтусова. Лета 7112 году мая в 10 день".

"С путики" - т.е. с местами охоты; по свидетельству Даля, слово "путь" и теперь означает ловлю, бой зверей, а слово "путик" охотничьи участки, на которые промышленники делят между собою леса, чтобы не мешать друг другу. "Путь дали" - дали право; "путь писал" - писал порядную.

Князья в своих духовных завещаниях делают иногда особые назначения в пользу старших сыновей. Они называют такие отказы отказами "на старейший путь", т.е. это преимущество старшинства, право первенства. Такие же преимущества "на старейший путь" устанавливаются иногда и договорами. В договоре великого князя Семена с братьями читаем:

"А что есмы с ступилися тебе на старейшинство: тебе полтамги, а младшим двум полтамги, да тебе сокольничий путь и садовники, да конюший путь... и ловчий путь тоже. И потом на старейший путь, кто будет старейший, тому полтамги, а младшим двум полтамги" (Рум. Собр. I. N 23, 1341).

Великий князь Дмитрий Иванович в завещании пишет:

"А на старейший путь сыну моему, князю Василью, Василцево сто и Добрятиньская борть з селом Добрятиньским" (Рум. Собр. I. N 34, 1389).

Наконец, словом "путь" мог обозначаться и всякий установившийся порядок, обычай. В спорном деле Сергиева монастыря с Куростровцем Неумоеным старец Максим утверждал, что "та деревня по старому пути словет Бороздинская". С этим не соглашались ответчики. Они утверждали, что она "Плешковская и Оншутин екая, а не Бороздинская" (Федотов-Чеховский. N 91, 1612-1613).

Приведенные места, разъясняющие значение слова "путь", дают возможность выяснить и значение термина "путный боярин". Это, во-первых, всякий кормленщик; а так как кормления давались боярам и детям боярским, то путный боярин может означать как высшие разряды бояр, так и средние и даже меньшие.

Иногда при назначении на должность говорилось, что она дается "с путем". Это значит, что к должности приписывалась какая-либо доходная статья в пользу должностного лица. Князь Мосальский, Андрей Федорович, в 1610 г. пожалован был крайчеством с путем, "а в путь пожаловали его городом Гороховым" (Рум. Собр. II.

N 218). В 1654 году ближний боярин, Василий Бутурлин, получил "дворчество с путем", а в путь ему назначили половину "всяких дворецкого пути доходов": с ловецких слобод, с кружечных дворов, с судных дел (Рум. Собр. III. N 174). Такие крайчие, дворецкие и другие придворные чины тоже могут разумеются под термином "путные бояре".

Наконец, разные хозяйственные учреждения, называвшиеся путями, предоставлялись ведению отдельных чинов, которые тоже будут "путными". Сюда относятся: конюшие, ловчие, сокольники и пр. Некоторые из них, конюшие, например, поднялись с течением времени до высших ступеней служебной лестницы; другие, как ловчие и сокольники, всегда принадлежали к средним.

Но пути в этом особом хозяйственном смысле не всегда состояли в ведомстве специальных чиновников, а ведались иногда и местными кормленщиками, наместниками и волостелями. В жалованной грамоте переяславским сокольникам читаем:

"Се яз, князь великий Василий Иванович, пожаловал есми своих сокольников переяславских, сокольнича пути... Наместницы мои переяславские... не входят к ним ни по что... А кому будет на них чего искати, ино их сужу яз, князь великий, или мой сокольничей..." (А. Э. I. N 147, 1507).

А до этого жалованья их ведали наместники. Или в жалованной грамоте сокольникам Вологодского уезда читаем:

"А случится душегубство или разбой с поличным, ино судит их волостель Авнежские волости..." (А. И. I. N 295, 1540).

Таким образом, будет неправильно приурочивать путных бояр исключительно к ведомству путей в смысле хозяйственных княжеских заведений. Это всякие кормленщики, служебное положение которых весьма различно; есть между ними и высшие, и средние, и меньшие.

Кормления в системе вольной службы имели значение награды за службу и служили средством привлечения к ней. С той же целью князья раздавали служилым людям и свои земли. Но этот способ награды и приманки к службе, надо думать, особенно развивается только в позднейшее время. В завещании Ивана Даниловича Калиты упоминается только один вольный слуга, пожалованный его землей, Бориско Ворков, которому он дал свою куплю в Ростове, село Богородское. Если бы были и другие лица, пожалованные Калитой землями, он не забыл бы упомянуть о них в своем завещании. Делались ли такие пожалования в домосковское время, об этом ничего нельзя сказать определенного по недостаточности источников. Нет оснований совершенно отвергать этот способ награды служилых людей в домосковское время; но и нельзя думать, чтобы он мог получить тогда сколько-нибудь значительное развитие. В Москве развивается он только с успехами объединительной политики, когда частная собственность московских князей заметно возрастает. Первое общее упоминание о боярах и детях боярских, награжденных княжескими селами, находим в завещании великого князя Василия Васильевича.

"А кому буду давал, - говорит он, - своим князем и бояром и детем боярским свои села в жалованье, или хотя и в куплю кому дал, ино те мои села моим детем, во чьем уделе будет, ино тому то и есть".

Но только при сыне его, Иване Васильевиче, награждение служилых людей землями получает значение системы, к осуществлению которой в обширных размерах правительство начинает стремиться сознательно. По покорении Новгорода великий князь, Иван Васильевич, требует, чтобы ему дали волости и села:

"Понеже нам, великим князем, государство свое держати на своей отчине, Великом Новгороде, без того нелзе".

То есть нельзя господствовать в Новгороде, если не будет там сел для раздачи служилым людям. В это время было произведено, по государеву указу, поместье

на вновь приобретенных землях даже таких служилых людей, которые состояли в боярских дворах и ничего своего не имели (Кар. VI, пр. 201). Этот факт помещения на землю служилых людей и дал, надо думать, наименование особой форме служилого владения - поместьем.

На каком праве делались эти пожалования? Права эти были не одинаковы. Князья жалуют свои земли или на условии службы, или безусловно.

В завещании Калиты условное пожалование выражено в следующей форме:

"А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будет за ним; не иметь ли служить детям моим, село отоимуть".

Это древнейший известный нам случай пожалования в поместье. Рядом с таким условным пожалованием идут пожалования безусловные с предоставлением пожалованному права распоряжения. Это пожалование в вотчину. За недостатком исторических данных, мы не имеем возможности сколько-нибудь точно обозначить время возникновения той и другой формы пожалования*(91).

Вот жалованная грамота на вотчину:

"Мы, великий государь Василей, Божию милостию государь всей Русин и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Смоленский, и Тверской, и Пермский, и Югорский и Вятский, и Болгорский, и иных, пожаловали есми Василья, Тимофеева сына, Олексеева да сына его, Ортема, в Переславском уезде, в Мишутине стану своими великого князя деревнями черными, деревнею Самойловым на реке на Куньем, деревнею Василковым на Малой на Куньеме, деревнею Петроковым вверх Куньева со всем с тем, что к тем деревням потягло. А пожаловал есми Василья и сына его, Ортемья, теми деревнями в вотчину и с судом, опричь душегубства и разбою с поличным, впрок ему и его детям. Писано лета 7024 апреля в день" (печать красная) (А. Э. I. N 162, 1516).

В других жалованных грамотах на вотчину выражение "в прок" пояснено так:

"Волен (такой-то то село и деревни кому дати, и продати, и променити, и в закуп дати, и по душе дати" (А. Э. I. N 160, 1515).

В этом полном праве распоряжения, предоставляемом вотчиннику, и заключается существенное различие пожалования в вотчину от пожалования в поместье. Что же касается льгот, предоставляемых поместным владельцам, то они совпадали со льготами, жалуемыми вотчинникам. Условные владельцы имеют одинаковое с вотчинниками право суда и льготы от повинностей; сами они судятся перед великим князем или близким ему человеком.

Вот одна из древнейших до нас дошедших грамот на поместье. Она сохранилась в местническом деле Зюзина с Нагим.

"Се яз, князь великий Иван Васильевич всея Руси, пожаловал есми Микитку да Юрку Шенуриных да сына Микиткина, Осташа, в Галиче, в Едоском стану, своею великаго князя деревнею Шенуриною со всем с тем, что к ней ис старины потягло. А пожаловал есми Микитку да Юрку Шенуриных и сына Микиткина, Осташа, тою деревнею доколе служит Микитка да Юрка и Микиткин сын мне и моим детям. И кто у них в той деревне учнет жити людей, и намесницы мои галицкие и их триуны их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным, и кормов своих у них не емлют, не всылают к ним ни почто; а праветчики и довтчики поборов своих не берут, ни въезжают к ним ни почто. А ведают и судят Микитка и Юрка и Микиткин сын тех людей своих сами, или кому прикажут. А случится суд смесной, тем их людем з городскими людьми или становыми, и намесницы мои галицкие и их тиуны тех их людей судят, а Микитка или Юрка или Микиткин сын или их приказщик с ними судят, а присудом делятся на полы. А кому будет чего искати на Микитке или на Юрке и на Микиткине сыне или на их приказщике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введенной. А дана грамота лета девять-десять

шестого (1488) марта" (Рус. ист. сбор. V, 15).

По этому же образцу пишутся грамоты и в XVI веке, но в них не встречается условие "доколе служит... мне и моим детям". Оно, конечно, само собой разумеется. В XVI веке выработалось и особое слово для обозначения таких пожалований. В противоположность пожалованию в вотчину такое пожалование без права распоряжения называется пожалованием "в поместье". Этот термин употреблен, например, в жалованной грамоте Борису Захарьичу Бороздину и Грише Иванову Жедринскому. Но есть пожалования, в которых жалуемое не называется ни вотчиной, ни поместьем. Таково, например, пожалование Курбатке Третьякову и Лукиным. В этих случаях надо уже из общего содержания грамоты делать заключение о свойствах пожалования (А. Э. I. N 44,1; Фед.-Чехов. N 49; 1505-1546). Нуждается в объяснении одно выражение духовной Василия Васильевича, в которой читаем:

"А кому буду давал своим князем и бояром и детям боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю кому дал, ино те мои села моим детям, в чьем уделе будут, ино то тому и есть".

Не только то, что великий князь пожаловал, но и то, что он продал, - отдается детям его. Что же это значит? Села отдаются детям великого князя в государственном, а не в частно-гражданском смысле. Эти пожалования и купли входят в состав уделов, в границах которых находятся, и, следовательно, местному князю принадлежит в них суд и дань в пределах, само собой разумеется, жалованных грамот.

Великий князь Иван Васильевич может быть рассматриваем как лучший истолкователь мыслей своего отца. В его же духовной читаем:

"А что есми давал свои села бояром своим и князем и детям боярским и грамоты свои жалованные им подавал на те села прочно им и их детям или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те села сын мой Василий и мои дети не вступаются".

Признание принципа неприкосновенности условного владения (пока соблюдается условие) точно так же не подлежит сомнению, как и неприкосновенность владения вотчинами.

Глава третья. Дворовые чины

Кроме разобранных уже терминов, которыми обозначались разные классы населения древней России, в наших источниках встречается еще масса наименований различных чинов княжеского, а позднее царского двора. Здесь мы имеем дело с отроками, детскими, тиунами, конюхами и конюшими, ловчими, дворянами, стряпчими, дворецкими, стольниками, чашниками, спальниками, окольничими, боярами введенными и пр.

При всем разнообразии в положении этих лиц все они составляют один класс придворных слуг.

Нашей древности было совершенно чуждо принципиальное различие органов государственного управления от органов управления частными делами князя. Кто входил в состав княжеского двора, тот, по этому уже самому, считался годным и для отправления публичных функций. Назначенные к публичным должностям чины двора удерживали за собой те наименования, которые принадлежали им в частном хозяйстве князя.

Двор князя, место его постоянного жительства и центр всех хозяйственных операций, был вместе с тем и древнейшим присутственным местом, местом суда и управления.

В старейшей редакции Русской Правды читаем:

"Аще оубьют татя на своем дворе, либо оу клети, или оу хлева, то той оубит. Аще ли до света держать, то вести его на князь двор..." (II, 17 и 18).

Как хозяйственный двор князя был судебно-правительственным местом, так и органы управления княжеским хозяйством были судьями и администраторами. Таковы в древнейшее время княжеские тиуны, отроки его и детские.

Что тиун есть домашний слуга, ключник, в этом не оставляет ни малейшего сомнения Русская Правда (III, 142). Тиун заведует хозяйством своего господина; он доверенное лицо, которому поручаются ключи дома.

В больших хозяйствах таких тиунов могло быть несколько. Русская Правда, перечисляя княжеских слуг, упоминает тиуна огнищного, тиуна конюшего (III, 13) и сельского или ратайного (III, 14). Тиун сельский или ратайный заведовал земледельческим хозяйством, конюший - конюшенным, огнищный, надо думать, домовым княжеским, а потому он и назван впереди других. Огнище означает очаг; слово это могло употребляться для обозначения целого дома, подобно тому, как слово "дым" употреблялось для обозначения целого двора: "Сдумавше поляне и даша от дыма мечь" Козарам, т.е. от каждого двора*(92).

Этим тиунам-ключникам поручалось производить и суд вместо князя. Свидетельство источников о тиунах-судьях киевского князя Всеволода приведено выше на с. 100.

В том же смысле, что тиунам поручался суд, надо понимать и следующее место Лаврентьевской летописи, относящееся к последним годам княжения в Киеве князя Всеволода Ярославича:

"И людем не доходити княже правды, начата тиуни грабити, людий продавати, сему не ведуцю в болезнях своих" (1093).

А вот многозначительный разговор Полоцкого князя с епископом, выписанный Карамзиным из одной неизданной летописи:

"Князь Конъстантин полотский вспроси владыки Симеона Тферьскаго, где быти тиуном нашим на оном свете? И рече владыка: где и князь. Князь же о том не полюби на владыку, глаголя: тиун неправо судит, мзду емлет, зло деет; яз что дею? И рече ему владыка: аще будет князь добр, и жалуует люди, и того ради избирает властеля мужа добра, страха Божия полна, разумна и праведна, князь будет в рай и тиун его с ним. Аще же будет князь без страха Божия и христиан не имат жаловати, и он поставляет властелина зла, неведуща, толико бы ему кун добывал... и князь будет в аде, а тиун его с ним" (IV, прим. 178). Симеон Тверской скончался 3 февраля 1289 года.

Тиуны, которым поручался суд, переставали, конечно, заведовать княжеским хозяйством. Получая доход от суда, они становились достаточными людьми и приобретали собственные дворы, в которых и жили (см. выше, с. 100).

Термины "детские" и "отроки" обозначают обыкновенную домашнюю прислугу, состоящую у стола и гардероба и сопровождающую своего господина во время его выездов. В то время как одни летописи говорят о детских, другие, в том же случае, упоминают отроков. По Лаврентьевской летописи князь Василько встречает "его детьский", по Воскресенской его встречает "отрок", по некоторым же другим спискам "детьский отрок" (1096).

Этим мелким слугам, детским и отрокам, так же как и тиунам, князя предоставляют некоторую роль и в отправлении правосудия.

Русская Правда говорит, что в случае споров о наследстве князя посылают детских делить спорщиков (III, 140). При испытании железом детские также принимают участие и получают за это полгривны (III, 112). Отроки участвуют в делах по обвинению в убийстве, с которых тоже получают доход (III, 21).

Но старинный двор князя состоял не из одних только тиунов, детских, конюхов,

необходимых для ежедневной службы по хозяйству и дому. Князь нуждался в воинах, которые находились бы у него постоянно под рукой. Некоторое количество таких воинов, то большее, то меньшее, смотря по средствам князя, всегда жило в его дворе. Эти дворовые воины назывались по возрасту - отроками, по оружию - гридями и мечниками. Войско, выступившее с Борисом Владимировичем против печенегов, накануне смерти отца его, великого князя киевского Владимира Ярославича, состояло из "воев", дружины отца Бориса и собственных его отроков (Лавр. 1015). Число таких отроков-воинов достигало у некоторых князей до нескольких сот. Святополк-Михаил Киевский, собираясь против половцев, говорит: "имею отрок своих 800 (вар. 500), иже могут противу им стати" (Лавр. 1093).

Гриди (гридь и гридин) и мечники - это два разных наименования того же рода лиц, воинов, живших во дворе князя и на его содержании. Для помещения гридей во дворе князя устраивалась особая комната, на которую и перешло наименование ее обитателей: гридня, гридняца*(93).

Наша древность не знала специализации должностей. Как тиунам и детским приказывался суд, так точно встречаем на суде и мечников. Мечник присутствовал вместе с детским при испытании железом и получал за это 5 кун (III, 112). Мечник, конечно, мог быть употреблен князем и во всякое другое дело. В 1147 году Андрей Боголюбский послал к Ростиславичам послом мечника своего, Михна*(94).

Этот древнейший княжеский двор, при малом развитии поземельной собственности у князей домосковского времени, не мог быть очень многолюдным и блестящим. В состав его входило немного чинов, и нет основания думать, чтобы чины собственно придворные были в древности очень многолюдны.

Обстановка двора Владимира Мономаха поражает своей простотой. В составе своего придворного штата он упоминает только тиунов, отроков, ловчих и конюхов. Обязанности этого немногочисленного штата были так немногосложны, что князь мог до всего доходить сам. Владимир Мономах советует детям своим не полагаться на тиунов и отроков, чтобы приходящие к ним не посмеялись дому и обеду их. О себе же утверждает, что весь ловчий наряд он сам вел, а также конюший, соколиный и ястребиный (Лавр. 1096).

Общественное положение многих древнейших чинов двора было не из высоких. Тиуны только при наличности особой оговорки сохраняли свою свободу, в противном случае, по общему правилу, они были холопы. Могли быть не свободные и в составе отроков, конюхов, ловчих.

Двор, описанный Владимиром Мономахом, не составлял особенности княжеской власти; он был у каждого состоятельного человека. Русская Правда говорит о боярских тиунах (III, 3 и 89), об отроках посадников, вирников, мостников (III, 12, 127, 146; см. сказанное выше о дворах бояр, с. 281 и сл.).

По мере развития княжеской власти и особенно увеличения земельных имуществ князей московского дома состав княжеского двора изменяется. Среди придворных чинов все в большей и большей мере начинают встречаться дети боярские и бояре. В XVI и главным образом, в XVII веке все лучшие люди Московского государства добиваются уже чести поступить в придворный штат московских государей в качестве их спальников, стольников, чашников, крайчих и т.д. Люди лучших фамилий стоят у крюка в комнате московских государей и сопровождают их выезды в качестве возниц и ухабничих. С уничтожением системы кормлений и с установлением обязательной службы все высшие чины Московского государства непременно проходят через придворные должности. Двор московских государей XVII века представляет блестящую картину бояр введенных, окольных, стольников, стряпчих и иных чинов, которые ежедневно собираются в числе нескольких сот человек на крыльце московского дворца и в его передней. Пользующиеся доверием так называемые "ближние люди" состоят в особом

приближении, они допускаются в "комнату великого государя". Придворная служба привлекла к себе все высшее население Московского царства.

Несмотря на этот пышный расцвет придворной службы, в актах московского времени еще видны следы скромного двора старых киевских князей.

В грамоте царя Бориса от 1601 года находим следующее перечисление дворовых чинов, весьма напоминающее вышеприведенное перечисление Владимира Мономаха:

"Большаго Дворца дворовые люди всех чинов: ключники, стряпчие, сытники, подключники; конюшеннаго приказу: прикащики, конюхи, стремянные, стряпчие; ловчаго пути: охотники и конные псари; сокольничья пути: кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначей" (А. И. II. N 20).

В записке о царском дворе начала XVII века читаем:

"На дворце церковь Преображенья, служит протопоп. Весь дворец: ключники, и стряпчие, и сытники, и приспешники, и повары тут приходят и рано для их служба живет, чтобы отправясь шли всяк на свой приспех к царскому столу готовить" (А. И. II. N 355).

Это двор в тесном смысле традиционного двора старых князей, а не в широком смысле нового двора московских государей, в состав которого давно уже поступили и дети боярские, и бояре. Еще в XV веке двор московских князей был уже полон княжат и детей боярских, которые составляли особое дворовое войско, вроде отроков Святополка-Михаила Киевского. В Воскресенской летописи под 1449 годом читаем:

"Тое же весны князь Дмитрий Шемяка, преступив крестное целование и проклятые на себе грамоты, поиде к Костроме с мною силою, а приде на Велик день и много бився под градом, но не успеха ничтоже; понеже бо застава в нем бе, князь Иван Васильевич Стрига да Федор Басенок, и с ним многие дети боярские, двор великаго князя".

Или под 1469 годом:

"Тое же весны, по Велице дни на другой неделе, послал князь велики на Казанские места рать в судех, воевода Константин Александрович Беззубцев, а с ним многие дети боярские, двор свой, тако же и от всеа земли своей дети боярские, из всех уездов своих и яз всех отчин братии своеа потому же".

В последнем известии дворовым детям боярским противопоставляются городовые, как не принадлежащие к составу двора, они живут у себя по уездам.

В разрядах 1578 года находим термин "дворовых бояр". В списке назначения служилых людей в литовский поход, между прочим, читаем:

"Из двора бояре: кн. Федор Михайлович Трубецкой, кн. Василий Федорович Скопин-Шуйский, Дмитрий Иванович Годунов" (Вивл. XIV, 349).

Это все введенные бояре, о которых будет речь ниже.

Древнейшие и весьма скудные сведения о чинах двора находим в летописях и грамотах разного рода, позднейшие и более подробные - в разрядных и боярских книгах.

Из боярских книг, содержащих важнейший материал по вопросам о времени возникновения разных чинов, взаимного их отношения с точки зрения служебной чести, жалованья и пр., - дошло до нас очень немного. Подлинные книги мы имеем только от XVII века, да и этих сохранилось всего девять вместо ста, и эти девять книг не изданы и не описаны. Для XVI и XV веков (с 1462 года) мы имеем только напечатанное Новиковым (XX) извлечение из сводного списка "старинных бояр и дворецких, окольничих и некоторых других придворных чинов", принадлежавшего М.П. Шереметевой. Этот список продолжается до 1676 г. Несмотря на всю его важность, он не полон и возбуждает немало вопросов, на которые не всегда можно отвечать даже догадками.

В течение первых 32-х лет (с 1462 по 1494 год) список этот перечисляет только бояр введенных, дворецких да окольных и не упоминает о других чинах. Можно ли думать, что в это время при московском дворе не было иных чинов, например, постельничего, ловчих, крайчих, сокольников, стольников и пр.? Конечно, нет. Новиковское извлечение только два раза упоминает о стольниках (под 1653 и 1669 годом) и то случайно (говоря о назначении ясельничего и царицына дворецкого, в каковые должности были пожалованы стольники), о стряпчих же вовсе не упоминает, за исключением стряпчего с ключом. А между тем в подлинных боярских книгах, с 1627 года начиная, целые страницы исписаны назначениями в стольники и стряпчие. Ясно, что из подлинных книг не все перешло в Шереметевскую сводную книгу. Но почему одно перешло, а другое нет? Это, конечно, зависело от целей, которые преследовал составитель сводной книги, а эти цели нам неизвестны. Можно думать, что его интересовали только важнейшие должности.

Но, начав с важнейших бояр, окольных и дворецких, он потом присоединяет к ним и менее важных. С 1495 года в его списке появляются: казначей, постельничий и ясельничий; с 1511 - оружничий; с 1514 - крайчий; с 1550 - сокольничий; с 1572 - дворяне думные; с 1646 - стряпчие с ключом; с 1655 - думные дьяки; с 1667 - печатник. Этим и исчерпывается кругозор его; стольники, стряпчие, дворяне и иные более мелкие чины вовсе не вошли в его сводную книгу.

Из того, что составитель Шереметевской сводной книги начинает вести список бояр введенных, казначеев, постельничих и иных чинов с такого-то, а не с иного года, вовсе еще не следует, что эти должности возникли в том году, под которым они впервые у него упомянуты. Из подлинных боярских книг видно, что стряпчие с ключом и думные дьяки упоминаются уже в 1627 году, а в действительности, конечно, появились гораздо раньше, у него же они впервые упомянуты под 1646 и 1655 годами. Почему составитель сводного списка так запаздывает и чем вообще определяется он в выборе года, с которого начинает вести список лиц, занимавших известную должность? На эти вопросы у нас нет ответа. Мы даже не знаем, в один раз составлена Шереметевская сводная книга, или это труд разновременный, в котором принимали участие многие лица.

Каждый придворный чин имел свою определенную честь, которая выражалась в месте, занимаемом им на лестнице придворных чинов. Эта честь не была, однако, постоянной. С течением времени она изменялась. Пример этому представляет возвышение чести конюших-бояр и дворецких-бояр. Подобные же изменения могли происходить и в мере чести низших чинов. Но, по бедности дошедшего до нас материала, они ускользают от нашего внимания.

Переходим к обозрению отдельных чинов двора. Мы будем вести перечень чинов в той последовательности, которая постоянно наблюдается в Шереметевской сводной книге*(95); последовательность чинов, не внесенных в эту книгу, определим согласно подлинным боярским книгам XVII века, разрядным, книгам и другим памятникам, содержащим указание на этот предмет.

I. Бояре введенные

Термин "боярин введенный" встречается в жалованных грамотах на разные льготы и, между прочим, на освобождение от суда местных органов. Таким пожалованным предоставляется, обыкновенно, право судиться перед самим князем или боярином его введенным:

"А кому будет чего искати на Марьи (Копниной, получившей жалованную грамоту) или на ее сыне, Федоре, или на их приказнице, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введенный" (А. Э. I. N 44, 1449).

Дошедшие до нас грамоты этого рода не восходят далее половины XV века*(96). Но это, конечно, не значит, что введенные бояре возникли только в это время. О них упоминается в грамотах как об учреждении, существующем уже и общеизвестном. Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Ивану Петелину (А. Э. II. N 46), тоже упоминающая о введенном боярине, есть только повторение грамот его отца, деда и прадеда. Это дает достаточное основание думать, что бояре введенные были уже у первых московских князей, в начале XIV века.

Но мы и на этом не считаем возможным остановиться и идем далее. Боярин введенный производит альтернативно с князем тот суд, который князь предоставляет лично себе. Князья являются у нас судьями с самого древнего времени. Но, конечно, и в самое древнее время не могли они всегда самолично разбирать все дела, подлежавшие их суду, и нуждались в помощниках. Думаем поэтому, что бояре для суда или, как их называют памятники с XIV века начиная, введенные бояре принадлежат к древнейшим нашим судным учреждениям.

Кому было поручать князьям тот суд, который они оставляли лично за собой, как не лучшим людям волости, каковыми и были, как мы знаем, бояре? Как лучшие, старейшие люди земли, они должны были знать обычаи и дела, а потому и могли заменять князя. В одном судном деле начала XVI века, вместо доклада великому князю или боярину введенному, говорится о докладе:

"Великому князю или человеку старейшему" (Рус. ист. сбор. V. 13, 1501).

Думаем, что "мужи" сыновей Ярослава: Коснячко Перенег*(97), Никифор Кыянин, Чюдин и Микула, о которых упоминает Русская Правда (II заголовок и III, 4) и были древнейшими введенными боярами, имена которых дошли до нас. Князья Ярославичи совещаются с ними о порядке суда на тот, конечно, случай, что этим мужам придется решать дела вместо князя и, таким образом, давать направление тогдашней юрисдикции. В это отдаленное время, как в московское, князья судили лично не только в случаях привилегированной подсудности, но и во всех тех, когда низшие судьи находили почему-либо невозможным решить дело и обращались с докладом к князю или "человеку старейшему".

Итак, дело, для которого существовали бояре введенные, принадлежит отдаленнейшей древности. Но мы не имеем достаточных оснований утверждать то же и о самом термине. Термин "введенные", может быть, не старше XIV века. В более отдаленное время таких бояр, в отличие от бояр вообще, могли называть просто "княжими мужами". С XIV века их стали называть "введенными", потому что они вводились во двор князя и в особое к нему доверие*(98). Но и в памятниках после XIV века вместо "введенный боярин" говорится иногда тоже "княжой боярин" (Федот.-Чехов. N 66).

С половины XV века нам уже известны имена всех введенных бояр, и мы можем из года в год следить за каждым изменением в их составе до самого конца XVII века. Введенные бояре - это суть те бояре, которым сказывается боярство. Сказывается не просто боярство, которое есть не что иное, как бытовое наименование лучших или старейших людей, а введенное боярство. Княжеская служба создает не бояр вообще, а введенных бояр, иначе - придворных бояр, всегда состоящих при князе и делающих его дело.

Кроме жалованных грамот, говорящих альтернативно о суде князя и его введенного боярина, мы имеем еще, со второй половины XV века, ряд подлинных судных дел. Местные судьи весьма нередко заканчивают свое производство таким определением:

"И о сем судьи рклись доложить государя великаго князя или его боярина" (Федот.-Чехов. N 21, 66).

За этим следует доклад боярину, который и называется по имени и отчеству. В

этих судных списках, следовательно, мы имеем имена введенных бояр. Вот те, которые нам встретились в списках XV и XVI веков.

Князь Щеня, Дан. Вас; ему сделан доклад без обозначения года (А. Ю. N 3).

Князь Пенько, Дан. Александ.; ему сохранялось пять докладов, но все без означения года (А. Ю. N 5, Федот.-Чехов. N 7, 13, 19, 41).

Кн. Ростовский, Дмитр. Владимир., доклад от 1501 года (Рус. ист. сбор. V, 13).

Сабуров, Юрий Констант., сохранился доклад от 1506 года (Федот.-Чехов. N 21).

Давыдов, Григор. Фед., доклад от 1518 года (Федот.-Чехов. N 66).

Яковлев, Сем. Вас, доклад в 1562 году (Федот.-Чехов. N 75).

Волынский, Мих. Ив., доклад в 1562 году (Федот.-Чехов. N 76).

Юрьев, Дан. Ром., доклад до 1585 года (Федот.-Чехов. N 83).

Годунов, Григор. Васил., доклад до 1585 года (Федот.-Чехов. N 83).

Все эти введенные бояре встречаются и в списке М.П. Шереметевой с обозначением года, когда им было сказано боярство: князю Д.В. Щене в 6984, кн. Д.А. Пенько-Ярославскому в 7008, кн. Д.В. Ростовскому - в 7009, Ю.К. Сабурову - в 7014, г.Ф. Давыдову - в 7014, С.В. Яковлеву - в 7067, М.И. Волынскому - в 7067, Д.Р. Юрьеву - в 5057 и г. В. Годунову - в 7092 гг.

Введенные бояре, следовательно, суть те, кому боярство сказано.

Годы назначения в боярство могут служить для определения времени судного списка, если в списке год не означен. Списки эти не могут быть старше года, когда последовало назначение упоминаемого в них боярина в звание введенного*(99).

Число таких введенных бояр первоначально было очень невелико. Жалованные грамоты всегда говорят о них в единственном числе. В год смерти Василия Васильевича их было только пятеро: Мих. Бор. Плещеев, кн. Ив. Юр. Патрикеев, кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенский, Мих. Фед. Сабуров и Григ. Вас. Заболоцкий. В год смерти Ивана Васильевича их было 13. При преемнике его число их возросло до 20. Наибольшего развития число введенных бояр достигает при Грозном в 7061 году. К первому сентября этого года их было 32 человека, а в течение года вновь назначено 4. Но к концу царствования Грозного число введенных бояр сократилось до 10 человек. В течение XVII века оно колеблется между 20 и 30*(100).

Если при великом князе Василье Васильевиче введенных бояр было всего только пять человек, то при мелких удельных князьях их должно было быть и еще меньше.

Понятно, что наименование "боярин", столь распространенное в древней и Московской Руси, не могло пойти от немногочисленного придворного боярства, которое также не могло выделить из себя и громадный класс детей боярских. Отношение совершенно обратное: придворная жизнь держалась бытовых терминов, введенные бояре пошли от бояр просто.

В памятниках XVII века, даже в законодательных, термин "боярин" употребляется и в тесном, и в широком смысле; но в официальных перечислениях разных чинов он всегда означает только введенных бояр.

Бояре, которым докладывались судные дела вместо князя, или решали их сами (Федот.-Чехов. N 21 и др.), или, в свою очередь, докладывали их князю, если встречали какое-нибудь затруднение при решении (А. Ю. N 3; Федот.-Чехов. N 15). Необходимость таких докладов указывает на то, что введенный боярин находится в постоянных личных сношениях с князем, для чего и должен был состоять при его особе. Он поэтому придворный человек.

Этим объясняется то исключение, которое делается для введенных бояр в междукняжеских договорах на случай осады города:

"А осада городная, где кто живет, тому тут и сести, опроче бояр введенных и

путных" (Рум. Собр. I. N 58, 1436).

Бояре вообще выдерживают осаду в том городе, где они живут. Это правило не распространяется на бояр введенных, потому, конечно, что они должны находиться при дворе своего князя.

Звание введенного боярина считалось у нас высшей должностью. Это наибольшая честь, какой только мог достигнуть служилый человек. Назначение в эту должность зависело от усмотрения государей. Оно делалось посредством устного объявления назначаемому. В разрядной книге на 1615 год читаем:

"Того же году, февраля на 2-й день, на праздник Сретение Господне, пожаловал государь из столников в бояре князь Юрья Еншеевича Сулешева, а сказывал ему боярство боярин князь Володимер Тимофеевич Долгорукой" (Двор. разр. I, 170).

Отсюда выражение "боярство сказано".

По общему правилу государи возводили в звание введенных бояр именитейших людей. Котошихин говорит, что были "большие роды", члены которых прямо жаловались боярством с обходом посредствующей ступени окольников. Их не назначали окольниками, это было бы для них недостаточно почетно. Но это не значит, что государи должны были членов известных родов непременно делать боярами или что они не могли возводить в боярство людей неименитых. Никаких ограничений такого рода у нас не существовало. Из именитых людей государи жаловали только тех, кого хотели; а вместе с тем они могли возвести в звание боярина введенного и человека неименитого. И так всегда было. Иван Грозный почтил званием боярина Фед. Григ. Адашева и двух Годуновых, Дмитрия Ивановича и Бориса Федоровича; Федор Иванович, в первый год вступления своего на престол, пожаловал в это звание еще трех Годуновых, Степана, Ивана и Григория Васильевичей; Алексей Михайлович возвышает Хитрово, Нарышкина и Матвеева. А с другой стороны, мы знаем, что фамилии, члены которых прямо возводились в боярство в XV веке, вовсе не встречаются в этом звании в XVI-м; а боярские фамилии XVI века не дают бояр в XVII-м. В личном составе боярства происходили постоянные колебания: старые фамилии с высших ступеней служебной лестницы нисходили на самые низшие, а новые - подымались на высшие.

Хотя новые мелкие люди и достигали высшего положения в государстве, но движение их до высших ступеней служебной лестницы представляет некоторые особенности. По общему правилу, они не прямо возводились в высшее звание боярина, а последовательно проходили через окольничество, а иногда и думное дворянство. Из этого общего правила мы заметили только одно исключение: Бор. Федор. Годунов не был окольником, а прямо из крайчих был возведен в звание боярина. Наоборот, люди именитых фамилий прямо возводились в боярство, минуя окольничество. Это отличие составляет характерный признак больших родов. Члены их жалуются званием стольника, крайчего и другими придворными чинами, но никогда - званием окольника. Пожалование звания окольника низводит первостепенные роды в разряд второстепенных. Почему именно чин окольника, а не какой-либо другой низший, например, стольника или стряпчего, имел свойство проводить эту разграничительную черту между перворазрядными и второразрядными родами, это нам неясно. Но мы не имеем основания заподозрить свидетельство Котошихина, прямо противопоставляющего большие роды, которые бывают в боярах, а в окольниках не бывают, меньшим родам, которые бывают в окольниках и в боярах (II, 1, 2).

Котошихин дает нам и список этих больших родов. Этот список нуждается, однако, в поправках и пополнениях. Котошихин отнес к этому первому разряду фамилий некоторые такие, члены которых бывали и окольниками, и, наоборот, о некоторых действительно перворазрядных он забыл упомянуть.

Напечатанный материал дает возможность составить список перворазрядных фамилий по векам, с XV-го начиная. В каждом же веке мы расположим боярские фамилии по степени их служебной важности, а мерилom этой важности принимаем число лиц, возведенных в звание боярина из каждой фамилии.

В XV веке по 7008 (1506) год включительно служили только в боярах:

Бороздины и кн. Оболенские - по 6 раз;

Морозовы, Сабуровы, кн. Холмские и кн. Ярославские - по 3 раза;

кн. Патрикеевы, кн. Микулинские и кн. Ряполовские - по 2 раза;

кн. Барбашины, кн. Булгаковы, кн. Дорогобужские, кн. Симские, кн. Телятевские, Хромые, Челяднины и кн. Щенятевы - по 1 разу.

В XVI веке по 7108 (1600) год:

кн. Шуйские - 14 раз;

кн. Пронские - 8 раз;

кн. Оболенские - 6 раз;

кн. Голицыны - 5 раз;

кн. Воротынские, кн. Глинские и кн. Трубецкие - по 5 раз;

кн. Горбатые, кн. Куракины-Булгаковы, кн. Одоевские, кн. Ростовские и кн. Черкасские - по 4 раза;

кн. Курбские, кн. Микулинские, кн. Мстиславские, кн. Ростовские, Кантерезы и кн. Щенятевы - по 3 раза;

кн. Куракины, кн. Курлятевы, кн. Пешковы (Ярославские), кн. Репнины, кн. Ростовские-Темкины и Челяднины - по 2 раза;

кн. Булгаковы, кн. Белевские, кн. Горенские, кн. Кашины, кн. Ноготковы, кн. Ногтевы, кн. Ростовские-Холодковы, кн. Ростовские-Хохолковы, Сукины, кн. Холмские и Федоровы - по 1 разу.

В XVII веке по 7185 год:

кн. Голицыны - 9 раз;

кн. Одоевские - 6 раз;

кн. Куракины, Морозовы, кн. Репнины и кн. Хованские - по 4 раза;

кн. Сицкие и кн. Трубецкие - по 3 раза;

кн. Ростовские-Буйносовы и кн. Урусовы - по 2 раза;

кн. Воротынские, кн. Кашины, кн. Олшевские, кн. Ростовские-Бахтеяровы, кн. Ростовские-Темкины, кн. Пронские, кн. Сулешовы, кн. Шаховские, и кн. Шуйские - по 1 разу.

Из этого списка видно, что есть фамилии XV века, удержавшие свое значение и в XVI-м, есть фамилии XVI века, удержавшие свое значение в XVII-м; но ни одна из важных фамилий XV века не сохранила своего значения в XVII-м. Это вовсе не потому, что они угасли; Бороздины и Холмские встречаются и в боярских книгах XVII века, но не выше дворян московских; князья Оболенские - не выше окольничих. Они уступили свое место новым деятелям. Есть, впрочем, одна фамилия XV века, сохранившая свое первенствующее положение и в XVII. Это Морозовы; но они не пользовались этим положением в XVI-м. В XVI веке ни один Морозов не был назначен прямо в бояре, 6 из них достигли боярства после окольничества, а трое не пошли дальше окольничих. Из этого видно, что высший служилый класс в Москве далеко не представлял той неподвижности и замкнутости, как иногда думают.

Наш список расходится с Котошихинским. Кроме приведенных нами перворазрядных фамилий, он относит к ним еще: кн. Прозоровских, кн. Салтыковых, кн. Хилковых, Шейных, Шереметевых и кн. Черкасских. Члены этих фамилий бывали окольничими в XVII веке, а некоторые и в XVI-м, а потому мы и не отнесли их к перворазрядным*(101). Забыл же Котошихин назвать: кн. Кашиных, кн. Куракиных, кн. Олшевских, кн. Ростовских-Бахтеяровых, кн. Ростовских-Темкиных, кн. Сулешовых и кн. Шуйских. Хотя некоторые из пропущенных им фамилий были

только по одному разу в звании боярина введенного, но это нисколько не оправдывает его пропуска, так как и среди поименованных им боярских фамилий есть такие, члены которых только по разу были боярами, например, Воротынские, Пронские, Шеины, Хилковы.

Второй разряд боярских фамилий составляют те, члены которых бывают и в боярах, и в окольничих. Котошихин дает список и этих второразрядных фамилий, но он также представляет неверности и еще менее полон, чем список перворазрядных бояр. Предлагаем наш список в том же порядке.

В XV веке по 7008 год включительно бывали в боярах члены фамилий, служивших и в окольничих:

Захарьины-Романовы-Юрьевы и Плещеевы - по 2 раза;

Заболоцкие - 1 раз.

В XVI веке по 7108 год:

Воронцовы и Захарьевы-Романовы-Юрьевы - по 7 раз;

Морозовы и Яковлевы (Яковля) - по 6 раз;

Годуновы, Шеины и Шереметевы - по 5 раз;

кн. Вельские и Сабуровы - по 4 раза;

Бутурлины, кн. Серебряные и кн. Телятевские - по 3 раза;

Салтыковы, кн. Сицкие, кн. Троекуровы, кн. Хворостинины, кн. Шестуновы - по 2 раза;

Адашевы, Басмановы, Борисовы, Волынские (Воронье-Волынские), Давыдовы, Даниловы, Заболоцкие, Колычевы, кн. Кубенские, Кутузовы, кн. Палецкие, Плещеевы, кн. Ромодановские, кн. Ряполовские, кн. Симекие, Собакины, кн. Татевы, кн. Телепневы, Траханиоты, Тучковы, кн. Хилковы и кн. Ушатые - по 1 разу.

В XVII веке по 7185 год:

Салтыковы, Стрешневы и Шереметевы - по 6 раз;

Нагово (Нагие) и кн. Ромодановские - по 5 раз;

кн. Долгорукие, Милославские и кн. Черкасские - по 4 раза;

Головины, кн. Прозоровские и кн. Хилковы - по 3 раза;

кн. Барятинские, Годуновы, Захарьевы-Романовы-Юрьевы, кн. Львовы, кн. Мосальские, Плещеевы (в 7190 году), кн. Ростовские-Лобановы и кн. Троекуровы - по 2 раза;

Басмановы, Бутурлины, кн. Вельские, кн. Волконские, Далматовы, кн. Дыковы, Зюзины, Колычевы, кн. Лыковы, Матвеевы, кн. Мезецкие, Нарышкины, Нащокины, кн. Пожарские, Пушкины, Сабуровы, кн. Татевы, кн. Туренины, кн. Хворостинины, Хитрово и Шеины - по 1 разу.

Курсивом напечатаны фамилии, приводимые и Котошихиным. Кроме этих, он еще называет: кн. Куракиных, Сукиных и Измайловых. Куракины бывали только в боярах; Измайловы же ни в Шереметевском списке, ни в Алфавите ни разу боярами не показаны; Сукины в XVII веке выставили только одного дворянина в думу и одного окольничего.

Приведенные списки боярских фамилий составлены на основании Шереметевской выписки из боярских книг и сличены с данными Алфавита. Но так как оба эти источника и не полны, и не свободны от ошибок, то и наш список не может претендовать на совершенную точность.

Безусловным мерилom важности старинных родов он не может служить и по другой причине. Случаи назначения в боярство условливаются не одной истари унаследованной важностью рода, но и усмотрением князя. В силу личного расположения князя члены менее именитых фамилий могли быть призываемы чаще членов более именитых фамилий. Из того, что две разных фамилии выставили в известное время одинаковое число бояр, вовсе еще не следует, что эти две фамилии

одинаково родовиты; или что фамилия, более раз призванная к введенному боярству, непременно родовитее фамилии, меньшее число раз призванной. Список указывает только на служебное значение разных фамилий в данное время. А это значение условливается разными обстоятельствами, из которых на первый план выдвигается добрая воля государя, а на второй - родовитость фамилии.

Вопрос о родовитости древних фамилий и современникам не был совершенно ясен, да едва ли эта родовитость и допускает какую-либо точно определенную и общую для всех меру. Каждая фамилия склонна была преувеличивать свое значение и уменьшать значение других. Отсюда масса споров об отеческой чести. Ближайшее рассмотрение этого предмета выходит, однако, за пределы вопросов, о которых идет речь, а потому мы и возвращаемся на прежнее, к судной деятельности введенных бояр.

Существование особых бояр, назначаемых для производства суда, дало начало и особому термину для обозначения этого суда: это "боярский суд". В Судебнике 1497 года читаем:

"О великом князи. А с великаго князя суда и с детей великаго князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярскаго суда, с рубля по два алтына, кому князь великий велит" (21).

Термин "боярский суд" удерживается и во втором Судебнике, но пошлины определяются там по 11 денег с рубля*(102).

Боярский суд приравнен здесь, хотя и в одном только отношении, к суду вел. князя и его детей. Из других же статей Судебников видно, что кормления даются то с боярским судом, то без оногo, что кормления с боярским судом даются даже тиунам и не только вел. князя, но и боярским. Хорошо было бы выяснить, что такое этот боярский суд, который отделен здесь от чина введенного боярина и может быть предоставлен даже тиуну боярина и притом боярина в самом широком смысле этого слова, а не введенного только. Но объяснение компетенции этих судей, то жалующих судом боярским, то нет, представляет, на наш взгляд, большие затруднения. Мы не видим возможности сделать заключение, что же такое этот передвижной боярский суд сам по себе. Это вопрос судоустройства и для предметов, о которых у нас идет речь, он и не имеет решающего значения.

Бояре-судьи в древнее время не составляли коллегии. Каждый из них мог решить всякое дело, о котором ему докладывали, если только он сам не находил какого-либо затруднения в решении. В последнем случае он докладывал князю и решал по его указанию.

Великий князь Иван Васильевич первый нарушает начало единоличности боярского суда. Его Судебник предписывает, чтобы на суде бояр были дьяки (1). Мы считаем это новшеством. Но Судебник не определяет точно, что должны делать дьяки на суде бояр. Надо думать, они должны были судить вместе с боярами. Это можно заключить и из значительной пошлины, предоставленной дьякам: они получали с рубля восемь денег, а бояре двенадцать (Суд. Ст. 3). Едва ли роль их была исключительно служебная и подчиненная. Дьяки великого князя - первые товарищи, приданные боярам. Дьяки-писцы были, надо думать, при боярах и прежде. Второй Судебник прямо уже говорит, что "суд царя и великого князя должны судить бояре... и дьяки" (ст. 1). Но пошлину им понижает до 7 денег с рубля. Иван Васильевич держался дьяков более своего внука.

В дошедших до нас судных списках от времени после Судебников не видно, однако, участия дьяка в ведении дела. Доклад делается одному боярину, а не боярину и дьяку; по выслушании доклада вопрос тяжущимся предлагает один боярин, а не боярин и дьяк; наконец, решение произносит тоже один боярин. Деятельность дьяка великого князя видна только в собственноручной подписи им судного списка. Думаем, что в форме составления судных списков удержалась

старина, когда судил один боярин. Подпись же дьяка, конечно, означает, что он со всем написанным совершенно согласен. Это полное единение боярина и дьяка. В случае разногласия делался доклад государю.

Сопоставление худородного дьяка с благородным боярином в одном и том же суде и необходимость единогласия таких разнородных элементов представляет реформу великой важности. Московская Русь наследовала бояр Руси домосковской; в состав этого высшего класса вошла масса княжеских фамилий, лишенных московской властью своих старинных верховных прав. Московские государи продолжают пользоваться услугами бояр и дают им звание "введенных", но, чтобы ослабить их значение, они ставят рядом с ними дьяков. Победенные московскими государями владетельные князья нисходят в разряд бояр; этих именитых бояр тоже надо принизить, и вот к ним подмешивают дьяков. Великий князь Иван Васильевич в делах внутреннего управления является столь же тонким политиком, каким он был и в делах внешних.

Ему же принадлежит и другая важная реформа. Он первый начинает разделять предметы управления по различию рода дел и учреждает приказы для заведования отдельными отраслями управления.

Такие приказы поручаются и боярам, но тоже не одним, а с дьяками, ибо все приказы ведают суд, а на суде должен присутствовать и дьяк великого князя. Судные списки приказов XV и XVI веков не найдены и нам неизвестны. Древнейшие из напечатанных относятся к самому концу XVI века и к первой половине XVII-го. Делопроизводство этих новых учреждений, неизвестных домосковской Руси, дает важный материал для разъяснения вопроса об отношении дьяков к боярам: дьяки и бояре все делают вместе. Истцы подают челобитную в приказ боярину и дьяку; дело слушается боярином и дьяком; приговор постановляют опять боярин и дьяк (Фед.-Чехов. N 96, 101 и 105, 1618-1638; ср. N 91 и 98, 1612-1628).

Итак, боярин и дьяк (или несколько дьяков) - это древнейшая судная коллегия.

Но со второй половины XVI века мы встречаем уже указания и на существование боярской судной коллегии. В грамоте царя и великого князя Ивана Васильевича губному старосте в Бежецкий Верх от 1558 года читаем:

"Здесь перед нашими бояры, перед князем Андреем Ивановичем Ростовским (Катыревым, боярство сказано в 7065) с товарищи, был суд Василью, Скрыбину сыну, Ушакова со князем Федором, со княж Федоровым сыном Мещерского, в вотчинной деревне в Трубихе..." (Федот.-Чехов. N 73).

Другое такое указание относится к 1582 году. В местническом споре кн. Голицина с кн. Шуйским читаем:

"И государь царь и великий князь приказал бояром, князю Федору Михайловичу Трубецкому (боярство сказано в 7080 г.) с товарищи и думным дворяном, а велел князя Ондreja Голицына и князя Олександра Шуйскаго в отечестве слушати" (Рус. ист. сбор. II, 38).

В судном деле 1599 года читаем:

"И по нашему указу бояре наши, сее ваши отписки и записи мировой и грамоты, что дали есте Климетцкаго монастыря игумену с братьею, слушав, приговорили в спорной земле... игумена Климетцкаго монастыря оправити..." (Федот.-Чехов. N 249).

Разрядные книги XVII века содержат в себе уже множество указаний на разбор боярами в судебном порядке местнических споров (Дворц. разр. I. 118, 135, 138, 158, 173, 231 и др.: Кн. разр. I. 726 и др.).

Что же это за боярская коллегия? В ее состав входят не одни бояре, а и окольничие, дети боярские и некоторые иные чины. Несмотря на такой разночинный состав судной коллегии, она и в XVII веке продолжает по-старому называться "боярами", т.е. боярской коллегией, в силу того широкого значения, какое

в старину имело слово "бояре". Этой-то коллегии и поручается разбор дел в указанных случаях. Итак, это не коллегия бояр введенных, а коллегия - разных чинов.

Нет основания думать, чтобы эта судная коллегия до Уложения составляла обыкновенную судебную инстанцию. Она судила всякий раз по особому приказу царя. Царь же мог поручить такой суд даже одному боярину с дьяком. В разрядной книге за 1623 год читаем:

"Тогож дни, декабря в 3 день, пожаловал государь Козьму, Данилова сына, да Павла, Федорова сына, Левонтьевых, велел им, по их челобитью, на князь Ивана да на князь Василья Ромодановских суд дать; а приказал государь их судить боярину, князь Иван Ивановичу Одоевскому (с 7130 года), да розрядному дьяку, Михаилу Данилову" (Двор. разр. I. 576; ср. Кн. разр. 932 и 1282).

Значение обыкновенной судной инстанции разночиновная судная коллегия получает только с Уложения, в котором читаем:

"А спорные дела, которых в приказах за чем вершить будет не мощно, вносить из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси и к его бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате и по государеву указу, государевы всякие дела делать всем вместе" (X. 2).

Это новость. Боярская коллегия, которой усвоется наименование расправной палаты, сделана высшей судебной инстанцией по всем спорным делам, которые почему-либо не могут быть решены в приказах. Она, следовательно, заняла место, принадлежавшее в старину каждому введенному боярину в отдельности. Но статья говорит, что доклад делается "государю и его боярам". Как же это понимать? Этого выражения нельзя понимать в том смысле, что доклад делается государю и боярам вместе. Такое понимание предполагало бы постоянное присутствие царя в судной коллегии, что невозможно. В старину говорилось совершенно ясно: "сужу я, великий князь, или мой боярин введенный". Эта ясная формула заменена теперь несколько туманной. Двдцатая же статья той же главы Уложения предписывает жалобы на приказы, если они кому "суда не дадут или против его челобитья указу ему не учинят" (т.е. не решат дела), подавать государю, а о расправной палате не упоминается. Этому соответствует и практика. Недовольные ходом дела в приказах подают челобитья государю, а он уже предписывает внести дело к боярам (Федот.-Чехов. N 134) в расправную палату. Надо думать, что в силу Уложения спорные дела из приказов докладывались сперва царю, а по его указу боярам. Но московские государи не всегда приказывали решать эти дела особой судной коллегии бояр; случалось, что такой приказ давался на имя тех только бояр, которым в данный момент приказано ведать Москву (Федот.-Чехов. II. С. 346).

Централизация всех дел в особе государя делает дальнейшие успехи в Москве XVII века. Московские государи никому не доверяют. Все должно делаться по докладу им лично и по их указу.

В XVII веке значение введенных бояр падает сравнительно с тем положением, которое принадлежало им в первой половине XVI века и ранее, когда каждый введенный боярин был самостоятельный судья и доклад делался ему альтернативно с великим князем.

Но возвратимся к старине.

Бояре введенные ведают суд по делам, восходящим до государя. Но государи и сами лично разбирают дела этого рода, так как доклад делается нередко им непосредственно. В этих случаях государи лично выслушивают стороны, делают им вопросы, приказывают читать документы и сами произносят решение*(103). При таком личном судоговорении князей присутствуют бояре. В судных списках этого рода обыкновенно пишется:

"А на суде царя и великаго князя были бояре..." (имена).

Или:

"А на докладе были у царя и великаго князя бояре..."

Какая же роль этих бояр на суде князя? Не может подлежать сомнению, что они не судят вместе с князем. Если каждый боярин обладал достаточной властью для решения всякого дела, то тем более князь. Но князь мог не знать существующих обычаев и порядков: боярин же, предполагалось, всегда их знал. Для разъяснения возможных недоразумений князя бояре и присутствовали на его суде.

Число их весьма различно. Встречаем одного, двух и трех. При одном боярине приглашался еще окольничий, а иногда дьяк. Это непостоянство числа и состава советников князя указывает на то, что и присутствовавшие на суде князя бояре не составляли какой-либо постоянной коллегии.

Древнее время не знало специализации чинов. Хотя каждый чин возникал для удовлетворения некоторой определенной потребности, но лица, возведенные в этот чин, назначались и к другим делам, по той причине, что они пользовались уже доверием государя. Поэтому и деятельность бояр введенных не ограничивалась одним судом, а далеко выходила за пределы этого первоначального их назначения. Так было, надо полагать, с древнейших времен. Самые же подробные указания на эту разнообразную деятельность бояр находим в разрядных книгах.

Мы видели уже, что бояре суть советники государей по делам судным; но они же первые их советники и по всем другим делам: по законодательству, управлению внутреннему и внешнему, по вопросам войны и мира и пр. Во всех этих случаях боярину принадлежит первое место.

В конкуренции с другими чинами, но всегда на первом месте, введенные бояре призываются к отправлению всех высших должностей по военному и гражданскому управлению. Они назначаются предводителями войск; им поручаются центральные учреждения, приказы; они управляют областями в качестве наместников и воевод, ведут переговоры с иностранными послами; а в случае выезда государя из Москвы им "приказывают" Москву, т.е. поручают центральное управление на время отсутствия государя, впрочем, в самой тесной зависимости от отсутствующего государя, с которым ведающие Москву бояре стоят в постоянных сношениях.

Находящиеся при дворе московского государя бояре принимали участие во всех торжественных событиях двора и составляли в этих случаях ближайшую обстановку царя. Они сидели в золотом платье подле государя при приеме и отпуске иностранных послов. В торжественные выходы московских царей, когда люди разных чинов жаловались к руке, бояре стояли подле царя, а один из них поддерживал руку его, к целованию которой допускались приглашенные. Во время венчания государей на царство бояре стояли на "чертежном месте", особом возвышении в 12 ступеней, приготовляемом в Успенском соборе для совершения обряда венчания. Бояре введенные сопровождали государя в его поездках по монастырям, по загородным дворам, производили смотры служилым людям и пр.

Как лица, пользовавшиеся доверием государей, они назначались воспитателями царевичей и состояли при них "дядьками". Жены их назначались к царским детям "мамами". При совершении обряда венчания на царство бояре-дядьки поддерживали под правую руку шествующего в церковь государя.

Но не одни малолетние царевичи нуждались в особой заботливости бояр, в ней нуждалась и сама государыня. В случае временных отлучек супруга-государя из Москвы, для охраны ее, к ней всегда назначался особый боярин. Это делалось даже в тех случаях, когда государь выходил из дворца для посещения городских московских монастырей или к обедне в соборную Успенскую церковь.

В разрядной книге на 1674 год читаем:

"Тогож году, декабря в 25 день, как был великому государю выход в соборную и апостольскую церковь, и в верху оставлены были у государыни царицы бояре: боярин Кирило Полуехтович Нарышкин да боярин Артамон Сергеевич Матвеев... У государя царевича оставлены: дядки, боярин князь Федор Федорович Куракин..." (Двор. разр. III, 1156).

Чиновные бояре не все находились в одинаковой степени близости к государю. Назначение в бояре зависело не от одного только усмотрения князя, но условливалось в некоторой степени отеческой честью служилого человека; близость же к князю исключительно зависела от степени личного расположения государя к боярину. В силу этого уже в XVI веке, а может быть, и ранее, среди чиновных бояр образовалось различие: они распались на бояр ближних и просто бояр*(104). Ближние бояре, в силу более интимных отношений к государю и условливаемого тем права свободного доступа к его особе, называются еще "комнатными" боярами, т.е. боярами, имеющими доступ в кабинет государя. На них возлагаются самые интимные поручения.

В 1674 г. патриарх Иоаким наложил запрещение на духовника государя и любимца его, благовещенского протопопа, Андрея Савиновича. Хотя протопоп и не отличался святостью жизни, но царь был очень огорчен распоряжением патриарха. Для совещания по этому делу он пригласил его к себе во дворец, сам встретил патриарха на крыльце и провел к себе в "комнату". Здесь началось совещание о протопопе. Кроме царя и патриарха в комнате были только "комнатные" бояре: кн. Юрий Алексеевич Долгорукий, Богдан Матвеевич Хитрово, Кирилло Полуехтович Нарышкин и Артамон Сергеевич Матвеев (Дв. раз. III. Ст. 1155).

Когда царь предпринимал какую-либо поездку из Москвы, рядом с ним в карете садились комнатные бояре, а бояре просто ехали сзади. В случае болезни государя близкие бояре подавали лекарство.

Близость к государю давала, конечно, важные преимущества, по пословице: "близ царя, близ милости"; но различие ближних и просто введенных бояр было дело частной, домашней жизни, а не публичное, официальное. Составители разрядных книг знали ближних бояр, и при случае они называют их по именам, но в это звание бояре не возводятся; "близость" или "комната" не "сказываются", а приобретаются самым делом. Имена бояр, которые называются в Дворцовых разрядах ближними, встречаются и в Новиковской выписке из боярских книг, но без титула "ближний" или "комнатный". Находим их и в официальных книгах, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, но также без титула ближних. "Близость", составляя естественное последствие личного расположения государя к боярину, не состоит ни в какой связи со старшинством боярской службы и со знатностью породы. Старые бояре Алексея Михайловича, Петр Васильевич Шереметев (с 7165 г.) и князь Иван Борисович Репнин (с 7167 г.), в 1675 г. не были близкими, а молодые и вовсе не знатные, Кирилл Полуехтович Нарышкин и Артамон Сергеевич Матвеев, были ими.

Заветная мысль каждого боярина, в XVII веке по крайней мере, - сделаться ближним, комнатным боярином. Достоинство человека определяется в Москве близостью к царю. Удаление от царя рассматривается как наказание, хотя бы оно последовало в почетной форме назначения на одно из важнейших воеводств.

20 декабря 1674 года боярину, князю Алексею Андреевичу Голицыну, было сказано в воеводы в Киев. До этого назначения князь Голицын был комнатным боярином и ездил с царем в карете, сидя по левую его руку, по правую сидел князь Иван Алексеевич Воротынский (Двор. раз. III. Ст. 1099). Киевское воеводство представлялось ему далеко не в розовом свете. Он увидел в этом назначении государеву опалу и при "сказке", указав на свою прежнюю верную службу, объявил, что если за ним есть какая вина, пусть бы государь приказал ему об этом сказать, чтобы вина его была всем ведома: ему лучше понести заслуженное наказание, хотя

бы и самую смерть, чем терпеть царскую немилость без всякой вины. За непослушание "великий государь на него боярина гнев свой и опалу положил и с детьми; и велел послать тайных дел дьяку, Даниле Полянскому, подьячего к нему на двор: и не указано ему, боярину, до указа великого государя, со двора съезжать и детям его тож не велено со двора съезжать и при своей государской милости быти и у государя царевича" (Двор. разр. III. Ст. 1144 и сл.).

Отношения, вырабатываемые жизнью, имеют склонность облекаться в официальные формы. Это случилось и с ближними боярами. В самом конце XVII века, при последнем московском царе. Федоре Алексеевиче, комнатное боярство начинает уже сказываться как особый чин. Первое такое известие находим в разрядной книге 1682 года (напечатана у Соловьева, XIII, 391): 16 апреля пожаловал великий государь в комнату боярина, князя Ивана Андреевича Хаванского.

Но вместе с этим ближнее боярство должно было утратить искренность своего первоначального интимного характера, когда оно не "сказывалось" официально, на крыльце, при свидетелях, а являлось естественным последствием расположения царя. На ближнем боярстве только повторилась история введенных бояр. Введенными первоначально тоже делались только близкие люди. Но когда потребности государства довели их число до нескольких десятков, среди них обособляется некоторый, более тесный кружок людей под именем ближних; в конце XVII века и эти ближние получают, в свою очередь, только официальное значение. Для действительно же близких приходилось изобретать новый титул. Он и изобретался по мере надобности. Князь Василий Васильевич Голицын, стоявший так близко к царевне Софии, именуется "боярином и оберегателем" (Боярск. кн. 7194 г. в Моск. арх. М. юст.).

Чиновное боярство жалуется государями. Само собой разумеется, что служилый человек мог не принять такого пожалования; а раз принявши, мог впоследствии, при изменившихся обстоятельствах, отказаться от него. Но вопрос о непринятии и сложении боярского звания едва ли когда имел у нас какое-либо практическое значение. Приближение к князю, раздавателю всяких милостей, открывало такие радужные перспективы служилым людям, что трудно предполагать с их стороны какое-либо упорство при открывавшейся возможности переступить порог княжеского двора. Случаи выхода из боярства встречаются даже в XVII веке, когда о свободе службы и помину не было, но они всегда объясняются какими-либо чрезвычайными обстоятельствами: отвращением от мирской жизни и поступлением в монашество или, как при Иване Грозном, опасением сделаться без вины виноватым; выбытие из боярства в этом последнем случае сопровождалось бегством в Литву.

В напечатанной Новиковым выписке из боярских книг против имен некоторых бояр делается такая помета: "выбыл", т.е. выбыл из боярского звания. Но под этим термином никак нельзя понимать одно только добровольное оставление боярского звания. Составители боярских книг скрыли под ним самые разнообразные причины выхода из боярства, большинство которых они, из почтения, может быть, к боярскому званию не решались называть собственным именем. Случалось, что бояре навлекали на себя царскую опалу и с высшей ступени государственных почестей переходили на лобное место. О таких боярах тоже пишется, что они выбыли из боярства.

В 1471 году великий князь Иван Васильевич пожаловал в бояре Дмитрия Исаковича Борецкого, сына Марфы Борецкой. В том же году началось в Новгороде движение в пользу признания власти короля польского и великого князя литовского Казимира. В этом движении принял участие и новопожалованный боярин. Московский великий князь разбил новгородские войска и удержал Новгород за собой; Борецкий был взят в плен и казнен. В боярской же книге следующего года отмечено:

"выбыл боярин Дмитрий Исакович Борецкой". Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев Оболенский, любимец великой княгини Елены, был убит без суда своими политическими противниками, а в боярской книге следующего года отмечено "выбыл". Падение князя Ивана Федоровича Вельского отмечено тем же многозначительным "выбыл". Эта официальная стыдливость, скрывающая от потомства истинную причину выбытия из бояр введенных, продолжается у нас и в XVII веке. В книге 7142 года против имени боярина Михаила Борисовича Шеина отмечено "выбыл", а 2 марта того же года он находился уже под следствием, которое привело его к смертной казни.

Лицо, пожалованное введенным боярством, могло быть за вину лишено этого звания. Уложение устанавливает даже специальное наказание "отнятие чести" за преступление по должности: чести лишился боярин-судья, который по недружбе или посулом обвинит правого, а виноватого оправит (X, 5). В 1658 г. честь была отнята у боярина и дворецкого Никиты Алексеевича Зюзина (Нов. XX, 113); в 1690 у князя Голицына "отнята честь, боярство". Об этом велено отметить "в Разряде, в боярской книге, под их именами" (Шакловитый. III, 6 и 78).

Введенные бояре награждались всеми теми милостями и пожалованиями, которые, обыкновенно, выпадали на долю служилых людей, но, конечно, в большей мере. Им назначались поместья и денежное жалованье. Первичный оклад боярского поместья в Московском уезде был определен в 200 четей в поле (Улож. XVI, 1). За услуги он, обыкновенно, увеличивался. Размер боярского денежного жалованья не был определен. Первично назначаемый оклад впоследствии, по мере заслуг, увеличивался и достигал до 1000 р. и более. Назначение жалованья всякий раз зависело от усмотрения государя. Вновь сказанному боярину не непременно давалось и новое содержание, он мог служить некоторое время и по старому окладу. Точно так же от усмотрения государя зависели и прибавки к жалованью. Старый боярин поэтому мог получать меньше молодого, но более взысканного милостями государя*(105).

II. Окольничие

Древнейшее указание на окольничих относится к концу XIII века. В грамоте 1284 г. упоминается окольничий смоленского князя Федора Ростиславича. Затем в первой половине XIV века, при заключении договора московскими князьями, сыновьями Ивана Даниловича Калиты, Семеном, Иваном и Андреем, присутствовал в числе свидетелей этого акта и окольничий, что и обозначено в конце договора. Третье близкое к этому последнему по времени свидетельство находится в рязанских актах. Великий князь рязанский, Олег Иванович, по совещанию с епископом и со своими боярами дал жалованную грамоту Ольгову монастырю, в которой читаем:

"А бояре со мною были: Софоний Алтыкулачевич, Семен Федорович, Микита Андреевич, Тимошь Олександрович, Манасея дядько, Юрьи окольничий, Юрьи чашник, Семен Никитыч с братьею, Павел Соробичь" (Рум. Собр. I. N 23, 1341; А. I. N 2, 1356-1387).

Существование в Рязани бояр-дядек и окольничих служит доказательством, что эти учреждения не суть только московские, а принадлежат к общерусским.

По московским памятникам XVI и XVII веков окольничим поручаются те же дела по управлению, как и боярам, но с тем различием, что они везде занимают второе место (после бояр). Они сидят в приказах, назначаются воеводами, послами, входят в состав судной коллегии, - все, как бояре, но только честью окольничие меньше бояр, а потому стоят всегда за боярами.

Но для уяснения того, что такое окольниковичие, важна не эта широкая деятельность их, а та тесная специальная, благодаря которой они выделились из общей массы служилых людей и стали именно окольниковичими, а не боярами введенными, не стольниками и пр.

Указания на эту первоначальную деятельность окольниковичих очень немногочисленны и относятся к позднему времени.

В разрядных книгах встречаемся с такой службой окольниковичих, которая никогда не возлагается на бояр; если она возлагается иногда на другие низшие чины, например, на дворян, то с оговоркой, что они делают это "вместо окольниковичих". Эту службу и надо считать специальной должностью окольниковичих.

Она состоит, во-1-х, в устройстве всего необходимого для путешествия князей. Московские государи предпринимали очень частые поездки по монастырям для молитвы, по делам управления и войны, увеселительные, по загородным дворцам, для охоты и пр. Во всех этих случаях перед ними ехали окольниковичие и устраивали станы для их остановки, назначали дворы для помещения их свиты, заботились об исправлении дорог, проложении мостов и пр.

В местническом споре кн. Лыкова с кн. Пожарским находим такую выписку из разрядов на 1555 год:

"Как государь ходил на Коломну и Тулу, а перед государем были окольниковичие отпущены на Коломну, а роздавали дворы..." (Рус. ист. сбор. II, 346).

"Роздавали дворы" - это значит назначали дворы для помещения свиты государя.

В разрядных книгах под 1567 годом читаем:

"Лета 7076, сентября в 3 день, ходил царь и великий князь Иван Васильевич... в свою отчину, в Великий Новгород... окольниковичей пред государем Василей Иванович Умный Колычев, Василей, Григорев сын, Зузин".

Под 1614 годом:

"Того же году, как ходил государь к Троице, в Сергиев монастырь, весною, и перед государем были окольниковичие для станов: окольниковичей Никита Васильевич Годунов (с 1599 года) да Иван Полусоха, Офонасьев сын, Загрязской" (Двор. разр. I, 132).

Что устраивать путь и станы для государя есть специальная обязанность окольниковичих, это видно из следующего места разрядной книги за 1625 год:

"А как государь пошел от Троицы, Сергиева монастыря, к Москве, и перед государем шли в окольниковичих место дворяне: князь Андрей, княж Никитин сын, Звенигородской да Семен, Федоров сын, Глебов" (Двор, разр. I, 751).

Дворяне исполняют здесь не свою, а чужую должность, должность окольниковичих.

Весьма характерно следующее выражение в челобитной Василья Зюзина от 1576 года:

"Государю, князю Ивану Васильевичу московскому, бьет челом холоп твой, Васюк Зюзин: сказали, государь, быти у твоего дела перед тобой, государем, в окольниковичих, Федору Нагому да мне, холопу твоему..." (Рус. ист. сб. I, 1).

Ехать перед государем и устраивать все необходимое в пути и значит быть в окольниковичих.

Вторая специальная обязанность окольниковичих состояла в представлении государю иностранных послов. О приеме шведского посла в разрядной книге за 1626 год сказано:

"А как посол пришел в палату, и государю посла объявлял окольниковичей, Федор Левонтьевич Бутурлин" (Двор. разр. I, 866, стр. 975).

С этой целью для окольниковичего устраивалось в приемной палате особое место, которое и называлось местом окольниковичего. В описании прощальной аудиенции, данной в 1627 году послам (двум купцам) шаха персидского, читаем:

"На окольном месте сидел в заседаниях окольничей, Федор Левонтьевич Бутурлин, купчин являл" (Двор. разр. I, 916).

Между двумя указанными специальными родами службы окольничих можно усматривать определенную связь. Почему послов являет окольничий, а не член Посольского приказа, который стоит ближе к этому делу? Окольничие, делавшие распоряжение о помещении во время поездок государя и его свиты, распоряжались и отводом дворов для помещения послов и их свиты. Они, следовательно, принимали послов, первые знакомились с ними, а потому и являли их государю. Указание на это находим в статейном списке посольских сношений с Польшей в малолетство Ивана Грозного. В июле 1534 года в Москве получено было известие о том, что к царю едет от короля посланник, подचाший Никодим, кривский державца. Для береженья к нему были назначены Борис и Иван Ступишины с детьми боярскими. При встрече Никодима на Дорогомилове они сказали ему:

"Великого государя Ивана, Божию милостию государя всеа Руси и великого князя, окольничие велели нам у тебя быти и подворье тебе указать" (А. Зап. Рос. II, 251 и сл.).

Окольничие распоряжаются встречей послов, назначают необходимых для этого лиц и отводят дворы для их помещения.

Такова специальность окольничих. На это указано еще Миллером (Известие о дворян, рос. 74). От "околичности дорог" в смысле дела, поручаемого окольничим, он производит и самое их наименование.

Специальность окольничих менее важна и почетна, чем специальность бояр введенных. Поэтому в должность эту назначались члены фамилий менее родовитых, чем в должность бояр введенных. У Котошихина читаем:

"А встретить послов и принять посылаетца стольник, середнего роду, которые бывают в окольничих" (50).

Котошихин разумеет здесь такие роды, которые выше окольничества не поднимаются. Для этих средних родов окольничество есть высшая ступень на служебном поприще, которой они могут достигнуть.

Возникновение чина окольничих относится еще к тому времени, когда служба была вольная; вольные же слуги носили наименование бояр, делившихся на лучших, средних и меньших. Окольничие, следовательно, назначались тогда из средних боярских родов, а бояре введенные - из лучших. Этим объясняется возможность следующих выражений в источниках.

"Послал князь великий в Литву боярина своего окольничаго Григория Федоровича, сына Давидовича" (Ник. VI, 185).

Окольничий здесь чин, боярин же - бытовое название, присоединенное к чину для большого почета, подобно тому, как в наше время говорят и пишут: "господин надворный советник!"*(106).

Приводим список фамилий, члены которых не поднимались выше звания окольничего. Это будут третьестепенные роды.

В XV веке:

Басенок, Воронцовы, Ощера были в окольничих по 1 разу. В XVI веке:

Головины - 5 раз:

Беззубцевы и Карповы - по 3 раза;

Вельяминовы, кн. Великие, Мамоновы, Нагово и кн. Тулуповы - по 2 раза;

кн. Вяземские, кн. Гагины, кн. Долгорукие, кн. Елецкие, Житовы, Жулебины, кн. Засекины, Зайцевы, кн. Звенигородские, Ивановы, Ивановичи, Квашнины, Китаевы, Клешнины, Ляцкие, кн. Ноздреватые, Петровы, Сакмышевы, кн. Токмаковы, кн. Туренины, Чулковы и кн. Щербатые - по 1 разу.

В XVII веке:

кн. Щербатые - 3 раза;

Вельяминовы, Волынские и Измайловы - по 2 раза;

Алферьевы, Боборыкины, Гавреневы, кн. Гагины, Еропкины, кн. Засекины, Козловские, Кондыревы, Коробьины, Литвиновы, кн. Оболенские, Проестевы, Скуратовы, Соковнины, Сукины, Чоглоковы и Щелкаловы - по 1 разу.

Число окольничих первоначально было очень невелико и, по всей вероятности, соответствовало действительной в них потребности. По смерти великого князя Василия Васильевича налицо оказался всего один окольничий и весьма долгое время при его преемнике число их не превышало трех. Но к концу царствования Ивана Васильевича оно значительно возрастает. Он оставил своему сыну шесть окольничих. При Грозном встречаем постоянные назначения окольничих, иногда по 4, по 5 и даже по шести человек в один год. Дмитрий Самозванец при вступлении на престол нашел десять окольничих и поспешил прибавить к ним еще четырех. Василий Иванович Шуйский к этим 14 прибавляет в первый год своего царствования еще трех. При Михаиле Федоровиче число окольничих весьма колеблется, достигая иногда цифры 9 и даже 17 человек. В год смерти его налицо было четыре окольничих. Алексей Михайлович в первый год вступления своего на престол назначил 8 новых окольничих и затем в течение первых лет своего царствования ежегодно назначал по 3, по 4 и по 5, а в 1655 г. назначил 8 человек. Своему преемнику он оставил 12 окольничих.

Вместе с увеличением числа окольничих должность эта все более и более эмансипируется от своего первоначального назначения. Для устройства станов в XVI и в XVII веках все чаще и чаще посылают дворян. Окольничие же утверждаются в значении второго чина в государстве и занимают места в приказах, в посольствах, по воеводствам. Это звание делается необходимой ступенью для приближения к царю и проведения в боярство людей неименитых, но угодных. Адашев, Басмановы, Годуновы, Стрешневы, Матвеев, Нарышкины, Хитрово - все они проходили в боярство через окольничество.

В XVII веке среди окольничих появляются ближние или комнатные. Этим ближним иногда дается место даже впереди бояр не ближних. 26 августа 1675 года, в день ангела царицы, Натальи Кирилловны, государыня, возвратясь от обедни, изволила жаловать придворных пирогами. На этой церемонии близкие окольничие: Иван Федорович Стрешнев, Родион Матвеевич Стрешнев и Иван Богданович Хитрово были поставлены выше именитых бояр не комнатных: кн. Трубецкого, Шереметева, кн. Репнина, Милославского и кн. Барятинского (Двор. разр. III, 1624).

Сказанное о боярах относительно жалованья, назначения их в должность и лишения ее относится и к окольничим. Они тоже не имели определенных штатов и по назначении на должность могли оставаться на прежнем содержании. **Уложение** определяет окольничим, как и боярам, только размер поместного оклада в Московском уезде - во 150 четей. Но это вовсе не значит, что такой оклад им непременно давался при назначении в окольничие. Он мог быть дан, но для этого нужен был особый государев указ.

Мы сказали выше, что непринятие должности боярина хотя и возможно, но маловероятно, ввиду первостепенного значения введенного боярства. Нельзя того же сказать об окольничестве. По первоначальному своему значению эта должность неважная. Принять ее - значит заявить о своей принадлежности к второстепенным и даже третьестепенным родам. По соображениям служилой чести, жалуемые окольничеством иногда отказываются от этого назначения. Пример такого отказа дает, между прочим, Петр Петрович Головин. Он не принял окольничества в 1651 году на том основании,

"Что в окольничих в его пору нет, а отец де его был в боярех" (Симб. сбор. 113; П. С. З. N 61. С. 253).

Отец Петра Петровича Головина действительно был боярином (с 1611 г.), но

из нашего списка видно, что в XVI веке Головины выше окольных не шли, а в XVII-м хотя и повысились, но бывали и в боярах, и в окольных; только отец Головина был прямо назначен боярином с обходом окольности. Это обстоятельство, по всей вероятности, и было причиной честолюбивых притязаний сына. Но правительство не нашло возможным стать на его точку зрения. На челобитье Головина последовала такая резолюция:

"Государь было тебя, страдника пожаловал не по твоей страдничей мере честью, в окольные, и ты де государя прогневил, сказал, что-де ваши родители в окольных не бывали, и бояре было приговорили, за твою страдничью вину, тебя, бив кнутом, сослать в Сибирь, и государь на милость положил, кнутом бить и в Сибирь сослать не велел, а велел тебя написать по московскому списку и ни в какой чести тебе у него, государя, не бывать".

В следующем году Головину снова сказано окольность. На этот раз он не отказывался и умер в звании окольного в 7162 году.

В 1623 году окольные, Борис и Михайло Салтыковы, заслужили казнь, но государь большого наказания над ними учинить не велел, а велел послать их по деревням, при государе же быть им непригоже; поместья и вотчины отобраны на государя. Это значит, что Салтыковы были лишены и окольности, хотя у Новикова это не отмечено. В 1633 году Михайло Салтыков был помилован: "пожалован прежнюю честью, государь велел ему быть в окольных по-прежнему" (Рум. Собр. III. N 64 и 98).

Лишить чести значит лишить чина.

III. Дворецкие

Древнейшее упоминание о дворецких встречаем в летописи под 1171 годом:

"И поможе Бог Андреевичю Мстиславу с братьею, и взяша Киев. Мстислав же Изяславичь бежа из Киева на Василев. И постигша и Бастеева чадь, начата стреляти в плечи ему, и много изоимаша дружины около его: Яша Дмитра Хороброго и Олексея дворьского..." (Ипат.).

Следующее за тем известие находим в той же летописи под 1235 годом. После того, как галицкие граждане высказались в пользу князя Даниила Романовича и с криками: "се есть держатель наш, Богом данный", устремились к нему навстречу, были вынуждены выйти на встречу князя и власти: епископ Артемий и дворьский, Григорий*(107).

Как показывает слово, дворские или дворецкие имеют непосредственное отношение ко двору: они заведуют двором князя. Можно думать, что это только новое наименование для известных уже нам домовых ключников. О Владимирском князе Андрее Боголюбском летописец рассказывает, что он во всем доверялся ключнику Анбалу, который имел ключи от всего дома:

"Тот бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всеми волю ему дал бяшет" князь (Ипат. 114).

Этот ключник, конечно, и был дворецким боголюбовского дома князя Андрея. Главные ключники, по всей вероятности, и получили титул дворского и дворецкого, т.е. заведующего всем двором хозяйством. Дворские были и у частных лиц.

Дворского необходимо было иметь в каждом дворе и в каждом имении, где был у князя свой двор и свое хозяйство. Таких дворских всегда было несколько, и число их было тем большее, чем больше было собственных дворов у князя. По различию дворов и дворские должны были различаться. Дворские городских дворов, в которых была резиденция князя и к которым стягивалось хозяйство всех других дворов, стояли выше других дворских, которые были им подчинены. Состоя при

князе и заведя всем его хозяйством, которое в древнейшее время все сосредоточивалось во дворе князя и не отделялось от государственного хозяйства, эти дворские могли быть весьма влиятельными людьми. Таким выдающимся положением в Галиче пользовался вышеупомянутый дворский, Андрей. Летописец рассказывает, что он, вместе с епископом, некоторое время "возбранял" Даниилу занимать Галич. Перейдя же на сторону Даниила, он занял при нем выдающееся положение и в 1239 году был послан с войском на Перемышль с поручением прогнать находившегося там и строившего ковы против Даниила князя Константина Рязанского (Карам. IV, пр. 20).

Гораздо более известий о дворских находим в московских памятниках. Из жалованных грамот XIV и следующих веков надо вывести, что дворские находятся при каждом дворе князя и имеют право въезжать в соседние частные имения для наряда жителей к исполнению "княжого дела", то есть известных повинностей в пользу княжеского двора: ставить двор князя, кормить его коней и пр. Если князь освобождал кого от этих повинностей, то в грамоте, обыкновенно, говорилось:

"Не надобе им (пожалованным) ни которая дань, ни ям, ни подвода... ни служба, ни дело княже, ни дворские, ни старосты ат их не занимают ни про что"*(108).

Эти дворские, как пользующиеся доверием князя, вместе со старостами и лучшими людьми, целовальниками, должны были присутствовать на суде кормленщиков:

"А без дворского и без старосты и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити" (Суд. 1497 г. Ст. 38).

Второй Судебник к этому добавляет:

"А дворскому да старосте и целовальником к тем судным делом руки свои прикладывати" (Ст. 62).

Это мелкие дворские, которые своего суда не имели, а только принимали участие на суде кормленщиков. Выше их были дворские больших дворцов, находившиеся в главных городах княжений. Им принадлежало главное начальство над дворцовым хозяйством. Под ведомством их состояли не только дворные люди, дворяне, но и земли княжеские.

В духовой грамоте серпуховского князя, Владимира Андреевича, читаем:

"А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают, ни от сотников: а кто тех выйдет из уделов детей моих, ин земли лишон, а земли их сыну моему, чей будет удел" (1410. Рум. Собр. I. N 40).

Под слугами, подчиненными дворскому, надо разуместь всяких людей, состоявших на службе двора. В начале XV века эти люди получали земельный надел и, следовательно, некоторые из них могли уже не жить во дворе князя; они жили в своих дворах, но на землях князя. Тем не менее и они были подчинены дворским. Духовная серпуховского князя в числе таких дворцовых слуг, устроенных княжеской землей, называет бортников (пчеловодов), садовников, псарей, бобровников, барашей (бара - домашняя рухлядь, барач - смотритель рухляди) и делюев. В начале XV века все это были еще вольные слуги, а потому могли уйти. Данные им земли возвращались, однако, в таком случае, князю. Дворский, ведая дворцовых людей, ведал и земли дворцовые и раздавал их в видах удовлетворения дворцовых нужд. Духовная грамота Владимира Андреевича дает повод думать, что до возникновения особого Поместного приказа дворские наделяли поместьями и дворских людей, обязанных военной службой. Между дворецкими и дворянами в XV веке могла существовать очень тесная связь. Наши дворецкие сродни, таким образом, майордомам первых франкских королей.

В старину кто кем управлял, тот того и судил. Большие дворецкие поэтому были судьями всех тех лиц, которые находились под ними. До возникновения

специальных приказов их суду подлежали как все дворцовые слуги, так и слуги, устроенные государевыми землями.

Кроме указанных дел ведомству и суду дворецких Большого Дворца предоставлялся иногда привилегированный суд в тяжбах некоторых монастырей. Троице-Сергиеву монастырю давалась иногда привилегия судиться перед великим князем или "боярином и дворецким Большого Дворца" (Федот.-Чехов. N 75, жалов. гр. от 1546 г., ср. А. Э. I. N 198, 1543).

Есть основание думать, что и некоторые другие дела, касающиеся монастырей, доходили до московских государей также через дворецких. На обороте грамоты великого князя Василия Ивановича в Тверь городовому приказчику об отводе Волоколамскому монастырю места в городе для осадного двора написано:

"Князь великий всея Руси. А приказал дворецкой Михаила Юрьевич" (1521. А. Э. I. N 169).

Дворецкий приказал отвод двора потому, конечно, что через него шел доклад об этом царю.

Такую же надпись имеет и жалованная грамота Переяславскому-Данилову монастырю на право беспошлинного провоза монастырских товаров (1548. А. Э. I. N 222).

Ведомство духовенства дворецким надо рассматривать как особую привилегию лиц духовного звания. Большими дворецкими, в большинстве случаев, были бояре введенные. Духовенство ведалось, следовательно, лицом, облеченным самым высшим чином в государстве. То же значение имеет и позднейшее сосредоточение дел о духовенстве в приказе Большого Дворца.

С присоединением к Москве соседних княжений число больших дворецких увеличивается, так как в распоряжение московских великих князей поступают и дворцы упраздняемых княжеств. В памятниках XVI в. у московских государей встречаем: рязанского дворецкого, тверского, нижегородского, новгородского, казанского и астраханского*(109).

С дальнейшими успехами объединения и с развитием приказного устройства эти остатки удельной старины исчезают. В XVII веке все дворцовое управление сосредоточивается в приказе Большого (московского) Дворца, во главе которого стоит один московский дворецкий*(110). Этот московский дворецкий ведал хозяйственные дворы: сытенный, кормовой, хлебный, житенный - и всех дворцовых людей. Для обеспечения нужд Большого Дворца ему отданы доходы с кабаков, таможен, с мельниц, рыбных ловель и другие. С той же целью он ведал тяглом и податями посадских людей более чем в 40 городах; да в Москве к нему приписано восемь слобод торговых и ремесленных людей: котельников, оловянишников, кузнецов, плотников, рыбников, шатерников, горшечников, печников и кирпичников, эти московские ремесленные люди стоят в особом положении: они платят подати во дворец наряду с посадскими других приписных городов, да, кроме того, "они-ж повинни работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно".

В устройстве московского приказа Большого Дворца XVII века находим такой остаток старины. Дворы: сытенный, кормовой, хлебный и житенный, обязанные снабжать Большой Дворец питьями и яствами, - состоят в ведении "ключников". Это те же тиуны-ключники, которые заботились о столе Владимира Мономаха и на которых он советовал не полагаться.

Как на остаток глубокой старины надо смотреть и на обязанность дворецкого служить за столом государя. При описании обеда, данного в честь английского посла, в Дворцовых разрядах на 1617 год записано:

"За кушаньем у государева поставца сидел дворецкий и боярин, Борис Михайлович Салтыков".

Об этой службе дворецкого за столом государя Котошихин рассказывает

следующее:

"И как царь садится есть, в обед и в вечеру, или когда бывают власти и бояре на обеде, и у поставца садитца дворецкой или окольничей и думной человек, или дьяк дворцовой, и отпускают еству к царю и к царице, и к царевичам, и к царевнам, накушывая, и роздают ествы в раздачи по росписям..." (XI, 3).

Из того, что дворецкий мог быть заменен окольничим и даже дьяком, следует, что в XVII веке дворецкий не всегда сам служил за столом, а только в исключительных случаях. Но это, конечно, первоначальная его обязанность; все остальное - к ней приложилось. Дворецкий, заведующий двором и имеющий от всего ключи, есть первый дворцовый человек и первый слуга своего господина. Услуги его за столом - одна из важнейших его обязанностей.

Дворецкий есть должность частного домоводства, а не публичная. В этом отношении он ниже окольничего. Окольничий устраивает дороги, делает мосты, гати, отводит дворы для помещения государя и его свиты. Во всех этих случаях он есть лицо, облеченное властью вне двора государева; дворецкий, прежде всего, власть во дворе и для дворцовых людей. Значительный подъем должности дворецкого совершается в промежуток времени между первым и вторым Судебниками. Первый Судебник еще ничего не знает о самостоятельном суде дворецких, он говорит только о суде бояр и окольничих; второй Судебник за судом окольничих упоминает суд дворецких (ст. 1).

Этому первоначально невысокому значению дворецкого соответствует то, что честию он ниже окольничего. Он первый дворцовый человек в тесном смысле этого слова, а потому имеет место впереди других дворцовых людей, но после окольничих.

В 1501 (7009) году назначен был дворецким князь Петр Васильевич Великий. Его назначение занесено в боярскую книгу после назначения окольничих. В том же году он был отставлен от этой должности. В 1504 году (7012) он снова назначен дворецким и затем до самой смерти (в 7021, когда был пожалован в окольничие) в перечне чинов всегда занимал место после окольничих. То же самое повторилось и с князем Федором Ивановичем Хворостининым. В 1577 (7085) году он был назначен дворецким, и назначение это записано после назначения окольничих. Затем до 1584 (7092) года, когда был пожалован в звание окольничего, он постоянно занимал в книгах место после окольничих (Новиков. XX).

Итак, дворецкий сам по себе честию ниже окольничего. Но должность дворецкого может быть дана окольничему и даже боярину, известное лицо может быть пожаловано одновременно в бояре и в дворецкие, в окольничие и дворецкие; в таком случае оно занимает в списке чинов место по окольничеству или боярству. Но и в этих случаях звание дворецкого ничего не прибавляет к его чести и не делает первым среди бояр или окольничих. Бояре-дворецкие великого князя Василия Васильевича, Сабуров и Заболоцкий, занимают в списке место ниже бояр его: Плещеева, кн. Патрикеева и кн. Стриги-Оболенского.

Благодаря напечатанному Новиковым извлечению из боярской книги М.П. Шереметевой, мы можем составить список дворецких с конца царствования Василия Васильевича Темного.

В год смерти Василия Васильевича (1462) было двое бояр дворецких: М.Ф. Сабуров (f 1464) и Гр. В. Заболоцкий (f 1473). Как делилось между ними управление дворцовым ведомством, этого мы не знаем. Двойственность продолжается и по смерти Сабурова, так как на его место, еще при жизни Заболоцкого, назначен боярин-дворецкий М.Я. Русалка-Филимонов-Морозов. Но со смерти Заболоцкого (1473) и до 1646 года в Москве был всегда один дворецкий.

В XVI веке дворецкими были:

сын боярский, кн. П.В. Великий, назначен дворецким в год смерти Морозова (1501), но тогда же отставлен; снова назначенный в 1504 г. он оставался в должности

дворецкого до своей смерти в 1513 году;

боярин В.А. Челяднин с 1513 по год смерти в 1518; боярин кн. Фед. Лопата-Оболенский с 1519 по 1530 (f);

боярин М.В. Тучков с 1531 по 1535 (f);

боярин кн. И.И. Кубенский с 1535 по 1546, когда он выбыл из дворецких;

боярин И.И. Хабаров с 1547 по 1549, когда он был отставлен;

боярин Д.Р. Юрьев с 1549 по 1566 (f);

боярин Н.Р. Юрьев с 1566 по 1577, когда он выбыл из дворецких, но остался боярином (f 1585);

дворянин кн. Ф.И. Хворостинин с 1577 по 1585 (в 1584 окольныйничий, в 1589 боярин, в 1608f);

боярин Гр. В. Годунов с 1585 по 1598 (f);

боярин Ст. В. Годунов с 1599 по 1605 (f);

Шереметевская книга перечисляет только московских дворецких, а в XVI веке были дворецкие, управлявшие дворцами присоединенных к Москве княжений. Вот имена встретившихся нам городских дворецких:

в 1521 году тверской дворецкий, боярин М.Ю. Захарьин; тверским же дворецким при Василие Ивановиче был И.Ю. Шигона-Поджогин;

в 1523 нижегородский дворецкий, окольныйничий А.Н. Бутурлин;

в 1555 новгородский дворецкий, сын боярский С.В. Шереметев;

В 1559 рязанский дворецкий, окольныйничий кн. В.А. Сицкий.

В том же году казанским, нижегородским и астраханским дворецким был боярин М.И. Вороной-Волынский.

В XVII веке московскими дворецкими были:

боярин кн. В.М. Рубец-Мосальский с 1605 по 1606, когда его отставили;

боярин И.Ф. Крюк-Колычев с 1607 по 1609, когда выбыл;

окольныйничий Арт. В. Измайлов с 1609 по 1613 (из окольныхничих выбыл в 1634);

окольныйничий Б.М. Салтыков с 1613 по 1624 (f в 1646 боярином, но не дворецким).

В 1624 и 1625 годах дворцом управлял стольник Л.И. Далматов-Карпов, без титула дворецкого.

В 1626 году на его место "во дворец" назначен из дворян кн. А.М. Львов.

В Дворцовых разрядах на 6 января 1626 года о нем записано:

"Того же дни велел государь ведать во дворце и сидеть у отдачи, вместо дворецкого, из дворян князь Алексею, князь Михайлову сыну, Львову".

Это, по-нашему сказать, исправляющий должность дворецкого.

В 1627 году Львов называется уже дворецким, а в следующем году возводится в звание окольногоничего с оставлением в должности дворецкого. С 1634 года он боярин-дворецкий и значится в этой должности до 1652 года, когда был отставлен.

В 1646 году в звании дворецкого произошла существенная перемена. Из наименования должности с определенным кругом обязанностей оно стало почетным титулом. Получив от своего отца только одного боярина-дворецкого, кн. А.М. Львова, Алексей Михайлович возводит в это звание в 1646 году 12 человек, и затем проходит редкий год, чтобы звание боярина-дворецкого не было пожаловано одному, двум, а то, как в 1653 году, и шести лицам. Так как назначение в дворецкие благодаря соединению с боярством стало почетным отличием, то оно делается вслед за назначением в бояре и прежде назначения окольныхничих. С этого времени назначение в дворецкие есть всегда назначение в бояре-дворецкие. Против имени всех, назначенных дворецкими в 1646 году (за исключением одного только Б.П. Шереметева), в отметке о смерти говорится: умер боярин и дворецкий. Но так как особого назначения в бояре для многих из них не было, то следует заключить, что в 1647 году они были назначены боярами-дворецкими. С 1655 года новые

назначения в книгах делаются всегда вместе: "в бояре и дворецкие".

Звания боярина и дворецкого сливаются в один высший почетный титул. Последний, кому при Алексее Михайловиче было сказано: боярин и дворецкий, был окольничий Арт. Серг. Матвеев, сосланный Федором Алексеевичем, в первый год по вступлении его на царство, в ссылку, в Пустоозеро.

Несмотря на это изменение в значении чина дворецкого, дворецкий и при Алексее Михайловиче управляет дворцом, но только один, а не все бояре-дворецкие:

"Приказ Большого дворца, а в нем бывает и сидит боярин и дворецкий, да окольничей, да думной человек, да два или три диака" (Котош. VII, 4).

Кто этот настоящий дворецкий, этого не видно по боярским книгам. Его надо разыскивать в делах приказа Большого Дворца, в разрядах и пр.

IV. Конюшие

Чин конюшего существует с самой глубокой древности. Конюший упоминается уже с князем Игорем в плену половецком в 1185 году:

"С ним бо (с кн. Игорем) бьшет тысячкого сын и конюший его, и та нудяста и, глаголюща: пойдн, княже, в землю Рускую, аще восхоцет Бог избавить тя" (Ипат.).

Знает конюшего и пространная Русская Правда. Она определяет плату за убийство тиуна конюшего (III, 13). Этот старинный тиун-конюший, следовательно, был ключник, приставленный к лошадям. В его распоряжении состояли конюхи, известные и краткой Русской Правде.

Конюшенное хозяйство составляет только часть общего дворцового хозяйства, а потому должность конюшего, по значению своему, должна была уступать должности дворецкого. Можно допустить, что конюхи и конюшие первоначально состояли в ведомстве дворецких. Они ведь тоже могли наделяться дворцовыми землями, а все такие слуги состояли под дворским. Из Шереметевской боярской книги видно, что при московском дворе до самого конца XV века не было сановных конюших, которые занимали бы равное положение с дворецкими. По всей вероятности, во все это время конюшенное ведомство и сами конюшие состояли под дворскими. Впервые с чином конюшего в боярских книгах встречаемся в 1496 году, а книги начинаются 1462 годом. В 1496 году в звание конюшего был назначен боярин А.Ф. Челядин. С этого времени по 1604 год, год отставки от должности последнего конюшего, при московском дворе было 9 конюших. Это все бояре: ни один окольничий, не говорим уже о низших чинах, не был удостоен звания конюшего. Из приводимого в примечании*(111) списка бояр-конюших видно, что назначение их не всегда следует непрерывно, а нарушается иногда промежутками в 2, 8 и даже 17 и 18 лет. Из этого следует заключить, что должность конюшего-боярина возникла вовсе не для удовлетворения какой-либо неотложной потребности управления, как должности боярина введенного, окольничего или дворецкого. Конюшенное ведомство управлялось кем-нибудь и в те длинные промежутки, когда конюших-бояр не было, как управлялось оно и до назначения боярина А.Ф. Челядина в конюшие. Мы даже знаем, кем управлялось. До учреждения конюших бояр оно управлялось конюшими же, но не важными людьми, боярами, а мелкими чинами, которые имели место за стольниками (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 163) и, надо думать, состояли в ведомстве дворецких.

Думаем, что конюшие-бояре, о которых памятники говорят только с конца XV века, составляют не остаток старины, а нововведение великого князя Ивана Васильевича. Он учреждает приказы. Весьма возможно, что он первый выделил конюшенное управление из общего дворцового и во главе его поставил особого

боярина-конюшего. В истории приказов нередки факты возникновения новых учреждений этого рода, исчезновения их в форме слияния с другими приказами, а потом - нового появления. То же могло происходить и со вновь учрежденным Конюшенным приказом: он то обособлялся от дворцового ведомства под начальством конюшего-боярина, то вновь сливался с дворцом, то состоял под ведомством ясельничего, второй чин конюшенного ведомства, появляющийся в боярских книгах годом ранее конюшего-боярина.

Конюшие до 1496 года занимали невысокое место на лестнице московских чинов. В списке лиц, назначенных для сопровождения в Литву великой княжны Елены, они перечисляются после стольников (Сбор. Импер. рус. ист. общ. XXXV, 163). С 1496 года конюшие назначаются только из бояр, а потому занимают место среди бояр; но должность конюшего ничего к боярской чести не прибавила. Конюшие пишутся после бояр-дворецких; так писались: А.Ф. Челядин, кн. Оболенский и кн. Глинский.

Особое возвышение чина конюшего начинается с назначения в эту должность боярина И.П. Федорова. Это назначение написано впереди назначения бояр, чего прежде никогда не делалось: новые бояре заносились в книгу всегда прежде новых конюших. Это первое возвышение конюшего над боярами, и притом в лице человека неродовитого, могло стоять в связи со стремлением Ивана Грозного принизить гордость родовитых бояр. Тот же порядок продолжается при Федоре Ивановиче и царе Борисе. Назначение Бор. Фед. Годунова в конюшие записано прежде назначения бояр; так же записано и назначение царем Борисом в конюшие Дм. Ив. Годунова. Царь Борис сделал и другое отступление от старины. Назначение дворецким боярина Ст. Вас. Годунова велел он записать непосредственно за назначением Годунова - конюшего и впереди бояр, чего тоже прежде никогда не делалось (Вивл. XX). Это первенствующее место двух бояр Годуновых, конюшего и дворецкого, конечно, обуславливается не важностью самих должностей, а родством Годуновых с царем. Необычное возвышение родственников царя было замечено родовитыми людьми и подало повод к следующим словам в челобитных боярина Вас. Пет. Морозова и двух Салтыковых. Челобитные эти были поданы в 1616 году по случаю местнического спора, предъявленного окольниковым, Никитой Годуновым, к боярину В.П. Морозову. В челобитной Морозова читаем.

"Никита Годунов бьет челом тебе, государю, на меня, Василья, не по делу, а менши ему быть меня, Василья, мочно, Николи Годуновым с Морозовыми не сошлось... А что упрекает племянником своим Иваном Годуновым, что при царе Борисе был болши меня, Василья, и царю Борису в те поры была воля, по свойству своих выносил, и говорить было против царя Бориса не мочно..." (Двор. разр. I, 226).

Также выражаются и Салтыковы.

Несмотря на осуждение Бориса и личный характер противобоярской политики Ивана Грозного, факт превознесения конюшего и дворецкого над боярами введенными совершился. Влияние его сказывается даже на Котошихине, у которого читаем:

"А кто бывает конюшим и тот первой боярин чином и честью..." (VI, 6).

И в другом месте:

"...И тот боярин (дворецкий) честью бывает другой человек, под конюшим первой..." (VII, 4).

Это говорит человек, при жизни которого вовсе не было бояр-конюших. Он свидетельствует о прошлом, но не очень отдаленном. Память современников Котошихина, от которых он мог слышать о значении конюшего, очевидно, не шла далее конца XVI века. До назначения боярина Федорова в конюшие бояре-конюшие всегда писались ниже бояр и ниже дворецких.

Несмотря на это возвышение конюшего-боярина, ведомство его и в XVII веке

состоит из тех же чинов, которые были известны еще Русской Правде. Это разные виды конюхов, перечисляемые Котошихиным. Мы находим у него стремянных конюхов, которые дневали и ночевали на конюшне: стряпчих конюхов, которые чистили, поили, седлали и запрягали лошадей; они же были и возницами. В разрядных книгах они называются "стряпущими конюхами" (Двор. разр. III, 1407). Выше этих двух разрядов были столповые приказчики, на их руках находилась сбруя, колымажная казна, овес и сено; товарищами их были задворные конюхи, которые чистили сбрую, мыли колымаги, всыпали лошадям овес, разносили сено.

Кто же были эти конюхи?

Котошихин говорит:

"Все те вышеописанные чины - люди честные и пожалованные годовым денежным жалованьем, и поместьями, и вотчинами" (с. 67).

Конюхи государевы - люди чиновные; они владеют поместьями, вотчинами и крестьянами. Чем же отличаются они от других помещиков, например, дворян? Разница есть, но скорее количественная, чем качественная, и формальная, чем материальная. Дворяне-помещики лошадей царских не чистили, сбруи дегтем не мазали, колымаг не мыли, но на козлах возницами и дворяне-помещики ездили, даже старых и родовитых фамилий, княжеских. А с другой стороны, государевы конюхи не только лошадей и экипажи чистили, но бывали и в разных правительственных посылках. Находясь вне города, государи сносились с оставленными в Москве боярами через конюхов. В дворцовых разрядах на 1675 год читаем:

"Того ж году прислан, нарочно, из походу к боярину, к Артемону Сергеевичу Матвееву, да к думному дьяку посольскаго приказу, Григорью Богданову, с товарищи, - конюх; а указано ему боярину, Артемону Сергеевичу Матвееву, ехать самому на двор к князь Касбулату Муцаловичю Черкасскому и велено ему сказать, чтобы он ехал, по указу великаго государя, к нему, великому государю, в поход на Воробьеvu гору к руке и с узденями своими, с черкасы" (III, 1431).

Конюх объявляет царский указ.

В XVII веке конюшенное ведомство достигло громадных размеров. По свидетельству Котошихина, число царских лошадей с рабочими и стрелецкими простиралось до 44 тысяч. Для прокормления их существовали особые "конюшенные села", находившиеся в ведомстве конюших. Для описи, сыска и дозора этих сел посылались конюхи, которые и вели им книги: дозорные, приправочные и иные. В 1617 году дозорные книги конюшенных сел в Вологодском уезде писали конюхи, Вас. Голодецкий и Иван Соколов (Федот.-Чехов. N 98). В других приказах такая же служба возлагалась на дворян, стряпчих и стольников.

На содержание перечисленных конюхов (число которых в одной Москве простиралось свыше 300 человек) денежным жалованьем была определена, между прочим, особая пошлина продажи лошадей. С этой целью в городах и селах были учреждены "конские площадки", где и должен был происходить торг лошадьми с запиской каждой продажи в книги. Для наблюдения за правильным поступлением этого сбора посылались опять конюхи (Котош. 67 и сл.).

Резкой разграничительной черты между конюхом и дворянином-помещиком нельзя провести. Конюхи соединяют в себе признаки старых дворовых людей, так как живут во дворе государя, и дворян XVII века, так как имеют поместья и употребляются в правительственные посылки. Они - низший класс дворовых чинов. Единственная определенная разница между конюхами и непосредственно следующими за ними высшими разрядами заключалась в способе записки тех и других в книги: дворяне записаны в городские десятины, конюхи в списки Конюшого приказа.

Шереметевская сводная книга, имеющая дело с верхами служебной лестницы,

совершенно не интересуется конюхами и ничего о них не знает. Не упоминают о них и боярские книги. Но в них есть списки дьяков, подьячих и выбора городских дворян; это дает повод заключить, что все разряды конюхов занимали на служебной лестнице место ниже этих чинов.

Последний разряд конюхов составляли стадные конюхи; они пасли лошадей в поле. По свидетельству Котошихина, их было в Москве и городах около 200 человек. Древнейшее указание на конюхов этого рода находим опять в Русской Правде. Там упоминается "старый конюх у стада", пасший лошадей князя Святослава Ярославича и убитый дорогобужцами (II, 5). За смерть его князь приказал взыскать 80 гривен, - плата, которая, обыкновенно, взималась за княжих мужей и тиунов княжих (огнищных и конюших) и превышала в два раза обыкновенную плату за конюхов (III, 13). Это обстоятельство и навело Карамзина на мысль, что "старый конюх" Святослава был важный чиновник, тиун конюший. Мы уже выше имели случай заметить, что количество штрафных денег не может служить твердым основанием для распознавания качества людей. Иногда оно лишь свидетельствует о степени раздражения князя-хозяина и в то же время судьи. Так и в настоящем случае. "Старый конюх", убитый в то время, когда он пас стадо, очень маленький человек, может быть, даже - раб.

Для ослепления Василька (в 1096 году) Святополк-Михаил, киевский князь, послал своего конюха, Сновида Изечевича, а Давыд Владимирский - конюха Дмитра. Дмитр, конечно, был конюх-возница или, по-московски, стряпчий конюх, так как Давыд приехал с ним из Владимира. Труднее сказать, что такое был Сновид Изечевич. Судя по окончанию на -вич, это был не заурядный конюх, а близкий к князю человек.

М.Ф. Нагой был последний боярин-конюший. После его удаления от должности бояре-конюшие более не назначались. Во главе дел конюшенного ведомства стоял с этого времени ясельничий (Котоших. VI, 6).

Список ясельничих Шереметевская боярская книга ведет с 1495 года. В это звание назначались люди не именитые, четверостепенные. Из шестнадцати известных нам фамилий ясельничих*(112) семь - дали думных дворян и только три достигли околичества; это Елизаровы, Кондыревы и Татищевы.

Ясельничие, возводимые в звание дворянина в думе, обыкновенно, выбивали из ясельничих и замещались иными лицами; так - Воейков заменил Татищева, Болтин - Биркина, Елизаров - Кондырева. Только Елизаров, кажется, некоторое время был ясельничим и думным дворянином.

На служебной лестнице чинов ясельничие занимают место после стряпчих с ключом и впереди сокольничих*(113).

V. Крайчие

Чин этот принадлежит, кажется, к новым, московским. Мы не встретили термина "крайний" ранее начала XVI века. Крайний служит московскому государю, в торжественных случаях, за обеденным столом. Он относится, следовательно, к той же категории слуг, как и дворецкий. Но дворецкий во время стола государя сидит за особым поставцом, крайчий же "стоит у стола великого государя". Для исполнения разных послуг в распоряжении крайчего состоит стольник. Крайчий находится у стола государя для усиления торжественной обстановки парадных обедов, а не для подачи царю яств и напитков. Блюда государю подают стольники; крайчему же принадлежит общий надзор за ними. 8 июня 1675 года, в день ангела царевича и великого князя Федора Алексеевича, у царя был стол:

"А у стола великого государя стоял крайней, князь Петр Семенович Урусов, да

с ним столник Дмитрий, Никитин сын, Наумов... Да перед великаго же государя чашничали и есть ставили столники его, великаго государя, по списку..." (Двор. разр. III, 1450; см. выше с. 979, 999-1001, 1027-1028).

Если для наливания напитков государю и поднесения ему кушаний наряжались особые стольники, то, конечно, ни то, ни другое не составляло специальной обязанности крайчего. Свидетельство Котошихина, что крайчий "ставит на стол еству пред царя по одному блюду" (21), можно понимать в смысле особой услужливости крайчего, а не обязанности его*(114).

Лица, подававшие князьям напитки и яства, конечно, существовали и в самые древние времена под именем отроков, ключников, дворецких, а позднее стольников и чашников; но специализация этих должностей, выделение стольников и чашников, которые наливают напитки и подают блюда, крайчего, который стоит за столом государя и наблюдает за стольниками, дворецкого, который сидит за особым поставцом, имея около себя двух дворцовых дьяков да ключников со всех дворцов, и наблюдает за всем порядком царского стола, - есть, конечно, явление сравнительно позднее. У нас нет данных, чтобы с точностью определить, когда возникла эта пышная обстановка царского стола. Шереметевская книга упоминает в первый раз о крайнем под 1514 годом. Но мы имели уже случай заметить, что составитель ее опаздывает со своими записями на несколько десятков лет. Он не заметил появления первых думных дворян, первого стряпчего с ключом, первых думных дьяков; мог не заметить и появления первого крайчего. Это предположение дает повод отнести учреждение крайчих не к началу XVI, а в конце XV века, к княжению великого князя Ивана Васильевича.

На крайчих, которым принадлежит надзор за разносом питей и яств, возлагались иногда и некоторые другие обязанности, стоявшие в связи с указанной.

При московском дворе был обычай в торжественные дни, когда у государя званого стола не было, рассылать боярам и другим чинам кушанья и напитки с царского стола на дом. Такая рассылка высшим чинам нередко возлагалась на крайчего.

В 1675 году в день Рождества Господня

"Указал великий государь крайнему, князю Петру Семеновичу Урусову, бояром, и окольничим, и думным дворяном, и думным дьяком, и ближним людем послать по две подачи (по два кушанья) с купки, а бояром с чарками" (Двор. разр. III, 1154, 1243).

Незаметно, чтобы крайчим принадлежало какое-либо участие в управлении дворцовым ведомством или даже какой-либо частью его.

Крайчий, обыкновенно, был один.

Из прилагаемого в примечании*(115) списка крайчих видно, что, за небольшими исключениями случайных людей (Басманов, Годунов), крайние назначались из лучших фамилий; многие из них принадлежат к перворазрядным, остальные бывали в боярах и окольничих. Большинство крайчих оставалось в этой должности не подолгу, от одного до 5 лет. Очень многие из крайчих достигли боярства. Из 28 нами приведенных двое умерли в должности, а из 26 остальных, которые от должности крайчего были с течением времени отставлены, 17 человек достигли звания боярина.

По достоинству фамилий, из которых назначались крайчие, это одна из почетнейших должностей. Очень понятно, что в Шереметевском списке им отведено место за окольничими (или дворецкими, если последние не имели высшего звания). Но и это место не всегда удовлетворяло крайчих знатных фамилий.

В боярской книге на 7184 год (1676) на с. 23 находим такую приписку, сделанную другой рукой:

"Великий государь Федор Алексеевич князя Ивана Куракина пожаловал из

стольников комнатных в крайчие, а потом указал ему сидеть в полате с бояры в думе и имя его поставить выше окольников" (Моск. арх. Мин. юст.).

Из этой приписки видно, что обыкновенное место крайчих за окольничими. Но в отступление от этого порядка И. Гр. Куракину, фамилия которого выставляла только бояр и никогда окольников, предоставлено писаться выше окольников*(116).

Крайчество, являвшееся высшей ступенью для стольника, не соединяется, в свою очередь, и с высшими служебными должностями дворецкого, окольного, боярина. Назначение крайчего дворецким и т.д. равносильно отставке его от крайчества.

VI. Казначей

Запасы всякой домашней рухляди: платья, белья, мехов, сосудов золотых, серебряных, оловянных и иных, драгоценных камней, денег и пр. носили у нас в древности наименование казны. Отсюда выражение: "казна домовая", "казна постельная", "казна золотая, серебряная", и пр. (Котош. VI, 1). В духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича читаем:

"А опрочь того, что ни есть моей казны... лалов и яхонтов и иного камня и жемчугу и саженья всякого, и поясов и чепей золотых, и судов золотых и серебряных и каменных, и золота и серебра, и соболей, и шолковыя рухляди, и иные всякие рухляди что ни есть; так же и в моей казне постельной что ни есть икон и крестов золотых, и золота и серебра, и платья, и иные рухляди..." (Рум. Собр. I. N 144, 1504).

Место хранения казны носило наименование казенной палаты, а при значительном развитии казны - казенного двора; лицо, хранившее казну, называлось казначеем.

Казна, казенная палата, казначей - все это необходимая обстановка богатого и хорошо устроенного хозяйства. Она встречается не только у князей, но и у частных лиц. В большом московском дворе князей Голицыных было несколько казенных палат: всякая казна и платье, помещавшиеся в нижней казенной палате, были приказаны Кузьке Крылову; казна верхней палаты была приказана Митьке Басманову, Кузька Крылов называется казначеем В.В. Голицына, но у него есть и другой казначей, Пашка Провов (Шакловитый. III, 169, 197-199, 206, 250-251).

Во времена домосковские княжеская казна хранилась у ключников и тиунов. Киевский князь Ростислав, похоронив соправителя своего, князя Вячеслава:

"Еха на Ярославль двор, и съзва мужи отца своего, Вячеслава, и тивуны и ключники, каза нести именье отца своего пред ся, и порты, и золото, и серебро. И снес все, и нача роздавати по манастырем, и по церквам... а себе не прия ни что, толико крест честный взя на благословение себе..." (1154. Ипат.).

Это совершенно такая же казна, как и та, которая перечислена в духовной великого князя московского: золото, серебро, платье, иконы.

В духовных грамотах московских князей мы встречаем казначеев в качестве хранителей княжеских прибытков, но они не совершенно исключали старых тиунов, которые продолжают ведать, как и в старину, княжескую казну, и упоминаются рядом с казначеями. Как старые тиуны были рабами, так и новые казначей тоже рабы: это лишь новое наименование дворовых чинов, известных с глубокой древности. Московские князья в своих духовных весьма нередко отпускают казначеев на волю. В завещании Ивана Ивановича читаем:

"А кто будет моих казначеев и тивунов и посельских или кто будет моих дьяков, что будет от мене ведали прибыль ли который, ли хто будет у тях женился, те люди не надобни моим детем, ни моей княгине, дал есть им волю" (Рум. Собр. I. N 25, 1356; N 86, 1462).

Учреждение казначеев, занимающих определенное и весьма почетное место на лестнице московских придворных чинов, принадлежит, по всей вероятности, великому князю Ивану Васильевичу, и стоит, надо думать, в связи с предпринятым им учреждением приказов. Котошихин перечисляет очень много приказов, ведавших государевы доходы, но только один из них имеет в своем составе казначея, это Казенный двор. Можно думать, что появившимся с конца XV века казначеям, список которых дает Шереметевская книга, и был приказан московский Казенный двор, упоминаемый в разрядных книгах уже в 1500 году. В описании свадьбы дочери великого князя Ивана Васильевича с князем Холмским сказано:

"А что от великаго князя и от великой княгини даров князю Василью Даниловичу Холмскому было и то записано в Казенном дворе" (Карам. VI, пр. 628).

Учреждение новой должности казначея не повело, однако, к немедленному упразднению старых казначеев-рабов. Духовная грамота Ивана Васильевича также делает распоряжение об отпуске на свободу казначеев, тиунов, дьяков и посельских, ведавших прибытки князя.

Точно так же не повело оно и к объединению в одних руках управления всей государевой казны, где бы она ни находилась. Кроме казны, находившейся в заведовании казначея, Дмитрия Володимировича (Овцы), завещание Ивана Васильевича упоминает еще "деньги и иную всякую рухлядь" в Новгороде у дворецкого и у казначеев, "казну" на Белом озере и на Вологде и в иных местах, которые не были приказаны Д.В. Овце.

Даже московская казна не вся находилась в руках казначея Овцы. Кроме казны, ему порученной, была еще казна у дворецкого и казна у конюшего.

Ведомство казначеев Казенного двора не оставалось неизменным. Сначала оно быстро возрастает, а затем, по мере развития приказных учреждений, сокращается. По памятникам XVI века казначеи ведают много такое, что в XVII в. перешло в ведение особых приказов.

Казначеи XVI века не только хранили государеву казну, но и ведали государевы доходы, получая разные пошлины и оброки и сдавая в оброчное содержание разные доходные статьи*(117).

Они ведают и расходы. В 1555 году был послан через Великий Новгород до немецкого рубежа Д. Гр. Плещеев. Ведомость о расходах на эту поездку приказано было прислать казначеям в Москву (Д. к А. И. I. N 70, II и IV, 1555).

Ведомству казначеев подлежали и дела о холопстве. У них совершались акты на холопство, и они вели книги, в которые записывались эти факты (А. И. I. N 154, XIII, 1558). Ведомство дел о холопстве казначеями может объясняться существованием особой пошлины с поступления в холопство.

Управление в старину никогда не отделялось от суда, а потому казначеи ведали и суд. Судебная компетенция их была весьма широка, и во многих случаях мы не имеем даже возможности объяснить, почему известные дела подлежали именно суду казначеев.

Казначеи разбирали споры, возникавшие из обложения разными сборами, напр., тамгою (А. Э. I. N 262, 1563). Подсудность этих дел казначеям составляет естественное последствие подведомственности им таможенных пошлин.

Но казначеи ведали суд и во многих других случаях, которые не стояли ни в каком отношении к их специальности.

Эта широкая судебная компетенция не принадлежала им, однако, с самого начала, а была предоставлена только впоследствии. Первый Судебник ничего не знает о суде казначеев, он говорит только о суде бояр и окольничих; второй Судебник к боярам и окольничим везде прибавляет дворецких и казначеев. Это, думаем, нововведение: казначеи получили право "судить судь царя и великого князя" не в качестве хранителей казны, а в качестве доверенных и приближенных к царю

лиц. В этом смысле они конкурируют со введенными боярами. В жалованных грамотах XVI века лицам привилегированным предоставляется обращаться к суду царя или его казначеев*(118).

Из памяти казначеев, Ф.И. Сукину и Х.Ю. Тютину, от 1555 года, узнаем, что в это время суду казначеев были приказаны целые города. В этом году состоялся новый указ о добровольных холопах. Этот указ был сообщен казначеев с предписанием тот указ

"В Судебник написать, а в города, которые им приказаны судити, к выборным головам послати, чтобы они добровольных людей судили по сему приговору" (А. И. I. N 154, IV).

Этой подсудностью казначеев целых городов надо объяснять то обстоятельство, что им сообщаются к исполнению новые указы о порядке суда, а они, со своей стороны, делают вопросы о том, как производить суд в случаях, в законах не указанных*(119).

Как доверенные люди, казначеи назначаются вместе с боярами вести переговоры с иностранными послами. В 1494 году в переговорах с литовскими послами участвует казначей Д.В. Овца (Сб. Им. р. ист. общ. XXXV, 14).

Это широкое ведомство казначеев XVI века к половине следующего столетия весьма сократилось. Котошихин говорит, что денежный доход Казенного двора, которым управлял казначей, небольшой, всего "в 3000 рублей", и что в ведомстве его состояло посадских торговых людей не более 500 человек (VI, I). Ведомство доходов перешло в финансовые приказы разного наименования; холопьи дела - в Холопий приказ. В ведомстве казначея осталась только царская казна: золотая, серебряная, сосуды, бархаты, атласы, ковры золотые и серебряные, сукна и всякая домовая казна.

Что касается числа казначеев, единовременно сидевших в Казенном дворе, то мы встречаем то одного, то двух. Но преобладающая практика состояла, кажется, в назначении одного казначея. Шереметевская книга только и говорит, что об одном. Но этот один всегда имел товарищей из более мелких чинов. Великий князь Иван Васильевич вырос в тяжелое время постоянных измен служилых людей и был проникнут весьма понятным недоверием к окружавшим его лицам, чтобы доверить свою казну одному человеку. Он не находил полезным и свой суд передавать одному введенному боярину, а присоединил к нему дьяка. Еще более сложную организацию наблюдаем в устройстве его казны. Он сам говорит об этом в своем духовном завещании. Свою казну великий князь разделил между сыновьями. Часть каждого он заботливо "поклал в ларци", ключи от ларцов он отдал детям, а самые ларцы отдал на хранение:

"В свою казну, своему казначею, Дмитрию Володимировичу (Овце), да своему печатнику, Юрию, Дмитриеву сыну, Греку, да своим дьяком, Данилке Мамыреву да Тишке Маклакову".

У казначея Д.В. Овцы было, таким образом, трое товарищей: печатник да двое дьяков. Этот состав Казенного двора сохраняется и в половине XVI века, когда был не один казначей, а двое: Ф.И. Сукин и Х.Ю. Тютин. В 1550 году штрафные деньги за употребление старых мер приказано высылать:

"К нашим казначеем и к печатнику и к дьяком" (Д. к А. И. I. N 45).

Казенный двор, следовательно, целая коллегия. Этот первоначальный свой характер сохраняет он и в XVII веке, только печатник вышел из его состава. Котошихин говорит, что в приказе Казенного двора сидит "казначей, а с ним два дьяка" (VI, 1).

На служебной лестнице московских чинов казначеи занимают место после крайчего и впереди думных дворян. Это место постоянно отводится им в Шереметевском списке. В подписи соборного приговора о литовской войне 1566 года

имена казначеев следуют непосредственно за именами окольников (крайчий не подписался). Так было и в XVII веке. Котошихин говорит:

"И тот казначей думной же человек и сидит в думе выше думных дворян" (VI, 1).

Есть основание думать, что казначеи с первого своего возникновения были уже думные люди. В конце духовной грамоты великого князя Ивана Васильевича читаем:

"А туто были бояре мои... да казначей мой Дмитрией Володимирович".

И бояре, и казначей присутствовали при написании грамоты, конечно, в качестве советников, а это и есть "думные люди".

Должность казначея по преимуществу деловая, а не почетная только, развилась же она на почве старинной дворовой службы, а потому в казначеи назначаются люди новые, не родовитые*(120). Но должность казначея прокладывала дорогу к высшим почестям. С отправления этой должности началось возвышение Траханиотов, Головиных, Сукина. Василий Юрьевич Траханиот, сын казначея, был пожалован званием боярина введенного. Первый Головин, упоминаемый в боярских книгах, Петр Иванович, тоже был казначей, а сыновья его достигли окольниковства; внук - опять казначей, а правнук, Василий Петрович, сын казначея, - сам казначей, а потом окольниковый, а в 1609 году боярин. Сукин, отправлявший должность казначея в течение 22 лет, был возведен в звание боярина. Из 19 известных нам казначеев только один принадлежит к родовитой фамилии, это князь Мосальский. Но Мосальские появляются в боярских книгах не ранее конца XVI века, и первый известный им Мосальский был казначеем; только в XVII веке поднимаются Мосальские до окольниковства и боярства. И они, следовательно, несмотря на свою родовитость, высоким служебным положением не пользовались и службу свою начали с казначейства.

VII. Дворяне думные

Прежде скажем о дворянах вообще.

Слово "дворянин" впервые встречается в рассказе суздальского летописца о событиях, последовавших за убиением ростовского князя, Андрея Боголюбского:

"Горожане же боголюбьскыи и дворяне разъграбиша дом князь и делатели, иже бяхоу пришли к делу: злато и серебро, порты же и павалоки, и имение, емоу же не бе числа" (1175).

Карамзин заметил уже по поводу этого места, что "здесь в первый раз употреблено имя дворян в смысле придворных" (III, пр. 23). Совершенно верное замечание. Только под придворными здесь надо разуметь придворных в смысле отроков и детских Русской Правды и начальной летописи, а не придворных нашего времени.

Убиение Андрея Боголюбского было делом дворовых его людей. Самое близкое участие в нем принимали: Анбал, его доверенный ключник (тиун), и любимый слуга князя, Яким Кучкович. Они, надо думать, подговорили всю княжескую дворню. Эти и объясняется тот факт, что не только об отмщении смерти князя, но и об отдании последнего долга телу его никто из близких к нему не позаботился: тело князя было выброшено в огород. Заботу о погребении принимает на себя пришлый человек, киянин Кузьмище. Соболезнуя о князе, он говорит: "уже тебе, господине, паробъци твои не знают" (Ипат.). Это-ти паробки (отроки), восставшие на господина своего, и суть те дворяне, которые принялись вместе с гражданами боголюбскими грабить дом своего князя.

Дворянами стали называться отроки и детские потому, что жили во дворе

князя. Это дворные люди. Первая Новгородская летопись говорит, что князь Мстислав Мстиславич схватил новгородского наместника, князя Ярослава Всеволодовича, и дворян его поковал: Воскресенская летопись, описывая те же события, говорит, что князь Мстислав поковал дворных людей Ярослава.

Дворяне играют совершенно ту же роль, какая принадлежала отрокам и детским. Как дворные люди князя, они состоят при нем для личных его услуг, а вместе с тем они воины и на них возлагается отправление некоторых действий при суде.

В первой Новгородской летописи читаем:

"Том же дне иде князь Мьстислав с новгородьци на Чюдь, на Ереву, сквозе землю Чюдскую к морю. Села их потрати и осеки их възма и ста с новгородци под городом Боробнином. И Чюдь поклонишася ему и Мьстислав же князь възя на них дань и да новгородьцем две части дани, а третью часть дворяном" (1214).

Дворяне получили третью часть дани в качестве воинов князя. Они играют в данном случае роль отроков, гридей и мечников. В договоре Новгорода с тверским князем, Михаилом, читаем:

"А дворяном твоим у купец повозов не имати, разве ратной вести... А за рубежь из новгородьской волости твоим дворяном суда не выводити, ни судити" (Рум. Собр. I. N 8, 1305).

Здесь дворяне - то гонцы, которые состоят на посылках, то судные чиновники. В качестве судных чиновников, но очень не важных, выступают они и в Двинской судной грамоте (1397); они вызывают к суду:

"А кто на кого челом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду" (9).

По позднейшим спискам Русской Правды они тоже прислуживают на суде:

"Оже оутяжут в моуке, а посидишь оу дворянина, 8 ногат за тоу моукою" (Кар. Ст. 135).

В составе дворян встречаются не только свободные люди, но даже и дети боярские. В войну с ляхами владимирского князя Владимира Васильевича на стороне последнего был убит "дворный слуга его, любимый сын боярский, Михайлович, именем Рах" (Ипат. 1281).

Новый термин "дворянин" одинаково употребляется и для обозначения дворовых слуг всех частных господ. Если эти частные господа получают кормления, в таких случаях они также предоставляют дворянам своим отправление некоторых судных и правительственных действий. Дворян своих имели даже тиуны. У кого был свой двор, у того могли быть и свои дворяне, как в старину отроки.

В жалованной грамоте князя Василия Давыдовича Ярославского архимандриту Спасского монастыря (от первой половины XIV в.) читаем:

"А судьи мои вси, наместницы и тиуны, не шлют дворян своих по люди Святаго Спаса, но шлют ко игумену, а игумен шлет по них своих людей" (Карамз. IV, пр. 328).

В жалованной грамоте кашинского князя читаем:

"А что ся учинеть или розбой, или душегубьство, или татба, который суд ино будет межи монастырьских людей, судить их и дворян дает монастырьский тивун один" (А. Э. I. N 5, 1361).

Или, сто лет позднее, в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю:

"А наместницы мои бежицкие и их тиуни не всылают дворян своих к ним ни по что" (А. Э. I. N 131. 1494).

У богатых людей число таких дворян достигало значительных размеров, и они составляли их вооруженную силу. Летописец так описывает поимку Михаила Глинского, замыслившего перейти на сторону польского короля, воеводами великого князя московского:

"Князь же Михайло Голица скоро весть посла воеводе, Ивану Андреевичу

Челядину, а сам всед борзо на конь со всем двором своим... и тое ночи гнав... И бысть в четвертую стражу ночи, оже Михайло Глинский едет один наперед своих дворян за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дети боярские переимали дворян Глинскаго" (Карамз. VII, пр. 119).

Дворян Глинского переловили "дети боярские", воеводы князя Михаила Голицы; а выше было сказано, что Михаил Голица отправился на поимку Глинского "со всем двором своим". В состав двора его, значит, также входили дети боярские, как они входили и в состав двора московских государей. Мы имеем указания, что дети боярские поступали даже в холопы к частным людям (Судебник 1550 г. Ст. 81).

С увеличением границ Московского великого княжения на счет соседних княжений, великих и удельных, число дворовых людей московского великого князя значительно увеличивается поступлением под его власть дворов присоединяемых княжений. По мере увеличения своей власти московские великие князья начинают недоверчивым оком взирать на дворы боярские. Разрядная книга Бекетова сохранила известие о том, что великий князь Иван Васильевич приказал переписать на свое имя служилых людей из дворов некоторых князей (служилых) и бояр:

"Как Бог поручил великому князю, Ивану Васильевичу, под его державу Великий Новгород, и по его государеву, изволению распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди, и тут им имена, кто чей бывал, как их поместил государев писец. Дмитрий Китаев".

Затем идет перечисление по именам дворовых людей, послужильцев, бояр: Тучкова, кн. Ряполовского, Шереметевых, Кузьмина, Есипова, Салтанова-Травина и Обрабова. Число отобранных дворовых послужильцев очень неодинаково. У Василия Тучкова взято 9 семей, у Ивана Тучкова и Травина по 8, а у Кузьмина - всего одна. В конце написано:

"И помещены, по государеву указу, в Вотской Пятине" (Карам. VI, пр. 201).

Отобранные у частных людей дворовые послужильцы переведены не в княжеский двор, а помещены в Вотской пятине на вновь приобретенных от Новгорода землях. В руках Ивана Васильевича соединилось уже столько княжеских дворов и дворовых людей, что надо было подумать о новой организации придворных слуг. Он дает им поместья с обязанностью нести военную службу и таким образом выводит их из тесной сферы дворового быта на более широкую арену поместной жизни и службы. Такое испомещение дворовых людей на княжеских землях, как и пожалование княжескими землями бояр и детей боярских, значительное развитие могло получить не ранее половины XV века, когда объединительная политика московских князей делает уже несомненные успехи. Но значение правильной системы, применяемой в широких размерах, испомещение получает только при великом князе Иване Васильевиче.

Дворные слуги, выводимые из дворов и помещаемые на княжеских землях, удерживают и в этом новом своем положении старое наименование дворян. К этому старому имени присоединяется и новое - "помещик", происшедшее из факта помещения на княжеской земле. Рядом со старинными землевладельцами, боярами и людьми боярскими, возникает в Москве новый класс условных владельцев помещников-дворян. Этот новый класс, возникший из дворных слуг, естественно, занимает неодинаковое место с боярами и детьми боярскими. В первом Судебнике находим такую статью:

"А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом боярским, и им судити" (38).

Кормления даются только боярам и детям боярским, но не дворянам; последним довольно и поместий. Эта статья повторена и вторым Судебником (62). До самой половины XVI века, значит, еще живо чувствуется разница между боярами и детьми боярскими и дворянами.

Но уже с конца XV века начинается и смешение этих первоначально совершенно различных разрядов лиц. В Воскресенской летописи под 1484 годом читаем:

"Тое же зимы поймал князь велики бльших бояр новгородцких и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом".

Эту меру великий князь повторяет в 1489 году. Но на этот раз он помещает новгородских бояр не только в Московском уезде, но и во Владимирском, Муромском, Костромском, Нижегородском и других. На земли же, отобранные у новгородских бояр, он помещает детей боярских из московских городов (Воскр. л. Ст. 218). Таким образом, появляются помещики из старинных бояр и детей боярских.

Меры этого рода продолжают и в XVI веке. В 1550 году царь Иван приказал дать "боярам и другим слугам, которым быть готовым в посылки", поместья в Московском уезде, кроме тех, у которых уже есть вотчины близ Москвы (Никонов, лет.).

Для надобностей государевой службы бояре так же помещаются, как и дворяне. А с другой стороны, и дворяне, сделавшись помещиками, получили вкус к землевладению и стали приобретать вотчины. Таким образом, возникают условия, благодаря которым начинает сглаживаться первоначальное различие между боярином и сыном боярским, с одной стороны, и дворянином - с другой: и те, и другие - помещики, и те, и другие - вотчинники.

Но слияние дворян с детьми боярскими совершается весьма медленно. Только к началу XVII века делается оно совершенно заметным. В первой же половине XVI века дети боярские продолжают составлять высший сравнительно с дворянами класс и в перечислении различных групп населения следуют непосредственно за боярами.

Завещание Ивана Васильевича, говоря о неприкосновенности пожалованных служилым людям сел и деревень, упоминает детей боярских, а не дворян (место приведено на с. 320).

Тот же памятник в тех случаях, когда вместе с детьми боярскими надо упомянуть и о дворянах, ставит детей боярских впереди дворян:

"А что которые мои двory внутри города на Москве и за городом за моими бояры, и за князьями, и за детьми за боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людьми, и за конюхами, и за мастерами за моими, и те все двory сыну же моему Василью".

Далее духовная грамота говорит о людях, имеющих свои собственные двory, полученные по наследству, купленные или пожалованные великим князем, и здесь упоминает только детей боярских, а не дворян:

"А у кого будут у бояр и у князей и у детей у боярских внутри города на Москве и за городом на посадах двory, их отчины и купли, или кому буду дал на Москве внутри города и за городом, по посадам, грамоты свои жаловальные прочные, и сын мой в те двory у них не вступается".

Приводимый памятник проводит еще ясное различие между детьми боярскими и дворянами. У детей боярских есть своя собственность, купли и жалованные в прок княжеские земли и двory. Кроме того, им даются княжеские двory на поместном праве. У дворян же предполагается только последний вид условного владения, двory, данные на поместном праве.

Княжеские грамоты, содержащие в себе разные правительственные распоряжения, пишутся на имя детей боярских, а не дворян:

"От великого князя, Василия Ивановича, всея Руси, князем и бояром, и детям боярским, и всем служилым людям. Что бы есте в монастырских, в Троицких Сергиева монастыря, селех и деревнях, в Новоторжском уезде, не ставилися" (1509.

А. Э. I. N 151).

Духовенство в своих поучениях князьям заботится о милостивом их внимании к детям боярским, а не к дворянам, которых оно еще не знает в качестве особого служилого и землевладельческого класса. В поучении митрополита Макария царю Ивану Васильевичу читаем:

"Боляр же своих и болярынъ и всех вельмож жалуйте и берегите по их отечеству; ко всем же князем и княжатам и к детям боярским и ко всему христолюбивому воинству и к всем своим доброхотам будите приступни и милостивы по царскому своему сану и чину" (1547. Д. к А. И. I. N 40).

Хотя разные дворовые слуги с конца XV века испомещаются уже на государевых землях, но, надо думать, что большинство уездного служилого населения состояло еще по-прежнему из детей боярских, а не из дворян. На эту мысль наводят многие правительственные распоряжения по военному ведомству, в которых в качестве городских служилых людей упоминаются только дети боярские:

"От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в Пронеск Якову Никитичу Измайлову да Михаилу Федоровичу сыну Сунбулову. Послал есмь в Пронеск воеводу своего, князя Ондreja Михайловича Курбскаго, и как князь Ондрей в Пронеск приедет, и выб списки детей боярских рязанцев, которые были у вас, отдали воеводе нашему" (1550).

Или:

"От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в Новгород Северской воеводе нашему, Осифу Васильевичу Полеву. Писали есмь к тебе наперед сего, а велели тебе из Брянска итти по крымским вестем в Новгородок Северской а с тобою брянчанам, детем боярским..." (1554. Рус. Ист. сб. II, 1838. С. 207, 87; ср. еще с. 81, 193, 197).

Преобладающее значение детей боярских в первой половине XVI века подтверждается и вышеприведенной статьей (62) царского Судебника, повторяющей статью Судебника 1497 года (38), по которой кормления и сопряженное с ними право суда и управления предполагаются, по общему правилу, только у бояр и детей боярских.

Но в памятниках второй половины XVI века термин "дворяне" начинает уже употребляться и для обозначения детей боярских. С таким случаем встречаемся в приговорной грамоте людей разных чинов от 1566 года по вопросу о перемирии с польским королем. После изложения мнения бояр читаем:

"А мы государя своего царева и великого князя дворяне первая статья".

За этим следует перечисление имен дворян первой статьи и поданное ими мнение, а потом:

"А мы дворяне и дети боярские другое статьи" (Рум. Собр. I. N 192).

В первом случае о детях боярских не упомянуто, но это, конечно, описка; в первом случае, как и во втором, надо читать: "дворяне и дети боярские первой статьи". Что здесь под термином "дворяне" разумеются и дети боярские, это видно из сличения встречающихся в подписи имен дворян с именами детей боярских, поручившихся в неотъезде боярина, Ивана Петровича Яковлева (Рум. Собр. I. N 184, 1565). Некоторые из лиц, подписавших приговорную грамоту 1566 года под рубрикой "дворян первой статьи", встречаются в поручной под рубрикой "детей боярских" **(121)**. Ясно, что дворянами названы в приговоре и дети боярские. Это смешение тем легче могло произойти, что с весьма древнего времени, как мы видели, дети боярские вступают уже в состав княжеских дворян. В приведенных местах термин "дворяне" стоит впереди "детей боярских", но это еще не твердо установившаяся практика. В том же памятнике в конце читаем:

"А мы княжата, и дети боярские и дворяне на сей грамоте, на своих речех, государю своему крест целовали".

Неустановленность терминологии видна и из того, что в том же самом памятнике совершенно такие же служилые люди, как выше помянутые дворяне и дети боярские, названы, по роду землевладения, помещиками: "торопецкие и луцкие помещики".

Возникающее смешение детей боярских и дворян ведет к тому, что в должности, в которые прежде назначались только дворяне, теперь назначаются уже и дети боярские. В разрядной книге Симбирского сборника под 1575 годом читаем:

"А во дворянех с ним (с московским послом к цесарю римскому) были Юрьева Ливонскаго немецкие помещики, дети боярские: Мамлей Ильин да Третьяк Зубатый".

В таком же широком смысле дворян и детей боярских термин "дворяне" употребляется и при наименовании думных дворян. В выписке Новикова из боярской книги М.П. Шереметевой нередко находим выражение: "дворянин в думе", а затем следует имя. Такое же выражение встречаем и в разрядах XVI в., напечатанных Новиковым (XIV т.):

"1578 год: дворяне, которые в думе", а затем следуют имена.

Что же такое дворяне в думе?

Допущение в государеву думу людей неименитых не составляет какой-либо новости. Говоря о боярах введенных, мы уже заметили, что, обыкновенно, в это звание возводились лучшие люди, но государи могли сделать и действительно делали введенными боярами и людей новых, неименитых. В выборе лиц в свою думу князя не были ограничены каким-либо одним классом служилых людей; да это и невозможно было по малой замкнутости и обособленности этих классов. Присутствие в княжеской думе XVI века лиц из средней полосы служилых людей не представляется нам новостью. С.М. Соловьев уже обратил внимание на одно место в статейном списке 1534 года. При описании приема литовского посла там сказано:

"А князь великий сидел в брусной избе, а у него бояре, и окольничие, и дворецкие, и дети боярские, которые живут в думе, и дети боярские прибыльные, которые не живут в думе" (Акты Запад. Рос. II, 252).

"Если под именем думы, - говорит по поводу этого места автор "Истории России", - мы будем здесь разуметь совет великокняжеский и слову жить придадим обыкновенное значение существования или присутствия, то должны будем признать, что еще прежде самостоятельного правления Иоанна IV были введены в думу дети боярские. Конечно, мы никак не решимся утверждать, что это введение последовало именно в правление Елены, а не ранее" (VI, 32). Соловьев исправляет здесь господствовавшее до него мнение, по которому Ивану Грозному приписывалась демократизация царской думы. Мы совершенно присоединяемся к его разъяснению приведенной цитаты. Дети боярские, которые жили в думе, по всей вероятности, названы так потому, что приглашались в думу. Но мы не думаем, чтобы по поводу разъясненного места могла идти речь о каком-либо нововведении в составе думы, совершенном Иваном Грозным или кем-либо из его предшественников. Мысль, что до XVI в. в княжескую думу входили только бояре введенные да окольничие, основывается единственно на том, что о думных дворянах речь идет лишь в памятниках второй половины XVI века. Это, конечно, не доказательство. Князья сами назначали бояр введенных и окольничих и не могли быть ограничены ими в выборе состава своей думы. Они всегда вольны были совещаться с кем хотели, и совещались как с большими боярами, так и с меньшими, так и с детьми боярскими. Во второй половине XVI века, как мы видели, терминология начинает меняться, вместо "детей боярских" начинают говорить - "дворяне". Термин новый, а не дети боярские или дворяне - новость в думе. Можно думать, что с развитием власти московских государей число советников их не возрастало, а сокращалось. Установление обязательной службы устранило необходимость тех соглашений со служилыми людьми, к которым надо было обращаться при вольной службе и

которые превращали в совет князя всех его вольных слуг.

Согласно господствовавшим в начале XVI века понятиям, памятники того времени говорят о детях боярских в думе, а не о дворянах. Древнейшее из дошедших до нас известий этого рода находится в описании переговоров с послом прусского магистра, происходивших в Москве в 1517 году. Крест на заключенной с послом грамоте должен был целовать боярин, князь Дм. Вл. Ростовский, но так как в этот заключительный момент переговоров он из Москвы выехал, то государь приказал вместо него целовать крест "сыну боярскому Ивану, Юрьеву сыну, Поджогину (Шигоне), который у государя в думе живет" (Сб. Им. рус. ист. общ. LIII, 40). Вторым известным нам сыном боярским, входившим в государеву думу, является Иван Берсень-Беклемишев. Он сам говорил Максиму Греку, что принимал участие в обсуждении вопроса о Смоленске, возражал на мнение великого князя и тем навлек на себя его неудовольствие. "Пойди, смерде, прочь, ненадобен ми еси", - сказал ему государь. По поводу этого столкновения Берсень высказал такое заключение об отношении Василия Ивановича к думным людям: "государь упрям, стречи против себя не любит; кто ему въстречю говорит, и он на того опалается. А отец его, князь велики, против себя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали (А. Э. I. N 172, 1525). Со второй половины XVI века в памятниках речь уже идет о дворянах в думе, а не о детях боярских.

Дворяне в думе, несмотря на то, что они признанные советники государя, не имеют равной чести не только с боярами введенными, но и с дворянами старинных знатных фамилий. Это видно из следующей выписки о порядке встречи английского посла в 1583 году:

"А встреча послу первая была на нижнем крыльце против Благовещения: дворянин князь Иван Васильевич Сицкой, да дворянин думный, Роман Васильевич Олферьев, да дьяк Ондрей Шерефединов, да Дружина Петелин" (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXVIII, 82).

Думный дворянин занимает при встрече второе место, а первое принадлежит простому дворянину, но родовитому.

Шереметевская боярская книга, содержащая наиболее сведений о думных дворянах XVI века, начинает свой перечень с Олферьева (Алферьева то же) Романа Васильевича, назначенного в думные чины в 1572 году, и ничего не знает ни об Ив. Юр. Поджогине, ни о Берсене.

Из Шереметевской боярской книги нам известны имена двенадцати думных дворян XVI века.

Из прилагаемого списка*(122) древнейших думных дворян видно, что в это звание в XVI веке назначались как лица старинных княжеских и боярских фамилий (Зюзины), так и люди совершенно новые, однофамильцы которых встречаются только в звании дворян московских и даже городских.

Фамилия Безниных в Шереметевской боярской книге только один раз упоминается; в боярских же книгах XVII века ее совсем нет. Знак, что думный дворянин Мих. Андр. Безнин принадлежал к очень не важным людям, в самом лучшем случае к заурядным городovým дворянам. То же надо сказать о Пивове, фамилия которого упоминается еще один только раз в боярских книгах XVII века и то в качестве луховского городского дворянина. Далеко не высоким положением пользовались и некоторые другие из думных дворян XVI века, как, например: Воейковы, Писемские и Ржевские. Однофамильцы Ржевских только к концу XVII века достигают звания окольного, а Воейковы и Писемские и в XVII не идут выше стольников. Из двенадцати думных дворян только двое (Зюзин и Буйносов) принадлежат к старым именитым фамилиям; большинство же, следовательно, состояло из людей новых и не именитых.

Тем же характером думные дворяне отличаются и в XVII веке. Из сорока двух

фамилий, члены которых (всего 59 человек) возведены были в это звание в течение первых 75 лет этого века, только две (Собакиных и Сукиных) принадлежат к известным, достигавшим окольничества и даже боярства в XVI веке. Все остальные принадлежат к новым, члены которых не занимали высокого положения на служебной лестнице XVI века. Из этих сорока новых фамилий двенадцать и в XVII в. не поднимаются выше стряпчих и стольников*(123), а одиннадцать имеют в своей среде дьяков*(124).

Но некоторые из этих новых людей, проходя через звание думного дворянина, быстро достигали самых высших ступеней тогдашней служебной лестницы. Думный дьяк Семен Иванович Заборовский в 1655 году был назначен думным дворянином, 1674 - окольничим, а в 1677 - боярином. Еще быстрее шло возвышение известных любимцев, Артамона Сергеевича Матвеева, сына дьяка, и Кирилла Полуэктовича Нарышкина, сына городского дворянина. Матвеев в 1671 году был назначен думным дворянином, в том же году - окольничим, а в 1675 - боярином и дворецким; Нарышкин - в 1671 году думный дворянин, в 1672 - окольничий, в 1673 - боярин. Люди именитые прямо назначались окольничими и даже боярами, без посредствующей ступени думного дворянина*(125).

В памятниках начала XVII века термин "дворяне" занимает уже окончательно место, принадлежавшее прежде термину "дети боярские". Этот последний или вовсе не упоминается, или упоминается после дворян.

В грамоте об избрании Михаила Федоровича на царство читаем:

"А по челобитью и прошению бояр, и дворян, и приказных людей, и всего христоролюбивого воинства, и гостей..."

Или:

"А потом митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный собор, и бояре, и окольничие, и дворяне, и дети боярские, и все христоролюбивое воинство, и гости, и торговые и всякие люди Московского государства, советовав меж себя", и пр. (Рум. Собр. I. С. 603 и 605, 1613).

Это словоупотребление удерживается во всех памятниках XVII века. В предписаниях по военному ведомству читаем:

"Государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси указал быти на своей государевой службе в украинном разряде воеводам по полкам, а с ними указал государь быти на своей государевой службе в полках дворяном и детям боярским и иноземцам..." (1627. Рус. ист. сб. II, 385).

В это время дворяне населяют уже все города. Челобитные от местных служилых людей пишутся от имени дворян и детей боярских:

"Дворяне и дети боярские колужане и козличи, серпуховичи, медынцы, олексинцы били нам челом, чтобы нам для их великия бедности пожаловати..." (1614. Двор. разр. I, 128).

Царские указы в ответ на такие челобитья упоминают также сперва дворян, а потом детей боярских.

Кто на первом месте назван, тот считается первым, т.е. старшим, лучшим. Таким образом, среди местного служилого населения термин "дворяне" стал обозначать как бы лучших людей, а дети боярские - меньших. Произошла полная перестановка понятий.

В этом торжестве термина, возникшего в придворной службе, над термином, возникшим в вольной службе, выразилась полная и неоспоримая победа новых московских порядков над отживавшей стариной.

Уложение всякий раз, когда говорит о дворянах и детях боярских, ставит дворян впереди детей боярских.

"А будет которыя ратные люди на государеве службе учнут бити челом бояром и воеводам о отпуске з государевы службы своим домовым разорением, или

людским побегом, или иным каким самым нужным делом, - и бояром и воеводам про тех ратных людей сыскивати в полках дворяны и детьми боярскими..." (VII, **13**).

Или:

"А будет кто учнет государю бити челом о поместьях, которые поместья даны на прожиток дворяном и детям боярским старым, которые от службы отставлены..." (XVI, **8**; смот. ст. 16, 22 и др.).

Такое постоянное употребление двух терминов для обозначения одного и того же класса повело к следующей редакционной описке составителей **Уложения**:

"А в губных старостах у таких дел (у разбойных и убийственных) в городех быть дворяном добрым и прожиточным, которые за старость или за раны от службы отставлены... А в которых городех дворян нет, и в тех городех в губные старосты выбирать из детей боярских, добрых же и прожиточных людей..." (XXI, **4**).

На основании этой статьи можно бы подумать, что дворяне составляют отдельный от детей боярских класс. Но такое предположение ничем не подтверждается. Наоборот, сохранившиеся в Московском архиве Министерства юстиции "десятни" не оставляют ни малейшего сомнения в том, что дворяне и дети боярские в XVII веке до такой степени слились в один разряд, что не представлялось уже никакой надобности, а может быть, даже и возможности различать сына боярского от дворянина. Десятни представляют опись городских дворян и детей боярских, в которой обозначалось имя, отчество и фамилия служилого человека, "каков он будет на государеве службе конен и оружен и люден", какое дано ему государево денежное жалованье и кто по нем в службе и в деньгах порука. Во многих десятнях к этим данным прибавляются еще сведения о поместьях и вотчинах. В этих поименных десятнях, однако, не означает, кто такой служилый человек, дворянин или сын боярский. Например:

"Семен, Александров сын, Бешенцев. Окладчики про него сказали; служит он, Семен, с отцова поместья, а за отцом его, за Александром, поместья в Луцком уезде в даче 753 чети с осьминою, 15 дворов крестьянских и бобыльских нововыходцев, да под Луками Великими вотчинные четвертные его купленные земли деревня, а живет в той деревне человек его и с той земли государев оброк платит ежелет, а пожиточного угодья за ним нет; государеву службу служит он, Семен, со 155 года; на государеве службе бывает на коне; бою у него: сабля да пистоль да человек на меринке с простым конем; бою у человека: сабля да пистоль; на государеву службу на срок приезжает и до отпуску живет; а во 149-м году для государевы службы на Москве за отца своего и на иных службах и на межеваньи был. А на государеве службе в полку будет он, Семен, на коне, бою у него: сабля да коробин, пара пистолей, да человек на меринке с простым конем, бою у человека сабля да пистоль, да в кошу человек с пищалью. Сам он, Семен, сказал против окладчиковы сказки тож, что он будет на государеву службу таков. Дано ему государева жалованья 14 рублей. Порука по нем, в государеве жалованье и что ему быть на государеве службе с приезде и до отпуску со всею полною службою, окладчики: Петр Максимов сын Лукомской, Григорий Гаврилов сын Хомутов, Лаврентий Алексеев сын Непенин, Данило Федоров сын Алексеев. Семен Бешенцов государево жалованье, деньги, взял, а в его место брат его, Максим, руку приложил"*(**126**).

Здесь ни сам Бешенцев, ни четверо поручившихся за него окладчиков не говорят, кто они, дворяне или дети боярские, потому, конечно, что это совершенно безразлично.

При таком смешении детей боярских и дворян возможны и случаи употребления термина "дети боярские" вместо "дворян". Разрядная книга 1616 года предписывает явиться на службу "дворянам и детям боярским":

"А которые дворяне и дети боярские и всякие служилые люди на государеву службы на Тулу на срок, на Вербное Воскресенье, приедут и... тех дворян и детей

боярских и всех людей велети в приезды писати... А которые дворяне и дети боярские на срок не приедут и... по тех нетчиков, по дворян и по детей боярских, тотчас послати... в города высылщиков..."

Но далее в том же наказе читаем:

"А которые дети боярские у смотру не объявятся, и высылщики их не сыщут, и им (воеводам) про тех спрашивать тех городов дворян и детей боярских, где те дети боярские, побиты ли или померли, или хто где в городех живет и хто теми их поместья владеет? (Разр. кн. I, 124 и сл.).

В последнем случае "дети боярские" употреблено вместо "дворян и детей боярских".

В XVIII веке термин "дети боярские" совсем исчезает; термин "дворяне" дожил до наших дней.

По историческому своему происхождению обширный класс дворян XVII века представляется состоящим из очень разнообразных элементов. В него входят все княжеские фамилии, Рюриковичи и Гедиминовичи, потомки древних бояр и детей боярских, дворовые люди, получившие поместья в государевых землях, и даже иноземцы. Разрядная книга 1675 года, перечисляя посланников в Китайское государство, называет:

"Иноземец Николай, Гаврилов сын, Спотарий, да с ним дворяне, иноземцы кормовые: Федор, Павлов сын, Аран, да Костентин, Иванов сын, Христофоров" (Дворц. разр. III, 1246).

Эти дворяне-иноземцы не наделены даже поместьями, а получают для своего содержания из государевых запасов отсыпной корм, почему и названы кормовыми.

Дворянство, состоявшее из таких разнородных элементов, конечно, не могло представлять никакого единства и сплоченности. Это масса до крайней степени разношерстная. Мы затрудняемся указать и один признак, который, будучи общим для всех элементов дворянства, отличал бы этот разряд лиц от других классов населения Московского государства. Этой разграничительной черты нельзя найти ни в обязанностях, ни в правах дворянства.

Дворяне были обязаны нести военную службу и подлежали кнуту, если не исполняли этой обязанности. Но к военной службе призывались и все другие разряды лиц: стрельцы, гости, посадские, крестьяне и дворовые люди и также не могли отказываться от явки, как и дворяне. Гости и посадские несли эту обязанность временно, только в случае опасности, угрожавшей месту их жительства. Но крестьяне и дворовые люди, поступавшие на службу в новые полки: солдатские, рейторские и драгунские, - служили там наравне с мелкопоместными дворянами и на одних с ними основаниях. Стрельцы же так же, как и дворяне, были обязаны постоянной службой и с потомством.

Дворяне имели право владеть вотчинами и поместьями, но такое право принадлежало и дьякам. Из других классов населения право на вотчины признавалось указами за гостями; на деле же вотчины, в смысле наследственной собственности, встречаются у посадских и даже крестьян, но с некоторым различием в повинностях.

Между дворянами и другими классами населения можно указать только одно формальное различие. Дворяне записывались по городам в дворянские списки, посадские же люди и крестьяне в писцовые, переписные и иные книги тяглых государевых людей.

Мы не знаем, когда впервые возник порядок составления дворянских списков. На все служилое население городов едва ли он мог распространиться ранее установления обязательной службы и определения меры этой службы. Можно думать, что составление таких списков стало общим правилом в половине XVI века. Оно может входить в состав тех реформ по устройству службы, которые

приписываются летописцем Ивану Грозному.

Дворянские списки были заведены в интересах правительства, для определения числа лиц, годных в службу, а не в интересах дворянства, как особого класса, а потому и не могли повести ни к объединению его пестрых элементов, ни к обособлению их от других классов. Из практики XVII века мы знаем, что в дворянские списки записывались неслужилых отцов дети, крестьяне и даже холопы.

Заботу о чистоте вновь создаваемого дворянского сословия принимает на себя правительство. В целом ряде указов о разборе дворян и детей боярских оно предписывает, чтобы:

"Холопей боярских, и стрелецких, и козачьих, и не служилых никаких чинов отцов, и детей, и братью, и племянников, и пашенных мужиков отнюдь никого детьми боярскими у верстанья не называли и поместными и денежными оклады их не верстали" (П. С. З. N 744, 745, 1678).

Натуральное различие составных элементов дворянства отразилось в московских памятниках в различии больших дворян, московских и городских.

I. Под городовыми дворянами понимаются, по общему правилу, дворяне, имеющие вотчины и поместья в уездах, кроме Московского и ближайших к Москве мест, и занесенные в служебные списки городов этих уездов. Это самый низший разряд дворян и детей боярских. Они несут военную службу с "городом", т.е. в качестве рядовых воинов, а не начальства. В Разрядной книге 1614 года читаем:

"А которые атаманы и казаки от воровства не отстанут, и на государеву службу, на Тихвину, не пойдут, и уговор их ни которыми делы не имет; - и боярину и воеводам, князю Борису Михайловичу Лыкову, збиратца с города, с дворяны и с детми боярскими, а быть с ними городом: Кострома, Ярославль, Галич, Вологда, Суздаль, Володимир, Лух, Гороховец, Переяславль, Ростов, Муром, Арзамас, Нижний-Новгород, Юрьев-Полской, опричь тех дворян и детей боярских, которым велено быть под Смоленском" (Кн. разр. I, 9).

Такой службе с городом противопоставляется служба "по разряду", т.е. в должностях воевод и в придворных чинах, назначаемых из разряда. Это высшая служба, служба же с городом низшая. Должности из разряда даются людям родословным, с городом же служит всякая мелочь. В местническом споре Дмитрия Погожева с Петром Головиным бояре в 1614 году приговорили:

"Дмитрия Погожева бить батоги в Разряде, и бив батоги, посадить в тюрьму за то, что он на Петра Головина бил челом не по делу. Погожим с Головиными не сошлось нигде, и сказка ему была: не сошлось де и детем Петровым с твоим, Дмитриевым, отцом. У Петра Головина отец был боярин, да и все Головины при государех были в чести: а твой, Дмитров, отец в разрядах не объявлялся ни где, служил по Колуге с городом и люди вы не родословные. И доселева де такие не родословные люди на родословных людей не бивали челом и государя тем не кручинивали" (Двор. разр. I, 139).

В 1615 году бояре обвинили князя Афанасия Гагарина в местническом его споре с Федором Бутурлиным, между прочим, потому, что

"Федоров отец, Левонтей Бутурлин, при царе Иване был честной человек, был в стольниках, а князь Афанасьев отец Гагарина служил с городом: да и ныне род их, Гагарины, многие служат с городом" (Кн. разр. I, 88).

Среди городских дворян источники различают выборных. Под выборными понимают они дворян, назначаемых воеводами в должности сотенных и подъездных голов (Двор. раз. I, 591 и сл.). Такие выборные, обыкновенно, назначаются из лучших дворян. В разрядной книге 1615 года читаем:

"А во всякия посылки воеводам, князю Василью Семеновичу и Ратману, посылати дворян выборных и детей боярских лутчих, чтоб дворяне выборные и дети боярские лутчие во всякие посылки ездили, а даром на службе не жили; а меньшие б

статьи дети боярские болших статей дворян выборных и детей боярских лутчих не остуживали, чтоб перед дворяны и перед детми боярскими лутчими детям боярским молодым на службе посылок лишних однолично не было" (Кн. разр. I, 44).

Приведенное распоряжение исходит из того факта, что, кроме военной службы, которая была непостоянной, а временной, дворяне употреблялись еще в разные посылки, и принимает меры к тому, чтобы в эти посылки в одинаковой мере назначались как младшие (худшие), так лучшие и выборные дворяне. Выборные везде поставлены впереди лучших, а это, согласно понятиям того времени, надо понимать в том смысле, что выборные суть лучшие из лучших.

Эти бытовые различия не могли, однако, связывать московских государей. Они поддерживали их, насколько это им нравилось: но если хотели, то возвышали городских дворян до высших ступеней служебной лестницы, так как все назначения зависели от их усмотрения. Богдан Матвеевич Хитрово, сын не важного городского дворянина, в 7144 году был назначен стряпчим, в 7148 - комнатным стольником у крюка, в 7166 - окольничим и оружничим, а в 7176 - боярином. Еще быстрее поднялся Кирилл Полуэктович Нарышкин, сын городского тарусского дворянина. В 7166 году он сделан стряпчим, а в 7188 был уже боярином.

Следует, однако, указать на то, что такое быстрое возвышение любимцев из городских дворян всегда вызывало неудовольствие, а иногда и целую бурю среди сверстников.

В 1624 году вторым воеводой в большой полк в Тулу был назначен князь Никифор Яковлевич Мещерский (кн. Ширинский-Усейнов пришел из Б. Орды в 1296 г. и сел в Мещерске), который до того времени служил в Новгороде "с городом". Вслед за этим назначением первый воевода, князь Голицын, писал в Москву:

"Которым дворяном выборным велено быть на государеве службе с ним на Туле, и он, по государеву указу, росписал в головы к сотням и к подъездным станицам и списки сотням им дал. И те дворяне приходили к нему в съезжую избу с великим шумом и сотенные и подъездные списки перед ним в съезжей избе пометали. А сказали ему, что им у сотен и у подъездных станиц в головах от него, для товарища его, князя Мещерскаго, быть невозможно".

Через несколько дней, в дополнение к первому донесению, князь Голицын уведомил государя, что трое из назначенных им голов, Борис Колтовской, Афанасий Уваров и Яков Хрущев, для товарища его, князя Никифора Мещерского, "с государевой службы сбежали".

Бежавшие из Тулы дворяне оказались в Москве, куда они явились для поддержания своих претензий. Их там схватили, подержали день или два в тюрьме и выслали обратно в Тулу на государеву службу. Но что их неудовольствие и в Москве не было найдено совершенно неосновательным, это видно из государева указа на первое донесение князя Голицына, в котором читаем:

"А по нашему указу дворяном выборным велено быть всем с тобою с одним" (Двор. разр. I, 586 и сл.).

Недовольные дворяне утешились тем, что они служат с одним Голицыным, а не с товарищем его, Мещерским, до которого им, следовательно, и дела нет. Это потому, что они назначены были Голицыным, а не Мещерским. Что протестовали не все городские, а только выборные, это служит подтверждением выше высказанной мысли о том, что выбирают, обыкновенно, из лучших. Как лучшие, они и вступились за свою честь.

Так как городские дворяне - самый низший разряд дворян, то записка в городские дворяне лиц, служивших по разряду, имеет значение наказания.

В 1675 году стольник, Алексей Дмитриев Колтовской, за бесчестье князя Юрия Петровича Трубецкого приговорен был к уплате 500 рублей бесчестья да его же, Алексея, велено было

"Написать в Киеве по дворянскому списку и служить по Киеву" (Двор, разр. III, 1249).

Ясно, что записка в дворянские списки XVII века совсем не то, что установленная Екатериной Великой записка в дворянские книги. В дворянские списки XVII века записывали не для придания чести и прав, а для определения рода службы. Поэтому звание городского дворянина никому не жаловалось как награда, и никто до этого чина не дослуживался как до высшей чести. Городовые дворяне пополнялись актом рождения. Звание это сообщалось всем законным детям городского дворянина. Но родиться дворянином еще немного значило. У отца-дворянина могло совсем не быть вотчин, а поместий - только на одну душу. Сыновья такого дворянина были очень маленькие люди, им и на службу снарядиться было не с чего.

В 1556 году сын новгородского помещика, Бориска Федоров Кашкаров, подал государю челобитье, в котором говорит:

"За отцом за моим государева жалованья, поместья, девятнадцать обеж, и отец мой с того поместья государевы службы служит сам; а опричь меня, Бориска, у отца моего четыре сына, а мне братья. Сенка да Степанка в государеву службу поспели, а Тимошка да Максимко в государеву службу спеют, а яз, Бориско, и братья мои меньшие к отцу в поместье не припущены и в отвод поместьем не пожалованы; а мне, Бориску, впредь государевы службы служить не с чего" (Д. к А. И. I. N 52, XXXVII).

Сыновья таких мелких помещиков и по смерти отца могли ничего не получить, кроме титула дворянина да права просить государя о наделе поместьем для службы. В челобитье сына новгородского помещика, Васки Михайлова Вольнина, читаем:

"Государева за мной жалованья, поместья, нет нигде. И за отцом моим, за Михаилом, было государева жалованья, старого поместья, тридцать девять обеж. И отца моего не стало, до писцов государевых; а после отца моего осталась жена, а мне мачеха, да дочь, а мне сестра, да нас четыре братья: Семейка да яз, Васка, да Третьячко да Меншик; а писцы государевы, Шелонские пятины, Квашня Свербеев с товарищи, того старого отца нашего поместья тридцать две обжи написали за братом моим за большим, за Семейкою, а сем обеж отца нашего поместья писцы государевы написали за отца нашего женою, а за нашею, за Васкиною с братьею, мачехою, за Анницею с дочерью, а с нашею сестрою, с Марьицею; а яз, Васка, и братья мои, Третьячко и Меншик, к брату своему, к Семейке, в отцово поместье не припущены и в отвод от брата поместьем не пожалованы..." В заключение Васка просит, чтобы государь пожаловал его семью обжами, которые были даны его мачехе и сестре, но теперь за смертью мачехи и выходом замуж сестры освободились (Там же. N II, 1556).

Несмотря на происшедшее слитие детей боярских и дворян, вековое различие этих двух разрядов не совершенно умерло и иногда сказывается в памятниках даже половины XVII века.

В **Уложении** читаем:

"А которые порозжие поместные земли в Московском уезде и в городах вотчинные земли покупали патриарши, митрополичьи, и архиепископ-ли дети боярские себе в вотчину, а те... дети боярские изстари природные дети боярские, и за ними тем землям и впредь по купле быть в вотчине-же. А которые... дворовые люди, не служилых отцов дети и не природные дети боярские, купили себе вотчины, и тех... дворовых людей по тем вотчинам написати в государеву службу с городы; а будет кто из тех... детей боярских государевы службы служить не похочет, и у него купленная его вотчина, взяв, отдати в роздачу, кому государь укажет" (XVII, **37**).

Статья различает природных детей боярских. Это настоящие, старинные дети

боярские. За ними, как это ни странно, сохранились и старинные их права: они могут владеть вотчинами и государю московскому не служить, а служить, кому хотят, в данном случае духовным властям.

Этим природным детям боярским противопоставляются не природные. Это патриаршие и пр. дворовые люди, не служилых отцов дети, а посадских, крестьян, вольноотпущенных, сами вольноотпущенные и пр. Они тоже могут покупать вотчины, но не могут оставаться на службе духовных властей, а должны поступать на государеву службу в городовые дворяне. Дворовые люди епископов, дети крестьян, вольноотпущенные, если только могут купить вотчину, вводятся в состав городского дворянства еще во второй половине XVII века!

II. Высшую ступень составляли московские дворяне. Они занимают место за придворными чинами и всегда впереди городских дворян. В разрядной книге на 1613 год читаем:

"А пев молебны и моля Бога о государеве многолетнем здоровьи, бояре, и окольнічие, и стольники, и дьяки думные, и стряпчие, и приказные люди, и дворяне московские, и жильцы, и из городов дворяне и дети боярские... и всяких чинов люди Московского государства государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу крест целовали" (Двор. разр. I, 16).

То же место дается московским дворянам и в Уложении:

"А будет кто, какого чину нибудь, обесчестить стольников, или стряпчих, или дворян московских, или дьяков, или жильцов, или дворян, или детей боярских городских" (X, 93).

Московские дворяне заносятся в особый "московский список". О них говорят, что они служат "по московскому списку".

Начало этому списку положено Иваном Грозным в 1550 году испомещением в Московском уезде и уездах прилежащих к нему городов, расстоянием от Москвы не далее 70 верст, 1000 человек детей боярских, которые должны быть всегда готовы во всякие посылки.

Вот этот указ:

"Лета 7059 октября в 1 день, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси приговорил с бояры: учинити в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в Числякех, и в Ордынцах, и в Перевесных деревнях, и в Тетеревичех, и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и за 70, помещиков, детей боярских, лутчих слуг, 1000 человек. А которым бояром и окольнічим быти готовым в посылки, а поместей и вотчин в Московском уезде у них не будет, и бояром и окольнічим дати поместья в Московском уезде по 200 четвертей, а детям боярским в первой статье дати поместья по 200 же четьи, а другой статье детям боярским дати поместья по 150 четьи, а третьей статье детям боярским поместья по 100 четьи. А сена им давати по толку ж копен, на колко кому дано четвертныя пашни, оприч крестьянскаго сена. А крестьяном дати сена на выть по тридцати копен. А которой, по грехом, из тоя 1000 вымрет, а сын его к той службе не пригодится, ино в того место прибрать иного. А за которыми бояры и за детми боярскими вотчины в Московском уезде или ином городе, которые близко к Москве, верст за 50 или за 60, и тем поместья не дати" (А. Э. I. N 225).

Причина испомещения - нужды государевой службы, необходимость иметь под руками всегда готовых людей для всяких внезапных посылок.

В то время, когда последовал указ, дети боярские еще не смешивались с дворянами, дети боярские были лучшие слуги, а потому речь идет об испомещении только их, а не дворян.

Но в XVI веке, как и ранее, многие дети боярские служили во дворах московских государей; в противоположность городovým они назывались дворовыми. Во исполнение приведенного указа были помещены не только городовые, но и

дворовые дети боярские, всего 1050 человек; земли им роздано 112 600 четвертей. Эти природные, подмосковные дети боярские, именная роспись которых сохранилась, и составляют первое зерно московского дворянского списка.

Думаем, что этот список должен был потом пополниться фамилиями и тех детей боярских, которые имели свои вотчины в Московском или в ближайших к нему уездах, расстоянием не далее 60-70 верст от Москвы. Они находились в одинаковых условиях с новыми помещиками и, конечно, несли равную с ними службу, а потому, надо думать, и были записаны в общий с ними служебный список. Весьма вероятно, что прежние вотчинники составляли старый московский список, к которому пришлось присоединить новых московских помещиков.

Несмотря на то, что в московский список вошли не одни только дворовые дети боярские, но и городовые, в XVII веке все служащие по московскому списку безразлично называются дворянами. Первоначальное наименование "детей боярских" для них совершенно утратилось в XVII веке.

В чем же преимущество московских дворян перед городовыми? Не в том, что они все природные дети боярские, большинство городских дворян тоже природные дети боярские, между ними очень нередки и княжеские фамилии. Преимущество московских дворян в близости к московскому двору и в службе на глазах государя. Московские дворяне по преимуществу назначаются в стольники, стряпчие и иные придворные чины; они состоят на службе при царицах, участвуют в посольствах, назначаются в приказы и на воеводства, посылаются с разными поручениями по городам и предводительствуют полками. Московские дворяне не высшее сословие в западноевропейском и древнерусском смысле, а ближайшие государевы слуги. В указе 1550 года приказано прибрать в число московских помещиков "лучших слуг". Если это аристократия, то служебная. Для московских дворян - великий интерес постоянно находиться на глазах государя; живя в расстоянии нескольких часов от Москвы, они имеют к этому и легкую возможность.

Так как служба по московскому списку составляет особое служебное преимущество, то городовые дворяне добиваются чести быть занесенными в московский список. Из боярских книг XVII века видно, что государи жалуют московское дворянство городовым дворянам. В книге на 7137 год на с. 308 читаем:

"В нынешнем 137 году государь жалует в московский список..." Затем следуют имена.

На этих вновь пожалованных не всегда, однако, распространялись все преимущества службы московских дворян. Иногда они продолжали нести службу со своим городом, о чем делалась особая отметка в боярской книге. В книге на 7184 год, на с. 176, перед списком дворян сказано:

"По московскому списку написаны из городов, а на государевой службе с своими городами".

Или на 1449 с:

"По московскому списку написаны, а на службе велено быть в полках с теми городами, из которых написаны".

Служба по московскому списку, с таким трудом дававшаяся городовым дворянам, доставалась, однако, значительному числу служилых иноземцев. В боярских книгах не раз встречаем такой список:

"Иноземцы, которые служат с московскими дворяны".

В книге 7176 года таких иноземцев показано 99 человек, в книге 7184 года - 70.

И поместный оклад в Московском уезде не давался вновь назначаемым немедленно по назначении; они могли служить некоторое время по своему прежнему окладу. Петр Апраксин значится уже в московском списке по книге 7135 года; несмотря на это, в книге 7137 года (с. 212) у его фамилии стоит такая помета:

"Петру Апраксину поместной оклад в алатырском списке".

Подобная же отметка есть и при фамилии Тимофея Желябовского, который имел оклад не по московскому дворянскому списку, а по жилецкому (книга 7137 года, с. 307).

Многие, следовательно, из вновь пожалованных первоначально были только по имени московскими дворянами.

По общему правилу, однако, московские дворяне получали поместный оклад в Московском уезде. Царские указы конца XVI века и Уложение определяют и размер этого оклада. Это сравнительно позднейшее определение существенно отличается от первоначального, сделанного Иваном Грозным. Указ Федора Ивановича от 1587 года и Уложение (XVI, 1) не различают среди московских дворян никаких статей, всем без различия они назначают по 100 четвертей (Хрест. Влад.-Будан. III, 205).

Возникает вопрос, дети московских дворян наследуют звание своих отцов или возводятся в звание московских дворян в силу особого пожалования?

Прямых определений по этому вопросу мы не встречаем. Единственное косвенное указание находится в вышеприведенном указе Ивана Грозного. Из этого указа следует, что не все дети московского дворянина становились на место отца по его смерти, а только один, и то при условии годности к той службе, какую нес отец. Надо думать, что годный к службе отца сын утверждался правительством в поместье своего отца. Иначе сказать, он "прибирался" в эту должность или жаловался в список московского дворянства, а не наследовал преимущества своего отца. Если он не годился, на его место прибирали другого, т.е. жаловали в московский список или городского дворянина, или кого-либо из сыновей других московских дворян, годных к службе. Но так было, надо думать, только вначале. С течением же времени это должно было измениться. Право наследования в поместьях у нас мало-помалу сближается с правом наследования в вотчинах. С успехами этого сближения сыновья помещика, по всей вероятности, стали по общему правилу, а не по "прибору", наследовать своему отцу и заноситься в московские списки.

Мы сказали, что дворяне московские жалуются в придворные должности стольников, стряпчих и иные. Случалось, однако, что пожалованный в должность стольника выбывал потом из этой должности, без назначения в иную высшую. Такие выбывающие из специальных придворных должностей снова заносились в список московских дворян. Таким образом, в лице каждого человека, облеченного придворным чином, со стряпчего начиная, скрывался московский дворянин.

В 1627 году, в праздник Вербного Воскресенья, у государя обедали два боярина, один сокольничий, два думных дьяка и 18 дворян. Перед перечислением имен и фамилий девяти первых дворян сказано:

"Были наперед того в стольниках" (Двор. разр. I, 905).

Эти бывшие стольники названы дворянами, из боярских же книг XVII века видно, что они все состоят в списке московских дворян*(127).

Таким возвращением в прежнее звание и надо объяснять то обстоятельство, что в печатном алфавите к боярским книгам у некоторых фамилий сперва означено звание стряпчего или стольника, а потом - московского дворянина. Это вовсе не значит, что стряпчий или стольник получил вновь звание московского дворянина, он только возвратился в это звание, будучи выписан из специальной придворной должности.

По какой причине делалось такое возвращение в прежнее звание, этого мы не знаем; но можно утверждать, что оно делалось не в наказание. Это видно из того, что на обеде 1627 года сперва названы девять фамилий бывших стольников, т.е. исключенных, а за ними уже девять фамилий московских дворян, которые в стольниках не были*(128). Если исключенным дали первое место, то, конечно, потому, что они прежде были придворными, а теперь не находятся в опале или немилости.

III. Иногда в разрядных книгах дворянам придается эпитет "большие". Эпитет "большие" означает "лучшие" и применяется или ко всем московским дворянам, которые в полном своем составе лучше городских, или к лучшим из московских.

В первом смысле эпитет этот несколько раз употреблен в разрядной книге 1613 года. "Дворяне большие" занимают там место после стряпчих и выше приказных людей, жильцов и дворян городских; о московских же дворянах не упоминается. Большими дворянами, следовательно, здесь названы московские. В тех же местах того же разряда, где упоминаются дворяне московские, наоборот, не говорится уже о больших (Двор. разр. I. С. 14, 16, 18).

Во втором смысле эпитет этот употреблен в разрядной книге 1625 года. Марта 25, во время приема Кизылбашских послов, государь был окружен следующим образом:

"А в палате при государе, с левые стороны от государя, сидели бояре, и окольные, и думные люди в золоте. А дворяне большие и стольники сидели против государя в золотех. А рынды были, по правой стороне, столники... (двое кн. Татевых и двое кн. Волконских). А в сенех сидели дворяне ж московские, и дьяки, и гости в золоте" (Двор. разр. I, 671).

Из того, что в сенях сидели тоже дворяне московские, следует, что рынды и большие дворяне суть тоже московские, но лучших фамилий, и, по всей вероятности, бывшие уже стольниками, а потому и поставленные выше настоящих стольников.

Кроме помянутых видов дворян, источники XVII века говорят еще о "дворовых дворянах". Этот вид дворян постоянно встречается в десятнях XVI и XVII веков наряду с дворянами городскими и выбором. Дворовые дворяне также владеют поместьями, получают государево денежное жалованье, службу служат на коне, имеют саблю, карабин, пистоль. Но что это за вид и чем они отличаются от городских и выборных, об этом будет сказано в книге о войске.

VIII. Оружничие

Как наименование казначея произошло от "казны", так наименование оружничего от "казенной оружничей палаты", содержавшей царскую оружейную казну, и состоявшей в заведовании оружничего. Такие оружничьи палаты существовали, конечно, с самых древних времен, так как и самые древние князья имели свое войско, которое вооружали на свой собственный счет. Несмотря на это, "казенная оружничья палата", если не ошибаемся, впервые упоминается Котошихиным, а об оружничих наши сведения не восходят далее начала XVI века.

Оружейная казна, как и всякая иная, входя в состав княжеского двора, первоначально ведалась, надо полагать, тиунами и ключниками. В летописных рассказах, относящихся к началу XIII века, мы встречаем княжеских меченосцев. Можно думать, что в лице этих меченосцев и обособилась впервые должность хранителей княжеской оружейной казны. Меченоши не только носят княжеское оружие, но и хранят его. Делаем это предположение на том основании, что, по свидетельству памятников начала XIII века, меченоши - люди довольно высокого положения.

"Великий князь Всеволод, - читаем в Лаврентьевской летописи, - посла с полком Кузму Ратьшича, меченошу своего, и взя Тепру и возвратися со многим полоном в Володимир" (1210).

Этот древнейший известный нам меченосец называется по имени и по отчеству с окончанием на "вич"; ему поручается главное начальство над полком князя в самостоятельной военной экспедиции. Он пользуется, значит, особым

доверием своего государя. Можно думать, что деятельность такого меченоши далеко уже вышла за пределы того понятия, которое выражается в его наименовании. Весьма вероятно, что меченоши XIII века княжеского меча уже и не носили, предоставляя это более мелким чинам, а хранили княжескую оружейную казну и начальствовали над войском.

Другое известие о меченошах XIII века находим под 1225 годом:

"Той же зимы повоеваша литва около града Торжку, бяше бо их 7000, и гость биша и Торопецкую волость взяша всю. Князь же Ярослав и Володимир с новоторжцы, новгородцев мало, торопчане же поидоша по них и сугнаша их на Въсвяте, полон весь отьяша, а самех избиша 2000 муж, ту же убиша литва торопецкаго князя, Давыда, и Василья, меченошу Ярославля" (Новгор. IV).

Из убитых поименно названы только князь да меченоша.

В таком же почетном положении являются и оружничие позднейших московских памятников. Они встречаются в должности послов (П. С. Л. VIII, 260, 1516).

На высокое положение московских оружничих указывает и то обстоятельство, что оружничество соединяется с окольниковством и боярством. Оружничий, получивший звание окольного или боярина, продолжает быть оружничим. В это звание назначаются люди родовитые. Из восьми известных нам оружничих*(129) четверо - князья, остальные принадлежат к фамилиям, бывшим в окольных и боярах. Четверо из восьми достигли боярства и остались оружничими.

В XVII веке ведомство оружничего расширилось. Он управляет Оружейным приказом, в состав которого вошла и старая "казенная оружничья палата". Но Оружейный приказ не хранит только оружие, как оружейная палата; он озабочен изготовлением его и закупкой. Необходимые для этого средства получают из приказа Новая Четверть, во главе которого стоит тот же оружничий*(130). В Оружейном приказе при оружничем сидит один дьяк, в Новой Четверти - два.

IX. Постельничие

Первое появление постельничих Шереметевская боярская книга относит к 1495 году, к княжению Ивана Васильевича, при котором появились казначеи, ясельничие, конюшие бояре и, по всей вероятности, крайчие*(131). Лица, ведавшие постель князя, существовали с древнейших времен, хотя, может быть, и не под именем постельников; а сперва под более общим наименованием отроков. Известие Шереметевской книги надо понимать в том смысле, что при Иване Васильевиче постельничие получили определенное место на лестнице придворных чинов, и ведомство их было регулировано более точным образом, чем это могло быть прежде. Они ведают не только постель государя, но и всю его "постельную казну", в которой находились иконы, кресты, посуда золотая и серебряная, платье и иная рухлядь (Рум. Собр. I. N 144, 1504). В духовной грамоте начала XVI века читаем:

"А што моего платья, а то платье у моего постельничово, у Ондreja, у Иванова сына, Белкина да у Федора, у Васильева сына, Кокошкина у Матова". Далее идет перечисление платья, обуви, перстней (Рум. Собр. I, N 147).

Заведуя "постельной казной", в которой хранилось белье и платье государя, они заведовали и самым шитьем платья и белья; в их ведомстве состояли мастера этого дела и Мастерская палата, в которой производились работы. В разрядной книге на 1675 год читаем:

"Того ж году указал великий государь быть в Мастерской вместо постельничаго, Федора Алексеевича Полтева, столнику и ближнему человеку у крюка, Петру Савельевичу Хитрово, да с ним же оставлен стряпчей, Борис

Лаврентьев сын Аргамаков, да с ними же оставлен дьяк Мастерские палаты великого государя, Федор Петров сын Казанец" (Двор. разр. III, 1545).

Из приведенного места видно, что Мастерская палата тоже коллегия, но место председателя может быть предоставлено в ней и не постельничему.

Постельничий, ведая постель, белье, платье, перстни и другие украшения государя, был ближайшим к нему слугой. Он спал с ним в одной комнате, ходил с ним в баню (Котош. 10, 23), сопровождал его в торжественных выходах, наблюдая за тем, чтобы стул, скамеечка под ноги и другие необходимые государю вещи были под руками и к услугам царя. Марта 13-го 1675 года государь был у обедни в церкви Рождества Пречистыя Богородицы, с ним были бояре, окольниковые, думные дворяне и ближние люди.

"А с стряпнёю был постельничий, Федор Алексеевич Полтев, а с ним стряпчие с стряпнёю, с полотенцом, и со стулом и с подножием" (Двор. разр. III, 1279).

Если сам постельничий не мог следовать за государем со стряпней, то назначался иной чин, но с оговоркой, что он идет "со стряпнёю вместо постельничаго" (Двор. разр. III, 1312).

В распоряжении постельничего состояли стряпчие, которые ходили со стряпней, и спальники, которые дежурили в комнате царя, одевали, раздевали и разували его (Котош. II, 5).

Должность постельничего исключительно частного, домашнего характера. Находясь и днем и ночью около государя, постельничие могли вкрадываться в его доверие и даже оказывать на него влияние; тем не менее родовитые люди никогда не принимали на себя этой должности. В постельничие назначались люди четвертостепенные, которые в окольниковых не бывали*(132), а бывали в казначеях и постельничих. Некоторые из них, начав с этих мелких должностей, дошли потом и до высших. Из шестнадцати фамилий, члены которых были постельничими в первые 150 лет существования этой должности (по 1645 год), возвысились только две фамилии, Волынских да Годуновых. С 1562 по 1569 год Волынские дали одного постельничего, одного казначея да трех окольниковых. Все остальные четырнадцать фамилий далее постельничего не пошли. Только после 1645 года для постельничих открывается более свободное движение к высшим чинам. И.М. Аничков и г. И. Ртищев дошли до думных дворян; М.А. Ртищев был возведен в звание окольникового, а И.М. Языков достиг окольниковства и боярства.

Должность постельничего не соединяется ни с какой высшей придворной. Но постельничие, как и другие чины, даже стоящие ниже их, назначаются иногда ратными воеводами. Так, в 1554 году постельничий И.М. Вешняков был первым воеводой в передовом полку (Р. ист. сбор. II, 118).

На лестнице чинов постельничие занимают место за оруженными. Так, по крайней мере, в Шереметевском своде и в некоторых из боярских книг Московск. архива Мин. юстиции*(133).

Х. Стряпчие с ключом

Стряпчий с ключом есть первый человек среди стряпчих. Многолюдный же чин стряпчих получил свое наименование от глагола стряпать, т.е. делать, работать, откуда "стряпня" и "стряпчий". В старину говорилось: "стряпать послам" в смысле служить послам (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 623). И теперь говорят: "состряпать свадьбу" в смысле сладить, устроить свадьбу. То, что делается в Мастерской палате, есть "стряпня". "Государь указал ведать стряпню в Мастерской палате..." (Двор. разр. III, 1611). Отсюда выражение "идти за государем со стряпней", т.е. с его шапкой, полотенцем, платком и пр., что составляет "стряпню Мастерской палаты".

Древний тип стряпчего всего лучше сохранился в Конюшенном дворе, в лице стряпчих-конюхов, о которых Котошихин говорит:

"Чин их таков: на Москве, на конюшне, и в походах чистят, и кормят, и поят, и устраивают лошадей, и лошади под царя седлают, и кореты и сани наряжают", т.е. моют, чистят и запрягают (VI, 6).

Это и есть стряпня. Стряпали и в Мастерской палате, т.е. шили; стряпали в Кормовом и Хлебном дворе. Можно думать, что деловые люди хозяйственных царских дворов, портные, квасники, пивовары, повара, пирожники, хлебники тоже назывались первоначально стряпчими, ибо и они стряпали. Слово "стряпня" и до наших дней сохранилось в смысле поваренного дела. Но в памятниках XVII века, из которых мы только и узнаем о стряпчих, они уже так не называются. Котошихин говорит о "поварах-мастерах" и "полумастерах" и о "пирожных мастерах" (63, 65). В этих терминах надо, кажется, видеть указание на немецкое влияние в нашем поваренном искусстве XVII века.

Мы встречаем стряпчих и на других хозяйственных дворах, кроме Конюшего, но в несколько высшей должности сравнительно со стряпчими-конюхами. Стряпчие Сытенного двора не готовят питей, но состоят при погребах и отпускают напитки по росписи. С этой целью у них на хранении находится необходимая посуда: серебряная, оловянная, медная и деревянная. По ночам они спят на Сытенном дворе по очереди для его охранения. Точно так же и стряпчие Кормового и Хлебного дворов не стряпают уже на кухне, где их заменили повара, пирожники, хлебники и калачники, а выдают кушанья, пироги и хлебы, по чину кому что надлежит, по особой росписи (Котош. 61 и сл.).

Термин "стряпчие" встречается только в московских памятниках. В более отдаленное время должность их исполнялась отроками, а потом дворовыми людьми.

Как ни скудны наши сведения об истории стряпчих, но мы, на основании приведенных уже указаний, можем, кажется, сделать заключение, что в положении стряпчих совершился своего рода подъем. Большинство стряпчих хозяйственных дворов перестало уже быть рабочими людьми. К рабочим дворовым людям, после конюхов, всего ближе подходят стряпчие разных других хозяйственных дворов, о которых только что было сказано. Но и там есть чины ниже их, которые заняты рабочим делом. На Сытенном дворе ниже стряпчих стоят винокуры, пивовары, бочкари и сытники, которые во время царских походов носят сосуды с питьем, но не подают питье царю; на Кормовом - ниже стряпчих: повара-мастера и полумастера; на Хлебном - хлебники, калачники и пирожные мастера; даже на Конюшенном дворе стряпчие не последний чин, ниже их стадные конюхи.

Но числом этих дворовых стряпчих вовсе не исчерпывается общее количество стряпчих, бывших при московском дворе. На Сытенном дворе Котошихин полагает 40 человек стряпчих; на Хлебном - 2-х, на Конюшенном - 200; число стряпчих на Кормовом дворе он не определяет, полагаем их тоже в 40 человек, как и на Сытенном. Всего получится 282 стряпчих, а в боярских книгах находим, помимо этих "деловых" стряпчих, еще сотни их. В книге на 1668 год их более 500, а в книге на 1676 год число их простирается до 640 человек. Сам Котошихин число стряпчих, о которых говорит в главе "о царских чиновных людях", полагает в 800 человек, кроме тех, которые сидели в разных хозяйственных дворах.

Какие же это стряпчие? Это придворные люди, носившие звание стряпчего без назначения к какой-либо определенной стряпне; они состоят при особе государя для всяких услуг ему.

Назначаются эти стряпчие к самым разнообразным службам и в самые разнообразные посылки, за исключением более крупных назначений на должности воевод и послов. По свидетельству Котошихина, их не делают воеводами и не посылают послами; но они могут входить в состав посольств в качестве

второстепенных чинов.

Стряпчие эти назначаются по именной росписи к разным службам при особе государя. При его выходе в церковь они несут за ним стул, скамеечку под ноги, платок; во время церковной службы они держат государеву шапку. Когда государь принимает личное участие в военных походах, стряпчие везут его панцирь, меч (Котошихин, 21). Во время зимних поездок государя по окрестностям Москвы они назначаются в "ухабничие" для поддерживания возка на ухабах. 20 января 1620 года, когда государь "ездил тешиться на лоси в Черкизово",

"На ухабе стоял (вар. ухабничей) стряпчей Замятия, Федоров сын, Лешовъев" (Двор. разр. I, 435).

В 1674 году декабря 8-го, когда государь с государыней и детьми из села Преображенского "ходил тешиться в село Алексеевское",

"На ухабе стояли стряпчие Илья, Михайлов сын, Дмитриев да Федор, Иванов сын, Собакин" (Двор. разр. III, ИЗО).

Во время праздничных обедов у государя стряпчие чашничали и блюда ставили перед боярами, окольными и ближними людьми (Двор. разр. III, 1001).

Служба при государе не могла занять сотни стряпчих, а потому их посылали с воеводами по полкам в качестве военных людей (Кн. разр. С. II, 787 и след.).

Котошихин говорит, что стряпчие не все находились в Москве налицо, на случай какого-либо назначения, а только половина их. Другая половина отпускала в деревни. Каждые шесть месяцев они менялись (21).

Согласно боярским книгам, разрядам и Котошихину стряпчие занимают место после стольников, о которых речь будет ниже.

Несмотря на весьма невысокое положение стряпчих при московском дворе, в чин этот в XVII веке назначались даже люди из перворазрядных фамилий. В стряпчих бывали: кн. Голицыны, кн. Пронские, кн. Репнины, кн. Ростовские-Буйносовы, кн. Урусовы, кн. Хованские, Шереметевы. Даже те из членов этих фамилий, которые достигали боярства, в молодости бывали стряпчими. Боярин кн. П.А. Репнин из дворян московских прежде всего был возведен в звание стряпчего. Точно так же были стряпчими дворяне московские, В. и Б.П. Шереметевы, возведенные потом в звание боярина.

Члены родовитых фамилий бывали стряпчими в смысле низшего придворного звания, а не в смысле определенной должности при одном из хозяйственных дворов. В стряпчие-конюхи люди родовитые не назначались. Ввиду такого разнообразного личного состава чина стряпчих честь их, по всей вероятности, не была одинакова. Место за стольниками принадлежало только стряпчим в смысле придворного звания, а не определенной должности в хозяйственных дворах.

Это положение подтверждается текстом Уложения. В **статье**, определяющей размер поместного оклада в Московском уезде, читаем:

"За стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки... по сту четвертей за человеком".

"За дворовыми людьми, за стряпчими, и за сытниками с поместных их окладов со ста четвертей по десяти четвертей" (XVI, I).

Здесь различены два вида стряпчих. Одни идут за стольниками, это придворное звание; другие идут за дворовыми людьми, это рабочие стряпчие хозяйственных дворов. Все они люди честные и имеют поместья; но честь последних ниже чести первых.

Люди родовитые только временно занимали должность стряпчего, может быть, в ранней молодости, а потом возвращались в прежнее состояние. Б. и В.П. Шереметевы в книгах на 7135 и 7137 годы написаны дворянами московскими, в книге на 7144 - стряпчими, а в книге на 7148 - опять дворянами московскими.

Шереметевская сводная книга о стряпчих вовсе не говорит. Она знает только

стряпчего с ключом и перечисляет лиц, занимавших эту должность с 1646 года.

Стряпчий с ключом есть помощник постельничего, он ведает под ним Мастерскую палату и постельную казну; у него ключ от казны, отсюда, конечно, и наименование "стряпчий с ключом". Он - порождение все осложняющейся придворной жизни. В разрядной книге на 1675 год под месяцем августом находим такой указ:

"Указал великий государь быть за собой, великим государем, поочередно и помесечно, и в походех жить, и на Москве ведать стряпню в Мастерской палате: постельничему, Федору Алексеевичу Полтеву, да стряпчому с ключем, Ивану Кузмичу Кузмину, да столнику и ближнему человеку, Ивану, Демидову сыну, Голохвостову, да столнику и ближнему человеку у крюка, Петру, Савельеву сыну, Хитрово, да с ними дьякам Мастерские ж великаго государя палаты: Ивану Чаплыгину да Федору Казанцу. А за ним, великим государем, велено ходить в походе поочередно" (Двор. разр. III, 1611).

Потребности двора так разрослись, что сделалось необходимым усилить первоначальный состав Мастерской палаты. Первое учреждение должности стряпчего с ключом Шереметевская сводная книга относит к 1646 году.

Стряпчие с ключом занимают место после постельничего. Трое из пяти занимавших эту должность с 1646 по 1677 год повышены были в постельничие*(134).

XI. Ловчие и сокольничие

Эти два чина принадлежат к древнейшему составу двора. Владимир Мономах в своем поучении детям упоминает уже о ловчем, соколином и ястребином наряде (Лавр. 1096). С самых древних времен охота на зверя и птицу составляла любимейшее развлечение князей, и у каждого из них был свой штат охотников. Хотя забава охотой составляла чисто частное дело князей, а не государственное, но, по смешению в древнее время элементов частного и государственного, княжеские охотники являются не только приспешниками княжеских забав, а и властью. Князьям не только принадлежали в собственность озера и реки, богатые рыбой, и места, в которых водился пушной зверь (бобровые гоны), но они ловили рыбу и зверя в пределах всего своего княжения, где только им было угодно*(135). Для этого лова при дворе их состояли разные ловчие: охотники, псары, бобровники, сокольники, подлазчики, рыболовы, подледчики, неводники. На обязанности их лежало содержать в исправности необходимую для ловли снасть, собак, соколов и производить самую ловлю. Для этой последней цели, где бы охота ни происходила, в княжеских водах и лесах или в чужих, они имели право въезжать в деревни местных жителей, останавливаться в их дворах, кормиться на их счет и кормить своих лошадей, собак и соколов, и, наконец, требовать личного участия жителей деревни в производимой ими охоте. Местные жители были обязаны давать им корм, дворы для постоя, подводы, проводников, сторожей, забивать на реках езы и выходить на ловлю медведей, лосей, лисиц, бобров и пр.*(136)

В рассказе летописца, относящемся к концу XIII века, находим указание, что в пользу ловчих устанавливался иногда особый сбор. В 1289 году великий князь володимирский, Мстислав Данилович, определил брать "ловчье" с берестьян за их измену. Вот рассказ об этом летописца:

"И приеха (Мстислав) в Берестий. И рече бояром своим: "есть ли ловчий zde?" (вар. ловци). Они же рекоша: "нетуть, господине, из века". Мстислав же рече: "аз пак уставливаю на не ловчье (вар. ловци) за их коромолу... и повеле писцю своему писати грамоту. "Се аз, князь Мьстислав, сын королев, внук Романов, уставляю ловчье на берестьяны и в век за их коромолу: со ста по две лукне меду, а по две

овце, а по пятнадцать десятков в луку, а по сту хлебов, а по пяти цебров (zober) овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 куров, а по толку со всякого ста. А на горожанах по 4 гривны кун. А хто мое слово порушить, а станет со мною перед Богом" (Ипат. 225).

Вопрос князя "есть ли в Берстии ловчий (ловци)?" надо понимать так: имеют ли мои ловчие право въезда в Берестье для сбора своей дани? Из этого вопроса видно, что в XIII веке были уже места, привилегированные от даней и въезда княжеских чиновников. Берестье пользовалось такой привилегией. За коромолу оно ее лишается. Из подробного определения в грамоте размера дани можно, кажется, заключить, что она не везде была одинакова.

И в памятниках позднейшего времени находим указания на существование особого сбора в пользу ловчих. Московские князья называют некоторые пошлины не своими, а пошлинами своих рыбников, подледчиков, бобровников и пр. ***(137)** Можно думать, что эти охотничьи пошлины вводились в замену натуральной повинности помогать княжеским ловцам во время охоты.

По мере присоединения к Москве соседних княжений в распоряжении московских государей оказалось охотников более чем было нужно. Московские государи не затруднились найти этим лишним людям иное употребление. Они освободили их от падавшей на них натуральной повинности и, взамен того, обложили единообразным денежным взносом. От вел. князя Василия Ивановича сохранилась грамота галицким рыболовам, которой он жалует им Галицкое озеро, где они до того времени ловили рыбу на дворец, и обязывает их вносить в его казну за летнюю рыбную ловлю 12 рублей с половиной. Со дня выдачи этой жалованной грамоты галицкие рыболовы перестали уже быть рыболовами в древнем служебном смысле этого слова. Потребности же двора в рыбе удовлетворялись переяславскими рыболовами, на которых по-прежнему лежала натуральная повинность в государеву поварню (А. Э. I. N 142, 143). А в конце XVI в. некоторая часть переяславских рыболовов состоит уже на денежном оброке (А. Э. I. N 341).

Особенно любопытна грамота того же князя переяславским сокольникам. В 1507 г. в городе Переяславле состояло 20 человек сокольников, и в том числе четыре вдовы. Некоторые из сокольников-мужчин занимались сапожным и седельным мастерством, а одна из вдов пекла хлеб на продажу. И вот этим-то 20 человекам вел. князь дает жалованную грамоту, которой освобождает их от суда и ведомства переяславского наместника, от всяких повинностей в его пользу и в пользу разных ездовых, и ото всех иных повинностей, за исключением яма, городского дела и посошной службы. Судятся эти сокольники перед самим вел. князем (или его сокольником) и платят ему "за соколы оброком полтора рубля в год" (А. Э. I. N 147). В этой грамоте ясно отразилось и прежнее привилегированное положение сокольников, и новое, состоящее в том, что, как сокольники, они более не нужны князю. Несмотря на полную их ненужность, они не сливаются, однако, с остальным населением, а продолжают составлять особую группу, которая находится в непосредственном ведении самого князя, как и все его дворовые люди. Так робко вводятся новые порядки. Нельзя даже сказать, что они отменяют старые: они сливаются с ними. В результате получается учреждение, которое может быть объяснено только с исторической точки зрения. Грамота дана сокольникам, которые, по всей вероятности, давно уже перестали быть сокольниками и живут разными иными промыслами. Замена поставки соколов в натуре денежным оброком уничтожает последний признак, по которому еще можно распознать сокольников. Тем не менее они продолжают состоять в ведомстве двора, хотя к этому нет более ни малейшей разумной причины.

Во главе учреждений охоты стояли ловчие и сокольничие.

В боярских книгах ловчие появляются с 1509, а сокольничие с 1550 года. Сводная книга и здесь очень отстает от действительности. В московском посольстве,

отправленном в Литву в 1503 году, принимал уже участие сокольничий, М.С. Еропкин-Кляпик. Что это был не простой сокольник, а начальный человек, это видно из того, что имя его написано с "вичем" и что во время переговоров ему также предоставлено было право слова, как и другим послам (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 413).

Со времени появления сокольничих должность эта несколько раз соединялась в одном лице с должностью ловчего. В сокольничие и ловчие назначались люди неименитые*(138). Но некоторые из них, начав службу с ловчих, затем возвысились до думных дворян, окольников и даже бояр. Таковы Нагие и Пушкины, достигшие боярства, и Проестевы, достигшие окольничества. Обратная роль выпала на долю рода Заболоцких. В XV веке они выставили древнейшего боярина-дворецкого; в XVI-м встречаются в боярах и окольниках; в XVII-м не идут выше ловчего.

Должность ловчего соединялась с некоторыми из ближайших высших и даже низших. Так, А.И. Матюшкин был стольником и ловчим, был ловчим и ясельничим и остался ловчим, получив звание дворянина в думе.

В половине XVII века существовало два разных ведомства охоты. По свидетельству Котошихина, царская летняя и зимняя потеха на зверя состояла в ведомстве Конюшенного приказа. Для ловли тенетами и собаками лосей, оленей, лисиц, зайцев и пр. в его распоряжении состояло до ста ловцов и псарей (69). Летняя потеха соколиная состояла в ведомстве Приказа тайных дел. В потешном соколином дворе под Москвой он насчитывает сто человек сокольников да по городам были учреждены кречетники для ловли и ученья птиц; их было больше ста человек. Число потешных царских птиц превышало три тысячи (70).

Гавр. Гр. Пушкин был последним сокольничим. С 1606 года не встречаем более назначения в эту должность. Ведомство соколиной охоты распределялось между рядовыми сокольниками, начальными и подсокольничим. Алексей Михайлович, великий любитель соколиной потехи, сочинил торжественный обряд возведения рядовых сокольников в начальные. Он занимает большую половину написанного при нем "Урядника, или Нового уложения и устройства чина сокольнича пути", снабженного собственноручными заметками царя. Конец "Урядника" содержит роспись государевым охотникам, кому которых птиц приказано держать. Сто один кречет и сокол московского потешного двора были розданы на руки 49 рядовым сокольникам, делившимся на пять статей. Эти статьи носили наименование по первому рядовому сокольнику, например: первая Парфентьева статья, вторая Михеева и пр. (П. С. З. N 440, 1668).

Все эти рядовые сокольники, ястребники, кречетники и иные охотники, например, конные псари и пр., награждались поместьями и имели вотчины и своих крестьян (А. Э. II. N 20, 1601; Котош. 70). Но на служебной лестнице московских чинов они занимали такое невысокое место, что о них не упоминают ни Шереметевский сводный список, ни боярские книги. Определенное место имели только начальные люди, ловчие и сокольничие.

XII. Печатник

В древности княжеские грамоты и указы князьями не подписывались, а скреплялись приложением печати, которая привешивалась к документу на шнурке. Поэтому печатники, хранившие и привешивавшие к документам княжеские печати, должны принадлежать к древнейшим чинам княжеского двора. Летописи сохранили указание на них от первой половины XIII века. У галицкого князя, Даниила Романовича, был печатник Кирилл. Он пользовался большим доверием своего государя и в 1241 году послан был в Бакоту "исписати грабительства нечестивых

бояр и утешити землю..." Это был человек грамотный, но невысокородный, а потому называется только по имени, без отчества. В том же году он был отправлен ратным воеводой в землю Болоховскую (Кар. IV, пр. 20). Этот старейший печатник, нам известный, также хорошо, значит, владел мечом, как и пером.

У смоленского князя, Федора, был печатник, Моисей, тоже из людей неименитых; нам известна грамота этого князя от 1284 года, которую он печатал (Рум. Собр. II. N 3).

При московских князьях печатники сохраняют тот же характер: это люди грамотные, но не родовитые. Дмитрий Иванович сделал своим печатником попа Митяя (Никонов, лет.). У великого князя Ивана Васильевича печатником был грек, Юрий Дмитриев (Рум. Собр. I. С. 399). У внука его, Ивана Васильевича, в должности печатника встречаем дьяка, Ив. Мих. Висковатова, фамилия совершенно неизвестная Шереметевскому списку.

В XVII веке в качестве печатников исключительно являются дьяки.

Шереметевская сводная книга очень запаздывает с печатниками. Она приводит единственного ей известного печатника под 1667 годом; это думный дьяк и печатник Алмаз Иванов (f в 1669). Печатники как люди не родовитые, по всей вероятности, мало интересовали составителя свода. Котошихин много говорит о печатях, но совсем не знает печатников. Это потому, что в его время должность печатника слилась с должностью думного дьяка, ведавшего Посольский и Печатный приказы*(139). На руках этого дьяка было три печати: большая государственная, которой печатались грамоты к иностранным государям (за исключением крымского хана и ханов калмыцких) и грамоты в Малороссию; 2) малая государственная, которой печатались грамоты к крымским и калмыцким ханам и внутренние грамоты на пожалование вотчин, поместий и гостинным именем; 3) печать, которая прикладывалась ко всем внутренним правительственным грамотам: "а бывает та печать у думного дьяка беспрестанно повешена на ворота" (Котош. С. 72, 30, 92, 93).

Кроме этих трех печатей, у московских государей в XVII веке была еще четвертая "для скорых и тайных царских дел". Она хранилась у государева постельничего (Котош. II, 13).

Место печатника на служебной лестнице XVII века определяется его думным дьячеством. Думный дьяк и печатник пишется после всех рассмотренных чинов (за исключением стряпчих), но впереди других думных дьяков.

Можно думать, что то же место принадлежало и печатникам - думным дьякам XVI века. Печатник и доверенный дьяк Ивана Грозного, Ив. Мих. Висковатов, в соборной грамоте 1566 года написан после казначеев и впереди других думных дьяков. Промежуточные чины, занимающие место между казначеями и печатниками, в соборном приговоре 1566 года не участвовали.

XIII. Стольники

Первоначальное назначение стольников служить за столом государя, подавать ему блюда и наливать напитки в чаши, отсюда и другое им наименование - чашники. Это, следовательно, один из многочисленных видов специализации домашних слуг, отроков, а позднее дворовых людей.

Стольники встречаются уже в летописных известиях, относящихся к началу XIII века. Древнейшее из них упоминает под 1228 годом стольника новгородского владыки. Уже в это отдаленное время деятельность стольников не ограничивается той служебной ролью, на которую указывает их наименование. Стольник киевского князя, Владимира Рюриковича, принимает в 1230 году участие в посольстве к князю Юрию вместе с митрополитом всея Руси Кириллом, епископом Порфирием и

игуменом киевского монастыря Святого Спаса. Галицкий князь Даниил ведет в 1241 году переговоры с галицкими боярами через посредство стольника своего, Иакова (Карам. III, пр. 324 и 333; IV, пр. 20). Чашники князя рязанского входят вместе с боярами в состав думы своего князя уже в XV веке (место привед. на с. 350).

Из всего этого ясно, что задолго еще до московского времени существовали уже стольники и играли довольно видную роль в придворном штате своих государей.

С этим двояким значением - застольных слуг и весьма почетного придворного звания находим стольников и при московском дворе.

За столом московских государей стольники служат только в торжественных случаях, в праздники и при приеме послов. Возлагаемые на них при этом обязанности были весьма разнообразны. Они состояли в приглашении почетных гостей к столу. На языке того времени эта обязанность обозначалась термином: в столы сказывать.

"В столы сказывали столники: в большой стол князь Иван Иванович Меншой Одоевской да князь Матвей Васильевич Прозоровской; в кривой стол князь Семен Васильевич Прозоровской да Юрий Игнатьевич Татищев... Звал посла за стол столник князь Григорий Васильевич Тюфякин" (Двор. разр. I, 283, 1617. См.: Сб. Им. р. ист. общ. XXXVIII. 83).

Во время стола стольники "есть и пить отпускают", наблюдают за общим порядком стола и служат, наливая напитки и подавая блюда.

Мы уже знаем, что в торжественные царские обеды за особым поставцом сидел дворецкий и "к великому государю отпускал есть".

Для приглашенных к государеву столу гостей ту же роль играл стольник, для которого устраивался особый поставец. 16 февраля 1664 года на обеде, данном английскому послу Чарльсу Говарду:

"За поставцом сидел и бояром и послом есть отпускал столник Василей, Григорьев сын, Нечаев".

Для наряджения и отпуска вин назначался особый стольник. На том же обеде:

"Вина наряджал столник князь Юрья, княж Михайлов сын, Одоевский".

Для наблюдения за общим порядком у государева стола стоял крайний и стольник, у столов же гостей по стольнику. О них говорилось, что они смотрят в столы.

"В столы смотрели столники: в большой стол князь Михаила, княж Семенов сын, Прозоровской да князь Борис, княж Лукин сын, Львов; в кривой стол князь Петр Меншой, княж Семенов сын, Прозоровской да князь Петр, княж Лукин сын, Львов".

Напитки и кушанья подавали государю стольники; но те, которые "перед великого государя пить носили", назывались чашниками. За столом бояр тоже служили стольники, но не всегда: весьма нередко их заменяли стряпчие.

Число стольников и стряпчих, служивших за столом государя, достигало иногда весьма значительной цифры. На упомянутом обеде в присутствии английского посла "перед великаго государя пить носили" - 26 чашников: а "есть ставили" 57 стольников; "перед бояр (которых было никак не более десяти человек) пить носили" - шесть стольников и 21 стряпчий; есть ставили 22 столника и 23 стряпчих; "перед послов пить носили" - 2 столника и 27 стряпчих; есть ставили - 1 столник и 24 стряпчих. Всего 114 стольников и 97 стряпчих. Как только государь сел за стол, все эти чашники и стольники были "явлены" ему окольничим, Ф.М. Ртищевым, который замещал в этот день дворецкого и сидел на его месте за поставцом. Постояв некоторое время перед государем, Ртищев пошел около столпа за поставец, а за ним пошли чашники и стольники в золотых одеждах, по два человека в ряд*(140).

По связи с этой первоначальной обязанностью стольников служить за столом, на них возлагалась обязанность кормить монастырскую братию во время

многочисленных поездок московских государей по монастырям (Двор. разр. III, 1385) и обязанность "принощиков" или "поднощиков". В праздник Воскресения Христова московские государи имели обычай, при христосовании, обмениваться яйцами. Для этой цели яйца подавал им стольник, который назывался то принощиком, то поднощиком (Двор. разр. III, 1323, 1353). Это была особая честь, которой могли удостоиться стольники. В разрядной книге за апрель 1675 г. читаем:

"Пожаловал великий государь стольника, ближняго человека, приносом князь Андрея, княж Дмитреева сына, Щербатова" (Двор. разр. III, 1319).

8 апреля того же года, в пятницу на Святой неделе, "ходил великий государь в Новодевичий монастырь праздновать Пречистой Богородице, к вечерне, и ко всенощной, и к обедне". Число христосовавшихся при этом с государем было так велико, что за вновь пожалованным принощиком, стольником А.Д. Щербатовым, стояло десять поднощиков из нижних чинов "с яйца" (Двор. разр. III, 1323).

На стольников возлагались и другие обязанности придворной службы, не стоявшие уже ни в какой связи с их стольничеством. При торжественных выходах им поручалось идти за государем "со стряпнёю" вместо постельничего; они заведовали иногда, вместо постельничего же, Мастерской палатой, а вместо сокольничего - птицами и сокольниками (Двор. разр. III, 994, 1093, 1545).

При приеме послов они назначались в рынды. 25 ноября 1626 года государь принимал шведских послов.

"А при государе были в рындах в белом платье с топоры, по правую сторону, столники: князь Федор, княж Борисов сын, Татев да князь Федор, княж Федоров сын, Волконской; по левую сторону: столник князь Иван, княж Борисов сын, Татев да стряпчий Юрий, Васильев сын, Телепнев" (Двор. разр. I, 866).

В те дни, когда царевичи, бояре, окольничие и иные чины допускались в "комнату" государю челом ударить и "видеть его государские пресветлые очи", стольники назначались стоять в комнате "у крюка" (дверного) и по списку вызывать допущенных к приему.

"4-го апреля 1675 года приходили к великому государю в комнату царевичи, царевич сибирский, Алексей Алексеевич, да царевич касимовской, Михайло Васильевич, бояре и пр. А у крюка стоял в комнате и пушал по списку столник и ближней человек, Петр, Савельев сын, Хитрово"*(141).

Наконец, стольники исполняли должность возниц государя. В январе 1620 года государь ездил на охоту в село Черкизово:

"А возница был у государя столник, князь Юрья, княж Андреев сын, Сицкой" (Двор. разр. I, 435).

В декабре 1674 года государь ездил в село Алексеевское:

"А возницы у великаго государя были в приказе: столник и ближней человек Федор, Петров сын, Салтыков да столник князь Яков, княж Васильев сын, Хилков" (Двор. разр. III, 1130).

Этой придворной службой далеко не исчерпывается деятельность стольников. Придворная служба занимает в их деятельности скорее второе, чем первое место. Это видно и из числа стольников, которое, по Котошихину, доходило до 500 человек (21). Служба у стола занимала очень небольшое число стольников и в немногие дни года. На что же нужны были 500 стольников? Они составляли почетное придворное звание; старшие члены этого чина рассылались по воеводствам, младшие несли военную службу в полку государя и по городам при воеводах.

"7183 году, мая в 9 день, сказал, по указу великаго государя думной разрядной дьяк, Герасим Дохтуров, всему великаго государя полку: столником, и стряпчим, и дворяном московским... быть готовым на его великаго государя службу с запасы; а великому государю поход будет самому против солтана турецкаго и хана крымскаго, по вестям" (Двор. разр. III, 1380).

Кроме того, стольники назначались в приказы и посылались во всякие посылки, в посольства, по судебным делам, для смотра служилых людей и пр. (Котош. 21).

Место стольников на служебной лестнице московских чинов не подлежит никакому сомнению. Они упоминаются всегда после думных дьяков и впереди стряпчих.

В стольниках служили лица самых лучших фамилий: князя Куракины, Одоевские, Голицыны, Трубецкие, Репнины, Ростовские, Урусовы, Морозовы, Шереметевы и пр. Даже быть государевым возницей не считалось умалением служебной чести. Государев возница в 1620 году, князь Ю.А. Сицкой, в 1638 году был возведен в звание боярина; такое же повышение выпало на долю и князя В.В. Голицына, бывшего возницей в 1666 году (Двор. разр. III, 605).

Но в стольники назначались и люди неименитые. Сын благовещенского протопопа, Андрея Посникова, любимца царя Алексея Михайловича, был стольником (Двор. разр. III, 980).

Первоначальная обязанность стольников состояла в службе государю в его дворце, в его комнатах. А потому быть в стольниках значило "быть в приближеньи" к государю (Рус. ист. сбор. V, 309). Но с развитием чина стольников и с возрастанием их числа до нескольких сот должно было оказаться, что не все стольники находятся в одинаковой близости к царю. Тогда как одни вместе с крайчим стояли за его стулом, ставили перед ним блюда и наполняли царские чаши вином, другие находились в разных посылках, по воеводствам, в приказах. Таким образом, возникла разница "ближних стольников" и просто стольников. Так как ближние стольники служили государю в его комнате, то они назывались еще "комнатными". Комнатными назывались, впрочем, не одни ближние стольники, но всякие ближние люди. Были комнатные бояре, как мы уже видели; постельничий, спальники, стряпчий с ключом, по существу дела, были только комнатные.

В челобитной Мирона Вельяминова (1631) в местническом споре его с князем Василием Вяземским читаем:

"И в роду, государь, нашем, по вашей государской милости, при прежних государех, в Сабуровых, и в Годуновых, и в Вельяминовых были бояре и околничие; а при царе, государь, Федоре Ивановиче всеа Руси был дядя мой, Дмитрий Иванович, околничей, а братья, государь, мои жили в комнате, а иные в столниках и в стряпчих" (Рус. ист. сб. V, 68).

Когда число стольников превысило потребности комнаты, то вошло в обычай лишь некоторых из них назначать в комнату. Такое назначение могло делаться уже в XVI веке, а может быть, и раньше, но записывалось ли оно в книги, этого мы не знаем, так как не имеем боярских книг того времени. Сводная же Шереметевская книга о назначении в стольники совсем не говорит. В алфавите Иванова к боярским книгам XVII века древнейшее встретившееся нам назначение в комнатные стольники относится к 1640 году. В этом году комнатным стольником у крюка был назначен Б.М. Хитрово. Непрерывный же ряд назначений в комнатные стольники начинается лишь с семидесятых годов XVII столетия*(142). С этого же времени начинается о них и ряд известий в разрядных книгах. В 1675 году последовал указ "рописать государевых ближних людей и столников дневать и ночевать поочередно, в четыре перемены" (Двор. разр. III, 1184). С семидесятых же годов мы начинаем встречать ближних стольников со стряпней, у крюка, возницами и пр. (Двор. разр. III, 994, ИЗО, 1230, 1312, 1545). Ближние стольники днюют и ночуют у гроба умершего государя; они же несут из комнаты тело его*(143).

За стольниками идут стряпчие, а за стряпчими дворяне московские. Об этих чинах речь была выше.

Глава четвертая. Дьяки

Дьяки - письменные люди нашей древности. В памятниках XIII века письменные люди называются писцами. Пространная Русская Правда знает писца, сопровождавшего вирника и получавшего за свой труд 10 кун (Трет. р. 99). Мстислав Данилович, возложивший на берестьян, за их коромолу, ловчее, приказывает написать об этом грамоту писцу своему (Ипат. 1289). Но в IV веке русское слово "писец" вытесняется греческим "диак". Грамоты московских князей, с Ивана Калиты начинаая, пишутся дьяками.

Социальное положение дьячков было очень различно. Между ними встречаются рабы и свободные. Свободные занимались не только письмоводством, но и преподаванием грамотности. Таков был дьяк, у которого учился в юности новгородский архиепископ Иона; архиепископ говорит, что "в училище его наставника было множество учащих детей" (Карамз. V, пр. 386, 1459). Богатые господа имели в своем распоряжении дьячков-рабов. К этому разряду принадлежало и большинство княжеских дьячков. В духовных завещаниях московских князей постоянно встречаем распоряжения об отпуске на волю "казначеев, тивунов, посельских и дьячков, которые ведали прибыток князя"*(144).

Дьяки, как люди грамотные и просвещенные книжным учением, представляли большую полезность, чем другие дворцовые слуги, и имели поэтому более шансов войти в доверенность и близость к своим господам. Мы, действительно, встречаем их в должностях, свидетельствующих о доверии к ним их господ. У Дмитрия Ивановича, внука великого князя Ивана Васильевича, вся казна, за исключением постельной, находилась на руках трех дьячков; один из них писал и грамоту его духовную (Рум. Собр. I. N 147). То же бывало и у владетельных князей. Они отпускают на волю дьячков, которые их "прибыток" ведали, то есть доходы, а следовательно, и казну. Дьяки ведают прибыток по приказу князя, они первые приказные люди. В некоторых духовных в распоряжении об отпуске на волю на месте дьячков, действительно, стоят "приказные люди". В духовной Юрия Васильевича читаем:

"А что мои люди, ключники, и посельские, и все приказные люди, которые мой приказ ведали, и те все на свободу" (Рум. Собр. I. N 96, 1472; срав. N 121, 1486).

Дьяки-рабы - первоначальный состав возникавших в XV веке приказов.

Но на службе князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили от наследников своих прежних господ; как люди уже известные и пользовавшиеся доверием умерших князей, они могли продолжать службу и у их преемников, но в качестве вольноотпущенных.

В известиях XV и XVI веков встречаем термин введенного дьяка. Так названы Федор Стромиллов, дьяк великого князя Ивана Васильевича, и Василий Щелкалов, дьяк Ивана Грозного*(145). По аналогии с боярами введенными, во введенных дьяках надо видеть вольных людей, введенных во дворец и близость к государю.

Первоначальные приказы возникали в пределах дворцового ведомства, а потому и дьяки, которым они поручались, назывались "дворцовыми" (А. Э. I. N 155, 1512). О "полатных и дворцовых дьяках" говорит и Судебник 1550 года. Он упоминает о них в статье, определяющей размер бесчестья. Статья эта дает точные определения меры бесчестья не только для детей боярских, но для гостей, посадских людей, крестьян и даже холопов; только для полатных и дворцовых дьячков не оказалось возможным найти какую-либо определенную меру вознаграждения. Бесчестье им определялось всегда по особому усмотрению царя и великого князя. Это, конечно, потому, что в состав полатных и дворцовых дьячков входили очень разнообразные элементы: тут были рабы и свободные, ближние и

дальние дьяки. Нет повода думать, чтобы дьяки-рабы не достигали близости.

Со второй половины XV века в положении дьяков происходит перемена величайшей важности, и не для одних только дьяков, а для всей системы суда и управления Московского государства. Из неважного придворного чина, каким были до того времени дьяки, ведавшие письмоводство своего князя, его прибитки и казну, они становятся правительственным классом, деятельность которого обнимает все важнейшие дела и на пространстве всего Московского государства.

Первое общее определение, выдвинувшее дьяков в передовую линию правительственных органов, принадлежит великому князю Ивану Васильевичу и было уже нами указано (**с. 339**). Это первая статья его Судебника, предписывающая, чтобы на суде бояр и окольных были дьяки.

Примесь дьяка к древнему боярскому элементу представляется совершенно понятной; эта примесь, при той последовательной смене явлений, какая наблюдается в ходе нашей истории, была неизбежна. Вольные слуги сменились чинами, обязанными службой, но дьяки были лучше и этих новых обязанных слуг: у них не было преданий старой вольности. Другое великое преимущество дьяков состояло в том, что они были худородные: дворовые слуги (дворяне в первоначальном значении слова), дети вольноотпущенных, посадских, духовенства. При назначении их в должность князьям не нужно было стесняться соображениями об их отеческой чести. Наконец, это все грамотные люди. При этих условиях дьякам открывалось широкое поле деятельности в только что возникшем Московском государстве.

Мы уже имели случай заметить (Лекц. и исслед.), что новые начала, выражаемые в указах московских государей, обыкновенно, подготавливаются предшествующей практикой. Можно думать, что так было и в данном случае. Великий князь Иван Васильевич и его братья, удельные князья, подмешивали уже дьяков к боярам еще до издания Судебника 1497 года.

Князь Андрей Васильевич Старший держал в Бежецке при наместнике, Семене Борисовиче Легневе, дьяка Александра Васильевича Карамышева. Для рассмотрения спора, возбужденного Сергиевым монастырем о владении землей, на место были посланы бежецкие наместники и дьяк: князь постановил решение "по слову" наместника и дьяка*(**146**). В 1477 году, когда возникло знаменитое столкновение из-за титула между великим князем и Новгородом, великий князь отправил в Новгород двух бояр и при них дьяка, Василия Далматова*(**147**). То, что до 1497 года практиковалось в отдельных случаях, с этого года делается общим правилом. Дьяки становятся товарищами бояр введенных и окольных. Это наша древнейшая судная коллегия. Для образования ее довольно двух членов. Но сколько бы ни было в ней членов, она никогда не решала по большинству голосов, а всегда единогласно; в случае разделения голосов необходим доклад государю.

Деятельность дьяков не ограничивается участием в центральном суде бояр и окольных. Они посылаются и в области с наместниками и воеводами, но только в важнейшие пункты: в Новгород Великий, в Нижний, на Вологду, в Кострому, в Казань, Астрахань и пр. В грамоте свияжскому воеводе, Богдану Юрьевичу Сабурову, читаем:

"А тебе велели есма быть на нашей службе в воеводах в Казани, в остроге. А в городе ведати и всякими нашими делы промышляти с воеводою, со князь Григорьем Булгаковым, с товарищы да с дьяком, с Михаилом Битяговским, вместе за одно" (Д. к А. И. I. N 127, 1581).

А как дела ведались за одно, это видно из формы следующего приговора, состоявшегося в Казани же в 1585 году в бытность там тех же воевод и дьяка:

"В лета 7093 июля в 22 день... воевода, князь Григорей Андреевич Булгаков, с товарищи да государя царя и великаго князя диака, Михайло Битяговский,

приговорили:... И государевы воеводы и дьяк на тех людей игумену Родиону в пошлинах велят давати пристава..." (А. Э. I. N 328).

Дьяк принимает участие в составлении приговора.

Грамота скреплена печатью воеводы, князя Булгакова, и подписью дьяка Битяговского, который, кроме того, скрепил ее и по склейкам.

Воевод в Казани было много, а дьяк один. Но если бы он не присоединился к приговору воевод и отказался подписать его, приговор не мог бы состояться, хотя бы на него были согласны и все воеводы. Несогласие дьяка могло остановить обычное течение дел. Так именно и случилось в Астрахани. В 1626 году при воеводах, боярине князе Ив. Фед. Хованском и Григ. Валуеве, там было два дьяка, Марко Поздеев и Василий Яковлев. Поздеев отличался гордым и необузданным характером. Сидя в съезжей избе с воеводами, он не снимал шапки и тогда, как читал царские указы и произносил имя великого государя. В отписках в Москву писал себя полным именем, несмотря на то, что это не повелось и не раз воспрещалось ему под угрозой государевой опалы. У себя на дворе держал для забавы медведей и травил ими прохожих. Медведь его изъел малого Митьку, принадлежавшего товарищу его, дьяку Яковлеву, содрал с головы кожу по самую кость и череп попортил, "а он, Марко, беречи того не велел". С таким человеком трудно было ужиться: у него были вечные нелады с дьяком Яковлевым. В съезжей избе, в присутствии боярина и воеводы, дьяки постоянно чинили рознь и ссоры, а последствием была полная остановка дела. В Москве одно время не получалось из Астрахани никаких отписок. Дьяки спорили друг с другом, один перемарывал то, что другой писал, а дела стояли (Двор. разр. I, 835).

Древнейшие сведения об участии дьяков в суде на равных правах с судьями относятся к самому началу XVI века. Для описи земель московские князья нередко посылали сына боярского и при нем дьяка. Эти так называемые писцы не только описывали земли, но и производили суд по спорам о землевладении, которые возникали при описи. Суд этот творился не только сыном боярским, но и дьяком. Вот выписка из дела 1511 года.

"По великого князя слову, Василия Ивановича всея Руси, сий суд судили великаго князя писцы белозерские, Иван Микулич Заболоцкий, да диак, Андрей Харламов. Став перед писцы у деревни у Шюклинские, тягался Лева и пр.... И писцы спросили Левы... И по великого князя слову... писцы белозерские Иван Микулич Заболоцкий да диак, Андрей Харламов, ответчика, старцу Иону, оправили, а ищюю, Леву Зайцева, обвинили" (Фед.-Чехов. N 24, см. еще N 25, 51 и др.).

Соучастие дьяков в суде лиц разных чинов могло на практике предшествовать Судебнику. Судебник делает это соучастие необходимым на суде бояр и окольничих.

Выше мы указали уже на то, что памятник XVI века говорит о судебной боярской коллегии (с. 341). Дьяки, ставшие товарищами бояр, должны были получить место и в ней. Случай древнейшего их участия в боярской судной коллегии приведен в недавно вышедшем превосходном труде г. Лихачева о дьяках. Он относится к 1520 году. Коллегия из четырех бояр, четырех окольничих, печатника и трех дьяков рассматривала дело о покраденной у корельского попа дьяконом Спиридоном ржи (176).

Нет повода думать, чтобы бояре и окольничие, судившие дело корельского попа, были постоянными членами судной боярской коллегии. Нельзя этого утверждать и о дьяках, принимавших участие в том же суде. И те, и другие назначались, по всей вероятности, для каждого дела особо. Но от второй половины XVI века мы имеем документы, указывающие на существование дьяков - постоянных членов боярского суда. Мы разумеем приговоры членов собора 1566 года о ливонских делах. Чины собора на вопрос царя отвечали не все за один, а по группам. Первую группу составило духовенство, вторую бояре, окольничие,

казначей, печатник и дьяки, третью и четвертую - дворяне и дети боярские первой и второй статьи; пятую - опять дьяки и приказные люди и т.д.

В перечислении членов второй группы, после печатника и перед дьяками, находим такую запись:

"А у бояр в суде яз Борис Иванович Сукин".

Борис Иванович Сукин, подающий мнение вместе с боярами и другими думными людьми, был в то время дьяком, но он отличен от других дьяков, перечисленных после него, тем, что он сидит у бояр в суде, а те не сидят. Присутствие на суде бояр есть постоянный его признак*(148).

Кто же другие дьяки, перечисляемые после Сукина? Так как они подают мнение вместе с думными государевыми людьми, то и они, надо думать, думные дьяки, хотя так и не названы. Им противопоставляются дьяки приказные, которые составляют особую, пятую группу.

Соборный приговор 1566 года сохранил для нас отпечаток полной дьяческой организации XVI века; но первые зачатки ее относятся к XV веку и, пожалуй, еще к более отдаленному времени. В половине XV столетия существует уже разделение письменных княжеских людей на дьяков и подьячих. Июля 23-го 1453 года прискакал в Москву из Новгорода подьячий Беда с вестью о смерти Дмитрия Шемяки. За доставление этого радостного известия он был награжден званием дьяка (П. С. Л. VIII, 144). Судебники говорят уже о дьяке и подьячем как лицах, совершенно различающихся по своим функциям: подьячий ведает письменную часть, он пишет по приказу дьяка грамоты; дьяк только подписывает их. Грамоты должны храниться у дьяка.

Различие ближних и дальних дьяков, конечно, современно появлению дьяков при князьях. Ближние, как пользовавшиеся доверием князей, призывались ими на совет во всех тех случаях, когда князья находили это нужным. Дьяки призывались на совещание и одни и совместно с другими ближними людьми, с боярами, дворецкими и пр. Весьма характерно известие Царственной книги о составе думы великого князя Василия Ивановича, в которой надлежало обсудить его завещание:

"И... повеле к себе принести тайно Меньшому Путятину (дьяку) духовные грамоты. И пусти в думу к себе, к духовным грамотам дворецкаго своего тверского, Ивана Юрьевича Шигону, и дьяка своего, Меньшова Путятину. И нача мыслити князь великий, кого пустить в ту думу и приказать свой государев приказ (6, 1534).

Такие государевы думы на случай и в произвольном составе собирались во все времена и всеми князьями. Появление думных чинов под именем "детей боярских, живущих в думе" и "думных дворян" не изменило этого исконного характера думы. Думные чины призывались в государеву думу, когда государь этого хотел. Они не были непременно его советниками. Это скорее почетное отличие, чем право.

В качестве таких советников по наряду, а не по праву являются и те пять дьяков, которые в 1566 году подают свое мнение с боярами и другими думными чинами. Вот их имена: Иван Клобуков, Путило Михайлов, Андрей Васильев, Ишюк Бухарин, Андрей Щелкалов и Иван Юрьев.

Борис Иванович Сукин весьма от них отличается. Он назван впереди их и полным именем. Он выше их всех и, может быть, потому что имеет определенное и постоянное назначение присутствовать на суде боярской коллегии. До сих пор не имеется указаний на то, чтобы эта боярская коллегия в XVI веке была постоянным учреждением с постоянным составом. Бор. Ив. Сукин есть первый и единственный, нам известный, постоянный ее член. Когда началось и как долго продолжалось его членство, этого мы не знаем. В начале семидесятых годов он был уже печатником (Карам. IX, пр. 387 и 819).

Мы указали на преимущества дьяков перед новыми обязанными слугами из

высших классов населения (с. 430), но не исчерпывали всех этих преимуществ. Едва ли не главнейшее из них заключалось в том, что дьякам не нужно было давать кормлений. Состоя на службе, они собирают доходы на государя, а не на себя; в их личную пользу шли только дьячьи пошлины. Назначаемые вместе с кормленщиками, они управляют за счет князя. Чрезвычайно любопытный образчик совместного управления дьяков и кормленщиков находим в Новгороде в 1555-1556 году. Мы остановимся с некоторой подробностью на этом явлении, так как оно весьма характерно для возрастающего от году в год значения дьяков в Московском государстве*(149).

В 1555 году в Новгороде был наместник, боярин, князь Дмитрий Федорович Палецкий, и при нем два дьяка, сперва Федор Сырков и Казарин Дубровский, а потом место Сыркова занял Федор Еремеев. Наместнику, в руках которого, по старому порядку, был суд, не был пожалован в кормление весь Новгород, а только половина его, то есть половина судебных доходов, да и то не со всех дел. По старому порядку кормленщик назначал для суда, в первой инстанции, из своих людей, тиуна и судебных приставов, недельчиков и пр., которые назывались пошлинниками. Были такие пошлинники и при боярине кн. Палецком. Но так как ему шли не все пошлины, а только половина, то для сбора другой половины дьяки, со своей стороны, должны были назначить тоже тиуна и недельчиков, но уже не из своих людей, а из местных детей боярских (N 86, 88, 55). Суд производится тиунами, царским и наместничим; чего они решить не могут, восходит к наместнику и дьякам; чего эти не могут решить, о том докладывается в Москву государю.

В конце декабря 1555 года наместник новгородский должен был вместе с другими воеводами выступить в поход против немцев. Уходя на войну, князь Палецкий увел вместе с собой тиуна и всех своих пошлинных людей. Это все глубокая старина. Но наместничья половина не сливалась вследствие этого с царской. Она сохраняла свою особность. Из Москвы дьяки получили указ, в котором им предписывалось:

"Выбрать тиуна и велеть ему всякие дела наместничьи судити, да недельчиков выбрати, и в недели быти" (88, ср. 86).

Но и этого мало. Из Москвы прислали служилого человека, Ивана Ивановича Жулебина (сына боярского), который должен был исправлять должность наместника. В грамоте о присылке Жулебина находим ясное указание на тот порядок судопроизводства, который наблюдался при наместнике и должен продолжаться и теперь при его заместителе:

"И вы бы, - говорится дьякам, - дела наши делали с Иваном (Жулебиным) по нашему указу. И которые дела учнут тиуны наши (прежний, царский, и новый, назначенный вместо тиуна наместника) судити (это первый суд); а которых будет дел кончати им не мочно, и мы Ивану велели, да и вы с Иваном (это второй, высший суд) те дела по суду кончали (бы) и управу им чинили (бы); а в которых будет делех невозможно вам управы учинити, и вы б суда списки нам присылали (это третий, самый высший суд) с приписью своими руками. А которые будет судные дела кончаеете Иванова суда (то есть наместничья), и вы бы с тех дел пошлины имали на нас. А которые дела тиуня суда (то есть окончены тиунами), и вы-б пошлины велели имати тиуном. Да и над тиуны-б есте и над неделщики берегли, чтобы тиуны дела наши делали и пошлины-б имали на нас по нашему наказу..." (88).

Что дьяки судили вместе с наместником и во время его бытности в Новгороде, это видно из следующей грамоты, присланной на имя наместника и дьяков:

"Били нам челом из Воцкие пятины Михалко да Гришко Шубины... на Собакиных детей Скобелцына... И ты-б им, боярин наш и наместник, и вы, дьяки наши, на Собакиных детей Скобелцына... дали пристава, а велели их поставить перед собою, да в тех бы есте их во всех делех судили, и обыском обыскали, и

управу им учинили... А в чем не возможете им управы учинити, и вы-б суда своего список и обоих исцов к нам прислали..." (51, V).

Хотя во время отсутствия наместника пошлины его собирались на государя, но они отдавались наместнику по его возвращении. 9 марта 1556 года в Новгород был назначен новый наместник, боярин, князь Мих. Вас. Глинский. Приказано было отдать ему собранные уже пошлины. Мы приведем выписку из этой грамоты, так как из нее ясно, что разумелось под половиной Новгорода:

"И яз боярина и наместника своего, князя Михаила Васильевича Глинского, пожаловал, велел ему дати половины Великого Новагорода наместничь весь доход... И вы-б, смятя наместничь доход, половину Новагорода, что собрано на меня, царя и великого князя, на весь год... да отдали боярину и наместнику... А которые будут у вас судные дела и списки не вершены, а сужены будут в том же году... и вы-б те дела не вершены отдали боярину же и наместнику...; а велел есмы те дела вершити и половину пошлин с тех дел взяти боярину-ж своему и наместнику" (109).

Половина Новгорода означает половину пошлин с наместничья суда. Определение пределов наместничья суда выходит за пределы настоящего исследования. Ограничимся указанием на то, что новгородские дьяки, кроме участия в наместничьем суде, имели еще свой суд, в который наместники не вмешивались.

В 1551 году ивангородский весец возбудил иск в пятидесяти рублях против весчего сторожа, который весил товары "пудом татем" и царевы пошлины крал. Ивангородский наместник передал это дело в доклад новгородскому наместнику, боярину, князю Ив. Курлятеву, а дьяки у князя Курлятева "тот список взяли потому, что то был их суд" (51, XIX). Дьяки, значит, присутствовали на суде наместника, но как только выяснилось, что докладывают дело их специального суда, они прекратили дальнейшее течение его перед наместником и взяли к себе (ср. 51, XVI).

Дело, о котором идет речь, касалось вещей пошлины и, следовательно, доходов князя с торговли. А мы знаем, что еще в XIV веке дьяки ведали "княжеские прибитки". Этот порядок сохраняется и в XVI-м. Княжеские доходы состоят и во второй половине этого века в ведении дьяков. На основании многочисленных грамот на имя новгородских дьяков можно составить следующий список финансовых дел, подлежавших их ведомству. Они получают деньги от таможенников (49) и отдают на откуп пятенную и анбарную пошлину (74), а продажу вина отдают на веру (49), взыскивают недоимки казенных платежей (51, XIII и XXIII; 54, 60, 62, II) и решают споры о крестьянском тягле (51, XVII). Сосредоточивая в своих руках царские доходы, они расходуют их на местные нужды, а остаток препровождают в Москву (51, XXI). Дьяки выдают жалованье стрельцам (68) и старостам (87), заготавливают кормы и деньги для продовольствия и содержания войск (70), выдают деньги для приготовления ядер (72); они же составляют сметы для постройки крепостей (82). Так как дьяки ведают всякое обложение, то в их руках находятся писцовые книги; они дают из них выписи, кому нужно (78).

Ведомству новгородских дьяков принадлежали не одни только государевы доходы и расходы, они ведали и поместные дела. Все распоряжения о поместьях присылаются из Москвы исключительно на имя дьяков. Они одни приводят их в исполнение, наделяя, кого следует, участками, отписывая свободные земли на государя и т.д. (52, I-XXXIX). Обо всех таких переменах делаются соответственные отметки в поместных книгах, которые ведутся тоже дьяками. Сосредоточивая в своих руках такие важные документы, как писцовые и поместные книги, дьяки лучше вооружены для суда по поземельным спорам, чем наместники и их тиуны. Этим объясняется то обстоятельство, что предписания из Москвы о разборе споров о земле иногда присылаются только на имя дьяков (51,1, XIV; 57, 59, 84). По той же причине распоряжения об отводе мест в Новгороде под осадные дворы, церковнослужителям и пр. присылаются исключительно на имя дьяков (69, 77).

Такова судебная и правительственная деятельность новгородских дьяков XVI века. Она обширнее деятельности наместников того времени, хотя бы на эту должность был назначен первый чин в государстве, боярин. Деятельность дьяков превосходит деятельность наместников и по пространству подчиненной им территории, и по количеству порученных дел. В Новгородской волости был не один наместник, а несколько, по всей вероятности, в каждом городе с уездом был свой особый наместник. Кроме собственно новгородского наместника, акты упоминают еще о корельском, орешковском, ивангородском и ладожском (50, 51, XIX; 54). Каждый из них имел свой корм и свой суд, и обращался к новгородскому только как к высшей власти. Дьяки же новгородские судили и управляли во всей области. Они принимали участие во всякой деятельности наместника, как судной, так и правительственной, даже предписания о военных экспедициях присылаются на имя наместника и дьяков (50). Предписания об исправлении десятин и о высылке детей боярских на службу посылаются иногда только на имя дьяков (47). Дьяки ведают, следовательно, и военное управление. Из 133 грамот, отпечатанных в Доп. к А. И., только одна не обращена к дьякам. Но она касается не нужд Новгородской области, а похода против немцев и говорит о пищальном и пушечном наряде. Грамота эта адресована на имя князя Палецкого, как ратного воеводы, а не как наместника (73). Все остальные грамоты обращены к дьякам, и только некоторые из них к наместнику и дьякам. Наместник без дьяков не делает никакого дела, дьяки без наместника делают очень многое*(150).

Правительственную власть, исходящую из центра вновь возникшего государства, в окраинах его гораздо полнее представляет дьяк, чем старый наместник-кормленщик, хотя бы и боярин.

Кроме двух указанных дьяков, в Новгороде был еще дворцовый дьяк, подобно тому, как в Новгороде был особый дворецкий. Дворцовый дьяк стоял ниже Еремеева и Дубровского, имя его пишется после их имен и иногда с сокращением, Офона (94).

Дьяки владели вотчинами, а за службу свою награждались поместьями.

Управление в Московском государстве не было организовано по одному образцу. Старое уживалось там весьма долго наряду с нарождающимся новым. Были и в XVI веке города, которые управлялись одними кормленщиками без дьяков, а были и такие местности, в которых кормленщиков вовсе не было и которые управлялись своими выборными старостами, сотскими и целовальниками, как, например, Двина в 1550 году (Доп. к А. И. I. N 45). Новгородская область, после присоединения Новгорода к Москве, представляла некоторые особенности, которые не встречаются в старинных владениях Московского удела. Она имела в Новгороде свой местный центр, к которому тянули остальные новгородские города, не имевшие непосредственных сношений с Москвой. Это местное центральное управление областью и сосредоточивалось, главным образом, в руках двух указанных дьяков. Города же, которые не имели своих местных правительственных центров, сносились непосредственно с центральным управлением в Москве. Московские приказные дьяки играли по отношению к ним ту самую роль, какая по отношению к Порхову или Ладоге в Новгородской волости принадлежала новгородским дьякам. Эти разные порядки, по местным и личным соображениям, разнообразились до крайности и сменялись одни другими. В конце XV века в Белозерске находится подьячий, которому приказано получать с белозерских откупщиков тамгу, а в половине XVI века белозерские таможенники должны были сами привозить тамгу в Москву и сдавать ее

"Царевым и великаго князя казначеем, Ивану Петровичу Головину да Федору Ивановичу Сукину, да царевымже и великаго князя дьякам, Юрью Сидорову да Кожуху, Григорьеву сыну, Кроткову" (А. Э. N 134, 1497; N 230, 1551).

Выше, когда речь шла о казначеях, мы указали уже, что они ведали государевы прибитки. Да и по состоянию своему они близки к дьякам. В духовных

завещаниях князей XIV и XV веков они рабы и отпускаются на волю вместе с дьяками. Брат казначея, Федора Сукина, Борис Иванович, был дьяк.

В 1557 году таможенные пошлины в монастырском селе, в Веси Егонской, в Бежецком Верху, сдаются на оброк монастырю московскими казначеями; в 1563 году те же пошлины, в том же месте и тому же монастырю, сдаются на оброк московскими дьяками; а в 1591 году находим указание, что в Москве существует особая Четь дьяка Андрея Щелкалова, в которую поступают таможенные пошлины из Поморских волостей (А. Э. I. N 263, 352).

Московские дьяки так же ведали вес и меру, как и новгородские. В 1550 году были разосланы из Москвы во все города новые медные меры сыпучих тел, старые же меры велено было прислать в Москву "К печатнику нашему и к дьяку, к Миките Фуникову Курцову, да к дьяком нашим, к Юрью к Сидорову да к Федорову к Семенову" (Доп. к А. И. I. N 45).

В управлении военными делами принимают участие тоже не одни новгородские дьяки, а и московские. В разряде на 1559 год читаем:

"7067 года послал государь, царь и великий князь на ливонские немцы зимою царевича Тахтамыш да боярина и воеводу, князь Семена Ивановича Микулинского, и иных своих бояр и воевод, а были по полкам: в большом полку царевич Тахтамыш... да в передовом-же полку из Острова воевода Федор Васильевич Шереметев... да в передовом-же полку у воевод Борис, Иванович сын, Сукин с казанскими и з горными с луговыми людьми..." (Рус. ист. сбор. V, 241).

Этот Бор. Ив. Сукин, назначенный в поход с воеводами передового полка и имевший под своим начальством казанских людей, был, как мы знаем, дьяк.

В 1595 году были посланы из Москвы в Смоленск ставить каменный город дети боярские, кн. Вас. Андр. Звенигородский и Сем. Вол. Безобразов, а при них два дьяка, Посник Шиполов да Нечай Перфирьев. Царский наказ о постройке стены дан на имя всех четырех; дьяки принимают такое же участие в постройке города, как и дети боярские:

"И князю Василью, и Семену, и дьякам, Поснику и Нечаю, приехав в Смоленск, сыскати в Смоленску на посаде и в уезде сараи и печи, где дельвали кирпич и известь и кирпич жгли, да те все сараи и печи отписати на государя... и где есть камень бутовой и стеной на городовое дело... и где лес на сараи и на дров... и как которые запасы возии в Смоленск... и сколько к которому делу надо быть каких людей... то им все сменить и росписать подлинно... да та смета дьяку Нечаю Порфирьеву... привести к государю... за дьячими приписми..." (А. Э. I. N 365).

Новгородское управление XVI века имеет свои особенности, но деятельность новгородских дьяков не представляет исключения. Им и в других местах поручают и суд, и финансы, и военное дело.

Широкая правительственная и судебная деятельность дьяков XVI века, составляющая необходимое следствие возвышения их при Иване III, была замечена современниками и вызывала порицания со стороны лиц высшего класса. Курбский упрекает Ивана Грозного за то, что он верит писарям, которых избирает не от шляхетства, а от поповичей и простого всенародства. Еще резче порицает новые порядки другой московский выходец, Тетерин. Есть у великого князя, писал он в Москву к Морозову, новые верники, дьяки, его половиной кормят, а большую себе берут: их отцы вашим и в холопство не годились, а теперь не только землей владеют, но и головами вашими торгуют*(151).

И Курбский, и Тетерин говорят об Иване Грозном. В нем видят они виновника новых порядков. Это не верно. Прочное начало возвышению дьяков положено великим князем Иваном Васильевичем. Но слова порицателей Грозного для нас важны, несмотря на их неточность. Возвышение дьяков началось во второй половине XV века. Но и в XVI веке это явление сравнительно все еще новое. До

возвышения Москвы роль дьяков была очень скромная. Правительственным классом были бояре и слуги вольные. С их помощью образовалось Московское государство. И вот с этого-то момента и наступает перелом. Московские государи начинают ломать те подмости, при помощи которых произошло возвышение их собственной власти, и выдвигать на службу новому государству новых людей. Они присоединяют дьяков к боярам не по теоретическим соображениям о превосходстве коллегиального начала над единоличным, а для того, чтобы создать в дьяках противовес боярам. Вот об этом-то характерном переломе в ходе нашей истории и свидетельствуют Курбский и Тетерин, хотя для их времени это и не была свежая новость. В их время новые порядки сделали уже такие успехи, что реформа стала для всех фактом очевидным.

В первой половине XVII века, а может быть, и ранее, появляется и титул думного дьяка*(152). Мы указали уже, что дьяки-советники своих государей - явление очень старинное. Но в старину это было делом домашней, кабинетной жизни. Теперь же дьяки удостоиваются и соответствующего титула и, таким образом, явно, на глазах всего Московского государства, становятся рядом с детьми боярскими, живущими в думе, с окольными и боярами введенными. Они признанные члены государевой думы, а не тайные советники.

В XVII веке возвышение дьяков делает дальнейшие успехи. В период полного развития приказной системы они являются непременно членами приказов. Ни дворяне, простые и думные, ни стольники, ни окольные, ни бояре не были непременно членами приказов. Были приказы без бояр, без окольных, без дворян и стольников, но не было ни одного, в котором не сидел бы дьяк. Бояре, окольные, дворяне встречаются в приказах только в единственном числе, дьяки же сидят там и по два и по три. Но и это не все, были приказы, в состав которых входили только одни дьяки. Такой состав встречаем не в незначительных только приказах, как, например, Панафидный, но и в таких, как Счетный, Посольский и Приказ тайных дел*(153). Вот что говорит Котошихин о Приказе тайных дел:

"А в нем сидит диак да подьячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные. И в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того приказу подьячие с послами в государства, и на посольские съезды, и в войну с воеводами для того, что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах... а воеводы в полках много неправды чинят над ратными людьми, и те подьячие над послы и над воеводами надсматривают и царю приехав сказывают. И которые послы или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтобы они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили. А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтоб его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали" (VII, 1).

Один дьяк и десять подьячих определены для наблюдения за деятельностью всех высших чинов в государстве. О результатах своих наблюдений они докладывают прямо царю, помимо бояр и думных людей. Котошихин говорит, что это новое учреждение, устроенное царем Алексеем. В этом ему надо верить. Приказ тайных дел - учреждение действительно новое, но идея его и практика старые. Ту же роль играли ближние дьяки великого князя в XVI, XV веке и ранее. Они тоже подсматривали, подслушивали и доносили царю о результатах своих тайных наблюдений и тем выслуживались. В XVII веке этот тайный надзор вводится в общую систему приказной организации. Дьяк тайных дел и его подьячие - ближайшие люди к царю, у них право и обязанность нашептывать. Но они не думные люди. Фактически они выше думных людей, так как они ближе к царю, но официально они ниже их. Дьяки тайных дел возводятся в думные, и это для них повышение. В 1672 году дьяк

тайных дел, Федор Михайлов, сделан думным; в 1677 г. такое же повышение выпало на долю дьяка Тайного приказа, Данилы Полянского (Вивл. XX). Сделавшись думными, дьяки эти могли, конечно, сохранить и ту близость к царю, в которой состояли к нему прежде.

Помимо этого тайного вмешательства во все дела, дьяки принимали и прямое участие в решении судебных и правительственных дел государства. Они делали это в качестве членов приказов. Мы указали уже, что с конца XV века они товарищи бояр; далее мы видели, что роль товарищей бояр и наместников сохраняют дьяки и в XVI веке. В приказах XVII века они тоже товарищи думных людей, бояр и окольничих. Это видно из формулы назначения дьяков в указы. В разрядных книгах читаем:

"Тогож году пожаловал великий государь... указал сидеть... в Большом Приходе дьяку, Тимофею Литвинову, с окольничим с Никитой с Михайловичем Бобарыкиным" (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Или:

"Тогож году пожаловал великий государь во дьяки подьячего Челобитенного приказу, Тимофея Насонова. А указано ему сидеть в Челобитенном же приказе с боярином, с Иваном Богдановичем Милославским" (там же, 1086, 1674).

Дьяки сидят с боярами и окольничими, они не служат им, как секретари, а заседают в приказе, как члены его и товарищи бояр и окольничих.

То же говорит и Котошихин о деятельности дьяков:

"А на Москве и в городех в приказах с бояры, и окольничими, и думными, и ближними людьми, и в посольствах с послами бывают они (дьяки) в товарищах и сидят вместе и делают всякие дела, и суды судят" (II, 9).

И в главе о приказах:

"А судити указано в приказах бояром, и околничим, и столником, и дворяном, и дьяком, кому в котором приказе ведати приказано, всем вместе" (VII, 38).

Согласно с этим, бумаги в указы присылались на имя всех его членов:

"Того ж году приехал подьячей Посольского приказу к великому государю, к Москве, с отписки из Литвы... в Посольской приказ: к боярину, к Артемону Сергеевичу Матвееву, да к думному дьяку, к Григорию Богданову, с товарищи" (Двор. разр. 1500, 1675).

Под товарищами боярина и думного дьяка здесь понимаются простые дьяки, члены приказа.

А вот формула назначения дьяков в города к воеводам:

"Того ж году послан, по указу великого государя, в Ярославль в товарищи к столнику и воеводе, к Ивану, Александрову сыну, Аничкову, Посольского приказу дьяк, Яков Поздышев" (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Начало, установленное великим князем Иваном Васильевичем для суда бояр и окольничих, в XVII веке проникает всюду. Ни одно сколько-нибудь важное дело не обходится без участия дьяка.

В переговорах с иностранными послами дьяки так же говорят речи, как и бояре. А так как речи эти сочинялись вперед в Посольском приказе, то можно думать, что и бояре говорили со слов дьяков.

На смотрах служилым людям дьяки принимают такое же участие, как бояре, окольничие и иные чины.

"7183 году, сентября в 30 день, был смотр стряпчим и дворяном московским и жилцом, а смотрел, по указу великаго государя, боярин, князь Иван Алексеевич Воротынской, разрядной дьяк, Герасим, Семенов сын, Дохтуров, да думной-же дьяк Стрелецкого приказа, Ларион Иванов, да разрядной же дьяк, Василей Григорьев" (Двор. разр. III, 1049; см. еще столб. 1060, 1064, 1199 и др.).

Но случалось, что смотр стольников, стряпчих и дворян московских

поручалось произвести одним дьякам. Так было 11 и 12 января 1675 года (там же, 1180).

Дьяков посылали и в XVII веке в походы товарищами ратных воевод. В разряде на 1674 год читаем:

"Сказано по полкам бояром и воеводам на службе великаго государя, в большом полку: боярин и воевода, князь Юрья Алексеевич, да с ним в товарищех околничей, князь Володимер Дмитриевич Долгоруков, да с ним ж дьяки: Александро, Ворфоломеев сын, Алексеев да Михайло Прокофьев да Тимофей Литвинов" (Двор. разр. III, 990).

Дьяки везде: на суде, в посольствах, при сборе и расходовании государевой казны, в войсках.

Дьяки непрестанно находятся и при государе. В важных случаях они говорят именем его речи. В 1619 г. просительная речь Михаила Федоровича, обращенная к отцу его, митрополиту Филарету Никитичу, о принятии им на себя звания патриарха была произнесена в присутствии царя, властей и бояр думным дьяком Иваном Грамотным (Двор. разр. I, 403).

Дьяки делают царю доклады по всяким делам. В разрядной книге на 1663 год читаем:

"И государь царь и великий князь Михаил Федорович... приказал думному дьяку, Томилу Луговскому, сыскати в Разряде челобитье князя Богдана Косаткина Ростовскаго... и сказать про то бояром, чтоб бояре о том поговорили, а что приговорят, и о том велел государь доложить себя" (Кн. разр. I, 981).

Или в 1675 году:

"И великий государь указал, по челобитью столника, Михаила Морозова, взнестъ то судное дело вершеное в доклад к себе, великому государю, в верх думному дьяку, Герасиму Дохторову (Двор. разр. III, 1288).

В поездках государя из Москвы его сопровождают дьяки. Они служат посредниками в сношениях московских приказов с царем. В конце июня 1675 г. государь выехал на Воробьевы горы. В его отсутствие приехал из Литвы с отписками подьячий Посольского приказа, Пр. Возницын. Из Посольского приказа боярин Матвеев отправил того подьячего:

"В поход к великому государю, на Воробьеву гору; и велел отписки подать и самому явиться в походе думному дьяку, Дементью Башмакову, да тайных дел дьяку, Даниле Полянскому" (Двор. разр. III, 1500).

А ведь при царе на Воробьевых горах, конечно, были бояре и притом ближние. Дела же идут не через них, а через дьяков, из которых второй даже не имеет титула думного. Но это дьяк Тайных дел, а он мог быть ближе думного.

Дьяки объявляют царские указы (Двор. разр. I, 574, III, 992).

Думные дьяки приглашаются в государеву думу и суть члены боярской судной коллегии. Вот что говорит Котошихин о месте, которое занимают они в царской думе:

"И как царю лучится сидети с теми бояры и думными людьми в думе о иноземских и о своих государственных делех, и в то время бояре и окольничие, и думные дворяне садятца по чинам, от царя поодаль, на лавках, бояре под боярами, кто кого породю ниже, а не тем, кто выше и преж в чину, окольничие под боярами против того ж, под околничими думные дворяне потому ж, по породе своей, а не по службе, а думные дьяки стоят, а иным временем царь велит им сидеть, и о чем лучитца мыслити, мыслят с царем, яко обычай и инде в государствах" (II, 5).

Как люди мелкие, худородные, дьяки занимают последнее место в думе, они стоят, когда остальные члены сидят; но они принимают участие в прениях - "мыслят" с царем, а иногда приглашаются даже сесть в присутствии царя. Если, обыкновенно, они стоят, то это потому, что в думе присутствует сам царь. Не могло же в начале XVII века прийти в забвение, что с небольшим сто лет тому назад приказные дьяки

были холопы и отпускались на волю из милости.

Гораздо более свободная роль принадлежала дьякам в судной боярской коллегии, в заседаниях которой царь не присутствовал. Думные дьяки принимали там деятельное участие в прениях, брали на себя инициативу и, случалось, проводили свое личное мнение в противность мнению остальных членов. Любопытный образчик дает боярский суд по делу Ивана Чихачева. Чихачев, назначенный быть в рындах при приеме шведского посла, сказался больным и на прием не приехал. По государеву указу наряжен был суд. Обвиняемый явился к ответу на двух костылях. Бояре спросили его, почему он не приехал по наряду? "Лошадь ногу изломила, как государь тешился за лосями, потому и в город не мог приехать", - отвечал Чихачев. Этот ответ не удовлетворил думного дьяка, Томило Луговского. "Ты, - сказал он, - отваливаешься от князя Афанасья Шеховского и вот почему в город не поехал!" Чтобы понять это замечание, надо знать, что Чихачев назначен был рындой ниже Шеховского. Дьяк угадал настоящую причину болезни подсудимого. Он, действительно, не принял назначения по соображениям чести. Видя, что нельзя скрыть настоящей причины послушания государева указа, Чихачев тут же стал бить челом о суде с князем Аф. Шеховским, меньше которого ему быть не вместе. Бояре нашли, что можно ему быть меньше князя Афанасья и приговорили было Ивана Чихачева за князя Афанасьево бесчестье бить кнутом. Но думный дьяк, Томило Луговской, не согласился с таким решением, он сказал боярам: долго того ждать! А потом подошел к Чихачеву, взял у него из рук костыль и стал тут же бить его по спине и по ногам. Эта короткая расправа весьма понравилась боярской коллегии. Один из почетнейших ее членов, боярин Иван Никитич Романов, взял у Чихачева другой костыль и стал бить его тоже по спине и ногам, а другие приговаривали: "не по делу бьешь челом, знай свою меру". Вслед за этой расправой состоялось новое столь же единодушное решение: Чихачеву велено быть по прежнему указу в рындах ниже кн. Аф. Шеховского (Двор. разр. I, 435, 1620). Смелость, с которой думный дьяк поднял руку на московского дворянина, достаточно говорит о роли, принадлежавшей дьякам в Московском государстве вообще и в боярском суде в частности*(154). Надо полагать, что дьяки в боярской коллегии сидели, а не стояли; сидели же они в приказах в присутствии бояр.

Когда у государя был званый стол, дьяки думные и простые приглашались в качестве гостей и в числе сравнительно не меньшем, чем иные чины. При двух боярах, например, и одном окольничем находим двух думных дьяков и от трех до пяти простых; число приглашенных дворян достигало при этом до 18 человек (Двор, разр. I, 525, 535, 872 и др.).

Всего дьяков в Московском государстве было около ста человек. Эта цифра, указанная Котошихиным, подтверждается и официальным списком бояр и др. чинов на 7184 (1676) год. Число думных дьяков в XVII веке колеблется от 3 до 8. По книгам на 1627 и 1629 годы их было 3, в 1668 - 5; в 1640 и 1676 - 8; Котошихин насчитывает 4-х, по одному в Посольском, Разрядном, Казанском дворе и Поместном приказе. Всего в 38 приказах, находившихся в городе Москве, по счету Котошихина, дьяков было до 70 человек*(155). В 13 лет, протекших с отъезда Котошихина в Польшу (1664), число московских приказов несколько изменилось; в списке бояр и др. чинов на 1676 год их насчитывается всего 35, но распределение дьяков по приказам остается почти то же, в 35 приказах сидят 68 дьяков.

Из общей котошихинской цифры 100 дьяков около 30 находилось по городам. В списке на 1676 год в городах показано 35 дьяков*(156). Всего будет 103 дьяка у дел, да, кроме того, было еще не у дел 17 человек, да один показан больным. Эти 17 человек находились в запасе и могли быть ежеминутно куда-нибудь посланы. Таким образом, все центральное управление Московского государства и местное, в главнейших пунктах, сосредоточивалось в руках 121 дельца. Если принять в

соображение, что крайними пунктами Московского государства при Алексее Михайловиче были: на западе Псков и Смоленск, на севере - Архангельск, на востоке - Тобольск, на юге - Киев, Астрахань и Терки, то нельзя не признать, что у сотни дьяков, которая находилась у дел, дела было довольно.

За свою службу дьяки получали государево жалованье поместьями и деньгами. Мера его, как и для других чинов, не была определена штатами, а зависела от усмотрения государя. По боярской книге на 7135 год (1627) думный дьяк Лихачев получал 250 р., а Телепнев, тоже думный дьяк, получал старый оклад в 100 р., а в думных дьяках не был верстан. Этот старый приказный оклад остается за ним и в 1629 году. Некоторые приказные дьяки получали более Телепнева. Дьяк Болотников по книге на 1627 год получал 200 р. Другие приказные гораздо менее: Данилов 100 р. да за ярославскую службу ему прибавили - 20 р.; Матюшкин при назначении в дьяки получил 80 р.; а потом дошел до 100; Никиф. Шипула, посольский дьяк, начал с 70 р. Всех более получал думный дьяк Грамотин - 300 р.; этот оклад остался за ним по опале и ссылке на Алатырь.

Размер поместья дьякам определяется Уложением, но только для Московского уезда. Они уравниены здесь с окольными и получают по 150 четвертей (XVI, 1). Обыкновенный размер дьяческих поместий значительно превышал эту норму. Дьяк Данилов в 1627 году имел 800 четвертей, а за ярославскую службу ему прибавили еще 100; дьяку Матюшкину при назначении дали 700 четвертей, а потом прибавили 100 (Моск. арх. Мин. юст.).

На лестнице служебной чести думные дьяки занимают место после стряпчего с ключом; дьяки по приказам после дворян московских.

За дьяками идут подьячие. Общее число их Котошихин определяет в 1000 человек. Они делились на старых и молодых. Молодые употреблялись для письма, а старые, как давно состоящие в должности подьячего и потому опытные и дело знающие, для более важных назначений. Они участвуют на смотре служилых людей, отвозят государеву казну, досматривают с дьяками больных служилых людей, а иногда назначаются и к исправлению должности дьяка. В 1675 году были отправлены писцы в Московский уезд:

"Московский дворянин Сергей, Федоров сын, Аксаков да с ним: подьячий старый поместного приказа, Александр Титов, справою вместо дьяка, да три человека молодых подьячих поместного-ж приказа для писма"*(157).

Подьячие были тоже землевладельцы. Указ царя Бориса 1601 года предоставляет и подьячим право вывозить "крестьян". Они получают поместное и денежное жалованье. Из боярской книги на 1627 год видно, что подьячие приказов получали денежного жалованья по 37, 40, 50 и 60 р., поместного по 350 и 500 четвертей.

Дьяки, наши первые приказные люди, зародившись в пределах государева двора и для целей дворцового управления, мало-помалу проникают во все важнейшие отрасли суда и администрации. В то же время старинный правящий класс, бояре и дети боярские, поступая в придворные должности, превращаются в бояр введенных, окольных, дворецких, стольников, стряпчих, дворян и получают в дьяках товарищей своей судной и административной деятельности. Но эти два класса не смешиваются. Между новым классом дьяков, вышедшим из дворни государевой, и потомками старых вольных слуг есть великая разница. Потомки вольных слуг, воины по ремеслу, имеют отеческую честь и считаются ею; дьяки, дворовые писцы по происхождению, отеческой чести не имеют. Это потому, что первоначальная должность их мелкая; они и в XVII веке считаются "худым чином". Люди, состоявшие в худом чине, не могли по этому чину иметь высокой чести, им нечего было передать и своим детям.

Отсюда и преимущества дьяков, и недостатки их положения. Великое

преимущество худого чина состоит в том, что дьяки проникают всюду; это потому, что они могут быть младшими товарищами как родовитых людей, так и самых худородных. Но, занимая везде последнее место, они незаметны; о них забывают иногда упомянуть; самое имя дьяка нередко исчезает в более широком наименовании "товарища". Согласно с таким темным положением дьяка, в эту должность назначают людей мелких, худородных. Ряды их пополняются не только детьми духовенства, но и посадскими людьми и даже пашенными крестьянами*(158). Есть случаи назначения дьяков из дворян. В 1649 году бежецкий дворянин, Сем. Ив. Заборовский, был назначен думным разрядным дьяком; в 1675 году дворянин Вас. Гр. Пестриков был назначен дьяком Дворцового судебного приказа (Двор. разр. III, 108, 113, 1278). Но мы знаем, что термин "дворяне" со второй половины XVI века обнимает людей очень разного происхождения. Между ними есть потомки детей боярских и даже князей, а рядом с ними - потомки старинных дворовых людей и не только княжеских, но и митрополичьих, епископских, боярских. В дьяки назначались люди неважные по происхождению или захудалые*(159).

И должность дьяка худая, и назначаются на нее люди худые. Поэтому-то и местничество не могло привиться к дьякам. Есть случаи местнических споров дьяков с дворянами и даже окольными, но дьяки в этих спорах опираются не на дьячество свое, а на иных основаниях, например, на происхождении от детей боярских. Выше помянутый думный дьяк, Сем. Ив. Заборовский, в 1663 г. был приглашен к царю на обед, но после окольного Ос. Ив. Сукина. Он обиделся этим, уехал от стола "и бил челом государю в отечестве о счете на окольного Осипа Сукина". Очень характерно это челобитье: мы находим там такое место:

"Осипов прадед Сукина, Борис Сукин, был при царе Иване Васильевиче дьяк и в иных худых чинах бывали родители его".

Не менее характерен ответ Сукина, который тоже бил челом на Заборовского "О безчестьи и об оборони; а говорил, что де Семен Заборовской перед ним, Осипом, человек молодой, а бьет челом на него, Осипа, не по своей мере; а прежде сего на окольных думные дьяки не бивали челом. А дед де его, Осипов, Борис, во дьяках не бывал, и тем его Семен безчестит. А тот Борис, что был во дьяках и тот не их, Сукиных; и никто роду его, Осипова, в таких обышных чинах не бывали; а прадед де его, Осипов, при государе, царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси был боярин".

Потомок дьяка отрекается от своего предка. Заборовский, сам думный дьяк, утягивает своего противника дьячеством. Но Борис Сукин был в свое время то же, что теперь Заборовский. Чем же думный дьяк Заборовский лучше думного дьяка Сукина? Происхождением; он дворянин и, может быть, природный сын боярский, а Сукины - дьяческая фамилия. Челобитье Заборовского и в глазах царя не было, кажется, совершенно не основательно. Это видно из того, что Алексей Михайлович сперва разгневался было на Заборовского и запретил ему съезжать со двора и свои царские очи видеть, но очень скоро (на другой же день) смягчился и допустил к себе опального. Когда же Заборовский снова стал бить челом на Сукина, царь велел сделать выписку в Разряде и доложить себе. Указа, однако, по этому делу не последовало (Двор. раз. III. Прилож. 374).

В 1623 году происходил спор о местах между двумя стряпчими, отцы которых были дьяками. 3 декабря государь принимал казылбашского гонца. По этому случаю были назначены рынды и во второй паре стряпчие, Степан, Васильев сын, Телепнев да Михайло, Васильев сын, Ларионов. Ларионов обиделся и бил челом государю на Телепнева,

"Что ему менши быть его не вместно, потому что отец его, Василей, был сын боярский и служил по Дмитрову, а Василей Телепнев был подъячей, а из подъячих дьяк, и государь бы пожаловал, велел сыскать".

Чрезвычайно характерен государев ответ:

"И по государеву указу сказано Михайло Лорионову, чтоб он со Степаном Телепневым был, а быть ему с ним пригоже, потому что отец его, Василей Телепнев, был у государя думной дьяк посолской, а его отец, Михайлов, Василей Ларионов, рядовой дьяк, а се они оба люди неродословные и счету им нету: где государь велит быть, тот так и будь".

Несмотря на роль, какую играли дьяки в XVII веке, они продолжают оставаться неродословными, отеческой чести у них нет и счету им нет. И это не правительственная только точка зрения, а и самих дьяков. В обоих приведенных нами случаях никто не ссылается на честь дьяка. Наоборот, все спорщики согласны в том, что дьяк худой чин. Это утверждает и сам думный дьяк Заборовский и тем бесчестит потомка дьяка, окольного Сукина*(160).

Московская отеческая честь не родовая только, но и служилая, а потому дьячество не мешало выслуге. Дьяки производятся в высшие чины. Думный дьяк Лар. Дм. Лопухин был сделан думным дворянином; думный дьяк Сем. Ив. Заборовский сперва возведен в звание думного дворянина, потом окольного, а наконец, и боярина (Нов. XX. Алф. Ив.).

От московских дьяков в наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша история за последние два столетия далеко ушла от московских порядков. Но она не стояла недвижно и до Петра Великого. Москва второй половины XV, XVI и XVII веков еще менее походит на Русь домосковскую, чем на империю Российскую времен Екатерины II. Но и екатерининское время на наших глазах отходит уже в вечность. Реформы второй половины истекшего столетия опять двинули нас в новое, хотя еще и не вполне определившееся будущее.

Книга третья. Войско

Глава первая. Древнейшее время

Наша древность знала обязательное участие в войске и свободное. Обязательная военная служба имела место во всех тех случаях, когда война предпринималась по определению веча. В 1148 году новгородцы решили объявить войну ростовскому князю Юрию; обращаясь к призванному ими на помощь князю Изяславу, они сказали:

"Княже, мы все пойдем! Хоть бы дьяк был и гуменцо пострижено, да не поставлен, и тот пойдет".

В 1151 году киевляне решили воевать с тем же князем, Юрием, и так возвести об этом бывшим на их стороне князьям:

"У нас все пойдут, кто только может взять в руки хлуд! А кто не пойдет, укажите их нам, мы их побьем".

Люди, которые так говорили, отправлялись, конечно, от мысли о всеобщей обязанности принять участие в войне. По мере ослабления вечевого жизни право требовать отправления ратной обязанности сосредоточивается в руках князя.

И в глубокой древности князья могли вести войны без согласия веча. Но в этих случаях они выступали в поход не с народным ополчением, а только с охотниками: они призывали желающих идти с ними. Война в это время всегда сопровождалась грабежом, а потому охотники всегда находились. Даже частные люди предпринимали такие походы на чужую собственность. Таковы были, например, новгородские ушкуйники. Они доходили до Каспийского моря и возвращались иногда с богатой

добычей; а случалось, они все складывали свои буйные головы в таком предприятии. Большинство княжеских войн велось при участии охотников.

Ипатьевская лет. под 1147 г. совершенно ясно различает эти два случая. Когда киевское вече отказало своему князю поднять руку на Владимирове племя, Изяслав Мстиславич обратился к киевлянам с таким воззванием: "а тот добр, кто по мне пойдет!" и собрал таким образом множество воинов. Но такие ясные различия весьма редки*(161). В большинстве случаев нельзя определить действительный характер ополчения. Надо, однако, думать, что война с помощью народного войска, составленного из охотников, была весьма обыкновенным явлением. Военная добыча составляла один из главных способов приобретения в древнейшее время, и охотников повоевать было немало; а потому князь, взывавший к охочим людям, редко оставался один*(162).

Народное ополчение не составляло постоянного войска. Оно созывалось только на случай войны и распускалось по домам, как скоро война была кончена.

В состав обязательного народного ополчения входили все слои населения, начиная с лучших людей, или бояр, и оканчивая - худшими, или смердами. Так, в войске Ярослава Владимировича встречаем смердов, а позднее в войске Игоря Святославича упоминаются - черные люди (Воскр. 1019, Ипат. 1185); наоборот, в походе Всеволода Юрьевича на Чернигов принимают участие новгородские мещане и купцы (Новгород. I, 1195). При описании ночного нападения Даниила Романовича на Бельз читаем: "боярин боярина брал в плен, смерд - смерда, град - града", т.е. горожанин горожанина (Ипат. 1221). На помощь к Новомугородку из Пскова выступают: "посадники, бояре и пскович не много", т.е. горожан в тесном смысле (Псков. I, 1463). Великий князь московский, Иван Васильевич, посылает из Москвы на Казань: "сурожан, суконников, купчих людей и прочих всех москвич..." (Воскр. 1469); подобно этому новгородцы в борьбе с тем же князем выставляют против него: "купцев, житых людей и мастеров всяких, плотников и гончаров"*(163). В летописях весьма часты известия об обороне городов - горожанами, т.е. всем городским населением*(164); еще чаще городское ополчение обозначается общим именем - киевлян, новгородцев, лучан, москвичей, галичан, вятчан и пр.*(165)

Случалось, что вече во всем его составе обращалось в войско*(166). Если вече находило необходимым войну, оно же определяло и самые размеры военной повинности. Смотря по требованиям обстоятельств, тягость военной повинности была различна: самый высший размер ее составляло поголовное ополчение*(167); в менее важных случаях к участию в войне призывалась только часть населения*(168).

Право сходиться на вече народ удерживал за собой и во время похода.

Второй вид княжеских войск составляют служилые люди князя, которые в древнейшее время и жили во дворе князя. Мы ознакомились уже с разными наименованиями этого низшего разряда княжеских слуг. Согласно с последовательным изменением этих наименований в войсках князя встречаем: в древнейшее время - отроков, детских, гридей*(169); а потом дворян - и детей боярских*(170). Высший ряд служилых людей также принимал непосредственное участие в составе княжеских войск*(171). Но мужи и бояре выходили на войну не одиночно, а в сопровождении своих собственных слуг*(172).

Тот вид служилых людей, который находился неотлучно при князе, жил в его дворе, составляет древнейший вид постоянного войска. У некоторых князей число таких воинов, по тому времени, достигало значительных размеров. Святополк-Михаил Киевский, собираясь против половцев, говорил:

"Имею отрок своих 800, иже могут противу им стати" (Лавр. 1093).

Третий вид войск образуют призываемые князьями в помощь иностранцы: варяги, половцы, татары и проч.

В древнейшее время эт разные виды княжеских войск, взятые отдельно и в

соединении один с другим, назывались дружиной. В пример обозначения дружиной народного ополчения укажем на слова Ярослава Владимировича, обращенные к новгородцам:

"Заутра же, - говорит летописец, - собрав остаток Новгородцев Ярослав рече: о любя моя дружина, уже вчера избих, а ныне быша надобе" (для войны со Святополком)***(173)**.

Под 1036 г. находим пример обозначения дружиной всего войска, из каких бы частей оно ни состояло:

"Ярослав выступи из града и исполни дружину: постави варяги посреде, а на правой стороне Кыяне, а на левом крыле новгородцы"***(174)**.

Таким образом, народное ополчение из киевлян и новгородцев входит в состав дружины наравне с варягами. Кроме того, то же слово употребляется и в более тесном смысле для обозначения одних только княжеских слуг в отличие их от других составных частей войска. Под 1024 г. читаем:

"Мстислав же рече: кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя - цела"***(175)**.

Наконец, слово "дружина" обозначает и отдельные разряды служилых людей. Так, Владимир святой созывает бояр своих и старцев и, обращаясь к мужам, которые были посланы им для изучения различных религий, говорит: "скажите пред дружиною". Здесь наименование дружиной помимо старцев градских относится только к боярам князя, т.е. высшему разряду его слуг***(176)**. Но иногда слово "дружина" употреблялось для обозначения низшего разряда слуг, и именно в отличие его от высшего, которое в таком случае являлось под именем бояр. Так под 1186 г. читаем:

"А дружину Всеволожу повязаша, а жену его ведоша в Рязань и бояр его" (Сузд.).

В этом же смысле надо понимать и место Лаврентьевской лет. под 945 г.:

"Рекоша дружина Игореви: отроци Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази..."

Эта дружина, лишенная всего необходимого и ставящая себя в уровень с отроками Свенельда, состояла, конечно, из самого низшего слоя княжеских слуг***(177)**.

Итак, слово "дружина" употребляется в очень разных смыслах: и в тесном, и в очень широком смысле; оно служит для обозначения всех сторонников князя, к какому бы роду людей они ни принадлежали. Но так как служилые люди князя принадлежат по преимуществу к его сторонникам и друзьям, то, понятно, что всего чаще мы и встречаем их под этим именем***(178)**.

Кроме дружины для обозначения войска с древнейших времен было употребительно слово "полк". В отличие полков народных от полков, составлявшихся из княжеских слуг, первые назывались по городам, напр., киевский полк, новгородский, белозерский и пр., вторые по князьям, напр., полк Изяслава, Юрия, Вячеслава и пр.***(179)** Городовые полки назывались еще тысячами***(180)**. Позднее для обозначения войска вообще входит в употребление слово "рать"***(181)**: полк же встречается только в смысле боевого подразделения рати: большой полк или центр армии, сторожевой или авангард и пр.

Что касается до военного управления, то заведование местной обороной находилось в руках посадников и наместников, которым в силу этого и усвоилось наименование воевод. Под их начальством состояло не одно только местное народное ополчение, с целью усиления местных средств - в их распоряжение предоставлялись иногда и особые отделы из служилых людей князя***(182)**.

Центральное военное управление сосредоточивалось в руках самого князя и особых чиновников, известных под именами воевод и тысяцких. Эти оба названия

означают, собственно, одну и ту же военную власть. На это указывают такие выражения источников, как, например: "воеводство держащу киевския тысяща Яневи"*(183). Таким образом, тысяцкий есть вместе с тем и воевода: первое наименование перенесено на него от военного деления на тысячи, второе же от самого рода его занятий. Но в употреблении этих терминов усматривается некоторое различие, обусловливаемое указанным уже различием в составных частях княжеского войска. Слово "воевода" употребляется в самом широком смысле: так называется всякий военачальник, каким бы разрядом княжеских войск он ни командовал и на какое бы короткое время ни был назначен. Более в тесном смысле употребляется наименование тысяцкого; так называются преимущественно начальники городских полков или тысяч, откуда и возникло самое их имя. Мы остановимся прежде на тех немногочисленных свидетельствах источников, которые характеризуют должность тысяцкого, и затем уже перейдем к остальным воеводам.

Должность тысяцкого есть постоянная должность. Он назначался непосредственно вслед за тем, как известный князь добывал себе известный стол, и независимо от того, предстояла война или нет*(184). Согласно с этим характером тысяцких, как постоянных чиновников, источники сохранили указание на существование их в мирное время*(185).

Назначение тысяцкого принадлежало князю, так же как и увольнение*(186). Раз назначенный, он являлся во главе городских полков во всех войнах, которые велись в течение его служебного периода, без всякого нового назначения, в силу того, что он возведен в звание тысяцкого. Тысяцкий назначался для предводительства только тем народным ополчением, которое собиралось по определению веча. Согласно с этим, если князь выступал на войну против воли веча, тысяцкий не следовал за ним, а оставался в городе*(187). Должность тысяцкого не могла пережить тех условий, которые ее вызвали, т.е. веча и зависевших от него городских полков. Позднейшее указание на существование тысяцких в Москве относится к концу XIV в. В Воскр. лет. под 1374 г. находим известие о кончине последнего московского тысяцкого, Василия Васильевича Протасьева: эпитет "последний" указывает на то, что по смерти Протасьева московские князья не назначали более тысяцких, а довольствовались воеводами*(188). Значение этой перемены уяснится из того, что будет сказано о воеводах.

Должность ратных воевод не была постоянной: они назначались, по мере надобности, для предводительства в известном походе*(189). С окончанием войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и данные им полномочия. Предводительству воевод поручались как служилые люди князя, так и охотники из народа. Число воевод было совершенно произвольное и исключительно зависело от усмотрения князя, которому принадлежало их назначение и увольнение*(190). Таким образом, учреждение воевод оставляет гораздо большую свободу князю, чем учреждение тысяцких; в этом различии и коренится объяснение только что указанного уничтожения последней должности.

На подчинение одних воевод другим не находим указаний. Если для одной и той же войны назначалось несколько воевод, каждому из них давался особый отряд войск и особое поле действия*(191). В случае же совокупного действия, по общему обычаю древней России, они должны были руководствоваться началом единения, действовать "за один муж".

В должность воевод назначались - князья, бояре, мужи, дети боярские, дворские, окольничие и пр.*(192) Должности тысяцких, надо думать, поручались лучшим людям из местных бояр.

Под тысяцкими стояли сотские, а под ними десятские.

Наши древние войска вовсе не были знакомы с требованиями правильной военной дисциплины; подчинение начальникам было далеко не безусловное*(193).

Воины сражались не столько по сознанию долга службы, сколько по охоте и воодушевлению, за отсутствием которых не было никакой возможности рассчитывать на успех дела*(194).

В заключение необходимо остановиться на порядке командования военными силами в тех случаях, когда война велась не одним князем, а несколькими союзниками вместе. В древнейшее время, в случае соединения нескольких князей для одного общего дела, каждый из них удерживал начальство над принадлежащими ему войсками. Другая особенность состояла в том, что князьям-союзникам совершенно чужда мысль об учреждении главного начальника, которому принадлежало бы верховное распоряжение над всеми военными действиями. Князья-союзники действовали или по общему соглашению, или врознь, каждый за себя, кроме тех случаев, конечно, когда известный князь подчинял себя воле другого*(195).

В летописных источниках встречаем обычай - посылать одного из князей "ездить напереди". Ездить "напереди" значило ездить с авангардом для предварительных разведок. Для этой цели избирались князья "бодрые, дерзкие и крепкие на рать". Избрание их, как и все другие распоряжения во время похода, зависело от соглашения всех князей-участников*(196).

С теми же порядками встречаемся и во времена позднейшие. Начало единства команды одинаково чуждо всем дошедшим до нас княжеским договорам XIV и последующих веков. Каждый из князей-союзников, на основании этих договоров, удерживал за собой право команды своими войсками - лично или через посредство назначаемых им воевод*(197). При отсутствии особых статей, определяющих порядок распоряжения союзными войсками, нет никакого основания допустить подчинение одного союзника другому на случай похода, по крайней мере, для тех князей, в договоры которых не внесено никакого одностороннего ограничения воли одного из договаривающихся в пользу другого*(198).

В княжеских договорах встречаем только определение лица, под предводительством которого в известных случаях войска должны были выступать в поход. Особенно важное значение имело личное предводительство князя; а потому князья, выговаривавшие в свою пользу содействие других князей, вместе с тем определяли и самые случаи, когда это содействие должно было быть оказываемо под личным предводительством их союзников. Случаи эти определялись различно: иногда союзники обязывались выступать лично в поход только тогда, когда выступал лично и сам нуждавшийся в помощи; иногда они предоставляли ему право требовать их личного участия в войне даже и в тех случаях, когда сам он оставался дома и вместо себя высылал сына или воевод*(199).

В договорах встречаем еще одно частное определение относительно назначения воевод для московской рати. Так как Москва находилась в общем владении нескольких князей, то естественно, между ними возникал вопрос о праве назначения воеводы в эту общую рать. В договоре боровского князя, Василия Ярославича, с вел. князем Василием Васильевичем право это передано последнему (Р. С. 1. N 45). Где такого условия нет, надо предполагать назначение воеводы по общему соглашению всех князей-совладельцев.

Переходим к вопросу о содержании войска. Постоянным содержанием пользовалась только небольшая часть воинов - отроки, гриди, дворяне, словом, только те, кто жил во дворе князя и на его счет. Источники не сохранили никаких подробностей о мере и роде этого содержания*(200). Остальное войско не получало постоянного содержания и вознаграждалось некоторыми случайными выгодами войны, из которых первое место принадлежит военной добыче.

По первоначальному взгляду, воевать значило - обогащаться добычею, брать в плен людей, овладевать их скотом и всякого рода движимостями*(201).

Возможность легкого обогащения сильно привлекала народ к участию в княжеских войнах. Битвы могло и не быть, но без грабежа дело не обходилось. Он начинался обыкновенно вместе со вступлением в неприятельскую землю. Так, при описании похода Андрея Боголюбского на Новгород читаем: "и пришедше только в землю их (Новгородскую), много зла створиша (воины Андрея); села взяша и пожгоша, и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скоты поимаша..." (Ипат. 1173). И все это по отношению к мирным жителям, которые не вошли в состав собравшегося в Новгороде войска, а остались дома за своими обычными занятиями. Эти суровые обычаи войны объясняют следующее известие летописи о полочанах. Узнав о походе на них смольнян и новгородцев, полочане так рассуждают на вече:

"Не может стати противу новгородцев и смольняном, аще пустим их в землю, то и мир хотя с ними будет, а зла много сделают нам и землю нашу пусту сотворят: пойдём к ним на рубеж"*(202).

Этот характер войны не изменился и в позднейшее время. Под 1382 г. читаем:

"Не по мнзех же днях великий князь Дмитрий Иванович посла рать свою на князя Олега Рязанскаго: князь же Олег сам не в мнзех людей убежа, а землю его до остатка пусту ратнии учинили, пуще ему бысть и татарския рати" (Воскр.).

Война великого князя Ивана Васильевича с Новгородом описана в следующих выражениях:

"Братия же великаго князя все с многими людьми, кийждо из своая отчины, поидоша разными дорогами к Новугороду, пленяюще и жгуще и люди в плен ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кийждо на свое место послан"; и далее: "не токмо бо те воевали, кои с великим князем и братиею его, но и изо всех земель их пешею ратью ходили на них, а Псковская вся земля от себя их же воевала" (Воскр., 1471).

Вести такую войну значило "брать землю на щит".

"Того же лета, - рассказывает летописец под 1401 г., - на миру, на крестном целовании, князя великаго Василия повелением, Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великаго ратью, наехав войною за Волох, и взял всю Двинскую землю на щит без вести, в самый Петров день, христиан посекли и повешали, животы их и товар поймали..." (Новг. I. Ср. Лавр. 1127).

Конечно, не все войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала в существе дела, обуславливалась особенностями тогдашней военной организации, а потому и составляет отличительную черту наших древних войн. Как скоро народ всей своей массой переходил в воинов, было трудно и опасно отличать мирных жителей от немирных и щадить жизнь и имущество первых. С другой стороны, при малом развитии государственного хозяйства для продовольствия войск во время похода не существовало других средств, кроме собственности неприятеля. Конфискация же ее только в мере, необходимой для обеспечения продовольствия, была невозможна по отсутствию всякой дисциплины в рядах княжеского войска, и, кроме того, лишила бы войну всей ее привлекательности в глазах народных масс.

Согласно с этим характером наших древнейших войн, при выборе пункта для нападения князей занимали не столько стратегические соображения, сколько желание выбрать местность, способную и прокормить их воинов, и обогатить их полоном.

"Оже пойдём к Новугородку, - думают южные князья, Мстислав, Владимир и Юрий, - во время похода на Литву, а тамо уже татарове извоевали все; пойдём где к целому месту!" (Ипат. 1277).

Право делать добычу принадлежало всем разрядам княжеских войск, без всякого между ними различия: каждый воин приобретал то, чем завладевал*(203). В мирных договорах князей находим статьи, которыми военная добыча признается собственностью приобретателя*(204). Исключения делаются только в пользу

пленных, относительно которых встречаем условия о возвращении их даже и в том случае, если бы они были уже кому проданы (там же. N 43, 47, 48, 54, 56, 65). В Ипат. лет. под 1229 г. есть указание на ограничение права делать добычу. В мирный договор русских князей, Даниила и Василька, с польскими было внесено условие, по которому обе стороны, в случае войны между ними, обязались не делать пленников*(205).

Второй вид вознаграждения воинов составляли единовременные денежные награды, которые выдавались князьями и обыкновенно вслед за окончанием известной войны. Для этой цели назначались или собственные суммы князя, или особые контрибуции, которые выговаривались с побежденных при самом заключении мира*(206). Единовременные награды выдавались всем воинам, без различия рода войск*(207); но, понятно, что дружина в тесном смысле, состоя постоянно при князе, имела гораздо более случаев получать такие награды, а потому и обогащалась скорее. Летописи отметили имена некоторых князей, особенно щедрых в этом отношении. Так, о Владимире Глебовиче читаем:

"И плакашася о нем все переяславцы, бе бо любя дружину, и злата не собирает, но дояшет дружине"*(208).

Для продовольствия войска во время его переходов в пределах собственного княжества встречаем учреждение корма, как натуральной повинности, лежавшей на волостных и городских людях. Древнейшее указание на корм относится к XI веку*(209). В договорных грамотах князей встречаем условия, которыми князья-союзники обязываются давать друг другу корм при переходе их войск через пределы союзного княжества*(210). Согласно с этим встречаем и учреждение особого чиновника, обязанность которого состояла в наблюдении за собиранием корма для продовольствия союзных войск*(211). Рядом с обязанностью давать корм существовала обязанность отводить квартиры проходящим войскам, давать им подводы и проводников. В некоторых жалованных грамотах встречается освобождение от этих повинностей (А. А. Э. I. N 24, 89, 98).

Глава вторая. Служба в Москве

В первой половине XV века Московское государство было очень невелико: к нему не принадлежали ни Тверь, ни Псков, ни Новгород, ни Рязань. Обширные земли Новгорода охватывали владения московских князей и с запада, и с севера, и с востока, а Рязань, владения которой переходили и на левый берег Оки, ограничивала их с южной стороны. Но и в этих тесных пределах московские великие князья делили свою власть с удельными, которые были их соправителями даже в пределах стольного города Москвы. Только со второй половины века объединение Руси начинает делать значительные успехи. Великий князь Иван Васильевич присоединяет к Москве Новгород, Тверь, северские города (Брянск, Мценск, Стародуб, Новгород-Северск, Чернигов, Рыльск, Путивль) и Пермь; воеводы его проникают и за Уральские горы. Но на этом не могло остановиться дело государственного объединения русского народа. На западной границе Москвы находилось Литовское княжество, соединившееся с Польшей: это была постоянная угроза Москве; на восточной границе лежали царства Казанское, Сибирское и Астраханское; с юга угрожали крымцы, татары, нагаи. Надо было или присоединить все эти земли и народы к Москве, или погибнуть. Сын Ивана Васильевича овладел Псковом, Рязанью и Смоленском, а его внук, царь Иван, - царствами Казанским, Сибирским, Астраханским. И на этом нельзя было остановиться: новые границы только переносили на новые места точки враждебного столкновения противников. В XVII веке границы Московского государства раздвигаются еще шире.

Таково историческое движение Москвы в XV, XVI и XVII веках. Она ведет постоянные войны: то на западе, то на востоке, то на юге, а иногда и одновременно на двух сторонах. Но если войны и нет, Москва все же должна держать по всем своим окраинам вооруженную заставу на случай нападения.

На долю каждого государства в каждый момент его жизни выпадают некоторые цели, достижение которых становится для него жизненной необходимостью. Оно идет вперед, если достигает их осуществления, и разлагается, если не умеет справиться с предстоящими ему задачами.

Задачи и цели Московского государства чисто военные.

При дворе московских государей велись записи обо всех событиях придворной и государственной жизни: о свадьбах в царской семье, о торжественных обедах, о приемах иностранных послов, о походах царских войск; в эти записи заносились и правительственные распоряжения по службе, наказы воеводам и т.д. Этот любопытнейший материал сохранился далеко не вполне; часть его издана и известна под названием разрядных книг. Эти книги дают яркую картину и нашей старинной военной жизни. В них приведены все наряды войск для целей войны. Наряды идут из года в год и требуют большого напряжения народных сил. Вот примеры.

Лета 1492 князь великий Иван Васильевич послал воевод своих в Северу: в большом полку и т.д. (следует перечисление полков и воевод в них).

Лета 1493... князь великий послал своих воевод тех городов доставать (городов, захваченных вел. кн. литовским) и т.д.

Лета 1495 послал князь великий воевод на свейские немцы...

Лета 1496 князь великий послал на свейские немцы из Новгорода от себя других своих воевод...

Лета 1497 сентябрь в - день князь великий из свейскаго похода воевод убавил, а приговорил на весну послати на Казань воевод, а на свейскую землю велел ити воеводам по полкам.

Лета 1499 великий князь послал в Казань воевод своих...

Лета 1500 князь великий послал воевати Литовския земли.

Лета 1501 князь великий послал воевод в Литовскую землю.

В тот же год послал великий князь на улусы (татарские) рать свою.

Лета 1502 послал князь великий в Старо дуб воевод своих...

Того же лета князь великий послал на Смоленск рать свою...

Лета 1503 поход из Северы на Литовскую землю...

Лета 1505 князь великий послал заставу свою в Муром...

Того же лета в Муром же послал князь великий воеводу...

Лета 1506 князь великий Василий Иванович послал под Казань на царя Магмет Аминя...

Того же лета послал князь великий в Муром воевод...

Лета 1507 послал князь великий в Муром воевод казанского дела для... Лета 1508 послал князь великий на Литовския места... Лета 1509 послал князь великий к Дорогобужу...

Лета 1512 послал князь великий воевод своих на украйну... (против татар).

Того же лета велел князь великий быти воеводам своим на Угре... Лета 1513 походы великаго князя к Смоленску... Лета 1514 великий князь приговорил ити в третьи к Смоленску... Лета 1515 князь великий велел отпустить воевод к Полоцку...

Это все военные воеводы, а не городские; таким образом, в течение 24 лет война не прекращается. Если в некоторые годы воеводы и не посылались, так ведь это вовсе не значит, что эти краткие промежутки население пользовалось благоденствиями твердого мира и спокойно предавалось трудам земледелия и промыслов.

Я прекратил мои выписки вовсе не потому, что с 1516 года началось вожделенное спокойствие. Сделаем перерыв и посмотрим, что происходило во второй половине века.

Лета 1551 в Елатме были воеводы по нагайским вестем и на деле были...

В Белеве были воеводы по крымским вестем... До потем же белевским вестем послал царь и великий князь...

Того же лета в Смоленску годовали воеводы...

Того же лета были воеводы от поля, от крымские стороны, в Пронску... в Туле... во Мценску... в Одоеве... в Козельску... в Корачеве... и т.д.

Лета 1552 царь и великий князь послал воевод к Казани...

Того же лета крымский царь приходил к Туле и царь и великий князь велел ити к Туле воеводам...

Лета 1553 царь и великий князь город Казань взял...

Лета 1554 из Нагаи выбежали полоняники и сказывали, что Измаил мурза и иные мурзы Волгу перевезлися со многими людьми... и быти им на Цареве и великаго князя украине. И царь и великий князь по тем вестем расписал воевод по полкам...

Лета 1555 царь и великий князь послал воевод в казанские места на луговых людей...

Того же лета были воеводы от поля и по берегу от крымские стороны...

Того же лета приговорил царь и великий князь послать на крымские улусы воевод...

Того же лета писал Царю ив. к. из Новгорода боярин и наместник... что собираются свейсаго короля немецкие люди в Выборг, а хотят ити на украины царя и великаго князя. И царь и в. к. отпустил воевод своих...

Лета 1556 по крымским вестем Царь и в. к. для крымским людей прихода велел быть воеводам...

Да на свейских же немцев послал царь и в. князь...

Лета 1557 были воеводы для осеняго приходу от крымских людей...

Того же лета царь и в. князь послал по украиным городам на обмену тем воеводам, которые с поля пришли...

Лета 1558 послал царь и в. к. на Ливонские немцы зимою...

Лета 1559 государь, ц. и в. к. послал на ливонские немцы зимою...

Того же лета приговорил царь и в. к., как ему против своего недруга, крымсаго царя Девлет Кирея стоять... а воеводам велел быть по полкам...

Лета 1560 против маистра, как маистр пришел к Юрьеву, были воеводы по полкам...

Того же лета приходили на Рыльския места крымские люди... царевич крымский стоял на Удах, а с ним 20 000 человек. И по тем вестем на Туле были воеводы...

Лета 1561 послал государь воевать Ливонския земли...

Лета 1562 посылал государь воевод из Юрьева к Тарвасу на литовские люди...

Лета 1563 поход царя и в. к. к Полоцку зимою...

А как государь пошел с Лук к Москве, расписал воевод по годовым службам от немецких городов и от Литовской украины...

Лета 1564 поход из Полоцка в Литовскую землю...

Того же лета роспись воевод по полкам от Литовской украины...

Лета 1565 писал к государю из Чернигова кн. В. Прозоровский да Фома Третьяков: приходили литовские люди к Чернигову... и они тех литовских людей от города отбили и многих литовских людей побили и знамя Сапегина взяли.

Из Полоцка архиепископ и бояре писали: приходили литовские люди и польские к Полоцку многие... и, стояв, от города пошли прочь и по домам разошлись.

И царь и в. к. велел ити с Лук с Великих. Роспись воеводам по полкам и т.д.

На эти 15 лет выпадает немало походных и боевых трудов, а я выписал далеко не все.

На окраинах, а они со всех сторон окружают Московское государство, постоянно содержатся военные силы; они охраняют вновь присоединенные места и, по мере надобности, идут вперед; в этих случаях они пополняются новыми полками. И так без перерыва из года в год, изо дня в день, целые десятилетия, и одно десятилетие за другим. Много ли оставалось времени у этих бойцов на что-нибудь другое? И что это за жизнь, которую им приходилось вести? Ни один из них не имел уверенности в том, где проведет завтрашний день.

Кто же составляет эти боевые силы и как они были устроены?

Ответ на предложенный вопрос встречается со значительными трудностями, благодаря особенностям московского законодательства и управления. Москва рассматриваемого времени имела уже законы в смысле общих норм, но только не в той области управления, о которой здесь идет речь. Порядок военной организации определялся не законами, а правительственными распоряжениями на отдельные случаи. Да и распоряжения-то эти далеко не все сохранились и нам известны. Мы имеем дело не с законами и даже не всегда с частными распоряжениями, а главным образом с практикой, оставившей свои следы в разрядных книгах, служилых списках (десятиях) и других документах, сохранивших сведения о наших старинных военных порядках. На основании этой практики и надо составить себе понятие о том, каковы были у нас военные порядки. Благодаря этой особенности московского управления, я буду иметь дело не столько с законами и распоряжениями, сколько с фактами бытовой военной жизни. А это, в свою очередь, должно отразиться и на характере моих выводов. Они скорее дают картину обычной правой жизни, чем жизни, регулируемой законом; а потому они и не могут отличаться той определенностью и всеобщностью, как нормы законные.

Говоря о военных силах, мы разумеем теперь людей, состоящих на военной службе, а военной службе мы противопоставляем гражданскую. И военные люди, и гражданские чины одинаково служат государству. Так ли это было в Москве?

В Москве службой царю и великому князю считалась - только военная. В 1622 году стольник да подьячий, разбиравшие тверских дворян, спрашивали, есть ли между ними такие, которые живут по приказам и у дел, а государевы службы не служат, а служить им мочно?*(212). По-нашему, служить по приказам и быть у разных правительственных дел - значит быть на службе; по понятиям московских людей, это не служба; служба - только военная, на которую стольник с подьячим и приехали записывать тверичей. Служить в военной службе - это особая честь, которой добиваются все служилые люди. Тех из них, которые не являются к смотру, "выкидывают из службы вон"*(213).

Выкинуть из военной службы значит наказать. Находиться на военной службе - это особая честь. Быть назначенным в полковые воеводы - значит быть "пожалованным". В 1540 году царь и великий князь Иван Васильевич приказывает кн. Ив. Ногтеву "быть на своем жалованьи, на Калуге", т.е. полковым воеводой. В 1621 году всем дворянам и детям боярским приказано было объявить: "кто к служебному разбору не будет и у смотру в списке не объявится, и тем впредь верстанья не будет и в службу их не возьмут"*(214).

В награду за труды военного времени дается доходная гражданская должность. В 1577 году В.М. Бабину "за крымский полон даны недели", т.е. должность недельника, приносящая доход*(215). Служащие в гражданской службе, но не имеющие военных заслуг, лишаются тех преимуществ, которые даются военным. В 1591 году раздавали жалованье ряжским служилым людям; но тем из них, которые были у государевых дел по приказам, государево денежное жалованье

не дано*(216). По Уложению решеточным приказчикам поместий не дают. А если у них есть поместья, они должны служить военную службу (XVI, 67).

Эта разница военной и гражданской службы хорошо объясняется теми постоянными трудами, а нередко и опасностями, которые соединялись с первой. Гражданская служба - отдых от трудов, а не служба.

Так как под службой разумеют только военную службу, то понятно, что это слово приурочилось к военному делу и под ним стали разумеать разные принадлежности военной службы. В Москве говорили: "и службы у него никакия в заводе нет". Это значит, у него нет никакого служебного снаряда, ни лат, ни копий, ни пищалей. Или: "взять доточных людей с полною службой", т.е. со всяким вооружением*(217).

В дальнейшем изложении я не буду говорить "военная служба", а просто "служба", так как только военная служба и считалась в Москве службой. Не слышатся ли отголоски этих старых понятий и в наши дни?

В Москве, как и ранее, была служба обязательная и добровольная.

Обязательная служба лежала на всем населении; ей подлежали: дети боярские, помещики, дворяне*(218), всякие виды посадских людей и крестьян, как коренные русские, так и всякие инородцы, присоединенные к Московскому государству. У нас в науке установился термин "служилые люди", под которым разумеют высшие разряды служилых: дворян и детей боярских. Это словоупотребление не соответствует древнему. В десятнях служилыми людьми называют даже крестьян и рабов, которых господа обязаны были выводить с собой в походы. Об обязанности нести военную повинность крестьян и посадских людей говорится в III т. "Древностей", но для большей очевидности этого порядка вещей приведу еще несколько новых данных.

В 1609 году в Смоленске расписаны по башням и воротам, для осадного времени, дворяне и дети боярские, а с ними и посадские люди. Они служат у наряда. В 1616 году для ограждения Литовской украины призвано было на службу, кроме дворян и детей боярских, 100 человек можайцев, посадских людей. В 1618 году для защиты Москвы от прихода польских, литовских и немецких людей были призваны на службу, кроме дворян и детей боярских, люди гостиной и черных сотен, из них 70 человек с пищалами и 209 с рогатинами. В 1623 году для ограждения Белгорода были призваны "жилицкие люди с их братьею и племянниками, с суседы и с подсосудники и захребетники, со всякими боями". В 1625 году для защиты города Владимира были призваны: 44 посадских человека с пищалами, да 115 с рогатинами, 62 дворника и 14 огородников с пищалами, да 4 огородника с рогатинами, да великого государя святейшего патриарха московского и всея Руси слободских крестьян - 17 человек с рогатинами, соборных попов крестьян - 31 человек, Дмитровской слободки крестьян 2 человека с рогатинами, Вознесенского монастыря слободки крестьян 7 человек с рогатинами и т.д.*(219)

Для лиц высших разрядов служилых людей воинская повинность составляла личную обязанность каждого, по достижении 15-летнего возраста; крестьяне же и посадские воины поступали на службу не по личной обязанности, а они выставлялись своими обществами, на которых и лежала воинская повинность. Сельские и городские общества обыкновенно давали их с известного числа сох или дворов, но в Смутное время эта повинность принимала иногда размеры всенародного ополчения. В наказных памятях о сборе ратных людей определялись и их качества. Это должны быть люди молодые, резвые и стрелять из самопалов гораздые, не воры, не бражники и не зернщики. Им усвоялось наименование "даточных людей". Если не было своих подходящих, общества могли нанимать людей, знакомых с огненным боем. В 1617 году, по вестям о приходе литовских людей, велено было собрать "даточных людей с митрополитов, и со владык, и с

монастырей, и с посадов, и с черных волостей" и т.д. Эти даточные люди несут совершенно такую же службу, как дети боярские и дворяне. Далее в том же документе читаем: "И росписать дворян и детей боярских, и иноземцев, и даточных людей в сотни... где литовские люди объявятся, посылать голов с сотнями" (Кн. разр. 362).

В Московском архиве Министерства юстиции хранятся любопытные материалы, относящиеся до службы посадских людей XVII века. "Это "смотренные списки" посадских людей, составлявшиеся для определения боевой способности жителей известного города. Дворы их делились на сотни и десятки, а в Вологде на сороки, они были вооружены. Им велись списки с показанием, у кого какой бой. В Ярославле, например, в 1669 году было 2803 двора, а людей с боем было - 3466 человек*(220).

Иногородцы, присоединяемые к Москве, также зачислялись в службу. В московских полках служили: татары, литовцы, немцы, чуваша, черемисы и т.д.*(221)

Кроме обязательной службы в Москве была и вольная, в смысле поступления на службу не по обязанности, а по охоте. В казаки*(222) и стрельцы, например, прибирали вольных охочих людей, добрых, которые стрелять горазды. Точно так же из вольных людей, путем прибора, составлялись драгунские, солдатские и рейтарские войска; в состав этих войск вводились и обязанные к службе*(223).

Под вольными людьми в Москве разумелись люди, не записанные ни в тягло, ни в службу. Но случалось, что и записанные и в тягло, и в службу бросали свое дело и переходили в разряды охотников. Эти переходы допускались и правительством. В 1649 году некто Е.П. Хабаров предложил правительству прибрать служилых и промышленных охочих людей, которые похотят идти без государева денежного жалованья на непослушных ясашных людей по рекам Олекше и Шилке. Это ходатайство было разрешено*(224).

Охочие люди не только входят в состав новых разрядов войск, каковы стрельцы, солдаты, рейтары и пр., но и зачисляются в ряды стародавней московской службы; они везде там, где это для государства нужно. В 1614 году получено было известие, что в замосковские и поморские города пришли воры-казаки, многие люди, и по селам и городам дворян и детей боярских, и гостей и торговых и уездных всяких людей побивают до смерти, и тесноту Московскому государству чинят великую. По этим вестям во всех угрожаемых городах поведено было собирать охочих всяких людей, боярских и дворянских, и приказчиков, и монастырских слуг с посадов и уездов, а собрав тех людей, над теми ворами и изменниками промышлять (Кн. разр. I, 10). Охочие люди на службе - это, конечно, остаток самой глубокой древности. Бесчисленные войны удельного времени велись если не исключительно, то при значительном участии охочих людей. Но и обязательная военная служба, как видно из предшествующей главы, имеет весьма глубокие корни в нашей истории.

Переход вольной службы бояр и детей боярских в обязательную совершился не в один день. Можно думать, что первая мысль о переходе их службы в обязательную возникла в применении к тем лицам, которые получали от князей пожалование земель на поместном или ином каком праве. Первые зародыши такой обязательной службы можно видеть в памятниках XIV века; но она слагалась очень медленно и не составляла еще общего правила даже в XVI веке. Шестнадцатый век представляет еще очень крупные пережитки порядков старинной военной службы. По переписи земель в Тверском уезде, произведенной в 1539 году, оказалось, что в Микулинской волости из 159 вотчинников на службе великому князю состоит только 49 человек, тверскому владыке служили - 3, частным лицам - 46, никому не служили - 55 человек. В волости Захожье было 150 вотчинников, из них великому князю служили - 57, тверскому владыке - 12, частным людям - 2, вовсе не служили - 56. В волости Суземье было 104 вотчинника, из них великому князю служили - 55, владыке

- 9, частным лицам - 10, никому не служили - 14. Объединение русских земель в XVII веке сделало в этом отношении большие успехи, но и в XVII веке встречаются дети боярские и дворяне, которые все еще не служат великому князю, а служат разным частным лицам; бежецкий помещик М.Ю. Сербенинов, например, в 1622 году служил Д. Погожеву; другие были служками в монастырях и т.д. Но это уже мелкие исключения из общего правила, и даже не исключения, а нарушения общего правила.

Итак, обязательной службе подлежали в Москве все классы населения, начиная от дворян и детей боярских и кончая посадскими и крестьянами. Социальное положение этих классов было неодинаково: одни могли спокойно сидеть дома и кормиться от своих земель, не прилагая к ним рук своих, другие содержали себя личным трудом. Это отразилось и на отправлении ими воинской повинности. Служилые люди высших разрядов, дворяне и дети боярские, должны были служить все поголовно. Низшие же классы служили не поголовно; здесь обязанность службы лежала не на каждом человеке, а на обществах сельских и городских, которые должны были выставить известное число воинов с определенного числа дворов.

В этом и заключается существенное различие службы высших и низших классов населения. Во всех других отношениях служебное положение их если и не совершенно совпадает, то подходит довольно близко одно к другому; встречаются даже случаи, когда служилые высших классов переходили в службу низших, а эти последние - в службу высших.

Высшие и низшие классы не составляют постоянного войска, они одинаково призываются только на известный поход. В этом они равны.

Но высшие классы служат поголовно, дети служат еще при жизни родителей, здесь служит целый класс; в низших же разрядах служит не класс, а постоянно сменяющиеся лица. Это порождает новые важные различия. В высшем классе обязанность службы от отца переходит к сыну, и служба получает наследственный характер. Это уже видно в памятниках XVI века. В одной грамоте об отставке читаем: "А в его место велели служить сыну его Булгаку, как поспеет; а сын его одиннадцати лет; а дали сыну его срок на 4 года"*(225). Далее, имея в своем распоряжении класс наследственных слуг, правительство считает себя обязанным особенно заботиться об этом классе и устраивать членов его так, чтобы они действительно могли служить. По отношению к слугам низших классов правительство таких мер не принимает. Здесь обязанность вооружать воинов и содержать их лежит не на правительстве, а на общинах, которые их выставляют. Служба и тех и других оплачивается, но из разных кошельков.

С появлением постоянных войск, по западноевропейскому образцу, а эта новость восходит к концу XV века, происходит сближение и в этих двух отношениях. В драгунах, рейтарах, солдатах служат вольные люди всякого происхождения. Кто поступил в эти войска, остается там с потомством; таким образом, и для низших классов возникает наследственная служба. Заботу о содержании и вооружении постоянных войск правительство принимает тоже на себя. Солдаты, драгуны, рейтары точно так же верстаются поместьями и денежным государевым жалованьем, как дворяне и дети боярские*(226).

В этих новых войсках, как и в старых, стоят рядом лица самого разного происхождения. В 1679 г. верхотурскому воеводе велено было, от прихода воинских людей, построить драгун из тяглых и не тяглых людей; а около того же времени в Орле в драгунах служили дети боярские, в Атемаре дворяне и дети боярские служили в рейтарах и солдатах, в Ломове дворяне и дети боярские - в рейтарах, в Луцке казаки служили в рейтарском строю. Одно и то же лицо служит то полковую службу с дворянами и детьми боярскими, то рейтарскую со всякими вольными и даже тяглыми*(227).

Те же явления наблюдаем и в XVI веке. Рязские дети боярские в 1591 году уходят добровольно в казаки, и правительство это допускает, а имя данковского стрельца значится в послужном списке рязских детей боярских*(228).

Были даже случаи, когда крестьяне прямо-таки заменяли на службе дворян и детей боярских. Я вижу это в постоянно повторяющемся распоряжении, по которому отставные служилые люди и недоросли должны были выставлять за себя даточных людей. Сами они служить не могут, отставные - по старости, болезням, ранам, недоросли - по молодости, а потому и заменяются своими крестьянами. Это выступает еще яснее из одной десятины, в которой приведено такое правило: "В случае отставки, служить сыну его, а если сына нет, даточному человеку" (Атемарск. дес. 142).

Итак, в Москве дворянская служба не была обособлена от крестьянской, и дворяне и крестьяне стояли рядом в одних и тех же сотнях и заменяли друг друга и в новом строевом, и в старом нестроевом войске. Московская служба не имела характера привилегии; объединение Русской земли совершалось не силами замкнутого дворянского сословия, а силами всего населения Русской земли, и дворянами, и посадскими, и крестьянами.

Насколько резкое обособление высших классов от низших было чуждо служилым чинам Москвы, видно из следующих курьезных случаев.

Г.А. Пиков был верстан денежным и поместным окладом и в 1597 году явился на смотр к получению денежного жалованья. Рязанский сын боярский г. Коробьин увидел его на смотре и признал в нем своего холопа и вчинил иск о возвращении его в холопство.

Е.Н. Воронов, наделенный поместьем в 40 четей, также явился на смотр и к получению государева жалованья. Местные дворяне, увидав его, сказали, что он живет в крестьянах за И. Протасовым. Воронов это признал, но утверждал, что это было раньше, а в последнее время, в течение целых 8 лет, он служит государю. Дело поступило на решение московских бояр; они нашли, что Воронов, несмотря на то, что в прежнее время рядился в крестьяне к Протасову, может нести дворянскую службу с городом.

Ф.И. Кирьяков верстан был окладом поместным и денежным наравне с другими рязскими детьми боярскими, но на смотр не явился; местные дворяне сказали, что он не служит, а состоит дьячком на крылосе.

М.Г. Балашов был наделен поместьем в 20 четей и служил с городом, а по рождению он был сын ямщика.

Б.С. Никонов также был верстан поместным и денежным окладом и состоял в списке рязских детей боярских и явился на смотр. Местные дети боярские сказали про него, что он мужик, портной мастеришко, и жил у г. Фролова в дворниках. Дело дошло до Москвы. Бояре приговорили выкинуть его из службы*(229).

Итак, в дворянские и детей боярских списки заносятся крестьяне, мастерские, дьячки, сыновья ямщиков и даже холопы, они верстаются поместными и денежными окладами и несут государеву службу в рядах дворян и детей боярских. А всякая такая запись делается при участии самих же местных дворян и детей боярских. Это возможно было только при очень малом развитии чувства классовых различий, что и составляет особенность Москвы. А эта особенность объясняется крайней пестротой состава высшего служилого класса в Москве, о чем уже была речь. Среди дворян и детей боярских было много людей столь бедных, что поступление их в крестьяне, дворники, дьячки не представляло ничего необычайного; они поступали даже в холопы. Это известно и законодательству того времени; оно позволяет принимать детей боярских в холопы, но на условии, что они от службы отставлены*(230).

В наших памятниках встречаются даже указания на устанавливаемые правительством пути перехода из холопов в служилые люди, а затем и в дворяне.

В.Н. Сторожев, издатель многих десятен XVI и XVII веков, приводит такое место из Муромской десятни 1605 года: "Сказали про них (про некоторых лиц, занесенных в списки детей боярских) окладчики, что они по Борисову велению Годунова верстаны в дети боярские из холопей за доводы, а в нынешнем 114 году, по государеву, цареву и вел. кн. Дмитрия Ивановича всея Руси указу от службы отставлены и отданы по-прежнему в холопство"*(231).

Служба дворян, детей боярских, посадских людей и крестьян не была даровой, она оплачивалась. Тяглые люди получали плату и всякий военный снаряд от сельских обществ, которые их выставляли, о чем подробнее в III т. "Древностей". Служилые люди вознаграждались правительством; оно же содержало и постоянные войска. Но случалось, что военные потребности и этих войск иногда удовлетворялись теми же тяглыми людьми. Так, в Литовский поход 1577 года велено быть из Вилияна помещикам да стрельцам, сколько можно, верхом, а лошадей приказано взять с Вилианской слободы да с уезда, с сох. В 1614 году велено было снарядить отряд стрельцов лошадьми, собрав их с Ярославского посада и уезда. В следующем году, в поход на немецких людей ко Пскову, велено было кормовые запасы взять в городах и уездах, где ближе. В том же 1615 году кормовые казачьи деньги собрали с волостей и т.д.*(232)

Перехожу к вопросу о содержании служилых людей высшего разряда и постоянных войск. Они содержались государевым денежным жалованьем и раздачей земель. Но слово "жалованье" означало в Москве не то, что мы теперь понимаем под ним, не определенную штатную выдачу 20-го числа каждого месяца, а государеву милость, которая оказывалась служилым людям всякий раз по особому распоряжению; это и есть первоначальный смысл слова "жалованье". Государь давал жалованье, когда находил это нужным. Это дело его милостивого усмотрения.

Государево жалованье состояло в даче земель и денег. Даче жалованья предшествовало верстание. Что же такое верстание? Верстание есть определение места служилого человека в ряду других. В десятнях так и говорится: "Верстают, кто кому отечеством и службою в версту". В силу верстанья каждый знал, какое место занимает он на службе, кому он равен, а быть равным и значит быть в версту, кого он выше и кого ниже. Верстание распределяло служилых людей по статьям высшим и низшим и имело своим следствием определение оклада их денежного и поместного жалованья, который, смотря по статье, тоже был то выше, то ниже.

Верстание делалось на основании отечества и службы. Что же это такое?

Отечество есть местническое понятие, под ним разумеется отеческая честь, а так как она у отцов не одинакова, то и сыновья, по чести отцов, зачисляются в разные статьи. Об отеческой чести у меня идет речь в "Лекциях и исследованиях", и я не буду повторять там сказанного. Верстанье по отечеству - любопытная черта. Она указывает на то, что верстанье сложилось в период процветания местнических обычаев. Это явления параллельные.

Верстаются городовые дворяне, но не одни они; верстаются и рейтары, и драгуны, и солдаты*(233). А среди них служат не одни дворяне, но и дети неслужилых отцов, всякие вольные люди, дети крестьян, посадских и пр. Как же эти меньшие люди верстаются? Есть у них отеческая честь? По московским понятиям, у них нет отеческой чести. Крайняя ступень, на которой признается за людьми отеческая честь, - это городовые дворяне. Дьяки, очень почтенный разряд лиц в Московском государстве, но и они не имели отеческой чести. Не могли ее иметь и неслужилых отцов дети, поступавшие в драгуны, рейтары, солдаты. Как же они верстались? Они верстались только по службе, по этому второму условию верстанья, которое применялось и к дворянам, и к детям боярским. Это также очень любопытное условие.

Если при верстании берут в соображении службу, то, значит, верстающиеся

уже служили. Да, многие из них уже служили, но не все. Это не была обязательная служба; обязательная служба начинается только с верстанья; до верстанья служат добровольно. Это так называемые служилые новики; они противопоставляются неслужилым.

Вот для примера отзыв окладчиков и местных дворян о служилом новике, С.А. Лопакове:

"Служил с нами, с городом, многие государевы службы: как де был под Москвою вор, Ивашко Болотников, и как Ивашку Болотникова побили и разгоняли, а Юшку Беззубцева осадили в Заборье, а он де в те поры в бою был; да он же служил в Волхове, как был боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, ходил на литовских людей к Орлу и сошлись меж Орла и Волхова, и он в те поры с литовскими людьми бился явственно, и с того бою отвез знамя; да он же служил, как шол с Москвы Гасевской с литовскими со многими людьми, и в те поры приходил на литовских людей князь Микита Шеховской да Кирило Воржинской, и в те поры литовских людей побили и языки поймали, и он де в те поры с литовскими людьми бился же; да он же служил, как приступал к Погорелову городищу Лисовской, и он де в те поры сидел в осаде, и написан был на стене, и с литовскими людьми на приступе бился же. И за службу де пригодитца он в первую статью служилых новиков..." (Зубцовская десятина, 1622).

Чем была лучше служба, тем лучший назначался новик оклад.

Очень важно было бы определить процентное отношение служилых новиков к неслужилым. Это бросило бы яркий свет на патриотизм высшего московского служилого класса. Но это сделать нельзя. Можно подобрать цифры служилых и неслужилых новиков, явившихся к верстанью, но это еще не дает ответ на вопрос, потому что мы не знаем, каких лет были неслужилые новики. Возможно, что они все были в возрасте 15 лет и, следовательно, до верстанья, по молодости, не могли служить. Напечатанный материал крайне недостаточен для решения нашего вопроса. Для примера приведу несколько цифр. В Коломне к верстанью в 1577 году явилось служилых новиков - 34 человека, неслужилых - 69; в Бежецке в 1622 году: служилых - 10, неслужилых - 25; а в 1646: служилых - 7, неслужилых - 14; в Кашине: служилых - 4, неслужилых - 68. Коломенские и бежецкие цифры представляют московский патриотизм в блестящем виде: и тут, и там до половины наличного состава новиков уже состояло на службе добровольно, без верстанья; Кашинский список представляет ничтожный процент патриотов, но ведь мы не знаем возраста 68 неслужилых: может быть, они все только что успели на службу. А если это так, мы не имеем основания грустить и перед цифрой 4. Мы имеем еще отрывок кашинской верстальной десятины 1646 г. По этому отрывку дело кашинского патриотизма представляется тоже в очень благоприятном свете: на 21 неслужилого новика к верстанью явилось 13 служилых. Это более половины*(234). Во всяком случае, и по напечатанным материалам мы можем сказать, что служба неверстанных новиков не представляла исключения. Этот новый материал дает иное представление о нашей старой службе, чем то, какое мы находим у историков, не издавших десятины, а потому говоривших с такой настойчивостью о нетях и кнутах, которыми их были за неявку. О нетях и кнутах у меня речь будет впереди; а теперь я желал бы обратить внимание читателя на "ести", которые служили без жалованья и без поместий. Надо думать, что им далеко не были чужды чувства патриотизма и любви к отечеству.

На значительное распространение добровольной службы лиц неверстанных указывает и общее правило, известное всем десятинам: "Верстать по отечеству и по службе". Служба неверстанных, значит, не редкость.

По одному отечеству верстаются все неслужилые новики. Верстание солдат, рейтар, драгун делается только по службе. Поэтому они верстаются не при приеме

на службу, а после нахождения некоторого времени на службе.

Верстанье поместьями и денежным жалованьем солдат, рейтар, драгун и других видов постоянных войск не подлежит никакому сомнению. О нем прямо говорится в десятиях.

"По государеву указу велено детей боярских, пеших кормовых солдат, разных городов, и всяких чинов людей новиков, которые были под Смоленском (т.е. служилых) с прихода до отхода, государевым жалованьем, поместными оклады и деньгами, верстать... А вольным русским всяким людям, солдатом же, учинены оклады против статей казаков, поместной по 200 четей, денег по 8 р." и т.д.

Это десятиа 1634 года*(235). А в 1585 году верстали епифанских казаков, и в результате этого верстанья из казаков получились дети боярские. В заголовке десятии читаем: "Десятня детей боярских епифанцев, которые верстаны из казаков". Так легко переходят разные разряды один в другой, казаки в дворян, дворяне в казаков. В Атемарской десятии 1679 года встречаем верстанье копейщиков, рейтар и опять солдат. Итак, верстают не одних дворян, а и всяких вольных людей, состоящих на службе. А между тем в 1614 году в указе о смотре и верстанье детей боярских тулян сказано: "А не служилых отцов детей поместьями и деньгами не верстать"*(236). Такого рода запрещения повторяются в течение всего XVII века. Как же быть, дети неслужилых отцов то верстаются, то нет? Это очень легко примиряется. Окладчики, на основании показаний которых делается верстанье, иногда, за взятки, вместе с дворянами проводят к верстанью крестьян, мастеровых и даже холопов. Вот это и запрещено, а не верстанье служилых людей, каковы казаки, рейтары, солдаты и т.д., хотя они не служилых отцов дети.

Верстанье по отеческой чести породило такое правило: верстать должно не выше отцов и большой братьи*(237), т.е. какова бы ни была служба служилого новика, он не может получить высшего оклада, чем были оклады его отца и старших родственников. Это чисто местническое правило.

Кроме отеческой чести и службы при верстанье принимается еще во внимание физическая и умственная способность к службе. В одобрение новика, обыкновенно, говорится: "головой и службою добр" или: "собою добр" или "отечеством середний, а собою добр".

Обыкновенно предписывалось верстать новиков, как только они в службу успели; а успевал человек в службу по достижении 15 лет. До этого возраста он был "недоросль". Но в действительности верстанье нередко очень запаздывало. В десятиях встречаются указания, что молодые люди служат до верстанья 2, 3 и более лет, а есть и такие, которые служили по 10 лет до верстанья и, стало быть, верстались в 25 лет.

Случалось, что некоторые дворяне и совсем не верстались, и в службу не попадали. Городовые дворяне, как увидим далее, имели очень небольшие поместья. Родители не всегда могли давать своим детям достаточные средства содержания. Верстанье нередко очень запаздывало, а вместе с тем запаздывало и наделение новиков поместьями. Это имело последствием то, что такие засидевшиеся новики от бедности "брели розно", т.е. уходили из родительского дома для приискания себе какого-либо рода жизни: одни поступали служками в монастыри, другие шли в боярские дворы, в дьячки, и т.д.*(238) Хотя указы и запрещали брать в холопы служилых отцов детей без отпуска, но их брали, и, таким образом, они уходили от службы и терялись для дворянства.

Запаздыванье верстаньем было причиной того, что новики должны были просить о верстанье, и верстанье совершалось не по почину правительства, как обыкновенно, а по челобитью, которое вызывало указ*(239).

Обыкновенно при верстанье определялся оклад поместного и денежного жалованья, но случалось, и нередко, что сперва определялся какой-нибудь один

оклад, денежного или поместного жалованья, а потом делалось дополнительное верстанье по окладу, еще не назначенному.

Верстанье делается по статьям, а в статьях выражается оценка отечества и службы. Какие же были статьи? На этот вопрос отвечать весьма трудно потому, что практика правительства чрезвычайно колебалась. Статьи верстанья половины XVI века очень отличаются от тех, которыми руководствовались в XVII-м. В половине XVI века встречаем скалу в 25 статей денежного жалованья. Самая большая в 100 р., затем идут статьи в 95, 90, 85 р. и т.д. до 17-й статьи в 20 р.; последние восемь статей идут в таком порядке: 17 р., 15, 12, 10, 9, 8, 7, и 25-я статья в 6 рублей. Такой оклад, однако, не первоначальный, он назван "новым"*(240). Какой ему предшествовал, я не знаю. С конца XVI века встречаем скалу всего в шесть статей. Вот она:

1 статья	350 четей	и 12 рублей
2 -	300 -	- 10 -
3 -	250 -	- 8 -
4 -	200 -	- 7 -
5 -	150 -	- 6 -
6 -	100 -	- 5-*(241).

Но и от этой скалы делаются постоянные отступления.

В 1590 году велено было верстать переяславцев денежным жалованьем только в три статьи: первая в 7 рублей, вторая в 6, третья в 5. Здесь не допускается ни отечества, ни службы в 8, 10 и 12 рублей. Такое же предписание повторяется в 1597 году для Рязска, но с той разницей, что третья статья оценена и в 5 и в 4 рубля. Одна и та же статья имеет разную цену!

Далее, оклады различаются, смотря по тому, кто верстается: служилые новики или неслужилые, дети боярские или казаки. В 1597 году в Рязске служилым новикам приказано было положить денежный оклад в 7, 6 и 5 рублей; а неслужилым в 5 и 4 рубля. То же делается и в XVII веке. В 1616 году приказано было лучшим новикам, детям боярским служилым, большой статье, дать по 300 четей и по 8 рублей, другой статье по 250 четей, денег по 7 рублей, третьей статье по 200 четей, денег по 6 рублей; а неслужилым, большой статье только по 200 четей, денег по 7 рублей и т.д.*(242) Здесь тоже только три статьи, но повыше и с предпочтением служилых неслужилым. Это очень важно в том отношении, что службе придается большее значение, чем отечеству. Неслужилые по отечеству могли быть выше служилых, но за службу они всегда верстаются выше. Личная служба шла в Москве впереди отеческой чести. То же явление наблюдалось и в местнических счетах в предпочтении, которое отдавалось ближайшей службе перед дальнейшей.

Оклады солдатам и казакам определялись иногда в одной только статье: поместный оклад в 200 четей, денежный в 8 р.; так было в 1634 году. А в 1585 году верстали в Епифани казаков в дети боярские в две статьи: им давали поместный оклад большой статье в 40 четей, а второй в 30. И это не единственный случай таких мелких окладов. Очень небольшие первичные оклады находим и в Рязской десятне 1597 г. и для природных детей боярских, а не казаков. Многие из них были верстаны по 80, 70 и 50 четей. И нет основания думать, что это убавка новичного оклада за плохую службу. Это первичный оклад, далеко отступающий от той скалы, которая указана выше.

Итак, первичные оклады были очень разнообразны. Как же это объяснить? Очень просто. Москва управлялась не законами, а усмотрением. Отсюда все различия. Общего закона не было. На всякий случай нужно было особое распоряжение; при этом, по особенностям случая, нам неизвестным, правительство

распоряжалось различно.

Так разнообразны были новичные оклады поместного и денежного жалованья.

Рассмотрим теперь, в чем заключалось значение верстанья и каковы его последствия.

Значение верстанья чисто юридическое. С момента верстанья начинается обязательная служба для новика, и нередко случалось, что после верстанья он немедленно куда-нибудь посылался. "А поверстав новиков, велети им быти на государевой службе в Коломне"***(243)**. Это первое. Во-вторых, верстанный получал право на жалованье в размере определенного ему оклада и мог просить о выдаче ему этого жалованья; но получал он денежное жалованье, когда были в казне деньги и государь находил нужным такую выдачу, поместное - когда были свободные земли. Это право прекарное.

Так как верстанье делается для определения жалованья, то этим и объясняется, почему верстанье применяется ко всем ратным людям, получающим содержание от правительства, а не одним только дворянам и детям боярским; оно применяется и к солдатам, хотя бы они были из крестьян.

Так как верстанье делается на основании отеческой чести и прежней службы, то отсюда вовсе еще не следует, что поверстанный действительно может служить. Дворяне и дети боярские выходили на службу в собственном вооружении, на своих конях и со своими продовольственными запасами на все время службы. Новик служилый мог в течение нескольких лет служить на счет отца или родственника, с их поместий, а потом он мог лишиться этой поддержки и быть не в состоянии нести издержки похода. В десятнях окладчики, зачислив новика в первую статью, очень нередко говорят, что ему на службу подняться нечем. Я привел выше отзыв о прежней службе зубцовского сына боярского Лопакова. Его зачислили в большую статью, 350 четей и 12 рублей; но способности к службе у Лопакова не было ни малейшей; он не имел ни поместий, ни вотчин; он не мог выступить в поход даже если бы ему и выдали назначенное жалованье. "На государеву службу, - говорили о нем окладчики, - ему тем государевым жалованьем поднятца не чем; а поместья де за ним и вотчины нет".

Итак, верстанье не стоит ни в каком отношении к действительной способности нести службу. Новики низших статей могли иметь более средств к службе, чем новики высших.

Верстание есть акт повторяющийся. Отецеская честь - не изменяется и после первичного верстанья, но достоинство службы может измениться. Отсюда вытекает логическая необходимость повторительных верстаний. При этом первичный оклад может быть и увеличен и уменьшен, смотря по службе. В 1594 году приказано было произвести смотр ряжским детям боярским, и тем из них, которые "собою и службою добры", оклады увеличить, а которые "собою и службою худы, а были верстаны окладами большими", - убавить. Некоторым, действительно, оклады были увеличены с 250 четей до 300. На смотре 1597 года некоторым ряжанам оклады были уменьшены. О Фролове, Дышкове, Климове, Кокурине и Лагвенове окладчики сказали, что они с ними совсем не служили. На этом основании первоначальный их оклад в 100 четей был низведен до 25. Лица, негодные к службе за старостью, по болезням и пр., совсем выключались из оклада. Наоборот, за особые заслуги первоначальный оклад мог увеличиться вдвое и более. И.С. Шестаков в начале XVII века был поверстан во вторую статью, 300 четей. А потом ему прибавили за подмосковные службы 100 четей, в 1616 г. за подмосковные же службы еще 50 четей, за службы в шестнадцатых и семнадцатых годах прибавили еще 100 четей, а за Можайскую службу и за московское осадное сиденье в 1620 году еще прибавили 100 четей, всего получилось - 650 четей. Но не все имели такую удачу. Ф.С. Батюшков в 1617 году был верстан в 300 четей, а в 1649 году имел прибавки только

50 четей. Оклады других, более счастливых, слуг доходили до 900 четей и даже до 1000, а оклад денежного жалованья до 100 руб. Возрастание денежного оклада не шло параллельно с возрастанием поместного. И тот и другой увеличивались независимо один от другого. Этим нарушалось указанное выше соотношение новичных окладов. В десятнях мы встречаем, например, такие оклады: 300 четей и 14 руб., 200 четей и 13 руб. Денежный оклад перегнал в этих случаях поместный*(244). Верстание поместьями и деньгами делается независимо одно от другого. В источниках так и говорится: "имали первые деньги, ныне поверстаны другими", при этом поместный оклад мог остаться в новичном размере. Таким образом, деятельность служилого человека находилась под постоянным надзором, и он ежеминутно мог быть низведен на самый ничтожный оклад или возведен в тройной и более.

В чьих же руках находилась участь московских служилых людей? Участь их решалась на смотрах, на которых должны были присутствовать как новики, так и все служилые дворяне и дети боярские; а смотры производились присылаемыми из Москвы чинами при участии местных дворян и детей боярских. Из Москвы для производства смотров присылались чины разного достоинства: в XVI веке производство смотров поручалось очень высоким лицам: окольников и боярам и при них дьякам, в XVII - встречаем стольников и при них подьячих. Они привозили с собой из Москвы списки служилых людей, по которым и делались переключки и смотр дворян и детей боярских. На основании этих списков составлялись новые, по новым данным смотра и верстанья, и дополнялись списками новиков, а иногда недорослей. Эти новые списки служили материалом для следующего смотра. Сомнительные вопросы докладывались боярам в Москве. Но кто бы ни был назначен из придворных чинов, суть дела была не в них; суть дела была в показаниях окладчиков, на основании которых московские чины и постановляли свои приговоры. Лучше сказать, они только скрепляли показания окладчиков. А кто были окладчики? Окладчиками были выборные из местных дворян; выборы производились всеми дворянами города*(245). Они давали свои показания под присягой. Московские чины опрашивали их публично, в присутствии всех местных дворян, показания которых тоже выслушивались. В этом могла заключаться значительная гарантия правдивости показаний окладчиков. Но в самом существе дела было столько неопределенного и трудно уловимого, что участь служилых людей решалась, в значительной мере, усмотрением окладчиков. Место усмотрению было очень широкое. Возьмем, например, решение вопроса об отечестве или о служебных заслугах. Тут нет никаких твердых правил, это все дело усмотрения. Хотя окладчики и выбирались и действовали они публично, но вопросы, подлежащие их решению, допускали столько субъективности в их оценке, что о правдивости их показаний могли быть очень разные мнения. Московское правительство само понимало трудность этого дела и иногда назначало поверку верстанья. Так, в 1622 году велено было стольнику Ивану Куракину да подьячему Ботвиньеву "допросить окладчиков и всего города про тех новиков, которых верстали окольников Микита Пушкин да дьяк Б. Поздеев: тех новиков поместными и денежными оклады верстали по их ли отечеству и службе или их верстали не делом".

Верстание определяет оклад денежного и поместного жалованья; только верстанья могут получать это жалованье. Тем не менее жалованье не составляет необходимого условия службы. Как до верстанья служат без жалованья, так и по верстании многие служили без жалованья. В 1619 г. упоминаются новгородские дворяне и дети боярские, которые служат без поместий; в 1647 г. явилось на смотр несколько служилых ряжан верхом и с оружием, т.е. совершенно готовые выступить в поход, а поместий за ними не было. Тверской сын боярский А.З. Бобарыкин служил без поместья целых 12 лет*(246). Назначенье денежного или поместного жалованья

зависело от усмотрения правительства. Не было никаких общих указов, которыми регулировались бы размеры выдаваемого жалования и сроки его выдачи. Денежное жалование выдавалось для известной цели, и в этой цели и заключалось объединяющее начало разных распоряжений по выдаче жалования. Денежное жалование предназначалось не для обеспечения жизни служилых людей, - для этого назначались поместья; оно предназначалось, прежде всего, для того, чтобы служилый человек мог "подняться в поход", т.е. должным образом снарядить себя вооружением и лошадьми; дальнейшая цель жалования - прокормление людей и лошадей во время похода.

Зубцовский дворянин г. В. Норматцкий так определяет цель жалования: "А с вологодского поместья ему на государеву службу подняться не чем, а государева де ему жалованья из чети 19 рублей, и только де государь его пожалует, велит ему дать свое государево жалованье, оклад его, и он на государеве службе будет на добром коне, в латах да в шишаке, с пищалью, а простого коня и служилого человека за ним не будет"*(247).

Поэтому жалование нередко выдавалось при самом верстании новиков. С новичного верстания для новиков начиналась обязательная служба: чтобы они могли к ней подготовиться, им и давали деньги. Прежде поверстанным деньги давались при выступлении в поход. В указах так и говорится: "выдать деньги для такой-то службы", ржевской, смоленской и пр. В 1578 году приказано было собрать в Новгороде детей боярских на государеву службу во Псков, а жалование обещано дать, как приедут в Псков. В 1618 году государево денежное жалование приказано раздать дворянам и детям боярским в Ярославле, как только сборщики, собрав служилых людей, приведут их к воеводам. Это жалование предназначалось на походные издержки по прокормлению людей и лошадей*(248).

Служба под Смоленском продолжалась подряд несколько лет, а потому жалование выдавалось ежегодно: в 1631, 1632 и в след.*(249) Из предшествующего мы знаем, что в XV, XVI и XVII столетиях немного было лет, когда бы не было службы. Служилые люди должны были быть всегда готовы к выступлению. Чтобы удовлетворить должным образом этой потребности, деньги выдавались не при самом выступлении, а заранее, до назначения похода. Такие случаи не редки*(250). Но служили и без денежного жалования. В десятиях двадцатых годов XVII века постоянно встречаем такое выражение: окладчики, определяя способность дворянина к службе, говорят: "Без государева денежнаго жалованья может служить на меринке, а с жалованьем на добром коне". Тут предполагается служба всех дворян и детей боярских без жалования, только она будет хуже снаряжена, чем служба с жалованьем.

Встречаем указание на годовое жалование. В 1556 году городские пищальники получали в год по одному рублю и, кроме того, соль и хлеб. В 1647 году упоминается годовое денежное и хлебное жалование для стрельцов, казаков и пушкарей по новгородским городам; около того же времени получали годовое денежное и хлебное жалование служилые люди в Якутске, а в Терском городе даже дети боярские и стрельцы*(251). Это случаи исключительные, и нельзя думать, чтобы перечисленные воины получали свое денежное и хлебное жалование на основании верстанья.

Ввиду многочисленности известий о том, что выдача денег приурочивалась к походам, и думать нельзя, что в Москве возникло уже годовое жалование, как общее правило, независимо от потребностей наступивших походов. Даже жалование, вызываемое походами, и то выдавалось не всегда. Это видно из того, что служилые люди нередко обращаются к правительству с просьбой о выдаче жалования. В 1555 году последовал указ об отправлении казаков в поход. На этот указ казаки отвечали: "Ити им не мочно потому, что они жалованья не получали". Велено было дать им по полтине на человека*(252). В 1614 году "присылали бить челом государю, царю и в.

кн. Михаилу Федоровичу всея Руси, из полков, из-под Новгорода, из-под Смоленска, стольники и стряпчие, и дворяне большие, и жильцы, и дворяне и дети боярския из городов, и атаманы и казаки о его государеве денежном жалованьи, и государь царь и в. кн. указал в города послать для денежного сбора властей и дворян"***(253)**. Здесь мы имеем случай нахождения служилых людей в походе; им жалованье не только не выдано, но в казне для этого и денег нет, их надо еще собрать. При таком состоянии государственного хозяйства едва ли могла возникнуть мысль о годовом жалованье всем служилым людям, как общем правиле, и независимо от выступления в поход"***(254)**.

Наконец, встречаются случаи выдачи жалованья после службы. В 1634 году жалованье было выдано дворянам и детям боярским по уходе их из-под Смоленска. Это жалованье имеет характер награды.

Жалованье дается для службы и за службу, но не за всякую. По московским понятиям, была служба столь легкая, сравнительно, конечно, что ее можно было служить и без денежного жалованья, с одной земли. Такой легкой службой считалась осадная. За нее жалованья не полагалось"***(255)**. Точно так же не полагалось жалованье и за приказную службу, на которую нередко назначались дворяне и дети боярские. Во введении к Каширской десятне 1599 года читаем:

"Которые дворяне и дети боярския по приказам и у дел по городам, и тем дворянам и детям боярским государева ц. и в. князя денежного жалованья не давали".

Так как жалованье дается для службы, то оно дается не просто с распиской получателя, а за порукой местных дворян, которые ручаются "в службе и в деньгах". Весьма обыкновенна такая форма ручательства:

"А поверстав, денежное жалованье им дали с поруками, что им государева служба служить, на срок приезжать, и до сроку не съезжать".

Но встречаем и такую поруку:

"Давали государево жалованье по списку всем на лицо с порукою, что им быть на государеве службе конным и оружным".

Эта прибавка, конечно, не изменяет существа дела. И без нее ручательство "в службе" предполагает и вооружение, и оконение.

В случае неприезда получившего жалованье поручитель должен уплатить за него деньги и, кроме того, он может быть наказан еще тюремным заключением"***(256)**. Кто не представлял за себя поручителя, тот жалованья не получал"***(257)**.

Выше я указал на точки соприкосновения дворянской и крестьянской службы. Их надо дополнить новой. Крестьяне получают свою наемную плату также за порукой; речь об этом идет в III т. "Древностей", с. 202.

Если мужа убивали в войне, оклад его жалованья выдавали жене"***(258)**. Увечным давали на лечение ран, но не по окладу, а по особому усмотрению: 2, 3 и 4 рубля"***(259)**.

Служилые люди имеют по верстанью оклад денежного жалованья, и на походные издержки действительно им жалуются деньги. Спрашивается теперь, выдаваемое жалованье соответствует окладу или нет? Очень нередко выдаваемое жалованье совершенно соответствует окладу, и в этом случае оно называется "свершенным"***(260)**. Но это соответствие не необходимо; бывают случаи не только умаления и прибавки к окладу, но, при выдаче одним полного жалованья, невыдачи другим, их сверстникам по службе и городу, ни копейки.

Последний случай бывает тогда, когда отпущенные для жалованья деньги исчерпаются прежде удовлетворения всех, кому велено сделать выдачу. Так случилось с ряжанами в 1591 году. Из наличного состава - 379 человек жалованье получили, а девяти "жалованье не дано, потому что денег не стало".

Дается жалование неполное или вовсе не дается за неявку на службу и за

ранний со службы отъезд. Количество вычета определяется особо для каждого случая. В 1591 году "за ругодовские неты" одним недодали половину жалованья, а у других вычли гораздо менее. В том же году вовсе не получили жалованья не приехавшие на службу против крымского царя.

Но нередко дается больше, чем по окладу положено. Прибавка делается за служебные труды, но по очень разным соображениям. В 1597 году муромец В.М. Ларивонов получил окладное жалованье 6 р. да в прибавку 2 р. "за полон".

В 1634 году бежецкие дворяне и дети боярские получили за смоленскую службу жалованье выше оклада и разное, смотря по тому, кто был усерднее и долее оставался на службе*(261). Прибавка против оклада за смоленскую службу была распространена и на зубовских дворян. Один из них, Ф. А. Демьянов, получил по высшей статье 25 рублей, а оклад его был всего в 17 р.

Тверской дворянин И.К. Рудаков имел оклад в 8 р., а в 1631 и 1634 гг. получил по 20 р., а в 1649 г. - 14 рублей. В последнем году оклад его, кажется, был увеличен, но только до 12 рублей. Очень характерен в этом отношении наказ боярину и воеводе кн. И.Б. Черкасскому от 1618 года. В этом наказе велено было дать жалованье по 15 рублей всем, кто имеет жалованье менее 15 р., т.е. чей оклад менее 15 рублей*(262).

Выдача жалованья в каждом отдельном случае есть результат усмотрения. Это усмотрение обуславливается не одними служебными заслугами, а иногда и наличным состоянием служилого человека: бедным дают больше, богатым меньше. В 1633 году приказано было дать по 25 р. тем, у кого поместья пусты или их и совсем нет; по 20 р., у кого было от 2 до 15 крестьян; у кого более 15 крестьян - ничего не давать. Это перед выходом в поход*(263).

Сотникам был обыкновенный оклад в 10 р. Эти 10 р. так и назывались "сотничьи". Но и сотникам выдавали то больше, то меньше. Казацкому сотнику в 1597 году дано 10 р. "сотничьи", да придано за воронежскую службу 2 рубля. А сотник Озеров в 1597 году получил только первые 6 рублей*(264). В Москве на каждом шагу величайшее разнообразие! Пушкарки и затинщики в Рыльске, Севске, Брянске, Курске имеют лавки и торгуют, но свободны от посадского тягла*(265). Московское управление не любит общих правил, оно предпочитает приспособляться к обстоятельствам.

Кому и сколько выдать, это обыкновенно определяется царскими указами. Но самая выдача производится на смотрах и при участии окладчиков. Окладчики и при выдаче денежного жалованья играют такую же решающую роль, как и при верстании. В 1650 году велено было арзамасским дворянам выдать по 14 рублей жалованья; окладчики Ив. Воронцову ничего не дали за его плохую службу. Он нашел это несправедливым и подал царю весьма характерную жалобу. Вот как описывает он свою службу и несправедливость окладчиков:

"И будучи на твоей государеве службе, вал земной делал и ров копал и всякую работу работал... а мне, холопу твоему, государеве жалованье не дано, потому что окладчики оболгали меня, холопа твоего, по недружбе, будто меня с твою государеву службу не будет... А отец мой убит на твоей государеве службе подо Ржевою, а брата моего родного, Калины, не стало на твоей государеве службе под Смоленском, и службы, государь, родителей моих и мои в разряде выписаны... Милосердый государь... пожалуй меня, холопа своего, за службы и за кровь отца моего и за смерть брата моего и за мое службишко, вели, государь, мне свое государеве жалованье против моей братии выдать".

Решение неизвестно. В челобитье приведены указания на отечество и на собственную службу. Но собственная служба ограничивается земляными работами, а потому приговор окладчиков, может быть, и справедлив*(266).

В половине XVI века встречаем и в вопросе о жаловании особенности,

неизвестные XVII веку. Тогда выдавалось, кроме жалованья по окладу, еще особое жалованье на каждого выводимого служилым человеком воина. Это жалованье было различно, смотря по тому, выводил ли он только обязательное число воинов или больше. За обязательных платили по 3 р., по 2 и даже менее; за выводимых сверх того платили по 3 р., по 5, по 6 и даже больше. Чем обуславливались эти различия в вознаграждении за людей того же характера, это не ясно. Кто выводил менее людей, чем должен был вывести, у того делался вычет из окладного жалованья*(267).

Кроме денежного жалованья служилые люди получают земельную дачу; она-то и обеспечивает их существование. Но и земельная дача не необходима для службы: служат и без поместий. Выше я указывал уже на новгородских дворян и детей боярских, которые служили без поместий. Это далеко не единственный случай. В десятнях можно найти немало указаний на службу без поместий и вотчин. Так служили тверские дворяне Давыдовы, несколько ряжских дворян и другие*(268). Им, конечно, помогали их родственники. А встречаются и такие, которые служили без поместий и денежного жалованья. Но все, поверстанные поместными окладами, имели право на надел землей. Как же осуществлялось это право?

На этот вопрос отвечать общими положениями чрезвычайно трудно, по крайнему разнообразию московской практики. Выше я имел случай указать на то, что солдаты и рейтары тоже верстаются поместными окладами. Отсюда можно было бы вывести, что поместные дачи одинаково обеспечивают содержание как новых постоянных войск, так и старых, не постоянных, созывавшихся только на время войны. А в действительности это далеко не так. Некоторые служащие в постоянных войсках могли иметь поместья, но не все. Можно думать, что большинство служивших в новых постоянных войсках обеспечивалось не поместьями, а дачей им пашни.

В чем же разница? Поместье состояло из населенной земли. Дворяне и дети боярские получали населенные земли и жили трудом крестьян. Люди постоянных войск получали не населенные, а пашенные земли, которые они должны были обрабатывать своими руками. А так как в постоянных войсках служили и дворяне, и дети боярские, то, следовательно, и некоторые из них жили трудами своих рук.

В 1647 году велено было новгородских и ладожских казаков и ладожских стрельцов устроить землями. В 1658 году встречаем в Олонецких погостах солдат и драгун, поселенных на пашне. Они посылаются в разные походы и, кроме того, ставят из своей среды даточных людей. В 1667 году старые солдаты, воевавшие с немцами и поляками, были поселены на вечные времена в городе Красном и получили пашенную землю. Они дали на себя крепость "быть на службе"; эту крепость они сопровождают челобитьем о выдаче им недоданных кормовых денег и впредь о жалованьи, ибо скудно*(269). Но разнообразие земельного устройства войск шло и еще далее. Были стрельцы и казаки, которые жили по городам и получали там не пашенные, а дворовые участки. Им давали денежное пособие на дворовое строение*(270).

Итак, постоянные войска имели очень разнообразное обеспечение. Я выше указал на то, что некоторые из них имели годовое жалованье. Нет основания думать, что выдаче его предшествовало верстание. Это годовое жалованье состояло иногда из денег и хлеба. Некоторые стрельцы, например, получали денежное жалованье по 3 р. да ржи и овса по 6 четвертей. Некоторым драгунам и солдатам вместо хлеба натурой давали поденный корм в размере 7 и 8 денег, разную сбрую из казны да на платье по 3 руб. Эти тоже не верстались и денежного и поместного оклада не имели*(271). Перечислить все эти различия не представляется никакой возможности, да это, конечно, и не нужно: для характеристики московских порядков довольно сказанного.

Перехожу к даче земель. Наделение постоянных войск пашенной землей

совершалось массами. Правительство приказывало, например, всех новгородских и ладожских казаков устроить землями и их устраивали, так как пустых земель было много. Устраивать таким образом поместьями можно было только в исключительных случаях. Такой случай наблюдаем при великом князе Иване Васильевиче, по присоединении новгородских владений к Москве. Он конфисковал тогда все новгородские боярщины и боярщинки и роздал их в поместья целой массе московских дворян и детей боярских*(272). Но в обыкновенное время таких массовых раздач поместий производить было нельзя, ибо свободных населенных имений или и совсем не было, или их было немного. Как же наделялись имевшие поместный оклад дворяне и дети боярские? Они наделялись, когда оказывались налицо свободные населенные имения. Для этого не было никакого определенного срока. Свободные поместья могли оказаться в случае смерти помещика или отобрания у кого-либо поместий и вотчин.

Московские государи раздавали в поместья и свои дворцовые имения, и черные села, и деревни, но их нельзя же было раздать все: этот источник тоже был ограниченный. Спрос на поместья всегда превышал предложение. Кому же давали свободное поместье из имеющих право получить? Тут не было никакой очереди. Желающих получить свой оклад были тысячи; как увидим из дальнейшего, никто не имел поместья в меру своего оклада, и, следовательно, все имели право на открывшееся поместье; а сколько было поместий? На этот вопрос, конечно, нельзя отвечать цифрами; но так как ни у кого не было полного оклада, то поместий всегда недоставало для необходимых дач. Как же они раздавались? Поместье могло открыться в Кашинском уезде, а имеющие право его получить были в каждом уезде Московского государства, кому же его дать? Да и кто знает, что оно есть налицо? О даче поместья надо было бить челом, т.е. просить. А чтобы просить, надо было знать, что поместье открылось. А чтобы это знать, надо было высматривать, не умер ли кто-нибудь, или не владеет ли кто-нибудь большим количеством земли, чем ему отведено, или не завладел ли кто-нибудь поместьем неправильно, или не владеет ли после того, как у него приказано отобрать, и т.д. Это целая система высматривания, выведывания и подыскивания под своими ближними. В этой смрадной атмосфере жило наше дворянство во все время действия рассматриваемой системы.

Поместий не было, а потому дворяне и дети боярские били иногда челом и о наделении их порозжими землями, диким полем. Об этом говорит Уложение (XVI, 40). Но из другого памятника узнаем, что дворяне и дети боярские в 1620 году не били челом даже о наделении их старыми отцовскими поместьями, потому что они пусты и служить не с чего.

Итак, о даче поместья надо бить челом; но случаются и предложения со стороны правительства. В писцовых книгах XVI века есть много указаний на дачу дворянам пустошей; они давались на льготе. Дворяне брали и пустоши, но встречаются и отказы от таких дач.

Как далеко шло несоответствие поместных дач с окладами, это ясно из напечатанных В. Н. Сторожевым десятиен. Денежное жалованье, как мы видели, часто соответствовало окладу, но иногда было выше и ниже оклада. Поместные дачи редко равняются окладу, они почти обыкновенно ниже оклада и намного, а никогда не выше; я, по крайней мере, не заметил ни одного случая.

В десятинях конца XVI века встречаем очень мало данных для сравнения окладов с дачей; но и эти немногие данные подтверждают мои обобщения.

В Рязской десятине 1591 года приведено несколько нужных нам сведений о дачах боярских, павших в войне с крымскими людьми. У Свиридова, при окладе в 100 четей, было усады только на 40 четей; у К. Ретюнского, при окладе в 150 четей, было усады только на 55 четей; у И. Ретюнского, при окладе в 200 четей, было усады только на 14 четей. Все меньше и намного.

В Муромской десятне 1597 года встречается небольшой список новиков, которые были уже поверстаны поместным окладом, а денежным еще нет. Их всего 14 человек с окладом в 200 четей; поместья же оказались только у шести, и вот в каком размере: у Невзора - 177 четей, у двух братьев Лопатиных - 125, у третьего Лопатина - 75, у Кникова - 40 и у Оксентьева - 12. У остальных вовсе не было поместий, а были вотчины, и только у одного в 25 четей, у других по 5, 4, 3 и 2 чети. Это размер крестьянского участка! Я указывал на то, что служба дворянская и крестьянская близко сходятся; из приведенного примера видно, что и состояния их тоже не далеко расходятся.

Данные для сравнения окладов и дач в XVII веке очень многочисленны. Приведу некоторые. В Зубцовской десятне 1622 года при окладе в 850 четей находим одну дачу в 200 четей, при 800 - одну в 60, при 750 - одну в 110, при 650 - одну в 157 в разных уездах, при 600 - несколько дач от 200 до 395; оклад в 350 четей имели 27 дворян, из этого числа у 12 не было ни поместий, ни вотчин, у остальных дачи шли от 60 четей до 250; с окладом в 300 четей оказалось 17 дворян, у которых не было поместий, из них у 15 не было и вотчин, и это на 27 дворян с таким окладом. Но среди них были и счастливы: Вахров имел поместье в 180 четей, а Сысоев - в 201.

Ту же картину дает и дворянство Тверского уезда. При окладе в 900 четей была одна дача в 374, при 750 - одна в 196, при 700 - несколько дач от 111 до 395 четей, при 650 - несколько дач от 134 до 430, при 600 - одна дача в 449. При 250 на 16 человек шестеро не имели ни поместий, ни вотчин, а Трынков имел 200 четей, Жуков 250, это чрезвычайно редкий случай соответствия поместья окладу; а меньшая дача при этом окладе была в 20 четей. При окладе в 200 четей у Рудакова дача в 196 четей, у Мерлина в 200, а у шести дворян поместий вовсе не было; у трех из них были вотчины, но пустые. С окладом в 100 четей было шесть дворян. У пяти из них поместий не было, про шестого сказали, что никто не знает, есть у него поместья или вотчины, а также никто не знает и того, где он сам находится. Такие же данные находим и в других десятнях того же времени.

В заключение приведем несколько более поздних данных из Рязжской десятни 1647 года, в которой встречаем только четыре оклада: в 250, 200, 150 и 100 четей. При окладе в 250 четей дачи были от 40 четей до 102, при окладе в 200 четей дачи от 7 до 120, одна была в 235, но это общее поместье отца и двух сыновей. При окладе в 150 дачи от 25 до 117, одна в 160, но опять общая двух братьев. При окладе в 100 четей на 16 дворян у 5 поместий не было, а у остальных дачи идут от 20 до 70 четей, у одного в 168, это опять общая на двух.

Итак, поместные дачи не стоят ни в каком определенном отношении к окладу. При одном и том же окладе можно было не только иметь разные дачи, но одним иметь, а другим и вовсе их не иметь. При меньшем окладе можно было иметь более крупное поместье, чем при большом окладе. Все это хорошо объясняется способом раздачи поместий. Никакого порядка раздачи не было. Поместья давались тому, кто умел выследить свободное и первый бил челом о даче. Отсюда все то бесконечное разнообразие государева жалованья, которое наблюдается в десятнях.

Разнообразие первых дач новикам имеет и другую причину. Из только что приведенных данных видно, что отцы с сыновьями и братьями иногда имеют общие дачи, но считаются эти дачи за кем-нибудь одним из них, при отце - за отцом. Это так называемый "припуск". Под припуском разумеется не наделение вновь поверстанного особым поместьем, а предоставление ему права пользоваться средствами поместных дач отца и брата, если, конечно, эти дачи считались окладчиками достаточными для содержания двух и более лиц. По смерти отца или брата эти дачи переходили к одному уже "припущенному" сыну или младшему брату: а если их было несколько, они могли быть поделены между ними. У отцов могло

быть значительное поместье, оно, по его смерти, передавалось сыну, который был припущен. Таким образом, некоторые новики оказались с хорошими дачами. Другие, отцы которых ничего не имели, не могли быть припущены и, по смерти отцов, как и при жизни их, могли оказаться вовсе без дач.

"Припуск" определяется при самом верстанье. Верстанью "в припуск" противопоставляется верстанье "в отвод". Оно имеет место тогда, когда окладчики находят, что сыну с отцовского поместья служить "нечем". Иногда и отцы просят поверстать в отвод. В 1622 году о сыне тверского дворянина, П.И. Хомякова, окладчики заявили, что "ему с отцовского поместья служить не с чево, пусто". А Хомяков сам сказал: "Велел бы ему государь служить осадную службу в Твери, а сына бы его, Ивана, велел бы государь поверстать в отвод". Это ходатайство подтвердили и окладчики: "И Потапу велено служить осадная служба, а сын его, Иван, верстан в новиках в отвод, потому, - сказали окладчики, - и с городом, что с того отцова поместья служить ему не мочно, пусто". О том же просит и другой тверской боярский сын, З.И. Бобарыкин. Он стар и увечен и бьет челом государю поместье с него снять, потому что пусто, а сына его поверстать "в отвод".

Дача, как мы видели, совершенно не соответствует окладу: при малом окладе можно иметь большую дачу и при большом малую. Но окладом чрезвычайно дорожат. Оклад увеличивается за заслуги и уменьшается за плохую службу. Все служилые люди добиваются увеличения оклада. Почему же это?

А вот почему. За особо уседную службу, за осадное сидение, раны, увечья московские государи жаловали поместные земли в вотчину. Размер такого пожалования обыкновенно определялся в 20 четей со 100 четей оклада*(273). Чем выше оклад, тем больше получал пожалованный. Вот почему московские служилые люди всеми способами добивались повышения оклада. Любопытная черта. Она доказывает, что и в XVII веке поместье и вотчина не одно и то же, тем более прежде. В вотчине ценили собственность. А у нас и теперь еще есть ученые, которые говорят и пишут, что наша древность не знала собственности.

Вотчина есть собственность и, как таковая, переходит к детям по наследству; поместье же в общем порядке не наследуется. Муромский сын боярский Т.О. Невзоров давно был болен и в службу не годился; у него был сын одного года и поместье в 177 четей. Рассмотрев этот случай, бояре приговорили: отдать Тимохино поместье его старшему брату с условием, чтобы он кормил больного. О малолетнем сыне и речи нет. Совсем в другом положении был бы сын Т.О. Невзорова, если бы 177 четей принадлежали его отцу на вотчинном праве. Приведенный случай относится к самому концу XVI века. Как же было не добиваться больших окладов и пожалования поместий в вотчину?

Покончив с вопросом о верстанье и даче денежного и поместного жалованья, которое могло быть и не дано, можно теперь говорить и о самой службе, ее видах и размерах.

В Москве было несколько видов службы, различавшихся по тяжести и издержкам. Легкой, сравнительно, службой, считалась осадная и обозная; трудной - полковая и при наряде.

Осадная - это служба по защите укреплений города. Смотря по требованию обстоятельств, в защите городов принимали участие всякие войска; но специально осадная служба возлагалась на тех воинов, которые по преклонному возрасту и болезням не могли принимать участия в походах. По общему правилу, это была пешая служба; но встречаются и осадные на конях. В осадную службу переводили всех, кто более не годился в полковую. При этом осадным людям полагался уменьшенный оклад в 20 четей: у кого земли было больше, то отбиралось; денежного же жалованья они вовсе не получали. Осадную службу можно было нести даже "с пуста", т.е. если земля была вовсе не заселенная*(274).

Эти специалисты осады представляют чрезвычайно жалкий разряд войска. Кашинский дворянин г. И. Еремеев был увечен, без ног, не имел ни крестьян, ни бобылей, а служить осадную службу ему было приказано. И.Т. Кувшинов руки не имел, ему также приказано было служить осадную службу. Один дворянин был так беден, что жил в одной избе со своим бобылем; он тоже зачислен в осаду.

По Рязжской десятне 1591 года служба в обозе поставлена рядом со службой в осаде. Других подробностей не встретил.

Полковая служба требует сил здорового человека и некоторых денежных средств для вооружения и оконения. Она различается по расстоянию от места постоянного жительства и носит наименование то ближней, то дальней. Ближняя легче дальней. Со введения огнестрельного оружия артиллерия сопровождает полки; служба в артиллерии носит наименование службы "у наряда" и относится тоже к тяжелой. Ближняя полковая называется иногда "рядовой"*(275).

Вооружение полковых было различно. Оно состоит из защитного, которое носило наименование "доспеха", и боевого. К защитному принадлежали: панцири, шелома, зеркала, наручники, батырлыки, тегилы, шапки железные; к боевому: сабли, саадаки, топорки, колья, пищали. Специалисты осады, если имели вооружение, тоже конечно, вооружались. Но при осаде могли быть полезны и невооруженные люди. Люди, сопровождавшие своих господ, также были вооружены, и, случалось, одинаково с господином.

В полковой службе чрезвычайно важную роль играло оконение; вся полковая служба была конная. В рассматриваемое время было много весьма определенных различий в качестве лошадей; они играли важную практическую роль. Мне эти различия представляются не совсем ясными.

Первое место среди лошадей занимает "конь" просто или "добрый конь". На нем выезжает сам господин, но если он со средствами, то и его люди. Последнее место принадлежит "мерину"; это выючная лошадь: на нем везут "юки". Но на мерине выезжают и сами господа, кто победнее. Середину между конем и меринком занимают: средний конь, простой конь, обычный конь и конишка. Можно думать, что это только разные наименования коня среднего достоинства. На этом среднем коне выезжают и сами господа, и их люди, смотря по достатку.

Дворяне и дети боярские, обязанные к походной службе, должны выводить с собой одного, двух и более слуг, тоже вооруженных и конных; кроме того, за ним следовал на мерине человек с выюком. Люди бедные выезжали одни, без всякой свиты, даже без выюка.

Служилым людям в Москве велись списки, которые носят очень разные наименования, - это: то просто списки, то служилые списки, то разборные, то десятни. В этих списках служилые люди перечисляются иногда по рубрикам. Таких рубрик обыкновенно три: выбор, дворовые, городовые. Иногда встречаются только две последние рубрики. Встречаются списки и без всяких рубрик, как в XVI веке, так и в XVII-м*(276). Списки новиков всегда без рубрик. Отсюда следует, что эти различия выборных, дворовых и городских нечто позднейшее верстанья. Эти различные признаки по наследству не передаются.

Выборные всегда занимают первое место в списке, и число их невелико; дворовые - второе, число их всегда больше; городовые - последнее, число их самое большое. В Кашире по списку 1599 года: выбора - 51, дворовых - 79, городовых - 96; в Твери по списку 1621 года: 14, 36, 76; в Кашине по списку 1622 года: 9, 24, 92 и т.д.

Что же это такое, откуда эти различия и какое их значение?

Это остаток весьма почтенной старины. Для объяснения списка выборных имеем достаточные указания источников. Еще в начале XVI века в походы посылали не всех городских детей боярских, а по выбору. Всех, конечно, и послать нельзя было, по неготовности многих из них. Готовы могли быть только лучшие, а их надо

было выбрать. Это и были списки выборных. В 1508 году Москва воевала Литву; в этой войне принимали участие кн. В.И. Шемячич и Мих. Льв. Глинский (немец). Перед госпожиным днем, августа 10, Мих. Льв. Глинский приехал к великому князю с рубежа в подводах и в тот же день ел у великого князя и пировал у него со всеми своими приятелями; во время пира ему и его приятелям были поднесены дары. Оставался он у великого князя 10 дней, а в последний день стал просить у него людей для защиты своих городов: Мозыря и Турова.

"И вел. князь послал с кн. Михаилом воеводу своего, кн. Несвицкаго, а с ним людей - выбором: галичан, костромич, да татар городецких"***(277)**.

Так, вероятно, и возникли первые списки выборных. В 1591 г. приказано было поставить в правую руку больших дворян да из городов выбранных детей боярских***(278)**. Лучшие люди из городов были нужны не для одной боевой походной службы. Во время войны бывали всякие посылки с разными поручениями. Для этого тоже требовались отборные люди. В наказе тульским воеводам 1615 года читаем:

"А во всякие посылки воеводам посылать дворян выборных и детей боярских лучших, чтобы дворяне выборные и дети боярские лучшие во всякие посылки ездили, и даром на службе не жили; а меньшие б статьи дети боярские больших статей дворян выборных и детей боярских лучших не обслуживали, чтобы перед дворяны и перед детьми боярскими лучшими детем боярским молодым на службе посылку лишних однолично не было"***(279)**.

В выборные пишут дворян и детей боярских лучших. Кто не попал в список выборных, тот состоит в списке городовых, т.е. в списке местных дворян известного города.

А что такое дворовые? По этому вопросу наши памятники не так ясны; но все же они дают возможность предложить объяснение весьма правдоподобное.

У московских князей с давнего времени были свои полки. Воеводы этих полков, в отличие от других, носили наименование дворовых воевод. Если были "дворовые воеводы", то должны были быть и "дети боярские из двора", тоже дворовые, входившие в состав полка великого князя. Они действительно упоминаются в росписи людей по полкам 1509 года. В этом году кн. В.В. Шуйскому приказано было оставить в своем передовом полку из своих людей, которые у него были, 500 голов детей боярских, кроме тех князей и детей боярских, которые "из двора" и из городов, тех всех отдать кн. Василию Даниловичу да кн. Александру Володимировичу, и они себе тех людей поделят сами. "Из двора" - это и будут дети боярские полка вел. князя. В их состав, кроме московских дворян и детей боярских, могли входить и городовые. Они, надо думать, и писались дворовыми, ибо служили в государевом полку по особому дворовому списку. Люди из полка великого князя нередко посылались для пополнения других полков. В 1551 году, например, люди из государева полка находились в большом полку***(280)**. С течением времени особый полк великого князя исчезает, в XVII веке он более не встречается. Но дворовые дети боярские встречаются и в списках XVII века как переживание. Уложение еще говорит и о выборе, и о дворовых (XVI, 1).

Итак, выбор и дворовые - это остаток старины. Москва очень ее держится, а потому и в XVII веке составляются еще списки и выбора, и дворовых, но первоначальное различие между ними весьма ступшевалось. Только что приведенное место из наказа тульским воеводам уже указывает на это. В нем безразлично идет речь о выборных дворянах и лучших детях боярских. Выборные - это лучшие, но рядом с ними идут в посылки и просто лучшие дети боярские, хотя бы в списке выбора и не стояли. В разборных списках 1622 года встречаем выборных, которые находятся в разных посылках и в воеводах; но и дворовые также бывают в посылках, служат в осадных головах, в головах у стрельцов и казаков и даже в воеводах. Зубцовский дворянин, кн. И.Л. Шаховской, написан в дворовом списке, а был

каширским воеводой. Городовые дворяне (т.е. записанные по городскому списку) в посылки тоже посылаются, хотя в более мелкие; служат они не в головах, а в сотниках; в воеводы назначаются очень редко.

По спискам (десятиям) XVII века вся разница этих трех групп сводится к тому, что лица высшей группы имеют высший оклад, но не все, а только первые. Оклад выборных по Зубцовской десятне идет от 500 четей до 850, дворовых от 450 до 800, городских от 250 до 500. В целом высшая группа крупнее низшей: а если взвешивать не группу, а отдельные лица, то даже среди городских найдутся лица по окладу равные с выборными. Выбор, дворовая служба и городская - это исторически сложившиеся различия, которые в XVII веке в значительной степени утратили свои особенности и находятся в стадии вымирания.

Перехожу к вопросу о том, кем и как определялся размер службы, которую должны были нести служилые люди. На первый вопрос отвечать очень легко. Размер службы определялся на смотрах, на которых происходили также и верстание и раздача денег присланными из Москвы чинами и окладчиками, при участии всех местных дворян и детей боярских. Это определение могло быть изменено в Москве боярами.

Определение размеров службы делалось для каждого лица в отдельности. Чем же при этом руководились? Никаких указов, определяющих меру службы, до нас не дошло. Мы имеем только краткое свидетельство летописи под 1556 годом. Летописец говорит, что Иван Грозный "С вотчин и с поместий уложенную службу учинил, со ста четей доброй, угожей земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь".

Это известие очень не полно. Со ста четвертей доброй, угожей земли должен выехать один человек на коне. А мы знаем, что повинности в древности лежали не на земле вообще, а только на населенной. С пуста никто ничего не давал и не платил. Далее, земли были очень разного качества: добрые, средние и плохие. Взяв все это в соображение, известие летописи надо выразить так: человек на коне брался со 100 четей земли доброй и достаточно населенной, а при отсутствии этих качеств - ничего не бралось. Так это и было. А наличность или отсутствие служебных качеств земли определялись усмотрением окладчиков.

Документы XVII века и конца XVI-го дают возможность ближе подойти к этому порядку определения по свойствам владений. На первый взгляд списки служилых людей этого позднейшего времени дают возможность установить только отрицательные условия, не влиявшие на размеры службы. Вот они.

Оклад не оказывал никакого влияния на размер служебных обязанностей. При одном и том же окладе можно было нести разную службу. При окладе в 400 четей и 14 р. жалованья можно было выходить на полковую службу на коне, в сопровождении трех служилых людей тоже на конях, с тремя запасными простыми конями и с человеком в кошу на двух меринах, итого - пять человек и девять лошадей. При том же окладе можно было выйти на службу на коне с простым запасным конем с двумя служилыми людьми: один на коне, другой на мерине, да с человеком в кошу на мерине, итого 4 человека и 5 лошадей. Вооружение тоже разное. Первый должен был явиться в панцире, шлеме, в бархатной приволоке, с саадаком, второй - только в панцире да шлеме. Разница весьма значительная, особенно в лошадях, и не только в их числе, но и в достоинстве: у первого 7 коней да 2 мерина, у второго 3 коня да 2 мерина, а оклад равный*(281). Это очень понятно. Из предыдущего мы знаем, что оклад - величина совершенно идеальная. Им вовсе не определяется способность к службе.

Идем далее. Служба не только не определяется окладом, она не определяется и дачей. При одном и том же поместье и денежном жалованье служба может быть разная, и наоборот. Два тверских дворянина, по мнению окладчиков,

могли без государева денежного жалованья одинаково служить на среднем коне, без людей и добавочных коней, а у одного из них была дача в 225 четей, а у другого поместий и вотчин - 561 четь, крестьян и бобылей одинаковое число, по 12 человек. Число крестьян одинаково, а земли у второго более чем вдвое больше; служба же у них одна и та же. Два коломенских новика в 1577 году получили при верстанье по 3 1/2 рубля жалованья, а служба их была определена различно. Один должен был служить на коне, иметь в запасе коня простого и человека на мерине с юком, другой выезжал без запасного коня. Трое тверских дворян могут, по мнению окладчиков, выезжать, без государева жалованья, только на мерине, а у одного из них 438 четей и 4 крестьян и бобылей, у другого - 275 четей и один бобыль, у третьего - 300 четей и 6 бобылей*(282). Ни число четей, ни число крестьян не определяет меры способности к службе. Подобных примеров можно было бы набрать много.

Десятни двадцатых годов XVII века дают только один положительный признак для определения способности к полковой службе: земля должна быть населена, с пуста нет полковой службы; с пуста полагается только осадная служба.

Если служба не определяется ни окладом, ни мерой земли, ни числом крестьян и бобылей, ни денежным жалованьем, то чем же она определяется? А что она определяется - это несомненно. Мы имеем Коломенскую десятню 1577 года, которая вся состоит из таких определений: "Быти ему на службе на коне в пансыре и т.д. да за ним три человека на конях, в пансырех и т.д., да человек на мерине с юком". Выехать в таком виде в полк - это обязанность. Тверские разборные списки (десятни) 1621 и 1622 годов, составление которых вызвано желанием правительства узнать, в каком состоянии находятся служилые люди, постоянно говорят о том, может или нет служилый человек подняться на государеву службу, и если может, то в каком виде. Это бесконечный ряд соображений окладчиков о том, в каких размерах тот или другой дворянин может нести государеву службу. Эти соображения отправляются, конечно, от тех же оснований, от каких отправляются и определения меры службы. Что же это за основания?

В III т. "Древностей", говоря о повинностях землевладельцев, я доказывал, что повинности эти определяются не каким-либо внешними признаками, например, мерой земли, а общим состоянием хозяйства. То была индивидуальная оценка всякого хозяйства. Здесь было то же. Способность к службе каждого дворянина определялась индивидуально по состоянию его хозяйства.

Списки служилых людей, которые дошли до нас, составлены очень неодинаково и чрезвычайно коротко. В них внесено далеко не все то, что было в виду у окладчиков. Коломенская десятня, определяющая службу, приводит оклад поместный и денежный и денежную выдачу, но вовсе не говорит о размерах поместий, а можно ли сомневаться в том, что поместные и вотчинные дачи при определении службы тоже брались в соображение наряду с другими условиями хозяйства. Разборные десятни двадцатых годов XVII века подробнее, но и они составлены не по одному образцу, хотя во главе осмотрщиков стояли одни и те же лица, присланные из Москвы: стольник кн. Куракин и подьячий Ботвиньев. Тверской и Зубцовский списки приводят поместный оклад и поместную дачу с показанием числа четей, крестьян и бобылей; списки Кашинский и Бежицкий приводят поместный и денежный оклад, но поместную дачу обозначают только числом крестьян и бобылей, а не четьми, а, конечно, при определении службы, окладчики брали в соображение и размеры поместий и вотчин. Если эти данные, которые легко было занести в список, в него не заносились, то что же сказать о той общей оценке хозяйства, на основании которой делалось заключение о способности к службе? Ее и занести-то было нелегко. Ведь это не статистическая цифра, а целое рассуждение. Вот почему окладчики, обыкновенно, ограничиваются кратким результатом своей оценки положения хозяйства того или другого дворянина. Приведя число четей и

крестьян или только крестьян, они коротко говорят: "с того поместья и с той вотчины на государевой службе быти не с чего"; или "с того поместья и вотчины на государеве службе будет на конишке". А почему? Это всем известно, но не написано. Только очень изредка в списки проникают известия о положении хозяйства. Например, у тверского дворянина, И.З. Бобарыкина, есть поместье в 155 четей и два бобыля, но они "ходят меж двор", т.е. у него нет хозяйства, а потому ему и "на государевой службе быти не с чего". У кашинского дворянина, Б.И. Тютчева, было 9 крестьян и 8 бобылей; а у тверского помещика, Б.Б. Изъединова, было 8 крестьян и 4 бобыля при 561 чети. У Тютчева земли было, судя по числу крестьян, не меньше, если не больше; но крестьяншки его были худы, а потому окладчики нашли, что ему подняться нечем; Изъединов же, у которого крестьян и бобылей было меньше, по мнению окладчиков, мог служить и без государева жалованья на среднем коне. У Тютчева еще беда случилась, у него конь пал. Крестьяншки худы и лошади нет, вот почему ему подняться не чем. "И с государевым жалованьем, - говорят окладчики, - ему подняться не чем". А денежный оклад его достигает 16 р. Это утверждает он сам, и все подтверждают окладчики. У бежецкого дворянина, М.М. Батюшкова, 2 крестьянина и 9 бобылей, но они также "все бродят меж двор", а потому и ему "на государеве службе быти не с чего". У зубцовского дворянина, И.Ф. Пусторослева, было поместье в 200 четей да родственная вотчина, сельцо Бубново (число четей неизвестно), и один крестьянин да два бобыля; окладчики нашли, что ему служить не с чего. А у тверского дворянина, О.Т. Кулпинского, было поместье в 205 четей, жалованная вотчина в 70 четей да еще родственная вотчина, пустошь Логвиново (число четей неизвестно), и на все поместья и вотчины всего один бобыль. Окладчики нашли, что Кулпинский может служить на меринке. Почему он может служить, а Пусторослев нет? Земель у него не больше, а людей втрое меньше. А вот почему. Зубцовские окладчики нашли, что Пусторослев "беден добре и службы у него никакия в заводе нет". Такие отметки, к сожалению, встречаются очень редко.

Из приведенного, полагаю, совершенно ясно, что в старину оценка размеров службы была индивидуальная, по состоянию хозяйства, а не по внешним признакам величины имения и числа душ, как и оценка способности нести денежные и всякие другие повинности. Одно и то же начало проникало всюду: как денежные и всякие другие повинности, так и служебные определялись на основании индивидуальной оценки каждого хозяйства.

Состояния городских дворян начала XVII века были очень невелики. В Тверском уезде самым богатым является Овцын, у него было 612 четей, за ним следуют: Изъединов с 561, Епишев с 550, Одадунов с 500 - вот и все богачи. Затем уже идет мелочь в 300, 100 четей и совсем беспоместные. Овцыны - это фамилия старинных новгородских действительно богачей; их боярщины были конфискованы великим князем Иваном Васильевичем, и сами они переведены в Москву. В Зубцовском уезде был один еще более богатый человек, это Демьянов с 695 четями. Но другие зубцовцы гораздо беднее тверичан. Я уже имел случай указывать на то, что дворяне с окладом в 300 четей нередко не имели ни одной чети*(283).

Население дворянских земель было тоже очень невелико. Самую высокую цифру находим у кашинского дворянина, Лазарева, у него было 33 души, и у бежецкого, Нелединского, - 32, за ними идут: Гавренев с 25 и Травин с 21. У Овцына было 28 душ, у Изъединова - 22, а у Демьянова, владевшего самым большим количеством земли, всего 7 крестьян. Как ни малы эти цифры, но в них едва ли можно видеть результаты опустошения Русской земли после Смутного времени. В официальном документе 1620 года читаем: "В прежние лета многие места были в пуге, а после того поселились и объявились в житье"*(284). Итак, в двадцатых годах мы были уже в нормальном положении.

Возвращаюсь на прежнее. Размер службы каждого определялся

индивидуально, за исключением осадной. Ее должны были нести даже увечные с пуста и без денежного жалованья. В полковую службу требовалось физическое здоровье и некоторое состояние. Самой высшей мерой такой службы, по данным конца XVI в. и двадцатых годов XVII-го, считался выезд на службу дворянина с 3 служилыми людьми, с человеком в кошу и с тремя или четырьмя лошадьми. Но хорошей службой был уже выезд с одним служилым человеком и с одним запасным конем. Тверской дворянин Калитин с некоторой гордостью говорит о себе: "службы мои ведомы в разряде, а служивал я на добром коне и простой конь и человек служилой за мной бывал". Самой малой службой считался выезд дворянина на меринке без запасной лошади и без всякого сопровождения.

Обязанные служить полковую службу могли получить денежное жалованье. Оно выдавалось им, если окладчики находили такое пособие необходимым. Выдача жалованья увеличивает служебную способность дворянина. Если без жалованья он мог служить на меринке, то с жалованьем он будет служить на среднем коне и т.д. Но случалось, что хозяйственное положение служилого человека было так плохо, что и с жалованьем он не мог подняться. Таких случаев в десятнях двадцатых годов XVII века очень много.

Как определение оклада есть дело усмотрения окладчиков, так и определение службы. Но это дело столь трудное, что окладчики могли оказаться и без вины виноватыми. Делалось оно с большой осторожностью, как это видно, по крайней мере, из десятен двадцатых годов. Всегда опрашивался и сам облагаемый службой. Обыкновенно его показания подтверждались и окладчиками. Споры крайне редки.

Списки с определением службы шли в Москву и там могли быть изменены боярами. Случалось, что служилые люди подвергались в Москве новому осмотру*(285).

Среди изданных служилых списков мы имеем Рязскую десятню 1647 года*(286). Она представляет в бытовом отношении большой интерес. Это десятня раздачи денежного жалованья, а не разборная двадцатых годов. И тут, и там производился смотр дворян. Но в двадцатых годах смотр делался для определения их способности к будущей службе, а теперь для выдачи им жалованья. Картина получалась совершенно иная. В 1621 году, по мнению окладчиков, тверской дворянин Блохин, при 374 четях и 23 душах населения, мог выехать на службу без государева жалованья, на коне, но без запасного коня и служилого человека; а Желнинскому, у которого было 248 четей и 4 бобыля, на государеву службу и совсем подняться было не с чего и т.д. В 1647 году рязский дворянин Подъяпольский приезжает для получения государева жалованья на коне, а у него было всего 40 четей земли и один двор бобыльский; Куркин приезжает на мерине, а у него было всего 7 четей и ни одной души крестьян и бобылей; приезжает на мерине и Кожаринов в саадаке и с саблей, как и другие, а у него не было ни поместий, ни вотчин. Жалованье по 6 рублей давалось им по осмотре. Так как все они оказались способными к службе и приехали кто на коне, кто на мерине, и все были вооружены, то они все и получили жалованье. Окладчики тут были ни при чем, они только осматривали и удостоверяли факт. Полагаю, что все эти господа, если бы их послали в поход, так бы и выступили, как они были на смотре.

Вот почему есть основание думать, что десятни двадцатых годов едва ли дают настоящую меру нашей старой службы. Это было время чрезвычайное. Двадцатым годам предшествовала страшная неурядица. Цари сменялись один за другим, новая династия только что вступила на престол и не вошла еще в силу. Этим и может объясняться слабое определение способности к службе в двадцатых годах. Что оно слабо, это видно из сравнения с только что приведенной десяти ей 1647 года. То же можно заключить и из Коломенской десятни 1577 года. Правда, она не допускает полного сравнения с десятнями XVII века, так как в ней нет указаний на размеры

поместий; но она все же дает основание для заключений по интересующему нас вопросу. В ней перечислено 288 детей боярских. Оклад их очень различен, от 100 до 400 четей. Поместные дачи их не указаны. Но есть ли основание думать, что они были больше тех, которые числились за тверскими и зубцовскими дворянами XVII века? Думаю, - никакого. На 288 коломенских детей боярских приходится 28 человек с окладом в 150 четей и 68 - с окладом в 100 четей. Поместья их не могли быть выше их окладов, а могли быть между ними и беспоместные, как и в XVII веке. Жалованье выдали им от 12 (только двум) до 2 рублей. И между ними не нашлось ни одного, которому бы не была предписана служба на мерине. А есть между самыми последними из них и такие, которые должны были иметь еще запасного мерина, а другие должны были выехать на коне. Лучшим же при 100 четах и 12 р. жалованья должно было выехать "на коне, в пансыре, в шапке железной, в саадаке, с саблей и копьем, человеком на мерине, тоже в саадаке, с саблей и копьем, да человек на мерине с юком". В Муромской десятне, тоже конца XVI века, находим указание на службу с пуста и без денежного жалованья: "Оксенко, Лаврентьев сын, Крокозов имал 6 рублей. Сказали окладчики: служба худа, поместье за ним 43 чети пусто, крестьян нет, а женат не бывал. На Москве бояре осматривали, приговорили: Оксенку служить без денег". Это на будущее время без денег; а теперь он уже получил деньги. Так в конце XVI века. Еще более характерные данные дает известная уже нам Боярская книга половины XVI века. В ней показано, с каким числом людей дети боярские должны были приезжать на службу по **Уложению** и с каким числом они действительно приезжали. Здесь находим драгоценные указания для оценки служебного усердия детей боярских того времени. Вот некоторые из них:

К.В. Телятев	долже	был	приезжать	с 4,	а приезжал	с 6,
	н					
П.Ф. Колтовской	-	-	-	-3	-	6,
Б.У. Болтин	-	-	-	-1	-	4,
М.М. Гагин	-	-	-	-1	-	5,
И.А. Совин	-	-	-	-1	-	8,
А.Е. Огарев	-	-	-	-2	-	10,
Ж.А. Вешняков	-	-	-	-1	-	8,
Я.Г. Моклоков	-	-	-	-1	-	10,
Г.М. Сукин	-	-	-	-7	-	20.

В книге приведено 196 лиц. Из них 73 выезжали с большим числом воинов, 48 - с меньшим. Из остальных одни с полным, а о других нет сведений.

Практика XVII века гораздо слабее. Вот примеры. Тверской дворянин Калитин, при окладе в 700 четей, с поместьями и вотчинами в 296 четей и с жалованьем в 37 рублей, мог, по мнению окладчиков, выехать на службу только один на одном добром коне! Другому тверскому дворянину, Одадурову, при окладе в 700 четей, с поместьем в 111 четей, с 7 душами и с жалованьем в 32 рубля, можно было быть на службе только на обычном коне, а Спечеву, при окладе в 500 четей, с поместьем в 100 четей, 3 душами и жалованьем в 6 рублей совсем нельзя было подняться! И таких примеров много. Во всех десятинах двадцатых годов определение размеров службы очень слабое. Полагаю, это последствие распушенности

Смутного времени, понизившей служебную ревность дворян и детей боярских.

Я указал уже на сходство в обложении службой и всякими другими повинностями: всякое обложение в старину происходило в силу индивидуальной оценки состояния. Это сходство шло весьма глубоко. Денежные повинности брались не с пуста, а с земель обрабатываемых, т.е. населенных. То же и служба, требовавшая издержек, т.е. полковая, - она предполагала населенное имение. Это

выражено и в Уложении, которое предписывает тем, у кого "старое поместье пусто и служить не с чего", дать новое (XVI, 24). Вышеприведенное решение бояр относительно муромского дворянина Крокозова представляет случай исключительный, мотивы которого не указаны. По Рязской десятне 1647 года готовыми к походу оказываются люди, не имеющие ни крестьян, ни бобылей, ни поместий, ни вотчин. Можно думать, что им не чуждо было сознание насущных потребностей Московского государства и для их достижения они не прочь были и от личных жертв. Это то же самое, что служилые новики вроде Лупакова. В очень хорошем свете выступают и многие служилые люди Боярской книги 1556 года.

Итак, служба хотя не всегда и не непременно, но в огромном большинстве случаев стоит в зависимости от землевладения. Поверстанные обязаны были служить и без дач, но большинство служило с дач; не имевшие своих поместий и вотчин служили с родственников, по добровольной поддержке близких им людей. Теперь возникает вопрос, была ли служба привязана к месту нахождения поместья, т.е. обязан ли был всякий дворянин служить с дворянами того города, в округе которого находилось его поместье? Так было обыкновенно, но обязанности такой не было. Каждый дворянин, имея поместье в одном городе, мог "записаться"*(287) на службу с дворянами другого. Рязский сын боярский, И.П. Лунин, еще в 1591 году числился в списках Рязска, а служил он в Рязани в Коломенском стану. В писцовых книгах XVI века нередко перечисляются поместья за дворянами и детьми боярскими, которые "служат из иных городов", т.е. поместье в уезде одного города, а служат в другом городе*(288).

Так и в XVII веке галицкий дворянин С.Е. Калитин служил прежде по Галичу, где у него поместье, а потом переписался в Тверь, где у него поместья не было, а была вотчина, да пустая: в галицком же поместье у него были 4 крестьянина да 2 бобыля. В половине XVII века этот порядок вещей обратился в общее правило. По указам 1650-1651 годов дворяне и дети боярские, переведенные на службу в другие города, не лишаются поместий, которые были им даны в покинутых уездах (Указан, кн. помест. приказа).

Служба с верстанья составляет обязанность, и не явившиеся на службу подлежат наказанию. Подлежат наказанию не только не явившиеся в поход или в осаду, но и на смотр. Смотры стоят в самой тесной связи со службой. На смотре определяется служебное состояние человека, здоров он или болен, как вооружен и оконен. На смотре определяется мера его службы и производится верстание, а с первого верстанья начинается обязательная служба. Без смотра нет и службы. Вот почему неявка на смотр так же наказуема, как и неявка на службу.

Наказания полагались всякий раз по особому указу и очень разные; самое слабое - выкинуть из службы, затем шли: убавка жалованья, отнятие поместья и даже телесные наказания, батоги и кнут. Уже давно было указано, что в Москве самые строгие наказания назначались во многих случаях не для применения их на деле, а только для устрашения; такова была нередко и смертная казнь*(289). Думаю, что такую же роль играли телесные наказания и в делах службы. Практика была весьма мягкая. Вот примеры.

В 1555 году велено было отобрать поместья у всех не бывших на государевой службе в Казани и отдать в раздачу. Но вскоре за тем все нерозданное было возвращено, а что было роздано, то заменено дачей в другом месте.

В 1591 году велено было рязским детям боярским давать государево денежное жалованье, но с таким расчетом: за ругодивские неты давать с вычеты: а кто в приход крымского царя не был, тем вовсе не давать; а которые бежали со службы, с Воронежа, тем недодать по р. человеку.

В 1594 году приехавших на смотр, но не дождавшихся верстанья, приказано было выкинуть из службы. Но через два года государь всех нетчиков пожаловал,

велел их испоместить.

За бегство со службы в 1613-1627 годах приказано давать жалованье с вычетом руб. из 15 и т.д.

В 1635 году государь, "ради своих государевых чад", велел нетчикам, которые в Можайске на смотре не объявились, возвратить отобранные за неявку поместья*(290).

Нетчикам, хотя и с вычетом, но все же давали жалованье, поместья же отобранные возвращали назад. При таком мягком отношении правительства к служилым людям трудно думать, чтобы их за неты действительно наказывали телесно. Уложение за отъезд со службы до отпуска назначает кнут (VI, 8), а мы знаем, что в 1634 году дворянам и детям боярским, съехавшим из-под Смоленска, не дождавшись отхода окольного кн. Прозоровского, т.е. до отпуска, назначено было наградное жалованье по 20 р., на 5 р. менее тех, которые дождались отпуска. Можно ли думать, что они были наказаны кнутом?! Статьи Уложения написаны для угрозы, а вовсе не выражают практики своего времени.

Подведу некоторые итоги.

В Московском государстве все население обязано было нести тягости военной службы.

Служба дворян и детей боярских не имела значения привилегии. Они стояли в одном ряду с крестьянами и посадскими людьми.

Кроме обязательной службы существовала и добровольная для охотников.

Было немало дворян и детей боярских, которые служили добровольно, не получая ни денежного жалованья, ни поместий.

Служба обязательная оплачивалась, но для дворян и детей боярских - по мере возможности.

Обязательная служба дворян и детей боярских начиналась с верстания.

Верстание определяло место служилого человека в ряду других "по его отечеству и службе".

Верстание есть акт, многократно повторяющийся.

Действительно получаемое служилыми людьми денежное и поместное жалованье далеко не всегда соответствовало тому окладу, который назначался при верстании.

За верстанием следовало определение размеров службы.

Размеры службы определялись индивидуально для каждого отдельного дворянина и сына боярского. Здесь проводилось то же начало, какое применялось и к определению размеров всяких повинностей: хозяйственная обеспеченность человека.

Верстание, определение размеров службы, дача денежного жалованья - все это делалось по приговору всех местных дворян и детей боярских и выбираемых ими из своей среды представителей (окладчиков).

Исправность службы обеспечивалась поручительством лиц из местных жителей того же класса людей.

Вся служба известного лица находилась, таким образом, под постоянным контролем всех его сослуживцев.

Правительство относилось очень мягко к служилым людям. Строгие постановления **Уложения** относительно нетчиков, повторяющие слова более ранних указов, не составляют практики того времени; это только угроза.

Плата особого вознаграждения за выводимых дворянами воинов вышла из употребления в конце XVI века. Это обстоятельство также могло иметь влияние на уменьшение числа этих воинов, замечаемое в тверских десятинах XVII века.

Земельное устройство служилых людей представляет общераспространенное в истории явление. Но земельное их устройство в Москве имеет много оригинальных

особенностей, совершенно неизвестных, насколько я знаю, другим народам.

Печальную сторону нашего земельного устройства представляет необходимость для служилых людей самим отыскивать свободные поместья. Это должно было питать в их среде чувство розни и даже вражды.

Это обстоятельство, в соединении с чрезвычайно пестрым составом московских служилых людей, было причиной того, что дворяне и дети боярские, несмотря на то, что организация их, как служилого класса, была вся в их руках, - не сложились, однако, в сословие крепко сплоченное и с определенными политическими стремлениями.

В.И. Сергеевич

* (1) См. биографический очерк о нем: Томсинов В.А. Василий Иванович Сергеевич (1832-1910) // **Сергеевич В.И.** Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. С. IX-XXXVI.

* (2) См.: Новь. 1886. Т. 8. N 6. С. 176-194; N 7. С. 310-325.

* (3) См.: Сергеевич В.И. **Русские юридические древности. Том первый: Территория и население.** СПб., 1890.

* (4) См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Том второй: Власти. Выпуск первый: Вече и князь. СПб., 1893; Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Том второй: Власти. Выпуск второй: Советники князя. СПб., 1896.

* (5) См.: Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки В.И. Сергеевича. М., 1867.

* (6) Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Том второй: Власти. Выпуск первый: Вече и князь. СПб., 1893. С. V.

* (7) См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Том второй: Вече и князь. Советники князя. Издание 2-е. СПб., 1900.

* (8) См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Том первый: Территория и население. Издание 2-е. СПб., 1902.

* (9) См.: Сергеевич В.И. Древности русского землевладения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 331. Сентябрь. С. 58-89; там же. Октябрь. С. 225-273; там же. 1901. Ч. 333. Февраль. С. 293-353; там же. Ч. 334. Март. С. 37-71; там же. Апрель. С. 338-358; там же. 1902. Ч. 340. Март. С. 1-66; там же. Ч. 343. Сентябрь. С. 93-148; там же. Ч. 344. Декабрь. С. 307-361.

* (10) **Сергеевич В.И.** Древности русского права. Том третий: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. С. V.

* (11) Данный отзыв был написан Тарановским и опубликован в виде отдельной книжки уже после смерти В.И. Сергеевича. См.: Тарановский Ф.В. **Отзыв о сочинении В.И. Сергеевича "Древности русского права"**. Юрьев, 1911.

* (12) Тарановский Ф.В. **Отзыв о сочинении В.И. Сергеевича "Древности русского права"**. Юрьев, 1911. С. 112.

* (13) **Там же.** С. 113.

* (14) **Там же.** С. 114.

* (15) **Там же.**

* (16) Сергеевич В.И. **Русские юридические древности. Том первый: Территория и население.** СПб., 1890. С. V.

* (17) "Древности" и "история", - отмечал Ф.В. Тарановский, - представляют собою два различных вида исследования минувших судеб права. Первые рисуют картину статического состояния права в отдаленном прошлом; вторая изучает движение права в прошлом с целью установления закономерности правового

развития и объяснения современного его состояния. Поэтому "древняя история права" не тождественна с "древностями права" (Тарановский Ф.В. Указ. соч. С. 9).

*(18) Дьяконов М.А. В.И. Сергеевич и его ученые труды (библиографический обзор). СПб., 1912. С. 35.

*(19) Дьяконов М.А. В.И. Сергеевич и его ученые труды (библиографический обзор). СПб., 1912. С. 35.

*(20) Сергеевич В.И. **Древности русского права. Том первый: Территория и население.** Издание третье, с переменами и дополнениями. СПб., 1909. С. VII.

*(21) Слово "волость" означает собственно всякую территорию, состоящую под одной властью, а потому одинаково употребляется как для обозначения целого государства, так и его административных делений, составляющих в правительственном отношении тоже одно целое, а также и для обозначения земель, состоящих в чьей-либо частной собственности, они тоже состоят под одной властью. В тексте речь идет только о волости в смысле государства.

*(22) Слово "город" означает собственно всякое укрепление с целью обороны. В Ипат. лет. под 1219 г. читаем: "...и созда град на церкви..." или в Новгород. I, под 1224 г.: "...стал бо бе на горе, над рекою над Калком, и ту створи город около себя в колех, и бися с ними из города того по 3 дни". Согласно с этим, выражение "ставить город" означает обыкновенно только сооружение стен около существующего уже поселения для ограждения его жителей от внезапных вторжений. Такие известия о построении Новгорода напр., встречаются в XI, XII, XIII и XIV вв.; см.: Ник. 1044 г., 1116 г., Новгород. I, 1262 г.; Львов. 1302 г. Древнейшее же указание на построение городов с целью защиты относится еще ко времени, предшествовавшему признанию Рюрика. В 859 г. кривичи, славяне, чудь и меря, изгнав за море варягов, которым до того времени платили дань, - немедленно начинают "грады ставити", т.е. укреплять свои поселения, чтобы тем упрочить только что завоеванную самостоятельность (Воскр.). Призванные вскоре за тем князья являются продолжателями народа в этом деле охранения самостоятельности Русской земли. - Иногда, по стратегическим соображениям, города ставились и на новых местах, где прежде не было поселений. В таких случаях летописи не ограничиваются обычным выражением "поставить город"; но еще прибавляют к тому и известие о населении такого города пришлыми людьми. Так, в Сузд. лет. под 989 г. читаем: "и нача ставити (Владимир Св.) грады по Десне, и по Остри, и по Трубежу, и по Суде, и по Стугне и нача нарубати мужи лучший от словен, от кривич, от чюди, от вятич, и от сих насели грады: бе бо ратен с печенеги".

*(23) Воскр. 1297; Львов. 1323, 1330; Новгор. I, 1372, 1387; IV, 1384; Псков. I и II, 1414, 1431, 1441.

*(24) В Обзрении истории русского права проф. Владимирского-Буданова (вып. I), термин "земля" не метафора, а форма общества, заменявшая государство во весь первый период" (3). На с. 4 эту особую форму, заменявшую государство, он называет "земским государством", но, к сожалению, не разъясняет, в чем состоят свойства этого "земского государства" и чем оно отличается от государства вообще. - В новом издании (1900 г.) почтенный автор делает поправку. Земля не "заменяет" у него государства, а "составляет государство" (12), которое он продолжает называть "земским государством" (14), все же не разъясняя, чем оно отличается от государств не земских, если таковые есть.

*(25) Первое издание. I, 4. Во втором издании почтенный автор излагает свою мысль несколько иначе. Он говорит: "Время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической. Начальная летопись перечисляет земли - княжения (б. ч. те же, какие мы находим в XI и XII вв.). Славянские племена уже тогда (до начала летописных сказаний) перешли от чисто племенного быта в быт государственный земский, т.е. образовали княжения - земли, пределы которых не

всегда совпадали с границами племени. Летописец, рассказав о мифических 3-х братьях..." К этому месту автор делает ссылку, в которой приводит указанное нами место Соловьева, возражает ему, а в конце говорит: "Проф. Сергеевич приписывает мысль Соловьева и нам". - Мы были крайне огорчены этим указанием на недостаток у нас внимания к труду почтенного ученого и поспешили взять первое издание и развернуть 4-ю стр.; там напечатано: "Время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической. Племена, перечисляемые в начальной летописи, суть земли - княжения (б. ч. те же, какие мы находим в XI-XII вв.). Летописец, рассказав о мифических 3-х братьях..." Мы были этим совершенно успокоены: мы ничего не приписали почтенному автору, чего у него не было сказано. Сличением же его двух изданий мы были даже обрадованы. Во втором он высказывает совершенно другую мысль, чем в первом, и совершенно правильную, не о земском, конечно, государстве, а о том, что границы племен и княжений не совпадают, а в первом издании сказано: "племена суть земли - княжения".

*(26) По миру, заключенному в 1151 г. с племянником Изяславом, Юрий отказывался от обладания Киевом и обязывался удалиться в "свой Суздаль" (Ипат.). Ср. еще Лавр. 1159 года. Берладник приведен из Суздаля.

*(27) В Суздале посадничал сын его, Мстислав, который и был отправлен им из этого города в поход на Киев.

*(28) В другом месте Воскр. лет. сохранила имена еще следующих думцев Мстислава Ростиславича: Борис Жидиславич, Ольстын и Дедилец (1177, 94).

*(29) Время сыновей Ярослава Всеволодовича есть время дальнейшего дробления древней Ростовской волости. При них выделяется Суздальское княжение, Тверское, Костромское, моголо, конечно, выделиться и Московское. Под 1280 г. Воскр. л. говорит о смерти Давыда, внука Ярослава, от сына его Константина, и называет его князем галицким и дмитровским. Это еще новое обособление, имевшее место также при сыновьях Ярослава, из которых, по-видимому, каждый старается урвать от великого княжения что только было можно.

*(30) Соловьев (II, 288) делает догадку, что Калита управлял Москвой при Юрии, когда последний находился в Орде или в Новгороде: "иначе он не имел бы времени сблизиться с митрополитом Петром, ибо Юрий убит в 1325, а Петр умер в 1326". К такой догадке нет основания: чтобы сблизиться с митрополитом, конечно, не было необходимости управлять Москвой. Костомаров же утверждает (Русск. история. I, 182), что Москва оставлена была в полное управление Ивана, когда Юрий получил великое княжение, но источников не приводит. Это тоже только догадка. Из братьев Юрия всех ближе к нему был Афанасий (Воскр. 1312, 1315, умер в 1322); он, конечно, и замещал Юрия, где было нужно. Вот в каких выражениях описывает летописец деятельность Ивана по отъезде Юрия в Орду: "А кн. Иван Данилович, после брата своего Юрия, сядяше на Москве; тож с Москвы иде в Переяславль и седе в нем на великом княжении". Это свидетельство не оставляет, кажется, сомнения в том, что Иван Калита захватил под братом Переяславль. Переяславцы, от которых ушел Юрий, конечно, рады были иметь у себя особого от Москвы князя.

*(31) Обе духовные Калиты без года. Нет основания думать, что им написана третья, до нас не дошедшая, в которой были бы упомянуты Галич, Белоозеро и Углич: тогда эти волости были бы упомянуты и в духовных его сыновей. Относительно Галича мы имеем в источниках сведения, которые представляют совсем в ином свете переход этого города к Дмитрию Ивановичу. В XIII и первой половине XIV в. Галич и Дмитров составляют наследственную территорию в роде кн. Константина, сына Ярослава Всеволодовича. Под 1280 г. лет. Воскр. и Ник. говорят о смерти галицкого и дмитровского кн. Давыда Константиновича. Под 1362 г. Ник. лет. говорит, что Дмитрий Иванович Московский согнал с Галицкого княжения Дмитрия Галицкого. Это внук Давыда. Итак, Дмитрий Иванович силой приобрел Галич. Но он

не оставил его за собой, а дал в удел двоюродному брату, Владимиру Андреевичу. Документ, из которого это следует, очень испорчен, там многих слов недостает, но принадлежность Галича и Дмитрова Владимиру Андреевичу, при жизни Дмитрия Донского, не может подлежать никакому сомнению. Мы разумеем договорную грамоту этих князей, напечатанную в Р. С. I под N 29 и отнесенную издателями к 1371 г. В начале Владимир Андреевич обязывается за себя и детей своих не искать под вел. князем его вотчины и вел. княжения; а далее читаем: "также и тебе, князю великому (подо мною не искати, что ты мне), господине, дал в удел Галич, Дмитров с волостями и с селы (и со всеми пошлинами) и твоим детям под моими детьми и до живота". Что напечатано в скобках, это наше чтение вместо точек оригинала. Как затем Галич снова перешел к Дмитрию Ивановичу, этого по памятникам не видно; но, во всяком случае, не в качестве купли Ивана Калиты. Калита мог купить Галич у потомков Константина, но у них Дмитрий Иванович силой отнял этот удел и передал его Владимиру Андреевичу; во второй же раз он должен был приобрести его от этого последнего князя, за которым сам признал наследственные права на этот удел. Здесь также, может быть, не обошлось без некоторого насилия и, пожалуй, клятвопреступления. Несоответствие языка официальных актов с действительными способами приобретения может объясняться желанием замаскировать такие действия, которые князья и сами не могли считать вполне правыми. Неточность языка официальных актов встречается и в других документах Дмитрия Ивановича. В последнем своем договоре с Владимиром Андреевичем он говорит, что отец благословил его двумя жеребьями в городе Москве. А в действительности отец отказал свои два жеребья двум сыновьям пополам, и второй жеребий достался Дмитрию от брата, а не от отца. В том же году, когда был прогнан галицкий князь, Дмитрий Иванович "взял волю свою и над ростовским князем Константином" (Ник.). К этому времени, может быть, и надо относить приобретение Белоозера и Углича, входивших в состав Ростовской волости. Во второй половине XIV в. почти совсем перестала существовать самостоятельная Ростовская волость. Из духовной Владимира Андреевича узнаем, что ему принадлежит Ярославль, город Ростовской волости; но он ни слова ни говорит о том, как он ему достался. Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич, может быть, поделили между собой наследие потомков Константина Всеволодовича, низведя их в положение служилых князей.

*(32) Иное начало применено Калитой к распределению частной собственности. В распоряжении его было 42 села в Московском уделе да 12 купель в других княжениях. Из этого числа Семену дано 11 сел, Ивану - 14, Андрею - 12, жене с дочерьми - 16; одно село пожаловано Воркову. Здесь совсем незаметно предпочтения в пользу старшего. Даже наоборот, младшие получили большее число сел. Но для предпочтения младших нет никакого основания. Надо думать, что недвижимая собственность разделена была поровну; большее же число сел, назначенных младшим, может объясняться их неравенством. Стремление наделить сыновей поровну особенно ясно видно в распределении драгоценностей. Каждый из сыновей получил по 4 золотых цепи, по 3 золотых пояса, по 2 золотых чаши (чара), по 2 чума золотых (Семен и Андрей, а Иван - 2 овкача золотых) и, наконец, по 3 серебр. блюда; старший сын Семен сверх братьев получил только одно блюдо золотое с жемчугом и камнем. Это наводит на мысль, что в древней России различали наследования княжеских прав от наследования в частной собственности князя. Частная собственность делилась, обыкновенно, поровну между наследниками; в наследовании же княжеских прав старший сын имел преимущество.

*(33) Д.И. Иловайский, самый последовательный сторонник Калиты, деление Москвы на три части называет умным распоряжением (II, 36).

*(34) Завещание Ивана Калиты написано с согласия и утверждения Орды. На это указывает татарская печать, к нему привешенная.

*(35) Иначе у Соловьева: "Старшему же (т.е. сыну Ивана, Семену), читаем на 305 с. III т., должно было получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем". Совершенно то же, но еще определеннее говорит и Д.И. Иловайский: "К старшему должна была перейти вся область Переяславля-Залесского и все дальние приобретения Поволжья; ему же предоставлялось добыть себе от хана ярлык на вел. кн. Владимирское" (Истор. II, 31). Под дальними приобретениями Поволжья, вероятно, разумеется и Кострома (25). Соловьев не приводит источников; Д.И. Иловайский ссылается вообще на летописи и на духовные грамоты Калиты. Мы не нашли в этих памятниках подтверждения его мнению. То, что мы утверждаем в тексте, было давно известно, но позабыто. Карамзин совершенно правильно говорит, что Иван, располагая только своей отчиной, не мог отказать сыновьям Владимира, Переяславля и Костромы, ибо назначение преемника ему в вел. княжении зависело от хана (IV, 151).

*(36) У Соловьева (III, 327) читаем: "Симеон отказал удел свой и все движимое и недвижимое жене, по смерти которой все это переходило к брату Семенову, в. кн. Ивану". Того же взгляда держится и Д.И. Иловайский (Истор. II, 40): "Иван получил волость старшего брата по кончине его супруги", - говорит он. Источники же говорят прямо противное. В завещании Ивана Ивановича читаем: "А се даю сыну своему князю Дмитрию: Можайск со всеми волостями... Коломну со всеми волостями... (т.е. удел брата Семена, отказанный им жене, Марии). А что ис тех волостей за княгинею за Марьею, те волости до ее живота и села: а по ее животе те волости и села сыну моему князю Дмитрию..." Вдова Семена, княгиня Марья, следовательно, была жива еще: в момент написания духовной за ней состоят некоторые волости из удела мужа, весь же удел принадлежит Ивану, который, конечно, отнял его у вдовы брата, вопреки своему клятвенному обещанию. Карамзин тоже не считает вдову Семена умершей во время написания Иваном духовной.

*(37) Намерение Юрия Дмитриевича завладеть великим княжеством обнаружилось еще при жизни его старшего брата, в завещании которого он не принял участия в качестве попечителя. По его смерти оно немедленно перешло в дело; но, надо думать, Юрий не нашел себя тогда достаточно сильным, чтобы достигнуть цели вооруженной рукой, а потому в 1428 г. он заключил с племянником мир, по которому признал за ним все отказанные ему отцом владения. Партия великого князя (ему самому не было тогда еще полных 14 лет) настолько считала себя сильной, что не нашла нужным сделать Юрию какие-либо территориальные уступки. Но в 1431 году Юрий разорвал этот мир. В том же году племянник и дядя вознамерились отправиться в Орду для решения спора о великом княжении. "Царь же (ордынский хан), - говорит летописец, - повелел своим князем судити князей русских". И действительно, перед этими судьями в присутствии хана происходило судовое дело по всей форме. Истец и ответчик доказывали свои права с документами в руках (летописями, грамотами), ссылаясь на прецеденты и княжеские завещания. Юрий Дмитриевич оказался великим крючкотворцем, он ухватился за букву духовной своего отца и подкреплял ее ссылками на случаи более древних переходов вел. княжения от брата к брату. Мы уже знаем, что духовная только по букве, а не по духу и практике московской была в его пользу (с. 71). Несмотря на это, Иван Дмитриевич Всеволожский, представитель прав великого князя, усомнился, кажется, в успехе своего дела. Он бросил всякую аргументацию и обратился просто к милости хана: "Государь вольный царь, - сказал он, - освободи молвить слово мне, холопу великого князя. Наш государь, вел. кн. Василий, ищет стола своего, вел. княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью, по твоим девтерем и ярлыком, а твое жалованье пред тобою. А господин наш кн. Юрий Дмитриевич хочет взять вел. княжение по мертвой (!) грамоте отца своего, а не по твоему жалованью, вольного царя. А ты волен в своем улусе, кого восхощешь жаловати, по твоей

воле..." Суд перешел, таким образом, в выпрашивание великого княжения. Царь решил спор в пользу вел. кн. Василия и приказал даже Юрию вести под ним коня. Мы, конечно, не в состоянии теперь сказать, почему выиграл дело в. князь: потому ли, что он действительно был прав, что признал и сам Юрий три года тому назад, или потому, что царя пленил лстивый язык Всеволожского. Наши государственные люди XV в., кажется, признавали уже правило: цель оправдывает средства.

*(38) Утверждаем это на том основании, что в летописи под 1417 г. написано:

"Преставися нареченный князь велики Нижнего-Новагорода, Иван Васильевич, сын великого князя, Василия Дмитриевича, на Москве; положиша и в церкви архангела Михаила, идеже вси князи рустии лежать" (Воскр.).

Издатели в примечании к этому месту говорят, что все списки летописи смешивают смерть нижегородского князя Ивана Васильевича со смертью соименника его, сына великого князя московского, Василия Дмитриевича. В таком примечании нет ни малейшей надобности. Место надо понимать, как оно написано. Великий князь московский нарек сына своего на нижегородское княжение. Ивана же Васильевича линии нижегородских князей и нарекать-то было некому. Отец его умер в 1403 г., родные дяди еще раньше. В живых были двоюродные дяди, которые не прочь были завладеть Нижним на себя. Одному из них, Данилу Борисовичу, даже удалось получить от царя Махмета ярлык на свою отчину (А. Э. I. N 18).

*(39) Начальный летописец, перечислив разные племена, населявшие широкую равнину, простиравшуюся от Днепра через Оку до Волги, говорит:

"Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородыди, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне".

Это уже случай объединения нескольких славянских племен в одном наименовании руси, на которое летописец наведен единством языка этих племен.

Древнейший случай наименования русскими городов не киевских находим на договоре Олега с греками 907 года. Олег - русский князь, а потому и все города, в пользу которых он выговорил особые уклады, названы русскими, хотя в этих городах сидели свои особые князья, состоявшие только в некоторой зависимости от него. Называть эти волости их особыми именами в договоре было не уместно потому, что греки имели дело с одним Олегом. Здесь мы имеем дело только с перспективным объединением русской земли в одном термине, а не с действительным ее единством в смысле единого государства, которое бы называлось уже тогда русским.

*(40) А. Э. I. N 3 и 4, 1328-1340; Рум. Собр. I. N 23, 1341; А. Э. I. N 8, 1372. У Дмитрия Ивановича и печать была вырезана с титулом "князя великого всея Руси", но он не всегда употреблял ее. Рум. собр. I. N 34 и 30.

*(41) Но в сношениях с константинопольским патриархом Василий Васильевич именуется себя "великим князем московским и всея Руси". Рус. Ист. Библиот. VI. N 62.

*(42) Рум. Собр. I. N 24, 83, 121. Барсуков. Род Шереметевых. II. 497, говорит, что деловые люди суть вольнонаемные рабочие. Доказательств не приводит.

*(43) То же выражено и в древнейшей редакции:

"Аще кто челядин пояти хошет, познав свой, то к оному вести, оу кого то боудет коупил, а той ся ведеть ко другомоу, даже доидеть до третьего. То рци третьемоу: вдаи ты мне свой челядин, а ты своего скота (заплоченных денег) ищи при видоце" (21).

Мы не останавливаемся на уголовных и процессуальных особенностях приводимых статей. О них речь будет идти в другом месте.

*(44) Рум. Собр. I. N 76. Само собой разумеется, что лицо, против которого предъявлен иск о его холопстве, может доказывать, что оно свободно. Но если у ответчика не было никаких других доказательств, кроме присяги, то он допускался к предъявлению такого доказательства только в том случае, если мог представить за себя поручителя. В договорах московских князей с тверскими читаем:

"А кто холоп или роба имется тягати с осподарем, и пошлется на правду, а не будет по них поруки, ино их обвинити" (А. Э. I. N 14, 1398 и N 88).

Под "правдой" здесь, кажется, надо разуметь присягу. Кроме присяги это слово означает и свидетелей, конечно, потому только, что они показывают под присягой.

Соответственное место договора 1368 года:

"А иметь съ кимъ холопъ его тягати, а не будетъ по немъ поруки, ино холопа обвинити, да выдати осподарю" (Рум. Собр. I. N 28), очевидно, напечатано неправильно. Вместо "съ кимъ" надо читать "съ нимъ", т.е. с господином.

*(45) Близок к этому и Мстиславов договор с немцами: за убийство холопа он определяет 1 гр. серебром, что составит около 4 грив, кунами.

Иное мнение о "рядовиче" высказывает проф. Мрочек-Дроздовский. Исслед. о Русск. Правде. Чтения. 1886. Кн. I. Рядович, думает он, есть низший служитель князя или иного господина, а именно: "приставник, прикащик" (199). К этому выводу автор приходит следующим образом. Он рассматривает, в каком смысле летописи и Русская Правда употребляют слово "ряд", и находит, что они употребляют его в смысле "приказа" и в смысле "договора", но с преобладанием первого, и в этом "Правда сходится с Лаврентьевской летописью" (196), а затем продолжает: "Если же это так, то слову "ряд" (и словам, производным от него) в Правде должен быть придаваем смысл "приказный" по преимуществу: в этом смысле и должно толковать рассматриваемые слова во всех тех местах Правды, которые требуют толкования" (197).

На этом основании "рядовичь" не человек, заключивший договор (ряд) со своим господином, а человек, получивший от него приказ, прикащик (199).

Мы привели подробно мнение проф. Мрочек-Дроздовского с тем, чтоб остановиться на любопытных приемах автора. Он сосчитывает, сколько раз и в каком смысле древние памятники употребляют слово "ряд". Затем "от большинства случаев" заключает "к преимущественному" смыслу и к тому, как надо объяснять слова, производные от "ряд", но требующие толкования. Эти слова должны быть объясняемы в смысле "преимущественном". г. Мрочек к решению исторических вопросов применяет арифметический прием. Мы сомневаемся в верности такого применения. Число раз, в котором Русская Правда употребляет то или другое выражение, совершенно случайное, а потому от такого числа, кажется, нельзя делать никаких заключений. Затем г. Мрочек едва ли совершенно точно сосчитал. Он находит (196) только один случай употребления слова "ряд" в смысле договора, это женитьба без ряду, ст. 103 Тр. сп. Мы приведем еще два: 104-я "тивунство без ряду" и 46-я "договор займа". В смысле же приказа слово "ряд" употребляется всего один раз в ст. 87; в смысле правила - тоже раз в ст. 94. Арифметика, следовательно, не совершенно на стороне г. Дроздовского. Но мы этому не придаем никакого значения. В Русской Правде есть статья, которая еще раз говорит о ряде, хотя этого слова и не употребляет. На ее-то основании мы и видим в рядовиче Русской Правды просто раба. Это ст. 102 Тр. сп. Она говорит, что холопство возникает из купли-продажи. Купля-продажа есть, конечно, ряд, договор. Продавшие себя в рабство, но не отличающиеся никакими особыми качествами, и будут просто рядовичи, которых Правда противопоставляет старостам, ремесленникам, тивунам. Но рядович не непременно раб. Рядович - всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий. Статьи же 22 Ак. и 11 Тр. разумют под рядовичем раба потому, что ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба, см. ст. 13, 106 и 107.

*(46) В списках Правды эта и следующая статья предшествуют выше разобранный 116-й: "А в холопе и робе виры нетуть..." и пр. Но отсюда не следует, что правило, в ней выраженное, древнее того, которое содержится в 116-й. Сколько-нибудь точную хронологию имеют только те статьи Правды, которые прямо приписываются известному князю. Многие статьи, не приурочиваемые ни к какому

имени, составляют исконные обычаи; поэтому они и не связываются с именем князя. Но в список Правды они могли быть занесены позднее тех, которые приписываются известному князю и, следовательно, могут казаться моложе их. Хронология возникновения норм права и хронология занесения статей в списки Правды, конечно, не совпадают. Есть, однако, исследователи, которые в последовательности расположения статей в списках Правды видят хронологию самого возникновения содержащихся в них норм. Отсюда возникает много чрезвычайно существенных разногласий в объяснении содержания Правды.

*(47) 12 гривен продажи взимались за убийства раба без всякой с его стороны вины (III. 116). Здесь брались те же 12 гривен. Но в данном случае это не продажа, а вознаграждение пострадавшему. Оно равнялось, следовательно, не продажной цене раба, а цене его жизни. Обиженный мог убить его, и господин, платя 12 гривен, выкупал жизнь виновного раба.

*(48) Так, проф. Владимирский-Буданов, в примечании к этой статье, говорит: "во времена Ярослава обиженный мог убить холопа" (Хрест. I. 61).

*(49) См.: Чичерин. Опыты. 149; Владимирский-Буданов. Хрестоматия. I. 98.

*(50) Сторонники оспариваемого мнения указывают еще на III. 150 ст.: о ней речь ниже.

*(51) В договорах читаем:

"На холопах дани не имати, на которых ключники целуют" (Рум. Собр. I. N 28, 76; 1368-1451). Что это за целование? Может быть, целование на верность князю?

В селах Прилуцкого монастыря встречаем деление деревень на ключи, напр., "се яз, Евстигней, прозвище Меншик, Савельев сын, Оларевского ключая, деревни Токарева" (А. Ю. N 300, ср. N 250).

*(52) Рум. Собр. I. N 25, 130, 40; 1356-1498. Арх. истор. юрид. свед. 1855. Кн. II, полов. 1-я. С. 31. Ключники серпуховского князя названы "некупленными". Это еще не значит, что они были свободные люди, хотя встречаются и такие. "Купленным" противопоставляются "старинные холопы", а не свободные слуги. Об этих некупленных ключниках князь говорит, что ни "детям его не нужны", т.е. что они к ним не переходят, а получают свободу. Если бы "некупленные" значило здесь вольные, не было бы надобности отпускать их на свободу.

*(53) С этим предположением затрудняется согласиться проф. Буданов. Он находит, что "слова закона не ясны: холопей боярских и иных чинов людей..." (Хрестом. III. 39). Здесь речь идет о холопах бояр и людей иных чинов, а не о холопах и людях иных чинов.

*(54) А. Э. I. N 237. Еще несколько докладных напечатано в чтениях Мос. об. ист. и древн. за 1898 г. в августов, кн.

Иначе смотрит на докладного холопа проф. Ключевский. Он полагает, что докладной холоп есть сельский ключник, купленный с доклада наместнику именно на эту должность (Рус. Мысль. 1885. N 8. С. 19 и сл.) Надо думать, что автор наведен на такое заключение выражением докладных грамот "даются мне на ключ, а по ключу и в холопи". Выше мы имели уже случай объяснить значение термина "купить на ключ" (с. 61). "На ключ" покупаются целые деревни; в приведенной в тексте докладной Зубатый купил Никона Поздеева с сыном его, Федькой. Кто же из них ключник? Оба? А если Федька малолетен? Независимо от этих частных вопросов, возникающих из предлагаемого г. Ключевским объяснения, необходимо поставить и общий. Что значит купить кого-либо "именно на должность ключника"? Допустим, что "купленный именно на должность ключника" оказался к этой должности неспособен, или обокрал своего господина, или просто ему не понравился в должности ключника. Обязательно ли для покупателя держать его ключником? Конечно, нет. Таким образом, купленный сегодня на должность ключника завтра же можем сделаться пастухом. Выражение "куплен именно на должность ключника" не имеет никакого

юридического смысла, ибо для господина не существует обязанности держать купленного холопа непременно на должности ключника, как не существует обязанности купленную верховую лошадь употреблять только под верх. Определенный юридический смысл имеет только выражение: "даюсь в холопи". Все остальное - символ.

*(55) XX. 61. В XVII в. встречаем одно исключение из этого правила. Уложение запрещает продавать татар-новокрещенов потому, что "по государеву указу крещеных людей никому продавать не велено" (XX, **97**). Государев указ на русских крещеных людей не распространялся, однако. Подарить новокрещенных татар было можно (XX, **98**).

*(56) Язык Уложения не отличается большой определенностью. Конкретные случаи, от которых отправляются иногда составители статей Уложения, весьма затрудняют понимание основных начал этого памятника. В XX гл. **101 ст.** читаем:

"А которые люди учнут на ком искати холопства по полной деда своего, а в полной деда его будет написано, что дед его того холопа купил себе и детям своим, а про внучат и про правнучат в той полной ничего будет не написано; а ответчик на того же холопа положит в суде кабалу новую, и по той кабале тому холопу и впредь велети быти в холопстве у ответчика, а истцу в том холопе отказать по тому, что он о том холопе бьет челом по полной деда своего, а в полной деда его того холопа ему не написано".

Истцу должно отказать потому, что "в полной деда его того холопа ему не написано". Но следует ли отсюда, что внук выиграл бы иск, если бы в полной деда было написано, что холоп куплен и внуку? Конечно, нет, ибо дед, купив холопа в полницу, мог его потом перепродать, подарить, отпустить на волю и пр. Другой вопрос. Внук проиграл иск потому, что в полной деда холоп ему не написан. Значит ли это, что внук не имеет прав на холопов деда, если в полной про внука не упомянуто? Тоже нет. Если внук есть единственный законный наследник деда, то все наличные, в момент смерти деда, холопы его переходят к внуку, хотя бы в полных о внуке и не было упомянуто. Это совершенно ясно из свойств полного холопства, а кроме того, подтверждается выражениями непосредственно предшествующей сотой статьи, в которой читаем:

"...А те купленные люди учнут бити челом государю о них о свободе (т.е. будут искать свободы от наследников покупщика) потому, что они им в духовных и в купчих не написаны; и тем купленным людям по смерти тех людей, кто их купит, быти у жен их и у детей потому, что многие люди таких людей покупают до женитьбы своей, а которые люди таких людей покупают и женятся, и они тех своих купленных людей в купчих пишут себе, а того не повелось, что таких купленных людей в купчих писати себе и жене своей и детям".

Что же значит приведенная статья? Это - казус. Некто подал иск о холопе и в доказательство предъявил полную деда. Вызвали ответчика. Он предъявил кабалу новую, написанную с соблюдением всех правил. По рассмотрении предъявленных доказательств суд находит, что полная, на которую ссылается истец, не подтверждает его ссылки и отказывает по недоказанности иска и только. Это ближайший повод отказать истцу, делающий совершенно ненужным дальнейшее рассмотрение дела. Иначе поступил бы суд, если бы истец заявил, что холоп деда бежал и выдал на себя незаконную кабалу. Он приступил бы к проверке этих фактов. Но таких заявлений не сделано, а потому для суда нет надобности входить в рассмотрение того, каким образом холоп деда выдал на себя новую кабалу. На казуистический характер статей **Уложения** давно было уже указано, мы приводим только отдельный случай.

Некоторые исследователи понимают разобранную статью Уложения буквально и думают, если в полной грамоте не было сказано, что холоп покупается и внукам, то

внуки, после смерти своего отца, не имели уже права на такого холопа (Рус. Мысль. 1885. N 8. С. 18). Этот взгляд трудно согласить с идеей полного холопства и с приведенной **100 ст.** Уложения.

*(57) Кроме приведенных способов установления рабства, проф. Владимирский-Буданов допускает еще один: духовное завещание. Он думает, что в силу 76 ст. цар. Судеб, и 66-й первого из духовной могло возникнуть рабское состояние для лица свободного (Хрест. II, 163). Это очевидное недоразумение. В статье 76 написано:

"По робе холоп, по холопе раба, по духовной холоп, по приданой робе холоп, а по холопе раба".

Читать, конечно, надо так: "по рабе холоп, по холопе раба; по духовной рабе холоп, по приданой рабе холоп, а по холопе раба". Первого положения "по рабе холоп, по холопе раба" уже совершенно достаточно для выражения мысли, которую Судебник желает высказать. Но наши старые юристы не умели довольствоваться общими понятиями. Высказав общую мысль, составители судебника не заметили, что она разрешает все частные вопросы, а потому стали перечислять отдельные случаи: рабу, отказанную в духовной грамоте, и рабу, полученную в силу рядной записи.

*(58) А. И. П. N 44, 1603. Господин, конечно, мог отпустить на волю и отдельных членов семьи, детей, оставив в холопстве родителей, даже жену, удержав мужа (А. Ю. 410).

*(59) Это видно из текста служилых кабал, по которым кабальный обязывается служить во дворе верителя (А. Ю. N 252). В этом же смысле составлена и приведенная в тексте ст. 82 Суд. Вместо того чтобы сказать: а кто, дав деньги в рост, потребует еще службы, она говорит: "а кто даст денег в рост да того человека станет держать у себя", т.е. у себя во дворе для услуги. Такому взгляду на обязанность должника жить во дворе кредитора соответствует и упоминание о краже и бегстве должника, о чем и говорить не было бы повода, если бы не предполагалось, что обязанный службою живет во дворе и на хлебах кредитора.

*(60) К служилым кабалам в конце XVI века так же была применена и известная уже нам записка актов в книги. Вот образчик такой записки.

"И в приказе Холопья суда в кашинской записной кабальной книге прошлого 164 году июня в 17 день написано: Стал перед губным старостою, перед Федором Сосновским, заемщик, Полуехт, Ермолаев сын, Дорофеева, ростом высоковат, лицом плосколик, на бороду немного сколковат, нос на левую сторону маленько кривоват (и т.д. приметы). А сказался, бывал стариной послужник Иван, Парфеньева сына, Суворова Меншева, и как де Ивана не стало, и после себя жене своей, Дарье, приказал отпустить на волю и своей кабалы отпускную положил за рукою отца его духовнаго, села Белеутова Акиманского попа, Кондратья Евсегнева. А ныне сказал, бил челом в службу сыну его, Андреяну, Иванову сыну, Суворову Меншево, и дал на себя и на жену свою, Василису, Иванову дочь, служилую кабалу в шти рублях июня от седмаго на десять числа да по июнь же по седмое на десять число на год; а за рост им на те денги у государя своего, у Андреяна Ивановича, служить во дворе по вся дни и всякое дело делать. А полягуть денги по сроце, и им у государя своего, у Андреяна, служить во дворе по тому ж по вся дни. А послуи в кабале Трофим, Иванов сын, Вешняков. А кабалу писал Фомка, Баженов сын, Вшивков. Лета 7164. Пошлины шесть алтын взяты". А. до Ю. Б. N 9. Другие подобные записи см. под N 131.

*(61) Некоторые соединяют эти два вида докладных в один и свойства кабальных докладных приписывают холопам полным, продавшим себя по докладной. Такое соединение встречается у проф. Ключевского в статье "Происхождение крепостного права в России" (Русск. Мысль. 1885. Август. С. 20).

Автором едва ли обращено внимание на то, что о "докладных" говорит первый Судебник, ничего не знающий не только о кабальных холопах, но и о кабальных людях, и говорит в статье, в которой речь идет о полном холопстве; доклад же служилых кабал не может быть старше указа 1586 года. У некоторых писателей речь идет о "задворных холопах", как особом виде холопства. Таких не было.

*(62) Вот образчик такой служилой кабалы без займа:

"Се аз, Афонасей Васильев, был челом в холопство князю Борису Андреевичу Козловскому, и служилую кабалу на себя даю волею своею, и служить мне, Афонасью, у государя своего князя Бориса Андреевича, во дворе по его живот. А на то послух, Иван Пушкарев. А служилую кабалу писал Ивановские площади подьячей, Сенка Козмин, лета 7192 году декабря в 17 день".

Далее прописаны приметы Афонасия; а на обороте написан доклад кабалы:

"192 декабря в 17 день в приказе Холопья суда перед столником, князем Васильем Федоровичем Засекиным, с товарищи Афонка сказал: в холопство бил челом и кабалу на себя такову дал, и пошлины по указу взяты и в книгу записана. - Дьяк Гервасей Столетов. Справил Панфилко Ларионов" (А. до Ю. Б. N 127, XII-XIV, XVI-XVIII).

Но и после Уложения служилые кабалы писались и по старине, в форме займа (Там же. **X, XI, XIX**).

*(63) Это изменение есть только необходимое следствие вышеприведенных указов 1586 и 1597 годов. С издания этих указов писание служилых кабал в прежней форме перестало соответствовать действительному положению кабального холопа. Поэтому еще в самом начале XVII века разные люди стали приносить в Холопий приказ для выписки "записи на вольных людей", которыми эти вольные люди обязывались служить у них до их живота. Наша практика не замедлила, следовательно, выработать новую форму установления кабального холопства, которая совершенно соответствовала существу дела. Но царь и великий князь Василий Иванович нашел, что эта форма не предусмотрена Судебником, а потому и не дозволил принимать такие записи к записке (А. И. П. N 85. III. 1608).

*(64) Dr. Siegel Heinrich. Deutsche Rechtsgeschichte; Brunner Heinrich. Deutsche Rechtsgeschichte.

*(65) Ипат. 1154, 1178, 1183; Сузд. 1164; Новгород. I. 1259, 1273.

*(66) Для примера см.: Лавр. 1093, 1230; Ипат. 1146, 1161, 1178, 1185; Воскр. 987, 1186; Нов. I. 1135, 1228, 1230.

*(67) Мука - наказание, казнь.

*(68) Неволин (III. 339, пр. 124 и V, 147) утверждает, что слово "закуп" означает залог или заклад; в доказательство он ссылается на Доп. к А. И. П. С. 136. Там читаем: "И та ныне вотчина очищена вся от Василья Шорина и от Якима Патокина и ни у кого не в закупе и в закладе нет..." Здесь слово "закуп" противопоставлено "закладу" и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тот же заклад. Памятник, на который ссылается Неволин, составлен во 2-й четверти XVII века. В это время слово "закупен" в московских памятниках употреблялось иногда в значении купца, торгового человека. А. Э. IV. С. 16, 1646.

Г. Павлов-Сильванский (Ж. М. Н. Пр. 1895, янв.) полагает, что в жалованной грамоте от 1515 г., напечатанной в А. Э. I. N 160, слово "закуп", очевидно, употреблено в смысле заклада. Вот это место: "...А пожаловал слугу своего... селом и деревнями в прок... волен он то село и деревни кому дати, и продати, и променити, и в закуп дати, и по душе дати". Никак нельзя сказать, что бы было совершенно очевидно, что здесь значит "дать в закуп". Почему это выражение не может означать права отдавать в наймы? В одной купчей начала XVI века читаем: "И мне Федору в тех землях жити до своего живота, а тех ми земель не освоити, ни продати, ни менити, ни в закуп дати". Покупщик обязывается жить до своей смерти в купленных

землях. Можно думать, что он не мог сдавать их и в аренду, поэтому "ни в закуп дати" может здесь значить не сдавать внаем. Но смысл слов с течением времени меняется. В XVI в. слово "закуп" могло иметь иное значение, чем в XII-м. Я утверждаю только, что в Р.И. оно означает наймита.

*(69) Но и редакция Троицкого списка "а в дачь не холоп" допускает совершенно удовлетворительное объяснение. Слово "дача" и теперь употребляется в великорусском языке в смысле жалованья, содержания, пайка (Даль). Выражение же Троицк, сп. "а в дачь" имеет вариант: "а в даче" (Калачев. VII), т.е. за паек - не раб.

*(70) Свойский - значит еще домашний в противоположность дикому, так и теперь в Литве. Но вред, причиненный хозяйскому коню, должен вести к вознаграждению убытка.

*(71) Русск. ист. библ. VI. Столб. 208. Примеч. 8.

*(72) XX, **116**. Уложение говорит о записях тяглых людей одним не тяглым. Это, конечно, описка или опечатка.

*(73) То же и в новом изд. С. 38.

*(74) В Псковской губернии и теперь скотопромышленник называется скотником (Даль).

*(75) А. Ю. N 239, 246, 250, 253 255; 1549-1643. В порядной 1582 года ссудой названа подмога (А. Ю. N 182).

*(76) Это совершенно правильное объяснение предложил еще Б.Н. Чичерин в своих опытах.

*(77) Основания изложенного здесь взгляда на принадлежность московским государям права собственности на волостные земли приведены в моей статье, напечатанной в Жур. Мин. нар. проев, за 1900 г. в N 9. Эта статья и следующие за ней, посвященные вопросу о древностях русского землевладения (в N 10 и N 2, 3 и 4 за 1901 г.), вошли в III т. "Древностей".

*(78) Я очень благодарен проф. Милюкову: он остановил мое внимание на ссудных записях второй половины XVII века. В его прекрасном труде по финансовой истории Московского государства, чрезвычайно метко и остроумно озаглавленном "Спорные вопросы", по поводу ссудных записей напечатано: "Форма договора, обозначаемая этим именем, вообще слишком мало обратила на себя внимание наших историков-юристов. Еще недавно незнание с ней ввело в некоторые недоразумения проф. Сергеевича" (85).

Совершенно верно. В 1890 г. я знал только две таких ссудных записи, напечатанных в Ак. юр. N 203. Значение их было для меня не ясно, и я не знал, какое отвести им место в ряду других документов, относящихся до крестьян, а потому и ничего не сказал о них. Прекрасный сборник г. Дьяконова разъяснил мне все, что до того времени было не ясно. В нем я нашел до 20 таких записей, и все они относятся ко времени после **Уложения**. Для меня стало ясно, что эти записи не древность, а совершенно новое явление, вызванное статьей Уложения о новом порядке поступления в крестьяне. Этим записям нашлось определенное место в "Древностях нашего права", и я говорю теперь о них.

Но не могу согласиться с почтенным автором, что мое незнание с записями ввело меня в некоторые недоразумения. Все, что мною было сказано в первом издании сего тома о порядных, подмоге и крестьянских займах, и теперь считаю верным. Крестьянский заем не составляет необходимой части порядной, это особый акт, который, обыкновенно, пишется особо. Ссудные же записи второй половины XVII в. - не порядные и не займы, а акты продажи себя в крестьяне. Это совершенная новость и очень любопытная в том отношении, что свидетельствует о чрезвычайной изобретательности наших площадных юристов XVII века. Они очень умели приспособляться к требованиям жизни и находить для них подходящие формы.

*(79) Подобное нашему закладничеству явление встречаем и в Литве. В 1514 г. великий князь Василий Иванович завоевал Смоленск и дал этому городу грамоту, в которой обещал держать смольнян по старине, как их держал Битов и иные государи, по их утвержденным грамотам. В грамоте вел. князя читаем:

"А кто человека держит в деньгах, и он того человека судит сам, а окольные в то у него вступаются" (Рум. Собр. I. N 148).

В Западной Руси долг также вел к зависимости, как и в Московской. Но что значит - судит сам того человека... в деньгах? Этого никак нельзя понимать в том смысле, что всякий кредитор судит своего должника во всяких делах. Единственно возможный смысл статьи такой. Он ему судья в его долге: хочет - простит, хочет, при неплатеже, возьмет себе в холопы, хочет - продаст. У должника - нет права обращаться в этих случаях к суду. "Держать в деньгах", по всей вероятности, означает заклад лица в обеспечение долга. А в этом случае и у нас закладная, при несостоятельности, без приговора суда обращалась в купчую, т.е. должник делался холопом, если это было угодно кредитору. А не хотел он этого, он мог дать свободу должнику, что и случалось. Есть случаи отпуска на волю кабальных. Литовская древность сходится здесь с московской. О суде же над должником вообще и речи быть не может. У нас и рабы не подлежали суду своих господ в столкновениях с третьими лицами. А с XIV в. наместники привлекали к ответу даже господ за убийство своих собственных рабов. Двинск. грам., ст. 11-я, запрещает такое привлечение, если господин убил раба без намерения, не умышленно.

*(80) Исторический Вестник. 1901. Июль. Статья Н.Н. Оглоблина "Томский бунт 1637-1638 годов".

*(81) Акты тяглого населения Дьяконова. I. N 10, 11, 23, 25, 31, 33, 34.

*(82) Там же. N 32, 35.

*(83) Башкин, в известной беседе со священником, говорит: "Написано, возлюби искреннего твоего, как сам себя. Христос называет всех братиею, а у нас на иных кабалы нарядным, а на иных полными". Что такое нарядные кабалы? Нарядиться - это надевать на себя чужую личину. Нарядная кабала - это и будет безденежная кабала; человек с такой кабалой уподобляется здесь ряженому, что ходит на масленице. Полная кабала - это настоящая кабала, денежная.

*(84) Акты Дьяконова. I. N 65.

*(85) Fustel-de-Coulanges. La cite antique.

*(86) Афанасьев А.Н. Народные русские сказки.

*(87) Вот имена этих привилегированных владельцев:

Мария Копнина, жена Василия Борисовича Копнина, и сын ее Федор, 1449 год, Андрей Афанасьевич, 1450, Внуков Афанасий, 1455, Бобр Дмитрий Васильев, 1462-1472, Львов Злоба Васильев, 1484, подтверждено в 1509, Степанов Гридя, 1484, Глядящий Ивашка, 1487, боярин Афанасий Иванович Шетнев, 1486, Варынаевы Злоба да Федька, Андреевы дети, при вел. кн. Иване Васильевиче, Баламутова Ирина да сын ее Васюк, 1495, Игнатий Александров Кожухов, 1505, Головин Костя Микулин (его жалованная грамота приведена в правой грамоте 1541 г., но дана Василием Ивановичем, а может быть, и отцом его), Григорий Семенов сын Нелидов, 1509, боярин князь Михаил Иванович Кубенский, 1547, Строганов Григорий Аникеев, 1564, дьяк Василий Щелкалов, 1571; Строганов Петр Семенов, 1610 (А. Э. I. N 44, 45, 111, 120, 132, 149, 215, 374, 379; А. И. I. N 115, 180; Д. к А. И. I. N 117; А. Ю. N 9; А. до ю. б. I. N 31, XX; Рус. ист. сборн. V. С. 11; Рум. Собр. II. N 196). Жалованная грамота Злобе Львову сохранилась в оригинале и в судебном списке 1503 г. Заметим, что в судебные списки грамоты переписывались не слово в слово, а с опущением подробностей, которые были несущественны для дела.

Приведем еще несколько свидетельств о вотчинном суде в XVI веке. Князь Афанасий Кемский купил в 1508 г. у своего брата его вотчину с судом и данью (А.

Юр. N 3); в 1555 г. княгиня Любецкая дает своих судей в споре монастыря против ее подданных; в 1566 г. у князей Семена и Тимофея Ивановичей Вяземских упоминается свой доводчик (Федот.-Чехов. N 78 и 88). Но эта княжеская юрисдикция, может быть, вытекает не из пожалования, а представляет остаток старинных владетельных княжеских прав.

*(88) Р. Л. VII. 259, 261. Именно от этого времени (1555-1556 годы), конечно случайно, к нам дошло сравнительно много отдельных известий о кормлениях: пять за два года. В 1555 г. Протасьев назначен в Лузу, под отцом своим, а Крюков Федор Васильев получил в кормление должность ясельничего. В следующем году Григорий Иванович Дмитриев ведал конюший путь, Матфею Мунторину Хлуденеву дана половина ямского, а князю Михаилу Васильевичу Глинскому - половина наместничьего дохода, все в Новгороде (Д. к А. И. I. N 53, 105, 108, 109).

*(89) В Р. С. I. N 33 выражение "путные бояре" именно употреблено вместо кормленщиков вообще.

*(90) В двух дошедших до нас от 1555 г. уставных грамотах (А. Э. I. N 242 и 243) об отмене наместников и волостелей говорится в таких выражениях: "и мы (т.е. царь), жалуючи крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников и волостелей и праветчиков от городов и волостей отставили". Это не значит, что наместники и волостели были отменены вообще, они были отменены "жалуючи крестьянство", т.е. отмена их есть жалование тех крестьян, которые о том просили. Выше были приведены свидетельства источников о назначении кормлений не только в 1555, но и в 1556 г. Указания на наместников и волостелей весьма не редки в актах второй половины XVI в. См.: А. Э. I. N 245, 250, 277, 300, 306, 324, 330. Т. II. N 53. Т. III, N 37. Даже в тех местностях, где кормленщики были отменены при Грозном, они снова появились в Смутное время. См.: А. Э. III. N 126.

*(91) Неволин (IV, 172) думает, что пожалования в вотчину делаются уже с XIV века. В доказательство он приводит пожалование Родиону Несторовичу половины Волока Ламского "в вотчину" и несколько случаев из княжеских договоров о пожалованиях князей Рюриковичей. Назначение Несторовичу части Волока есть, конечно, пожалование в кормление, а не в собственность: слово "в вотчину" означает здесь наследственное кормление, как и в вышеприведенном случае с князем Федором Вельским. Назначение же вотчин князьям Рюриковичам вытекает из особенных отношений владетельных князей. Княжеские вотчины принадлежали князьям на особом, а не на общем вотчинном праве. В случае отъезда князя теряли свои вотчины; были установлены и другие различия в праве распоряжения и наследования.

*(92) Лавр. 7. Другое толкование "тивуна огнищнаго", состоящее в том, что выражение это означает "судью огнищан" (Карамзин. II. Пр. 27, словари Академич. и Даля), не может быть принято потому, во-1-х, что то место Правды, в котором находится это выражение, перечисляет не судей, а слуг княжеского двора: отроков, конюхов, поваров и ключников; во-2-х, нет ни малейшего основания допустить, что для огнищан существовал особый судья, который судил только их.

*(93) Карамзин производит слово "гридь" от шведского gred - меч (Т. I, прим. 476). Это производство представляется нам наиболее удачным. Гридин будет то же, что мечник, то есть воин по ремеслу. Подстановка этого понятия во все места, где употреблено в летописи слово "гридь", дает совершенно удовлетворительный смысл. В начальной летописи читаем:

"Ярославу же сущю Новегороде и уроком дающе Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху..." (1014).

Это гриди-мечники, наемные воины, получающие плату за службу.

В новгородской летописи по синодальному харатейному списку читаем:

1166. "В тоже лето... приде Ростислав... и позва Новогородыде на поряд:

огнищане, гридь, купыде вячшее..."

1195. "Том же лете позва Всеволод Новгородыде на Чьрнигов, на Ярослава... И Новгородыди не отпърешася ему, идоша с князем Ярославом огнищане и гридьба и купци..."

В обоих случаях дело идет о некотором определенном разряде лиц, занимающих постоянно одно и то же место между огнищанами и купцами. Понимание под гридью и гридьбой воинов, сделавших себе ремесло из военного дела, и здесь дает совершенно удовлетворительный смысл.

*(94) Проф. Мрочек-Дроздовский (Чтения. 1886.1. 86 и сл.) не находит возможным видеть в мечнике воина. "Мечник, - говорит он, - служил князю-правителю (судье), а меченоша князю-воину, вождю дружины... Мечник был не меченосец, как то думает Эверс, а мечедержатель князя, как судья". Конечно, князь был и судья, и воин, и хозяин своего собственного имущества. Но чтобы разные стороны его деятельности олицетворялись в особых органах, этого у нас не было не только в XI, но даже в XVII веке. Мечник, как воин, вооруженный мечом, легко переходит в палача: "ускори послати виновнаго к мечнику" (Прол. Апр. 30. Академ. Слов.).

*(95) Не можем, однако, не указать на то обстоятельство, что порядок Шереметевской книги не совершенно совпадает с порядком подлинных боярских книг. Мы отдаем предпочтение сводной книге перед подлинниками потому, что не имеем основания думать, чтобы составитель свода изменил порядок оригиналов или чтобы издатель, Новиков, отступил от порядка рукописи. Что же касается подлинников, то они черновые, а потому и не следуют одному определенному порядку. В книге на 7135 год думные дворяне поставлены выше крайчего, в книге на 7137 год - ниже крайчего, а в книге на 7176 год они поставлены даже ниже постельников. В Шереметевской книге крайчий всегда следует за окольниковыми (если нет дворецкого), и это место его, как увидим, подтверждается и другими данными; а думные дворяне всегда следуют за казначеем, который занимает место между ним и крайчим. Надо думать, что составитель сводной книги пользовался не теми черновыми подлинниками, которые теперь сохраняются в Архиве Мин. юстиции и дали материал для алфавитного указателя, составленного директором его, Ивановым.

*(96) А. Э. I. N 46, 111, 120, 149, 215, 379; А. И. I, 115, 189; Федот.-Чехов. N 28, 32, 75.

*(97) Пр. Шляпкин предлагает читать "Печенег".

*(98) Для объяснения слова "введений" укажем следующие места источников:

"А князь Михайло тверский приневоли брата своего, князя Михаила Васильевича кашинскаго, въведе его во всю свою волю" (П. С. Р. Л. VIII, 19, 1373); "А что ввел зять твой, кн. Александр Иванович, отцу моему четыре села... в долгу в 500 рублях, и тебе то править по докончанию" (Р. С. I. С. 126, 1436).

*(99) Издатели Юридических актов полагают, что правая грамота, напечатанная ими под N 5, была составлена около 1490 г. Но так как кн. Пенько, которому представлен был по этому делу доклад, возведен в звание боярина введенного только в 1500 г., то и правая грамота не может быть старше этого года.

*(100) При Федоре Ивановиче и Борисе Годунове - 18; при восшествии на престол Михаила Федоровича - 20; по боярским книгам к 1 сентября 1627 и 1629 гг. их было 21, 1640 - 29, 1668 - 27, 1676 - 23.

*(101) Шереметевский список знает между кн. Черкасскими одного окольного, Василия Петровича, которому окольность сказано в 7143 году. Хотя это назначение не встречается в Алфавите, но верность Шереметевского списка этим еще не подрывается, так как боярской книги за 7143 год не сохранилось.

*(102) Эта разница может условливаться изменением состава московского

рубля. В XV веке он состоял из 100 денег, а в XVI-м из 200. Прозоровский. Зап. Арх. общ. XII, 1865. Приложение III. В московских писцов, книгах XVI в. рубль = 200 деньгам, а алтын - 6.

*(103) Федот.-Чехов. N 34, 70, 71, 74. А. Ю. N 4, 7, 12, 13, 17; А. до ю. б. N 52, III, N 103, I.

*(104) Приведем два места памятников XVI века, в которых речь идет о боярах и дворянах ближних. Александровская летопись говорит, что царь Иван, узнав о неправдах княгини Евфросиньи и сына ее, Владимира Андреевича, велел быть у Владимира Андреевича "своим бояром....; его же бояр... которые при нем близко жили, взял на свое имя..." (182). Тот же царь дал такой наказ своему гонцу в Литве на случай, если его будут спрашивать об опрличине: "опрличины нет, живет государь на своем царском дворе, и которые дворяне служат ему правдой, те при государе живут близко, а которые делали не правды, те живут от государя по дальше" (Солов. VI, 262).

*(105) По книгам 7135 года кн. Владимир Тимофеевич Долгорукий получал 300 р., боярином же он был сделан в 7115 году. Более его получали в том же году младшие по времени назначения бояре: Черкасский Иван Борисович (б. с 7121 г.) 600 р., Пожарский Дмитрий Михайлович и Сицкий Алексей Юрьевич (оба с 7123 г.) по 400 р., Сулешов же Юрий Еншеевич, их сверстник, - не имел никакого оклада. Морозовы, Борис Иванович и Иван Васильевич, оба пожалованы в бояре в 7142 г. Первый в 7148 г. имел уже оклад в 500 р., а второй не был еще верстан боярским окладом и против его имени прописано старое содержание стольника. Князь Никита Иванович Одоевский в 7184 г. получал 930 р., да потом получил в два раза по 100 р. прибавки; по книгам 7194 г. он получал 1130 р. По книгам 7194 г. боярин и оружничий Петр Шереметев получал 1040 р., боярин и сберегатель кн. Василий Васильевич Голицын 850 р. За вечный мир с польским королем первый получил 100 р. рядовой придачи, а второй за службу и за мир с польским королем 250 ., да рядовой придачи за тот же мир 100 р. (Моск. арх. Мин. юстиции, Боярские книги).

*(106) В таком же смысле употребляются эти два термина и в Смоленске. В жалованной грамоте вел. кн. Василия Ивановича Смоленску от 1514 года читаем:

"А от ябедников нашему наместнику и нашим окольниковым бояр и мещан и черных людей беречи..." (Рум. Собр. I. N 148).

Окольничий - чиновник, боярин - высший класс населения вообще. См. еще выражения, подобные приведенному в тексте, в Сб. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 413, 487, 643.

В Новиковском извлечении из Шереметевской боярской книги под 7130 годом читаем:

"Сказано бояре:

Князь Андрей Васильевич Сицкой, он же и в окольниковых".

Это значит: кн. Сицкому в том же году было сказано окольниковство, а потом боярство, подобно тому, как под 7014 годом Давыдов показан среди окольниковых, но с припиской "во боярех". Ниже, под тем же годом, сказано, что Давыдов возведен в боярство.

*(107) Более древнее известие Никоновской летописи под 1097 годом: "и усрете и детский его, сиречь дворецкий", есть, конечно, объяснение позднейшего составителя непонятного ему слова "детский".

*(108) А. Э. I. N 5, 1361. Жалованные грамоты писались не всегда в одних и тех же выражениях. В некоторых, вместо подробного перечисления повинностей, говорится вообще: "не тянут ни в какие проторы и розметы" или: "не надобе им ни которая пошлина". Несмотря на это разнообразие формы грамот, упоминания о дворских весьма нередки. См.: А. Э. I. N 19, 28, 34, 35, 44, 46, 51, 56, 75, 88, 102, 120, 122 и 131, от 1414 по 1494; N 164 и 300, от 1517 и 1578.

*(109) Русск. Лив. А. N CCCLXIX, 1521; Рум. Собр. I. N 144, 1504; Симб. сбор., Разряди, кн. под 1559 г.; Тверск. лет. VIII. 256, 1519.

*(110) Кроме приказа Большого Дворца Котошихин называет еще приказ Казанского Дворца (VII, 6). Но этот приказ ведал в XVII веке не дворцовое управление, "а Казанское и Астраханское царствы" во всех отношениях: военном, финансовом и пр. Казанский Дворец ведал, между прочим, и царские рыбные промыслы, но присылаемую в Москву рыбу передавал в распоряжение московского Приказа Большого Дворца.

*(111) Вот список бояр-конюших: А.Ф. Челядин с 1496 по 1503 f; И.А. Челядин с 1511 по 1515 f; кн. И.Ф. Овчина-Теленев-Оболенский с 1533 по 1539 f; кн. М.В. Глинский с 1541 по 1547, когда он был отставлен; кн. В.В. Чулок-Ушатый назначен и умер в 1549; И.П. Федоров с 1550 по 1567, когда он выбыл; Б.Ф. Годунов с 1584 по 1599; Д.И. Годунов с 1599 по 1605 f; М.Ф. Нагой с 1605 по 1606, когда был отставлен.

*(112) В звании ясельничего были: Федор Векентьев 1459-1498; Давыд Лихарев 1499-1502; А.Ф. Дровнин 1503-1508; И.И. Суков 1509-1514, Ф.С. Хлопов 1516-1527; В.Г. Дровнин 1540-1556; В.Ф. Ошанин 1571-1582; М.И. Татищев 1596-1604; А.М. Воейков 1605-1606; Б.М. Глебов 1621-1631; И.В. Биркин 1632-1641; Б.Ф. Болтин 1641-1646; Ж.В. Кондырев 1647-1651; Ф.И. Елизаров 1592-1653; А.И. Матюшкин 1654-1664; И.А. Желябужский 1664-1668; Ф.Я. Вышеславцев 1671-1677; в 1677 назначен И.Т. Кондырев.

*(113) Из грамоты, напечатанной в т. I Д. к А. И. под N 53 от 1555 года, видно, что в Новгороде существовало особое кормление, которое давалось ясельничим и называлось "ясельничее". В 1555 году Иван Грозный пожаловал это кормление Ф.В. Крюкову, который ясельничим не был; перед тем оно было за кн. А. Гагариным, также не состоявшим в ясельничих. Это служит только подтверждением высказанной уже мысли, что содержание чинов совершенно зависело от усмотрения государя. С 1540 по 1566 год ясельничим был В.Г. Дровнин, а новгородское "ясельничее" получали совсем другие лица.

*(114) При описании царской свадьбы Котошихин сам говорит, что пред царя ставят блюда столыники (I, II).

*(115) Крайчими были: в 1514-1524 И.Ю. Сабуров; 1525-1530 кн. Ю.М. Голицын-Булгаков; 1531-1535 кн. И.И. Кубенский; 1536-1549 кн. Ю.Б. Глинский; 1541-1548 кн. И.Ф. Мстиславский; 1549-1553 кн. Ю.И. Шемяка-Пронский; 1554-1559 кн. И.Д. Вельский; 1560-1563 кн. П.И. Горенский; 1564-1569 Ф.А. Басманов; 1570-1572 К.В. Собакин; 1573-1575 кн. Ф.И. Мстиславский; 1576-1579 Б.Ф. Годунов; с 1580 по 1583 крайчего не указано; 1584-1586 Д.И. Шуйский; 1587-1599 А.Н. Юрьев; 1600-1603 И.И. Годунов; 1603-1605 И.М. Годунов; 1605-1606 кн. Б.М. Лыков; в 1606 кн. И.А. Хворостинин, в 1607 кн. И.Б. Черкасский; 1608-1610 кн. И.П. Ростовский-Буйносов; с 1611 по 1613 не указано крайчего; 1613-1624 М.М. Салтыков; 1624-1636 кн. В.Е. Сулешов; 1637-1640 Л.А. Плещеев; 1641-1645 кн. С.А. Урусов; 1646-1647 С.Л. Стрешнев; 1648-1649 П.М. Салтыков; 1649-1676 кн. П.С. Урусов; в 1677 кн. И.Гр. Куракин; с 1677 кн. В.Ф. Одоевский.

Относительно Л.А. Плещеева в новиковское издание вкралась ошибка. Под 7145 (1737) годом у него напечатано: "сказано" казначей Лев Афонасьевич Плещеев"; а под 7148 (1640) читаем: "оставлен крайчий Л.А. Плещеев". В дворцовых же разрядах Л.А. Плещеев упоминается крайчим еще в 1617 году (ст. I, стол. 284) единовременно с М.М. Салтыковым. Итак, Плещеев был крайчим, а не казначеем, и гораздо ранее, чем это показано в сводном списке.

*(116) В Двор. раз. III под 1675 годом на с. 1449 читаем:

"Того-же числа (июня 8) жаловал государь царевичь и великий князь Федор Алексеевич пирогами бояр, и окольных, и думных дворян, и думных дьяков,

крайчаго, князь Петра Семеновича Урусова, и постельничаго, Федора Алексеевича Полтева" и т.д.

Здесь крайчий поставлен ниже не только дворян, но и дьяков думных. Это доказывает, что разрядные записки велись иногда очень небрежно, на скорую руку.

*(117) Они получают таможенный доход (Д. к А. И. I. N 101, 1556), недоимки денежных пошлин (там же. N 51, XIII, 1555), оброк за бобров (А. Э. I. N 183, 1537), сдают на откуп пятенную и анбарную пошлину (Д. к А. И. I. N 74, 1555), тамгу и все таможенные пошлины (А. Э. I. N 263, 1563); штрафные деньги за употребление неправильной меры тоже поступают к казначеям (Д. к А. И. I. N 45, 1550).

*(118) Д. к А. И. I. N 26, 44, 117, 1530-1564; А. И. I. N 141, 147, 1542-1547.

*(119) А. И. I. N 154, III, VII, XII, XV, XX, 1555-1559; в 1559 году казначеям был предоставлен суд иногородцев, временно находившихся в Москве, в их спорах с другими иногородцами, но не одногородцами (А. И. N 154, XIV).

*(120) Казначеями были: 1495-1510 Д.В. Овца, 1511-1513 Ю.Д. Траханиот, 1514-1525 П.И. Головин, 1526-154? И.И. Третьяков, 1544-1566 Ф.И. Сукин, 1567-1572 Н.А. Курцев, 1573-1577 кн. В.В. Мосальский, 1578-1585 И.И. Головин, 1586-1593 И.В. Траханиот, 1594-1599 Д.И. Черемисинин, 1600-1604 И.П. Татищев, 1605-1609 В.П. Головин; с 1609 по 1613 казначея не показано; 1613-1623 Н.В. Траханиот, с 1623 по 1637 казначея не показано; 1640-1642 Н.И. Волынский, 1643-1661 Б.М. Дубровский; с 1662 по 1663 казначея не показано; в 1663 назначен А.С. Нарбеков (когда отставлен, не видно), в 1677 назначен И.Б. Камышин.

Шерем. книга всегда говорит только об одном казначее, а в актах мы нашли указание на единовременное существование двух казначеев, из которых второй сводному списку вовсе не известен. Это, например, Хозяин Юрьевич Тютин, бывший казначеем вместе с Сукиным. Акт упоминают о нем в 1550-х и 60-х годах (А.И. I. N 154, IV, XII; N 74, 112; А. Э. I. N 263). Но Тютин сделался казначеем еще при Третьякове. В А. Ю. N 22, в правой грамоте, помеченной 1547 г., Тютин упоминается вторым казначеем при Третьякове - первом. Но так как с 1544 г. был казначеем Сукин, то выходит, что в конце сороковых годов было три казначея. Это повторяется и в начале 50-х, когда был первым казначеем И.И. Головин, если верить описанию свадьбы Володимира Андреевича (Вивл. XIII). Шеремет, сп. упоминает этого Головина только в звании окольного. Почему Шерем. сп. называет одного казначея, а не всех, это тайна составителя. Год смерти Третьякова (1543) показан неверно, он был жив еще в 1547 г.

*(121) Это будут: Годунов Мих. Вас, Зюзин Иванис Григор., Третьяков Фома Иван., Плещеев Бархат Олферьев и Фомин Василий Григорьев. Они и дети боярские, и дворяне первой статьи.

*(122) По времени назначения их в думу они следуют один за другим в следующем порядке:

в 7080 году назначен	Олферьев Ром. Вас,
" 7081 "	" Безнин Мих. Андр.,
" 7085 "	" Воейков Баим Вас,
" " "	" Зюзин Як. Вас,
" " "	" Черемисинин Деменша Ив.,
" 7086 "	" Нагово Афан. Фед.,
" 7087 "	" Пивов Ром. Мих.,
" 7089 "	" Татищев Игн. Петр.,
" 7095 "	" Писемский Фед. Андр.,
" 7098 "	" Ржевский Ив. Ив.,
" 7106 "	" кн. Ростовский-Буйносов Петр. Ив.,
" 7108 "	" Татищев Мих. Игнат.

*(123) Аничковы, Баклановы, Биркины, Голохвастовы, Лодыженские,

Луговские, Ляпуновы, Микулины, Минины, Пакины, Соловцовы, Яновы.

*(124) Гавренины, Грамотины, Елизаровы - двое, Заборовские, Леонтьевы, Лихачевы, Лопухины, Матвеевы, Нестеровы, Полтевы, Пронщищевы - двое.

*(125) Вот фамилии остальных двадцати четырех думных дворян: Еропкин, Желябужский, Измайлов, Кондырев, Матюшкин, Нарбеков, Нарышкин Федор Полуэкт., Нащокины - двое, Проестев, Пушкины - четверо, Ржевский, Ртищевы - двое, Соковнин, Стрешнев, Толстой, Хитрово - двое, Чадаев, Яшков. Некоторые из членов этих фамилий в конце XVII века достигли звания окольного и даже боярина.

Имена думных дворян первых 75 лет XVII века мы извлекли из Шереметевского списка. Он не во всем совпадает с алфавитным указателем к боярским книгам, составленным Ивановым. Но большинство таких разногласий объясняется совершенно удовлетворительно. В алфавите Иванова нет 14 назначений в думные дворяне, которые известны Шереметевскому списку. Все эти назначения последовали в такие годы, книги которых не сохранились в Архиве Министерства юстиции. Этим же объясняется и встречающаяся иногда разница в годе назначения. У Иванова иногда отмечен не год назначения, а позднейший, и не один, а два и три. Это годы состояния в звании, взятые не из книги, современной назначению, а из позднейших. Сведения же алфавита Иванова от тех лет, от которых сохранились книги, почти во всем подтверждают Шереметевский список. Некоторые разногласия в годах и личных именах для нашей цели не имеют особенно важного значения; одно крупное разногласие заметили мы относительно Проестева Степана Матвеевича. По Шереметевскому списку, он сделан думным дворянином в 7142 г., а в следующем окольном. Алфавит не говорит о назначении его дворянином, потому, конечно, что книга 7142 г. не сохранилась; но утверждает, что Проестев Ст. Мат. был окольным еще в 7137 году. Если последний год не ошибка, то сведение Шереметевского списка под 7142 годом не может быть верно.

*(126) Великолуцкая, пусторжевская и невелинская десятня 1649 года. Приведенные выписки из десятен, хранящихся в Мос. арх. Мин. юстиции, получил благодаря благосклонному содействию покойного директора архива Н.А. Попова.

*(127) Вот их имена: кн. Прозоровский Сем. Вас, Салтыков Ив. Ив., кн. Литвин-Мосальский Андр. Фед., кн. Репнин Пет. Александр., Плещеев Григ. Андр., кн. Гагарин Дан. Григ., Савин Андр. Пет., Ласкирев Никита Ив. и Сумин Лар. Григ.

*(128) Вот имена этих московских дворян: Стрешнев Лук. Степ., кн. Приимков-Ростовский Александр Дан., кн. Звенигородский Сем. Григ., Измайлов Тимоф. Вас, Коробьин Сем. Гавр., Огарев Ив. Нелюб., Горихвостов Григ. Ив., Бояшев Фед. Мих. и Елизаров Мих. Григ. Все они значатся москов. дворянами уже в книге 7135 года.

*(129) Оружничими были: в 1511-1522 А.М. Салтыков, первый известный Шереметевскому списку оружничий; 1523-1532 И.И. Карпов, 1533-1549 кн. Ю.И. Щетинин, 1550-1564 Л.А. Салтыков (с 1563 боярин и оружничий), 1564-1572 кн. А.И. Вяземский, 1573-1577 кн. Иван Деветелевич, 1578-1619 кн. Б.Я. Вельский (с 1605 боярин и оружничий); в 1656 году умер боярин, дворецкий и оружничий г.Г. Пушкин; Б.М. Хитрово в книге на 1658 год показан окольным и оружничим, в книге на 1668 - боярином и оружничим, в книге на 1676 год - боярином, дворецким и оружничим.

*(130) У Котошихина. С. 89:

"Приказ новая Четверть; а сидит в том приказе окольный и оружейничей, да два дьяка..." (20).

"Оружейной приказ; а ведает тот приказ тот же окольный, что в Новую Четверть, а с ним дьяк..." (21).

Это не совсем точно. Оружничий не непременно окольный, он может быть и боярином; а может не быть ни тем, ни другим. Правильнее было бы сказать: "ведает... тот же оружничий".

*(131) Давно уже и не один раз было указано на то, что развитие пышности двора вел. князя Ивана Васильевича стоит в связи с его браком на греческой царевне. Но насколько новые придворные чины отразили на себе влияние византийских образцов, это и по сие время далеко еще не выяснено.

*(132) Постельничими были: Ив. Юрш с 1495-1499; С.И. Брюхо 1502-1507; М.С. Яробкин 1508-1513; Як. Мансуров 1514-1520; К.А. Бурунов 1521-1532; А.В. Мансуров 1542-1551; И.М. Вешняков 1552-1561; Я.В. Волынской 1562-1568; С.С. Ярцов 1569-1570; Д.И. Годунов 1571-1573; И.Д. Овцын 1574-1581; И.О. Безобразов 1582-1604; С.И. Шапкин 1605-1606; К.О. Безобразов 1607-1608; И.Г. Одадунов 1609-1610; К.И. Михалков 1613-1628; С.М. Хрущев 1629-1634; Ф.И. Игнатьев 1635-1642; И.М. Аничков 1643-1647; М.А. Ртищев 1647-1650; Ф.М. Ртищев 1650-1656; г.И. Ртищев 1656-1669; Ф.А. Полтев 1669-1677; с 1677 И.М. Языков.

*(133) Так по книгам за 7135, 7137 и 7148 годы. В книгах за 7184 и 7194 г. они поставлены выше думных дворян, что неправильно и объясняется черновым характером книг. Место, отводимое им разрядными книгами, колеблется; они называются то выше думных дьяков, что согласно с положением, высказанным в тексте, то ниже их (Двор. разр. I. С. 982, 998, 1000, 1002, 1005 и пр.). Это разногласие разрядных книг служит лишь новым подтверждением высказанной выше догадки, что мы имеем, в самом лучшем случае, лишь черновые разрядные книги, которые велись довольно небрежно. Свидетельство Котошихина, что "постельничие честью против окольных" надо признать не совершенно точным (II, 13).

*(134) Шереметевский свод дает такой список стряпчих: М.А. Ртищев с 1646-1647; Ф.М. Ртищев 1650-1656; Ф.А. Полтев 1656-1669; И.К. Кузьмин 1669-1679; А.П. Лихачев с 1677.

У Котошихина читаем:

"Царская Мастерская палата, а в ней сидит стряпчей с ключом да дьяк, а тот стряпчей честью против окольных, а в думе не сидит... да он же надсматривает над другими стряпчими..." (VII, 12).

Все это не очень точно. Стряпчий мог иметь первое место в Мастерской палате, но только в том случае, когда там не сидел постельничий. Честь стряпчего с ключом ниже чести окольного. Подчинены стряпчему с ключом могли быть только некоторые стряпчие, состоявшие при постельной казне, а никак не все.

*(135) А. Э. I. N 12, 1393; N 56, 1455; Рум. Собр. I. N 127, 1496.

*(136) А. Э. I. N 5, 18, 22, 35, 43, 44, 56, 81, 86, 120, 132, 136, 152, 215, 217, с 1361 по 1548. В Рязани встречаются "боровщики", о которых не упоминают московские памятники (А.И. I. N 81, 1484-1501).

*(137) А. Э. I. N 34, 35, 1437; N 107, 1476; N 136, 1500; Рус. ист. библ. II. N 5, 1397-1432.

*(138) В сводной боярской книге находим следующих ловчих и сокольничих: М.И. Нагой лов. 1509-1525; Д.Г. Проестев лов. 1526-1534; Ф.М. Нагой лов. 1535-1539; И. Ж. Ф. Наумов сок. и лов. 1550-1562; г.Д. Ловчиков лов. 1563-1567; М.И. Бобрищев-Пушкин сок. и лов. 1568-1574; сок. 1574-1582; И.М. Пушкин лов. 1574-1583; Д.А. Замыцкий назначен лов. в 1584; И.А. Жеребцов сок. 1590-1600; г. Г. Пушкин сок. 1605-1606; Григорий Маматов лов. 1622-1634; И.Ф. Левонтьев лов. 1635-1647; А.С. Заболоцкий лов. 1648-1652; А.И. Матюшкин лов. 1653-1676; В.И. Философов лов. назначен в 1677.

*(139) Соединение посольских дел с должностью печатника встречается еще при Грозном. Доверенный его дьяк, Ив. Мих. Висковатов, которому не раз поручались иностранные сношения, был вместе с тем и печатником. Но это не было общим правилом. Печатник Борис Иванович Сукин в 1573 году сидел в Разбойной избе, а не в Посольской (А. до ю. б. N 230, II и III). При Федоре Ивановиче дьяк Посольского

приказа, Василий Щелканов, был и печатником (Рус. ист. сбор. II, 128). Таким образом, практика времен Котошихина имеет свои корни еще в XVI веке.

*(140) Двор. разр. III, 565; см. еще 1001. Т. 1. 284, 407.

Свидетельство Котошихина (II, 6), что на столы гостей "еству ставили окольнічие", надо считать неверным. Из сказанного в тексте видно, что окольнічие на торжественных обедах играли высшую роль, чем крайчие: они сидели за поставцом вместо дворецкого, а крайчие стояли за столом государя.

*(141) Двор. разр. III, 1312. У крюка со стольниками конкурируют иногда стряпчие, и, наоборот, стольники назначаются иногда в ухабничие. В 1666 году на ухабе стоял стольник кн. Б.В. Горчаков, впоследствии окольнічий (Двор. разр. III. 605).

*(142) За исключением Б.М. Хитрово, мы не заметили в алфавите комнатных стольников за первые 76 лет XVII столетия. С 1676 г. встречается уже множество назначений в это звание. В этом году восемь князей Долгоруких были комнатными стольниками, пять Собакиных и пр. Так как книги за предшествовавшие годы, с 1668 по 1675, не сохранились, то можно допустить, что обильное назначение в комнатные стольники началось с конца шестидесятых годов. Можно думать, что при Алексее Михайловиче "комнатный стольник" стал тоже особым придворным званием, как и чин дворецкого. Все не ближние стольники стали с этого же времени называться "площадными" (Двор. разр. III, 1001, 1328).

*(143) Двор. разр. III, 1640. Вот фамилии 25 ближних стольников, назначенных дневать и ночевать во дворце: Бутурлины, кн. Голицыны, Головины, Голохвастовы, кн. Долгоруковы, Лодыженские, Матюшковы, Морозовы, кн. Мышецкие, Нарышкины, кн. Одоевские, кн. Ромодановские, Салтыковы, Собакины, кн. Троекуровы, Хитрово, Шеины и кн. Щербатовы.

*(144) Рум. Собр. I. N 25, 34, 39, 42, 86, 96, 121, 144, 1328-1594.

*(145) П. С. Л. VIII. 234, 1498; А. И. N 180, 1571. Федор Стромиллов, может быть, сын дьяка Алексея Стромилова, писавшего завещание вел. кн. Василия Дмитриевича (Рум. Собр. I. N 42).

*(146) Фед.-Чех. N 9. Грамота не имеет года, но она, по крайней мере, на четыре года старше судебника, так как упоминаемый в ней князь Андрей Васильевич Старший умер в 1493 году.

*(147) П. С. Л. VIII. С. 183. Летопись не приводит фамилий послов, а называет их только по именам: Федор Давыдович и Иван Борисович. Иван Борисович должен быть Бороздин, назначенный в бояре в 1476 году и умерший в 1501; Федор Давыдович должен быть Хромой; назначен в бояре в 1471 году, умер в 1483.

*(148) В разрядных книгах на 1547 год Сукин отмечен дьяком (Лихачев. Разрядные дьяки. С. 121). Что он оставался дьяком и в 1566 году, это следует из того, что он назван после печатника. Думные дворяне всегда назывались ранее печатника, а дьяки, хотя бы и думные, - после. То обстоятельство, что Сукин в посольских делах 1543-1544 года называется "ближним дворянином", ничего не доказывает. В посольских делах русские уполномоченные очень часто называются высшими титулами, им не принадлежащими. Так, окольнічий П.М. Плещеев назван в 1504 году боярином, а окольнічий К.Г. Заболотский - боярином и дворецким (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV. 413). Придаваемый в посольских же делах дьякам титул "великий" также не имел никакого определенного значения внутри московской территории.

Родной брат дьяка Бориса Ивановича Сукина, Федор Иванович, из казначеев был возведен Иваном Грозным прямо в бояре, с обходом чина окольнічего. Это показывает, насколько Грозный мало стеснялся соображениями об отеческой чести служилых людей.

*(149) Приводимые далее сведения о деятельности новгородских дьяков мы

берем из первой официальной книги новгородских грамот, отпечатанных в Доп. к А.И. I под N 47 и с N 49 по N 112. Из этого чрезвычайно важного собрания в актах отпечатано до 133 грамот. Для сокращения цитат мы будем обозначать в тексте только N грамоты.

*(150) В начале декабря 1555 года, когда был решен поход на "свейских немцев" и для этого был прислан в Новгород воевода боярин князь Пет. Мих. Щенятев, а другим воеводой назначен новгородский наместник, боярин, князь Дм. Фед. Палецкий, новгородские дьяки получили указ о послушании боярам:

"И которыя наши дела у бояр наших будут, и вы бы те дела наши у бояр наших, у князя Петра Михайловича да у князя Дмитрия Федоровича, делали и в наших делах их слушали" (76).

Это специальный указ, он предписывает исполнение предписаний ратных воевод во время войны, а не наместника в качестве местного правителя.

*(151) Соловьев. История. VII. 45.

Люди XVI века не очень хорошо знали нашу старину. Тетерин жалуется на то, что новые верники берут себе половину доходов. Он думает, что это новость. А это было весьма в ходу еще в XIV веке. В завещании вел. князя московского, Симеона Гордого, написано:

"А хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дают княгине моей прибытка половину".

Трудно думать, чтобы такой дележ дохода был первый и единственный случай. Не Симеоном Гордым он выдуман, и не с ним конечно, прекратился.

*(152) В договорной записи с польским гетманом Жолкевским, 1610 года, упоминаются "думные дьяки, Василий Телепнев и Томило Луговский" (Рум. Собр. II. N 199 и 200). Указание на "дьяков государевой ближней думы Андрея да Василья Яковлевичей Щелкаловых" конца XVI века приведено г. Лихачевым (167). Оно также находится в договорной записи с послами польского короля.

В Шереметевский сводный список первые думные дьяки занесены очень поздно. Они появляются там только под 1655 годом: Алмаз Иванов, Сем. Ив. Заборовский и Лар. Дм. Лопухин.

*(153) Состав приказов от времени до времени менялся. По Котошихину, в Посольском приказе не было боярина, а в 1675 году там уже сидит боярин, Арт. Серг. Матвеев; и, наоборот, по Котошихину, в Разряде сидит окольный дьяк да два простых, а по разрядам в 1626-1627 годах там окольного не было и все дела направлялись только к двум дьякам: думному Федору Лихачеву да Михаиле Данилову (Двор. разр. III, 1500; I, 849, 956). Но в 1626 году и по разрядам в Посольском приказе сидят только дьяки, думный Максим Грамотин да приказный Максим Матюшкин, о боярине же не упоминается (Двор. разр. I, 814), чем вполне подтверждается свидетельство Котошихина.

*(154) Это не единственный случай ручной расправы думных дьяков с дворянами. Думный дьяк Сыдавной-Васильев в 1617 году бил по щекам Фед. Лев. Замятию за челобитье на князя Гагарина о местах и Мих. Ив. Лодыженского за отказ ехать в Тулу к Вердеревскому. Известия Двор, разрядов об этих случаях (I, 264 и 287) очень кратки, но трудно думать, чтобы это битие по щекам имело значение исполнения какого-либо приговора царя или думы. Это, надо полагать, случаи самовольной расправы сильного человека, на которого лучше было не жаловаться. Трудно сказать, чем могла кончиться жалоба на самовольную расправу дьяка; но дворянин, послушавшийся царского указа по соображениям отеческой чести и не доказавший своей правоты, легко мог попасть на конюшню, если бы дело его подверглось рассмотрению формальным порядком.

*(155) В некоторых приказах Котошихин не указывает точной цифры дьяков, а говорит, что их было 2 или 3; общее число дьяков, таким образом, будет колебаться

между 65 и 70. Итог приказам у Котошихина подведен в сумме 42-х; но в 4 приказах из этих 42-х дьяков не было. Это хозяйственные приказы, состоявшие в ведомстве Большого дворца; они управлялись низшими чинами, ключниками, а один - дворянином. Вот почему для показания распределения дьяков по приказам мы берем 38 приказов, в которых действительно были дьяки, а не 42.

*(156) Вот распределение дьяков по городам по книге 1676 года: в Белгороде - 5, Смоленске - 4, в Новгороде, Пскове, Казани и Астрахани - по 3, Тобольске - 2, в Свяжске, Симбирске, Терках, в Нижнем, в Ярославле, на Вологде, в Костроме, у Архангельского города, на Верховье, в Олонце, Севске, Путивле и Киеве - по одному (Список на 1684 год в Моск. арх. Мин. юстиции).

*(157) Двор. разр. III, 1080, 1210, 1365.

*(158) В 1641 году последовал указ, которым воспрещалось принимать в подьячие "поповых и дьяконовых детей, и гостинных и суконных сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей" (А. И. III. N 92. XXXI).

*(159) г. Лихачев в "Ответе суровому критику" приводит два случая происхождения дьяков из княжеских фамилий, относящиеся еще к XV веку (37). Это чрезвычайно ценное указание. Но общий состав дьяков этим несколько не меняется. В среде дворовых людей бояр постоянно поступали дети боярские. Но от этой примеси дворовые люди не становились же благородными; так и дьяки от примеси князей. Боярские дети, поступавшие во дворню бояр и женившиеся на их рабынях, принадлежали к захудалым отпрыскам высшего сословия и только по крови были его членами; так и князья, поступавшие в дьяки. Это мелочь, хотя и знатного происхождения, а не большие люди. По выражению летописца, "они были родом велики да закоснили" (ответ 38).

*(160) Дворц. разр. I. 575. Случай думного дьяка Караулова с дворянином Баклановским записан слишком коротко и не дает оснований для каких-либо заключений (Двор. разр. III. 1565).

*(161) Ср.: Лавр. 882 и 964 г., воины Олега и Святослава, по всей вероятности, были охотники.

*(162) Даже частные люди соединяли около себя шайки охотников с целью войны, см. Воскр.: 1032 г. Новгород. I. 1219 г., Воскр. 1366 г.

*(163) Воскр. 1471 г. Это место объясняет слова воеводы Святополка, обращенные им к новгородцам, составлявшим войско Ярослава Владимировича: "что придосте с хромцем сим, о вы плотнице суще! а поставим вы хоромом рубити нашим" (Лавр. 1916 г.).

*(164) В Ипат. под 1185 г. читаем: "Римовичи же затворишася в городе а возлезше на забороле, и тако, Божиим судом, летеста две городницы с людьми, тако к ратным, и на прочая гражаны найде страх. Да который же гражане выйдоша из града и бяхуться, ходяще по римскому болоту, то те и избыша плена, а кто ся остал в городе, и те вси взяти быша". В Густ, под 1240 г. находим известие о защите Киева от татар - "гражанами". В Ипат. под 1259 г. о владимирцах на Волыни читаем: "взыдоша на не (на татар) гражане певцы..." Также гражданами защищается от татар - Тверь, Москва и Переяславль Рязанский, а Смоленск от Витовта (Новгород. IV. 1375 г. Воскр. 1382 г., 1404 г., 1460 г.). Ср. еще подобные же известия в Ипат. под 1249 и 1258 г. и в Воскр. под 1468 г.

*(165) Для примера см.: Лавр. 1015 г., 1036 г., Ник. 1059 г., Лавр. 1085 г., Ник. 1125 г., 1135 г., 1138 г., 1142 г., Ипат. 1151 г., 1152 г., 1154 г., 1167 г., 1171 г., 1174 г., Сузд. 1213 г., 1214 г., Лавр. 1223 г., Ипат. 1224 г., Воскр. 1282 г., Льв. 1285 г., Новгород. ГУ. 1372 г., Воскр. 1417 г., 1434 г., 1468 г.

*(166) Летописи сохранили несколько весьма ясных указаний на такое единство веча и войска. Дрючане, призывая к себе князя Рогволода, дают ему обещание "биться за него и с детьми" (Ипат. 1151 г.). Подобно этому о пронях

читаем: "Проняне же пояша к себе Изяслава Владимировича и затворишася с ним в граде. Князь же великий, пришед ста у града и посла к ним мужа своего омирить их. Они же не внушиша глагол его, надеющиеся на градную твердость. Слышав же к. в. речь их буюю и повеле приступити к граду; они же бяхутся крепко из града..." (Лавр. 1207 г.). Ярослав Всеволодич, приехав в назначенный ему отцем Переяславль, сзывает переяславцев на вече и спрашивает их, желают ли они иметь его своим князем и сложить за него свои головы? (Сузд. 1213 г.). Особенно любопытно известие Новгород. I, под 1209 г. Всеволод Юрьевич, отпуская с Коломны пришедших к нему на помощь новгородцев, дает им "волю всю, и уставы старых князь"; итак, владимирский князь обращается с новгородцами-воинами совершенно так, как бы они составляли Новгородское вече. Ср. еще подобные известия: Ипат. 1135 г., 1147 г. Новгород. I. 1169 г., Сузд. 1175 г., Воскр. 1371 г.

*(167) Случаи поголовного ополчения приведены во II т., где идет речь о пред. вед. веча.

*(168) В Псков, лет. сохранились некоторые указания на порядок распределения военной повинности. За основание при обложении военной повинностью брали имущественную обеспеченность человека; с известной ее меры, всякий раз особо определяемой, выставлялся один вооруженный человек. В Пек. I, под 1495 г. читаем: "и псковичи срубилися с 10 сох человек конный..." Такие воины назывались рублеными и отличались от охочих людей, которые выступали по личному желанию и вооружались на собственный счет. Там же под 1463 г. читаем: "А иная сила псковская, не рублении люди, охочей человек, в то же время ходиша за Избирско в слободу и воеваша немецкую власть..." На такое же распределение военной повинности по имуществу находим указание и в Воскр. лет. под 1469 г. В. к. Иван Васильевич посылает на Казань "всех москвич, коих пригоже, по их силе". В Новгородских летописях вместо "срубиться" встречаем выражение "крутитися на-войну" (Новгород. IV. 1137 г.).

*(169) Лавр. 1093 г., Ипат. 1149 и 1231 г. При описании поражения Мстислава Изяславича читаем: "и много изоимаша дружины около его: ...дворьскаго... тиуна и ины многи" (Ипат. 1171 г.). В числе этого рода служилых людей встречаем мечников, специальное название воинов по оружию (Ипат. 1146 г., 1175 г.). Гридей встречаем в Киеве, Новгороде и Владимире Сев. См.: Лавр. 996 и 1014 г. и Сузд. 1177 г. Они жили во дворе князя, в помещении, которое называлось гридницей.

*(170) Новгород. 1. 1245 г.: "а князь (Александр Новгородский) погонися по них (за Литвой) с своим двором и би я под Зижьчем и не спусти их ни мужа..." Воскр. 1310 г.: "князь же Святослав (Брянский) двором своим токмо много бився..." О псковском князе Александре Черторижском читаем: "а двора его, кованой рати, боевых людей - 300 человек..." (Псков. I. 1460 г. См. еще Новгород. I. 1220 г., Воскр. 1443 г., 1445 г., 1452 г., 1455 г., 1469 г., 1478 г.).

*(171) В Лавр, под 1093 г. читаем: "мнози бо надоша от полка его (Владимира Мономаха) и бояре его ту надоша"; в Ипат. под 1277 г.: "Мстислав и Юрий посласта лутьшеи свое бояре и слуги воевать с Тюймою..."; там же под 1280 г.: "убиша бо Ляхове от полку его (Льва Даниловича) многи бояре и слуги добрые" (Р. С. Ч. I. N 33, 35, 37).

*(172) Древнейшее свидетельство в пользу этого относится к X веку; в Лавр. лет. под 945 г. читаем: "отроци Свенельжи (воеводы Игоря) изоделитя суть оружием и порты". Там же под 1095 г.: "и начата думати дружина Ратиборя (мужа Владимира Мономаха) со князем Владимиром". Там же под 1127 г. встречаем "своих отроков" у тысяцких князей Андрея и Вячеслава Владимировичей, которые сопровождают их во время войны и посылаются ими ночью для ограбления побежденного города. Особенно любопытно место Ипат. лет. под 1211 г.: "бе бо вой Даниловых больши и креплейши, бяху бояре велиции отца его вси у него". В том же смысле надо понимать

и место той же лет. под 1231 г.: "Мирославу (галицкому боярину) пришедшему к нему (к князю Даниилу) на помощь с малым отроком..."

*(173) Лавр. 1015 г. В Ипат. под 1147 г. читаем: "Изяслав же созвабаяры своя и всю дружину свою, кияне" (т.е. киевское вече), а далее: "Изяслав же с братом своим Ростиславом... поидоста Киеву, рекше своей дружине, кияном и смолянном..." Там же под 1150 г.: "дружина" Изяслава дает такой совет своему князю: "княже! поеди Киеву своей дружине", в первом случае дружина означает только тех, кто сопровождал Изяслава в походе; во втором - всех киевлян. В Лавр, под 1096 г. читаем: "к Мстиславу же собращася дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы".

*(174) Лавр.; там же под 1024 г. читаем: "Мстислав же с вечера исполчив дружину, и постави север в чело противу Варягом, а сам ста с дружиною своего по крылома". В первом случае дружина означает северян, во втором - только служилых людей князя.

*(175) Лавр.; в Ипат. под 1147 г. читаем: "Мстислав же совокупився с дружиною и с переяславци..." и там же под 1151 г.: "дружина же Вячеславля и Изяславля, и Ростиславля и всих князей утягивахут от того, и Кияне, наипаче же Чернии Клобуци..."

*(176) Такое же словоупотребление находим и под 1169 г. Ипат.: "И рекоша ему дружина его: о собе еси княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали. Володимер же рече, възрев на децкы: а се будут мои бояре". Из ответа князя видно, что дружина, отказавшаяся следовать за ним, состояла из бояр. Подобно этому нижегородский князь, Константин Борисович, обращаясь к боярам своим, говорит: "Господие моя и братия и милая дружина" (Никон. 1391 г.).

*(177) Кроме того, слово "дружина" употребляется и еще в некоторых других смыслах; напр., для обозначения товарищей вообще и соратников в особенности, в Ипат. под 1180 г. читаем: "крило же их (воинов) в мале отлуцивше от дружине своее", (т.е. от центра); для обозначения особого отряда воинов, составленного с какой-либо специальной целью; там же под 1151 г. читаем: "повеле нарядити дружину из полков, а полков не рушити"; в Лавр, под 1067 г. киевляне называют своею дружиною князя Всеслава: "пойдем, - говорят они, - высадим дружину свою из погреба".

*(178) Что же касается до разных разрядов служилых людей, то не всегда бывает легко определить, который именно из них разумел летописец в том или в другом случае. Если говорится о "думе" князя с дружиной, можно предполагать, что дело идет о высшем разряде служилых людей, ибо они составляли обыкновенных советников князя; то же самое, когда говорится о передней или о старшей дружине. Наоборот, эпитеты - "уная", "молодшая" - указывают на отроков и детских.

*(179) В Ипат. лет. под 1150 г. встречаем чрезвычайно ясное различие народно го полка от княжеского: "а мы поедем в свой Киев, - говорит Изяслав Мстиславич, - а в сильный полк киевский аже въедем в не, то аз веде, ти ся за мя бъдат". Там же под 1160 г. читаем: "баше бо Володимер притягл с полком своим и с киевским полком"; под 1148 г.: "Изяслав воя полк у стрыя своего Вячеслава и володимерский полк приведе"; под 1153 г.: "И поиде Изяслав на Галич и Вячеславль полк воя с собой, Изяслав Давыдович пусти с ним свой полк, и сын его Мстислав приде с переяславским полком"; под 1180 г.: "Святослав же сняяся на пути с сыном Володимером и со всим полком новгородским, бе бо сын его Володимер княжа в Новгороде великом". Ср. еще Ипат. 1149 г., 1150 г., 1152 г., 1162 г., 1180 г., 1185 г. Что полки князя состояли из его служилых людей, видно из следующего места Ипат. лет. под 1291 г.: "Лев (Галицкий) приеха к своим полком, и рады быша ему бояре его и слуги его"; народ галицкий не входил в состав этих полков, иначе и о нем было бы упомянуто. Ср. еще там же 1280 г. Но нельзя утверждать, чтобы именем князя не называлось иногда и все его войско, из кого бы ни состояло. - "Исполнить дружину"

или "нарядити полк" значило построить войско к бою (Лавр. 1096 г.). С этой целью все воины составляли или один полк, или несколько. Так, в Новгороде в 1220 г. приверженцы посадника Твердислава становятся у Бориса и Глеба "полком, урядивше на 5 полков" (Новгород. I). Если воинов распускали из строя для отдыха, говорили: "людье... без ряду" (Ипат. 1277 г.). Пойти на неприятеля "полком" значило двинуться на него в боевом порядке (Лавр. 1096 г.). "Дать полк" - значит дать битву. Ипат. 1195 г.

*(180) Лавр. 1089 г. Но тысяча не была действительной арифметической тысячей. В Киеве была одна тысяча и один тысяцкий, точно так же в Перемышле, Смоленске, Новгороде и пр. Тысячи совпадали с городовыми полками.

*(181) Воскр. 1469 г.: "послал к. в. на казанские места рать в судех, воевода К.А. Беззубцев, а с ним многие дети боярские, двор свой, также и от всей земли своей дети боярские; а с Москвы послал сурожан" и т.д.

*(182) Черниговский епископ, призывая Святослава Всеволодовича на черниговский стол, приказывает сказать ему: "стрый ти умерл, а дружина (умершего князя) ти по городом далече" (Ипат. 1164 г.). Сюда же надо отнести и древнейшее известие о гридях, состоявших в Новгороде на жалованье.

*(183) Лавр. 1089 и 1231 г. Кроме того, иногда одно наименование употребляется вместо другого. Так, "воевода" Густинской летописи в Воскресенской назван "тысяцким", см. 1240 г.

*(184) Любопытное указание на это находим в Ипат. лет. под 1146 г. Игорь Ольгович, получив киевский стол по смерти брата своего Всеволода, призывает к себе Глеба, киевского тысяцкого, и говорит ему: "держи ты тысячу, как еси у брата моего держал". Известно, что в том же году киевляне отступили от Игоря и признали Изяслава Мстиславича; вместе с тем они испрашивают у него и нового для себя тысяцкого. Впрочем, одна перемена князя, сама по себе, еще не условливалась смены тысяцкого (см. Лавр. 1252 г.).

*(185) См.: Ник. 1138 г.; Ипат. 1147 г., 1164 г., 1187 г., 1213 г.; Новгород. I. 1215 и 1219 г.; Лавр. 1252 г.; Воскр. 1374 г. Новгородские договоры с князьями пишутся и от имени тысяцкого; в договоре Семена Ивановича с братьями встречаем подпись тысяцкого, как свидетеля.

*(186) В Новгороде и в учреждении тысяцкого встречаем те же отступления от общих порядков, какие были в учреждении посадника. С начала XIII в. Тысяцкие назначаются не князем, а вечем (Новгород. I. 1219). Кроме того, у новгородских тысяцких был свой суд (Новгород. IV. 1384 г.).

*(187) Чрезвычайно любопытное указание на это сохранилось в Ипат. лет. под 1147 г. В этом году киевский князь Изяслав Мстиславич предпринял в союзе с некоторыми из Ольговичей войну против Юрия Владимирского. Киевское вече не хотело поднять руки на Владимирове племя и отказалось принять участие в войне. Согласно с этим, киевский тысяцкий Лазарь не последовал за князем, выступившим к Суздалью с одними охотниками да служилыми людьми. Узнав об измене черниговских князей, Изяслав посылает в Киев посольство "к брату своему Владимиру, того бо бьшет оставил Изяслав в Киеве, и к митрополиту Климови, и к Лазореви, тысяцкому..."

*(188) Но и по уничтожении звания тысяцкого городовые полки не слились сейчас совершенно с княжескими. Они продолжали выходить в поход под начальством особо назначаемого для них воеводы. Эта особенность выразилась в княжеских договорах в условии: "А московская рать, кто ходил с воеводами, те и нонеча с воеводами, а нам их не принимати" (Р. С. г. г. и Д. ч. I. N 33).

*(189) Так, напр., Ярослав назначает особого воеводу для войны с греками Воскр. 1043 г.; подобно этому Даниил Романович поручает своему дворскому предводительство войсками в походе на Перемышль (Ипат. 1241 г.); в Галиче

воеводам раздаются города, чего не могло бы быть, если бы со званием воеводы соединилась постоянная должность (Ипат. 1235 г.).

*(190) Позднейшая история Пскова и по отношению к этому вопросу представляет особенность. Мы встречаемся здесь со случаями назначения ратных воевод вечем (см.: Псков. I под 1463 г.).

*(191) При описании Новгородского похода 1471 г. читаем: "также и князя великаго воеводы творяху, кийждо на свое место послан" (Воскр.). В источниках встречаем "великих" и "больших" воевод (Воскр. 1380 и 1450 г.); но это не от власти над другими, а от числа поручаемого их ведению войска.

*(192) В Ипат. под 1180 годом читаем: "Лепшии муки остались бяху: Лазарь, воевода, с полком Рюрика и Борис Захарьич с полком своего княжича Володимера" и пр. Ср. еще Ипат. 1241 и 1281 г.; Воскр. 1378 и 1445 г.

*(193) Примеры непослушания князю и самовольных распоряжений воинов во время самого хода военных действий встречаются как в древнее время, так и позднее. В Лавр. лет. под 1096 г. читаем: "Володимер же хоте нарядити полк, они же (т.е. воины) не послушаша, но удариша в коне к противным". В 1127 г. жители города Изяславля сдались Вячеславу под условием, что он "не даст их на щит". Несмотря на это, Воротислав, тысяцкий князя Андрея, и Иванко, тысяцкий Вячеслава, ночью послали своих отроков грабить город. Остальные воины, узнав об этом на рассвете, бросились на Изяславль и взяли его на щит "едва Мстиславны товар ублюдоша", (дочери Мстислава Киевского и жены Брячислава, оставленной мужем в Изяславле) (Ипат. 1127 г.). Ср. еще приведенное уже место об обороне Днепровского брода (Ипат. 1151 г.). В Воскр. лет. под 1433 г. при описании битвы в. к. Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем читаем: "С князем Юрьем множество бе вой, а у великаго князя добре мало, но одинако сразишася с ними; а от москвич не бысть ни коея помощи, мнози убо от них пиани бяху, а инии с собою мед везяху, что пити еще".

*(194) В Ипат. под 1185 г. при описании нападения половцев на Переяславль, читаем: "Володимер же Глебович бяше князь в Переяславле, бяше же дерз и крепок к рати, выеха из города и потче к ним, и по нем мало дерзнув дружине, и бися с ним крепко. И обступивши мнозии и Половце, тогда прочий, видевшя князя своего крепко бьющяся, выринушася из города, а тако отъяша князя своего, язвена суца тремя копы". Константин Всеволодич перед Липецкой битвой на совет союзников своих, - обойти неприятельскую рать и направиться прямо к Владимиру, отвечал: "Люди мои к боеви недръзи, и если пойдём к Владимиру, они разойдутся по городам" (Воскр. 1216 г.).

*(195) Проистекающее отсюда отсутствие единства команды было главной причиной поражения русских князей на Калке, см.: Ипат. под 1224 г. Во время совокупного похода на Литву южных князей Мстислава, Юрия и Володимера двое первых, "утаившяся Володимера", послали войска свои в отдельную экспедицию. Ср. еще Сузд. 1186 г.

*(196) В Ипат. под 1187 г., при описании похода русских князей на половцев, читаем: "Володимер же Глебович приеха к ним (к Святославу, Рюрику и друг, князьям, собравшимся в поход) из Переяславля с дружиною своею и испросися у Святослава и у Рюрика ездити наперед с Черным Клобуком. Святослав же (киевскому князю) не любяшет пустити Володимера наперед перед сыны своими, но Рюрик и инии вси улюбиша, за не бе муж бодр и дерзок и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела".

*(197) Относительно наступательных военных действий, начало это выражалось в следующей формуле: "которые бояре твои живут в наших уделах и в великом княженьи, а те бояре с тобою (выступают в поход); а коли ми послати своих воевод из которых городов, и твои бояре поедут с твоим воеводою, а твой воевода с

моим воеводою вместе; а кто живет наших бояр в твоей отчине и в уделе, а тем по тому же" (Р. С. г. г. и Д. ч. 1. N 35); Ср. еще там же N 37, 43, 46, 47, 49, 53, 61, 64, 91, 92, 95, 108, 128, 133, 160). Наоборот, для войны оборонительной существовало другое начало, выразившееся в следующей формуле: "а городная осада, где кто живет, тому туто сести", т.е. во время осады города для его защиты должны явиться все живущие вблизи города, хотя бы они служили и не тому князю, которому принадлежит город; из этого исключались только бояре введенные и путные, которые, как имеющие особое назначение, не обязывались являться на защиту своего города (Р. С. г. г. и Д. ч. 1. N 35, 45, 64 и др.). Там же в N 33 это начало принято и для войны наступательной.

*(198) О подчинении воевод князей-союзников одного другому также нет указаний. Выражение договора Дмитрия Юрьевича с Василием Васильевичем: "а моим воеводам идти под твоим воеводою" надо считать опиской, ибо оно не повторено во втором экземпляре того же договора и не вошло ни в один из последующих договоров между теми же князьями (Р. С. г. г. и Д. ч. 1. N 54, 55, 56, 57, 58, 59).

*(199) Условия первого рода выражались в следующей формуле: "А где, господине князь великий, самому тебе всести на конь противу своего недруга и мне пойдти с тобою без ослушания; а где пошлешь на свою службу своих воевод, и мне послати с твоими воеводами своего воеводу с своими людьми" (Р. С. г. г. и Д. ч. 1. N 28, 45, 48, 62, 65 и пр.). Для второго рода условий служила формула: "А где ми будет самому великому князю всести на конь, и тебе со мною пойдти; а где ми тебя послати, и тебе пойти без ослушания; а где пошлю своих воевод и тебе послати с моими воеводами своего воеводу с своими людьми" (там же. N 23, 46, 47, 52, 84, 92, 97, 99, 113 и пр., ср. еще там же N 43, 115, 119). Эти условия, определяя исключительно порядок выступления в поход союзных войск, соединяются с самым разнообразным содержанием договоров (ср. там же. N 80 и 84).

*(200) Только о новгородских гридях находим известие, что в XI в. они получали содержание деньгами; в Лавр, под 1014 г. читаем: "Ярославу же сущю Новегороде и уроком дающю Киеву две тысяче гривне от года, а тысячу Новегороде гридем раздав аху".

*(201) В Ипат. под 1142 г. читаем: "Изяслав же слышав, что брат его (Ростислав Смоленский) воует волость их (черниговских князей), и еха из Переяславля вборзе в землю Черниговскую и повоева около Десны села их около Чернигова; и тако повоевав волость их възратися в свояси с честью великою". Там же под 1229 г. русские князья заключают мир с польскими с условием: "не воевати ляхом русское челяди, ни руси лядской", т.е. не брать в плен. В Воскр. лет. под 1471 г. читаем: "Воти же князя великаго после бою того воевали много посады новгородские и до немецкаго рубежа по реку Нерову, и великое место, завое Новое село, поплешиша и пожгоша". В договоре Ивана Федоровича Рязанского с Юрием Дмитриевичем Галицким читаем: "А что есми посылал свою рать с твоим братаничем, с князем Василием, и воевали, и грабили, и полон имали; ино грабежу тому всему погреб". В последнем случае слово "грабеж" употреблено вместо: "воевали, и грабили и полон имали" (Р. С. г. г. и Д. ч. 1. N 48).

*(202) Воскр. 1186 г. В Ипат. под 1148 г. читаем: "И приидоста (Изяслав и Ростислав) к Ксънятину, и ту им от Юрия вести не бысть и начаста города его жечи и села и всю землю его воевати обапол Волги". Ср. еще там же 1152 г., 1170 г., 1171 г., 1191 г., 1193 г.

*(203) Из указанного уже места Лавр. лет. под 1127 г. видно, что грабеж Изяславля начали отроки тысяцких, посланные ими для этой цели тайком; на рассвете же к ним присоединились и все остальные воины. По взятии Киева в 1171 г., его грабят в течение 2 дней: смольняне, суздальцы, черниговцы, Ольгова дружина, а

также и дружины прочих князей. Дружина Владимира Андреевича отличалась при этом не менее других. Когда, по смерти этого князя, пришлось везти тело его в Киев, она отказалась следовать за ним: "Княже, - говорят служилые люди покойного князю Давыду в ответ на предложение его проводить до Киева тело умершего, - ты сам ведаеши, что есмы издеали кияном; а не можем ехати, избыют ны" (Ипат.).

*(204) Это начало выражается в следующей формуле: "А что были межи нас в наше нелюбье войны и грабежи... и тому грабежу всему погреб на обе стороны" (Р. С. г. г. Д. ч. I N 43, 48, 56, 65 и др.). Но для этого требовалось, чтобы добыча была сделана в период "нелюбья" или "размирья", т.е. в период войны, открывшейся установленным порядком, возвращением складных грамот. Согласно с этим, в договорных грамотах встречаем условия, коими выговаривается возвращение добычи, сделанной до объявления войны или по заключении мира (См. там же. N 28, 54). В договоре Дмитрия Ивановича Московского с Михаилом Тверским находим место, из которого видно, что это право освоения не простиралось на церковные вещи: колокола, книги, кузнь, они подлежали возвращению (там же. N 28).

*(205) Означенное место летописи читается так: "Руси бо беаху полониле много челядь и боярыне. Створиша же межу собою клятву Русь и Ляхове; аще по сим межи ими коли будет усобица, не воевати Ляхом Русское челяди, ни Руси Лядьской". Надо думать, что рассматриваемое условие не совсем точно записано летописцем. Судя по поводу, его вызвавшему: "Руси бо беаху полонил многу челядь и боярыне", необходимо допустить, что союзники обязались не брать в плен не одну челядь, но и вообще пленников, кто бы ни был.

*(206) Ипат. 1144 г., Новгород. I, 1214 г., Воскр. 1376 г. Эти контрибуции, по крайней мере в некоторых случаях, могли иметь значение откупа от взятия на щит.

*(207) Ярослав после победы над Святополком оделяет "смердов, старост и новгородцев" - всех без различия (Воскр., 1019 г.). Подобно этому там же под 1376 г. читаем: "Князь же Болгарский... доби челом великому князю и тестю его Дмитрию Константиновичу двема тысячемя рублев; а ратем их трема тысячемя рублев".

*(208) Ипат. 1187 г.; ср. еще подобную же похвалу Святославу и Давыду Ростиславичам (там же 1172 и 1197 г.).

*(209) Лавр. 1018 г., здесь дело идет о продовольствии союзных войск польского короля Болеслава Храброго. Тот же корм означает и древний термин "зажитье". В Новг. 1, под 1216 г. читаем: "Мстислав же поиде Серегерем, и вниде в свою волость, и рече новгородцем: идите в зажитья, толико голов не емлете; идоша, исполнишася корма и сами и кони". В выражении "толико голов не емлете" заключается указание на размеры корма: воины не должны были ни уводить с собою стад, ни бить скотину на месте. Указаний на более точное определение корма источники не сохранили; см. следующее прим. В летописях встречаем жалобы на превышение воинами всякой меры при собирании корма. В Воскр. под 1438 г. читаем: "Идущим же им к Белеву (воином в. к. Василия Васильевича), вся пограбиша у своего же православнаго христианства, и мучаху людей из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху..." Ср. еще Пек. 1, 1474 г. Слово "зажитье" с присоединением слова "воевать" употребляется и для обозначения способа продовольствия войск в неприятельской земле. В Пек. 1, под 1234 г. читаем: "Иде Ярослав на немцы и пусти вой воевати в зажитье; немцы же из городов высунушася... на сторожей, и бишася с ними".

*(210) Р. С. г. г. и Д. ч. I. N 76: "а корм взяти, а не корыстиватися ни ни чем". Это различие "корма" и "корысти" указывает на то, что под кормом разумелось нечто определенное, хотя, может быть, только обыкновенными потребностями здорового человека.

*(211) В Воскр. под 1478 г. читаем: "Еще же князю великому, на Волоце суцу, присла противу ему князь великий Михайло Тверской сына боярского своего,

отдавати кормы по отчине своей" (на походе к Новгороду).

*(212) Тверская десятня. 1622 г. С. 12.

*(213) Рязская десятня. 1597 г. С. 391.

*(214) Книги разрядные. I. 801.

*(215) Коломенская десятня. N 83.

*(216) Рязская десятня. С. 307.

*(217) Зубцовская десятня. 1622 г. N 1. А. И. IV. N 140, 1660. А вот еще любопытное место в Орловских актах (I. С. 139, 1678): "Осип... сдал... драгунскую службу в Орлове: двор и землю и жеребий свой". Второй союз "и" лишний: "жеребий свой" - это и есть двор и земля. Здесь службой названы двор и земля, данные для обеспечения службы.

*(218) Что такое дети боярские, помещики и дворяне, - об этом речь идет выше.

*(219) А. И. II. N 259. Книги разрядные. I. С. 174, 564, 946, 1107.

*(220) Опис. докум. и бум. IV. Списки служилых людей.

*(221) Древн. разр. кн. 213, 1560. Кн. разр. 49, 1614.

*(222) Под казаками я разумею не донских и малороссийских, а городских, которые стояли по московским городам.

*(223) А. И. II. 46, 1694; А. Э. III. N 287, 1639; Д. к А. И. IV, N 128, 1663; Атемарск. десят. 1679 г. Введение. Рус. ист. библ. XV.

*(224) А. И. IV. N 31. II.

*(225) Доп. к А. И. I. N 47. 1554.

*(226) А. И. V. 47. Доп. к А. И. VI. N 16, 1670; Атемарская десят., 1679. 440.

*(227) Орловск. ак. Ст. 390, 1681. Атемар. дес. 306, 414, 430. Доп. к А. И. IV. N 128, 1663. Ук. кн. помест. пр. 89, 1635. Опис. бум. и док. IV. С. 454.

*(228) Рязские десяти 1591 года. N 511 и сл. и 1597 года. N 620.

*(229) Рязск. десят. 1597 года. N 545, 554, 557, 560 и 561.

*(230) Ц. Суд. С. 81.

*(231) Опис. док. и бум. VIII десяти. С. 89.

*(232) Симбир. сборы. разряд. кн. 1577 года; Кн. разряд. I. С. 9 и 72; А. Э. III. N 64.

*(233) Верстальные списки московских дворян не открыты.

*(234) Сторожев В.Н. Тверское дворянство. Вып. III и IV.

*(235) Напечатана в извлечении у Сторожева В.Н. Вып. II. С. 140.

*(236) Книги разряд. I. 125.

*(237) Воронеж, акты. III. 173, 1671.

*(238) Тверск. двор. Вып. I. 108.

*(239) Рязская дес. 1579 года. С. 236.

*(240) Приведенную скалу я извлек из документа, напечатанного в Арх. ист. юрид. свед., кн. III, под заглавием: "Книга боярская 1556 г.". Это не боярская книга. Боярские книги сохранились в Московском архиве Мин. юстиции; они содержат в себе списки служилых людей, начиная с высших придворных чинов, бояр, за ними идут окольниковые, потом крайчий, у ествы и т.д. Здесь же мы имеем дело с древнейшим служилым списком, во многом сходным с позднейшими, напечатанными под именем десятиен. Здесь также указаны размеры поместий, вотчин, денежного оклада, вооружение, число коней и пр. Но есть и особенности. Это не список детей боярских известного города, а, кажется, список кормленщиков. У каждого показано его кормление, а у некоторых отмечено, что кормление за ним не сыскано. В числе перечисленных находим лиц разных городов. Начала списка недостает. Всего перечислено 196 лиц, - в этом числе к московским дворянам, по их первоначальному списку 1550 г., принадлежат 54 человека.

*(241) Сторожев В.Н. Тверск. дес. 1621 года; Указн. кн. помести, прик. 116,

1645; Архив кн. Баюшева. N 138, 1641.

*(242) Книги разряд. I. С. 125.

*(243) Книги разряди. I. 431, 1617 год.

*(244) Опис. док. и бум. VII. С. 330, 345, 420. Сторожев В.Н. Вып. IV. 57; Указ. кн. пом. пр. 55.

*(245) Книги разряди. I. 794, 1621.

*(246) Кн. разряди. С. 641; Опис. док. и бум. VIII. С. 457; Сторожев В.Н. Вып. II. С. 56.

*(247) А вот еще весьма любопытная точка зрения на жалованье: воронежский сын боярский говорит, что "за его службы и за смерть убитого племянника жалованья ему не дано" (Воронеж, ак. С. 171, 1670).

*(248) Доп. к А. И. I. N 124. Книги разряди. I. 579.

*(249) Указания на такие случаи выдачи жалованья очень многочисленны, приведем немногие: Ак. ист. ГУ. N 256, 1675. Муромск. десят. С. 90, 1605. А. Э. III. N 237. 1633.

*(250) Выдачу жалованья без указания на предстоящий поход, т.е. заранее, находим в нескольких десятнях конца XVI века, епифанской и двух рязских. Рязанам дано было жалованье в 1591 году по десятне 1584 года, а в 1597 по десятине 1593 года. Если при выдаче жалованья ссылка делается на десяти 1584 и 1593 года, то из этого надо заключить, что в промежутки от 1584 до 1591 и от 1593 до 1597 не было других выдач. Если бы такие выдачи были, на них надо было бы сослаться и отправляться от них, а не от более старых десятен. Итак, рязанам было дано жалованье в 1591 и 1597, а может быть, и в 1584 и 1593 годах. В первом случае промежуток между двумя выдачами будет в 6 лет, во втором будут три разных промежутка в 7, 2 и 4 года. Следовательно, выдачи жалованья, не вызываемые предстоящим походом, отделяются одна от другой значительным временем и разным. Это опять дело усмотрения правительства. Определенных сроков не было.

В Рязской десятне 1579 года встречается, однако, слово "срок": рязанам, при выдаче жалованья, - "не додано по рублю, потому что их денежному жалованью по государеву указу до срока деньги даны за два года". Что это за срок? Нет основания думать, что были определенные сроки выдачи жалованья. Из рязан в 1579 году выбрали 100 лучших для немецкого похода; а так как они до этого срока два года тому назад получили уже жалованье, то им теперь дано жалованье с убавкой кому в два рубля, кому в полтора, а кому в рубль. Слово "срок" употреблено здесь в том же смысле, в каком русский человек и теперь говорит, потрясая высоко поднятым кулаком: дай мне срок, я тебя выучу!

Среди рязских десятен XVI века напечатана десятня 1594 года. Следующая за ней десятня составлена в 1597; как я сказал, она ссылается на десятню 1593 года как на свою предшественницу, а десяти 1594 года не знает. Как же это? Заголовок десяти 1594 года сделан другой рукой, как говорит издатель, и письмом XVII века, а не XVI-го. Надо думать, что эта десятня или неправильно отнесена к 1594 году, или что ссылка десяти 1597 года имеет в виду десятню денежной раздачи, а не просто верстальную, какова десятня 1594 года.

*(251) Доп. к А. И. I. N 91; III. N 36, 1647. N 91. 1651. IV. N 154. 1664 и намек на получение годового жалованья небольшим числом детей боярских в Коломне. Опис. док. и бум. VIII. С. 42. 1577.

*(252) Доп. к А. И. I. N 80.

*(253) Кн. разр. I. 4, 1614.

*(254) В предисловии к Кормленной книге Костромской четверти высказано мнение, что жалованье лицам "пущеным в четь" выдавалось ежегодно в отличие от дворян и детей боярских, получавших его с городом лишь через несколько лет. Это мнение совершенно не соответствует господствовавшему у нас порядку.

- *(255) Опис. док. и бум. VIII. С. 308, 309, 429, 1591 и 1597.
- *(256) Рязская дес. 1579, 221; Переяславск. дес. 1590, 62; Кн. разр. I. 10, 1614.
- *(257) Опис. док. и бум. VIII. С. 419, 1597; Тверское двор. в. II. 9.
- *(258) Рязск. дес. 1591. N 489-493.
- *(259) А. Э. III. N 234, 1633.
- *(260) Термин "свершение 6, 7, 8 р." и т.д. встречается в десятнях XVI века очень часто, но смысл его не всегда ясно бросается в глаза, а потому считаю нелишним привести несколько мест, в которых значение его несомненно.
- "489. Ф.И. Ретюнской имал свершенные 6 р.; сказали про него окладчики, что убили его в 99 г. крымские люди... и по выспросу окладчиков Федоре, жене Рютинского, дано мужа ея оклад 6 р." (Опис. док. и бум. VIII. С. 313).
- Рязския дети боярския в 1584 году были поверстаны новичным окладом в 100 четей и 5 рублей. В 1591 году им дали денежное жалованье по 5 р. Это жалованье называется то первым (первые 5 р.), то свершенным. Оно, действительно, и первое, и свершенное, т.е. без убавки (Там же. С. 296).
- *(261) Они были разделены на три статьи, первая получила 25 р., ее составили те, что "оставались на службе по 18 октября, по отход окольного кн. Прозоровского, и съехали после отходу, и которые, по окладчиковым сказкам, были отпущены из-под Смоленска до отхода к Москве, с отписками, и с языками, и со всякими государевыми разными делами, и ранены и больны, а у разбору на Москве государево жалованье дано им было по 25 рублей человеку, и ныне им государево жалованье дано по 25 р.; а другой статье, которые были под Смоленском и на Белой, а у разбору на Москве государево жалованье имали по 25-ж рублей, а съехали из под Смоленска, не дождавшись отходу окольного кн. Прозоровского, самовольством, без отпуску, и тем государево жалованье дано против государевы указные статьи по 20 рублей человеку; а которые дворяне и дети боярския государево жалованье имели на Москве у разбору по 20 и по 15 рублей, а были на государеве службе под Смоленском и под Белой, а тем всем по государеву указу государево жалованье одна статья, дано по 20-ж рублей человеку". Это жалованье не по окладу, а по особому государеву указу. Из приведенного места видно, что одни и те же лица могут получать по 25 р. и по 20, по 15 и по 20, при том же окладе, это в зависимости от оценки их службы в известном походе, причем не делается нового верстанья и никакой перемены в окладе не происходит. Для одних это прибавка, для других уменьшение (Сторожев В.Н. В. II. С. 7).
- *(262) Сторожев В.Н. В. II. С. 137 и 138. В. I. С. 32. Разр. кн. I. С. 579.
- *(263) А. Э. III. N 238.
- *(264) Опис. док. и бум. VIII. С. 365 и 384.
- *(265) А. И. IV. N 76, 1654.
- *(266) Архив кн. Баюшева. Т. I. С. 3.
- *(267) Эти любопытные сведения находим в вышеприведенной Боярской книге.
- *(268) Рязск. дес. 1591 г. С. 273, 1647. N 35, 42, 44 и 45. Тверск. дес. 1621. N 30 и 36.
- *(269) Доп. к А. И. III. N 36. II. N 146. V. N 55.
- *(270) А. И. I. N 228. N 1589.
- *(271) А. Э. III. 190. 1632. N 287, 1639.
- *(272) Подробнее об этом в III т. "Древностей".
- *(273) Указн. кн. пом. прик. N 55а.
- *(274) Тверск. дес. N 73, 110, 113, 117. Кашин, дес. N 19, 23, 38. Рязск. д. 1594 года. N 469, 515, 523.
- *(275) Зубцовская десятня. С. 80.
- *(276) Без рубрик все четыре рязских списка от 1591 года по 1647 год. В

списках Коломны и Переяславля XVI в. нет выбора.

*(277) Древн. разр. кн. С. 40.

*(278) Симб. сбор. С. 115.

*(279) Книги разрядные. I. 44.

*(280) Древн. разр. кн. С. 42, 121, 155, 156, 1546-1552; Симбирск, сборн. С. 590, 1572.

*(281) Коломен. дес. 1577. N 4 и 5.

*(282) Тверск. дес. 1621. N 7, 19, 27, 31, 32; Опис. док. и бум. VII. С. 35. N 236, 237.

*(283) Четь равнялась полдесятине. Приведенные цифры четей обозначают количество земли в одном поле; всей пахотной земли было втрое более. К этому количеству надо еще прибавить луга и леса.

*(284) Указ. кн. помести, прик. 33.

*(285) Муромск. дес. 1597 г. N 155.

*(286) Опис. док. и бум. VIII. С. 453.

*(287) Выражение "записаться по Ростову" см.: Зубцовск. десят. С. 107. N 5.

*(288) I отд. С. 373.11-1436.

*(289) Сергиевский. Наказание в русском праве XVII века. 1888.

*(290) Доп. к А. И. I. N 52. Опис. док. и бум. VIII. 253, 391. Рус. ист. библи. 15. Кормов, кн. 1619-1627. Указан, к пом. прик. 91.